

Пока чародея не было дома
Чародей-еретик

Кристофер
Шташеш

Пока чародея не было дома
Чародей-еретик

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Кристофер
Шташеш

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

CHRISTOPHER
STASHEFF

The Warlock
is Missing

The Warlock Heretical

КРИСТОФЕР СТАШЕФ

Пока чародея
не было дома

Чародей-еретик

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

С78

Серия основана в 1999 году

Christopher Stasheff

THE WARLOCK IS MISSING

1989

THE WARLOCK HERETICAL

1987

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с английского Н.А. Сосновской

Художник М.Н. Калинин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Spectrum и Nova Littera Ltd.

Подписано в печать 14.08.03. Формат 84×108¹/₃₂.

Усл. печ. л. 31,92. Тираж 8000 экз. Заказ № 1920.

Сташеф К.

С78 Пока чародея не было дома. Чародей-еретик: Фантаст. романы / К. Сташеф; Пер. с англ. Н.А. Сосновской. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 604, [4] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-011073-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-0440-7 (ЗАО НПП «Ермак»)

Кристофер Сташеф — человек, который сумел сказать собственное — бесконечно оригинальное слово — там, где сделать это было уже практически невозможно. То есть — в жанре иронической фэнтези. В мире высоких замков, сильно нуждающихся в ремонте, прекрасных принцесс, из последних сил правящих разваливающимися по швам королевствами, обольстительных и веселых ведьмочек, гнусных до неправдоподобия монстров и — ЧАРОДЕЕВ ПОНЕВОЛЕ. Чародеев, чье единственное оружие в мире «меча и магии» — юмор, юмор, и еще раз юмор!

Мы росли на саге о невероятных приключениях достославного сэра Рода Гэллоугласса.

Мы — выросли. Приключения — остались.

Мы никогда не сумеем вырасти из этих приключений!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

© Cristopher Stasheff, 1989, 1987

© Перевод. Н.А. Сосновская, 2003

© ООО «Издательство АСТ», 2003

Пока чародея
не было дома

Изабель-Марии в благодарность за единорога

С благодарностью

Обществу научной фантастики Нью-Джерси

Жили-были трое маленьких чародеев и волшебница, и не было у них мамочки и папочки.

Нет, конечно, на самом деле были у них и мамочка, и папочка. Просто-напросто родители как-то раз вечером ушли прогуляться, а детей оставили с нянькой, а нянькой был не кто-нибудь, а эльф. Звали этого эльфа Пак (на самом-то деле настоящее его имя было Робин Добрый Малый, но большинство людей предпочитало называть его этим прозвищем), и был он необычайным хитрецом и пакостником. То есть он был таким непревзойденным хитрецом и пакостником, что дети, хотя и сами отменно владели разным волшебством, не смели его послушаться и все делали в точности так, как он им велел. Они даже спать улеглись вовремя.

Лечь-то они легли, но не заснули. Мальчишки принялись перешептываться, а девочка вскоре перебралась к ним. У нее имелась собственная спальня, но там было вовсе не так интересно, как в спальне у мальчишек — в том смысле, что там не было других детей.

— Вообще-то им уже пора бы вернуться, — прошептал Магнус, самый старший из детей, — ему уже исполнилось двенадцать.

— Да нет, не может быть. Еще не так уж поздно, — возразила Корделия, которой было десять лет — то есть

почти столько же, сколько Магнусу, о чем она напоминала братцу два раза в день, а то и чаще.

— Нет, уже очень даже поздно, — заявил Джеффри, глянув в окно, за которым горели звезды. — Плуг уже поднялся выше холма Кухулина.

Джеффри было всего-то семь лет, но он уже знал, что ночью небо движется наподобие огромного колеса. И еще он знал, что звездные картинки, называемые «созвездиями», каждый час занимают определенное место.

Корделия сдвинула брови:

— Но куда они могли подеваться?

Магнус пожал плечами:

— Мало ли куда? Может быть, на них из засады напала целая шайка троллей.

— Бедные тролли, — сокрушенно вздохнул Джеффри.

— А ты, похоже, жалеешь, что ты здесь, а не с ними, — укорила брата Корделия.

— Немножко жалею, — признался Джеффри. — Но ты должна понимать, что любой шайке троллей очень даже не поздоровится, если они посмеют ополчиться против наших родителей.

Их мать, Гвендилон Гэллоугласс, была колдуньей, но притом — необыкновенной красавицей, а их отец — Род Гэллоугласс, был чародеем — именно так называют мужчин, владеющих волшебством наравне с колдуньями.

— А может быть, их позвали король и королева? — высказал предположение Грегори, самый младший, которому было всего шесть лет. Однако он уже знал, что порой король и королева их страны призывали к себе родителей, дабы те оказали им помощь, когда королевству Грамерай грозила беда.

— Точно! — воскликнула Корделия и рывком села на кровати, сверкая глазами. — Наверное, аббат и его монахи опять подговорили баронов выступить против короля и королев!

— А может, им опять угрожает злой колдун! — подхватил Грегори, глазенки которого тоже зажглись.

— Ага, а может, из лесу вышло целое войско страшных чудищ! — со злорадной усмешкой проговорил Джеффри, который обожал войска. И чудищ тоже.

— А может... А может, на королевский замок напали призраки! — вскричал Магнус.

— А может быть, — слышался густой басок со стороны двери, — волшебнице и чародею просто-напросто очень хорошо вдвоем, наедине, без приставучих детишек? И может быть, им так хорошо, что они задержались на прогулке дольше, чем собирались, и бродят сейчас посреди цветов и наслаждаются прохладным ночным воздухом? А может быть, эти четверо несносных детишек еще не спят, хотя им давным-давно пора было уснуть, а?

Мальчишки проворно нырнули под одеяла, а Корделия — под кровать Магнуса.

Эльф росточком в полтора фута, исполнявший обязанности няньки, вошел в спальню.

— Стыд вам и срам! — вскричал он гневно. — Неужто ваши родители не имеют права хоть один вечерок скоротать вдвоем? А вы-то хороши, нечего сказать! Взялись напускать на них всяческие злодеяния!

— Но мы вовсе ничего на них не напускали, Пак! — горячо возразил Джеффри.

Все четверо маленьких Гэллоуглассов не только умели читать чужие мысли, но могли при случае и навязать кому угодно собственные.

— Ну, не напускали, допустим, — проворчал Пак. — Зато вы не спите и поджидаете, когда отец с матерью вернутся, чтобы сразу на них накинуться со своими приставаниями!

— Вотсе нет! У нас и в уме такого не было! — обиженно воскликнул Магнус.

— Вот-вот, и не вздумайте! — свирепо сдвинул брови Пак. — А теперь лежите смирно да закройте глаза и рты тоже! А не то я сам их закрою!

Мальчишки тут же послушно зажмурились. Они хорошо помнили, что случилось в последний раз, когда Джеффри вздумал огрызаться в разговоре с Паком. Мать целый час билась, пока придумала, как снять висячий замок с его губ.

— А ты, барышня, тоже хороша! Ну-ка, немедленно отправляйся к себе, и чтобы духу твоего здесь не было! — приказал Пак Корделии и сердито указал на дверь.

Пару секунд в комнате было тихо-тихо, а потом из-под кровати Магнуса выкатилась Корделия и вскочила на ноги.

— Какой же ты зловредный, Робин! — в сердцах воскликнула девочка и пулей выскочила из мальчишеской спальни.

Пак проводил ее взглядом, видимо, прикидывая, как она будет выглядеть с выпученными глазами и перепончатыми лапками. Похоже, он сразу отбросил эту мысль, поскольку развернулся к мальчикам и проревел:

— Спать! А не то вас всех заберет хобгоблин!

— А кто такой хобгоблин? — поинтересовался Магнус, приоткрыв один глаз.

— Это я, — буркнул Пак. — Спать!

И он вышел, громко хлопнув дверью.

Минуты три мальчишки лежали тихо, как мышки.

Потом Джеффри прошептал:

— А как думаете, он и вправду может...

Дверь с грохотом распахнулась.

— Спать, я сказал! — проревел Пак.

И дети заснули.

А когда поутру они спустились вниз к завтраку, то увидели крайне обеспокоенного Пака, который сидел у камина, подперев подбородок кулачком. Дети окружили эльфа.

Они стояли молча, широко раскрыв глаза. Наконец Магнус оторопело проговорил:

— Так, значит, они не вернулись домой?

Пак отмахнулся:

— Да ну, ерунда! С первыми лучами солнца они переступят порог, вот увидите.

Грегори быстро глянул за окно:

— Солнце уже взошло, Пак. А ты не знаешь, где наши мама с папой.

— Я?! Не знаю?! — Пак выпрямился и одарил Грегори самым возмущенным взглядом, на какой только был способен. — Откуда у тебя только взялась подобная мысль?!

Грегори покачал головой:

— Если бы ты знал, где они, твой взгляд не был бы таким встревоженным.

— Уж больно ты прозорлив, — проворчал эльф. — Не по нраву мне это.

— Мне тоже, — кивнул Грегори. — Потому что, если ты не знаешь, где они, значит — они пропали.

— Что?

— Нет!

— Да что ты такое говоришь! — обрушились на Грегори братья и сестренка.

Но Грегори только головкой покачал:

— Если уж Колдовской Народец не знает, где наши папа с мамой, стало быть, их нет в Грамерае.

— И как же ты об этом догадался, интересно знать? — пробурчал Пак и пытливо всмотрелся в глаза Грегори.

Малыш пожал плечами:

— Да очень просто. Что ведомо одному из Колдовского Народца, то знают все. Не бывает ничего на свете, о чем бы не знали твои сородичи. По всей стране обитают пикси, эльфы и фэйри, и нет самого крошечного клочка земли, какой бы ни был им виден. И раз уж вы не знаете, где наши родители, значит, их нету в Грамерае.

— Но они не могли пропасть! — вскричала Корделия. — Как же нам жить без них?!

— И как без них обойдется королевство? — выдохнул Пак. У Грамерая было много врагов, с которыми мог справиться только Верховный Чародей и его жена.

— Да как же... как же ты можешь так говорить! — воскликнул Джеффри и в отчаянии раскинул руки. — Как ты можешь тут стоять и спокойненько говорить про то, что наших папу с мамой постигла неведомо какая судьба?!

— Нет! — горячо возразил Магнус, обнял Грегори и крепко прижал к себе. — Не будь так жесток к собственному брату! Наверное, он так же напуган, как и ты...

— Я ничего не боюсь! Никогда!

— Ну, скажем иначе: ты встревожен, — процедил сквозь зубы Магнус. — Грегори встревожен, и ты тоже, хотя ты настолько храбр, что не показываешь виду.

— Но я вовсе не тревожусь, — взглянув на брата, сказал Грегори. — И я не боюсь, потому что папа с мамой и раньше исчезали. Правда ведь, они исчезали? Но потом вернулись обратно.

Все замерли, глядя на малыша. Наконец Магнус осторожно проговорил:

— И ты это помнишь?

— Ты тогда был совсем малюткой! — возразила Корделия. — Тебе всего-то полгодика было! Да я сама-то про это помню плохо!

— Я тоже, — широко раскрыв глаза, пролепетал Грегори. — Только все-таки почему-то знаю, что они пропали... а потом вернулись.

— Это воспоминания, — объяснил Пак, — только они прячутся так глубоко, что ты сам этого не ведаешь. Между тем ты прав, малыш: твои родители действительно как-то раз пропали без вести, и твои братцы и сестренка вместе с ними.

Он умолчал о том, что именно малютка Грегори вернул родителей, братьев и сестру в Грамерай. Они были перенесены в другой мир, в волшебную страну, и смогли вернуться только потому, что сознание крошки Грегори, тоскующего по матери, дотянулось до пространства между мирами и притянуло все семейство домой. Подобное могущество было бы удивительно даже для взрослого человека, не говоря о полугодовалом малютке.

— Они пропали, а потом вернулись, — с улыбкой повторил Грегори.

Улыбался он редко. Неожиданно для самих себя разублались и его братья и сестренка, хотя ни спокойствия, ни уверенности у них не прибавилось. На самом деле стоило им перестать вспоминать о том давнем приключении, как их тут же охватывал страх.

Джеффри такого допустить не мог.

— Надо разыскать их! — крикнул он. — Пошли скорее!

Магнус и Корделия встретили его призыв радостными криками и опрометью бросились к двери.

— А я вам говорю: СТОЙТЕ! — взревел Пак.

Дети замерли на месте. Магнус уже успел положить руку на засов.

— Но, Пак! — возмущенно вскричал он. — Если наши родители пропали, мы должны отыскать их!

— Вы должны вести себя так, как они вам велели! — вспыхнув словно свечка, воскликнул эльф и неожиданно очутился на пороге, спиной к двери. Подбоченившись, он обвел детей гневным взглядом. — Они велели вам сидеть дома и слушаться меня! И вы останетесь дома, и я тоже останусь — до их возвращения!

Лица мальчишек уподобились грозovým тучам.

Корделия попыталась прибегнуть к рассудительности.

— Но, Пак, они же не знали, что исчезнут! А уж теперь-то они наверняка хотят, чтобы мы их разыскали!

— Уж теперь-то, моя любезная, если они встретились с врагами, которые оказались сильнее их, они наверняка хотят, чтобы вы находились дома, в безопасности! А вы будете в безопасности под охраной легионов эльфов!

— Легионов? — изумленно вытаращил глаза Грегори и проворно подбежал к окну. Джеффри мигом оказался рядом с ним — ведь слово «легионы» означало «войско». Корделя и Магнус помедлили, а потом тоже бросились к окну.

Перед ними предстал пустой сад, а за ним — столь же пустой луг, за которым темнел лес.

— Там никого нету! — разочарованно воскликнул Джеффри.

— О нет, есть, — заверил его Пак. — Вы никого не видите, но не отыщется ни единого фута в саду, где не засел эльф, вооруженный рогаткой, или фея с дротиком. Вы-то можете по саду хоть весь день напролет ходить, но никого из них не разглядите, но как только в сад войдет незнакомец, он тут же споткнется и упадет и уже больше никогда не поднимется.

Магнус медленно обернулся. Лицо его стало бесстрастным.

— Так они и нас не выпустят, да?

Пак с усмешкой ответил:

— Не стоит меня недооценивать, чародейчик! Мне отлично известно, что твоя сестрица — мастерица летать на метле и что ты и твои братцы умеют летать и вовсе без всяких метел, а также исчезать, чтобы потом появиться за многие мили от дома. Ну уж нет, я бы не стал пытаться удержать вас тут силой.

— И все же ты хочешь нас удержать, — тихо проговорила Корделя.

Пак кивнул:

— Я хочу удержать вас здесь любовью ваших родителей. Вспомните, что они вам говорили, когда уходили из дому?

Дети умолкли и уставились в пол, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, так что они говорили? — требовательно спросил Пак.

— Чтобы мы никуда не ходили, — нехотя, словно слова из нее тянули щипцами, проговорила Корделия, — и слушались тебя.

И весь тот день они беспрекословно слушались Пака. Откуда ни возьмись явились две крохотные старушки и приготовили завтрак, потом — еще две, и приготовили обед. А вот для приготовления ужина явились еще трое.

Все время до ужина дети старательно искали, чем бы им заняться. Попробовали поиграть в прятки, но игра не клеилась. Магнус с большим трудом превратился в яблоньку, а Грегори и вовсе сплоховал. Корделия запрокинула голову, надменно глянула на возникшую рядом с ней болотную кочку и проворчала:

— Ну, ты и придумал, Грегори! Спрятаться у меня под ногами! Теперь тебе водить!

Еще хуже пошла игра в «замри-отомри». Даже на то, чтобы заставить замереть жука, у ребятишек не хватало сил. А уж когда они решили поиграть в «вышибалки», Магнус и Корделия проявили такую рассеянность, что даже мячик толком друг другу добросить не могли — он то и дело падал на землю.

Наконец отчаявшийся Пак усадил их за уроки. Дети были сердиты, и это само по себе было плохо, но еще хуже стало, когда они начали проявлять любопытство.

— Но, Робин, а наш папа говорит, что элементов девяносто два! — горячо возразила Корделия.

Грегори кивнул:

— Да. И некоторые из них так редки, что их никогда не увидишь.

— Ваш папа! — воскликнул Пак и возмущенно наморщил нос. — Ох уж эти мне его понятия о том, что есть, а что только кажется! Дети, поглядите вокруг да пощупайте руками! Разве вы можете увидеть этот «уран», про который он толкует, или «алюминий»? Но зато вы очень даже можете пощупать землю, можете ощутить воздух, когда ваши щеки обдувает ветер. Говорю вам: элементов — иначе говоря, стихий — всего четыре: земля, вода, воздух и огонь!

— Ну а что же тогда такое камень, а?

— Всего-навсего земля, только плотно утрамбованная.

— А дерево?

— Дерево? Дерево сложено из земли и воды!

— А железо?

Пак содрогнулся. Железо для эльфов было подобно яду.

— Давайте лучше про медь поговорим. Где мы находим медь? Там, где камней коснулся огонь. Так из чего же тогда сделана медь, как не из земли и огня?

И так далее и тому подобное. У Пака были вполне определенные взгляды обо всем в природе, и дети сами не заметили, как увлеклись.

— А из деревьев важны только три, — расхаживая из стороны в сторону, заявил Пак. — Дуб, осина и терновник.

Грегори нахмурился:

— А сосна?

— Она годится только на то, чтобы спалить ее в сочельник.

— А падуб? А плющ?

— Первое — куст, второе — лиана. А я о деревьях толкую!

— А как же шиповник? А роза?

Пак обреченно вздохнул и поведал детям сказку — печальную и замысловатую историю о прекрасной Маргарет и славном Вильяме, о том, как они встретились и полюбили друг друга, и как потом он ее покинул, и как женился на другой, и как потом прекрасная Маргарет умерла, а по-

том и славный Вильям тоже, и как на их могилах выросли шиповник и роза, и как эти растения доросли до самой верхушки церковного шпиля и там их ветви сплелись в неразрывных узах любви.

Корделия слушала, как зачарованная, а мальчишки начали ерзать на стульях, и тогда Паку (специально для них) пришлось рассказать историю о маленьком Мерлине — как его взял в плен злой король Вортигерн и заточил в башню, в подземелье под которой спали два дракона. За этой сказкой последовала другая — о маленьком Артуре, который вырос и стал королем, который принес мир и процветание Англии, дотоле раздираемой междоусобицами. Затем Пак рассказал о Ланселоте — самом храбром из рыцарей короля Артура, и о том, как он спас прекрасную Элейн, об их сыне Галахаде и о том, как тот разыскивал Священный Грааль, а также о племяннике Артура Гавейне и о Зеленом Рыцаре.

— А про его братьев почему не рассказываешь? — потребовал Джефффри. — Об Агравейне, Гарете и Гагерисе?

— Ох, о них вы уже слушали раньше, — вздохнул Пак. — Зачем же снова рассказывать?

— Потому что в сказках всегда столько чудес и волшебства!

— А особенно когда сказки рассказываешь ты, Робин, — проворковала Корделия, уже знающая волшебную силу лести.

Знал ее и Пак, но все же надулся от самодовольства и улыбнулся:

— Еще бы! Ведь у меня такой богатый опыт! Я уже сотни лет рассказываю сказки! Однако час уже поздний, и если меня не обманывает мой нос, скоро будет готов ужин.

Четыре детские головки тут же запрокинулись, четыре носа дружно втянули вечерний воздух. А потом все четверо разом взвизгнули, и мальчишки мгновенно исчезли, оста-

вив после себя три негромких хлопка. Корделия вскочила верхом на метлу и стрелой полетела к крыльцу, крича:

— Это нечестно! Не начинайте без меня!

Пак испустил долгий, облегченный вздох:

— Ох! Один денек мне удалось их удержать на месте. А что завтра-то будет?

Но на другой день все решилось само собой... Корделия проснулась до зари и тут же подбежала к окну, чтобы посмотреть, не возвращаются ли родители, и в предрасветной серой мгле увидела в саду... единорога.

Единорог был высокий и стройный и белый, как молоко, а грива и рог у него были золотые. Когда с губ девочки сорвался восхищенный возглас, зверь поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза. Корделия замерла от изумления и восторга.

Но тут единорог развернулся, опустил голову и принялся поедать мамины цветочки. Корделия впопыхах натянула платице и чулки, быстро обулась и выбежала в сад, на ходу завязывая шнурки на корсаже.

Выбежав в сад, она остановилась, решив, что может напугать сказочное создание, но ее опасения были напрасны: единорог преспокойно стоял и смотрел на нее, медленно пережевывая пучок сладкого клевера. У Корделии дыхание перехватило — настолько она была очарована красотой единорога.

А потом единорог снова опустил голову и продолжал есть клевер, и Корделии сразу стало грустно оттого, что она не видит его больших прекрасных глаз. Девочка усеялась на корточки посреди травы, сорвала с грядки немного молодого укропа и протянула единорогу, тихонько приговаривая:

— Иди сюда... Ну, иди же сюда, красавчик... Иди ко мне... Мне так хочется погладить твою бархатистую морду, потрепать твою золотую гриву!

Единорог повернулся, поднял голову и снова посмотрел Корделии прямо в глаза. Девочка ждала, еле смея дышать, а единорог медленно пошел к ней. Шаг за шагом, шаг за шагом — и вот он уже стоял перед Корделией. Плавнo опустив голову, он взял мягкими губами пучок укропа с ее протянутой ладошки. От этого прикосновения Корделию охватил сладкий трепет, и она поспешила нарвать еще укропа другой рукой. Не спуская глаз с Корделии, единорог сжевал и это подношение. Девочка немного осмелела и, протянув руку, прикоснулась к морде зверя. Единорог немного повернул голову, позволив Корделии погладить щеку, мягкостью подобную самому тонкому бархату.

— О, какой же ты красивый! — вырвалось у Корделии.

Единорог склонил голову, словно поблагодарил девочку за комплимент, и легонько ударил копытом по траве. Корделия протянула другую руку, чтобы прикоснуться к золотистой гриве чудесного зверя.

Единорог резко вскинул голову, а Корделия отдернула руку, боясь, что оскорбила дивное создание. Но тут она заметила, что единорог и не думает убегать, а смотрит в сторону дома. Проследив за его взглядом, девочка увидела, что у задней двери стоят все трое ее братьев. Мальчики остолбенели от изумления и широко раскрыли глаза.

Корделия боялась заговорить из опасения напугать единорога. Она сердито поджала губы и передала братьям свою мысль:

— Ну вы, безобразники! Уходите, а не то спугнете его!

— Да он вроде вовсе не боится нас, — мысленно ответил Корделии Магнус. — Да и нечего ему бояться. Мы же его не трогаем — просто стоим и смотрим.

Однако за мыслью Магнуса Корделия тут же уловила мысль Джеффри:

— Ой! Как здорово было бы на таком коньке верхом прокатиться!

И он, подняв руку, шагнул вперед.

— НЕТ! — мысленно вскрикнула Корделия. — Ты его напугаешь!

И точно: единорог отступил на шаг. Джеффри замер на месте.

Малыш Грегори нахмурился:

— Это он из-за Джеффри попятился? Надо проверить...

И он тоже шагнул вперед.

— Ах ты, маленький безобразник! — мысленно возмутилась Корделия. — Оставьте его мне, слышите?

Единорог отступил еще на шаг.

— Чего это ты раскомандовалась? Он не твой! — прозвучала в сознании у девочки мысль рассерженного Джеффри. — И ты не имеешь права запрещать нам трогать его!

Зато единорог очень даже мог запретить это.

Магнус взял Джеффри за руку и удержал его.

— Корделия права, — мысленно проговорил он. — Мы пугаем этого зверя.

Но Грегори покачал головой и прошептал вслух:

— Он не испуган.

Единорог перевел взгляд на младшего из детей.

— Вот видите, — проговорил Грегори чуть громче. — Он слышит меня, но не убегает.

— Ну, тогда он нам позволит подойти к нему поближе! — решительно заявил Джеффри и предпринял новую попытку приблизиться к сказочному зверю.

— НЕТ! — вновь мысленно воскликнула Корделия. И конечно же, единорог снова попятился назад.

Магнус оттолкнул Джеффри к дому, и тот обиженно проворчал:

— Ну, Грегори же говорит, что он нас не боится!

— Не боится, — подтвердил младший брат, усевшись на корточки в траве. — Но ближе не подпустит.

— Но ведь к Корделии он подошел!

Грегори кивнул:

— И опять подойдет. Попробуй снова позвать его, сестренка.

Корделия уставилась на него так, будто он сошел с ума. А потом сосредоточенно нахмурилась и, обернувшись к единорогу, медленно пошла к нему навстречу.

Единорог стоял неподвижно — словно бы выжидал.

Корделия, дрожа от волнения, сделала робкий шаг, потом — еще один, и еще.

Единорог ждал, не шевелясь.

Наконец Корделия протянула руку, прикоснулась к шее единорога, и тот шагнул ближе к девочке, а та погладила его.

— О, ты все-таки подпустил меня к себе! — восторженно проговорила Корделия.

— Это нече... — вырвалось у Джеффри, но Магнус закрыл его рот ладонью, и при этом сложил пальцы ковшиком, чтобы братец не смог укусить его. Джеффри возмущенно уставился на Магнуса и передал ему свою гневную мысль:

— Это нечестно! Почему это ее он подпускает к себе, а нас — нет?

— Единороги — они такие, — ответил вместо Магнуса Грегори. — Я помню. В книжке прочитал.

Джеффри и его одарил свирепым взглядом. Грегори уже два года как выучился читать, и это ужасно злило Джеффри.

— Единороги подпускают к себе только девочек, — пояснил Грегори, — а мальчиков не подпускают.

Джеффри возмущенно отвернулся.

Единорог подогнул ноги и улегся на траву перед Корделией.

Корделия удивленно смотрела на дивное создание. Но вот лицо ее озарилось лучистой улыбкой. Она робко склонилась и села на спину единорога.

— Нет, так ты его напугаешь! — прошипел Джеффри, а Корделия осторожно повернулась и уселась так, что ее ноги свесились с бока зверя.

Магнус насторожился:

— Корделия! Умоляю тебя, слезь с него! Я вдруг почувствовал опасность!

— Пф-ф-ф! — фыркнула Корделия. — Ты просто мне завидуешь!

— Да нет же! — горячо возразил Магнус. — Не в этом дело! Я...

Плавно — так плавно, что девочка этого почти не ощутила, единорог поднялся. Корделия ахнула от восторга.

— Корделия, какая же ты наглая! — в ярости вскричал Джеффри. — Наглая, вредная и... как это... эгоистка, вот!

— Так выбрал единорог, а вовсе не я, — отозвалась его сестра. — Что же, я должна обижаться на него за то, что он решил, что вы плохие?

— Корделия, прошу тебя! — продолжал увещевать сестренку Магнус. — Кто знает, куда он может умчать тебя?

— О, куда пожелает, — отвечала Корделия, и, конечно же, единорог развернулся к лесу.

На шум вышел Пак. Протирая заспанные глаза, он пробурчал:

— Что тут у вас творится, а?

— Чудовище похитило нашу сестру! — выпалил Магнус. Единорог зарысил прочь.

Пак устремил взгляд ему вслед:

— Чудовище? Где это вы увидели чудовище?

— Да вон же! — вскричал Джеффри и бросился вдогонку за единорогом. — Ах ты, воришка однорогий! Ну-ка вернись и отдай мою сестренку, паршивец! Стой, кому говорят!

— Эй, Джеффри! Полетели! — распорядился Магнус и взмыл в воздух.

Джеффри, оторопев, оглянулся, ухмыльнулся и тут же подскочил ввысь на десять футов:

— И правда, что же это я, братец? Совсем забыл!

Грегори, словно камешек, пущенный из рогатки, устремился следом за братьями, и все вместе они помчались за единокором.

Но вдруг в воздухе перед ними, с треском, подобным ружейному выстрелу, возник Пак.

— Стойте, малявки! — приказал эльф. — Куда это вы, хотелось бы мне знать, направились, а?

— Как — куда? В погоню за зверюгой, который унес нашу сестренку! — ответил Магнус. — Не задерживай нас, Робин! Ей грозит опасность!

— Опасность! О, что я слышу? Да никогда в жизни единокор не причинит зла невинной девице!

— Дело не в нем самом, а в том, куда он несет Корделию! Поверь же мне, Пак! Я ощущаю Зло каждой частицей своего тела!

Пак растерялся. Он кое-что знал о способностях Магнуса, но не все. На самом деле, если на то пошло, даже родители не до конца осознавали пределы возможностей своего старшего сына. Он порой творил такое, на что не был способен ни один чародей в Грамерае — да и ни одна волшебница тоже. А если так, то почему не предположить, что Магнус был наделен ясновидением? Пак не сомневался: отец мальчика непременно подыскал бы какое-нибудь ученое слово для того, чтобы назвать этот дар, — будто бы, если бы слова такого не нашлось, так и самого дара не было бы!

Однако какую бы опасность ни заподозрил Магнус, Пак был уверен в том, что сам, один справится с ней — если, конечно, не придется позвать на помощь дюжину эльфов. Ну а если бы пришлось — нашлась бы и необходимая для такого дела дюжина. Пак мысленно возложил на одну чашу весов опасность, поддающуюся легкой ликвидации, а на другую — свою способность удержать четверых юных чародеев около дома еще один день и решил, что уж лучше рискнуть и разобраться с этой самой опасностью.

— Ну что ж, ладно; — проворчал он. — Можете продолжать погоню. Но если будет хоть малейшая угроза...

Последние слова он произнес в пустоту. Мальчики исчезли под сопровождение уменьшенных подобий раскатов грома.

— Совы и крылышки летучих мышей! — выругался Пак и бросился вослед единорогу.

2

Единорог мчался по лесу, да так плавно, что казалось — он летит. Тут и там лежали пятнышки солнечного света, и из-за этого листва деревьев казалась темнее, а весь лес — веселее и ярче. Корделия радостно вдыхала свежую лесную прохладу и беззаботно распевала песенку, не обращая ровным счетом никакого внимания на своих братьев, которые летели, лавируя между деревьями, по обе стороны от тропинки и криками умоляли сестру остановиться.

Пак исчез.

Через некоторое время единорог вывез Корделию из леса, и перед глазами девочки предстала деревня.

Она была совсем маленькая — всего-то домов десять, которые примостились у подножия каменистого склона. От леса деревню отделял луг. Корделия радостно вскричала, представляя, как безмерно удивятся обитатели деревни, увидев ее верхом на единороге.

Ответом на ее выкрик было безмолвие.

Улыбка покинула губы Корделии. Присмотревшись лучше, она поняла, что в деревне нет никого — ни единой души.

К ней подлетел Грегори. Единорог тут же попятился, и малыш отлетел немного в сторону и крикнул:

— Корделия, в этой деревне никто не живет! И там был пожар! Поворачивай обратно!

— Но я не могу! — воскликнула девочка. — Единорог сам скачет, куда захочет, я им не управляю!

Но на самом деле она подозревала, что если она попросит единорога, то тот может и повернуть, куда она скажет.

Единорог рысил по лугу, и теперь Корделия и сама хорошо разглядела следы пожара, о котором ей сказал Грегори. Стены домов покорежились и обуглились, соломенные крыши сгорели дотла, остались только почерневшие стропила. Трава на деревенской площади пожухла от огня. Двери в домах были открыты нараспашку, на полу как попало валялись миски и табуреты.

В покинутой жителями деревне царила тишина, слышались только вздохи ветра. Скрипнула и стукнула ставня. Позади, в лесу, запела птица.

Магнус подлетел к стропилам одного из домов, прикоснулся рукой к обугленному бревну, ойкнул и отдернул руку.

— Оно горячее! — сообщил он. — Еще не догорело. Значит, пожар начался не так уж давно.

Джеффри приземлился неподалеку от площади и, кивнув, огляделся по сторонам.

— Ветер распахивает и захлопывает двери, но они крепко держатся на петлях, а вся кухонная утварь цела и не потрескалась.

— Люди убегали отсюда, куда глаза глядят, — обведя деревню взглядом, заключил Грегори.

Единорог остановился и развернулся к горе.

— Думаю, сюда он и бежал, — негромко проговорила Корделия. — И всех нас сюда хотел привести.

— Значит, надо уходить, да поскорее, — прошептал Грегори.

— Ну уж нет! — решительно заявил Магнус, ловко спикировав на опаленную огнем землю. — Лучше бы мы сюда не приходили, конечно, но уж если мы оказались здесь,

нужно понять, что тут случилось. Быть может, каким-то людям нужна наша помощь!

— Вот уж нетушки! — выкрикнул Пак, выскочив из-за обгоревшего куста. — Вам следует вернуться домой, и как можно скорее! Эльфы из этой деревни мне все рассказали о том, что здесь стряслось прошлой ночью!

— Ну, так скажи нам!

— Что?

— Говори же, Робин!

Мальчики сгрудились около Пака.

— Дракон.

Братья оторопели. Корделия, сидевшая на спине единорога, вытаращила глаза.

Пак кивнул:

— Огромное и злобное чудовище. Пятьдесят футов от носа до кончика хвоста, со стальными зубищами, и вдобавок — огнедышащий! — Он развернулся и указал на горный склон. — Вон — видите? Видите, куда он уполз?

Дети посмотрели в ту сторону и только теперь заметили широкую борозду обугленной земли, которая тянулась от деревни вверх по каменистому склону горы, а затем изгибалась и терялась из виду.

— И он... он до сих пор там... сидит? — прошептал Грегори.

Пак пожал плечами:

— Кто знает? До вчерашней ночи никто из Колдовского Народца этого чудовища здесь не видал. Быть может, он опять ушел.

— А может, слоняется по округе, — предположил Джеффри. — Подстерегает ни о чем не подозревающих путников.

Неожиданно в проулке позади послышался громкий топот. Обгоревшую стену дома задело чье-то массивное тело.

На деревенскую площадь вышел громадный черный жеребец.

В первое мгновение дети остолбенели от испуга, но тут же радостно вскричали и бросились к коню, принялись обнимать его за шею и хлопать по бокам:

— Векс!

— Как здорово, что ты прибежал!

— Мы так и знали, что ты пойдешь за нами!

Вексом звали отцовского коня, а конем он был странным и удивительным. Отец говорил, что он сделан из железа и что шкура, которой был покрыт Векс, всего-навсего приклеена к железу. Еще отец говорил, что Векс — «робот», вот только дети не очень хорошо понимали, что это значит. Они думали, что «робот» — это что-то волшебное, потому что Векс умел делать много такого, чего не умели обычные лошади, — к примеру, он умел разговаривать. Как правило, он разговаривал с отцом, но и мама, и дети могли, если хотели, услышать его голос. Правда, не ушами, а разумом.

— Вам следовало бы знать, дети, что я бы ни за что не позволил вам туда ходить без меня, — укоризненно проговорил Векс. — И с вашей стороны уйти из дому одним, без сопровождения, было очень большим нарушением дисциплины.

— Но мы с сопро... Мы же не одни, Векс, — возразил Грегори. — Пак с нами.

— И еще — вот кто! — Корделия обернулась и указала на единорога и крепче обняла чудесного зверя за шею, словно боялась, что тот укачет прочь, испугавшись Векса. — У меня новый дружок, Векс!

Пару мгновений огромный черный конь пристально смотрел на единорога, и вдруг колени у него задрожали.

— Н-но, — заикаясь, вымолвил Векс, — едзиторрогги не ззужжездвуют...

Голова у него повисла, ноги растопырились и стали как каменные.

— Надо было предупредить его, — сокрушенно пробормотал Грегори.

— Точно, надо было, — со вздохом подтвердил Магнус. — У него всякий раз случаются такие припадки, когда он встречается с тем, чего, как ему кажется, не существует.

Пак кивнул:

— Ага. Вот такое же с ним стряслось, когда он впервые узрел эльфа. А я думал, что он уже успел попривыкнуть.

— Папа говорит, что это ему больше всего нравится в Вексе, — заметила Корделия. — То, что он никак не привыкнет ко всяким новым странностям.

Магнус пошарил под седельной лукой, нащупал выпуклость на хребте у Векса и с силой нажал на нее. Что-то щелкнуло, и Векс медленно поднял голову.

— У-у-у меня... был... припадок... да?

— Был, — подтвердил Магнус. — Потому что ты увидел единорога.

Векс опасливо развернулся к белоснежному зверю.

— Единороги... — пробубнил он, — это мифические животные.

— Наверное, он то же самое думает о железных конях, — немного обиженно заметила Корделия.

Единорог смотрел на Векса настороженно, раздувая ноздри.

— Я могу понять его чувства, — смущенно пробормотал Векс.

Джеффри переглянулся с Магнусом.

— Сказать ему, что ли?

— Конечно, сказать! — Векс проворно повернул голову к старшему из братьев. — Что я должен узнать?

— Даже не знаю, говорить или нет, — избегая взгляда Векса, пробормотал Магнус. — А вдруг у тебя снова припадок начнется?

Векс немного помолчал и проговорил:

— Теперь я перепрограммировал систему так, чтобы она справлялась с обманчивостью моих ощущений. Я подготовлен, и припадка не случится. Скажите мне то, что собирались сказать.

Магнус снова переглянулся с Джеффри и обвел рукой деревню:

— Видишь следы пожара?

— Конечно. Эта деревня пережила сильнейшее возпламенение. Несомненно, именно из-за этого ее и покинули местные жители.

— Но тут все сгорело дотла, — сказал Грегори, легонько потянув Векса за гриву, чтобы привлечь его внимание. — Как думаешь, они вернутся?

Векс ответил не сразу. Склонив голову, он проговорил:

— Пожалуй, должны вернуться. Но вы, похоже, полагаете, что они не возвратятся. Но почему вы так полагаете?

Грегори глянул на Магнуса и осторожно ответил:

— Из-за того, почему случился этот пожар.

— И из-за чего же он случился? — столь же осторожно осведомился Векс.

На этот раз ему ответил Магнус:

— Не так уж легко говорить тебе об этом... Но это был дракон.

Векс стоял неподвижно. Все встревоженно ждали.

Наконец робот провещил:

— Я принял информацию. Не понимаю, как может существовать дракон, но такой возможности не исключаю.

Все четверо детей дружно испустили вздох облегчения.

Пак сдвинул брови и уставился на коня.

— Так поведай же нам, о Источник Мудрости, как мы — четверо детишек и эльф — могли бы одолеть дракона?

— Не забывайте о единороге, — напомнил Векс, повернув голову к новому другу Корделии. — Согласно сказочной традиции, единороги — заклятые враги драконов.

Грегори выпучил глаза:

— Ты... Ты хочешь сказать, что единорог пришел, чтобы сразиться с драконом?

Векс снова немного помолчал и медленно согласно опустил голову:

— Не исключено. Учитывая то, что население Грамерая обладает значительными энергетическими резервами, и также имея в виду огромный потенциал здешней окружающей среды, ответ на этот вопрос вполне можно считать положительным. Все могло произойти именно так, как ты сказал.

— Но единорог не может сразиться с драконом один на один! — горячо возразила Корделия. — Он слишком слаб и хрупок!

— Не стоит его недооценивать, — посоветовал девочке Векс. — Легенды утверждают, что единороги обладают великой силой.

— А все-таки Корделия права, — нахмурив бровки, проворкотал Грегори. — Этот единорог знал, что ему нужна помощь, чтобы сразиться с таким страшным чудовищем, — вот потому-то он нас и разыскал.

— Но откуда он мог знать про нас, если только-только появился в наших краях? — недоверчиво спросила Корделия.

Все озадаченно переглянулись. Пак и Векс, похоже, знали, каков ответ на этот вопрос, но предпочли промолчать.

В конце концов Магнус пожал плечами:

— Какая разница? Как бы то ни было, он знал про нас. Так разве мы можем отказать ему в помощи, о которой он просит?

— Помочь-то можно было бы, — медленно, задумчиво протянул Пак. — Да вот только сомневаюсь я, хватит ли у нас на это силенок. Пожалуй, соберись все грамерайские эльфы вместе — они бы еще смогли одолеть дракона, но только ценой тяжелых потерь. А вот в том, что мы с вами можем потягаться силами с драконом, я очень сильно со-

мневаюсь — да и пробовать не хочется. Ежели он кого-то из вас хотя бы поцарапает, ваши мама с папой мне ни в жизнь этого не простят. Нет, эльфы, конечное дело, в Грамерае останутся, да вот только Пака среди них более не будет!

Джеффри скривился:

— Неужто ты струсил?

— Вовсе нет. Просто у меня маленько ума имеется.

— Пак рассуждает мудро, — вступился за эльфа Векс. — Нас слишком мало для того, чтобы одолеть чудовище силой, а вы, дети, в таком сражении можете погибнуть. Если уж мы решим помочь единорогу победить дракона, то победа может быть обречена только за счет хитрости.

Корделия, Магнус и Джеффри молча переглянулись, а Грегори уселся на землю, скрестил ноги и закрыл глаза.

Джеффри непонимающе сдвинул брови:

— Чего это он? Сейчас не время...

— Тс-с-с! — одернул брата Магнус. — Не трогай его.

Грегори открыл глаза и сообщил:

— Самое главное — это его пламя. Если мы погасим его пламя, он уснет и проспит еще лет сто — пока кто-нибудь снова не даст ему пламя.

Джеффри вытаращил глаза.

Магнус осторожно спросил:

— А откуда ты это знаешь?

— От Видора, конечно.

— От Видора! — фыркнула Корделия, подбоченилась и встала перед младшим братиком. — Это твой воображаемый дружок, да? Что же, прикажешь нам идти в бой, слушаясь того, кто тебе снится?

— Но он мне вовсе не снится! — обиженно нахмурился Грегори. — Видор — он самый настоящий!

— Да? Настоящий? А почему же тогда ты его никогда не видел? — ехидно поинтересовался Джеффри.

— Да потому, что его тут нету!

Джеффри победно развел руками:

— Его тут нету. Отлично! Ты то и дело твердишь нам, что он есть, а его тут нету!

— Да никогда я вам не говорил, что он здесь есть! — упрямо воскликнул Грегори. — И не может его тут быть, потому что он — в Тир Хлисе!

Братья и сестра сразу примолкли, не сводя глаз с Грегори. Тир Хлис — то была волшебная страна, куда их некогда забросили враги отца и откуда их вытянул на Грамерай крошка Грегори.

— Там был малыш... — тихо пробормотал Магнус. — Сынишка лорда Керна, Верховного Чародея той страны.

— Да, того человека, который был так похож на нашего папу, — подтвердила Корделия, — и чей маленький сынок был в точности как наш Грегори.

— Он и теперь такой же, — заверил ее Грегори. — Он смотрит в зеркало и видит меня, а я все вижу его глазами. Как будто это я.

— Когда мама была с нами в Тир Хлисе, она слышала мысли Грегори, — не спуская глаз с младшего брата, пробормотал Магнус. — Слышала — когда держала на руках младенца лорда Керна.

— Верно, — выдохнула Корделия, — потому что сознание Грегори дотянулось до нее через пространство между нашим миром и Тир Хлисом и передалось тому малышу.

— Все это невероятно, — горько вздохнул Векс. — Но если уж вы, дети, и ваши родители лично пережили это, я вынужден признать, что такое возможно.

— Ну а ежели такое возможно, так почему Грегори не мог и долее переговариваться с этим самым сынком лорда Керна? — пристально глядя на Грегори, проговорил Пак. — Что скажешь, о Зверь, Выкованный из Холодного Железа? Найдется у тебя для этого какое-нибудь глупое словечко, а?

— Найдется, и вовсе не глупое, — строптиво отозвался Векс. — Сын лорда Керна является аналогом Грегори в альтернативной вселенной.

— И он вправду мог дать нашему Грегори совет насчет дракона — этот... «аналог»?

— Его зовут Видор! — возмущенно выкрикнул Грегори.

— Да. Видор — твой аналог в Тир Хлисе, — кивнув, проговорил Векс. — И он мог сообщить тебе сведения относительно драконов — если в Тир Хлисе имеются драконы.

— О, они там имеются! Тамошние рыцари бьются с ними уже много лет!

Все остальные снова переглянулись.

— Даже не знаю — верить или нет? — озадаченно промолвил Джеффри.

— Конечно же верить! Видор бы меня ни за что не стал обманывать!

— Согласен, это трудновато, если твои мысли слушают, — кивнул Магнус. — И я не вижу, почему бы нам не попробовать последовать совету Видора. По-моему, вреда никакого не будет.

— Не будет вреда! — простонал эльф-нянька. — Как же не будет вреда, когда ты вместе со своими братцами и сестрицей послужишь растопкой для пламени дракона! Как же не будет вреда, когда этот дракон сначала вас поджарит, а потом попробует, каковы вы на вкус? И это ты называешь — не будет вреда?!!

— Не будет, — заверил его Магнус. — Потому что... Как гасят пламя дракона?

Все растерянно переглянулись.

— Водой, — сообщил Векс.

— Ну конечно! — обрадованно воскликнула Корделия. — Мальчики, вы все умеете делать так, чтобы вещи исчезали в одном месте, а появлялись в другом. Я знаю, вы умеете за-

брасывать маленькие камешки внутрь деревьев — так, чтобы потом они там, внутри, взрывались!

— Куда-куда вы забрасывали камешки? — в гневе вскричал Пак. Ведь деревья очень много значили для эльфов.

— Мы просто баловались, — стыдливо потупившись, пробормотал Магнус. — Это было очень глупо, и я сильно сожалею об этом. — А уж как он сожалел об этом, когда его чуть было не пришибло верхушкой дерева! — Но камнями драконова пламени не погасишь.

— Не погасишь, а водой погасишь, как Векс сказал, — сверкая глазами, проговорил Грегори. — А если мы можем перемещать камни, то же самое сумеем сделать и с целыми ведрами воды!

Магнус и Джеффри переглянулись. Магнус вздернул брови. Джеффри пожал плечами, зажмурился и запрокинул голову.

Послышался громкий щелчок, и над головой у Корделии возник мерцающий шар диаметром фута в три. Еще мгновение — и он лопнул, и девочку с головы до ног окатило водой.

— Ой! — вскрикнула она возмущенно. — Ах ты, злодей! — Тут от стены ближайшего дома оторвался ком сажи и прилепился к лицу Джеффри.

— Ах ты, мерзавка! — взвизгнул он и бросился к сестренке.

Но между ними встал Магнус, заслонил Корделию и оттолкнул Джеффри. Тот повалился на землю.

— Нет! — гневно заявил старший брат. — Мы должны сражаться с драконом, а не друг с другом!

— Но она... она испачкала мой камзол! Мама теперь с меня шкуру спустит!

— Не переживай, — успокоил его Магнус. — Я выстираю.

И над головой Джеффри в тот же миг появился еще один водяной шар, и вся вода с громким плеском выли-

лась на Джеффри. Он вскочил на ноги, яростно отплевываясь, а Корделия радостно расхохоталась. Джеффри впери́л в Магнуса свирепый взгляд, но старший брат сказал:

— Нет, прекрати сейчас же! Хватит с нас! Твой камзол чист, а нам нужно вступить в бой с драконом!

Джеффри тут же успокоился и даже улыбнулся. Он всегда радовался, когда предстояла нешуточная схватка.

Все дети взмыли ввысь и полетели вдоль следа, оставленного драконом. Обуглившаяся земля и потрескавшиеся валуны показывали, где прошло чудовище.

— Неужто он до сих пор так зол, что поджигает все, что ему попадается по дороге? — задумчиво проговорил Джеффри.

Магнус пожевал нижнюю губу и отозвался:

— Ты думаешь, что он изрыгает пламя только тогда, когда злится?

— Ну конечно, — удивленно сказал Джеффри и добавил: — Да, я так думаю.

— Ты же не дракон.

Корделия хотела было что-то сказать, но заметила, как смотрит на нее Пак, и закрыла рот.

— А может быть, дракон вообще не умеет дышать, не изрыгая пламени? — высказал догадку Грегори.

— А может, он просто балуется, — бросила Корделия, метла которой, казалось, весело приплясывала в восходящем потоке воздуха.

— Что до меня, — проворчал Пак, шагавший по земле, — то я про другое гадаю: если этот дракон изрыгает пламя, то на кой ляд вам четверым на него охотиться? Неужто вам ни капельки не страшно?

— Ни капельки! — отважно подтвердил Джеффри — пожалуй, немного поспешно.

— Ну, может, немножко и страшно, но и весело тоже, — обернувшись, прокричала Корделия.

Магнус покачал головой:

— Не стоит веселиться, это глупо. Не забывайте, эта зверюга может нас в одно мгновение превратить в головешки.

Грегори кивнул:

— Мне страшно. Но не очень, Пак, — потому что, если дракон бросится на меня, я смогу взлететь повыше. И даже исчезнуть могу, чтобы потом появиться в деревне.

— Ну... — с сомнением проговорил эльф. — Если так, то тогда конечно... Только не забывайте: нельзя подлетать к дракону слишком близко, а то он подожжет вас — и пикнуть не успеете, не то что отлететь.

Послышался звук — точно чья-то жесткая чешуя потерлась о камень.

Дети набрали высоту резко — словно ядра, выпущенные из катапульты.

Он появился из-за скальной стены. Туловище у него было величиной с дом, а шея — длиннючая, а на ней голова... на высоте конька крыши. От шеи вдоль хребта до самого кончика хвоста тянулся гребень из здоровенных костяных пластин, а хвост заканчивался тяжеленным и острым костяным наконечником. Дракон был весь зеленый — лишь кое-где виднелись желтоватые пятна, а глазищи у него были величиной с суповые тарелки. Морда у него была громадная. Края ноздрей пылали. Из пасти высунулся длинный раздвоенный язык.

Векс начал подрагивать.

— Нет, Векс! — крикнул ему Магнус. — Ты ведь знал об этом заранее!

— Вы осведомили меня, — согласился конь-робот, — однако при столкновении с реальностью мои концептуальные схемы испытывают перегрузку...

— Этот дракон мог быть сотворен с помощью того волшебства, которым владеет наш папочка, — подсказал Вексу Грегори.

Векс успокоился:

— Он может быть роботом, как я. Верно.

Мимо Векса промелькнула серебристая полоска. Единорог загородил собой железного коня, отпрыгнул на обочину, отвлекая внимание дракона на себя, встал на дыбы, ударил копытами по воздуху и нацелил свой рог на чудовище.

Дракон свирепо зарычал. Из его пасти вырвался десятифутовый язык пламени, после чего чудовище с удивительной скоростью помчалось навстречу единорогу.

— Нет! — вскричала Корделия, и ее метла рванулась вперед с утроенным ускорением. — Убирайся прочь от моего красавчика, ах ты, гадкая, мерзкая тварь!

— Корделия, выше! — в ужасе воскликнул Пак. — Он обожжет тебя!

Дракон задрал голову, вдохнул поглубже и взревел. Пламя взметнулось на пятнадцать футов, но Корделия успела набрать вполне приличную высоту, чтобы огонь не затронул ее.

— Корделия! — крикнул Грегори. — Твоя метла!

Девочка испуганно обернулась. Прутики метлы загорелись, однако горели они недолго: над ними мгновенно возник водяной шар, и на метлу вылился спасительный дождик. Послышалось шипение, повалил дым.

Вода попала и на морду дракона. Огонь превратился в пар. Чудище взревело от боли и снова попыталось достать Корделию языком пламени.

— Ах ты, противный! — возмущенно воскликнула девочка, и от земли оторвался здоровенный валун и стукнул дракона снизу по челюсти. Тот остервенело взвыл и вдруг крепко-накрепко захлопнул пасть. Все его тело затряслось, будто по нему ударил кулак великана. Морда дракона приобрела выражение крайнего изумления, а потом его тело снова сотряслось. У него раздулись щеки, голова опустилась и из пасти вырвалась струя шипящего пара. Дракон сглотнул и попробовал зарычать. Это у него получилось,

но вот пламени из пасти не вылетело. Дракон нахмурился, снова зарычал... и еще... и еще... Из пасти вылетали только облачка пара, но — ни искорки.

Магнус сдвинул брови и принялся старательно внушать дракону:

— Спать!

К нему присоединились братья и сестра:

— Ой, как же спать охота... Пора в убежище... В пещеру... Уходи отсюда...

Дракон сонно заморгал, оторопело огляделся по сторонам, медленно развернулся и вразвалочку пошел вверх по склону. Вскоре он исчез за скалами.

Дети взлетели повыше и последовали за ним. Векс и единорог тоже пошли следом за драконом, но чуть медленнее.

Вновь они увидели дракона, когда тот забирался в зияющую черную дыру неподалеку от вершины. Дети немного снизились, чтобы заглянуть внутрь, и с трудом разглядели в кромешной темноте огромное чешуйчатое тело. Дракон свернулся клубком и положил морду на хвост. Его большие глаза моргнули и закрылись, и он испустил блаженный вздох. Дети дождались момента, пока дыхание чудовища не стало глубоким и ровным. Наконец дракон захрапел.

— Все вышло, как ты говорил, — сказал Джеффри, обернувшись к Грегори.

— А как же? — немного обиженно отозвался малыш. — Видор не стал бы нас дурачить.

— А ведь сюда может кто-то и забрести по незнанию, — задумчиво проговорил Магнус.

— Верно говоришь, — выглянув из-за камня, подтвердил Пак. — А то еще и злодеи какие-нибудь отыщутся да снова наделят его пламенем.

— Не может такого быть! — с негодованием воскликнула Корделия. — Люди не могут быть такими гадкими!

— А я не сомневаюсь: Пак знает, о чем говорит, — мрачно пробормотал Магнус.

Джеффри злорадно усмехнулся:

— Мы же не хотим, чтобы нашего бедненького, такого усталого и измученного дракончика кто-то грубо и невежливо разбудил, правда?

— Само собой, не хотим, — решительно подхватил Магнус. — Вперед, ребята! За дело!

Джеффри, конечно, не слишком обрадовался тому, что Магнус так раскомандовался, но все же послушно взлетел повыше — ни дать ни взять воздушный змей. Грегори последовал примеру брата.

Магнус и Корделия тоже набрали высоту, отлетели чуть в сторону и сосредоточили свое внимание на здоровенном валуне, что лежал на склоне над входом в пещеру. Камень качнулся вперед, потом — назад, снова вперед и снова назад. Вскоре он уже качался, как люлька, все сильнее и сильнее, и наконец накренился вперед, на миг задержался на краю скального выступа, а потом сорвался с него и медленно, с грохотом покатился по склону, вызвав нешуточный камнепад. Очень скоро вход в пещеру завалило камнями. Их груда была высотой футов в пятьдесят.

— Ну вот, теперь он будет спать, — тихонько вымолвил Грегори. — Наверное, всегда.

— Если только какому-нибудь идиоту не взбредет в башку его разбудить, — нахмурившись, проговорил Пак. — Не забывайте: весть об этом пронесется от деревни до деревни в мгновение ока, и рассказ по пути будет обрастать все новыми и новыми подробностями. Уже недельки через две — не извольте сомневаться — люди будут рассказывать про высокого, могучего и доблестного рыцаря, который совершил этот славный подвиг. Да-да, рыцарь, а не четверо детишек. А уж к концу года эта история станет самой настоящей легендой. Мамочки будут рассказывать ее деткам на ночь, как сказку, чтобы те поскорее уснули, а когда эти детки подрастут, на-

верняка из них отыщется хотя бы один, кто попытается забраться в пещеру, чтобы уяснить, не врет ли сказка.

Дети смотрели на эльфа широко раскрытыми глазами.

— Не поверю, чтобы кто-то мог быть настолько глуп! Полезть в пещеру и возжечь драконово пламя — ну уж нет!

А Джеффри очень даже уверенно кивнул:

— А вот и да. Хотя бы ради того, чтобы потом объявить всем, что он это сделал. Да. Я могу в такое поверить.

— Что ты можешь в такое поверить, я ничуть не сомневаюсь, — фыркнула Корделия. — Но найдется ли хоть кто-то, кто поведет себя так же глупо, как готов повести Джеффри, Пак?

Эльф только покачал головой и вздохнул.

— Ох, до чего же глупы эти смертные, — пробурчал он и увел детей прочь от пещеры.

Когда они подъезжали к сгоревшей деревне, Корделия снова сидела верхом на единороге. Пак вдруг остановился и издал странный, мелодичный клич. Мгновение было тихо, а потом между двумя камнями неожиданно появился маленький человечек в коричневых одеждах, с личиком, потемневшим от солнца и ветра:

— Что угодно тебе, Веселый Бродяга?

— Разнеси весть, — распорядился Пак. — Дракон спит за каменной стеной.

— Мы все видели, — отозвался брауни. — И мы радуемся. Тысяча благодарностей тебе, Робин Добрый Малый! А также этим детишкам, которых ты привел нам на выручку!

Корделия покраснела и учтиво поклонилась брауни. Магнус и Джеффри также отвесили ему поклоны, а Грегори так оторопел, что про учтивость забыл. Он стоял и таращил глазенки, глядя на диковинное создание.

Крошечный человечек нахмурился:

— Это как же такое получается? Неужто ты до сих пор ни разу брауни не видал?

Грегори медленно помотал головой. Глаза у него стали круглые, как монетки.

Брауни запрокинул голову и негромко рассмеялся:

— Что ж, нечему дивиться! Мало кому из смертных и вообще дано видеть Колдовской Народец. Детишкам мы, бывает, являемся, да не верят им мамыши и папаши — думают, они рассудка лишились. Да и дружки-приятели тоже на смех поднимают. А уж как люди подрастают, взрослыми становятся — так уж и вовсе им не дано нас видеть.

— Этим детям дано, — поправил его Пак. — А также их родителям.

— Верно, — кивнул брауни. — Но они — не простые смертные. В них что-то от эльфов имеется.

Пак нервно глянул на детей, перевел взгляд на брауни.

— Верно, они наделены волшебством, и ты сам это видел. — Брауни хотел было что-то сказать, но Пак не дал ему. — Торопись, разнеси весточку! Надо, чтобы жители деревни поняли, что могут без опаски вернуться и заново отстроить свои дома — если, конечно, не будут пускать на гору всяких тупиц.

Брауни кивнул:

— Мысль хорошая. У них снова будут дома, а мы уж позаботимся, постережем гору.

— Вот и славно, — усмехнулся Пак. — Теперь ступай!

Брауни ухмыльнулся и исчез.

А Грегори еще долго не мог оторвать глаз от того места между камнями, где только что стоял маленький человечек.

— Вот-вот, цени каждый миг, когда доведется кого-то из них увидеть, — посоветовал ему Пак. — Они, брауни, очень робки, и вам ни за что не явятся, когда вы станете большими. — Он обернулся к Корделии. — Ну и куда теперь твой скакун желает нас отвести?

Корделия покачала головой:

— Никуда, Робин. Он готов пойти с нами.

Пак нахмурился:

— Что-то не верится. Не ведут себя так единороги — насколько я слышал.

— Неужели ты раньше не встречался ни с одним из них? — поспешно поинтересовался Векс.

— Только разок, — признался Пак. — Лет двести назад. Говорю же вам: очень они робкие, как и брауни.

— Но может быть, единорог хочет отплатить вам за вашу услугу и еще немного послужить Корделии? — предположил Векс.

Пак кивнул:

— Это похоже на правду. И его помощь нам вовсе не помешает, уж вы мне поверьте. — Какая помощь — этого Пак не сказал. Он только вздохнул и отвернулся. — Пойдемте, детишки. Хватит с вас на сегодня приключений. Пора домой.

— Но, Пак, — возразил Джефффри. — Уже полдень, и я проголодался.

Пак остановился. Секунд десять он стоял неподвижно. А потом со вздохом развернулся и сказал:

— Ну ладно, придется задержаться. Только имейте в виду: хотите есть — добывайте себе еду сами.

3

На то, чтобы найти, собрать, поймать, приготовить и съесть приготовленную еду, ушло два часа. Почему-то Пак не сердился. Он даже не пытался поторапливать детей.

Но вот наконец он приказал им загасить костер и трогаться в обратный путь. Когда угли перестали дымить, Пак объявил, что кострище безопасно, и зашагал к лесу. Единорог последовал за эльфом. Корделия, сидя верхом на чу-

десном звере, принялась весело напевать. Процессию замыкал Векс. Мальчишки летели впереди, обгоняя друг дружку и прячась за деревьями.

Грегори, беззаботно хохоча, нырнул за ствол могучего дуба, но его смех тут же сменился испуганным криком при звуке надтреснутого, хриповатого голоса:

— Оу-у-у-у! Моя голова! Мое плечо! Ах ты, недотепа этакий, неужто ты ослеп и не видишь, что я тут повис, бедный и несчастный?

Магнус и Джеффри выбрались из-за деревьев и испуганно переглянулись, а Корделия, сверкая глазами, полетела на помощь маленькому братцу, оседлав метлу. Мальчишки поспешили за ней.

— Про... простите, — пролепетал Грегори. — Я... я не хотел... вас задеть!

Голос незнакомца тут же смягчился.

— Ой, да это малявка! Человеческий детеныш! Ладно, ладно, малыш, не бойся меня и не переживай так. Вы, ребяташки, вечно носитесь как угорелые, не разбирая дороги. А бояться старого поганого эльфа не надо, не надо!

Между кустиками, прямо перед Корделией и ее братьями неожиданно вынырнул Пак и гневно воззрился на дуб:

— Эй ты, негодяй, отвечай немедленно! Откуда ты тут взялся?

Эльф крутанулся, чтобы взглянуть на Пака, и прокрутился дальше, поскольку был привязан за пояс к одной из нижних ветвей дуба серебряной цепочкой.

— Да сколько же можно спрашивать-то, а? — взвыл эльф. — Неужто не видишь, что твой сородич в беде и что ему надо подсобить? Хватит уже вопрошать, лучше освободи меня из неволи!

Губы Пака разъехались в ухмылке.

— А я так думаю, не стоит тебя отсюда снимать. Такое славное украшеньице для этого старого дерева!

Эльф одарил Пака свирепым взглядом, весь раздулся от обиды. Росточком он был ниже Пака — всего-то с фут в высоту, а еще вернее было бы сказать — «в длину», учитывая его нынешнее горизонтальное положение. Он висел, придерживая высокую зеленую шляпу ручками на голове, чтобы шляпа не свалилась. Камзольчик у эльфа тоже был зеленый — точнее, он был скроен наподобие фрака. Зеленными были и короткие, до колен, штанишки. А под фраком на крохотном человечке был надет ярко-желтый жилет, а кроме того — белые чулки и черные туфли со сверкающими пряжками. Мордашку эльфа украшала каштановая раздвоенная борода и еще — свирепая гримаса.

— Следовало бы догадаться, — проворчал эльф. — Чего еще ждать от Пака?

— Ага! — изумился Пак. — Так ты меня, выходит, знаешь?

— А кто же из Колдовского Народа не знает тебя, старый ты и подлый проказник? Все, кто честно трудится, знают про тебя, который только тем и занимается, что подстраивает всяческие козни!

Грегори нахмурился:

— Но Колдовской Народец не трудится! Только гномы трудятся — они добывают золото и драгоценные камни, да карлики — они мастера на все руки, а ты — не гном и не карлик!

— А ты погляди на его одежонку, — ворчливо посоветовал малышу эльф, висевший на дубе. — На башмаки его погляди. Неужто Робин Добрый Малый сам все это себе пошил да стачал?

Корделия ахнула и захлопала в ладоши.

— Теперь я поняла, кто ты такой! Ты — эльф-башмачник!

Эльф снял шляпу, прижал ее к животу и учтиво склонил голову.

— Так и есть, о прекрасная девица!

— А почему ты одет в зеленое и желтое? — осведомился Джеффри.

— Да потому, что он — ирландец, — с кривой ухмылкой объяснил Пак. — Вот только Колдовской Народец Эрина сроду не отращивал усы — у них у всех бакенбарды да короткие бородки. А у тебя почему такая длинная борода?

— Ага, и раздвоенная притом, — добавил, кивнув, Магнус.

— Да потому, что мои далекие пращуры родом из Святой земли, — буркнул эльф.

— Из... Иудеи? — вытаращив глаза, уточнил Грегори. Эльф гордо кивнул.

— Значит, — оторопело вымолвила Корделия, — ты...

— Лепрехун, — вновь учтиво склонив голову, представился эльф. — Келли Макголдбейгель, к вашим услугам.

— Какие от тебя услуги, когда ты на дереве висишь? — хихикнул Пак и, прищурившись, глянул на серебряную цепочку. — И как же, интересно полюбопытствовать, тебя постигла такая печальная участь, эльф?

Мордашка Келли побагровела.

— Да злодей этот, помещик, отродье Сассенаха, мне такую пакость подстроил, а подсобила ему Ольстерская ведьма! От кого, как не от нее, он проведал, что лепрехуна только серебряная цепочка может удержать?

— А удержать тебя решили для того, чтобы спокойно выкопать твой горшок с золотом? — догадался Пак.

— Да, да, этот лорд, отродье Сассенаха — подлый грабитель! — вскричал лепрехун Келли. — Только разбойник с большой дороги так обошелся бы с эльфом, не стал слушать его заверений!

— А послушал бы — не много бы приобрел, — фыркнул Пак. — Однако твои сородичи славятся в мире фэйри тем, что всех за нос водят, и вашим клятвам веры нет никакой. Вам поклясться — раз плюнуть.

— Это про какие ты говоришь клятвы? — возмутился Келли. — Про клятвы, вырванные силой? В темницах, под пытками? Они, по-твоему, не крепки?

— Не менее крепки, чем эта серебряная цепочка, — рассудительно заметил Магнус. — Не стоит ли нам снять тебя с этой ветки, чтобы затем продолжить разговор?

— О да, да, и за это я вам буду премного благодарен! — Келли с чувством закивал, и его снова завертело на цепочке. — Ой вэй! Прошу тебя, милый мальчик, поскорее сними меня отсюда!

Магнус подлетел к ветке и принялся отвязывать от нее цепочку.

— Ой, ой, поосторожнее! Потихе, а? — запричитал лепрехун, в испуге жуя свою бороду. — Не забудь про то, что я не мотылек какой-нибудь, когда будешь последний узелок развязывать!

— Ну, так я тебя поддерживаю, — пообещала ему Корделия.

— Ты, девчушка? Да разве ты сумеешь? Ты и стоишь-то не сли... А-а-а! — завопил он. Магнус наконец справился с узлом. Келли с криком ужаса сорвался вниз, но пролетел всего-то дюйм, не более. — Что это? Как же это? Ой! Я лечу!

— Ты опускаешься на землю, — успокоила его Корделия. — Извини, но мне нужно было мгновение, чтобы оценить твой вес.

— Ох! Ну и напугала же ты меня при этом! — проворчал Келли. — Можно было и предупредить, между прочим... А... Ну да, ты предупредила.

Корделия весело кивнула:

— Ну, теперь ты мне веришь?

— Угу, — буркнул Келли, глянул на девочку из-под кустистых бровей. Мало-помалу он распрямился, принял вертикальное положение, и подошвы его башмаков коснулись земли. — А вот... расскажи же мне, как это у тебя получилось... А-а-а, я все понял! Ты — маленькая волшебница, да?

— Ты верно угадал, — согласилась Корделия. — И уж ты мне поверь, мне случалось поднимать и более тяжелые грузы.

— Как не поверить... — пробормотал Келли. Тут он заметил за спиной у девочки белую голову с золотым рогом, и глаза у него округлились. — Ох! — вырвалось у лепрехуна. — А это что еще за диковинный зверь?

— Это единорог, — гордо отвечала Корделия.

Келли бросил на нее укоризненный взгляд:

— Спасибо, просветила. А то бы я сам не догадался. О, ну конечно! Он самый! — И он вновь восторженно уставился на единорога. — Но сколько лет я не видал ни одного из них! Несколько сотен лет не видал!

— Двести? — подсказал Грегори, но Келли его, похоже, не слушал.

Он подошел к единорогу, опасливо протянул руку, едва прикоснулся к колену диковинного создания, потом повторил прикосновение — немного смелее.

— Да он и вправду настоящий! О! Он волшебный!

Единорог опустил голову и позволил Келли прикоснуться к его морде.

— Да охраняют тебя все духи лесов и долин! — выдохнул в восторге лепрехун и обернулся к Корделии. — Но как вышло, что вас сопровождает этот дивный зверь?

— Он сам пришел к нам, — объяснила девочка. — Он хотел, чтобы мы помогли ему одолеть дракона.

— Одолеть, говоришь... Ну да, да, само собой, само собой... И вы?! — ошеломленно пискнул лепрехун, прокашлялся, глянул на Пака, перевел взгляд на детей. — Следует ли мне поверить, что вам это удалось? Вы таки победили дракона? Да?

— Да, но для этого всем нам пришлось очень постараться.

— Ну, ясное дело, очень постараться... — Келли отвернулся, покачал головой и забормотал: — Детишки! Маляв-

ки! И... дракон! Малявки-детишки... — Неожиданно он резко крутанулся на каблуках и, вытянув указательный палец, наставил его на Пака. — И как же ты, мерзавец этакий, паршивец и безобразник, дозволил малым детям сразиться с таким жутким чудовищем.

— Я им не позволял, они сами решили освободить тебя, — прищурившись, отвечал лепрехуну Пак. — Неужто ты вправду решил, что я бы позволил этим детям подвергнуть себя опасности?

— Решил ли я? Да, решил! И утверждаю, что это так и есть! Как ты только посмел, золотушное отродье торговца лошадьми, как только в твою дурную башку взбрело такое — выставить этих маленьких, беззащитных детишек против такого страшного чудища?

— Но мы, — запротестовал Джеффри, — вовсе не...

— Вотсе не собираемся задерживаться, — сердито закончил за него фразу Пак. — Пошли, дети! Вы сделали доброе дело, а тот, кому мы помогли, теперь осыпает нас оскорблениями. Все, хватит! Наслушались. Поворачиваем к дому!

Он развернулся и проворно зашагал по подлеску.

Дети ошеломленно проводили его взглядом.

— Робин! погоди! — крикнул Грегори и бросился следом за Паком.

— Прощай, эльф, — проговорила Корделия, поспешно оседлав метлу.

— Что же я вижу! Вы послушно идете туда, куда ведет вас этот дух обмана? — в ужасе вскричал Келли. Мордашка его вдруг приобрела решительное выражение, и он свирепо натянул шляпу, дабы та сидела крепче. — Ну уж нет, я такого не допущу! — И он зашагал следом за детьми. Догнав их, он выкрикнул: — Не бойтесь, детишки! Лепрехун не бросит вас, не отдаст в лапы этого гадкого хобгоблина! Я иду с вами!

Пак обернулся. Глаза его метали молнии.

— Тебя никто не звал, эльф! Но теперь я велю тебе: убирайся прочь!

— Бросить эти невинных малюток? Оставить их в лапах у хитрющего Сассенаха? — Келли подбоченился, засверкал глазами. — Ни за что!

— Ах ты, сапожный гвоздь, ах ты, колючка в башмаке, ах ты, репей приставучий! Какой от тебя прок? Если этим детям грозят беды, то с тобой только больше бед станет!

— Беды? — взвизгнул Келли. — Да разве кто-то оборонит дитя от всяческих бед и напастей лучше, чем лепрехун?

— Лучше? А я тебе скажу, что их лучше лепрехуна оборонит: человек, болтающийся в петле! От кого меньше толку, как не от лепрехуна, который позволил кому-то выкопать свой золотой клад!

Голова Келли запрокинулась так, словно ему отвесили пощечину. Мордашка его побагровела, он втянул голову в плечи и потянул за поля шляпы.

— Ага, ты так говоришь? Вот как ты говоришь, да? Ну уж теперь-то я обязан доказать, что это — наглая ложь! И я это докажу и от тебя не отвяжусь до самой смерти.

— До своей смерти или до их смерти? — язвительно осведомился Пак.

— До твоей, если Небеса будут благосклонны, — дерзко ответил Келли и развернулся к детям. — Не бойтесь, я вас не брошу на попечение этого мерзавца!

— Но нам с ним вовсе не страшно! — пылко воскликнул Грегори, а Корделия добавила:

— Добрый эльф, никто нас не защитит лучше, чем Пак.

— Пак он там, или кто другой, я сомневаюсь, что он способен вас защитить, — упрямо заявил Келли. — О нет, я пойду с вами — хотя бы ради того, чтобы уберечь вас от него!

Грегори обескураженно покачал головой:

— Но почему же ты ему так не доверяешь?

— Как — почему? Да потому, что он — англичанин! — вскричал Келли и решительно развернулся к лесной чащобе.

4

-Туда, дети, — распорядился Пак и на развилке указал на тропу, уводившую вправо.

— Нет! Эта тропинка заведет вас в беду! — выкрикнул Келли и указал на тропку, уводившую влево. — Туда, туда надо идти!

Пак развернулся к лепрехуну.

— Поберегись, эльф! — гневно проговорил он. — Не вынуждай меня злиться!

— Да? И что же ты со мной сделаешь, а? — дерзко глядя на более рослого Пака, спросил Келли. — Поколотишь? Уморишь голодом? Вышвырнешь за Белую Линию*? Давай, давай! Так всегда себя вели тираны!

— Тиран я или не тиран, но ноги я твои точно паутиной опутаю, и будешь ты не ходить, а прыгать, если еще раз дерзнешь со мной поспорить!

— Пак, — умоляюще проговорила Корделия. — Не надо...

— Нет, девочка! Проку от этого эльфа нет, так пусть хотя бы не мешает!

— Ну что ж, давай, вреди и дальше! — дерзко выкрикнул Келли. — На большее-то ты не способен!

Пак прищурился, и откуда ни возмись появилась жужжащая муха. Келли запрокинул голову, выпучил глаза и стал размахивать короткими ручонками, пытаясь поймать зловредное насекомое. Наконец это ему удалось, он испустил радостный крик и поднес зажатый кулачок ко рту. Но тут же замер, не спуская глаз с собственного кулака. Медленно-медленно он перевел взгляд на Пака.

Тот злорадно ухмылялся.

Келли набычился и вновь попробовал придать своему взгляду дерзость и отвагу.

* Белой Линией была отмечена граница владений англичан в Ирландии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Как я погляжу, ты оголодал совсем, а? — ехидно осведомился Пак. — На мух решил поохотиться? Ну так чего же ты медлишь? Кушай на здоровье! Будет у тебя тельце как у мухи. А башмаки тебе не давят? Нет? Ты не переживай, это у тебя перепонки между пальцами появились!

Келли с испуганным воем отпустил муху, растопырил пальцы и в ужасе уставился на них — не опутала ли их паутина.

— Пак, перестань! — крикнула Корделия.

— Разве ты разбойник? — нахмурив брови, спросил Джеффри.

— Разбойник и есть, — пробормотал Келли. — И всегда разбойником был.

Пак сердито прищурился.

Векс наклонил голову к Келли:

— Я бы порекомендовал вам вести себя с осторожностью. Не забывайте о том, что Пак испытывает безмерное удовольствие, подстраивая козни.

Келли был готов выпрыгнуть из собственной кожи. Он подскочил на месте от изумления и уставился на громадного черного коня:

— Матушки-батьюшки! Так это... так это говорящий конь!

— Пука, — на всякий случай приглядывая за Вексом, пояснил Пак. — Волшебный конь, вот только он сделан из холодного железа, эльф.

— Да ну, не может такого быть! — не отводя вытаращенных глаз от Векса и мертвенно побледнев, выпалил Келли. — О, горе всему Колдовскому Народцу! Да разве может грозить детям большая напасть.

— Да нет, он — наш друг! — воскликнул Грегори, бросился к Вексу и обнял его за шею. — Он самый лучший друг нашего папы, и наш тоже!

Келли промолчал, он только перевел затравленный взгляд на Пака.

Тот мстительно усмехнулся:

— Ну, теперь ты во мне не сомневаешься?

— Нисколечко не сомневаюсь! — Келли приосанился, и его мордашка приобрела былую окраску. — Иметь рядом такого свирепого зверя... Надо же — охмурил детишек, завоевал их любовь... Веди, эльф! Теперь мы вдвоем должны оборонять их!

Пак ухмыльнулся и пошел первым по той тропке, что вводила вправо.

Тропа, постепенно расширяясь, вывела путников на небольшую полянку, залитую солнцем. На опушке лежала тень, листва деревьев едва покачивалась под легким ветерком. Полянка была покрыта опавшими листьями и поросла невысокими кустиками, посреди которых торчали три пня, оставшихся от поваленных дровосеками дубов.

По подлеску бродила старушка, что-то негромко бормоча себе под нос. На ней было старенькое коричневое платье, плечи покрывала шаль, а голову — серый платок.

Единорог резко остановился. Магнус спрыгнул со спины Векса и шагнул вперед:

— Кто это такая, Робин?

— Старуха отшельница, похоже, — ответил эльф.

— Наверное, у этой бедной женщины все друзья померли, а другие ее не жаловали, — заключил Келли. — Вот она и ушла из деревни и стала тут жить одна-одинешенька. Таких, как она, немало.

Старушка оглянулась, услышав голоса, и нахмурилась:

— Кто тут?

Магнус ждал, что ответит Пак, но Пак молчал.

— Четверо детей? — буркнула старуха. — Что это вы тут делаете? А ну-ка, пошли прочь! Кыш!

Магнус вопросительно глянул на Пака, но эльф куда-то запропастился. Магнус озадаченно огляделся по сторонам и обнаружил, что Келли тоже исчез.

Корделия прошептала Магнусу на ухо:

— Они не хотят, чтобы их видели взрослые.

— Вы почему старших не слушаетесь, а? — раскипятилась между тем старуха. — Уходите, кому говорят?

Она подобрала с земли палку, размахнулась и швырнула ею в детей.

Единорог попятился, но Магнус протянул руку и поймал палку.

— Мы ничего такого не сделали, — нахмурившись, проговорил он, — чтобы вы на нас так сердились. — Тут он вспомнил о хороших манерах. — Добрый вам день, бабушка.

— Бабушка, вот как? — фыркнула старуха. — Да и я замужем-то сроду не была и не собираюсь! Надо же — даже какие-то малявки думают, что женщина непременно должна побывать замужем! Кто угодно пусть замуж выходит, только не старая Фагия! Мне мужчины не нужны, и никто мне не нужен! А уж тем более — дети! Убирайтесь, вам сказано!

— Если я вас обидел, простите, — сдержанно проговорил Магнус.

— Нечего извиняться! — возмутился Джеффри. — Мы ничего не сделали, чтобы она обижалась!

— Верно, — озадаченно кивнула Корделия. — И за что она вдруг так нас возненавидела с первого взгляда?

— Вы что, оглохли? — провизжала старуха. — Проваливайте!

С этими словами она зашагала по подлеску к детям, по пути подбирая палки, которые явно намеревалась швырнуть в них.

Особо не задумываясь, Корделия уставилась на ту палку, которую собралась поднять старуха. Палка подскочила в воздух и улетела прочь.

Фагия, вытаращив глаза, проводила взглядом улетающую палку, а потом прищурилась и уставилась на детей:

— Ага, так значит, ко мне явились малолетние колдуньи? Что ж, я и сама кое-что умею!

Неожиданно по всей поляне в воздух взлетели палки и устремились к детям.

— Лови! — крикнул Магнус.

Все четверо детей сосредоточили внимание на летящих палках. Палки набрали высоту и скрылись за верхушками деревьев.

Морщинистое лицо Фагии стало землистым.

— Что же это за колдунчики такие, а? Стало быть, вы силою мысли двигаете предметы? Но ведь на это способны только колдуньи?

— А вот мы это умеем, и этот дар нам достался по наследству от нашего отца.

— И вы, стало быть, решили запугать бедную старушку своими выходками? — процедила сквозь зубы Фагия. — Ну уж нет! А вот это вам как понравится?

Неожиданно на детей градом посыпались орехи — словно тысяча обозлившихся белок принялись за тренировку в стрельбе по мишеням.

— О! Ой-ой-ой! — вскрикнула Корделия и, закрыв голову руками, присела. Ее братья охали от боли — орехи оказались довольно увесистыми.

— Нужно объединить усилия! — крикнул Магнус. — Давайте-ка все разом, думайте: вверх!

Его братья и сестренка зажмурились и соединили свои мысли с мыслями Магнуса. Ореховый град замер, а потом орехи начали отскакивать вверх, и над детьми образовалось нечто вроде непроницаемого купола — так капли дождя отскакивали бы от зонта.

— Так вы все разом ополчились против меня! — злобно скривилась Фагия. — Ничего, я вас научу хорошим манерам! Берегитесь!

К детям с оглушительным ревом полетели языки пламени, оставляя после себя обугленный след.

— Осторожней! — крикнул Магнус. — Огонь — это всего-навсего движущиеся молекулы! Замедлите их, остановите, заставьте охладиться!

Все четверо детей уставились на огонь и устремили к нему успокоительные мысли. Им удалось замедлить продвижение пламени, распространить его по всей поляне. Сразу значительно потеплело, но огонь быстро угас.

Фагия в страхе и изумлении вытаращила глаза, глядя на почерневшую поляну.

Магнус услышал мысли Грегори:

— Братец, нужно либо уйти и оставить ее в покое, либо сделать так, чтобы она перестала сопротивляться. Иначе она снова нападет на нас.

Магнус кивнул:

— А мы, защищаясь, можем ее поранить. Тогда мама и папа очень на нас рассердятся.

— И еще нельзя допустить, чтобы она пошла за нами, — добавил Джеффри.

Магнус согласился:

— Давайте сделаем то, что мы должны сделать.

Фагия вздернула подбородок, черты ее лица вдруг издавали гримаса страха. Она подняла руку, скрючила пальцы, но Корделия устремила взгляд на ноги старухи, и ступни Фагии вдруг оторвались от земли и оказались на уровне плеч. Старуха взвизгнула, но во взгляде ее тут же появилась решимость, и ее ноги начали медленно опускаться.

Корделия закусила нижнюю губу, напряженно сдвинула брови. Ноги колдуньи снова подскочили вверх. Та взвыла от злости. Ноги замерли.

Магнус устремил взгляд на лиану, обвивавшую ствол стоявшего неподалеку дерева. Лиана начала отплетаться от ствола, а когда окончательно освободилась, поползла к Фагии. Джеффри нахмурился, глядя на ползущую лиану, и та оторвалась от корня и пять раз обернулась вокруг колдуньи, прижав ее руки к туловищу. Фагия завопила от ужаса

и попыталась порвать лиану силой своего колдовства. У Джеффри, старавшегося удержать лиану на месте, на лбу выступили капельки испарины. На помощь ему пришел Грегори — орудуя воображаемыми пальцами, он завязал концы лианы тугим узлом. Фагия визгливо вскрикнула, а Джеффри улыбнулся и облегченно выдохнул.

— Молодчина Грегори, — похвалил он младшего брата. — Отлично сработано.

— Этому узелку ты меня научил в прошлую пятницу, — смущенно пролепетал малыш.

— Чума на вас! — неистовствовала связанная колдунья. — Паршивцы, негодяи! Неужто вам больше нечем заняться — обязательно нужно помучить бедную старушку?!

— А мы вам ничего дурного не делали, — сердито возразил Джеффри.

— И не сделали бы, если бы вы на нас не напали, — более мягко заметила Корделия, стараясь сгладить резкость брата.

— Я на них напала! Ха! Глупые малявки, вы даже не знаете, о чем болтаете! Я на вас напала! Пока нет! Погодите, погодите. Посмотрите, каково вам будет, когда против вас ополчится вся деревня, когда вас выдворят из вашего дома и погонят прочь через всю округу! Посмотрите, каково вам будет, когда вас привяжут к позорному стулу, а потом примутся топить и вы начнете задыхаться! Поглядите, как вам понравится, когда вам нестерпимо захочется вдохнуть воздуха, но вы будете знать: если вдохнете, вам в легкие попадет вода! А потом, в последнее мгновение, тебя выхватят из воды и примутся кричать: «Злобная ведьма, признавайся!» А в чем признаваться, когда ты ни в чем не виновата — ни в чем из того, в чем тебя обвиняют?! Но винить будут тебя, только тебя, и больше никого! У кого-то заболела овца — виновата ты! У кого-то ребенок свалился с сеновала — опять ты виновата, сглазила! Ты, только ты, потому что ты — ведьма!

— Но мы такого не делали и не будем делать! — возмущенно вскричала Корделия. — Никогда не будем!

— Ага, а ты попробуй скажи так тем, кто привяжет тебя к позорному стулу и снова окунет в воду! А будешь упрямиться и не признаешься, тогда тебя потащат к пыточному столбу и будут пытать огнем и каленым железом до тех пор, пока боль и вид собственной крови так не напугают тебя, что ты наконец завопишь: «Это я! Это я сделала! Говорите, что я должна сказать, и я скажу! Только перестаньте терзать меня!»

Корделия, побледнев, закрыла ладонями уши Грегори, но он нетерпеливо отмахнулся.

— Я все равно слышу ее мысли! — Он глянул на Магнуса. — Неужели все и вправду так, как она говорит?

Его брат угрюмо и печально кивнул:

— Мама и папа говорили нам, что к колдуньям очень плохо относятся. Но о таких ужасах они ни словом не намекали!

— Не сомневайтесь, разозленные крестьяне обходятся без намеков, — заверила его Фагия. — И в конце концов они поведут вас, измученных, избитых, истекающих кровью, на костер! А когда пламя обнимет вас со всех сторон, они будут кричать от радости!

Горько рыдая, она отвела взгляд.

Корделия, дрожа от волнения, посмотрела на братьев.

— Нечего удивляться, — сказала она, — что мама с папой так сердятся на тех, кто плохо говорит о волшебниках!

Магнус кивнул. Лицо у него стало как каменное.

Грегори робко подошел к Фагии:

— Так вы... поэтому хотели нас прогнать? Боялись, что мы позовем сюда людей, которые сделают вам плохо?

Фагия мотнула головой, уставилась на малыша:

— Нет, малыш! Бедняжка! Не поэтому! А из-за того, почему я прячусь здесь и живу в одиночестве, чтобы никто меня не разыскал!

Грегори наморщил лоб:

— И почему?

— Не из-за той обиды и боли, которую мне причинили, — отвечала Фагия, — и вовсе не из-за того, что я сделала им. Из-за того, что стало с ними из-за меня.

Грегори непонимающе покачал головой.

— С людьми что-то случилось из-за вас? — подходя к брату, проговорил Магнус. — Но кто же это сделал?

— Лонтар, — пожившись, ответила старуха. — Еще в ранней юности он решил творить зло где только можно. Он ухаживал за мной. «Почему двоим колдунам не пожениться? — так он говорил. — Представь, насколько возрастет наше колдовское могущество!» Но я-то его хорошо знала. Зло просто-таки сочилось из него, от него пахло злом. «Нет», — отвечала я ему. «Нет», — повторяла я вновь и вновь, но он все не отступался, и как-то раз, когда он пошел за мной до дверей моего дома, я захлопнула дверь перед его носом, да так, что угодила ему по физиономии. Он упал и лишился чувств, а я заперла дверь на засов и, дрожа, припала к ней. А когда он пришел в себя, ему оставалось только бесноваться, ибо колдуны-мужчины не способны заставить засов открыться, хвала Небесам!

Грегори быстро переглянулся с братьями.

— Ну а потом ему оставалось только слоняться у меня под дверь. Он и слонялся — то и дело, а потом наложил на меня заклятие. Стоило кому-то положить на меня глаз — и этот мужчина умирал страшной смертью. Сначала я не понимала, что все дело в Лонтаре, но за две недели все мои друзья умерли в жутких мучениях. Они лежат... О нет! — Она зажмурилась и проговорила: — Нет, я не стану об этом рассказывать детям!

Однако дети прочли ее мысли, и перед ними — на счастье, лишь на миг — предстала жуткая картина: разбросанные руки и ноги, торчащие кости. Даже Джеффри содрогнулся, а Корделия не удержалась и вскрикнула, но тут же

прикрыла рот ладошкой. Грегори испуганно пискнул и нырнул под юбку сестры. Она обняла малыша и уставилась на связанную колдунью, лежавшую на земле и горько рыдавшую.

— Нет! — выкрикнула Фагия в промежутке между рыданиями. — И зачем только, дети, вы всколыхнули эти страшные воспоминания, которые я схоронила в самой глубине моего разума!

— Нам очень, очень жаль, — пролепетала Корделия и переглянулась с братьями. Те поспешно удержали свои мысли — так, чтобы, как научила их мать, никто, кроме них самих, не мог их подслушать.

— Кажется, она не такая уж злюка.

— Наверное, да — раз не хочет, чтобы мы узнали про такой ужас.

— Да, верно.

Вслух Корделия сказала:

— Так вы поэтому хотели, чтобы мы ушли от вас?

Фагия кивнула:

— И поэтому я ушла и стала жить здесь, в лесу. Знайте же, дети: когда я увидела, как все, кто был мне дорог, погибли в таких страшных муках, я решила, что у меня больше никогда не будет друзей. Я бежала в лесную чащобу и здесь выстроила себе хижину, а это было так тяжело, так тяжело! В ту пору я была юной девицей, и мне было очень трудно одной — без друзей, без объятий любимого! Однако я не поддавалась слабости и отчаянию. Я осталась здесь, в лесной глуши, и часто мечтала о том, чтобы жизнь моя поскорее оборвалась!

— Вы... вы хотели... покончить с собой? — ахнула Корделия.

— Да, представь себе, — кивнув, подтвердила Фагия. — Однако я устояла перед этим искушением. Прошло уже пятьдесят лет, а я все еще живу здесь, питаюсь ягодами да кореньями, диким тимьяном и другими травами — всем,

что могу собрать в лесу. Время от времени сюда являлись те, кто готов был подружиться со мной, но я их всегда прогоняла.

— Не бойтесь, — заверил старуху Магнус. — Мы останемся вашими друзьями, но пробудем тут совсем недолго — всего несколько часов. Что дурного может с нами случиться за такое короткое время?

— А если мы вас развяжем, — спросила Корделия, — вы не станете чинить нам зло?

Фагия перестала всхлипывать и покачала головой.

Грегори уставился на узел, которым скрепил концы лианы. Узел начал медленно развязываться.

Фагия, глядя на узел, медленно села.

Лиана начала распутываться.

— Вот спасибо, — облегченно вздохнув, поблагодарила колдунья. — Однако прислушайтесь к голосу разума, дети. Бегите! Уходите от меня подальше!

— Мы пробудем здесь совсем недолго, — заверил ее Магнус.

— Не бойтесь, теперь мы все знаем, — усмехнулся Джеффри. — Пусть только кто-нибудь попробует ополчиться против нас!

Фагия, невзирая на страх, улыbnулась.

— Может, и вправду четверым таким смельчакам не страшно никакое зло, — проговорила она и изумленно покачала головой. — Но не забывайте: вы еще маленькие. Как вам выстоять против могущества взрослого колдуна?

Дети переглянулись. Не стоило напоминать друг другу, а также рассказывать Фагии о Колдунье с Красного Холма, о старике колдуне, что жил под горой. О них вообще не должен был знать никто из взрослых. Да никто и не поверил бы детям, а если бы про это узнали мама с папой — они бы очень огорчились.

— Думаю, такая опасность нам по плечу, — осторожно проговорил Магнус.

— Даже не так, — осклабился Джеффри на манер волчонка. — Если мы наткнемся на такого злого колдуна, пусть он защищается как следует, а то ему несдобровать!

— Уж больно вы заносчивы, — покачала головой Фагия и медленно, болезненно кривясь, поднялась на ноги и отряхнула с платья обгоревшие листья. — Ох, ноют мои старенькие косточки!.. Нет, детки, нельзя быть такими беспечными. Уж больно вы маленькие все-таки.

— А еще голодненькие, — потянув ее за юбку, сообщил Грегори. — Не угостите ли вы нас хоть кусочком чего-нибудь?

Фагия глянула на него сверху вниз, и ее лицо смягчилось.

Она развела руками:

— Что тут скажешь? Может, вы и правы и вам нечего бояться! Хоть часок с вами побуду! Пойдемте, дети, раздобудем какой-нибудь еды!

Дети с радостными возгласами последовали за старушкой, а та побрела по лесу в сторону своей избушки.

А в густой тени, за корявым корнем старого дуба в это время переглянулись и недовольно покачали головами двое маленьких человечков.

— Она правда очень хорошая и добрая старушка, — сонно пролепетал Грегори, поворочался, залез поглубже под одеяло и закрыл глаза.

— Ой! Ну и острый же у тебя локоть! — взвыл Джеффри.

— Я не хотел, — смущенно пробормотал Грегори и немного отодвинулся от брата.

— Тогда скажи, что просишь прощения, — строго говорил Магнус, лежавший по другую сторону от Грегори.

— Прости, — шмыгнув носом, послушно сказал Грегори.

В комнатушке стало тихо.

— Джеффри... — предупреждающе процедил сквозь зубы Магнус.

— Ну ладно, ладно... Я не сержусь, Грегори, — проворчал Джеффри.

— Похоже, она действительно рада, что мы остались у нее погостить, — послышался голос Корделии, которую хозяйка уложила на узкую лежанку у противоположной стены.

— Ну да, — согласился Грегори. — Как только она нас обо всем предупредила и сделала все, чтобы прогнать нас, она сразу стала добрая.

— Обед был неплох, — блаженно вздохнул Магнус. — Вот только я не понял, с каким мясом был пирог?

— Ни с каким, — с уверенностью начинающей повари-хи заявила Корделия. — Начинка была из орехов и кореньев, но на вкус напоминала дичь.

— А вышло вкусно, — похвалил Грегори, высунув голову из-под одеяла. — Ничего такого дикого.

— Дичью называют диких птиц, Грегори, — с улыбкой объяснил малышу Магнус.

— Хорошо, что она нас тут уложила, — вздохнул Джеффри, — но лично я предпочел бы поспать на вольном воздухе.

— Ну, так ступай, — фыркнула Корделия. — Не сомневаюсь, Робин и Келли тебя постерегут, пока ты будешь спать.

— А куда они подевались? — чуть капризно протянул Грегори. — Хочу моих эльфиков!

— Они неподалеку, не бойся, — заверил его Магнус. — Просто они не любят показываться на глаза взрослым.

— Особенно — Келли, — подтвердила Корделия. — Вспомни только, что с ним вышло, когда он в последний раз повстречался со взрослым!

— Ага, и что он потерял, — подхватил Магнус. — Грегори, — тихонько окликнул он и повторил: — Грегори!

Малыш глубоко и ровно дышал.

— Он спит, — прошептала Корделия. — Был долгий день, и он устал, маленький.

— А постель такая мягкая, — кивнул Джеффри. — Я уже тоже... — Он не договорил и громко зевнул.

Магнус улыбнулся и промолчал. Корделия тоже молчала.

Джеффри улегся поудобнее и вскоре тоже крепко уснул.

— Доброй ночи, сестренка, — прошептал Магнус.

— Доброй ночи, сладких снов, — отозвалась Корделия.

В комнате воцарилась тишина.

Магнус очнулся от острой боли в носу. Он задыхался! Он открыл рот, чтобы крикнуть, но в рот ему тут же попало что-то шершавое — комок шерстяной тряпки! Он вскочил — вернее, попытался вскочить, но не смог, потому что руки и ноги у него были связаны веревками.

Над ним склонилась Фагия. Ее морщинистое лицо издавало злорадная гримаса. Она визгливо хихикнула и радостно закивала. Во взгляде ее было что-то странное. Она как бы смотрела на Магнуса, но не видела его.

— Замерз, а? — каркнула она. — Не бойся, скоро согреешься!

С этими словами она развернулась и, продолжая хихикать, проворно вышла из комнаты.

Окаменев от страха, Магнус лежал неподвижно, прислушиваясь к мыслям братьев и сестры. Казалось, в комнате стало еще темнее. Из соседней комнаты слышалось приглушенное клацанье посуды. Мысли братьев и сестры Магнус ощущал еле-еле, но хотя бы убедился в том, что они здесь. Он с трудом приподнял голову и вгляделся в темноту. В тусклом свете луны он едва сумел различить силуэты Грегори, Джеффри и Корделии. Все они были связаны, как и он, и у всех во рту торчали кляпы.

Магнус откинулся на подушку. На лбу у него выступила испарина, он всеми силами старался сохранять спокойствие. На самом деле, бояться было нечего. Ну и что, что

старуха его связала? Нужно было только хорошенько сосредоточиться, и узлы развяжутся сами!

Но узлы и не подумали развязаться.

Магнус закрыл глаза и, отбросив все прочие мысли, стал думать только об узлах. Один из узлов слегка дрогнул, но этим все и ограничилось. Магнус сдался и снова лег неподвижно. По его щеке стекла струйка холодного пота. Какое же ужасное заклятие наложила на него Фагия? Да и не только на него — и на его братьев и сестер тоже!

И тут Магнусу вспомнился обед... Овощная похлебка, такая вкусная... Корделия уверяла его, что в ней нет ни кусочка мяса... А если не мясо, что же тогда в ней было, в этой похлебке? Мало ли какие травы туда могла подсунуть Фагия, пятьдесят лет прожившая в лесу? Как бы то ни было, эти травы явно могли притупить ощущения чародея и лишить его способности колдовать...

Фагия негромко напевала, и напев этот был странный, немелодичный и нестройный. Стучали и звенели горшки и сковородки, слышался скрежет несмазанных петель. Этот звук запомнился Магнусу во время ужина: так скрипела дверца духовки. Потом негромко зашипели мехи, Фагия хихикнула:

— Горяченькое... Хорошенькое горяченькое для бедненьких замерзших ребятишечек. И подливочка. Детишечки мяско не любят, если к нему не подать вкусенькой подливочки...

Она снова завела диковатый напев. Забулькала какая-то жидкость, стукнула о край сковороды деревянная ложка.

От злобной насмешливости старухи Магнуса пробрала дрожь. Теперь Фагия совсем не была похожа на добренькую бабуся. Он вдруг понял, какое именно проклятие наложил на Фагию злой колдун и какой именно жуткой смертью погибли ее друзья!

Корделия. Грегори. Джеффри. Он не имел права позволить, чтобы старуха людоедка убила их и поджарила в печке!

— Может, это так мстит старик колдун?

Это была мысль Грегори, но такая слабенькая, что Магнус с трудом уловил ее. Он подумал и понял, что младший брат прав.

— Она сама не знает, что творит, — подумал Магнус, вложив в это все силы, на какие только был способен.

— Да, конечно, — расслышал он тихую и далекую мысль Корделии. — У нее глаза как остекленевшие... А душа у нее спит!

— А тело не спит, — подтвердил Грегори.

— Но этого хватит, чтобы она приготовила из нас жаркое, — услышал Магнус мысль Грегори. Средний брат храбрился, но чувствовалось, что он с трудом сдерживает страх. — Но что же нам делать?

В дверях, загородив свет, горевший в кухне, появилась Фагия. Она подошла к кровати мальчиков, приговаривая:

— Бедненький маленький чародейчик! Он так замерз, малютка! Его надо согреть первым.

С этими словами она взяла Грегори на руки и направилась к двери.

Жуткий страх преодолел пелену дурмана, и Грегори мысленно закричал:

— Магнус! Корделия! Джеффри! Помогите мне!

Страх и гнев наэлектризовали его братьев и сестру, и они принялись осыпать старуху мысленными ударами, но колдовское снадобье лишило их сил. Фагия только покачнулась и обернулась, держа на руках Грегори.

— Голова закружилась... — пробормотала она. — Ой! — Она немного постояла, закрыв глаза, но тут же открыла их и усмехнулась: — Ну вот, все прошло. Пойдем, малютка, пора готовить ужин.

И она, шаркая, побрела в кухню.

Магнус одарил Фагию самым сильным мысленным ударом, на какой только был способен, но в это самое мгновение старуха запнулась за что-то более материальное. Она пошатнулась и тут же получила удар по спине, между лопатками, чем-то маленьким и темным. С диким воплем старуха упала на пол...

А Грегори, высвобожденный из ее разжатых рук, поплыл по воздуху прямо к открытой духовке.

Он мысленно кричал, глядя на полыхающее в духовке пламя.

Магнус испустил вздох облегчения и подумал:

— Опускайся, опускайся медленно.

Осторожно и бережно братья и сестра опустили малыша на пол.

Фагия, рухнувшая на пороге между спальней и кухней, попыталась подняться. У нее над головой возникла крошечная фигурка с миниатюрным молоточком в руке. «Кланг!» — ударил молоточек, и Фагия с измученным вздохом обмякла и снова рухнула на пол.

Маленькая фигурка хихикнула и развернулась к Магнусу. Это был Келли. Он проворно вскочил на кровать и выхватил кляп изо рта старшего из мальчиков.

— Ну вот... — довольно сказал лепрехун. — Теперь порядок. А было худо.

— Худо — это не то слово, — согласился Магнус. — Вот спасибо тебе, Келли. И тебе, Робин, спасибо, — добавил он, повернув голову к другому темному силуэту, чуть повыше Келли. — Спасибо вам обоим за то, что вы нас спасли!

— Пожалуйста, — буркнул эльф. Физиономия у него была совсем невеселая. — Что бы я, интересно, вашим родителям сказал, если бы доставил вас домой поджаренными? Хорошенькое дельце! — Он сердито зыркнул на Магнуса и перевел взгляд на Корделию и Джеффри. У тех тут же повыскакивали изо рта кляпы. — Ну и что,

спрашивается, с вами стряслось бы, не окажись рядом с вами эльфа?

— Мы бы погибли, — вытаращив глаза, пробормотала Корделия.

— Еще как погибли бы, — кивнул Пак. — Это вам не детские забавы — поиграл, встал и дальше пошел. Ну и как вы себя будете вести, когда ваш эльф в следующий раз станет уговаривать вас не ходить туда-то и туда-то, потому что там опасно?

С этими словами он воззрился на Джеффри.

— Мы послушаемся тебя, — не спуская смущенного взгляда с Пака, отвечал средний брат. — Теперь я понимаю, что бывает зло, против которого нам, детям, не выстоять — даже вчетвером!

— Мы будем тебя слушаться, — пообещал Магнус. — Даже к твоим сомнениям будем прислушиваться, Робин.

Пак искоса глянул на него. Однако он не мог долго сохранять серьезность. В его усмешке проскользнула обычная веселая хитринка.

Заметив это, дети приободрились.

— Ой, Пак! — радостно воскликнул Магнус. — А мы боялись, что ты и вправду на нас разозлился!

— А и разозлился бы — вреда от того большого не было бы, — буркнул Пак и пошел к Корделии. — Чем эта старая ведьма вас напичкала? Какой дрянью? Сейчас зелье повыветрилось, а?

— Сейчас попробую... — Корделия устремила взгляд на веревки, которыми были связаны ее запястья. Узел дрогнул и начал развязываться, но медленно, слишком медленно. — Похоже, мы мало-помалу приходим в себя.

— Не так быстро, как надо бы, — проворчал Пак, ухватился за концы веревки и проворно развязал узел. — Развяжи-ка их, коротышка!

— С хорошими манерами у тебя не слишком, мордастый, — буркнул лепрехун. — Но уж что умею, то умею, —

самодовольно проговорил он и безо всякого труда быстро справился с узлами, скреплявшими путы Джеффри.

Магнус самостоятельно освободил руки и выхватил из ножен кинжал. Разрезав им веревку, опутывавшую его лодыжки, он соскочил с кровати и бросился к младшему брату, но тут же чуть было не упал — на счастье, он успел в последнее мгновение ухватиться за косяк двери. Ступни у него так затекли, что он ни шагу не мог сделать без боли.

— Ага, кровь сердится за то, что ей мешали течь, как положено, — понимающе кивнул Пак. — Потерпи, скоро это пройдет.

— Да времени нету терпеть, — отозвался Магнус и попрыгал на одной ноге к Грегори. — Она может очнуться в любое мгновение.

— Не бойся, — успокоил его Келли. — Молоточек мой пока при мне.

Но Магнус уже развязал Грегори, и малыш крепко обнял старшего брата за шею.

— Ну, ну, малыш, теперь все хорошо, — стал успокаивать его Магнус. — Было страшно, а теперь уже нет.

— Молоточек там, не молоточек, надо бы поскорее смотаться отсюда, — сказал Пак. — При хорошей погоде лучше оставаться в лесу, а уж эта избушка вся пропахла Злом. Пойдемте, дети!

Он развернулся к двери. Джеффри и Корделия, не раздумывая, последовали за ним. Магнус легонько подтолкнул вперед Грегори, обернулся, посмотрел на Фагию, сдвинул брови.

Пак тоже обернулся и встревожился:

— Не надо, парень! Пойдем!

— Она просто оглушена, — возразил Магнус. — А я так думаю, для нас было бы лучше, если бы она подольше пролежала без чувств.

Корделия испуганно взглянула на Магнуса:

— Что ты задумал, братец?

Магнус не отрывал глаз от ведьмы.

— Да что он такое делает? — всполошился Джеффри.

Грегори дотянулся ручонкой до его плеча:

— Не бойся. Он навевает ей сонные мысли.

Джеффри явно стало завидно. Магнус уже целый год как научился внушать другим людям свои мысли, а у Джеффри это пока не получалось. Но у него хватило ума промолчать.

Глаза старой ведьмы вдруг изумленно открылись, она несколько раз подряд моргнула, встревоженно дернулась — видимо, догадалась, что с ней происходит. Грегори и Джеффри проворно схватили Магнуса за руки и передали ему свои силы. Глаза Фагии снова закрылись, тело обмякло, и она ровно и мирно задышала.

— Молодцы ребята, — похвалила братьев Корделия.

— Тише, — предупредил ее Магнус. — Пока она еще недостаточно глубоко уснула.

— Ну, теперь пошли, — поторопил детей Пак. — Пошли, пошли, пусть бабуля поспит.

— Да, пойдемте, — кивнул Магнус и отступил в сторону, чтобы пропустить остальных. — Теперь можно уйти без опаски. — Он развернулся было к выходу, но тут же обернулся и обвел взглядом спальню. — Грегори!

Малыш парил над спящей Фагией, скрестив под собой ноги, и, нахмутив брови, смотрел на лицо спящей колдуньи.

— Магнус, — озадаченно пробормотал малыш. — Что-то у нее не так с умом!

Пак и Корделия обернулись. Джеффри и Магнус замерли.

— Не так? — осторожно спросил Магнус. — Как именно — не так?

— Погоди, я поняла, о чем он говорит, — воскликнула Корделия и быстро вернулась к лежавшей на полу Фагии. — Там у нее какие-то... чары... Они очень глубоко спрятаны...

— Корделия! — в тревоге вскрикнул Магнус. Фагия пошевелилась во сне, забормотала. Магнус тут же перешел на шепот. — Осторожнее! — проговорил он. — Держи свою метлу покрепче, на всякий случай!

— Да хватит тебе суетиться, — прошипела в ответ Корделия. — Опасности нет, а и была бы — ты бы меня сразу назад оттащил. Погоди, не трогай меня. Я сейчас быстренько загляну в ее разум.

С этими словами она опустилаcь на колени и пристальнo уставилась в лицо спящей старухи.

— Нет уж, на сей раз вы послушаетесь своего эльфа! — решительно заявил Пак и встал рядом с девочкой. — Пойдем, дитя. В глубине чужого разума всегда таится опасность!

— Да нет, не так это глубоко лежит, — пробормотала Корделия. — Помнишь, Пак, того северного колдуна, который напускал чары на всех солдат, что пытались ополчиться против него? Мама научила меня, как снимать такие чары.

— Ну, тогда... пожалуй...

Пак не договорил, нахмурился и стал наблюдать за Корделией и старухой.

Корделия не спускала глаз с Фагии. Братья стали полукругом рядом с нею. Через некоторое время девочка зябко поежилась:

— Какие злобные чары! У этого злого колдуна не разум, а помойная яма!

— Что же он сотворил? — тихо спросил Магнус.

— Он привязал ее желание заводить хорошие отношения с людьми к желанию есть. А в детстве родители, бывало, отказывали ей в сладостях, когда она их требовала, — так и должны поступать заботливые родители, если не хотят, чтобы их дети заболели. Ну а Фагия сильно обижалась на них за это, как обижаются все дети. Она, конечно, несмотря на это, любила родителей, и накопленные в детстве обиду и злость из-за страшного заклятия затем стала обрушивать на всех, кто к ней хорошо относился. Она ест людей, чтобы отомстить своим маме и папе.

— А она сама-то знает об этом? — возмущенно вскричал Джеффри.

— Тс-с-с! — шикнула на него Корделия. Фагия снова пошевелилась во сне.

Магнус прикрыл губы Джеффри ладонью.

— Она ничего не знает, — зашептала Корделия, — как мы и думали. Злой колдун набросил заклятие на ее разум способом, который папа называет гипнозом. Стоило Фагии очнуться от колдовского забытья — она ничего не помнила, но когда она засыпает, она снова впадает в забытье, когда рядом люди, к которым она испытала теплые чувства. Все, что она творила нынче ночью, — это так, как бывает у лунатиков.

— А ты можешь разрушить эти чары? — спросил Магнус.

— Могу. Они сильнее и глубже, чем те, что накладывал колдун Альфар, но все же лежат не так глубоко, чтобы я не могла отыскать их корни. Дай мне ручку, малыш, помоги мне.

Корделия взяла Грегори за руку и неотрывно уставилась на спящую Фагию. Пак свирепо нахмурил брови и стоял наготове.

Фагия заерзала на полу, пробормотала какие-то неразборчивые слова. Несколько раз ее тело дрогнуло, а потом вдруг напряглось и обмякло, и старуха испустила глубокий вздох.

Облегченно вздохнула и Корделия, откинула голову, опустила руки.

— Да... — выдохнула она. — Это было нелегко.

— И очень опасно! — укоризненно добавил Пак.

Корделия покачала головой:

— Только потому, что я могла устать, но мне очень помог Грегори. К тому же он почувствовал кое-какие слабые места, которые я упустила. Теперь все кончено, и Фагия больше никогда не станет есть людей. Она проснется отдохнувшей и более здоровой, чем когда-либо. — Девочка закрыла лицо ладонями и содрогнулась. — О, но как же должен быть злобен и жесток этот колдун Лонтар, что так поиздевался над чужим разумом!

— Он еще жив? — сдвинув брови, спросил Джеффри. Корделия пожала плечами.

— Может, и жив, — вступил в разговор Келли. — О нем порой поговаривают фэйри. Но где его обитель — никому не ведомо.

— Что ж, теперь мы знаем о нем, — рассудительно проговорил Магнус и обернулся к Паку. — И если мы встретимся с ним, Робин, мы будем настороже. Ясно, что с этим колдуном шутки шутить нельзя.

— И он заслуживает смерти! — сверкая глазами, подхватил Джеффри. — Если он нам попадется, братец, медлить будет нельзя! Мы его уколошим — он и глазом моргнуть не успеет!

— Ну, уж это вряд ли! — Пак, подбоченившись, вперил гневный взор в мальчика. — Он вам не попадется, уж вы в этом не сомневайтесь! Потому что прямо сейчас мы немедленно пойдем домой! Пошли отсюда! В дорогу! Мигом!

Джеффри мстительно зыркнул на него.

Магнус обнял брата за плечи:

— Не рискуй, Джеффри. Вспомни про перепончатые лапки...

Джеффри вздрогнул, вздохнул и капитулировал:

— Ладно, Пак, как скажешь. Как скажешь, так и будет.

— Домой! — весело проворковал Грегори.

5

Все торопливо шагали по лесной тропинке, расстроенные и потрясенные. Особенно переживал Грегори:

— И как только человек может быть таким злым, Пак? Женщин вообще обижать не годится — они слабее. Но ведь этот колдун исподтишка заколдовал Фагию!

— Да, это подло, согласен, — кивнул эльф. — Но бывало, люди и что похуже творили.

— Но ведь он ей всю жизнь исковеркал! — возмущенно воскликнула Корделия.

Пак пожал плечами:

— А ему какая забота? Ему главное было, что он ей помстил. Что ему за дело до ее пропащей жизни?

— Нет, про более подлого Сассенаха я в жизни не слышл, — пробурчал Келли, глаза которого метали молнии. — Если мы найдем его, его надо будет казнить!

Грегори зябко поежился.

— Пожалуй, это было бы правильно, — высказал свою точку зрения Векс. — Он совершил много зла, но это вовсе не оправдывает его убийства.

— Может, и нет, но надо сделать так, чтобы он перестал вредить другим!

— Неужто, братец, — ухмыльнулся Джеффри, — ты думаешь, что нам под силу засадить за решетку колдуна?

Магнус, нахмурившись, глянул на среднего брата:

— А почему бы и нет?

— Да потому, что он смоеется, исчезнет из самой глубокой темницы!

Взгляд Грегори стал задумчивым и отстраненным.

— А может быть, все-таки можно было бы...

Джеффри презрительно глянул на малыша.

— Думаешь, можно было бы соорудить тюрьму для колдуна? Берегись, братец! Как бы тебе самому в этой тюрьме место него не оказаться!

— Если выйдет так, то он сумеет выбраться, не переживай, — заверил Джеффри Магнус. — Кто другой — навряд ли. Я так думаю, что если нам удастся изловить этого злого колдуна, мы придумаем, как его пленить.

— И как же, интересно, мы его изловим? — скривившись, поинтересовалась Корделия.

— А вот как! — вскричал Магнус и ударил по плечу Джеффри. — Тебе водить!

Джеффри свирепо развернулся к нему, но Магнус исчез. Послышался хлопок, и сразу за ним — второй, поскольку Джеффри тоже исчез. Из чащи леса в сотне футов впереди слышалось:

— Я тебя осалил, теперь ты води!

Снова донесся звук хлопка, и еще одного — с верхушки дуба в нескольких ярдах от тропы. Дерево сильно раскачалось после следующего хлопка, и слышался голос Магнуса:

— Тебе водить!

Джеффри свирепо взвыл, а Магнус в ответ расхохотался, после чего снова раздался хлопок, а за ним последовал еще один. Мальчишки опять друг за другом исчезли.

Келли испуганно нырнул за ближайший дубовый корень, выступавший из земли.

— Что это за дурацкая игра?

— Игра маленьких чародеев, — ответил ему Пак. — Знаешь, дети смертных играют в салочки?

— Это когда один убегает, а другой должен его догнать и прикоснуться к нему? Ну да, знаю.

— Ну, так это почти то же самое, только тот, кто водит, должен успеть прочитать в мыслях убегающего, куда тот решил направиться, за мгновение до того, как тот исчезнет. Потом «вода» тоже исчезает и должен постараться снова появиться именно там, куда переместился убегающий.

— И еще «вода» должен стараться скрывать свои мысли, чтобы его не обнаружил тот, кто убегает, — добавила Корделия, не отрывая взгляда от верхушки дуба.

Келли нахмурился:

— Ну а ежели, скажем, тот, кто водит, не успеет прочесть мысли убегающего? А ежели он прочтет его мысли неверно?

— Ну, тогда он должен мысленно обшарить округу и снова поискать мысли убегающего.

Магнус со звуком, подобным маленькому раскату грома, появился рядом с Грегори. Глаза его весело сверкали.

— Спрячь меня! — крикнул он шутливо и притаился за стеной у малыша.

— А я тебя вижу, разбойник! — воскликнула Корделия, и Грегори зажмурился, изо всех сил сосредоточился и стал думать о яблоках и апельсинах. Он представил себе большую чашу, наполненную этими фруктами, вообразил, как чудесно они пахнут.

Послышался хлопок. Джеффри прокричал:

— Я тебя осалил! — хлопнул Магнуса по плечу и, подскочив к Грегори, добавил: — Я его потерял. Он исчез, не оставив после себя даже следа мыслей. Но когда я стал его искать, я вдруг увидел картинку в твоём сознании — чашу чудесными фруктами. И тогда я подумал: «С чего бы это Грегори вдруг думать о еде?» — и понял, что так ты пытаешься спрятать Магнуса и что он наверняка где-то рядом с тобой.

— Больно долго говоришь, — рассмеялся Магнус, ударил Джеффри по плечу и исчез, успев крикнуть: — Тебе во...

— Не по правилам, братец! — гневно прокричал Джеффри. — Ты должен был договорить слово! — Увы, он разговаривал с пустотой. Сердито нахмуившись, Джеффри разъярился и осалил Грегори. — Теперь ты тоже играешь! — крикнул он и исчез, издав треск вроде того, какой слышится, когда огниво ударяется о камень, высекая из него искру. Грегори, весело вскрикнув, исчез следом за ним.

Корделия сердито топнула ногой:

— Фу! Какие противные! Ведь знают, что папа их ругает, когда они затевают эту игру! Он боится, что может выйти так, что двое из них появятся в одном и том же месте, и тогда оба погибнут!

— Это верно, — кивнул Пак. — Но только на самом деле он боялся такого до тех пор, покуда ваша матушка не сказала ему, что чародеи очень прозорливы и, исчез-

нув, ни за что не появятся внутри дерева или камня, и когда мальчики играют в такие салочки, один из них всегда хоть на долю мгновения опережает другого.

— Я знаю, — не унималась девочка. — Но все равно папа говорил, что взрослые чародеи научились этому фокусу только потому, что некоторые из них погибли в детстве из-за этой рискованной забавы!

— Однако твои братцы живы, — напомнил ей Пак. — И ваш папа понял, что живы они потому, что их разум оберегает их от опасности.

На самом деле эльф поражался тому, как замечательно Магнус придумал, как отвлечь братьев и сестру от страшных ночных воспоминаний. Пак ни на миг не сомневался, что именно этого и добивался старший брат.

— И все равно! — упрямо проговорила Корделия. — Мама им запретила играть в эту игру и бросать меня одну! — Вне себя от зависти, Корделия уставилась в ту сторону, откуда донеслось несколько хлопков подряд. — Злые, противные мальчишки! Играют без меня!

— Ну а тебе что мешает? — удивился Келли. — Иди! Догоняй их! Вперед, девочка!

— Не могу, — в отчаянии покачала головой Корделия. Келли непонимающе сдвинул брови:

— Почему не можешь? Разве ты хуже их читаешь чужие мысли?

— Не хуже, — мотнула головой Корделия. — Может, даже и получше. Я телепортироваться не умею. В смысле... исчезать в одном месте и появляться в другом.

— Это ни одна волшебница не может, — хмуро буркнул Пак и глянул на Келли. — Такое под силу только чародеям. Неужто ты таких простых вещей не знаешь?

— Не знаю, — смущенно отозвался Келли и покраснел. — Да и теперь не верю, потому что слышу об этом от англичанина. Так это правда, детка?

Корделия неохотно кивнула.

— Но откуда ты про то знаешь?

— Папа мне говорил, и мама тоже. Да и не только они. Все другие чародеи и волшебницы, которых я встречала.

— Ну что ж, — притворно вздохнул Келли. — Если все так говорят, стало быть, это так и есть.

— Попридержи свои насмешки, — буркнул на него Пак, но Корделия ничего не заметила — она слишком упорно старалась следить за телепортационными «салками» телепатически. Лесная чащоба то и дело оглашалась хлопками, негромкими взрывами и криками: «Тебе водить!», «Нет, тебе!», «Дом!», «Да нету у нас никакого «дома», не в то играем!»

Послышался очередной хлопок, и перед Корделией на тропе возник Магнус. Оглядевшись по сторонам, он обескураженно проговорил:

— Где же он? Он разве не вернулся к тебе, сестренка?

— Нет, не вернулся. А кто из двоих должен был вернуться?

В следующее мгновение с громким хлопком рядом с ними появился Джеффри и шлепнул по плечу Магнуса:

— Я тебя осалил!

— Да погоди ты! — отмахнулся от него старший брат. — Стой, не исчезай. Я потерял след Грегори.

Джеффри пожал плечами:

— Ну, так ведь в том-то и смысл игры. Радуйся, что у него так здорово получается.

— Радоваться нечему, — покачал головой Магнус. Будучи старшим братом, он обязан был заботиться о младшем и теперь был не на шутку встревожен. — Он еще маленький — вдруг ушибется... Послушай его мысли, Джеффри. Если ты услышишь хоть крошечную хорошую мысль, я сделаю вид, что ничего не знаю, ничего не слышал, и мы продолжим игру. Но я должен, должен узнать, что с ним все в порядке!

— Ой, Магнус! — раздраженно воскликнула Корделия. — Он уже не младенец! Грегори отлично понимает, что такое опасность.

— Верно, — согласился Джеффри. — Глупо с твоей стороны так волноваться.

Однако на сей раз тревога Магнуса оказалась вполне обоснованной.

Грегори появился посреди чащи леса на некотором расстоянии впереди остальных и, к превеликому своему изумлению, увидел перед собой полдюжины небритых мужчин в грязных и оборванных мундирах, ржавых стальных шлемах. Мужчины ошарашенно переглянулись.

Грегори стало страшно, но не успел он передать Магнусу мысль о том, что с ним случилось, как двое мужчин бросились к нему и схватили его за руки. Грегори замер от ужаса и выпучил глаза.

— Хо! — крикнул один из небритых мужиков. — Это еще что за пакость?

— Что за пакость? Так ведь это ж парнишка, Бертрам, — всего-навсего мальчуган. Ты что, не видишь, а?

— О! Да нет, видеть-то я вижу, Хью. Да только что он тут делает, вот что интересно.

— Хороший вопрос, — отметил Хью, сдвинул брови и уставился на Грегори. — Как это ты тут появился, посреди нас, да еще с таким грохотом, а?

Грегори было всего шесть лет, и он был честным мальчиком и потому сказал правду:

— О, я просто играл!

— Играл? — Хью и Бертрам недоверчиво смотрели на него. — Это что за игра такая?

— Салки-леталки.

— Салки-леталки? — еще более недоверчиво переспросили небритые Хью и Бертрам.

— Ну да. Это когда один перелетает с места на место, а другой должен по его мыслям понять, куда он перелетел.

— По... мыслям? — Недоверчивость уступила место страху. Хью и Бертрам сильнее сжали руки Грегори. Грегори ойкнул от боли и скривился, но мужчины не обратили на это никакого внимания.

— Да он, видать, ведьмино отродье!

— Ясное дело, да только какой он ведьмы и какого колдуна сынок! — Хью прищурился. — Ну-ка, отвечай, как тебя звать?

— Гр...Грегори. Г...Гэллоу...гласс.

Бертрам, Хью и их приятели переглянулись и дружно кивнули:

— Тот самый, за которым нас и послали.

Грегори перепугался не на шутку. Что же он наделал!

Но тут он заметил в том, как выглядели мужчины, кое-что странное, и страх немного отступил. Малыш нахмурился:

— Но у вас мундиры разного цвета. Кто же вас мог послать?

— Чего? — выпучили глаза все шестеро.

— Я про вашу одежду говорю, — смело отвечал Грегори. — Это не военная форма — вы все одеты по-разному. Выходит, вы не из войска какого-то одного лорда, а значит, никакой лорд не мог послать вас за мной.

Шестеро мужчин снова озадаченно переглянулись.

— Говорили же нам, — осклабился один. — Догадливы они, эти ведьминские отродья!

— Угу! Надо кокнуть его, да и дело с концом!

— Ко...кокнуть? — вырвалось у испуганного малыша, и он мысленно прокричал: — Магнус! Корделия! Джеффри! На помощь! — А вслух он пролепетал: — За что?! За что вы хотите меня убить? Я вам не сделал ничего дурного!

— Это еще бабушка надвое сказала, — проворчал Бертрам. — Раз ты — ведьмино отродье, ничего хорошего от тебя ждать нечего, а вот дурного очень даже можно ждать.

У Грегори от такой глупости дар речи пропал. А в сознании у него прозвучал голос Магнуса:

— Держись, братик.

А потом — голос Корделии:

— О, Грегори!

— Не паникуй, Корделия! Грегори, слушай меня! Мы боимся нападать на них — боимся, что они тогда тебя ударят.

— Но если кто-то из них тебя хоть пальцем тронет, улепетывай! — добавил Джеффри. — А если прихватишь с собой двоих разбойников — не бойся, мы с ними живо разделаемся!

— Если получится, так и сделай, — согласился Магнус. — А мы пока постараемся разыскать тебя. Ты же попытайся потянуть время. Заговаривай им зубы, сколько сможешь, а мы начинаем вас искать.

Грегори сглотнул подступивший к горлу ком. Ему стало немного легче, но до конца страх не прошел.

— Так вы только из-за этого хотите меня убить?

— Нет, — проворчал Хью. — Тут, понимаешь, дело в деньгах — чистое серебро нам обещали. Жизнь тяжелая стала у нас — у тех, кто бродит по лесам. Вот и приходится разживаться пропитанием и звонкой монетой, где только получится.

— Это солдаты, которые дезертировали из войска своих господ! — послышалась возмущенная, гневная мысль Джеффри. — Берегись, малыш! Из-за чего бы они ни покинули свои посты, похоже на то, что они совершили какие-то серьезные проступки!

— Толку от тебя, Джеффри! — мысленно вспыхнул Магнус. — Грегори, малыш! Они хотят поговорить! Задавай вопросы, спорь! Но только не молчи, разговаривай с ними!

Разговаривать? Но как? Грегори собрал всю храбрость, на какую только был способен, и попытался:

— Но как же вы меня убьете и получите серебро? У меня никаких денег нету!

— Кстати... — проворчал третий солдат и быстро обыскал Грегори. — Правду говорит. Нету у него кошель.

— Да конечно, нет, Клодог! — процедил сквозь зубы Хью. — Он же малявка, сосунок, откуда у него кошель?

— Ну, того... — почесав макушку, объяснил Бертрам. — Деньжат мы с того огребем, кто нас нанял, чтобы мы и тебя кокнули, и твоих братцев, и сеструху.

У Грегори по спине побежали мурашки.

— Но... А откуда же вы узнали, кого вам надо убить?

— А как не узнать, когда нам сказали: прикончить надо мальцов Верховного Чародея, — охотно ответил Хью. — Разве тут ошибешься? Про вас весь Грамерай знает: три мальчишки-колдуна и девчонка-ведьмачка!

Грегори постарался не показывать виду, что слышит возмущенные восклицания братьев и сестры.

— А-а-а... Кто же мог вас нанять? Кто нас так сильно ненавидит?

— Да все враги папаши вашего, — фыркнул Бертрам.

Хью пожал плечами:

— А кто их знает, кто они такие были? Подвалили к нам трое — тощие, поджарые, глазищи так и горят... Отсыпали нам серебра и еще пообещали, ежели мы вас прикончим. — Он невесело покачал головой. — Жалко вообще-то. Ты, похоже, славный паренек.

— Ежели бы только колдуном не был, — проворчал Клодог.

— Как бы то ни было, серебришко нам не помешает, — буркнул Бертрам и замахнулся кинжалом.

— Не надо, погодите! — вскрикнул Грегори, в ужасе уставившись на сверкающее лезвие клинка. — Вы говорите... Вы говорите, вам пообещали за нас серебро? Так папа вам даст больше, чтобы выкупить нас!

Рука Бертрама, занесенная для удара, дрогнула и замерла.

— Больше?

— Он вам золота даст! — в отчаянии выкрикнул Грегори.

— Да кто даст-то? — скривился Хью. — Папашка твой пропал! Так сказали эти, тощие. Да и все, кого мы встречали по дороге, тоже так говорят.

— Король! — воскликнул Грегори. — Король Туан заплатит за нас выкуп!

Бродяги дезертиры переглянулись.

— Что ж, может, и вправду... — протянул Бертрам. — Говорят, король высоко ценит своих колдунов.

— Не нравится мне это, — буркнул еще один разбойник и затравленно обвел взглядом чашу — словно бы в страхе, что, того и гляди, из-за деревьев сейчас выскочат королевские ратники.

— Да ладно тебе, сам-то он сюда не явится, — фыркнул Хью. — Он же король как-никак — скорее рыцаря пошлет.

— Ага, рыцаря с целым отрядом.

— А мы ему скажем, чтобы он такого не делал.

Грегори облегченно вздохнул и расслабился. Но тут он заметил блеск в глазах Хью и снова встревожился.

— А на что нам золото за одного мальчика, когда мы можем огрести деньжат сразу за четверых, а? — промурлыкал Хью.

Грегори смотрел на него, чувствуя себя воробышком, угодившим в логово змей.

Хью помахал кинжалом и приставил его острие к горлу малыша.

— Позови своего старшего братишку, — выдохнул Хью. Грегори не отрывал глаз от разбойника.

— Магнус! — мысленно крикнул он. — Он хочет, чтобы ты тоже пришел! Но ты не ходи сюда, это опасно!

— Может, и опасно, — отозвался Магнус, — вот только не для нас.

Хью крутанул клинок, надавил сильнее.

— У тебя уже кровь выступила, — гаркнул он. — Зови его, да поживее!

Послышался раскат грома, и хотя разбойники этого ожидали, они все же невольно попятнулись. Рядом с Грегори возник Джеффри.

— Он позвал меня, — надменно скривившись, проговорил он. — Чего вам от меня надо?

Хью побагровел и снова шагнул вперед:

— Вот те на! А что, больше нету?

Джеффри сжал губы, прищурился:

— Почему же нет? Всего нас четверо. Но неужто вы настолько глупы, что желаете, чтобы мы все тут появились?

Хью ухватил Джеффри за плечи здоровенными ручищами и прошипел:

— Да нет, сосунок, это вы глупые, а не мы. Зови брата!

— А ты бы не спешил так, — огрызнулся Джеффри. — Не слишком ли вы расхрабрились — вы, трусливо бежавшие от своего господина, а?

Хью влепил ему пощечину тыльной стороной ладони.

— Попридержи язык, когда со старшими разговариваешь! Давай зови брата, кому говорят?!

— Ладно, ты сам этого захотел, — выпалил Джеффри и мысленно позвал: — Иди сюда, братец! Овечки для заклятия приготовлены!

С громовым раскатом рядом с братьями появился Магнус. Он с притворной учтивостью поклонился Хью:

— Мои братья сообщили мне, что вы желаете с нами побеседовать.

Разбойники-дезертиры выпучили глаза и остолбенели от такой дерзости.

Магнус сочувственно кивнул:

— Понимаю, это сильно действует на нервы. Даже наш папа — и тот говорит, что, наверное, никогда не сумеет

привыкнуть ко всем этим нашим появлениям и исчезновениям.

Бертрам выругался и приставил лезвие кинжала к горлу Магнуса.

— Стой! — одернул его Хью. — Еще девчонки не хватает.

— Это вы о моей сестре? Так вы и на девочку готовы руку поднять?

— Не учи меня жить, молокосос, — прищурившись, прошипел Хью. — Чем зарабатываю на жизнь, тем и зарабатываю!

— Можно прожить и не убивая детей.

Хью развернулся к Магнусу и, брызгая слюной, выпалил:

— Прятаться в чаще? Спать на хворосте? Жрать корешки и ягодки? Ну да, ежели повезет, барсучье мясо. Разве это жизнь? Нет, чтобы жить по-человечески, мне нужно золотишко!

— Которое, как я понимаю, ты добудешь ценой моей крови?

— Ага, и ценой твоей печенки и кишок, ежели потребуется, — проревел Хью. — А теперь давай-ка зови свою сестру!

Магнус вздохнул и зажмурился.

— Побереги силы, — слышался мысленный голос рассвирепевшей Корделии. — Я уже лечу к вам.

— А Робин?

— Он вместе с Келли впереди меня. Векс стоит наготове неподалеку, но моего милого единорога я оставила позади.

— Она скоро будет здесь, — сообщил Магнус. — Но придется немного подождать. Девочки не умеют так исчезать и снова появляться, как мальчишки.

— Ну, стало быть, пока что мы разделяемся с вами, — осклабившись, заявил Хью и кивнул Бертраму. Тот ухмыльнулся и занес кинжал для удара.

Грегори вскрикнул и дернулся. Братья испуганно закричали, глядя на то, как их младший братец, уподобившись маленькому смерчу, швырнул наземь разбойников, которые его держали. Кинжал Бертрама упал на землю.

Бертрам попытался подняться, но в это мгновение сверху послышался пронзительный вопль, и с неба на Бертрама свалилась... Корделия. Она с лету ударила разбойника ногами, и тот повалился навзничь.

— Грязное животное! — вскричала десятилетняя волшебница. — Малышей вздумал убивать, да?

Другие разбойники с ревом кинулись к девочке, но налетели на нечто невидимое, что подбросило их в воздух на пару футов и подвесило посреди деревьев. Физиономии у мерзавцев полиловели, они отчаянно размахивали руками и пытались орать, но с губ их срывалось только нечленораздельное мычание.

Хью, выпучив глаза, уставился на них, развернулся и сильно ударил Магнуса по лицу. От удара Магнус отлетел назад, а Хью схватил Грегори, повернул его к себе спиной, приставил кинжал к глотке малыша и стал пятиться.

— Не подходите! — рявкнул он. — Не пробуйте приближаться, а не то я ему горло перережу!

Джеффри гневно прищурился. От земли оторвался увесистый камень, подпрыгнул ввысь и упал на макушку Хью. Руки разбойника разжались, глаза закатились, и он мешком рухнул наземь.

— Грегори? Ты ранен? — с криком бросилась к младшему братишке Корделия и подняла его на руки, но Грегори, широко раскрыв глаза от ужаса, уставился на висевших между деревьями разбойников.

— Корделия... — пролепетал малыш. — Что с ними такое случилось?

К подвешенным посреди чащи разбойникам шагнул эльф росточком в восемнадцать дюймов и возгласил:

— Слушайте меня, о люди без сердца, ибо я знаю, что пока вы еще способны слышать, но через несколько мгновений вы перестанете дышать! Перед вами стоит Пак, собственной персоной, а ваши мерзкие глотки сжимают петли из тончайшего и крепчайшего паучьего шелка, сплетенные эльфами, сидящими на высоких ветках!

— Подлецы! Поганцы! — послышался неистовый выкрик из густой листвы. Развернувшись, дети увидели Келли, который восседал на ветке рядом с маленьким человечком, а тот не спускал глаз с невидимых узлов и петель. — Ну так что, соберем эти подгнившие плоды, а?

— Пак, не надо их убивать! — вскричала Корделия. — Спору нет, они очень гадкие, но не настолько же!

— Ну, это ты зря, положим, — процедил сквозь зубы бледный и дрожащий Джеффри. — Они бежали от своих братьев по оружию. Такие мерзавцы наверняка способны на все.

Разбойники перестали дергаться. Их выпученные глаза потускнели.

Пак кивнул Келли:

— Перережьте веревки.

Ирландский эльф дал знак брауни, и разбойники с треском рухнули на землю. Следом за ними на землю попрыгали коротышки-брауни, росточком всего с фут, поработали маленькими блестящими ножичками, и вскоре поверженные разбойники начали медленно дышать.

— Они живы, — брезгливо заключил Пак. — Хотя лично мне жаль, что это так. Однако не хотелось вас чересчур пугать, ребятки.

— Спасибо вам всем, — облегченно выдохнула Корделия, а Грегори, прижавшись к сестре, молча кивнул.

Эльф протопал к неподвижно валявшемуся на земле Хью, встал возле того, подозрительно нахмурился.

— Он без чувств, — сообщил Пак, — но думаю, детки, вы могли бы заглянуть в его разум. Там вы найдете образы тех подлецов, что натравили на вас этих негодяев.

— Они старые, — сказал Магнус. — Тощие, с горящими глазами и редкими волосами.

Грегори кивнул:

— И они из тех, кто не желает никакой власти.

— Ясное дело, — процедил сквозь зубы Джеффри. — И они уже неплохо в этом преуспели. — Он поежился. — Подумать только! Какая ж это власть, если воины бегут из войска!

6

Все тронулись вперед по залитому лунным светом лесу. Первым шел Пак, сразу за ним — Корделия верхом на единороге. Процессию замыкал Келли, усевшийся за спиной девочки.

— И чего, спрашивается, — хмыкнул он, — я раньше ноги сбивал?

— А еще меня в недогадливости попрекал, — фыркнул Пак.

Но примерно через полчаса единорог неожиданно остановился, поднял голову и посмотрел на восток.

Джеффри нахмурился:

— Что это с ним?

— Думаю, он чувствует что-то такое, чего не ощущаем мы, — решил Пак, приставил ладонь, сложенную чашечкой, к уху и прислушался. Через несколько мгновений он покачал головой. — Нет, я ничегошеньки не слышу. А ты что скажешь, Лошадиная Морда?

— Минутку, сейчас включу усилитель, — отозвался Векс, запрокинул голову и повернул уши в том направлении, куда смотрел единорог. — Слышу крики, — сообщил он немного погодя. — Крики высокой частоты... В смысле — пронзительные, тоненькие. Они приглушены расстоянием.

— Тоненькие, говоришь? — нахмурился Пак. — И к тому же эти голоса привлекли внимание единорога? Значит, это зовет на помощь кто-то из Колдовского Народа. Скорее, дети! Надо разыскать их!

Детей не пришлось долго уговаривать.

С полчасца они торопливо шли по лесу. Пак перебирался через корни, вилял между колючими кустами. Векс шел за ним и протаптывал дорогу для остальных. Следом за ним шел единорог. Он взволнованно раздувал ноздри и тарашил глаза.

Наконец и дети услышали крики. Действительно, голоса были очень тоненькие и испуганные. По мере приближения дети различили слова:

— На помощь!

— На помощь!

— Помогите, люди добрые!

— Похоже, прямо сейчас опасности для них нет, — заключила Корделия. — Они в отчаянии, но не слишком сильно напуганы.

— Давайте поищем, откуда слышатся голоса, — предложил Магнус.

— Отсюда! — крикнул Пак.

Дети остановились. Голоса слышались настолько слабо, что казалось — издалека. А Пак нырнул в кусты прямо под носом у Векса и принялся раздвигать ветки. Единорог мелодично заржал и шагнул вперед, осторожно наступая на невысокие кустики и опавшую листву. Вскоре перед глазами детей предстала маленькая железная клетка, а в клетке — двое крошечных человечков ростом не выше фута. Оба были одеты в зеленые одежды, но у одного из них она была украшена цветами, а у другого — красными, желтыми и оранжевыми листьями. Человечки опасливо глянули на детей и очень обрадовались, увидев единорога.

— Он... он из Серебряного Народа! — радостно воскликнул первый человек.

— Приветствуем тебя, о чудесный зверь с бархатной шкурой! Какая великая удача привела тебя сюда?

Единорог негромко заржал и ткнулся носом в прутья железной клетки.

— Он хочет, чтобы мы выпустили их на волю, — поняла Корделия, опустилась на колени возле клетки. Фэйри примолкли и уставились на нее, широко раскрыв глаза. — О, не бойтесь меня. Я вам ничего плохого не сделаю!

— Это просто девочка, — успокоила свою сестрицу фея в одежде, украшенной цветами.

— Верно. Человеческое дитя не пожелает нам зла, — откликнулась другая — в платье, украшенном разноцветными листьями. — Меня зовут Осень, а это моя сестрица Лето.

Лето сделала учтивый реверанс. Она была пухлая и розовощекая. Ее губы не покидала улыбка — казалось, фея улыбается непрерывно.

— А меня зовут Корделия, — сказала девочка и вежливо склонила голову. Реверанс, стоя на коленях, сделать было бы трудновато. — Что это за гадкое узилище, в которое вы угодили?

— Да это всего-навсего ловушка для кроликов, — подсказал Пак. — Как же так, феи? Что же вы за недотепы такие, если так глупо попались?

— Хорошо, мы — недотепы, — буркнула Осень. — Тогда ты — болван и грубиян. Стоишь тут, ругаешь нас, вместо того чтобы помочь нам обрести волю.

Она была тоненькой и стройной, с коротко стриженными каштановыми волосами.

— В ловушку попал заяц, — объяснила Лето. — Мы услышали, как он бьется внутри, взяли палочки и попробовали открыть дверцу и освободить его.

— Очень милосердно поступили, — хмыкнул Пак. — Ну а он в знак благодарности запер вас внутри?

— Почти так, — призналась Осень. — Мы подцепили дверцу палочками и держали открытой, а заяц выпрыгнул наружу и задел меня задней лапой. Меня отбросило назад, внутрь.

— Меня тоже сильно ударило закрывающейся дверцей, — добавила Лето, — и мы оказались взаперти.

— Но что же это за ловушка, если она способна удерживать фей? — удивилась Корделия.

— Ловушка из Холодного Железа, — буркнул Пак. — Надо же! Какими же глупыми надо быть, чтобы вот так рисковать!

— И какой ты нахал, что стоишь и насмехаешься над нами! — сердито подбоченившись, воскликнула Осень.

— И правда, Пак! — укоризненно проговорила Корделия. — Ты ведешь себя очень жестоко! Неужели у тебя жалости совсем нет?

— Ну нет, и что? А ты думаешь, им от моих слов так уж плохо?

— Конечно, плохо! От недобрых слов порой бывает больно!

— Только не им. Да ты сама спроси!

Корделия вопросительно глянула на фей-сестричек.

Губы Осени расплылись в улыбке.

— Что верно, то верно. Мне от его слов не холодно и не жарко.

— И мне тоже, — с улыбкой подхватила ее сестра. — Покуда я могу дерзить ему в ответ.

— Ну просто как дети, — укорила их Корделия с высоты своих десяти лет.

— А о времени не думают, совсем как взрослые, — заметил Джеффри и обеспокоенно огляделся по сторонам. — Кто бы ни поставил эту ловушку, он скоро придет ее проверить. Разве не стоит выпустить этих фей на волю?

— Конечно, и как можно скорее! — воскликнула Корделия. — Но как она открывается?

— Нужно просто приподнять задвижку, только и всего, — уверенно проговорил Джеффри, опустился на колени, приподнял задвижку и открыл дверцу. Феи выбежали из клетки и тут же взмыли ввысь на легких прозрачных крыльях, радостно крича:

— Мы свободны! Мы свободны!

— О благословенный воздух!

— И проклятое Холодное Железо, — проворчал Пак, глядя на клетку-ловушку. — Как же так, эльф? Неужто здешним охотникам обязательно ставить железные ловушки и капканы?

— Вовсе нет — иначе Колдовской Народец жестоко мстил бы людям за это. — Келли подошел к нему и устремил возмущенный взгляд на клетку. — Тутешние охотники ставят деревянные ловушки, ежели жёлают заполучить добычу живой. А если они этого не хотят, то ставят веревочные силки с петлями, в которых зверьки сразу погибают.

— Стало быть, этот охотник — новичок в здешних лесах, — мрачно заключил Пак. — Либо он тут давно охотится, но решил попробовать сделать это по-новому. — Он развернулся к Осени и Лето. — Будьте осмотрительнее, феи, ибо нет у меня сомнений в том, что кому-то здесь плевать на Колдовской Народец.

— А также на страдания животных, — добавил Келли. — Берегитесь: быть может, в ваших лесах полным-полно таких железных ловушек.

— Если так, то мы с ними скоро разделаемся, — пообещала Осень.

— Не беспокойтесь — мы передадим всем-всем весть об этом, — заверила эльфов Лето. — А вам, смертные, мы очень благодарны. — Она учтиво поклонилась Джеффри и Корделии. — Теперь мы у вас в долгу.

Корделия обменялась взволнованным взглядом с Джеффри. Это надо же! Феи — у них в долгу!

— Если вам когда-нибудь потребуется наша помощь, — сказала Осень, — только позовите, и где бы вы ни были на нашем острове Грамерай, кто-то из Колдовского Народца примчится вам на помощь.

— Однако слишком полагаться на эту помощь не стоит, — поспешил урезонить детей Пак. — На фей, как говорится, надейся — а сам не плошай, — добавил он, сверля братьев и сестру строгим взглядом. — Лезть на рожон все равно нельзя.

— Не будем, не будем, — широко раскрыв глаза, заверила его Корделия.

Пак молча уставился на Джеффри.

Джеффри пару мгновений смотрел на него, упрямо сдвинув брови, но не выдержал и отвел взгляд:

— Ну ладно, ладно, как хочешь! Я тоже не стану шутить с опасностью!

— Вот и славно, — довольно кивнул Пак и обернулся к Лето и Осени. — Однако нам следует предпринять поиски. Какой-то смертный орудует Холодным Железом во владениях Колдовского Народца — а это нестерпимо. Нет, этого негодяя следует отыскать и проучить. Пойдемте, дети!

С этими словами он развернулся и, гордо подняв голову, зашагал по лесу.

Дети проводили его изумленными взглядами. Наконец Джеффри радостно ухмыльнулся и бросился следом за Паком.

Магнус взглянул на Грегори, улыбнулся, поднял его с земли и усадил на Векса впереди себя. Грегори радостно засмеялся и пришпорил стального скакуна. А огромный конь-робот испустил что-то наподобие тяжкого вздоха.

Корделия последовала за ними верхом на единороге, весело напевая:

— На о-хоту, на о-хоту, мы поедем на о-хоту...

Все время, пока они шли по лесной тропе, Джеффри то и дело оглядывался и одаривал сердитыми взглядами Корделию, которая ехала верхом на единороге, пела и плела венок из собранных цветов. Две феи ехали вместе с ней и болтали без умолку. Магнус наблюдал за братом и видел, что тот становится все мрачнее с каждым шагом. Через некоторое время Магнус обратился к Паку:

— Мы идем уже несколько часов, Робин. Я успел проголодаться.

Джеффри проворно оглянулся:

— Вот-вот! Есть хочется, любезный Пак! Я сейчас скоренько что-нибудь раздобуду! Давай отдохнем и перекусим.

Векс задрал голову, глянул на небо сквозь полог листвы и определил время.

— Скоро взойдет солнце, — сообщил он. — Сделайте привал, отдохните и поищите чего-нибудь съедобного.

Джеффри, издав охотничий клич, исчез за кустами. Шуршание листвы вскоре стихло, и Джеффри исчез для всех, кроме певчих птиц, — да и птицы скорее всего не были слишком уверены в том, что кто-то бродит по лесу.

Корделия соскользнула со спины единорога.

— Скажи, милая Лето, какие ягоды тут можно отыскать поблизости?

— Пожалуй, малину. Пойдем, я тебе покажу, где она растет!

Грегори, прыгнув на землю, уселся под деревом и приклонился к его стволу спиной. Через пару мгновений глаза его сами собой закрылись, а голова упала на грудь.

Пак улыбнулся:

— Я так и думал. Прошлой ночью вы недоспали.

— А вот Джеффри не пожелал вздремнуть, — возразил Магнус.

Пак сердито пожал плечами:

— Джеффри — известный непоседа. Он, похоже, думает, что, пока он спит, жизнь пробегает мимо. Но и ему нужно поспать.

— Да, а то что-то он стал мрачен. Наверное, сердится на Корделию из-за единорога.

— Ну да, — кивнул Пак. — Ей он позволяет ехать на себе верхом, а Джеффри близко не подпускает.

— Точно, — согласился Магнус. — Как бы ссоры не вышло.

Пак искоса взглянул на него:

— А знаешь, мальчик, когда-нибудь ты станешь мудрым командиром. Все так, как ты говоришь. Тебе следует придумать, как отвлечь Джеффри от этой зависти, а не то он может и вправду закатить скандал.

— Я и сам об этом думал, — признался Магнус. — Вот только ничего измыслить не могу. Единорог его ни за что к себе не подпустит. Что же делать?

— Ты еще не догадался? — хитро усмехнулся Пак. — А ты подумай хорошенько, парень. Единорог Джеффри к себе не подпускает, но разве этот чудный зверь обижает его?

— Нет, — медленно протянул Магнус. — Пока Джеффри не пытается к нему подобраться. — Пак выжидательно кивнул. — Значит, — задумчиво проговорил Магнус, — надо сделать так, чтобы зверь расположился к Джеффри, подобрел к нему, не подпуская близко к себе.

Пак довольно ухмыльнулся:

— Молодчина, додумался. Осталось только измыслить, как это сделать.

Догадка пришла к Магнусу, когда компания заканчивала завтракать.

Все время, пока они ели, Магнус смотрел по сторонам, пытаясь придумать, как отвлечь Джеффри от черной зависти. Теперь, когда Корделия, собрав ягод, сидела на траве вместе с остальными, а не верхом на единороге, и ела жареную куропатку, Джеффри, похоже,

немного успокоился, однако Магнус понимал: стоит Корделии снова усесться верхом на своего скакуна — и все начнется сызнова. Джеффри придется мириться с тем, что он идет пешком, а сестра восседает на чудесном звере. Конечно, он мог бы полетать или сесть верхом на Векса, но это было совсем не то. Он и раньше летал и ездил на Вексе, а верхом на единороге — ни разу.

Магнус глянул на единорога, который стоял футах в тридцати от костра и жевал листья, срывая их губами с невысоких веток. Обернувшись, он обратил внимание на Корделию. Та успела сплести венки не только для себя, но и для фей. Магнуса озарило, и он радостно усмехнулся.

— Корделия, — окликнул он сестру, — не одолжишь ли мне пару твоих веночков?

Девочка подозрительно посмотрела на старшего брата:

— Зачем они тебе понадобились?

— Просто так. Поиграть.

Корделия Магнусу, конечно, не очень поверила, но в его просьбе не было ничего дурного, и она бросила Магнусу несколько венков.

Магнус поймал их, взял один и, весело ухнув, бросил единорогу.

Единорог обернулся, вздрогнул и был готов убежать, но увидел, что к нему летит веночек. Он заржал, припал на передние ноги, нацелился рогом и подцепил им веночек.

— Нет! — вскрикнула Корделия, вскочив на ноги. — Это нечестно!

А Магнус проворно перебросил венки Джеффри и Грегори. Единорог помотал головой, раскрутил пойманный веночек и отбросил его Магнусу. Тот поймал его с радостным криком:

— А я и не думал, что он бросит веночек обратно!

— И со мной, и со мной так поиграй! — воскликнул Грегори и бросил веночек единорогу.

— Нет, теперь моя очередь! — крикнул Джеффри, и его веночек тоже полетел к единорогу.

Веночек, брошенный Грегори, отлетел в сторону — малыш был не слишком ловок, но единорог отбежал в сторону и успел подцепить цветочное колечко рогом, после чего одним грациозным прыжком оказался на прежнем месте, поймал на рог веночек, брошенный Джеффри, и победно заржал.

— Нет! Нет же! Отдайте мои венки! — прокричала в отчаянии Корделия.

— Успокойся, детка, — посоветовал ей Пак. — Они же просто играют, а поиграют — отдадут тебе твои веночки.

— Что тогда от моих веночков останется!

— Ну порвутся они, и что? Новые сплетишь.

— Ой, ничего ты не понимаешь, Робин! У-у-у! Как же они меня разозлили!

— Ну, ясное дело, — негромко проговорил Пак. — Ведь это же твой единорог, правда?

— Мой! Мой! Как они смеют с ним играть?

— А почему бы и тебе тоже не поиграть, а? — невинно спросил Пак. — Если единорог с тремя детьми играет, то где трое — там и четверо.

— Но они вообще не имеют права с ним играть! Он мой!

— Ну уж нет. Что нет, то нет. Единорог — дикий и свободный зверь, детка. Он подружился с тобой, но это не значит, что теперь ты стала его хозяйкой. Никогда так не думай, потому что как только единорог это почувствует, он тут же убежит.

Корделия замолчала, но по тому, как она смотрела на братьев, было видно, что злиться она не перестала.

— Посмотрите, как он старается поймать веночек всякий раз, когда ему бросают, — проговорила тоненьким голоском Лето. — У него глаза так и сверкают. А как он радостно ржет! Нет, похоже, этому единорогу очень нравится играть с твоими братишками — куда они не подходят ближе.

Взгляд Корделии самую малость смягчился.

— Ты, — рассудительно заметил Векс, — единственная, кому единорог позволяет подходить близко. Так почему твоим братьям немного не поиграть с ним, если он не возражает?

— Верно, с твоей стороны это было бы проявлением большой щедрости, — подтвердила Лето.

Злость Корделии почти совсем отступила.

— Покажи им, что ты не против их игры, — поторопила девочку Осень.

— Это как же?

— А ты включись в игру, — ответила фея.

Корделия не двигалась с места. Видно было, что она колеблется.

— Что же это? — удивился Келли. — Они будут играть с твоим единорогом, а ты — нет?

Корделия решительно сжала губы и проворно нарвала пучок цветов.

— А я уже сплела для тебя веночек, — сказала Лето и подала девочке цветочное колечко.

— Вот спасибо тебе, добрая Лето! — воскликнула Корделия и ловко бросила венок единорогу. Заметив летящий венок, серебристый скакун довольно заржал, подцепил венок рогом, раскрутил и бросил обратно.

Лето облегченно вздохнула.

— Угу, — кивнул Пак. — Пришлось схитрить, но зато теперь они играют все вместе.

— А девочка не отвернется от единорога из-за ревности и зависти, — лучисто улыбнувшись, добавила Осень.

— Ох-ох! — покачал головой Келли. — Полон горшок, а что в нем варится — чепуха одна, чепуховина! И почему только эти смертные такие упрямые?

Однако и он тоже вместе с Паком и феями с довольной улыбкой наблюдал за играющими детьми. На самом деле это зрелище их так зачаровало, что они не заметили, как

по лесу, перебегая от одного дерева к другому, подбираются все ближе к детям несколько человек.

Они производили не больше шума, чем ветер в подлеске, и наконец остановились за первым рядом деревьев — четверо мужчин в стальных шлемах и кольчугах. Они не спускали глаз с детей и были готовы в любое мгновение броситься на них.

Корделия решила восстановить себя в правах ближайшей подружки единорога и, подбежав к зверю, протянула ему венок:

— Вот, Серебристый! Не хочу больше бросать венок, хочу подарить его тебе.

В этот же миг из-за дерева к Корделии бросился первый из солдат.

И в этот же миг Джеффри бросил свой венок так, что тот отлетел слишком далеко в сторону. Можно было даже подумать, что он хочет попасть венком в Корделию.

Единорог так не подумал. Он ловко скакнул в ту сторону и запрокинул голову, чтобы подцепить венок на рог.

Солдат победно вскричал и бросился к девочке. Единорог пропорол рогом его кольчугу. Плечо солдата обогрилось кровью, он с воплем ужаса попятился и побледнел, поняв, как близка была его гибель.

— Засада! — гневно возопил Джеффри. — Какой-то злодей вздумал напасть на нашу сестренку! Держи его, братцы!

Но в это самое время со всех сторон затрещали кусты, и солдаты набросились на детей, издавая кровожадные боевые кличи. Грегори жалобно вскрикнул, Корделия злобно завизжала, а плененный Джеффри свирепо стиснул зубы. Руки его были свободны, и он бросил венок прямо в физиономию тому злодею, что схватил Корделию.

Солдат оторопел от неожиданности, ослабил хватку, и Корделия вырвалась на волю.

Магнус взял на себя того злодея, который держал Грегори, и швырнул в него венок. Этот венок был сплетен из

шиповника и потому был колючим. Солдат взвыл от боли и отпустил Грегори. Тот мгновенно взмыл вверх, словно ракета, и исчез в листве. Тот негодяй, что держал Джеффри, выпучил глаза, увидев это, и тут ему в лоб угодил венок, брошенный Корделией. Джеффри метнулся ввысь и приземлился рядом с Корделией.

— Не надо было вмешиваться! — возмущенно воскликнул он. — Я бы его и сам уложил в следующее мгновение!

— Ну какой же ты у нас рыцарь! — скривилась Корделия.

Четвертый солдат, державший Магнуса, крепче сжал руки.

— Вы меня веночками не запугаете! — объявил он. — Я его не отпущу!

Магнус опустил голову и уставился на ступни солдата. Плеть повилики поднялась из травы, оплелась вокруг щиколотки негодяя, до колена... и вдруг с силой дернулась. Солдат выкрикнул ругательство, запрокинулся назад, но на ногах устоял. Лишь на краткий миг он разжал руки, но Магнусу этого хватило, чтобы вырваться и обрести свободу.

Первый солдат злобно завопил и снова бросился к Корделии.

Единорог не оставил девочку в беде: он пошел в атаку, пригнув голову и наставив на врага свой острый золотой рог. Солдат с испуганным криком отскочил в сторону, но слишком поздно: на его щеке выступила полоска крови. Солдат, пошатываясь, отступил и выхватил из ножен меч. Единорог приплясывал перед ним, ловко отражал удары, мотал головой и заставлял солдата отступать все дальше и дальше.

— Ах вот как? Ты вознамерился ранить моего единорога! — возмущенно вскричала Корделия. — Ах ты, подлая тварь! Получай же!

В это же мгновение меч вылетел из руки солдата и заплясал перед его лицом. Солдат побледнел, отшатнулся и спрятался за дерево, страхась даже выглянуть оттуда. Неподалеку двое солдат пали наземь от ударов копыт огромного черного коня.

Уцелевший негодяй взревел и бросился на Джеффри. Тот с громким хлопком исчез, а через секунду появился за спиной у солдата, уперся тому в спину согнутой в колене ногой и цепко обхватил врага рукой за шею. Солдат побагровел, закашлялся, схватил Джеффри за руку, пригнулся и перебросил мальчика через себя. Но Джеффри, конечно же, не упал на землю — он только взлетел выше, сорвал с дерева подгнивший плод и швырнул его в своего обидчика с криком:

— Корделия! Садись верхом и скачи отсюда! Мы не сможем отступить, покуда ты здесь!

— А зачем отступать? — дерзко отозвалась девочка. — Нет уж, давайте останемся и поколотим их как следует!

— А я бы сказал, что он прав, — заявил Пак, встав рядом с девочкой. — Может, вам и повезет, а может, они схватят вас исподтишка, одного за другим. Беги, девочка! Или ты хочешь увидеть, как кто-нибудь из них пронзит копьём твоего единорога?

Корделия в ужасе ахнула, бросилась к единорогу и проворно уселась на него верхом.

— Скорее, мой миленький! Убегай отсюда, чтобы эти гадкие свиньи остались далеко позади!

Единорог заржал и встал на дыбы, подпрыгнул и пустился галопом. Он лавировал между деревьями настолько ловко, что казалось, будто бы он скачет сквозь них.

— Девчонка удрала, сержант! — вскричал солдат.

— Догоним, найдем! — крикнул в ответ сержант-здоровяк. — Хватайте мальчишек!

— Ну, это вряд ли, — дерзко проговорил Джеффри, и сверху на солдат посыпался град гнилых плодов. Солдаты

стали разбегаться, но плоды не отставали от них и с противным звуком расплющивались у них на физиономиях.

— Бегите, пока они не видят вас! — крикнул Пак. — Отступайте, ребята!

— Куда, зачем? — приземлившись, спросил Джеффри, не скрывая боевого задора. — Ты что, и вправду думаешь, что они выстоят против нас?

— Да, я так думаю! Все возможно! Вы можете промахнуться, устать, зазеваться, в конце концов.

— Ну уж нет! Ни за что! Мы останемся и зададим им по первое число. Они у нас все будут без чувств валяться на поляне!

— Это ни к чему, — заметил Магнус. — И бить их без нужды не стоит.

Джеффри растерялся.

— Когда нужно, мы тебе всегда поможем, братик, — проговорил Грегори. — Ты знаешь. Но сейчас уйдем, прошу тебя, куда еще можно!

— Уходим! — поспешно скомандовал Пак. — Нужно выведать, кто их послал! Зачем хватать овец, когда можно схватить пастуха?

Солдаты успели очистить физиономии от мякоти гнилых плодов и снова пошли в атаку.

— Ну ладно, — недовольно и разочарованно проворчал Джеффри. — Уходим!

Он расслабился, выпрямился и с громким хлопком исчез. Последовало еще два хлопка, и солдаты, озадаченно переглядываясь, остались одни на опустевшей поляне.

Грегори сглотнул слюнки, широко раскрытыми глазами глядя на то, как жарящиеся куропатки покрываются аппетитной золотистой корочкой.

— О чем вы там шепчетесь, Робин? — спросил озаренный пламенем костра Магнус, глядя на то, как крошечный лесной эльф что-то бормочет на ухо Паку.

Эльф отстранился, а Пак сел прямее и кивнул:

— Все так, как мы думали.

Джеффри довольно ухмыльнулся:

— А как же иначе! Доспехи у них в отменном состоянии, а оружие начищено до блеска. Это были не дезертиры, а солдаты из войска какого-то лорда.

Пак утвердительно кивнул:

— Так и есть — вот только эти мерзавцы не знали, что местные эльфы следили за каждым их шагом. — Он усмехнулся и прищурился. — А ведь мне сразу показалась знакомой их форма.

— И чьи же они солдаты?

— Судя по гербу, — задумчиво проговорил Пак, — это граф Дрош, вассал лорда Габсбурга.

— Он из Габсбурга? — нахмурился Джеффри. — Но что он делает во владениях Тюдоров?

— Ничего хорошего в этом нет, — заметила Корделия.

— А ты как думаешь, Робин? — спросил Магнус. — Не желает ли он присоединиться к герцогу Тюдору ради каких-нибудь зловных козней?

— Нет! — сверкая глазами, возразил Джеффри. — Он небось хочет сразиться с Глинном, повелителем этих земель! О Робин! Скоро грянет бой! О, пожалуйста! Я должен обязательно остаться здесь и посмотреть!

— Ни за что! — Пак вздрогнул и в ужасе воскликнул: — Чтобы я позволил семилетнему мальчишке остаться поблизости от поля боя? Это слишком рискованно, тебя могут ранить!

— Разве кто-то посмеет тронуть ребенка?

Пак хотел было ответить, но передумал и сказал:

— Ты маловато знаешь о том, как ведут себя воины во время сражения, парень. Нет. Что я скажу твоим папе с мамой, если с тобой что-то случится?

— Но...

— Никаких «но»! — грозно нахмурился Пак. — Вот вернется твой папаша, пусть ведет тебя на поле боя, пусть разрешает стоять неподалеку от места схватки! Ранят тебя — так пусть это будет на его совести, а я рисковать не желаю, покуда ты вверен моим заботам! Ты не мой сын, в конце концов.

— Слава Богу, — еле слышно пробормотал Джеффри, а Пак развернулся и потопал к лесу.

Вскоре он обернулся и свирепо глянул на детей:

— Чего сидите? Вставайте и следуйте за мной.

— Но ведь, — возразил Грегори, — солдаты ушли в другую сторону.

— Это ты верно подметил, — сухо отозвался Пак. — Пошли, говорю.

8

Вскоре после рассвета они вышли из леса на луг, усеянный дикими цветами.

— Как красиво! — воскликнула Корделия и добавила: — А вон дорога!

Справа по склону вилась пыльная дорога, уводившая к раскинувшимся внизу полям.

— Там люди, — сообщил Магнус, восседавший на спине Векса. — Однако рано же они поднялись.

— Сельские жители всегда поднимаются рано, — сообщил ему Векс. — У меня есть предложение: не мог бы единого выбрать более тайный путь?

— Зачем это? — возмутилась Корделия.

Пак покачал головой:

— Должен признать: железный зверь говорит дело. Сама подумай, девочка, что могут сильные взрослые люди сделать с этим чудесным созданием!

Корделия широко раскрыла глаза:

— Только не говори, что они могут попытаться пленить его!

— Еще как могут. А потом будут стараться отобрать его друг у дружки, — со снисходительной усмешкой проговорил Джеффри. — Начнут драться — так и его убьют.

Корделия спрыгнула со спины единорога так проворно, словно она уподобилась раскаленной плите.

— О, я этого не перенесу! — воскликнула она и ласково обняла бархатистую морду единорога. — Не стерплю, если тебя кто-нибудь обидит! Нет-нет, мой любименький, мой драгоценный! Ступай, спрячься. Мы непременно разыщем тебя, когда вернемся в этот лес.

Но единорог горделиво запрокинул голову. Казалось, он хочет сказать, что ничего не боится.

— Нет, прошу тебя! — взмолилась Корделия. — Спрячься! Ты не знаешь, как жестоки могут быть некоторые люди!

Пак усмехнулся, однако не насмешливо, а любовно.

Единорог пару мгновений смотрел прямо в глаза Корделии; потом мотнул головой, развернулся и затрусил к лесу.

— Как ты думаешь, Пак, увижу ли я его снова?

— Кто знает? — негромко отозвался Пак. — Он — создание дикое и вольное. Ни одному человеку не дано призвать его и ждать, что он откликнется на зов. Не дано это и девочкам. Единороги приходят и уходят, когда захотят. — Он обернулся к Корделии и улыбнулся. — Но я думаю, что этот сам пожелает вернуться. — Он отвернулся. — А теперь — в путь! Пойдемте по этой дороге.

И они стали спускаться с холма, щедро усыпанного цветами. По пути им попался огороженный выпас. У изгороди с двух сторон были устроены перелазы. Неподалеку от второго перелаза стояла миловидная юная крестьянка, на губах которой играла насмешливая улыбка, а перед ней, сжав кулаки, стоял молодой крестьянин. Было видно, что он сильно нервничает. У него даже костяшки пальцев побелели.

— Да ну тебя, Корин, — кокетливо проговорила девушка. — Неужто ты надеешься, что я положу глаз на труса?

Магнус и Джеффри остановились и уставились на девушку.

— О, да она — красавица! — ахнул Магнус.

Джеффри сглотнул подступивший к горлу ком.

Корделия глянула на братьев так, будто решила, что они сбрендили. Грегори одарил их примерно таким же взглядом.

— Трус? Я — трус? — взорвался Корин. — Нет! Я такой же храбрый, как любой из мужчин в деревне. Ты только покажи мне врага — и я сражусь с ним!

— Врага? — надула губки девушка. — Ну так пойди в лес! Поброди по холмам! Пройдись по любой большой дороге! Враги сами набросятся на тебя — разбойники, воры, беглые преступники! Да, да, вот как плохи нынче дела! Всякий, кому не сидится на месте или у кого есть хоть унция храбрости, нарушает закон, а потом бежит из дому, прячется в лесу, промышляет воровством, а жену с ребятишками бросает. Вот и приходится нам, бедным женщинам, принимать ухаживания всяких трусов, бездарей и зануд!

Пак спрятался в зарослях вереска у ног Магнуса, но дети услышали, как он проворчал:

— Не может быть, чтобы все было так худо!

— Все это неправда! — воскликнул Корин. — Нет нужды мужчине творить злые дела только потому, что он — мужчина! О нет, сила и храбрость нужны для того, чтобы остаться дома и заботиться о тех, кого любишь!

— Любишь? — насмешливо скривилась девушка. — А мне плевать на то, что ты называешь любовью. Забота — ну, это еще куда ни шло, да только от заботы — ни радости, ни веселья.

Корин шагнул к девушке, протянул руки:

— Если бы ты меня любила, то поняла, как не права!

— Если бы я тебя любила, — фыркнула девушка, — я бы стала такой же занудой, как ты. О нет, как бы я смогла полюбить мужчину, который готов бросить своих жену и детей на произвол судьбы, чтобы их обижали и грабили!

— Я бы никогда так не поступил! — вскричал Корин.

— Да ну? А как же ты поступаешь-то, а? Разве ты не позволяешь этим разбойникам разгуливать по холмам, по долам, как они пожелают? Разве ты не разрешаешь ворунам с большой дороги грабить кого ни попадя? О нет, женщина теперь не осмелится из дому выйти одна! Всего два дня прошло — а уж три девушки брошены и страдают, а дюжина мужчин бежали в горы. И это были настоящие мужчины. — Она дерзко посмотрела в глаза Корина. — А не сосунки какие-нибудь.

— За два дня? — недоверчиво фыркнул Пак. — Да не может такого быть — уж больно скоро.

Но тут у всех в сознании зазвучал голос Векса:

— Такое могло случиться, если враги Верховного Чародея заранее подготовились к тому, чтобы учинить подобные подстрекательства, и только ждали его исчезновения, чтобы, образно выражаясь, спустить с привязи своих агентов.

Корин покраснел:

— Ты ошибаешься во мне, красавица Феба! Но что я мог сделать, чтобы удержать их? Я-то хоть остался для того, чтобы охранять деревню!

— И уж конечно, ты отобьешь набег врагов, если они нападут! — насмешливо фыркнула девушка.

— Да что же мне еще делать-то? — в отчаянии вскричал Корин.

— Что делать? Пойти к шерифу, встать под его знамя и сражаться на его стороне и изловить всех разбойников, которые готовы обрушиться на нас! Но только вряд ли ты на такое решишься, потому что это же опасно! Только насто-

ящие мужчины, которым страх нипочем, готовы выступить вместе с шерифом!

Взгляд Корины наполнился решимостью. Он выпрямился, расправил плечи:

— Ошибаешься, Феба. Вот прямо сейчас к нему и пойду, и тогда ты увидишь, какой я трус!

— О, мой храбрец! — воскликнула девушка, бросилась к Корину, обняла его и одарила таким страстным и долгим поцелуем, о котором парень и не мечтал. Когда Феба отстранилась, Корин, задыхаясь, недоуменно уставился на нее. — Ну, ступай же, — проворковала девушка. — И докажи мне, что ты — мужчина!

Корин растерянно кивнул, развернулся и побрел по тропинке, что вела через пастбище к большой дороге.

Феба проводила его взглядом, в котором вскоре появилось... презрение.

— Не сомневаюсь, такое она учинила с половиной парней в своей деревне, — пробормотал невидимый для девушки Пак. — Келли, поспеши! Разущи местных эльфов, узнай у них последние вести: неужто и вправду всего за два дня так расцвели бесчинства и разбой?

— Ухожу, — отозвался лепрехун своим хрипловатым голоском. — Если парней в войско шерифа вербует такая мерзавка, ясно, как следует поступить с этим шерифом!

Магнус тем временем направился к Фебе, а за ним и Джеффри — словно их подтягивали на невидимой ниточке.

Магнус кашлянул:

— Прошу прощения, но мы невольно подслушали ваш разговор. Пожалуйста, скажи нам, кто этот шериф, про которого ты говорила?

Феба удивленно обернулась, но тут же очаровательно улыбнулась.

— Как же так, мальчик! — изумленно проговорила она. — Неужто ты не знаешь, кто такой шериф?

— Знаю, — кивнул Магнус. — Это тот человек, который следит за тем, чтобы в округе исполнялись королевские указы, собирает подати в королевскую казну и вершит суд по не слишком важным делам. Также он обязан сражаться с разбойниками, если по какой-либо причине этого не делают бароны.

— Верно! Все правильно, — рассмеявшись, кивнула Феба. — Но только наш шериф поважнее будет. Он служит в самом Раннимеде и видел, что даже в вотчине короля их величества не могут совладать с ворами и разбойниками. Мало этого — они не могут навести порядка во всем своем королевстве! Королевскому войску приходится то и дело выступать то в один конец страны, то в другой. Солдаты топают через наши поля, опустошают наши житницы, забирают наши припасы, сделанные на зиму. Тут и там вспыхивают бунты, и многие готовы ополчиться против короля с королевой и свергнуть их! Да что долго говорить — всего-то за два последних дня графы Левеллин и Глинн вздумали заграбастать себе побольше земель и даже не подумали спросить об этом у их величеств! Вот они и созвали всех своих рыцарей, велели крестьянам бросать работу на полях — а ведь сейчас лето, самая страдная пора! — и пошли войной друг на друга! А их величества что делают?

— Не знаю, — оторопело пробормотал Джеффри. — А что они делают?

— Да ничего они не делают, малыш, — отвечала Феба с серебристым смехом. — И вот нашему доброму шерифу до смерти надоело то, что они сидят сложа руки. Им овладел праведный гнев, и он объявил, что от короля нашего теперь нету никакого толку. И еще он сказал, что ежели король не может уследить за тем, чтобы его указы исполнялись, так он сам этого добьется! Вот для того-то он и собирает деревенских парней в свой вооруженный отряд и очищает дороги от всякого отребья, чтобы женщины могли ходить по дорогам, не опасаясь за свою жизнь. Он уже

разбил наголову одну разбойничью шайку — и с каждым днем все больше и больше парней встают под его знамя!

— Нечего этому дивиться, — процедила сквозь зубы Корделия, — если им попадают такие девицы, как ты!

— Но это же здорово! — вскричал Джеффри. — Давайте и мы разыщем этого шерифа и пойдем вместе с ним в бой с разбойниками и негодяями! Пусть потом скажут, что и мы помогли восстановить мир в нашей стране!

— Не думала, что все так ужасно, — сухо проговорила Корделия.

— Это все началось, как только ушли мама и папа, — напомнил ей Грегори.

Магнус не отрывал глаз от лица Фебы. Наконец он мотнул головой и проморгался:

— Но скажи мне — какая разница между тем, что делает этот шериф, и тем, что делают графы? Разве он тоже не развязывает войну и не нарушает мир и спокойствие?

Феба нахмурилась:

— Да нет же! Он возвращает людям мир!

— Устраивая сражения? — спросил Грегори.

Феба помрачнела.

— Ничего не могу поделать: я думаю, что он ведет себя ничуть не лучше графов, — повторил Магнус. — Разве он тоже не желает расширить земли, на которых он правит? Разве не хочет покорить как можно больше деревень?

— Верно, он продвигается все дальше и дальше, изгоняя разбойников, — нахмурившись, подтвердила Феба. — Но разве это можно назвать завоеваниями?

— Конечно, — не раздумывая, ответил Джеффри, а Магнус сказал:

— Война есть война. Звон оружия, стоны раненых — кто бы ни возглавлял войско: шериф или графы.

— Уж лучше пусть сражаются войска, чем бесчинствуют разбойники, — строптиво проговорила Феба.

— А мне не по нраву любой, кто выступает против наших короля и королевы, — не менее строптиво возразила Корделия, — какие бы красивые слова они ни говорили! Тот, кто борется с их величествами, борется с Законом, который они пытаются сохранить. — Она повернулась к Джеффри. — Говоришь, ты готов присоединиться к этому шерифу? О нет, тебе следовало бы выступить против него и покончить с ним!

Джеффри нахмурился.

— Ты правда так думаешь? — Он пожал плечами. — Ну ладно, как хочешь. Если уж вы с Магнусом так решили, то я спорить не стану — тем более что и Грегори с вами, похоже, согласен.

Феба неприятно расхохоталась:

— Так стало быть, своей головы у тебя на плечах нет?

— Почему нет? Есть, когда разговор идет про то, что мне интересно. Государственные дела меня не слишком волнуют — лишь бы были сражения и боевая слава. Так что... я точно так же готов воевать против вашего шерифа, как за него.

Феба снова расхохоталась — на этот раз недоверчиво.

— Ну, как хотите! Что ж, ступайте, попробуйте сразиться с шерифом! Уж конечно, детишкам не преуспеть в бою с тем, перед которым отступают войска!

Корделия помрачнела, горделиво вздернула подбородок.

— Это смотря какие детишки! — процедила она сквозь зубы. — А если это дети Верховного Чародея?

Феба вытаращила глаза и медленно проговорила:

— Верно, эти на многое способны — такие высокородные дети. Не хотите ли сказать, что это вы и есть?

Грегори потянул Корделию за подол.

— А что такое «высокородные»?

— Одна из глупостей, про которые болтают взрослые, — нетерпеливо буркнула Корделия.

— Только высокородные так думают, — покачала головой Феба, сдвинула брови и потерела пухлые губы.

А в следующее мгновение ее взгляд озарился решимостью.

— О, конечно же, двое таких храбрых юношей украсят любое войско! Почему бы вам не пойти со мной? Я бы отвела вас к шерифу!

Голосок у нее был — ну просто бархат и шелк, глаза сверкали из-под полуопущенных век. Она приветливо протянула мальчикам руку.

Магнус и Джеффри тарасились на нее — казалось, глаза у них того и гляди выскочат из орбит.

— Пойдемте же, — выдохнула Феба. — Я тоже состою в его войске.

Магнус против воли шагнул к девушке. Джеффри последовал его примеру.

— Не надо! — вскричала Корделия. — Что вы делаете? Разве не видите, что она вам голову морочит?

— Помолчи, маленькая трещотка, — распорядилась Феба.

Но братья, казалось, не слышали Корделию. Они продолжали идти к Фебе — медленно, спотыкаясь, но все же шли. Красотка довольно кивала, подбадривая их. Глаза ее радостно сверкали.

Неожиданно у них в сознании прозвучал голос Векса:

— Берегитесь, Магнус и Джеффри! Эта женщина пользуется своей красотой, а потом воспользуется вами!

— Да почему же она должна нами пользоваться, если мы будем сражаться по своей воле? — рассеянно проговорил Джеффри.

Грегори бросился следом за братьями, догнал, схватил Джеффри за руку.

— Что же это за чары? — воскликнул малыш. — Не ходите, вернитесь! Как ей только удалось вас околдовать?

— А ты не понимаешь? — прищурилась Феба. — Ты ведь тоже мужчина, хотя и очень маленький. Разве ты не хочешь тоже стать воином шерифа?

— Нет, ни за что! — крикнул Грегори. — Что ты натворила?

— Вот подрастешь — поймешь, не сомневайся, — мурлыкнула Феба. — А теперь ступай прочь! Пока от тебя никакого толку. А вот братья твои... — Она устремила пристальный взгляд на старших братьев Грегори, пробежалась кончиком языка по нижней губе. — Они подойдут ко мне.

С этими словами она протянула руки навстречу мальчикам. Не спуская с нее глаз, Магнус взял ее за одну руку, Джеффри — за другую. Победно улыбаясь, красотка развернулась и зашагала по тропинке, уводя с собой братьев. Лишь раз обернулась Феба и одарила Корделию надменным взглядом.

Девочка в отчаянии сжала кулаки:

— Ах вот как? Я, стало быть, трещотка? Скорее, Грегори! Мы не можем ей позволить увести наших братьев!

— Но как мы можем их остановить? — озадаченно спросил Грегори.

— Не знаю! О, что же это за колдовство?! Я про такое никогда не слыхала!

— И не услышишь, судя по тому, какая ты, — злобно огрызнулась, обернувшись, Феба, но тут земля перед ней словно взорвалась. Красотка с испуганным криком попятилась.

— Пак... — пробормотал Магнус.

Феба быстро, искоса затравленно глянула на него и перевела взгляд на эльфа-коротышку, вставшего на тропе перед ней:

— Не может такого быть!

— Как бы не так! — дерзко отвечал Пак и наставил на девицу указательный палец. — И я приказываю тебе, злоб-

ная ведьма, развеять твои чары! Отпусти этих мальчиков, если хочешь жива остаться!

Угроза эльфа подействовала на Фебу отрезвляюще. Она выпрямилась и, запрокинув голову, воззрилась на Пака сверху вниз:

— Это что еще за шутки? Нет никаких эльфов, их не бывает, как и прочих духов! Так что хватит придуриваться, малявка, — ты мне голову не заморочишь!

С этими словами она сделала пару шагов вперед по тропинке.

— Стой! — выкрикнул Пак — будто бичом ударил. — Стой, а не то я сейчас уподоблю твое тело твоей черной душе, а твое хорошенькое личико станет изображением твоего злорадства!

Девушка побледнела:

— Ты не сможешь такого сделать!

— Вот как, не смогу? — свирепо сдвинув брови, спросил Пак. — А ты, выходит, не злобная гарпия, наслаждающаяся муками, коим ты подвергаешь мужчин? Ну, скажи, скажи, на кого ты будешь похожа, если я тебя расколдую?

Феба потупилась, ее пухлые губы скривились в кокетливой улыбке. Магнус и Джеффри глядели на нее как зачарованные — да они и были зачарованы, но сейчас прелестница предназначала свои чары не для них, а для Пака.

— Ты ведь мужчина, — проворковала Феба, — и пусть ты невелик ростом, зато твой дух могуч. Разве тебе не под силу вообразить восторги, какие я способна даровать мужчине? Разве ты не видишь, сколь дивны мои прелести?

Пак брезгливо фыркнул:

— Не вижу и думаю, что на самом деле никаких прелестей у тебя нет! Неужто ты и вправду решила, что уподобилась прекрасной девице? Нет уж, погляди-ка мне в глаза, негодяйка, вот тогда ты узнаешь, что такое настоящие чары!

И конечно, слушая эти речи, Феба смотрела прямо в глаза Паку, пытаясь оплести его своими чарами, но вскоре

обнаружила, что при всем своем желании не в силах ответить взгляд.

— А теперь берегись, — процедил сквозь зубы Пак, потихоньку приближаясь к красотке. Зловеще сверкая глазами, он пропел:

Сон, глаза ее закрой!
Пусть проснется под луной!
Спи, красотка, засыпай,
И этой песенке внимай!*

Веки Фебы отяжелели и в конце концов сомкнулись, голова упала на грудь, а Пак все продолжал распевать. Красотка мотнула головой, попыталась разжать веки, но Пак не унимался и пел, пел, и глаза девицы снова закрылись. Вскоре Феба опустилась на землю, улеглась, положив руку под голову, и мерно, спокойно задышала во сне.

Пак смотрел на нее с мстительной усмешкой.

Затем он развернулся к мальчикам, довольно тупо глядевшим на уснувшую красотку крестьянку, и, подняв руки, хлопнул в ладоши перед лицом у Магнуса:

— Очнись! Ну-ка, приди в себя, кому говорят? Неужто ты позволишь какой-то бабенке водить тебя за нос?

Магнус запрокинул голову и очнулся от ступора.

А Пак уже приводил в чувство Джеффри:

— Очнись! Ты ухитрился проиграть сражение еще до того, как оно началось!

Джеффри резко мотнул головой, оторопело уставился на Пака:

— Сражение? Что за сражение?

— Битву с собственной волей, голубчик! Что я вижу, а? Ты позволил какой-то тетке повести тебя за ручку к человеку,

* Не удержусь и отмечу, уважаемый читатель, что в оригинале в данном заклинании Пак изящно перефразирует колыбельную, принадлежащую перу «Beatles» — «Golden Slumbers», с альбома «Abbey Road».

которого ты и в глаза не видел. Ты уже понял, что он — злодей, а ты был готов сражаться на его стороне!

Джеффри стал мрачен, как грозовая туча.

— Нет! — вскричал он. — Ни за что бы я так не поступил!

— И все же ты был готов поступить именно так! — подбоченившись, заявила подошедшая к ним Корделия. — И вы оба так и поступили бы, если бы Пак вовремя не вмешался бы и не спас вас!

Джеффри уже был готов вступить с сестрой в жаркий спор, но Пак остановил его.

— Ну-ка, вспоминай, — приказал эльф, и Джеффри замер на месте, вдруг отчетливо вспомнив, как дал себя одурачить.

Пак, не спуская с него глаз, кивнул:

— Да-да, все так и было. Вот как легко ты позволил этой мерзавке обвести тебя вокруг пальца.

— Больше такого никогда не случится!

А Магнус сказал более осторожно:

— Молюсь, чтобы больше такого не произошло.

— Так молись покрепче — ибо любой мужчина может быть околдован женской красотой, и мало отыщется мужчин, с кем такого не случалось. Хотя... трудно назвать такого человека «мужчиной», ежели он только взглянет на красотку — и в один миг позабудет про все свои важные дела, про свой долг. А когда такое случается, считай — женщина им завладела, забрала его с потрохами. Как же тогда он может называться мужчиной?

У Корделии, как ни странно, при этих словах Пака загорелись глаза.

— Вот бы и мне такую власть...

— Ну да, тебе еще можно про такое мечтать, а вот мужчина — настоящий мужчина — должен быть защищен от дамских чар! Не спорю, есть много хороших, добрых девиц, но попадаются и такие, как Феба. Они с превеликой

радостью воспользуются своими чарами ради того, чтобы превратить мужчин в свои игрушки, чтобы вертеть ими, как пожелают. Так что, мальчики, имейте в виду: нельзя верить всему, что вам болтают женщины!

Корделия нахмурилась. Похоже было, что она сама не знает, нравится ей такой разговор или нет. Возражать вроде бы смысла не имело, поскольку доводы Пака были вескими, поэтому Корделия только брезгливо буркнула:

— Похоже, она просто... падшая женщина. — Что такое «падшая», этого Корделия точно не знала, но много раз слышала, как этим словом пользовались взрослые, и понимала, что смысл его оскорбителен. — Конечно, она... хорошенькая, спору нет, но только я так думаю, дело не только в ее красоте.

Пак согласился с девочкой:

— Это верно. Поглядите на нее: ведь она — простая крестьянка. Верно, она миловидна, но мне случалось видеть и более красивых девушек из числа смертных.

— Нет сомнений в том, — зазвучал в сознании у детей голос Векса, — что эта особа до некоторой степени наделена даром проективной телепатии, иначе говоря — гипноза. Согласно здешней системе определений, ее можно назвать ведьмой средней руки, хотя сама она об этом не знает. Она — эспер и способна навязывать другим свои мысли, мгновенно вводя людей в гипнотическое состояние. И поскольку она полагает, что самое сильное воздействие на мужчин оказывают ее внешние данные, ее гипнотические способности естественным образом связаны именно с этим. Поэтому ее воздействие на мужчин и является гипнотическим — как в прямом, так и в переносном смысле.

— Что он сказал? — обескураженно пробормотал Джеффри.

— Что она — колдунья, — вкратце перевел Грегори.

Джеффри раздраженно зыркнул на младшего брата, но спорить не стал.

— Но ведь если от нее исходит такая угроза, — возразил Магнус, — то тот рыцарь, что правит здешним уделом, должен был бы положить конец ее козням! Почему же она разгуливает на воле и сеет смуту, Пак?

— Да потому, что смуту она начала сеять всего пару дней назад, — вздохнул Пак. — Ты сам подумай, Магнус: судя по тому, что она говорила, этот шериф, за которого она так ратует, развернулся во всю мощь как раз после того, как ваши папа с мамой отправились прогуляться. Допустим, удельный рыцарь проведаль про то, что какая-то девица соблазняет парней и потому те не желают ему служить. Но как он это докажет, ежели девица попросту болтает с парнями, кокетничает, глазки строит?

— Но неужели рыцарь не поймет, что она прибирает этих парней к рукам?

— Нет закона, который бы это запрещал, а если бы такой закон существовал, то, уж ты мне поверь, кончилось бы это только тем, что стало бы меньше свадеб. Нет, моя девочка, трудно было бы рыцарю заподозрить в кокетстве измену. Ты это поняла, потому что видела собственными глазами, а вот взрослые люди в такое с трудом поверят.

— Ну ясно, — кивнула Корделия. — Взрослым подавай что-нибудь поважнее! Разве они обратят внимание на такие глупости! Только посмеются — вот и все.

Пак посмотрел на девочку весьма уважительно:

— А знаешь, когда ты подрастешь, ты станешь очень опасной особой. Но ты права: некоторые взрослые люди — особенно облеченные властью — считают свои дела самыми важными на свете и потому не придают особого значения каким-то слухам или сплетням. Но именно поэтому от слухов так трудно обороняться, и потому от них бывает так много вреда.

Джеффри нахмурился:

— Я начинаю понимать... Папа как-то раз сказал мне, что слухами можно одолеть войско.

— И так бывает, — согласился Пак. — Но бывает и по-другому: так случается порой, что в куче перьев, которую собой являют слухи, прячется горошинка истины, но кто может сказать, где правда, а где — вымысел? Кто докажет, что этот шериф не трудится на благо их величеств, на благо всего королевства? Правду только мы слышали из уст этой чаровницы.

— И как рыцарь поверит тому, о чем она говорит? — пробормотала Корделия. — Она — всего-навсего простая крестьянка, и что-то говорит про шерифа...

Пак кивнул:

— Вот-вот. А как рыцарь может узнать, что шериф его обманывает? И что вы, к примеру, говорите правду?

— Верно, — проговорил Магнус и поджал губы. — Мы просто дети, а эта девица и шериф — взрослые.

— А будете ли вы лучше, когда станете взрослыми? — придиричиво хмыкнул Пак.

— За меня можешь не сомневаться! — запальчиво воскликнул Джеффри. — Я непременно буду внимательно выслушивать всех — и детей, и крестьян, и дворян, и простых людей, и буду старательно думать обо всем, что они мне расскажут!

Пак довольно кивнул:

— Вижу, ты действительно кое-что уразумел. Всякий человек должен иметь право на то, чтобы его выслушали, какими бы глупыми и незначительными ни показались тебе его мысли. И конечно, всенепременно следует хорошенько обдумывать все, что услышишь. Порой самое невероятное оказывается сущей правдой. И потому вам следует брать пример с вашего отца и придерживаться высших законов страны. Ибо, если вы не будете так

поступать, злые люди могут помешать добрым узнать об их черных делишках.

— Но как же это им удастся? — озадаченно спросил Магнус.

— А очень просто, — ответил Пак. — Злодеи будут наказывать любого, кто хоть словечко скажет против них. Допустим, вы позволите, чтобы законом запрещались какие-либо речи. Тогда злодеи станут требовать, чтобы каких-то людей, которые им не нраву, наказывали за произнесение запрещенных речей.

— Значит, — проговорил Магнус, пристально глядя на спящую Фебу, — нам не следует рассказывать о ней рыцарю?

— Нет, вы можете это сделать, но вы не можете запретить ей говорить то, что она думает, хотя вы и понимаете, что ее речи — сплошная ложь. Она, конечно же, станет утверждать, что понятия не имеет о том, что будете утверждать вы. Вам придется доказать, что она не только говорила, но и делала то, о чем говорила.

— А нам этого не доказать, — расстроено покачал головой Магнус. — Но неужели мы ничего не можем сделать для того, Пак, чтобы помешать ей и впредь соблазнять людей лживыми речами?

— Ну, во-первых, можно было бы предупредить о ее кознях парней из ближайшей деревни, — с усмешкой ответил Пак. — Если они вам поверят, Фебе останется только скрипеть зубами от злости.

— Это если поверят... — мрачно пробормотала Корделия. — Так значит, с ней самой мы ничего сделать не сможем?

Пак пожал плечами:

— Оставим ее здесь, пусть поспит. Пойдемте, дети. Попробуем разыскать ее господина.

— Шерифа? — обрадованно ухмыльнулся Джеффри. — Ага! Стало быть, нам все равно предстоит бой? Ура!

9

-Но где же он квартирует, этот шериф? Магнус задал вопрос более или менее отчетливо, но было видно, что глаза у него слипаются.

— В деревне Луганторп, — ответил Пак, лицо которого было озарено пляшущим пламенем костра. — Дотуда всего два часа ходу. Поутру туда и отправимся.

— А что еще рассказывают про него эльфы? — спросила Корделия, глядя светлые кудряшки Грегори, задремавшего у нее на коленях.

— Лишь то, что он и вправду собирает войско из крестьянских парней, как и говорила Феба, — ответил Пак, — и еще — что это самое войско под его предводительством разбило пару-тройку разбойничьих шаек в горах.

— А в самом ли деле тут так много разбойников? — спросил Джеффри в промежутке между двумя зевками.

— Много. И становится все больше.

Джеффри сразу перестал зевать.

— Такое вряд ли возможно без продумывания и подготовки.

— Попал в точку, — сверкнул глазами Пак. — Кто-то с нетерпением поджидал исчезновения ваших родителей, детки.

— Значит, нам надо задать этим негодьям трепку!

— А вот и нет! — сердито возразил Пак. — Это дело короля, а не ваше, — усмехнулся он. — И все же, я так думаю, мы могли бы оказать его величеству маленькую услугу...

— Скорей, хватайте их!

Грубые руки сцапали детей. Другие руки проворно обмотали их веревкой, привязали руки к бокам. Уродливый мужчина в стальном шлеме рассмеялся прямо в лицо Корделии. Она поморщилась — так противно несло у него изо рта.

Послышалось лошадиное ржание. Векс встал на дыбы и ударил копытами по стальному нагруднику одного солдата, другого. Воины в страхе попятились.

— Не бойтесь! — крикнул один из них. — Это просто конь!

Его напарники собрались с духом и нацелились в Векса пиками. Векс, нисколько не страшась этого оружия, ударил копытами одного солдата, а когда тот зашатался и отступил, обрушился на второго всем своим чудовищным весом. Солдат попятился, а Векс стукнул его копытом по плечу, и тот завертелся волчком. Его место тут же занял другой воин. Векс и с ним проворно расправился. Он метался от одного врага к другому и наконец повалил на землю того солдата, что держал Джеффри, а потом занялся тем, который держал Корделию. Один из воинов все же изловчился и ударил Векса в бок копьем. Наконечник со звоном ударился о сталь, спрятанную под фальшивой шкурой. Черный конь развернулся к врагу, но движения его вдруг стали медленнее. Дети слышали в сознании голос робота:

— Золдады... не ддолжжды... взззядь в бледд деддей...

Ноги у Векса вдруг одеревенели, и он застыл в неподвижности, повесив голову чуть не до самой земли.

— У него снова припадок! — мысленно вскричала Корделия.

— Ну и получит от меня тот подлец, который вывел его из строя! — откликнулся Джеффри, вне себя от праведного гнева.

Солдаты в первые мгновения боялись тронуться с места и смотрели на огромного коня с опаской. Наконец один осмелел и осторожно прикоснулся к боку коня. Векс качнулся — но этим все и ограничилось.

— Так он чего — подох, что ли? — оторопело проговорил солдат.

— Не подход, так сейчас подойдет, — осклабился другой воин, отбросил пику и замахнулся боевым топориком.

— Не смей! — прокричал командир. — Это колдовской конь, не трогай его! Не хочешь же ты, чтобы за тобой потом гонялся его призрак?

Солдат проворно отскочил и поспешно перекрестился.

Командир обвел взглядом поляну, чтобы убедиться, что все идет как надо. Ему было под пятьдесят, и волосы его уже тронула седина.

— Все связаны, Гробин? — осведомился он.

— Да, капрал! Хотя они и упирались. — Гробин подвел к капралу Джеффри и Магнуса, которые, и будучи связанными, продолжали брыкаться. Он осклабился. — Отчаянные парнишки, доложу я вам!

— А с этим чего делать-то? — спросил подошедший к капралу верзила в шлеме и доспехах. Он подбрасывал связанного Грегори, как мячик. Малыш в страхе визжал.

Корделия, Магнус и Джеффри свирепо уставились на него. В это мгновение он был на волосок от смерти, но так и не узнал об этом, потому что седоватый мужчина, которого другие называли капралом, распорядился:

— Отведем его к милорду графу вместе с остальными, само собой. В путь, воины!

Солдаты забросили связанных детей за спину, как мешки с картошкой. От ударов о стальные доспехи у ребятишек просто-таки дух вышибло. Джеффри, задыхаясь, злобно сощурился и уставился в одну точку. Однако в сознании у него тут же зазвучал голос старшего брата:

— Не надо! Они пока не сделали ничего такого, чтобы их убивать!

Джеффри сердито зыркнул на него, но сдержался — хотя и не без усилия.

— Почему же Пак не прогнал этих поганцев? — требовательно спросил Джеффри.

— Наверное, решил, что это не нужно, — безмолвно ответил ему Магнус.

— Похоже на то... Вреда-то нам пока никакого... — мысленно проворчал в ответ Джеффри, однако было видно, что ему не до смеха.

— Успокойся, братец, — урезонил его Магнус. — Если выйдет так, что эти люди распояшутся, сможешь дать им сдачи в полной мере.

Шагая по лесу, солдаты вскоре вышли на залитую лунной поляну попросторнее той, на которой взяли в плен детей. Там их поджидали конные всадники. На крупном боевом коне восседал человек, с ног до головы одетый в доспехи. Увидев солдат, он поднял забрало своего шлема и проговорил:

— Славно поработали, капрал.

— Благодарю вас, милорд, — отвечал капрал и в знак почтения коснулся рукой лба. — Взяли голубчиков безо всяких хлопот.

— А что же за шум донесся до меня — шум и крики?

— На нас напала боевая лошадь, но один из воинов ткнул ее копьём, и она замерла, как будто ее заколдовали. — Капрал на всякий случай перекрестился. — Нет ли в этих лесах колдунов, милорд?

— Есть или нет — не важно, лишь бы они были на нашей стороне. — Граф хмуро глянул на детей. — А что вы, интересно полюбопытствовать, делали одни, без взрослых, в лесу? Как вы тут оказались одни?

Солдат подтолкнул в спину Магнуса. Тот, дерзко глядя на графа, отвечал:

— Мы ищем наших родителей.

Капрал заехал ему по уху кулаком, голову сковала сильнейшая боль. Сквозь звон в ушах Магнус расслышал голос обидчика:

— Не дерзи! Говори как подобает, ибо перед тобою — граф Дрош!

Магнус с большим трудом совладал с собой и удержался от того, чтобы не сбросить рыцаря с коня невидимой рукой. Он дал себе мысленную клятву в том, что наступит день, когда капрал заплатит ему за этот удар по уху. Однако сейчас Магнус предпочел высказать изумление:

— Дрош? Но ведь мы в графстве Глинн!

— Верно подмечено, — мрачно усмехнувшись, проговорил Дрош. — Ему как раз место в этой глуши — но не место среди равных.

— Зачем вы пришли сюда? — выпалил Джеффри, как только один из солдат вытащил из его рта кляп.

— Для того, чтобы завоевать графство Глинна, естественно, — надменно усмехнувшись, отвечал Дрош. — Что еще делать благородному господину на чужой земле?

— Но ваш удел — во владениях герцога Габсбурга, а мы сейчас стоим на земле, принадлежащей графу Тюдору! Разве герцог, ваш повелитель, не в силах помешать вам напасть на замок Глинна?

Дрош расхохотался:

— Нет, глупый молокосос! Я — васса Габсбурга. И потому любые земли, какие бы я ни захватил, расширят его владения!

— Но если так, то Тюдор должен объявить герцогу Габсбургу войну! — воскликнул Джеффри.

— Ну и объявит он войну — что с того? — беспечно откликнулся Дрош.

— Как — «что с того»? — возмутилась Корделия. — Будет бой!

Граф кивнул:

— Будет, это верно.

Дети испуганно смотрели на него.

— А ему ни капельки не стыдно из-за того, что он втянет в войну целых две огромных провинции! — услышали братья мысль Корделии.

— Верно, он ничуть не переживает, — мысленно подхватил Магнус, гневно взирая на графа. — Хотя он наверняка понимает, сколько людей погибнет, сколько пострадает!

— Ему это безразлично, — объяснил им Джеффри. — Ему все безразлично, кроме грядущей славы и власти.

А вслух он сказал:

— Наверняка Глинн держит при себе гвардейцев. Неужто никто не выказал вам сопротивления?

— Никакого, — гордо отвечал граф. — Похоже, Глинн попросту исчез с лица земли, а с ним и всё его семейство. А уж его рыцари, не ведая, как им быть, взяли да и сложили оружие.

Джеффри это известие потрясло.

— Наверняка он должен был отдать приказ защищаться!

— А кого было защищать? Сам граф исчез, и его жена и отпрыски тоже! Рыцарям некого было слушать, но они не имеют права ослушаться другого благородного господина. Нет, никто из них не стал противиться мне — за исключением одного-двоих.

Граф небрежно махнул латной рукавицей.

— Стало быть, теперь вы — повелитель этого графства, — подытожил Магнус. — Но зачем вам потребовалось тратить свое драгоценное время и ловить каких-то детей.

— Не считай меня глупцом, мальчишка, — надменно усмехнулся граф. — В королевстве не найдется ни одного дворянина, который не знает в лицо детей Верховного Чародея.

Дети примолкли. Граф довольно хохотнул и обвел пленников взглядом.

— Вот как! — воскликнул Магнус гневно. — Стало быть, вам известно, кто мы такие. Так почему же вы позволили своему подданному ударить меня?

— Да потому, что теперь вы в плену и повинуетесь мне, — ухмыльнувшись, ответил граф и откинулся на заднюю луку седла.

Магнус прищурился. Он гадал: то ли этот дворянин просто глуп, то ли действительно настолько груб и жесток, что может позволить себе так гадко обращаться с детьми другого дворянина.

— Что ж, допустим, мы — ваши пленники, — проговорил Магнус тоном, который ясно говорил, что он с этим не желает мириться. — Но какова может быть наша роль в ваших завоеваниях?

— Какова ваша роль, спрашиваешь? Да вы — заложники, маленький тупица! И покуда вы будете у меня в плену, ни граф Тюдор, ни герцог Габсбург, ни даже сам король Туан не посмеют напасть на меня — не посмеют, из страха перед могуществом потомков Верховного Чародея!

Магнус молча возмущенно смотрел на Дроша. Джеффри открыл было рот, но старший брат опередил его:

— У вас в плену наши тела, но повелевать нашим могуществом вы не сможете!

Капрал снова пребольно ударил Магнуса по уху. Мало того, что ему опять стало жутко больно, так еще все солдаты издевательски захохотали. Сквозь звон в висках Магнус расслышал голос графа Дроша:

— Ты будешь делать то, что тебе велют, мальчишка!

Магнус с трудом владел собой — да и то только потому, что понимал: Джеффри, того и гляди, сорвется.

— Нет! — мысленно приказал старший брат среднему. — Их слишком много! Мы не можем сразиться с целым войском!

— Но и сдаваться без боя нельзя! — запальчиво возразил Джеффри.

— Мы и не сдадимся! Но нужно приберечь силы до того мгновения, когда их хватит для того, чтобы мы смогли одолеть врагов! А это мгновение наступит тогда, когда они будут биться с другим войском!

Джеффри сдержался, хотя это стоило ему немало труда. Яростно сверкая глазами, он смотрел на графа Дроша и думал:

— Но будет ли оно — другое войско? Думаешь, будет?

— Даже не сомневайся, — заверил его Магнус.

— Пак позаботится об этом, — добавил Грегори.

И, словно подслушав их безмолвный разговор, один из рыцарей подъехал ближе к графу Дрошу и негромко проговорил:

— Милорд, послушайте меня, прошу вас! Всем и каждому ведомо, что Колдовской Народец оказывает этим детям свое особое покровительство!

— Что я слышу? Взрослый мужчина — а верит в байки про Маленьких Человечков? — насмешливо скривился Дрош. — Но уж конечно, Лангуст, тебе следует знать, что эльфы не опасны для нас, облаченных в доспехи из Холодного Железа!

Лангуст опасливо оглянулся:

— Милорд, умоляю вас! Не насмехайтесь над могуществом Колдовского Народца!

— Могуществом? — Дрош расхохотался и, вытащив что-то из седельной сумки, показал Лангусту. — Вот погибель для всего Колдовского Народца, вот противодействие от всего их могущества — пригоршня гвоздей! Да-да, это простые гвозди! Даже они способны защитить людей от происков этих крошечных мерзавцев! Смотри!

С этими словами граф размахнулся и швырнул гвозди в сторону опушки. Из кустов послышались тоненькие испуганные голоса — один, другой, и еще — всего с десяток. Вскоре крики утихли, а граф еще громче рассмеялся.

— Ну вот, теперь вы сами видели и слышали, — успокоил он своих людей. — Этим эльфам не устоять против нас. Всякий человек, облаченный в Холодное Железо, может их не опасаться.

Корделия вся дрожала, от страха широко раскрыв глаза. Джеффри был готов лопнуть от злости. Грегори застыл как статуя, не сводя глаз с графа.

Но наглец только ухмыльнулся и развернул своего коня к просвету между деревьями.

— Вперед! — крикнул он, и конь унес его во тьму.

Рыцари уложили пленных детей на коней, впереди седел, и последовали за графом. Однако они были бледны и то и дело испуганно переглядывались.

Лежать на лошади лицом вниз было очень неудобно: хребет коня больно врезался в живот, было тяжело дышать. Дети, стиснув зубы, терпели боль да еще ухитрялись обмениваться мыслями...

— Он ранил не менее десятка эльфов, — услышали братья возмущенный мысленный голос Корделии. — А некоторых, может быть, даже убил!

— И он не уважает границы чужих владений, — добавил Джеффри. — Уважает от только силу оружия.

— Быть может, в нем и есть что-то хорошее, но просто мы этого не увидели, — мысленно произнес Магнус. — А увидеть успели только плохое. Как думаете, есть у нас причина пощадить этого графа?

— Нет!

— Нет!

— Нет!

— Единогласно, — подытожил Магнус, словно вынес приговор. — Будем ждать, пока нам представится возможность.

Несчастные пленники тряслись, лежа поперек лошадей. Дети тяжело дышали, но теперь их чувства были напряжены до предела. Они ждали той самой возможности, о которой сказал Магнус. По обе стороны от тропы мелькали деревья, в лунном свете казавшиеся черными. Магнус повернул голову, вытянул шею, попытался взглянуть вперед, чтобы понять, куда скачут рыцари, но толку от этого

не было. В лесу царила кромешная тьма. Казалось, кони несут седоков и пленников сквозь черный туннель между деревьями. Лишь изредка сквозь густую листву просвечивала луна.

Неожиданно послышался жуткий рев, и кто-то огромный и тяжелый возник из земли прямо перед лошадью графа. Во тьме сверкнули красные глазищи. Лошади испуганно заржали, встали на дыбы и сбросили наземь своих седоков, а потом развернулись и хотели ускакать прочь, но тропа была такой узкой, что лошади только в панике натыкались одна на другую.

Граф изо всех сил натянул поводья и заставил своего скакуна встать прямо.

— К бою, рыцари! — прокричал он. — Что бы это ни было такое, ему не устоять против Холодного Железа! Спешивайтесь и мечи наголо!

Те немногие из воинов, что усидели верхом на своих конях, спрыгнули на землю, их соратники поднялись на ноги, обнажили мечи и пошли по тропе следом за графом, то и дело спотыкаясь о выступающие из слоя опавшей листвы корни и проваливаясь в кротовины. Как бы то ни было, мало-помалу они приближались к ревущему чудовищу.

Завидев людей, чудовище взвыло и, размахнувшись здоровенной лапищей, попыталось сбросить с коня графа Дроша. Когти, размером и остротой схожие с кривыми саблями, просвистели совсем рядом с ним. Лошадь графа заржала, взбила копытами воздух и рванулась в сторону.

Солдаты в тот же миг споткнулись обо что-то, возникшее у них под ногами. Они вскричали от боли и злости и повалились друг на дружку под кланицу доспехов. Посреди груды поверженных рыцарей и пеших воинов встал отряд маленьких человечков, которые проворно и ловко работали шестидюймовыми дубинками, опуская их ровнехонько на промежутки между нижним краем шлема

и воротом кольчуги. Солдаты вскрикивали, дергались, а потом, обмякнув, затихали.

Конь графа дергался из стороны в сторону, мотал головой, но граф сдерживал его. Натягивая поводья, он кричал:

— Стой, трусливая скотина! Я не убегу от врага!

— Да ты храбрец, — послышался неведомо чей голос. — Храбрость делает тебе честь. Вот только проку от нее никакого!

Граф поднялся в стременах — выше, еще выше... И в конце концов его конь рванулся и ускакал прочь от жуткого полночного чудища, а самого графа подбросило и ударило о ствол могучего дерева. У Дроша от удара помутилось в глазах, и он ополз на землю. Он тут же помотал головой, чтобы в глазах прояснилось, потянулся за мечом, но меч сам выскользнул из ножен. Граф попытался встать на ноги, но тут же снова рухнул на землю, охнув и схватившись за горло, куда его ткнул его собственный клинок. Дрош в ужасе следил за тем, как меч парит в воздухе, а его острое целит ему между глаз. Граф прижался спиной к дереву. Наконец в глазах его появился страх.

Чудище в последний раз взревело, сморщилось и исчезло без следа.

На краткий миг в лесу снова воцарилась тишина.

А потом ее нарушил гулкий голос Пака:

— Молодцы детишки! Не упустили возможность и здорово нам помогли!

— Это мы с радостью, — ухмыльнулся Джефффри, встав и потирая запястья в тех местах, где они были стянуты веревками.

— Это точно, — процедила сквозь зубы Корделия, не спуская глаз с графа, покуда крошечный эльф перерезал веревки на ее руках маленьким бронзовым ножичком. — Это я сделала так, чтобы его меч вылетел из ножен. Еще бы немножко — и я бы пожелала, чтобы клинок поглубже вонзился в глотку этому мерзавцу!

— «Немножко» не считается. А кто поднял его над седлом?

— Джеффри и я, — ответил Магнус, разминая затекшие пальцы. — Жаль, что не стукнули его о дерево покрепче!

— Нет! Хватит! — вскричал граф и заслонился ладонями, но меч все висел у него перед переносицей. Дрош охнул и умолк. Под пристальным взглядом Грегори запястья графа захлестнула веревка и сама собой затянулась тугим узлом. Эльфы обмотали веревкой лодыжки графа, связали их с запястьями. Граф с воплем перевернулся на живот.

— Убери-ка эту штуку из Холодного Железа, — неприязненно проворчал Пак, и Корделия взглядом зашвырнула меч между деревьев.

Джеффри с тоской проводил оружие взглядом, но не сказал ни слова.

— Теперь он никому не сможет причинить вреда, — объявил Пак. — Я вновь благодарю вас, детки, ибо вы с честью исполнили свой долг. А теперь покиньте нас.

— Что ты говоришь! Как это — покинуть!

— Нет, Пак! Зачем?!

— Мы помогли вам одолеть графа и имеем право слова... — Но голос Магнуса сорвался, когда он заметил, как смотрит на него Пак. А во взгляде эльфа появилась невиданная дотоле решимость и жесткость, и этот взгляд древнего создания заставил мальчика содрогнуться и отвернуться. В следующий миг примеру Магнуса последовали сестра и братья.

— Не забудьте о верном слуге вашего отца, — проворчал им вслед Пак. — Он и ваш слуга тоже. Не бросайте его ржаветь посреди леса.

— Вёкс! Ох, как же мы...

Дети виновато переглянулись и быстро полетели над тропой к той поляне, где их взяли в плен приспешники графа.

Огромный черный жеребец стоял посреди белесого пятна лунного света, расставив негнувшиеся ноги. Голова его по-прежнему висела чуть не до самой земли. Магнус подлетел к седлу и нащупал выступ перед передней лукой, под которым пряталась кнопка перезарядки. Стоило Магнусу нажать на кнопку, и конь-робот медленно поднял голову, поморгал и ошарашенно уставился на детей.

— Чж-ж-ж-ждо? — вымолвил он, скрежеща. — Гд-з-з-зе?

— погоди, — умоляюще проговорила Корделия. — Подожди, пока твой разум прояснится.

— У тебя был припадок, — сообщил Вексу Магнус. — Выжди немножко.

Векс молча переводил взгляд с одного из детей на другого. Наконец глаза его прояснились.

— Разбойники взяли вас в плен?

— Да, но мы убежали, — радостно откликнулся малыш Грегори.

— Это были не разбойники, — уточнил Джеффри, — а солдаты графа Дроша.

— Дроша? — Векс удивленно поднял голову. — Но что он тут делает? Это ведь не его владения.

— Не его, но он пытается захватить их.

— А почему его люди решили вас похитить?

Дети переглянулись, пытаясь решить, как лучше обрисовать для Векса последние новости.

— Он хотел использовать вас в качестве заложников? — спросил Векс.

— Точно, — подтвердил Магнус.

— А я тут... стоял как колода! Да чтоб мне...

— Ты не виноват, — поспешно возразил Магнус, чтобы прервать неизбежный поток угрызений совести. — Да и не было ничего такого страшного. Пак созвал эльфов, и они помогли нам освободиться.

— А мы им помогли, — добавил Джеффри, не скрывая гордости.

— Слава Герцу! — вздохнул Векс. — Но где же он теперь?

— Ты про графа спрашиваешь? — осведомился Грегори. — Или про Пака?

— И тот, и другой впереди, на тропе — там, где эльфы сцапали графа, — объяснил Магнус. — Граф лежит, связанный по рукам и ногам, но что с ним сейчас делают эльфы — этого мы не знаем.

Ночную тишину нарушил дикий, протяжный вопль, разлетелся эхом посреди чаши и резко оборвался.

Дети в страхе переглянулись.

— Что это было? — ахнул Магнус.

— Вроде бы человек кричал, — настороженно проговорил Джеффри.

Неподалеку зашуршала листва. На пяточке лунного света появился Пак, а рядом с ним — Келли.

— Все кончено, дети, — буркнул Пак. — Граф Дрош больше никому не станет чинить зла.

Дети снова обменялись ошарашенными взглядами, посмотрели на Пака. Вопросы вертелись у них на языках, но взгляд Пака заставил их промолчать.

Грегори посмотрел на Келли:

— Что ты такой расстроенный?

— Не докучай ему, — поспешно распорядился Пак и обернулся к Келли. — Ты вел себя отважно этой ночью, эльф.

— Может, и так, — пробормотал Келли. — Но только я никогда не стану этим гордиться.

— Не гордись, но и сожалеть о содеянном не стоит! Сам подумай: этот человек предавался убийствам и разбою с тех пор, как только его нога ступила на земли Глинна! Эльфы видели, как он собственной рукой убивал людей —

не менее десятка раз. А только этой ночью он изранил дюжину эльфов, а Мэйберри пал замертво.

Дети молчали и стояли, широко открыв глаза. Они хорошо знали, что у эльфов и фей нет, как у людей, бессмертных душ и что жизнь эльфа со смертью прерывалась навсегда.

Взгляд Келли наполнился решимостью, его глаза стали подобны остро заточенным кремням. Он медленно кивнул:

— Ты все верно говоришь. Это было всего лишь...

— Милосердно, — подсказал ему Пак.

— Да, да. Нет, я не стану стыдиться того, что мы содеяли.

— Да что вы такое... со...деяли? — не без труда выговорил Грегори, но Магнус одернул его:

— Помолчи, не надо.

— Мы, эльфы, уберегли их величества от большой беды, детки, — заверил их Пак. — Оставь мы все, как было, — наверное, в конце концов королевские воины расправились бы с графом, но только суеты и боли было бы больше.

Дети в страхе смотрели на Пака.

Наконец Джеффри не выдержал и возмутился:

— Вы не властны над чужой жизнью и смертью, Пак!

— Полководцы обретают такую власть на поле боя, — гордо ответил Пак, — а был самый настоящий бой. Разве Дрош не с войной явился сюда?

— Может, и так, — уклончиво отвечал Джеффри. — Но войну он объявил Глинну, вот Глинн и должен был...

— Нет, — сверкнув глазами, возразил Пак. — Глинн должен отомстить за смертных, но не за Колдовской Народец.

Джеффри снова открыл рот, готовясь спорить дальше.

— Ну все, не возражай мне более! — приказал Пак. — И не забывай: в таких делах не кто-то властен, а сама высшая справедливость!

Джеффри закрыл рот.

— Но это все равно несправедливо, — вступил в спор Грегори. — Судьбу лорда должен решать суд, в котором заседают другие лорды!

— Такова справедливость смертных, — сказал Пак, — но нынче ночью граф ответил за свои преступления против Колдовского Народца, а у Колдовского Народца свои законы — они выросли на этом свете вместе с дубом, осиной и терновником. По крайней мере все было сделано быстро. Знал я случаи, когда смертные поступали более жестоко.

Дети, озаренные луной, молчали.

Наконец Магнус сказал:

— Я так думаю, пора нам домой возвращаться, Пак.

10

На самом деле вполне можно было остаться на ночевку здесь же, но Пак все же повел детей по темному лесу, поскольку кое-что понимал в человеческих чувствах и решил, что ребятишкам будет не по себе, если они улягутся спать неподалеку от места, где свершилось возмездие над графом Дрошем. Вот они и шли за эльфом в темноте, лишь кое-где нарушаемой пятнышками лунного света. Дети молчали, а Пак, когда его собственные мрачные думы слегка развеялись, завел эльфийскую песенку. Полутоновый напев звучал в темноте страшно, но стоило Паку спеть пару-тройку куплетов, и дети почувствовали, как в их сердцах мало-помалу воцаряется спокойствие. Старые, огромные суковатые деревья перестали казаться жуткими чудовищами, а стали напоминать добрых стариков. Разбросанные по подлеску клочки лунного света уподобились драгоценным камням. Свисавшие с могучих ветвей петли лиан стали похожи на развешанные к празднику гирлянды, а сухая листва под ногами — многоцветный ковер. А через час дети уже чувствовали, что шагают по сказочно прекрасному лесу. Вскоре тропу пересекла неширокая речушка, которая, беззаботно журча, прыгала по камням.

Через реку перекинулся маленький золоченый мосток. Корделия ахнула:

— Твоя песенка волшебная, Пак! Она — как заклинание!

— Если в ней и есть заклинание, то оно только для того, чтобы вы все увидели таким, каково оно на самом деле. Вокруг вас всегда есть волшебство и чудеса — стоит только пошире раскрыть глаза да приглядеться повнимательнее.

Он ступил на мостик, а за ним — Грегори.

— Хо! Хо! — послышался глуховатый басок, из-под моста взметнулись две длинные, бородавчатые, заскорузлые ручки и ухватились за доски.

— Берегитесь! — крикнул Пак и попятился назад. Грегори отскочил и налетел на Джеффри, но тот покрепче уперся ногами в землю и устоял даже тогда, когда на него налетела Корделия. Магнусу удалось вовремя остановиться. Он пробормотал:

— В сказочных лесах положено обитать сказочным созданиям.

— Хо! Хо!

И над краем моста показалась здоровенная уродливая голова с такими спутанными и торчащими волосами, что они напоминали кучу грязной соломы. Глаза у чудища были как блюдца, нос — картошкой, рот — от уха до уха, а в нем — острующие зубы.

— Хо! Хо! — снова ухнуло чудище и забросило на мостик длинную корявую ножищу с расплющенной широкой ступней. Однако, когда уродец выбрался на мостик окончательно, оказалось, что туловище у него короткое — всего-то фута четыре, хотя грудь и была похожа на пивную бочку, а плечи — фута три в ширину. Руки у чудища висели до колен, а ладони были величиной чуть ли не с голову. Урод хлопнул в ладоши, и хлопок прозвучал с громкостью пушечного выстрела. — Детишечки! Ням-ням!

Дети сбились в кучку, прижались друг к другу.

— Что... Кто это такой, Пак?

— Тролль, — ответил эльф. — Они всегда живут под мостами. И всегда голодные.

Тролль кивнул и осклабился:

— Детки-детишечки! Вкусненькие, мягенькие, тепленькие! Ням-нямки! — И он почесал свой живот.

— Я так и думал, — поджав губы, проговорил Пак. — Отойдите, дети! Держитесь от него подальше!

Все отступили — кроме Джеффри. Этот стоял как каменный, свирепо нахмутив брови.

— Я хочу перейти, Робин, — процедил сквозь зубы Джеффри. — Кто он такой, чтобы не пускать меня?

— Тот, кто оторвет тебе ручки-ножки своими корявыми лапищами, — буркнул Пак. — И не спорь со мной, парень!

Тролль плотоядно хихикнул и вразвалочку пошел вперед, разминая руки и противно скалясь.

— А ты можешь одолеть его? — придиричиво осведомился Джеффри.

— Очень может быть, — отозвался Пак. — И очень может быть, что никто не пострадает. Но я не так уж в этом уверен и потому предпочел бы не рисковать.

— Это ты-то не станешь рисковать? — покачал головой Магнус. — Скажи честно, Пак, что бы ты стал делать, если бы с тобой не было нас?

Глаза Пака задористо засверкали.

— О, если бы вас со мной не было, я бы заставил его попотеть! Он бы у меня прыгал и скакал, безуспешно пытаясь изловить меня, а я бы сделал так, чтобы ноги у него задрались выше головы, а руки завязались узлами, вот как! Но вы со мной, и потому я не желаю рисковать! Ну, назад, кому говорят!

Дети, которых Пак почти убедил, неохотно отступили еще дальше. На этот раз отошел от мостика и Джеффри.

— Нет! Нет! Куда же вы уходите, такие вкусенькие! — заохал тролль, а Пак крикнул:

— Берегитесь!

В его ручонке вдруг возник горящий факел, который он незамедлительно сунул троллю в физиономию. Тролль взвыл и попятился. Искра подпалила его набедренную повязку. Пак отступил, факел исчез. Эльф не спускал с тролля пристального взгляда.

Наконец троллю удалось загасить загоревшуюся грязную ткань, и он злобно зыркнул на эльфа своими огромными глупыми глазами, после чего, скалясь и роняя слюни, воззрился на детей. Обведя их взглядом, он несмело шагнул вперед, но тут же растерялся.

— Тролль пойдет, а детишечки что? Детишечки враз разбегутся! — Он оттянул ногу назад и покачал головой с таким видом, словно был донельзя доволен собой за эту потрясающую догадку. — Нет! Нет! Троллю уходить никак нельзя! Троллю надо на мосту оставаться! Придется ведь детишечкам через мой мостик перейти, рано или поздно! — Он успокоился, облегченно вздохнул, снова обвел взглядом детей и оскалился. — Точно! Придется детишечкам перейти через мостик, никуда они не денутся, вкусенькие мои!

Окончательно расслабившись, чудище стало спокойно, выжидательно наблюдать за детьми и эльфом.

Через некоторое время Корделия спросила:

— Можно нам пройти по мосту, Пак?

— Не то что можно! — вспыхнул Джеффри. — Мы должны перейти! А если этот мерзкий урод не уступит нам дорогу, то его придется отодвинуть!

Он выхватил кинжал и шагнул вперед.

— Убери клинок! — крикнул Пак и схватил Джеффри за руку. — Я же сказал, что не хочу драться! Тот, кто лезет в драку без нужды, либо дурак, либо трус!

Джеффри покраснел, но с места не тронулся.

— Пак прав, — согласился Магнус.

— Но почему вы вообще про это говорите? — озадаченно спросил Грегори. — И о чем тут говорить? Зачем нам пробиваться на этот мостик, когда мы запросто можем через него перелететь?

Джеффри вопросительно уставился на Магнуса. Магнус — на Джеффри. Он смущенно улыбнулся.

— Какие же мы дураки, — сказал он, покачав головой. — Как можно было не додуматься до этого?

— Вот-вот, — подхватила Корделия. — Какие же вы глупые, задиристые петухи! Вам бы только подраться с кем-нибудь!

— А ты почему молчала, — огрызнулся Джеффри, — покуда мы тут спорили? Ну, как бы то ни было, наш младшенький прав. Вверх и вперед, ребята!

— А как же Векс? — озабоченно спросил Магнус.

— За меня не переживайте, — сказал огромный черный конь. — Вряд ли я придусь по вкусу этому созданию.

Дети взмыли ввысь и полетели к другому берегу речки. Тролль задрал голову и в отчаянии взвыл. Джеффри расхохотался, снизился и стал дразнить чудовище. Тролль подпрыгнул и ухватил мальчика за лодыжку. Джеффри испуганно и возмущенно вскрикнул, а тролль, довольно хихикая, рванул его к себе — прямо к открытой жадной пасти. Мальчик выхватил кинжал и принялся колоть им тролля.

— Джеффри! — крикнула Корделия.

— Не бойся, брат! — крикнул Магнус. — Держись! Мы летим тебе на помощь!

И все втроем они развернулись и полетели назад, на выручку к Джеффри.

Но в то самое мгновение, когда тролль уже собрался было запустить в мальчика зубы, в его руку, подпрыгнув, вцепился маленький человечек в зеленом камзоле и проворно забрался чудищу на плечо.

— Ах ты, мерзкий Сассенах! Детьми решил закусить, да? — С этими словами лепрехун ударил тролля молоточком по носу-картошке. Тролль взвыл и схватился за нос, а Джеффри вырвался и взмыл ввысь, бледный и дрожащий от пережитого страха. Келли соскочил вниз, на землю. Он и сам был бледен, но все же проворно побежал по мосту на другой берег. Тролль взревел и потопал следом за ним, но эльф бежал слишком быстро и вскоре скрылся в ночной темноте.

— Спасибо тебе, Келли! — покричал сверху Джеффри.

— Ага, и еще свою счастливую звезду поблагодари, пожалуйста, — ворчливо посоветовал ему Пак, тоже взмывший в воздух. — С чего это ты вздумал его дразнить? Глупый мальчишка, ступай от меня прочь!

Джеффри обиженно насупился, но послушался и бросился вдогонку за братьями и сестрой.

Тролль, стоявший у моста, смотрел на них, задрав голову и потирая ушибленный нос. Но вот он ослабил и вразвалочку, неуклюже затопал через мостик, утробно хохоча и старательно вытягивая носом ночной воздух.

Как только деревья сомкнулись позади, Корделия обернулась:

— Пак! Тролль сошел с моста! Он принюхивается... Он идет по нашему следу!

Пак нахмурился и быстро оглянулся:

— Вообще-то это мало на троллей похоже. Но с другой стороны, не все они такие упрямые. Лето и Осень! Это ваши леса, и вы их знаете лучше меня. Где бы нам разыскать безопасное укрытие?

— Следуйте за нами! — послышался тоненький голосок Лето.

— За нами! — эхом повторила Осень.

Векс, перешедший мост следом за троллем, принялся нарочно громко топать и сокрушать копытами кусты, из-

давая оглушительный треск — видимо, решил исполнить отвлекающий маневр.

Дети старательно следовали за Осенью и Лето, но это получалось у них не слишком ловко и быстро: феи забыли о том, что дети не такие крошечные, как они, и потому не могут легко лавировать в хитросплетениях ветвей или нырять в десятидюймовые просветы между кустами.

— Стойте! — крикнул феям Пак. — Они не такие малышки, как вы! Им тяжело лететь за вами!

— Ой! Просим прощения! — откликнулась Лето, прикусила губу, обернулась и прислушалась к треску сучьев и уханью тролля позади.

— Мы постараемся вести вас более просторными путями, — пообещала Осень.

Так они и сделали, хотя все равно их понятие о том, что такое «более просторный путь», порой сильно расходилось с человеческим. Дети то и дело протискивались между колючими зарослями или шарахались от острых сучков. Но все же они старались не отставать от фей, поскольку треск и уханье слышались все ближе. Мимо проплывали занавесы лиан, подсвеченные серебристой луной, паучьи сети в два фута в поперечнике, на которых сверкали капельки жемчужной росы. Корделия зачарованно оглядывалась по сторонам. Будь ее воля, она бы задержалась, чтобы полюбоваться этой красотой, но братья поторапливали ее, то и дело оглядываясь назад.

— Куда вы нас ведете? — любопытствовал Магнус, тяжело дыша.

— В тайное место, которое ведомо только феям, — отвечала Осень.

— Крепитесь — уже недалеко, — утешила детей Лето.

И в самом деле это так и оказалось. Еще несколько шагов — и Грегори, шагавший следом за Корделией, вдруг запнулся и налетел на завесу из лиан, которые плотно переплелись между собой. Но все же лианы подались под

весом малыша, и он с испуганным вскриком покатился вниз по склону лесного холма.

— Грегори! — воскликнула Корделия и бросилась следом за братиком.

Малыш катился и катился и в конце концов упал на дно оврага. Сестра подбежала к нему, взяла на руки:

— Ой, бедный мальчик! Ты ушибся, Грегори?

— Нет, Делия, — морщась от боли и потирая ушибленное бедро, мужественно ответил он. — Ничего, я уже не маленький... Ой, Делия!

Он изумленно огляделся по сторонам. Корделия последовала его примеру и тоже зачарованно, широко раскрыла глаза.

Они угодили в глубокий, но не слишком широкий — всего-то десять ярдов в ширину — грот. Это была обитель фей, озаренная тысячами светлячков, поросшая по краям цветущими деревьями и устланная мягким мхом. С одной стороны падал небольшой водопадик, а под ним сверкал и переливался маленький пруд. Из пруда вытекал ручеек и струился по дну грота.

— Это волшебное место! — выдохнула Корделия.

— Так и есть, — подтвердила Осень, спустившаяся в грот. — Давным-давно как-то раз сюда упала, подвернув ногу, старушка волшебница. Феи выходили ее, поскольку прежде она всегда была к ним очень добра. Мы лечили ее сладкими травяными настоями и припарками из листьев и произносили целительные заклинания, чтобы травы забрали из ее тела боль, и в конце концов она была исцелена. В благодарность волшебница сотворила для нас эту обитель, и хотя ее самой уже давно нет среди живых, ее дар по-прежнему служит нам.

По склону на дно грота с треском и оханьем скатились Магнус и Джеффри. Магнус вскрикнул, а Джеффри произнес слово, из-за которого Корделии пришлось закрыть ладошками уши Осени.

— Спасибо тебе, детка, — проговорила фея, нежно разжав пальцы Корделии. — Вряд ли твой братец знает значение того слова, которое я не услышала. И все-таки с его стороны было на редкость невоспитанно его произносить! — Она подошла к сидящему на земле мальчику, сердито подбоченилась и спросила: — Ты что же, совсем не уважаешь слух прекрасных дам, верзила эдакий?

Джеффри открыл было рот, чтобы пылко возразить, но Магнус встретился с ним взглядом, и Джеффри неохотно проглотил те слова, что уже вертелись у него на языке.

— Прошу тебя, прости его, — проговорил старший брат. — Он еще мал, и потому ему тяжело сдержаться и помнить о хороших манерах, когда ему больно. — Он заработал убийственный взгляд от Джеффри, но старательно проигнорировал его и обернулся к сестре. — Насколько я понял, вы с Джеффри не слишком сильно ушиблись?

— Не слишком, — подтвердила Корделия. — И я еще никогда так сильно не радовалась, угодив в передрагу. Видел ли ты хоть раз такую красоту?

Магнус посмотрел по сторонам и вытаращил глаза. Корделия поняла, что до этого мгновения ни он, ни Джеффри не понимали, куда попали. Даже средний брат с трудом сдерживал восторг.

— Делия! — воскликнул он. — Это что же, какое-то волшебное царство?

— Это обитель фей, — ответила ему Лето. — Ее сотворила для нас одна добрая волшебница.

— Верно, и место это волшебное, — добавила Осень. — Тс-с-с! Прислушайтесь! Разве вы не слышите музыку?

Дети утихли, и до них донеслись еле слышные звуки: казалось, легкий ветерок трогает струны арфы, а к этой мелодии примешиваются плеск струй водопада и журчание ручейка.

— Что это? — озадаченно пробормотал Магнус.

— Это ветер шевелит лианы, — отвечала Осень.

— А это что? — вскричал Грегори. Он, чуть прихрамывая, выбрался на середину грота, где посреди камня сверкал и переливался большой кристалл.

— Это очень крупный бриллиант, — заявила Корделия, подойдя и встав рядом с малышом.

— Нет, — улыбнулась Осень, подлетев к ним. — Это просто камень, хотя и очень красивый. Такой уж он уродился — словно его выточили.

— Не думаю, что это так, — покачал головой Магнус, приглядевшись к камню повнимательнее. — Если я не ошибаюсь, папа мне такие камни показывал. Он называется «кварц».

— Точно, — подтвердил Джеффри, не отрывая взгляда от кристалла.

Магнус кивнул:

— Мне раньше доводилось видеть кварц. У его кристаллов редко бывают такие гладкие грани, и даже тогда они не больше чем с палец. Над этим камнем кто-то умело потрудился.

— Да нет же, — возразила Лето. — Он был здесь с тех самых пор, как волшебница сотворила этот грот.

— Значит, она и этот камень сотворила тоже, — рассеянно и как-то отстраненно пробормотал Грегори. — Он не сам вырос. Волшебница его создала.

Джеффри нахмурился:

— Чего это у тебя вдруг голос такой странный стал, Грегори? Грегори!

— Тише! — прикрикнула на брата Корделия и увела его в сторонку. — Он творит чудо!

Лицо Грегори приобрело особенное выражение задумчивой сосредоточенности. Внутри кристалла вспыхнул огонек, начал разрастаться и озарил лицо малыша лучистым сиянием.

— Это опасно! — горячо воскликнул Джеффри.

— Нет, — возразил Магнус и опустил на колени по другую сторону от кристалла, пристально глядя на младшего брата. — Ничего дурного не случится. Грегори владеет силой кристалла, а не наоборот. Загляните к нему в разум — сами увидите.

Тут все примолкли и стали слушать мысли и ощущать чувства, испытываемые Грегори. И увидели кристалл его глазами, но только его очертания померкли, и ясно видна стала только светящаяся точка — в том месте, где на поверхности камня мерцал лунный блик. Глядя на диковинный камень глазами младшего брата, другие дети увидели, как сияние начало разбухать, разрастаться, заполнило все поле зрения, но при этом уподобилось дымке. А потом дымка стала мало-помалу развеиваться, и наконец сквозь нее стали видны...

— Это мама! — негромко, взволнованно воскликнул Джеффри.

— И папа! — проговорила Корделия, широко распахнув глаза, хотя картина предстала только перед ее мысленным взором. — Но кто эти, другие?

В видении, представшем перед детьми, их родители сидели за дубовым столом в углу какой-то большой комнаты со стенами, забранными деревянными панелями. На столе перед Родом и Гвен стояли кружки, а сами они оживленно переговаривались с другими взрослыми, которые сидели за столом вместе с ними. В одном из взрослых дети признали монаха — наверняка это был монах, поскольку он был одет в коричневую сутану с откинутым назад капюшоном. Даже желтая рукоятка маленькой отвертки, что торчала из нагрудного кармана, показалась детям знакомой. Но вот остальные...

— Что это за одежда на них? — удивилась Корделия.

И действительно: одеты были люди по-иноземному. Двое взрослых, судя по тонкости черт их лиц, были женщинами, но куртки на них были почти такие же, как на

мужчинах. Один из мужчин был худощавым, бледным и седым, со светло-голубыми, выцветшими глазами, а другой — намного моложе, но при этом очень полный, с приятной, добродушной улыбкой. А третий — коренастый, широкоплечий. Этот совсем не блистал красотой...

— Да это же... Йорик! — ахнула Корделия.

— Тот самый, которого его величество Туан назначил вице-королем страны звероловцев? — вытаращил глаза Джеффри. — И правда, это он самый и есть! Но почему он так странно выглядел?

— Это он, — согласился Магнус. — Но как он оказался вместе с нашими папой и мамой?

— Хотя бы с ними вместе хорошие люди, — вздохнула Корделия.

— А ты как думала, глупышка! — фыркнул Джеффри. — Разве наши родители стали бы знаться с плохими?

Корделия развернулась к брату, готовая ответить на «глупышку», но Магнус взял ее за руку:

— Не надо! Ты разрушишь чары! Не кипятись, сестренка! Потерпи! Давай посмотрим на маму с папой, куда это возможно!

— О да, конечно! — Корделия притихла, сосредоточилась на видении. — И все же они неправильно поступили, что покинули нас. О, как они только могли уйти без нас!

— Не думаю, чтобы у них был выбор, — насмешливо проговорил Джеффри.

— Вот тут ты прав, — подтвердил Магнус. — Радуйся, сестрица, хотя бы тому, что они живы и здоровы!

— Да, да! — устыдившись, кивнула Корделия. — Что же это я... Слава Богу, с ними все хорошо!

Но стоило ей произнести эти слова, и картинка начала таять. Корделия в отчаянии негромко вскрикнула, но туман сгустился и скрыл и родителей, и их друзей. Наконец кристалл снова потускнел.

— Ну что ж, хотя бы немножко удалось на них посмотреть, — вздохнул Магнус, не спуская глаз с камня. — Да поможет вам Бог, мама и папа! И пусть Он побыстрее вернет вас к нам!

Кристалл снова стал таким же, как был раньше. Грегори закрыл глаза, покачнулся, опустился на колени и упал.

Корделия бросилась к нему, подхватила на руки, обняла руками его голову:

— О, бедняжка! Магнус, это видение отняло у него слишком много сил!

— Это просто усталость, сестренка, — успокоил ее Магнус. — Ему нужно немного отдохнуть, а потом с ним все будет хорошо.

— Немного — это ты точно сказал, — пробормотал Джеффри и, нахмурившись, повернулся ко входу в грот.

— Что ты там услышал? — тут же насторожился Магнус, замер и прислушался. И тут он услышал то же самое, что Джеффри: треск сучьев и далекое «Хо! Хо!». Звуки медленно, но верно приближались.

— Тролль! — воскликнула Корделия. — О, нельзя, чтобы он нашел это чудесное место!

— Боюсь, что он его найдет, — процедил Джеффри сквозь зубы. — Он идет по нашим следам, а они рано или поздно приведут его сюда!

— Чтобы такое жуткое чудовище вломилось сюда и растоптало всю эту дивную красоту? — вскричала Корделия. — Да ведь он тут все уничтожит!

— Нет, этого не произойдет. — Магнус встал и не без труда поднял на руки измученного Грегори. — Он не придет сюда, если мы... если мы уйдем.

— Но вам нельзя уходить! — подняв руку, горячо возразила Лето.

— Да, да, это небезопасно, — подтвердила Осень. — Чудовище погонится за вами и изловит вас.

— Да, но... зато он не придет сюда, если мы убежим.

— А он-то сам это поймет? — покачала головой Корделия. — Нет! Он придет по нашим следам сюда, а потом пойдет за нами дальше, но одному Богу известно, что он тут натворит, пока будет проходить через обитель фей! Нет! Уложи Грегори на землю, Магнус, и помоги мне. Тролля не должен войти в этот грот!

— Мы тоже этого не хотим, — в унисон проговорили Осень и Лето. — Магия фей к вашим услугам. Как мы остановим эту жуткую тварь?

Глаза Магнуса сверкнули, он развернулся и уставился на подернутую росой паутину.

— Кажется, я придумал... Если вы нам поможете, мы хотя бы сумеем задержать тролля, когда он попытается сюда проникнуть.

— Этим грот не спасешь! О! — Корделия в отчаянии топнула ногой и посмотрела на спящего Грегори. — Прогнись же, засоня! Может, ты придумаешь, как остановить это чудище!

— Не пытайся разбудить его, — послышался гулкий басок. У ног девочки возник Пак. Он хмуро поглядел на Грегори. — Видение лишило его сил. Наверное, ваши родители слишком далеко от нас.

— Но, Робин, как же нам остановить тролля?

— Если Магнус сумеет помешать ему войти в грот, то я, пожалуй, смогу его прогнать — если, конечно, он будет вести себя так, как я думаю. — Пак усмехнулся. — По меньшей мере мы сможем наблюдать за ним из безопасного укрытия и попробуем сделать все, на что только способны. Вы готовы, детки?

— Ну, укрытие так укрытие, — разочарованно вздохнул Джеффри. — Говори, Пак, какой у тебя план?

Когда тролль, немилосердно топоча и подвывая, подошел к гроту, все уже были наготове.

Тролля шел по следам детей вплоть до самого занавеса из лиан. Сначала он не заметил отверстия в зарослях, через

которое все проникли в грот, и прошел мимо него. Тролль остановился и озадаченно огляделся по сторонам. Затем он расплылся в ухмылке, развернулся и пошел обратно, на ходу старательно приносясь. Добравшись до отверстия, тролль осклабился еще шире и прокричал:

— А-хо!

Потом он пригнулся, еще разок хорошенько приносясь, довольно хихикнул и шагнул в отверстие.

Однако он тут же наткнулся на невидимую преграду.

Тролль озадаченно нахмурился, отступил на шаг, однако то, на что он наткнулся, намертво прилипло к нему, и он принялся метаться из стороны в сторону, пытаясь избавиться от пут. Но как он ни старался, он никак не мог стряхнуть липучее вещество — тролль только злобно выл и беспомощно болтал руками и ногами.

— Его опутала паучья сеть, — сообщил Джеффри.

— Ничего удивительного, — проговорил Магнус, — когда эту сеть сплела тысяча пауков. Ну, Делия, теперь ты руководи нами. Думай. А ты, Джеффри, объедини свои мысли с нашими.

Джеффри уставился на тролля в упор, но при этом старательно сосредоточился на мыслях Корделии.

А Корделия стала думать о птицах — точнее, о множестве птиц, воробьев, малиновок, дроздов, ворон, — сотнях и сотнях всевозможных пичуг. Магнус взял на себя воробьев и представил себе их стаю так живо, как только мог. Джеффри предпочел малиновок, стая которых упражнялась в парении перед отлетом на зиму в теплые края.

Тролль орал во всю глотку и сражался с паутиной все более отчаянно, но чем дальше, тем меньше были его успехи. По мере того как он бился в паучьих тенетах, от его тела начал отрываться кусочек за кусочком, и эти кусочки выскакивали сквозь прорехи в паутине и разлетались по лесу.

— Все получается так, как предсказал Пак! — радостно вскричал Джеффри. — Тролль сотворен из ведьминого мха!

С этими словами мальчик удвоил свои старания, не спуская глаз с чудовища.

Из темных зарослей десятками вылетали птицы — малиновки, воробьи и дрозды разлетелись и уступили место воронам. Те раскаркались так громко, что им даже удалось заглушить вой и рев плененного тролля. Но вот улетели и вороны — и мятущийся черный ком стал намного меньше.

Наконец тролль стал таким маленьким, что смог выбраться через одну из дырочек, проделанных им в паутине. В итоге на дно грота по склону скатился тролль всего-то в фут росточком. А его рев уподобился мяуканью котенка.

— Ах, бедняжка! — пожалела его Корделия, и созданные ее воображением дрозды тут же исчезли, словно мыльный пузырь. Девочка вскочила, протянула руки, но Пак ухватил ее за подол юбки:

— Не надо, Корделия! Он стал маленьким, но остался злобным и мстительным чудовищем! Только коснешься его рукой — и он отхватит ее зубищами до запястья!

— Думай, брат! — крикнул Магнус, и Джеффри охотно исполнил его приказ. На глазах у Корделии уменьшенный тролль начал таять, как восковая фигурка, которую поднесли слишком близко к огню. Контур его физиономии, спутанных волос и тела расплывались и сплавлялись в однородную розоватую массу, и эта масса продолжала приближаться к детям, мало-помалу утончаясь посередине, распадаясь, разделяясь на две части. А потом обе половинки вытянулись, потемнели, стали тоньше, еще тоньше, затрепыхались, стали плотнее... и вдруг во тьму ночи с громким карканьем улетела большая ворона, а следом за ней, отчаянно щебеча, — воробышек.

А потом в гроте стало тихо-тихо.

Корделия стояла, широко раскрыв глаза от изумления и жалости.

— Не стоит чувствовать себя виноватой, сестренка, — бросил Джеффри. — Он бы сожрал тебя и не поперхнулся.

— Он был не сам по себе, — заметил Пак. — У него и ума-то собственного не было. Им владели только желания — безотчетные, тупые желания. Он родился, когда какая-то старушка рассказывала внучку страшную сказочку на ночь. Так что, по сути, он являл собой страшный сон, не более.

— Пропал — как будто и не было его, — прошептала Корделия.

— Зря ты так думаешь! — запальчиво вскричал Джеффри, а Магнус кивнул и очень серьезно проговорил:

— Он бы запустил в тебя свои острые зубищи и слопал, испытывая самый настоящий голод. Нет, сестренка, он был очень даже всамделишный.

11

Было еще темно, когда детей, одного за другим, разбудил Келли.

— Просыпайтесь, — тихонько приговаривал лепрехун. — Над полями встает солнышко, детки, хотя вы его и не видите. Пора в путь. Просыпайтесь!

Дети, выражая свое недовольство каждый по-своему, зашевелились, стали со стонами протирать глаза.

— Но мы вчера так поздно легли, Келли, — капризно проговорил Грегори.

— И ночка выдалась тяжелая, — добавил Джеффри.

— Тяжелая! Кто бы жаловался! А я-то думал, что тебе по душе добрая драка!

— По душе, — зевнув, кивнул невыспавшийся Джеффри. — Но все равно я притомился порядком.

— А почему это мы должны вставать, когда Пак еще не проснулся? — недовольно спросил Магнус.

— Как — не проснулся? Он встал раньше вас и пошел на разведку — осмотреть окрестности. Сказал, что больше не позволит вам попасть в беду! Так что уж давайте-ка просыпайтесь да поднимайтесь!

— Ну дай же мне еще хоть капельку поспать, — сонно пробормотала Корделия и снова улеглась на подушку из свернутого в рулон плаща.

Но тут ее щеки коснулся бархатистый нос. Девочка встрепенулась, подняла голову и увидела стоящего рядом с ней единорога, шкура которого серебрилась в предзвездных сумерках. С радостным криком Корделия вскочила и обвила руками шею чудесного зверя.

Мальчики поднялись не так проворно. Келли торопил и подбадривал их и уговорил умыться. Умывшись холодной водой из ручья и закусив парой пригоршней лесных ягод, дети прогнали сонливость и стали готовы к путешествию.

Вскоре все вышли из леса на пастбище. Прохладный, чуть влажный утренний воздух и зрелище восходящего солнца подействовали на детей так бодряще, что через некоторое время, шагая через пастбище по протоптанной коровами дорожке, они весело запели. К компании присоединился Векс, который наконец разыскал детей и эльфов после приключения с троллем. Огромный черный конь важно вышагивал позади, замыкая процессию. Джеффри развеселился настолько, что перелетал попадавшие на пути изгороди.

Однако, взмыв ввысь над третьей по счету изгородью, он вдруг замер в воздухе, поспешно опустился на землю и прошептал:

— Тс-с-с! Там... там четверо воров, и все здоровяки, как на подбор.

Грегори подпрыгнул, чтобы поглядеть, но Магнус схватил его за руку и притянул к себе:

— Нет! Если там — злые люди, детям лучше сидеть тише воды, ниже травы!

Дальше они пошли тихонько, пригибаясь, чтобы их не было видно из-за плетня, и вскоре добрались до рощицы на краю поля. Выглянув оттуда, увидели пыльную проселочную дорогу. Справа эта дорога пересекалась с другой, точно такой же. На скрещении дорог стоял большой камень. Слева вдоль поля шагали четверо верзил. Они поругивались и ворчали:

— Удрал все-таки, мерзавец!

— Повезло ему, а не то бы мы его подвесили да оставили на съедение воронам!

— Нет, нет! Мы бы ему устроили похороны на славу — и священник бы наш деревенский позавидовал!

— Это можно было бы, — со смехом согласился самый плечистый и высокий из четверых и поднял над головой кожаный мешок размером с его голову. — Считай, он нам недурственно заплатил!

— Угу, — буркнул один из его спутников — коротышка. — Вот только мы пока не поделили добро между собой. А ежели я вскорости не получу свою долю, Борр, то мы тебя схороним, а не его!

Мужчина по имени Борр свирепо сверкнул глазами, но спрятал свою злость за неискренней улыбкой:

— Да ты че, Морлан? Неужто думаешь, что я тебя обману, а?

— Только попробуй, — проворчал Морлан.

Глаза Борра снова злобно сверкнули, но он продолжал улыбаться:

— Да брось ты, приятель! Ни за что я тебя не обману! Надо просто убраться подальше отсюда, пока этот жирный купчина шерифа не кликнул!

— Ну да, все верно, — проворчал другой воришка. — Да только уж, пожалуй, мы далековато ушли.

— Угу, — кивнул Морлан и указал на камень на скрещении дорог. — Вот она, Арлсбийская развилка. Считай, две мили мы протопали. Не хватит ли?

— А что, пожалуй, хватит, — согласился Морлан. — А вон и жертвенный камень под валуном лежит. Тут полагаются подарочки для духов оставлять, ну а мы тут денежки наши поделим! Пошли, братцы!

И все четверо зашагали в сторону камня.

— Они — грабители! — подумал Грегори.

— Воры, ограбившие какого-то толстого купца, — подтвердил Джеффри.

— Это возмутительно! — мысленно воскликнула Корделия. — Что он им сделал, этот бедолага?

— Ты бы лучше спросила: кто их накажет за то, что они его обчистили! — услышала девочка мысль Джеффри.

Магнус нащупал рукоятку кинжала.

Но тут его большой палец с силой сжала крепкая маленькая ручонка.

— Нет! — прошипел Келли. — Теперь вам не помочь бедняге купцу: его золото уже похищено!

— Мы могли бы вернуть ему его деньги, — возразил Магнус.

— Это не стоит того, чтобы вы подвергали себя опасности!

— Нет никакой опасности, — стиснув зубы, процедил Джеффри.

— Может, ты и прав, да только подумай головой-то! Пака сейчас с вами нет — а вдруг вам не повезет?

Джеффри растерялся.

Четверо грабителей расселись вокруг жертвенного камня. Борр вывалил на него содержимое кожаного мешка. Послышался звон монет. Грабители довольно закрывали.

— Одна тебе, Морлан, — начал считать Борр и бросил золотую монетку коротышке. — Одна тебе, Гран... А вот — тебе, Кролл...

— Нетушки, это все мне! — послышался вдруг громopodobный голос, прозвучавший со скрежетом мельничного жернова.

Он вышел из-за придорожного камня — ростом футов в восемь, если не больше, и с широченными плечищами — фута четыре. Ручищи у него были толстенные — ни дать ни взять древесные стволы, а ножищи — ну просто колонны! Великан вертел над головой дубинку длиной в рост Магнуса, а весом, пожалуй, что и потяжелее. Спутанные черные волосы нависали до бровей, глазки казались непропорционально маленькими на огромной, похожей на каменную глыбу, физиономии. В оскаленной прорези рта виднелись неровные желтые зубы.

— Попались, мерзкие людишки! — прогрохотал великан. — Тихо сидеть, когда с вами говорит Грогат, ваш могучий повелитель!

Только одно краткое мгновение воришки в страхе тащились на великана, а потом вскочили и пустились наутек — все, кроме Морлана, который все же сгреб монеты в мешок, а уж потом дал стрекача.

Грогат ухватил его сзади за ворот и поднял в воздух. Морлан испуганно завопил, а великан вырвал из его рук мешок с деньгами, после чего швырнул горе-грабителя в ту сторону, куда ринулись его товарищи. Морлан, оглушительно визжа, полетел и рухнул на Борра. Тот, когда на него упал Морлан, тоже заорал. Гран и Кролл все еще бежали, но Грогат обогнал их всего парой-тройкой широченных шагов и встал у них на пути, высоко подняв дубину:

— Поклонитесь мне, да поживей!

У Грана затряслись коленки, лицо стало землистым. Он медленно склонился до самой земли, а Кролл попятился к придорожным деревьям.

Грогат ткнул его дубинкой в живот, и воришка упал, обхватив себя руками, и стал кататься по земле, отчаянно пытаясь вдохнуть, но только это у него никак не получалось. Великан стоял, расставив могучие ножищи и гневно глядя на Морлана и Борра, успевших подняться на ноги.

Те медленно поклонились великану.

— Вот так-то, — проскрежетал великан басом. — И впредь не забывайте: я ваш повелитель! Что бы вы ни украли — три четверти награбленного будете отдавать мне!

— Нет! — выпалил Морлан. — Это мы украли, это мы бежали, рискуя оказаться на висе...

Тяжеленная дубинка врезалась ему под ребра. Послышался хруст костей. Воришка с криком упал на землю.

— И не пытайтесь морочить мне голову, — прогреготал Грогат. — Рано или поздно — все равно я проведаю, кто из вас что прикарманил, и отыщу вас, куда бы вы ни удрали!

— Нет! Нет-нет, Грогат, мы ни за что не станем тебя обманывать!

— Никогда!

— Три четверти нашей добычи всегда будут принадлежать тебе, Грогат, обещаем!

Великан, глядя на воришек с высоты своего огромного роста, медленно кивнул:

— Смотрите же, не забудьте.

Гран опустился на колени и положил руку Морлана себе на плечо. Морлан застонал от боли.

Борр боязливо поглядывал на великана. Хоть он и дрожал с головы до ног, он все же набрался смелости и спросил:

— А ты не боишься графа Глинна? Ты силен и могуч, спору нет... ну а если, скажем, он выступит против тебя с сотней вооруженных воинов?

Грогат расхохотался. Казалось, сотня мраморных шариков прокатилась по железному листу. Затем великан что-то вынул из кошельа, болтавшегося у него на поясе:

— А ты погляди да увидишь!

Борр робко шагнул к великану, не спуская с него затравленного взгляда.

— Да не бойся ты! — рявкнул великан. — Не трону. Подойди, говорят тебе, да глаза разуй!

— Он хочет, чтобы они что-то увидели, — слышалась мысль Грегори. — Наверное, похвалиться хочет.

Борр уставился на ладонь великана, сложенную ковшиком, и хрипло ахнул:

— Так это же... того... перстень графа Глинна... с его гербовой печатью!

— Он самый и есть, — ответил великан, утробно смеясь. — И уж ты мне поверь, я его не в канаве у дороги нашел!

Борр, весь дрожа, поднял голову и посмотрел на великана:

— Так ты... стало быть... убил его?

— Чего?! Кокнуть такую важную шишку? Когда с его помощью можно кое с кем поторговаться? — Грогат презрительно рассмеялся. — А что б я тогда делал, ежели против меня герцог свое войско послал бы, а? Ну, что бы я тогда делал? Нет-нет, ты спроси меня, а я тебе отвечу!

— Что бы ты делал, если бы герцог послал против тебя всю свою конницу и всю свою рать? — продолжая дрожать как осиновый листок спросил Борр.

— А я бы им сказал: «Стойте, а не то я их прикончу! И графа Глинна, и женушку его, и ребятенков!» — самодовольно воскликнул Грогат. — Ну и стал бы, спрашивается, герцог после этого нападать на меня? Да ни за какие коврижки!

— Они у него в плену! — в ужасе подумала Корделия.

— Мы должны спасти их! — Джеффри с такой силой сжал низко нависшую над землей ветку, что костяшки его пальцев побелели.

— Не горячись, — прошипел Келли и положил смуглую ручонку на плечо мальчика. — Он не собирается их убивать — сам только что сказал. С ними ничего плохого не случится — а вот с вами может и случиться.

— Ага, дрожишь, как я погляжу? — потешался тем временем над незадачливым ворюгой великан Грогат. — Дро-

жи, дрожи! Потому что теперь этим графством правлю я и все обязаны платить мне дань!

— Да, Грогат! Конечно, Грогат! — Борр стал кивать и кланяться с такой прытью и усердием, что было похоже, что голова у него, того и гляди, отвалится. — Как скажешь, так и будет, Грогат!

— Вот-вот, то-то же, — прорычал великан. — А не то я от вас и мокрого места не оставлю. Но и вас не обману: не стану отнимать у вас все, что вы награбите. Зачем мне это? Ежели я у вас всю добычу отбирать буду, вы тогда, поди, и вовсе воровать перестанете, а мне это не на руку. Воруйте, голубчики, сколько пожелаете, да мою казну наполняйте. Но помните: три золотых монеты из четырех, что вы украдете, — мои, и три медных и серебряных тоже!

— Хорошо, Грогат!

— Слушаемся и повинемся, Грогат!

— Помните о своем обещании! — Великан размахнулся дубинищей и поддел ею Борра. Тот взлетел в воздух и с воплем шмякнулся на дорогу. Грогат расхохотался и привязал к поясу мешок с деньгами. — А это я себе забираю, чтобы вы получше наш уговор запомнили! Смотрите не забывайте про меня! А теперь ступайте, голубчики сизокрылые. День только начался, и вы успеете еще много для меня добра наgrabить!

С этими словами он развернулся и зашагал прочь по дороге. Монеты в мешке позвякивали в такт его топоту.

Борр и Кролл, пошатываясь и стеля, поднялись на ноги.

— Сюда, сюда идите! Помогите мне! — позвал их Гран.

Борр обернулся, хмуро глянул на Морлана и, немного подумав, кивнул:

— Ладно. Он хотя бы попробовал подраться с этим великаном.

Он подошел к Морлану и наклонился.

— Да нет же! Он не руку ему сломал, а ребра, — предупредил Гран.

И они вдвоем помогли стонущему Морлану подняться на ноги.

— Все заживет, Морлан, заживет, не бойсь, — принялся уговаривать товарища Гран.

— А вот мы сами будем ли живы? — пробормотал Борр, когда они, волоча под руки Морлана, развернулись. — Теперь воровать придется — хочешь или не хочешь!

— Заткнись! — буркнул Морлан в промежутке между стонами. — Будто ты сам больше воровать не собирался!

— Собирайтесь-то я собирался, — согласился Борр, — да ведь только нам теперь одна монетка из четырех оставаться будет!

— А могло бы и ни одной не оставаться, — буркнул Морлан. — А теперь... Отведите меня куда-нибудь, перевяжите да в кровать уложите. Пару деньков — и я снова буду воровать вместе с вами!

И они, прихрамывая и постанывая, медленно пошли по дороге.

— Нет, это просто возмутительно! — не выдержал Джеффри, когда они ушли подальше и уже не могли его слышать. — Что же, теперь добрым людям и по дороге не пройти без риска?

— По крайней мере теперь мы знаем, почему граф Глинн не отправил своих рыцарей в бой с графом Дрошем, — рассудительно заметил Грегори.

— Это верно, — хмуро кивнул Магнус. — Вот только можно считать, что теперь этим графством вообще никто не правит, потому что тот, кто захватил власть, будет жить припеваючи, а делать ничего не будет — только денежки станет у людей отнимать!

— Просто ужас! — кипятился Джеффри. — Граф больше не сможет оборонять своих подданных, а этот великан не борется с разбойниками и ворами, а, наоборот, поднабивает их на разбой и грабежи!

— Теперь и женщинам, и детям покоя не будет, — прошептала Корделия.

— Зададим ему трепку! — воскликнул Джеффри. — Давайте прикончим этого злобного великана!

— Нет, дети, стойте! — вскричал Келли. — Вы собрались сразиться не с простым смертным, а с великаном!

— А дракон что же, обычной ящеркой был? — прищурившись, проговорил Джеффри.

— В сражении с драконом вам своим могуществом помогал единорог, но разве он выстоит в драке с таким верзилой? О нет, Грогат его изловит и угробит!

— О нет, ни за что! — воскликнула Корделия и крепко обняла единорога за шею.

Келли не упустил достигнутого преимущества в споре.

— Да и Пак пока не подошел — стало быть, и от него вам помощи ждать не приходится. Хоть бы дождались, когда он вернется.

— Но ведь это чудовище нельзя оставлять ни на час... нет, даже на одну минутку — он тут всех в округе до смерти напугает!

— Ну а кто возьмет бразды правления в свои руки, когда он их выронит — если выронит? — подбоченившись, поинтересовался Келли. — Не-ет, мои миленькие! Чтобы сразиться с великаном, прежде надо графа Глинна и его жену с детишками из плена вызволить!

— Ну, так веди же нас туда, где они томятся! — крикнул Джеффри.

— Тебе все равно, с кем драться, — лишь бы драться! — нахмурившись, укорила брата Корделия.

— Это неправда!

Джеффри, сжав кулаки, развернулся к сестре.

— Он прав, Корделия, — встав между ними, серьезно проговорил Магнус. — Ты не станешь спорить, сестренка: твой братец рвется в бой только тогда, когда видит,

что кому-то нужна помощь — тому, кто слабее своего обидчика.

— Да знаю я, — вздохнула Корделия. — А уж теперь как раз такая самая драка и предстоит.

— Так что же мы тут стоим! — воскликнул неожиданно зараженный боевым задором детей лепрехун. — Этаким мерзавец! Мало того, что законного правителя в плен забрал, так еще благородную леди и детишек обижает! Вперед, детки! Мы найдем этого графа и вернем ему свободу, а он созовет своих рыцарей! А уж потом мы ему поможем превратить этого великана в коврик у городских ворот, чтобы об него все ноги вытирали!

— Да! Да! — радостно прокричали дети и бодро зашагали за возглавившим отряд лепрехуном.

Мальчишки решили, что быстрее будет лететь, но Корделия не пожелала расставаться со своим единорогом, и потому она ехала верхом на нем, а Джеффри и Магнус летели по обе стороны от дороги — только Грегори девочка взяла к себе и усадила перед собой на единорога. Малыш был безмерно счастлив, он улыбался от уха до уха и покрикивал:

— Эге-гей! Эге-ге-гей!

— А чего это вдруг этот зверь его терпит, а нас с тобой — нет? — спросил Джеффри у Магнуса.

Старший брат уловил мрачные мысли Джеффри и прокричал в ответ:

— Может, просто потому, что Грегори такой маленький. Так что ты не переживай, братец!

Джеффри расплылся в довольной улыбке.

Кавалькаду замыкал Векс. Келли топал между его копытами и причитал:

— Вот же здоровенная коняга! Ну ступай же ты помягче!

Через какое-то время небо затянуло серыми тучами и стало пасмурно. Келли задрал голову и принюхался.

— Пахнет дождем, похоже! — объявил он.

— Анализ местных метеорологических параметров позволяет предположить высокую вероятность скорого выпадения осадков, — согласился с ним Векс.

Довольно-таки близко прогрохотал раскат грома.

— Не стоит ли нам поискать укрытие? — обернувшись, проговорила Корделия.

— Это было бы благоразумно, — согласился Келли и свернул с дороги к придорожному лесу. — Сворачивай, железный скакун! Под деревьями нас хотя бы не так сильно намочит!

Снова грянул гром, а как только дети свернули с дороги и пошли за Келли, на землю упали первые капли дождя. Футов на пятьдесят лес порос густым кустарником, через который пришлось продираться, но потом кусты расступились, и дети, лепрехун, единорог и Векс оказались посреди могучих деревьев, кроны которых почти целиком заслоняли небо. Правда, и здесь без препятствий не обошлось: тут и там из-под опавшей листвы и хвои торчали извилистые и корявые корни, так что ни Векс, ни единорог не смогли бы здесь пуститься галопом. И все же они старались, как могли, и пошли рысью. Келли шел впереди, обходя ямки и отверстия кротовых нор, перелезая через корни, раздвигая молодую поросль.

— Там избушка! — воскликнул вдруг Джеффри.

Дети пригляделись и с радостными криками бросились следом за Джеффри. Единорог, слушаясь Корделию, пошел в ту сторону.

— Нет, дети! — закричал Келли. — Да будете вы слушаться или нет? Не нравится мне что-то эта избушка!

Но дети, не обращая внимания на его увещевания, впуски мчались к лесному домику.

Лепрехун, сдвинув брови, уставился на Векса:

— А ты что молчишь, стальное копыто? Тебе что же, по праву эта хижина? Или все-таки нет?

Стальной конь кивнул.

Келли нырнул в ямку под корнями большого дерева, уселся на землю, скрестив ноги и сложив руки.

— Я отсюда шагу не шагну, и не подумаю! И тебе советую моему примеру последовать. Давай останемся здесь, затаимся и будем ждать, чтобы, в случае чего, можно было бы помчаться на помощь этим несносным, непослушным детишкам!

Векс снова кивнул и встал у дерева, чтобы закрыть Келли от дождя.

Джеффри и Магнус влетели в открытое окно. Единорог остановился у двери. Корделия прыгнула на землю и постучала в дверь кулаком. Дверь распахнулась, на пороге стоял Джеффри.

— Кто это тут барабанит в мою дверь ни свет ни заря?! — разыграл он возмущение. — У нас все дома!

— Ой, перестань дурачиться! — фыркнула Корделия и переступила порог, держа за руку Грегори. Войдя, она остановилась и изумленно огляделась по сторонам. — Так значит, тут никто не живет?

— Если и живет, хозяина нет дома, — заключил Джеффри. Грегори протиснулся внутрь между ним и Корделией. Корделия обернулась и посмотрела на единорога:

— А ты не хочешь войти?

Единорог мотнул головой, отвернулся и затрусил обратно, к лесу.

— Вернись! — в отчаянии прокричала Корделия.

Серебристый зверь обернулся, вскинул голову, ударил копытами по траве, снова отвернулся и исчез за деревьями.

— Он что же, опять ушел? — плохо скрывая надежду, спросил Джеффри.

— Перестань! — Корделия развернулась и задиристо вздернула подбородок. — Просто он пошел, чтобы поис-

кать себе убежище. Наверное, он не любитель входить в чужие дома.

— Я тоже, — буркнул Магнус, хмуро оглядывая неведомо чье жилище. — И никак не пойму: как это может быть, чтобы дом внутри оказался больше, чем кажется снаружи?

Корделия пожала плечами, прошла вперед и уселась на трехногую табуретку у очага.

— Все дома снаружи кажутся меньше.

— Да это и не дом, а хижина — снаружи! А внутри — бревенчатые стены, да еще и проконопаченные! — Магнус подошел к столу, стоящему около одной из стен, и, нахмурившись, пробежался взглядом по полкам, висевшим над столом. — Что это тут такое расставлено? — Он стал тыкать пальцем в стоявшие на полках банки и склянки. — «Глаз тритона»... «Шерсть летучей мыши»... «Яд гадюки»...

— Это все колдовские штуки, — оторопело пролепетал Грегори, вытаращив глаза.

Магнус кивнул:

— Видимо, ты прав. И это не травки, из которых стряпает свои снадобья старая Агата. Это все предназначено для грязного, злого колдовства. — Он повернулся к братьям и сестре. — Это дом колдуньи — нет, того хуже! Это дом злого колдуна!

Дверь со стуком распахнулась, в дом вошел, сгорбившись, высокий старик, лицо которого пряталось под низко надвинутым капюшоном. Старик пошевелил седой желтоватой бородашкой и выругался:

— Как же не повезло! Разразилась же непогода, раздери ее... И какая же старая карга наколдовала эти тучи как раз сегодня? — Он швырнул на стол посреди комнаты кожаный мешочек. — Ну да ладно, хотя бы я нынче разжился кладбищенской земелькой — давно я ее искал. Хоть не зря ноги сбивал. — Что-то бормоча себе под нос, старик сбросил мокрый плащ и собрался повесить его у очага, но тут заметил Корделию.

Девочка прижалась к стенке ниши у очага, изо всех сил стараясь стать невидимой.

Старик был одет грязно и неряшливо, рубаха у него была вся в жирных пятнах, штаны с подвязками из веревочек. Физиономия костлявая, острый и длинный нос, налитые кровью глаза под венчиком спутанных волос, а макушка — лысая. Волосы у старика были бы белыми, мой он их почаще. Он медленно ухмыльнулся, обнажив редкие желтые зубы, хихикнул и протянул к девочке руку, усеянную бурыми старческими пятнышками.

— Держись подальше от моей сестры! — прокричал Джеффри и мигом оказался между ними.

Колдун распрямился, вздернул брови от неожиданности.

— А-а-а! Тут, оказывается, еще один имеется! — Он обернулся, заметил Грегори, а за ним — Магнуса, пригнувшихся и сжавших в руках кинжалы. Однако от старика не укрылся страх во взглядах мальчиков. Он каркаясь расхохотался, проворно подскочил к двери, захлопнул ее и заложил тяжелым дубовым засовом. — Попались! Попались, как миленькие! — довольно крикнул он. — То, что нужно!

— Нужно? — в ужасе спросил Магнус. — Это вы о чем?

— А ты как думаешь, о чем? — брызгая слюной, процедил сквозь зубы колдун, удивительно проворно развернувшись к мальчику. — Ты-то хоть понимаешь, в чей дом вы угодили, а? — Он пошел к Магнусу, недобро сверкая глазами.

Магнус сглотнул подступивший к горлу ком и пробормотал:

— В дом... колдуна.

— А-а-а... — Колдун медленно кивнул. Глаза его зажглись еще сильнее. — Ну, хотя бы это сообразил. А чем колдун занимается, а? Это ты знаешь?

— Он... он... колдует!

— Верно! Вижу, это тебе известно! Но лучшие из колдунов стараются довести колдовство до совершенства, как я! Ибо я — Лонтар, самый прославленный в этих краях злой колдун!

Дети замерли, вспомнив имя того мерзавца, который проклинал старуху Фагию.

Старик снова зловеще оскалился:

— И я придумал, как с помощью колдовства овладеть душами всех, кто проживает в этом приходе! Нет, не только в нем — во всем графстве! А может — и во всем королевстве!

Грегори не спускал глаз со страшного старика.

— Он сумасшедший, — подумал малыш.

— Тс-с-с! — шикнул на него Магнус и положил руку на его плечо, чтобы Грегори больше не мог обмениваться мыслями с ним, Джеффри и Корделией по привычке.

Однако Лонтар только ухмыльнулся еще шире:

— Не надо его ругать. Он еще слишком мал. Он еще не знает, что мы, колдуны, способны превосходно слышать чужие мыслишки. Но я... — Он ударил себя по груди. — Я способен на большее! Я могу заставить других слушать мои мысли — да-да, и мои мысли слышат даже самые простые крестьяне, у которых нет ничуть колдовского дара!

Дети замерли и молча смотрели на колдуна.

Старик довольно крякнул, наслаждаясь их испугом.

— Но я могу не только насылать людям собственные мысли, нет! Долгие годы я предавался изысканиям, я оттачивал свое мастерство, варил одно колдовское зелье за другим, и теперь — теперь я умею напускать свои чары, не пользуясь ни единой каплей какого-либо снадобья, ни единой частицей дыма, выделяющегося при его варке! Поначалу мне повиновались дождевые черви, а потом — малиновки, прилетавшие, чтобы ими полакомиться, а потом — полевые мыши, кролики, волки, медведи — все, все теперь

покоряются мне! Они в страхе корчатся, и воют, и бегут, и летят прочь, когда я вкладываю в их ничтожные мозги...

— А что... что вы вкладываете? — дрожащим голосом спросил Джеффри. Даже он с трудом скрывал охвативший его ужас.

— Что? Да боль, что же еще! — каркаяще расхохотался колдун, очень довольный собой. — Боль, жуткую боль! Таковую боль, что кажется — твоя голова вот-вот треснет, а тело словно страдает от укусов сразу тысячи пчел! Боль — вот источник всякой власти! Ибо боль вызывает страх, а страх заставляет покориться! Однако! — Он поднял костлявую руку с вытянутым указательным пальцем. — Мои труды еще не завершены! Пока я не могу продвинуться вперед и захватить власть над графством, ибо я еще не закончил один, последний опыт!

— И что же это за опыт? — спросил Магнус. Как он ни старался, голос его все-таки дрогнул, потому что он догадывался, какой последует ответ.

— Опыт на людях, конечно! Нужно, чтобы боль проникла в разум живых людей! — Глаза колдуна сверкнули. — И тогда их головы воспламенятся. Я проделывал это с медведями и волками, но еще ни разу — с людьми! О, как я мечтаю заставить людей вопить от нестерпимой боли при любой мысли, которую я стану им посылать! Но почему я до сих пор этого не делал? Да потому, что пока мне не попадались люди, на ком мог бы это попробовать! Я долго ждал их, но они все не приходили в мой лес — бродяги или одиночки. Бывало, кто-то и приходил — трое-четверо взрослых, но все это были такие люди, которых, если бы они пропали, другие стали бы искать!

— Мы такие же! — упрямо объявил Джеффри. — Найдутся те, кто ради нас тоже обшарит весь этот лес, если мы не вернемся домой!

— Ты лжешь! — указав на него скрюченным пальцем, крикнул колдун. — Я вас прежде ни разу не видел. Вы — не

из этого прихода, вы откуда-то издалека. И вы пришли сюда без родителей! А без родителей дети не гуляют по лесам. Ну разве что только сироты! Или те, что убежали из дома! — Он захохотал, довольный своей догадливостью. — Не-ет, вас никто не будет искать — а если бы и стали искать, кому знать, куда вы ушли?

— Но граф! — хватаясь за соломинку, прокричал Магнус. — Граф созовет своих людей и нападет на тебя!

— Граф? — каркнул Лонтар. — Да нету никакого графа! А вы не знаете? Его сцапал великан! Великан взломал ворота графского замка в самый темный час ночи, швырнул графа и все его семейство в мешок, а всем рыцарям велел бросить оружие, а не то он прикончит их господина! А потом он запер всех этих горе-храбрецов в самых глубоких темницах, а графа с семейством заточил в свое тайное узилище. Граф? Не-ет, теперь ваш граф ничегошеньки не делает! А уж тем более — когда я окончательно укреплюсь в своем мастерстве. О, даже он не сумеет противостоять мне, и даже великан Грогат! Даже его я смогу унижить и покорить своей воле, даже его поставлю на колени, и он будет кричать от боли, которая будет раздирать его мозг! Никто не сможет противиться мне, и все мне поклонятся!

Неожиданно Грегори застыл на месте и не мигая уставился на злобного старика.

— А начну я с тебя! — взвизгнул колдун, развернулся и указал своим костлявым скрюченным пальцем на Корделию.

— Нет, ты не посмеешь! — Ярость, охватившая Магнуса в этот миг, соединилась с неприкрытой ненавистью Джеффри и страхом Корделии, и все эти чувства устремились к колдуну.

Грегори воскликнул:

— Получилось!

И в то же мгновение в сознании его братьев и сестры запечатлелся способ, с помощью которого злой волшеб-

ник мог сосредоточить мысль, сгустить ее и вызвать боль. Вместе с этим пришли и воспоминания о боли и ужасе, пережитых маленькими зверьками, и это вызвало у детей еще больший гнев. Их праведное возмущение все более нарастало, подстегиваемое собственным страхом, и фокусировалось на злом старике. Корделия непрерывно кричала, и сила ее ненависти рвала на части мозг колдуна, и ей помогали ненависть и ярость братьев. От виска до виска распространялась страшная боль. Дети дрались с колдуном его же оружием. Он взывал, а потом хрипло, по-звериному зарычал. Его тело окостенело, пальцы скрючились, как когти, он сильно сгорбился и вдруг рухнул на пол, умолк и замер в неподвижности.

Злость и ненависть детей мгновенно улетучились. Первой отважилась подать голос Корделия.

— Он... — пробормотала она. — Он...

Грегори не спускал глаз с неподвижного тела старика.

— Его сердце остановилось.

— Мы убили его! — не веря собственным глазам, воскликнула Корделия.

— И поделом ему! — брезгливо бросил Джеффри.

Но Магнус сказал:

— Нет! Мы не должны пачкать руки в крови, если только есть возможность поступить иначе! Что скажут папа с мамой?

— Они скажут, что он злобный и гадкий, — процедил сквозь зубы Джеффри.

— Но еще они скажут, что мы могли бы пощадить его жизнь, а мы могли бы. — Корделия опустила на колени рядом с телом старика и пристально вгляделась в лицо Лонтара. — Но все же мама и папа одобрили бы то, как мы себя вели, потому что мы оборонялись, защищали себя. И... спасибо вам, братья. — Она одарила каждого из мальчиков благодарным, теплым взглядом, и из-за этого взгляда Джеффри на миг даже забыл о своей ненависти к колду-

ну. — Но теперь все стало по-другому, — продолжала девочка. — Теперь мы можем пощадить его и заставить его сердце биться вновь!

— Как же ты это сделаешь? — недоверчиво проговорил Джеффри, но Магнус и Грегори уже бросились к Корделии и тоже встали на колени около тела Лонтара.

— Слушайте меня, — выдохнула Корделия. — Слушайте, потому что это женская работа. По моей команде надавливайте на его сердце слева. Давайте!

С помощью телекинеза дети начали массаж сердца. Все трое мальчиков представили себе, что нажимают на сердце старика слева, а потом дружно, одновременно отпустили.

— Теперь — справа, — распорядилась Корделия, и братья сделали, как она велела. — Теперь — опять слева... справа... слева-справа, слева-справа, вот так...

Так они работали несколько минут, и наконец Джеффри поднялся и сердито сложил руки на груди.

— Его сердце бьется само по себе, — сказал Грегори.

— Верно, — подтвердила Корделия. — Но пока что очень слабо. Продолжайте надавливать на него, ребята, но теперь более осторожно.

С каждым новым сердцебиением мальчики ослабляли давление, и наконец сердце старика забилось ровно. Корделия с дрожью, облегченно вздохнула и села на корточки.

— Получилось, — проговорила она.

— Мама гордилась бы тобой, — с лучистой улыбкой сказал Грегори.

— И вами тоже. — Корделия с трудом едва заметно улыбнулась и снова вздохнула. — Ох, братики... Надеюсь, мне больше никогда не придется доводить кого-нибудь до полусмерти!

— А если придется, — проворчал Джеффри, — надеюсь, это будет кто-то, кто заслужит смерти не меньше, чем этот злодей.

Корделия, нахмурившись, поглядела на старого колдуна:

— Он многим причинил страдания, это верно.

Грегори тоже сдвинул брови:

— Мама и папа как-то раз говорили, что если у человека надолго останавливается сердце, то его разум тоже может пострадать.

— Да, и не на шутку, — подхватил Магнус и сосредоточился. Братья и сестра молчали и смотрели на него. Но через мгновение старший брат кивнул: — Все в порядке. Я не вижу никаких перемен.

— Но они должны были случиться! — прошептал Джеффри.

Магнус раздраженно глянул на него, но возражать не стал — потому что возражать было нечего.

— И все-таки, — задумчиво проговорила Корделия, — я так думаю, что он больше не станет так безоглядно мучить других.

— Да, но... давайте в этом удостоверимся, — предложил Магнус, не спуская глаз с лица Лонтара, на котором пока не отражалось никаких чувств. Старик вздрогнул во сне, а Магнус распорядился: — Давай, Грегори. Думай. Передай ему свои мысли.

Малыш старательно наморщил лоб, а через мгновение расслабился.

Магнус облегченно вздохнул и вытер пот со лба, вяло улыбнувшись:

— Думаю, это сдержит его.

Джеффри и Корделия кивнули. Они слышали ту мысль, которую Грегори вложил в разум Лонтара.

— Теперь, — прошептала девочка, — ему и в голову не придет причинять кому-то боль.

— Ага, — подтвердил Грегори. — Ни за что.

А потом дети отвернулись от старика, вышли и закрыли за собой дверь. Они знали, что когда колдун очнется, в

его мозгу будет запечатлена ассоциативная цепочка — правда, дети, конечно же, не знали, что это так называется. И если когда-нибудь Лонтару только мысль придет о том, чтобы причинить боль кому-то другому, он тут же вспомнит про то, какую боль испытал сам, пытаясь причинить ее детям. Эта боль напомнит о себе отзвуком, а на ее фоне прозвучит тоненький детский голосок: «Ты не должен быть таким злым!»

12

Когда дети вышли из дома Лонтара, дождь еще моросил. — Я уж лучше промокну, чем останусь в доме у этого гада, — заявил Джеффри.

Корделия поежилась, обхватила плечи руками, но храбро проговорила:

— Я тоже.

— А ведь Келли с самого начала все понял, — хмуро пробормотал Магнус. — Надо было его послушаться: ведь он не пожелал и близко к этой хижине подходить.

— И мой единорог тоже не захотел, — тихо вымолвила Корделия. — Ох, бедный мой красавчик! Где-то он теперь мокнет под дождиком?

— Думаю, он хорошо знает этот лес и нашел себе какое-нибудь укрытие. — Магнус нахмурился и огляделся по сторонам. — Келли! Ты где? Ты что же, совсем нас бросил?

— Нет, не бросил, — послышался знакомый басок совсем рядом с Магнусом.

— И я тоже.

— Робин! — обрадованно воскликнула Корделия, а Джеффри проговорил:

— А я думал, что ты ушел вперед, на разведку.

— Так я и сделал, вот только я не думал, что вы свернете с дороги, что ведет домой. И хотя делать вам этого не

следовало, я все же вынужден признать, что вы славно потрудились.

— Вот как? Да ведь мы были на волосок от гибели! — возмутилась Корделия.

— Вовсе нет, — возразил Пак с непоколебимой уверенностью, а Келли, появившийся рядом с ним, утвердительно кивнул. — Если бы вам и вправду грозила опасность, детки, то ваш черный скакун ворвался бы в дом колдуна, а уж удар эльфийской стрелы поразил бы злодея.

— Ему и так досталось, — проворчал Джеффри.

— Пожалуй, — согласился Пак. — И все же он не мог выстоять против вас четверых?

А Магнус, прищурившись, посмотрел на Келли:

— Но откуда ты знал, что происходит в доме?

— От брауни, который притаился возле очага. Колдовской Народец издавна избегал этого места, однако, когда они увидели, что вы вошли в дом, один из них прокрался внутрь через мышиную норку, чтобы подглядеть.

— Елки-палки! — в сердцах воскликнул Джеффри, плюхнулся на землю, обхватил себя руками. — Неужели нам никогда не будет суждено ни с кем сразиться без посторонней помощи?

— Ну ведь так все и вышло, — возразил Пак. — Ведь колдуна сразили вы сами, детки.

— А ты заранее знал, что так получится, — укорил его Магнус.

Пак покачал головой:

— Если бы вам не удалось собрать ваши силы воедино, вам могло здорово достаться.

— И тогда, — буркнул Джеффри, — нас выручили бы эльфы.

— И то верно, — подтвердил Пак. — Я поклялся вашим родителям, что буду защищать вас. Так что без охраны эльфов вы никогда не останетесь. Но на этот раз вам никто не помогал: победу одержали вы, и только вы.

— Настанет день, — проворчал Джеффри, — когда я одержу победу безо всякой вашей охраны. Пак.

— Одержжишь, одержжишь — вот вырастешь и одержжишь, — миролюбиво согласился эльф. — Ну а теперь... — Он обвел лица детей пытливым взором. — Теперь нам надо объединить наши усилия. Что сделано, то сделано, и сделано на совесть. А теперь нужно заняться тем, чем вы собирались заняться.

Джеффри озадаченно глянул на Пака:

— Освободить графа?

Пак кивнул:

— Однако, так я думаю, для этого маловато будет отряд эльфов и четверых детишек — даже таких могущественных детишек, как вы. Келли!

— Ну, чего тебе? — буркнул лепрехун.

— Поспеши к королю Туану да попроси, чтобы он выслал несколько рыцарей и сотню пеших воинов. Нам придется брать с боя замок, а не какую-нибудь там крестьянскую избушку.

Келли кивнул:

— И еще катапульта потребуется, да?

— Точно! Только смотри: одна нога здесь — другая там. Чтобы через полчаса вернулся.

— Знаешь, что я тебе скажу? — проворчал лепрехун. — Ежели бы не такое важное дело, так я бы ни за какие коврижки не стал твои приказы слушать, а уж тем более — выполнять!

— Не хочешь — заставлю, — сдвинул брови Пак.

— Но дело важное, — поспешно затараторил Келли, — и потому я отбываю.

Что он и сделал: исчез, издав такой звук, какой издает оперение летящей стрелы.

— Пошли, ребятки! — крикнул Пак и повернул к дороге. — В замок графа Глинна!

* * *

— Полчаса прошло, — сообщил Грегори.

Пак раздраженно глянул на него:

— У вас, у смертных, что же — у всех часы в голове?

— Только у Грегори, — ответил Магнус и любовно потрепал по плечу младшего брата. — Но все-таки... где же Келли, Пак?

— Туточки я.

Единорог и конь-робот остановились. Магнус и Грегори спикировали на дорогу. Лепрехун вышел из-за кустов и отряхнул пыль со штанишек.

— Ну, доложу я вам, и в осиное же гнездо вы меня отправили! — возмущенно проговорил он.

— В осиное гнездо? — нахмурился Пак и подбоченился. — Изволь-ка объясниться, эльф!

— Да нечего объяснять-то. Король не может нам ни рыцарей дать, ни пеших воинов, вот и все.

— Что?!

— Как это так? Не мог же он нам отказать!

— Как король мог забыть о детях своего Верховного Чародея?

Келли пожал плечами:

— Разве станет король обращать внимание на слова детишек, когда занят важными государственными делами?

— А как же король мог не прислушаться к речам Пака? — возмущенно спросил эльф. — Говори, Келли!

— Да прислушался он, прислушался — ну, не к твоим словам, правда, а к словам Брома О'Берина, главного своего советника, — он и говорил с королем от твоего имени. Да только на юге теперь заварушка нешуточная — и на востоке, и на западе, если на то пошло. И на севере, кстати говоря.

Пак нахмурился:

— Что ты загадками заговорил. Объясни толком.

— Плохи дела. Во всех провинциях господ хорошие друг против друга ополчились, а герцоги и графы ничегошеньки поделаться не могут, потому что сами друг с дружкой сцепились.

Дети в ужасе слушали рассказ лепрехуна.

— И королю Туану нужно теперь разогнать их по замкам, одного за другим? — прошептал Джеффри.

Келли кивнул:

— Так что, не дивитесь теперь тому, что не может он вам уделить ни конных, ни пеших?

— Да нет, чему тут дивиться?

— Но как же так вышло? — оторопело проговорил Магнус. — Понимаю, один граф еще может выступить против своего соседа, но чтобы все до одного...

— Заговор, — предположил Джеффри.

Тут все примолкли и обернулись к нему. Магнус согласен кивнул:

— Похоже на то. Все было заранее продумано, верно? — Он развернулся к Паку. — Но куда же подевались папа с мамой?

— Теперь уж можно и сказать, — смущенно проговорил эльф. — Мы пошли по их следам и добрались до небольшого красивого лесного озера. Там, судя по всему, на них кто-то напал, и их следы обрываются.

— Точно так же, как тогда, когда нас похитили и перенесли в Тир Хлис, — прошептал Магнус.

Грегори с неподдельным интересом уставился на старшего брата.

— Похоже на то, — подтвердил Пак.

— Значит, не было никакого случайного происшествия, — сердито процедил сквозь зубы Джеффри, стараясь унять подкрадывающуюся тревогу.

— Нет, — сказала Корделия и поежилась. В ее взгляде читался неприкрытый испуг. — Все было наверняка хоро-

шо продумано загодя. Но откуда врагам было знать, куда направлятся на прогулку наши папа с мамой?

— Значит, им устроили засаду, — отозвался Джеффри. — И расставили колдовские устройства по дороге к озеру.

— Следили за папочкой и мамочкой несколько дней подряд и выжидали, — добавил Грегори. — Для такого колдовства нужно много разной... ап-па-ратуры, про которую я не знаю.

Дети притихли. Грегори не так уж редко признавался в том, что не понимает, как происходит то или другое, но чтобы он совсем не знал о чем-то — такое бывало очень нечасто.

— И, — сделал вывод Джеффри, — кто бы ни задумал похитить папу с мамой, все подстроил так, чтобы в это же время случилась смута между баронами.

— Но как они могли это подстроить? — озадаченно спросила Корделия.

Джеффри нетерпеливо пожал плечами:

— Есть сотни способов, и некоторые из них мне известны.

— Данное совпадение событий указывает на деятельность, характерную для ИДИОТов — членов анархической организации, являющихся врагами вашего отца, — сообщил Векс.

— Скорее всего Грогат с ними заодно! — воскликнул Джеффри и вдруг задумался. — А ведь это и вправду может быть так, а?

— Запросто, — согласился Келли. — Полюбовались мы на него — так что я сильно удивлюсь, ежели он сам до такого додумался.

— Да, он скорее их орудие, нежели соратник.

— Но ведь у них у самих есть враги, — нахмутив брови, проговорил Магнус. — Папа говорил, что ИДИОТу противостоит ВЕТО. Это те, кто желает править всеми железной рукой.

— Верно. Они называются «тоталитаристы», — вставил Векс.

Все умолкли и задумались. Наконец Грегори сказал:

— А может, шериф с этими заодно?

Джеффри вскинул голову:

— Это ты верно догадался!

— И все к тому, детки, что вы можете угодить в самое пекло войны, — заключил Пак. — А мне это не по сердцу.

— Да мы так и так уже в него угодили, — развела руками Корделия. — Разве мы можем остаться незамеченными, Пак?

Эльф немного помолчал и медленно кивнул:

— Я не додумался выставить дозорных, чтобы они следили за вашим домом.

— Не додумался он! — фыркнул Келли. — А до чего было додумываться-то! Если в лесу неподалеку от дома Верховного Чародея засели смертные громадины, уж как-нибудь эльфы их заметят, мимо не пройдут!

— И то верно, — не стал спорить Пак и обратился к детям: — Однако у врагов вашего отца есть чары, про которые мы ничего не ведаем, и они могут наблюдать за вашим домом не сами, а с помощью этих чар.

Дети молчали. Наконец Корделия тихо-тихо проговорила:

— Так что же, нам нельзя вернуться домой?

— Ну, не то чтобы нельзя, — проворчал Пак. — Но я велю эльфам приглядывать за теми, кто, вероятно, следит за вашим домом.

— Но где же нам тогда укрыться? — расстроено спросил Грегори.

— Где угодно, — отвечал Пак, — но нигде — дольше чем на одну ночь.

— Если так, то замок графа Глинна не хуже и не лучше любого другого места. Чтобы разместиться там, нужно всего-навсего прикончить одного-единственного великана.

— И как же вы это сделаете, а? — проревел громовой голос, и сверху на детей рухнула сеть, сплетенная из крепких веревок.

Келли охнул, протиснулся между детьми, выскользнул в ячейку сети и пустился наутек. Пак исчез, как не бывало. Единорог вскинул голову, сбросил сеть и рванулся прочь, унося на себе Корделию и Грегори, но великан взмахнул дубинкой, как бейсбольной битой, и сбросил на землю обоих детей. Боль от удара дубиной пронзила их, и перед глазами у них потемнело. Они, как сквозь толстый слой ваты, слышали, как хрипло орет Грогат, слышали гневное ржание Векса, которое вдруг резко прервалось после того, как раздался оглушительный удар.

— Ты ушиб его! — вскричал Джеффри, пытаясь высвободиться. — Ах ты, негодяй! Ты испортил, сломал коня нашего папы!

— И не только его сломаю! — проревел Грогат. Одной могучей ручищей он сцапал Корделию и Грегори, бросил их в сеть, где уже барахтались Магнус и Джеффри, и дернул за веревку. Сеть затянулась, как мешок. Грогат забросил его за плечо, громыхающе расхохотался и зашагал по лесам, по долам, распевая победную песню.

Подпрыгивая в сети при каждом шаге великана, сбившись в кучу, дети вели безмолвный разговор.

— Он здоровенный, — признал Джеффри. — И все же он только один.

— И у него всего две руки и две ноги, — добавил Магнус.

— И всего одна голова, — заметил Грегори. — Ой, Делия, ты чего...

Сестра уложила малыша себе на живот, чтобы уберечь от тряски.

— Извини, что сделала тебе больно. Держись за меня покрепче, малыш.

— Послушайте, ребята, — слышалась мысль Магнуса. — Мы убили злого колдуна, а потом снова вернули его к жизни...

— И очень зря, — выразил свое мнение Джеффри.

— Но у него мы научились чарам, — подхватил Грегори, — благодаря которым можно вызывать сильную боль.

— Никогда и ни за что мы не прибегнем к этим чарам! — мысленно вскричал Магнус. — Ну разве что с их помощью можно было бы обработать Грогата...

— Он у нас в руках, а не мы у него, — передал братьям и сестре свою мысль Джеффри, и она прозвучала как приговор. Он огляделся по сторонам, насколько это было возможно, сидя в сети. — Пак сказал, что у нас не будет недостатка в охранниках... но что-то я ни его самого не вижу, ни Келли.

— Не станут они сейчас на глаза показываться, — рассудительно подумал Магнус. — Но не сомневайся: если нам не удастся завершить то, что мы задумали, они это сделают за нас.

Мысли Корделии, казалось, приправлены кровью.

— Мерзавец такой, Векса нашего угробил!

— Сомневаюсь, — возразил ей Магнус. — Векс не раз побывал в боях и ни единого волоска со своей шкуры не потерял. Просто нужно, чтобы кто-то его снова включил.

— Точно, — мстительно сверкая глазами, отозвался Джеффри. — Но только из-за этого я не намерен щадить этого гадского великана. Что скажете, братцы и сестрица? Сейчас покончим с ними или попозже?

На миг они притихли.

— Нет! — возмутился Джеффри. — Уж не желаете ли вы сохранить ему жизнь?!

— На время, только на время, — ответила Корделия.

— Верно, — подтвердил Магнус. — Нужно же нам до замка графа Глинна добраться, так? Ну, так пусть он нас туда отнесет!

— А еще, — очень серьезно добавил Грегори, — я до сих пор ни разу не видал настоящего великана.

Однако Грогат отнес детей вовсе не в замок графа Глин-на, а в развалины какой-то древней постройки посреди леса.

Великан протопал в главный зал, остановился около очага, где буйствовало жаркое пламя, положил на пол и распустил веревку. Дети с криком вывалились на каменный пол, а Грогат каркаяще захохотал:

— О-хо-хо! Вот мне новые игрушки!

Дети поднялись на ноги. Глаза Джеффри злобно сверкали. Магнус предостерегающе сжал его руку и осведомился:

— Так что же, тебе раньше не с кем было поиграть?

На миг взгляд Грогата стал растерянным и недоуменным. Затем его щербатый рот расплылся в ухмылке, и Магнус обратил внимание на то, что клыки у великана целы, и при этом — намного длиннее остальных уцелевших зубов.

— Вы игрушки, а не игроки, — проворчал Грогат.

— Нашел игрушки! — воскликнул Джеффри, в глазах которого сохранился стальной блеск. — И в какую же игру ты собираешься играть? Уж не в кегли ли?

— Да нет, лучше в бирюльки, — хмыкнул Грогат. — Ты чего, малявка? Не соображаешь, что ли, что вам всем грозит?

Джеффри, не мигая, смотрел на него и молчал.

Магнус поспешно проговорил:

— Мы многого не понимаем. Мы еще маленькие. Может, ты нам кое-что объяснишь?

Грогата слова мальчика несколько обескуражили, но взгляд у него тут же стал подозрительный.

— Про что? — осторожно осведомился он.

— Да много про что, — отвечал Магнус — сама невинность.

Грогат неторопливо уселся на скамью, облокотился о стол и подпер кулаком тяжелый подбородок, не спуская с Магнуса опасливого взгляда.

— Бедненький великанушка, — просто-таки излучая сочувствие, проворковала Корделия. — Мало тебе довелось играть — не с кем небось?

— Да на что они мне сдались, игры эти? — ворчливо откликнулся Грогат.

— Как же без игр! — воскликнул Магнус и развел руками. — Готов об заклад побиться, ты в загадки никогда не играл!

— В загадки? — нахмурился Грогат. — Это еще что за игра такая?

— О, она совсем простая. Один из нас будет тебе загадывать загадку, а если ты не сможешь ее разгадать, тогда тебе придется ответить на любой наш вопрос.

— Так мы поумнеем, — с улыбкой пояснил Магнус. — А ты повеселишься.

Грогат долго не спускал с него туповатого взгляда. Магнус уже испугался — не слишком ли смело они решили испытать судьбу. Но вот великан прогрохотал:

— А чего ж не повеселиться — можно и повеселиться, раз такое дело. Ну, ладно — давай загадывай.

Все дети облегченно вздохнули. Магнус затараторил:

Артур О'Бауэр волю обрел:
Бежит по земле и ревет.
Король шотландцев не словит его,
Хоть всю свою рать соберет!

— Ага! — радостно сияя глазами, воскликнула Корделия. — Ну-ка, угадай, кто такой этот Артур О'Бауэр?

От напряжения брови Грогата на переносице завязались в тугой узел. Наступила тягучая пауза. Дети ждали, а великан тупо глядел на огонь, пылающий в очаге. Наконец он резко обернулся и устремил на Магнуса недовольный взгляд:

— Чушь собачья! Ни одному человеку не устоять против королевской рати во главе со своим королем.

— Конечно, это самая настоящая чепуха, — согласился Магнус. — Это просто так говорится — чтоб весело было.

— А-а-а, вот оно в чем дело, оказывается, — неохотно проворчал Грогат. — Ну тогда... тогда скажи мне, кто же он такой, этот Артур О'Бауэр?

— Ну конечно, ветер!

— Ветер... — ошарашенно повторил великан и вытаращил глаза в изумлении. Затем он запрокинул голову и громко захохотал. — О-хо-хо! Теперь понял! Я понял, что это за игра такая — эти ваши загадки! А теперь я тебе свою загадку загадаю!

— Нет! — Магнус протестующе поднял руку. — Сначала ты должен ответить на наш вопрос. Мы тебе зададим вопрос — а потом загадаем тебе вторую загадку!

— Мы же договорились, или ты забыл? — торопливо напомнила великану Корделия.

Грогат поджал губищи, сдвинул брови и улыбнулся — ну, вернее, изобразил нечто вроде улыбки.

— Ладно уж, — сказал он. — Я сегодня добрый. Спрашивайте. Чего вы там хотели спросить?

— Ты родился великаном? — спросила Корделия. — Или только потом такой большой вырос?

Грогат недовольно нахмурился, но все же ответил:

— Ну... точно я не знаю — потому как не помню, а те людишки, у которых в доме я вырос, говорили, будто я был совсем маленький, когда какой-то бродяга принес меня к ним. — Дети переглянулись. Им стало очень любопытно. — А теперь слушайте мою загадку, — объявил великан. — Ну-ка, угадайте, что это такое: сверху серебряное, а снизу — белое?

— Ой, да это же... Ой! — вскрикнул Джеффри, получив локтем в бок от Магнуса.

— Сверху, говоришь, серебряное... а снизу — белое?... — нахмурился Магнус. — Погоди, погоди, дай подумать... А может быть, это... Нет, ящерица сверху зеленая... Нет, это и не... О, я догадался: это камень!

— А вот и не угадал! — обрадовался Грогат, как маленький. — Это где ж вы серебряный камень видали?

— Высоко в Крэгских горах, — отвечала Корделия. — Только папа нам сказал, что это «серебряная обманка». А какой ответ?

— Рыба, малявки вы глупые! Рыбу ни разу не видали?

— Только на тарелке, жареную, — симпровизировал Магнус. — Ну, о чем ты хочешь нас спросить?

— Спросить... спросить... Ну... — Грогат призадумался. — Сейчас-сейчас... сейчас спросим. Уж мы спросим так спросим... Хм-м-м... — Дети терпеливо ждали. Наконец Грогат просиял: — Вот! Что это за коняга был такой, которого я уколошил? Сроду не слыхал, чтобы кони так грохотали и дребезжали, когда по ним дубиной шарахнешь!

Глаза Джеффри полыхнули яростью, но Магнус сдержанно ответил великану:

— Это волшебный конь. С помощью какого волшебства он сотворен — не знаю. Это конь нашего папы.

— Волшебный, говорите? — заинтересовался Грогат. — Так папа у вас, стало быть, того... волшебник? Чародей?

— Нет-нет! Не по правилам! — встряла Корделия. — Сначала — загадочка, потом — вопрос. А сейчас наша очередь!

Гномик-коротышка,
Красное пальтишко,
В ручке посошок,
Внутри — камешек.
Кто загадку отгадает,
Тому — медный грошик!

Брови Грогата снова завязались в узел на переносице.

— Что еще за «грошик» такой?

— Папа говорит — это такая маленькая монетка. Ну, отвечай, что это за гномик?

— Гномик-коротышка... Дайте подумать... — Грогат тупо уставился в одну точку. — Это же не эльф... нет, не эльф, точно — у этих внутри вроде никаких камешков нету... А ежели честно, так я сроду ни одного эльфа не видал. Они вообще-то есть?

— Есть.

— Магнус! — укорила брата Корделия. — Не подска-
зывай!

— Ой! Ладно, не буду.

Но Грогат ухмыльнулся:

— Да ладно. Это мне все равно. Вот только не пойму я что-то, что это за гномик-коротышка.

— Это вишенка! — воскликнула Корделия. — Посошок у него в ручке — это стебелек, а камешек у него внутри — косточка! А теперь скажи мне: если ты был малюткой, как же ты такой... великий вырос?

Грогат ослабилсЯ. Слово «великий» явно пришлось ему по душе, что очень порадовало Корделию — ведь она могла сказать и «здоровенный».

— Тот бродяга, что принес меня в дом к людям, — отвечал он, — дал им снадобье и велел подмешивать его ко всякой еде, которой они будут меня потчевать. — Он нахмурился. — И еще он дал им золотую монету. Так что они обо мне заботились, можно сказать. Правда, золото они больше любили, чем меня.

— И он стал мстить всем людям за то, что его приемные родители его мало любили, — сделал вывод Грегори.

— Ты прав, — согласился с ним Магнус, — но что это было за снадобье?

Вслух он сказал:

— Ну, теперь ты загадывай загадку.

Грогат глубоко задумался и уставился в стену.

— Папочка как-то раз нам рассказывал про то, что в голове у нас есть... кусочек плоти, — передал свою мысль братьям и сестре Грегори. — Он говорил, что этот маленький кусочек управляет нашим ростом. Значит, то снадобье, которым кормили Грогата, подействовало на этот кусочек в его мозгу.

Магнус кивнул.

— Но что это был за незнакомец?

— Папин враг, — не задумываясь, отозвался Джеффри. — И не важно, какой именно.

Грогат наконец придумал загадку.

— Что это такое: весной — коричневое, летом — зеленое, а осенью — красное?

Грегори уже был готов ответить, но Корделия зажала его рот ладошкой:

— Дай-ка подумать... Зеленое... красное... — Она вздохнула и покачала головой. — Не знаю.

— Ага, не знаешь! — злорадно вскричал Грогат и хлопнул тяжелой ладонью по крышке стола. — А это дерево, глупая ты малявка!

— Ой, правда! — воскликнула девочка, старательно разыгрывая искреннее изумление. — Ну, теперь задавай свой вопрос.

Грогат вспомнил, о чем хотел спросить.

— Твой отец — колдун?

— Нет, он добрый чародей. А вот тебе загадка: что это — цыпленок, а без костей?

— Цыпленок... без костей? — оторопело вытаращил глаза Грогат. — Ну, скажи же мне скорей, что это за цыпленок, а то порой так охота закусить птичкой, чтобы костями язык не царапать!

— А ты яичко изжарь! — весело посоветовала великану Корделия.

Грогат выпучил глаза, запрокинул голову, расхохотался, затопал по полу ножищами.

— А он что же, цыпляет целиком ест? — удивился Джеффри.

— Угу, — отозвался Магнус. — Небось и перышки не ощипывает.

— Так, надо подумать... — Корделия задумчиво прижала палец к губам. — О чем же тебя спросить...

— Почему скитается по свету? — подсказал сестре Магнус.

— Почему ты скитаешься по свету? — озвучила вопрос Магнуса Корделия. — Ведь у тебя такое замечательное... логово — надо только подремонтировать немножко.

— Потому я скитаюсь по свету, — проворчал великан, — что терпеть не могу жалких трусов, которые только и делают, что чужие приказы исполняют: «Сделай то, подай это!» — только это я и слышал от старика, который меня воспитывал. Надоело мне это до смерти, вот я и решил, что, как вырасту большой, ничьих приказов слушать не стану. И потому я плевать хотел на разных трусов, которые только тем и занимаются, что кланяются да исполняют чужие приказы. Пусть они мне повинуются! — Он наклонился к столу и, пристально уставившись на детей, задумчиво протянул: — А вот вы, похоже, ничего не боитесь и никому не поклоняетесь...

— Неужто мы ему понравились?

— А нам это нужно?

— Папины враги пользуются этим бедолагой как марионеткой, дабы сеять хаос в нашей стране, — возмущенно подумал Джеффри. — А сам он и не ведает об этом, хоть и гордится тем, что не исполняет чужих приказов!

— Это верно, — согласился Магнус, — и не сомневаюсь в том, что над Грогатом поработали враги нашего папы из ИДИОТа — те самые, которые против всякой власти, — это они явились к старикам и дали им денег. Но почему другие папины враги — те, что из ВЕТО, которые мечтают

сжать весь Грамерай в ежовых рукавицах, не остановят Грогата?

— Да потому, что им намного проще будет явиться и захватить страну, когда здесь уже не будет ни власти, ни войска, а останутся только маленькие разбойничьи шайки, — отозвался Джеффри.

— Что-то не нравится мне, как он смотрит на нас, — не без опаски подумала Корделия.

— Пора узнать, станете ли вы повиноваться мне, — проворчал Грогат.

— Скорее, — услышали братья и сестра мысль Грегори. — Я все время следил за тем, как текут его мысли, когда он двигает руками и ногами и старается сохранить равновесие. Мышцами управляет большой узел в середине живота.

— Ему будет очень больно, если ты силой своей мысли сожмешь этот узел, — заметила Корделия.

Магнус, набравшись смелости, проговорил:

— А может быть, интереснее узнать, не командует ли кто-то тобой?

Глаза Грогата полыхнули гневом. Он вскочил на ноги и взревел:

— Ты что, смеешься надо мной, малявка? Кто может мною повелевать?

— Тот человек, который принес старикам зелье, чтобы они тебя им подпаивали, — ответил Магнус, чувствуя, что близок к разгадке. — Ведь если ты не пьешь его, тебе становится больно, да?

Довольно долго Грогат молча таращился на мальчика, сверкая глазами.

Но вдруг он резко повернул голову к окну. Губы его скривились в зловещей ухмылке. Он процедил сквозь зубы:

— Что это еще за шум?

Дети насторожились, прислушались, но ничего не услышали.

— Не знаю, — признался Магнус. — А что это?

— Девушка, — утробно захохотав, проговорил Грогат. — Девушка, и больше никого... Одна-одинешенька, бредет по су. Не-ет, так не годится, чтобы она одна ходила...

И великан развернулся к двери.

Распахнув ее, он обернулся и наставил на детей больший указательный палец:

— Не вздумайте удрать! Я запру дверь на засов, а если попробуете через окно вылезти, расшибетесь насмерть!

С этими словами он ушел и захлопнул за собой дверь.

Дети переглянулись во внезапно наступившей тишине.

— Надеюсь, вы не станете его слушаться? — слышался вдруг голос со стороны очага.

Все четверо вздрогнули и проворно обернулись.

— Пак! — радостно вскричала Корделия.

— Чему вы так удивляетесь? Разве я не заверил вас в том, что вас будут охранять?

— Заверил, — согласился Магнус. — Пак, а ты не можешь найти для Корделии метлу? Тогда мы сумели бы вылезть в окно.

— Метла в углу — вон там. Надо только отчистить ее от пыли, скопившейся лет за десять.

— Фу, гадость какая! — увидев метлу, скривилась Корделия.

— Ой, какая же ты у нас чистюля... — вздохнул Магнус, одошел, взял метлу и принялся ее очищать.

— Пак, — спросил Джеффри, — а что великан сделает с девушкой, когда изловит ее?

— Наверное, съест ее, — рассудительно проговорила Корделия.

— Очень может быть, — рассеянно отозвался Пак. — Госпешим, дети, нужно выручить девушку!

— О, это мы с радостью! — несколько удивленно воскликнул Джеффри. — Но только почему ты говоришь, что мы должны ей помочь, Пак?

— Да потому, что эта девица всегда кричала: «Осторожней, Колдовской Народец!» — когда выносила из дому помои, так что никого из моих сородичей она никогда не облила! И она всегда оставляла около очага миску с молоком для брауни. Так разве Колдовской Народец покинет ее теперь, когда ей грозит беда? Ни за что!

Пак набрал в легкие побольше воздуха и возгласил:

Духи рощ, и холмов, и ручьев, и озер,
И безводных пустынь, и пучины морской!
Все ступайте по следу злодея!

Догоните его в полуночном лесу!
Чтоб не смог он обидеть девицу-красу,
Все спешите за ним поскорее!

Эльфы, феи и брауни, гномы, ундины, баньши!
Пусть любой, кто услышит меня, поспешит
По следам, по следам людоеда!

Ту, что вас никогда обижать не могла,
Он желает сожрать — вот какие дела.
Так оставьте его без обеда!

Еще мгновение Пак молчал, склонив голову набок, а потом довольно кивнул.

— Вот и славно, — проговорил он. — Пойдемте, дети.

Он зашагал к окну. Дети, как зачарованные, последовали за ним. Корделия схватила метлу и потащила ее по полу.

Снаружи послышался вой.

Дети испуганно переглянулись.

— А это что такое?! — вскрикнул Магнус.

Джеффри ухмыльнулся.

— А вы поглядите, — предложил Пак и вспрыгнул на подоконник.

Мальчики взмыли ввысь и зависли в оконном проеме рядом с Паксом. Корделия последовала за ними верхом на метле. Все вместе они вылетели из окна и полетели над

лесом к лугу, который пересекала тропинка. По тропинке опротивев бежала девушка, подобрав подол юбки.

— Колдовской Народец припугнул ее, сотворив подобие медведя, — объяснил Пак.

— Ревет он похоже, — отметил Джеффри, взглянув вниз, и медленно улыбнулся. — Что бы там ни сотворили твои сородичи, они все сделали просто здорово!

А внизу топал ножищами и ревел Грогат — так, будто лишился разума.

— А что они сделали? — выдохнула Корделия.

— А они просто напустили на великана здоровенный пчелиный рой, и пчелы думают, что Грогат — это поле сладких, благоухающих медоносных цветов, — невинно отозвался Пак.

— Ну, тогда это очень сильные чары, — покачал головой Грегори, вспомнив, как пахло от великана.

— Верно. Но если чары спадут, великан снова бросится в погоню за девушкой — а может, вернется домой, обнаружит, что вы сбежали, и будет носиться по лесу, пытаясь вас разыскать. Граф и его семейство по-прежнему томятся в подземелье, а ведь Грогат может обрушить свой гнев на них.

— Значит, его нужно усыпить, — решительно заявил Магнус. — Давай-ка, Грегори. Где она, та мысленная дорожка, которую ты отыскал?

Грегори передал братьям и сестре мысленный образ нервной системы Грогата, и все вчетвером дети занялись стимуляцией солнечного сплетения великана. Грогат согнулся так, будто из него дух вышибло — да, собственно, так оно и было.

— Он спит, — сообщил Грегори.

— Отзови пчел, Пак, — распорядился Магнус.

Пак немного помолчал, улыбнулся — и черное облачко, окружавшее великана, взмыло ввысь и направилось к лесу.

Магнус выпрямился со вздохом облегчения:

— Все в порядке.

— Ага, — подтвердил Джеффри, глядя на великана с высоты. — Теперь добрые люди смогут снова без страха ходить по дорогам.

— Пока нет, — поправила его Корделия. — Подлые разбойники все еще прячутся в лесах.

Джеффри запрокинул голову, губы его тронула улыбка.

— Ну, так мы их выманим! — воскликнул он, развернувшись и схватившись за кинжал.

— Ну уж нет! — вскричал Пак и удержал мальчика за запястье. — Вот вырастешь — будешь делать что хочешь. Захочешь лезть на рожон — дело твое, а сейчас, будь добр, предоставь это взрослым, чей долг этим заняться!

Джеффри обернулся и хмуро посмотрел на Пака:

— Но ведь граф в плену!

— Так давайте поскорее освободим его! — воскликнула Корделия, хлопнув в ладоши. — Пак, ну пожалуйста!

— Конечно, — согласился эльф. — В этом опасности не будет. Но разве вы хотите оставить коня вашего отца на съедение воронам?

— Векс! — Корделия прижала пальцы к губам. — А я и забыла!

— Чтобы ворона могла клюнуть Векса, у нее должен быть стальной клюв, — утешил ее Магнус с усмешкой. — Но все же не годится нам бросать нашего железного друга. Давайте поскорее разыщем его.

С этими словами он быстро полетел к лесу, а остальные — за ним.

Огромный черный конь лежал на боку. Его глаза затуманились.

Корделия опустилась на колени рядом с ним:

— Только бы он не сломался насовсем!

голову и посмотрел в северную сторону. — Твой друг вернулся, Корделия.

Тут все обернулись и увидели, как из лесу вышел единорог. Корделия бросилась к нему и с радостным криком обняла. Единорог потерся носом о щеку девочки и вопросительно склонил голову.

— Еще бы! — вскричала девочка и проворно уселась верхом на серебристого зверя. Единорог подошел к мальчикам и остановился в десяти ярдах от них.

Пак довольно улыбнулся:

— Ну что, детки? Пойдем спасать графа?

— И его детей, — добавила Корделия.

Граф томился в подземелье, сидел на хлебе и воде. В соседней темнице была заперта его жена. Она подбадривала детей, а те старательно подкапывали стену столовой ложкой. Графиня, конечно, понимала, что толку от этого никакого, но хотя бы дети были чем-то заняты. Нечего и говорить, как обрадовалась графиня, когда четверка детей Гэллоуглассов выпустила ее с детьми из узилища. Ну и граф, конечно, тоже.

— Я созову всех своих воинов! — вскричал граф.

— Сначала вам нужно вернуться в ваш замок, — напомнил ему Магнус. — Будьте осторожны, идите северной дорогой.

— Почему?

— Потому что на южном пастбище мы оставили спящего великана, а он, возможно, того и гляди, проснется.

— К тому же на юге нам встретилась старуха колдунья, зачарованная злым колдуном. И его, и ее мы тоже усыпили, — добавил Грегори.

— А еще есть одна девушка-крестьянка, которая напускает чары на парней и уговаривает их вступать в войско шерифа, — вставила Корделия.

— Столько всего произошло всего-то за несколько дней! — Граф сокрушенно покачал головой.

Его супруга тактично умолчала о том, что неоднократно напоминала ему о том, что следует обращать больше внимания на негодяев, прячущихся в лесах.

— Всех этих опасных людей мы встретили на юге, — пояснил Магнус. — И поскольку вы пойдете пешком, мы бы вам посоветовали идти на север.

Граф спорить не стал. И он, и все его семейство вышли в лес и быстро зашагали на север.

Магнус развернулся к братьям, сестре и эльфу:

— Граф, его жена и дети обрели свободу. Великан обезврежен. Думаю, теперь он больших бед не натворит, а мы могли бы заняться его повелителем.

Пак нахмурился:

— Вот теперь речь зашла о настоящей опасности. Эти чародеи владеют Холодным Железом и колдуют на манер вашего отца. Как противостоять такой магии — это мне неизвестно.

— Да не в магии тут дело! — возмутился Келли. — Не нужно разрушать колдовские чары, связанные с Холодным Железом! Нужно обезвредить самих колдунов!

Пак искоса глянул на него:

— И в этом у меня тоже опыта маловато. За себя я нисколько не боюсь — но мне страшно за детей.

Джеффри, уязвленный этими словами, горделиво вскинул голову, но Грегори заметил:

— Может быть, эти самые злодеи держат в плену наших папу и маму.

Дети переглянулись между собой и все вместе посмотрели на Пака.

— Все верно, — медленно проговорил Магнус. — Где же еще папины враги станут держать своих пленников, как не в собственном замке?

— Не больно-то они к замкам привычны, — напомнил мальчику Пак. — Свои приказы они могут отдавать хоть из особняка, хоть из церкви, и даже из крестьянской избышки, если на то пошло.

— Словом — откуда угодно, — проворчал Келли.

Пак хмуро глянул на него:

— Откуда ты родом, я что-то подзабыл?

— По крайней мере не оттуда, откуда ты, — огрызнулся Келли.

— Пожалуйста, не ссорьтесь, — умоляюще проговорил Магнус. — Если папа с мамой в плену у этих звездных чародеев, мы должны каким-то образом выманить мерзавцев!

На миг наступила тишина. Пак и Келли обменялись настороженными взглядами.

— Ладно, мы поможем вам найти их, — согласился Пак. — Но только если вы торжественно пообещаете мне оставаться в лесу, неподалеку, и в драку не лезть.

Дети сердито переглянулись. Джеффри, казалось, того и глядя, взорвется. Наконец Магнус неохотно проговорил:

— Мы обещаем, Пак.

— Торжественно-преторжественно?

— Да, да, торжественно-преторжественно, — с отвращением выпалил Джеффри.

— Ну, хорошо. — Пак довольно кивнул и развернулся к лестнице, уводящей наверх из подземелья. Дети пошли следом за ним.

— Одного не пойму, — озадаченно пробормотал Магнус. — В какой же тюрьме враги могут держать папу с мамой? Что за тюрьма такая, из которой они не могут выбраться?

— Их могли опоить сонным зельем, — отозвался Джеффри. — Давай-ка, братец, попробуем мысленно отыскать их!

13

-Но почему же мы снова идем на юг? — спросила Корделия у Пака, не сводя глаз с ощипанной куропатки, которую Магнус медленно поворачивал над огнем походного костра.

— Ага, — кивнул Грегори и проглотил слюнки. — До сих пор мы шли на север. Неужто ты решил отвести нас домой, Пак?

Эльф покачал головой:

— Что-то мне подсказывает — просто нутром чую, что вы правы, решив разыскать своих родителей. Найдете вы их или нет — это другой вопрос, но искать должны.

— Но ведь мятежи обычно начинаются в Раннимеде, — возразил Магнус, поворачивая вертел. — Так почему тогда нам не повернуть к столице?

— Нету общего мятежа, — ответил ему Пак. — А есть сразу несколько отдельных бунтов, и те, кто их возглавляет, при первой же возможности готовы захватить престол. Стало быть, мятежники сосредоточены где-то неподалеку от королевских владений.

Джеффри кивнул:

— Это разумно — с точки зрения тактики.

— Рад, что вы со мной согласны, — чуть насмешливо проговорил Пак. Джеффри, сдерживаясь из последних сил, следил за тем, как зарумянивается куропатка. Он тоже сглотнул слюнки — есть хотелось нестерпимо.

— Но ведь тогда нам вовсе не стоит углубляться в лес, — непонимающе сказал Магнус и нахмурился. — Разве не может быть так, что главное гнездо мятежников — в самой столице?

— Нет, — покачал головой Джеффри. — Хотя бы потому, что мы бы стали их искать прежде всего именно там. Пак прав: скорее всего они засели в лесу неподалеку от Раннимеда и выжидают.

— Учитывая уровень развития современной техники, «штаб» мятежников может находиться практически где угодно, — заметил Векс. — Однако если логово бунтовщиков существует, то гораздо логичнее было бы разместить его рядом с Раннимедом, как предполагает Пак.

— Векс с тобой согласен, — перевел Грегори для эльфа.

— Да понял я, — проворчал Пак. — Не только одни чародеи и волшебницы слышат чужие мысли.

— И ты недоволен?

— Нет, я просто вне себя от счастья, — буркнул эльф.

— А нет ли у тебя на уме какого-либо способа обнаружения этой гипотетической штаб-квартиры? — осведомился Векс.

— Натравить лазутчиков на лазутчиков, — отозвался Пак. — А лазутчиков у меня как-никак побольше, чем у смертных.

Зашуршала листва, и на полянку выпорхнули две феи. Они подлетели так близко, что их стало видно в свете костра.

— Лето и Осень! — обрадованно воскликнула Корделия.

Обе феи приветствовали детей, Келли и Пака учтивыми реверансами.

— Мы прилетели, чтобы отплатить вам за вашу услугу.

— А кто вас позвал? — фыркнул Келли.

— Пак, конечно, — отвечала Лето. — Это ведь наши родные леса, и нам лучше, чем кому бы то ни было, известно, кто по ним ходит.

— Ну и кто по ним ходит? — негромко спросил Пак.

Осень повернулась к нему:

— Вы ищете чародеев, не так ли?

— Чародеев, да... Но если точнее — колдунов.

— Мы знаем о них, — сказала Лето. — У них есть большой дом в чаще леса, у подножия гор.

Пак посмотрел на Джеффри.

— Это всего в трех часах от Раннимеда, если скакать верхом на лошади.

— Что-то я сомневаюсь, что они верхом поскачут, — покачал головой мальчик.

— Но для смертного это получится два дня пути пешком, — заметила Осень. — Ведь вы — дети чародея и волшебницы. Разве вы не можете странствовать быстрее?

Магнус уже открыл было рот, чтобы ответить, но его взгляд упал на Векса.

— Не задерживайтесь, — сказал стальной конь. — Из-за меня медлить не стоит. Я буду наблюдать за вашими мыслями и быстро вас нагоню. А единорог отыщет Корделию — где бы она ни была, в этом я почему-то не сомневаюсь. Я только прошу вас: не подвергайте себя слишком большой опасности, пока меня не будет с вами.

— Полетим, как на крылышках, — заверил фей Магнус.

— Ага, — кивнула Корделия. — Это точно.

Перед ними предстал большой дом — сверху бревенчатый, а снизу отделанный стукко — искусственным гипсом, который от времени слегка пожелтел и приобрел цвет слоновой кости. Впрочем, даже сама желтизна могла быть искусственной.

— Кому бы взбрело в голову построить дом в такой глуши? — удивился Магнус.

Стояла бы тут избушка или даже хижина — это еще было бы понятно, но это был двухэтажный дом в тюдоровском стиле, с флигелями, обрамлявшими внутренний двор.

— Верно, никто бы тут дом не выстроил, — прошептал Джеффри с полной уверенностью. — Его соорудили папины враги не раньше, чем родился Магнус.

— Дом большой — значит в нем хватит места для призраков, — заметила Корделия.

Братья удивленно посмотрели на нее и тут же понимающе усмехнулись.

* * *

Взгляд охранника перебегал с одного экрана на другой, и на каждом экране красовалась инфракрасная панорама опушки леса за пределами дома, где размещалась штаб-квартира. Посматривал он время от времени и на графический экран, на котором предметы выглядели точками на фоне сетки пересекающихся линий. Был и еще один экран — на нем фиксировались звуки в виде волн. Охранник устал, но понимал, что эта ежедневная рутина обязательна: штаб-квартире ничто не грозило только потому, что она надежно охранялась.

Неожиданно весь дом сотрясся от странного протяжного звука. Поначалу звук был таким тихим, что охранник решил, что он ему померещился. Однако постепенно звук набрал высоту и глубину. Охранник огляделся по сторонам, пробежался взглядом по десятку экранов, которые показывали различные помещения в доме. Наконец он нажал на клавишу на пульте и сообщил:

— Капитан! Я что-то слышу!

— Я тоже, — слышался ответ. Через некоторое время появился и сам капитан. Стараясь перекричать странный звук, он завопил: — Что это такое?

Однако звук внезапно прекратился.

Капитан и охранник переглянулись, немного подождали. Наконец капитан ошарашенно проговорил:

— Что это такое было, проклятие?

— Это вы верно подметили, капитан, — отозвался охранник, но, заметив выражение лица начальника, смутился: — Это я так... Чтобы разрядить обстановку.

— Мне никакая разрядка не нужна! Мне ответ нужен! Что там у вас на экранах? Было что-нибудь?

— Ничего, — решительно ответил охранник. — Абсолютно ничего.

Капитан прищурился и обвел взглядом экраны:

— А на осциллоскопе?

— Там тоже пусто.

Капитан развернулся к нему:

— Но ведь должно было быть! Это был шум, звук, а все звуки отражаются на экране осциллоскопа в виде волн!

Охранник покачал головой:

— Прошу прощения, капитан. Ничего там не было, кроме самых обычных ночных шумов.

— Да я тебя не про наружные шумы спрашиваю, идиот! Про внутренние!

— Тут тоже все чисто, капитан, — ответил охранник и уставился на капитана. — Но если мы с вами оба слышали этот звук, хотя бы один из микрофонов должен был его засечь!

Оба пару секунд молчали. Охранник смотрел на капитана, а капитан смотрел по сторонам и хмурился.

— Что же, — озадаченно изрек он, — может издавать звук, который люди слышат, а микрофоны не улавливают?

— Они встревожены, — сообщил Грегори. — И испуганы, хотя виду не подают.

— Еще не родился смертный, который бы не боялся неведомого, — с довольной усмешкой проговорил Пак. — Это вы унаследовали от своих далеких предков, которые первыми стали разводить костры, потому что их пугала ночная тьма.

Спутники залегли на дне пустого русла речушки. Сама речка была заключена в трубу, чтобы питать дом водой. Старое русло поросло сорной травой, достаточно высокой для того, чтобы дети могли спрятаться в ней, лежа на боку.

— Потому мы и ждали ночи? — спросил Джеффри.

— Угу, — отозвался Пак. — Ваши сородичи боятся темноты, хотя некоторым и удается более или менее удачно это скрывать.

— Чем мы их порадуем в следующий раз? — полюбопытствовала Корделия.

Пак с усмешкой повернул к ней голову:

— Ну а ты бы чего испугалась?

Капитан вернулся в офицерскую караульную комнату и сел у окна. Что же это был за странный шум? Эта мысль не давала ему покоя. Конечно, в старых домах всегда слышались какие-то шумы, но этот дом на самом деле старым не был — он только выглядел старым!

Но с другой стороны, и в новом доме вполне могли слышаться какие-то шумы, пока он устоит: капитан знал, в какой спешке строился этот дом. И все же никакой шум не мог слышаться настолько долго!

Мимо окна что-то пролетело — капитан только краем глаза успел заметить. Он нахмурился и более пристально взгляделся в темноту. И снова что-то мелькнуло — и все же стоило проверить! Капитан развернул вертящийся стул к пульту связи и нажал на клавишу:

— Проверить результаты визуального сканирования северо-восточного квадрата, срочно!

— Проверяю, — отозвался охранник.

Капитан ждал, глядя в окно. И снова мимолетный промельк — правда, на этот раз он длился на долю мгновения больше. Капитану почти удалось разглядеть силуэт...

— Ничего, — сообщил охранник.

Капитан выругался и, отвернувшись от пульта, подкатил кресле поближе к окну.

Между стволами двух деревьев в ста футах от дома, на самом краю периметра сигнализации приплясывала фигурка. Бледная, светящаяся, смутно напоминавшая человеческую. У капитана волосы встали дыбом на затылке. Он был убежденным материалистом и твердо верил в то, что на свете не существует ничего такого, что нельзя было бы взве-

сить или измерить. Если он что-то видел, а камеры наружного наблюдения — нет, значит, ничего там и быть не могло. Это была галлюцинация. А это означало, что...

Если только то же самое не видел кто-нибудь еще. Капитан вернулся к пульту, поспешно нажал другую клавишу и рывкнул:

— Сержант! Мигом ко мне!

Через две минуты в караульную комнату из боковой двери торопливым шагом вошел сержант. Волосы у него были растрепаны, он протирает заспанные глаза:

— Что... что такое, капитан?

— Призрак, — процедил сквозь зубы капитан и указал за окно. — Доложите мне, что вы там видите.

Сержант озадаченно подошел к окну и тут же вытаращил глаза:

— Но... их же не бывает!

— Хо-ро-шо... — со вздохом облегчения выдавил капитан. — По крайней мере вы его тоже видите!

— Что? — Сержант резко обернулся. — А вы думали, что он вам приснился, сэр?

— Да нет, я решил, что это галлюцинация. Ну вот. Теперь ты видел его собственными глазами, так ступай погляди на мониторы.

Сержант нахмурился, развернулся и вышел из офицерского кабинета. Через несколько минут из динамиков пульта связи послышался его голос:

— Вы правы, сэр. На мониторах ничего нет.

— Так я и думал. — Капитан снова оторопело уставился в ночную темноту за окном. Теперь призраков стало три. Они резвились, перелетая от одного дерева к другому. А может, это был один и тот же призрак, только он летал слишком быстро... — Проверьте показания всех датчиков до единого!

Несколько минут погода сержант отрапортовал:

— Инфракрасный экран молчит, сэр.

Затем зазвучал голос дежурного охранника:

— Радиации нет... Новых сосредоточений массы нет...
На радиочастотах чисто...

— Они ненастоящие, — проговорил капитан, как бы стараясь убедить себя в этом и не сводя глаз с танцующих светящихся фигурок. Сейчас им более всего владели злость и возмущение, однако к ним мало-помалу примешивался страх. Станные существа были — они были, и в том не могло быть никакого сомнения. Не только сам капитан, но и сержант их увидел. Но как же они могли быть и при этом не оставлять никакого следа на экранах датчиков сигналов?

Грегори посмотрел на Магнуса и Джеффри:

— Долго ли вы сможете поддерживать этот обман?

Старшие братья стояли на коленях бок о бок. Лбы у них взмокли от испарины. Было видно, что сосредоточение стоит им немалых сил.

— Довольно долго, — отозвался Магнус.

— Непросто забрасывать им в сознание эту картинку, — пробормотал Джеффри. — Выть было куда как легче.

— Ну так надо, чтобы они снова слышали вой, — процедил сквозь стиснутые зубы Магнус, выждал немного и спросил: — Ну, как на них подействовало?

— Они начинают бояться, — ответил Грегори и посмотрел на Осень. — Пауки готовы?

— О да! По тысяче на каждую дверь. Они заплели все дверные проемы гигантскими сетями.

— Отлично! — прошептала Корделия и обернулась к Магнусу. — А эльфы на местах?

Старший брат вопросительно глянул на Келли.

— Угу, — ухмыльнулся лепрехун. — И просто мочи нет, как хотят повеселиться.

— Ну так пусть повеселятся, — распорядилась Корделия.

* * *

Из каждого угла, каждой щелочки, каждой дырочки донесся злорадный хохот.

— Есть след! — прокричал охранник. — Вот у этого звука есть волновая форма, капитан!

— Ну наконец-то! Хоть что-то реальное! — Капитан нажал на кнопку, пригнанную к стене около стола, и дом огласился воем сирены. Агенты вскочили с кроватей как очумелые, с мутными глазами. — Обшарить весь дом, искать потайные динамики!

Агенты приступили к обыску. Искали за мониторами, за штабелями коробок и ящиков, доверху наполненных органическим порошком, в кладовых — но не находили ничего, кроме паучьих сетей, на которых, что странно, не было ни единого паучка. Как только сирена смолкла, все услышали то, что, собственно, искали — вернее, свидетельство этого самого: пронзительный, душераздирающий, маниакальный хохот, звучащий ровнехонько на такой частоте, чтобы по спине побежали мурашки. Агенты искали в туалетах, вокруг камина и внутри дымохода — вот только в щели между камнями не заглядывали. Они осмотрели лабораторию времени — всю, до последнего винтика: проверили кабину прибытия, слазили под кушетки — но, увы, не заглянули за деревянные панели, которыми были забраны стены. Они выдвинули один за другим все ящики столов, заглянули за унитазы, в шкафчики и тумбочки — но им и в голову не пришло заглянуть в водопроводные краны или за зеркала в ванной комнате.

И хорошо сделали, что не заглянули, а не то бы такое нашли... что все равно бы не поверили. А и поверили — легче бы им уж точно не стало.

В каждой щелочке шире двух дюймов, за которой имелось пространство хотя бы с фут, притаились эльфы. В стенах, под половицами, за пищевым синтезатором, распулав

мышей, спрятались пикси. И из каждой щелочки и дырочки, из-за каждой вентиляционной решетки доносился их хохот, становившийся все более и более зловещим с каждой минутой.

— Это какая-то... массовая галлюцинация! — проревел капитан. — Да и больше это ничем быть не может!

— А как насчет саботажа? — осведомился один из гражданских сотрудников центра.

— Откуда ему взяться, саботажу?

— Скажи им: пусть подгонят мышей туда, откуда бы они увидели этих людей, — проинструктировал Келли Магнус.

Эльф запротестовал:

— Зачем? У Колдовского Народца лучше получается!

— Нельзя, чтобы Громадины их нашли! Это слишком опасно, — пояснила Корделия.

Джеффри кивнул:

— К тому же, если они увидят что-то такое, с чем смогут связать весь этот шум, они хоть как-то справятся со страхом.

— Ну а нам это вовсе ни к чему, — ухмыльнулся Келли и развернулся к эльфу-гонцу, дабы передать ему новые распоряжения.

Эльфы подогнали мышей к отверстиям норок, о которых зверьки и понятия не имели. Дрожа от ужаса, мышки смотрели на то, как огромные двуногие существа перебегают с места на место, присматриваются, шарят и становятся все более и более беспокойными с каждой минутой.

Корделия закрыла глаза и соединила свое сознание с разумом кухонной мышки.

— Так... Вижу их! Вот эту чашку, ага...

* * *

Чашка сорвалась с полки и, пролетев через кухню, чуть не угодила в агента, одетого в пижаму. Агент вывернул шею, оторопело наблюдая за полетом чашки, и зажмурился, когда чашка ударилась о стену и разбилась вдребезги. Открыв глаза, агент огляделся по сторонам с новым страхом... и увидел, что прямо к его переносице по воздуху мчится, вертясь, блюдце!

Капитан, остававшийся в караульной комнате, услышал грохот. Обернувшись, он увидел, что корпус монитора разлетелся на сотни мелких кусочков и что молекулярные микросхемы весело парят над столом, описывая круги.

В комнате у дежурного охранника забибикали динамики компьютера. Охранник, выпучив глаза, обернулся к нему и увидел, как по дисплею в бешеном темпе прокручивается в обратную сторону текст.

Неожиданно прокрутка прекратилась.

Охранник медленно, на ватных ногах подошел к монитору и стал читать:

— Инструкции на случай непредвиденной инспекции... — Он бросил отчаянный взгляд на экраны датчиков, но те хранили невозмутимое спокойствие. Охранник поднес дрожащую руку к пульту, нажал на кнопку и, заикаясь, проямлил: — Капитан, кажется, кто-то... отчет нам... что-то сказать...

А в это время в прихожей гражданский сотрудник проворно пригнулся: от потолка оторвалась видеокамера, просвистела рядом с его ухом и разбилась о стену.

— Полтергейст! — взвизгнул агент.

Магнус, у которого уже пот ручьями лился со лба, спросил:

— Гномы уже подкопали фундамент?

— Да, — сообщил Келли. — Под каждым из четырех углов — по дюжине гномов. Пак с ними.

Магнус кивнул:

— Передай им, что веселье начинается.

— Это вражеская диверсия! — взвыл капитан, глядя на агента, который стоял перед ним белый как плат. — Этот... этот Верховный Чародей, видимо, догадался, где мы находимся, и натравил на нас целое войско эсперов!

— Верховный Чародей пропал без вести, — выпалил агент. — Или вы забыли?

Стены кабинета сотряслись.

Агент так вытаращил глаза, что странно, как они не выскочили из орбит.

— Это что еще, черт подери, такое?

В комнате дежурного охранника вспучился пол, и стол с аппаратурой подпрыгнул. Охранник шлепнулся на спину, крича:

— Землетрясение!

— Если это вражеская диверсия, — пролепетал агент, стоявший перед капитаном, — то она зверски здорово организована!

Половицы приподнялись на фут и легли на место. Капитан и агент с воплями рухнули на пол.

Инженер, в которого чуть было не угодила видеокамера, попытался ухватиться за дверной косяк, но рама неожиданно резко отпрыгнула в сторону.

— Вражеская диверсия, сверхъестественные или просто необъяснимые явления — как бы то ни было, это смертельно опасно! — вскричал агент, вскочил на ноги, бросился к пульту связи, нажал на кнопку и проорал в микрофон: — Срочная всеобщая эвакуация!

— Они могут появиться откуда угодно, — недовольно проворчал Джеффри.

Грегори покачал головой:

— Они хотели, чтобы этот дом был защищен от грабителей, поэтому вставили в окна небьющиеся стекла. Окна к тому же не открываются.

— Стало быть, остаются всего-навсего две двери, — с ухмылкой заключил Магнус.

— Идут! — прокричала Корделия.

Дверь со стуком отворилась, и из нее посыпались люди... которые тут же попадали в крепкую сеть, сплетенную тысячей пауков. Сеть натянулась, но выдержала давление. Люди метались, кричали, выли, но сеть крепко держала их. За каждой из двух дверей в сети попало по десятку агентов.

А потом к парадной двери зашагал Верховный Чародей.

Он был выше ростом, чем на самом деле, — не меньше девяти футов. Голову его вместо волос венчали языки пламени, а глаза его горели словно угли.

Главный агент в ужасе уставился на него:

— Но тебя... вас... вас же похитили!

— Неужто вы и вправду поверили, что меня возможно удержать хоть в какой-то ловушке? — громовым голосом спросил Верховный Чародей.

Агент набрался храбрости и проговорил:

— Одна из наших ловушек смогла бы тебя удержать! Но чего ждать от анархистов? Конечно, их западня оказалась ненадежной!

Корделия, лежа на дне сухого русла, прочитала мысли агента и прошептала Магнусу:

— Он говорит правду. Он не знает, как украли наших папу с мамой.

Верховный Чародей спросил:

— Но вы сговорились с ними! Именно сейчас ваш ставленник рвется к власти!

— Да нет же! Никто из наших ребят ничем таким не занимается! — взвыл капитан, а агент добавил:

— Вы про это лучше у ИДИОТов спросите.

— Они лгут, — сделала вывод Корделия. — У них в мыслях промелькнул образ шерифа. Он много лет состоял у них на службе, и они давно сказали ему, что ему делать, когда представится такая возможность.

— И она представилась, — нахмурившись, пробормотал Джеффри. — Но предоставили ее не они?

— Нет, — покачала головой Корделия.

Магнус молчал. Сосредоточенно наморщив лоб, он выглядывал из-за края овражка и смотрел в сторону дома, на кучку агентов, барахтавшихся в паучьей сети в проеме двери. В сознание этих агентов он и спроецировал образ отца.

— А кто служит опорой вашему шерифу в других графствах? — требовательно спросил Верховный Чародей.

— Как это вы, проклятие, догадались... — вырвалось у капитана, но агент жестом остановил его.

— Мы никого из местных не поддерживаем, — заявил он.

— А в уме у него сразу десяток, — сообщила Корделия. — Лица, имена... По одному на каждое герцогство и графство. А самый главный — шериф.

— Врать вы, однако, плохо обучены, — прогремел Верховный Чародей. — Но нынче ночью я вас больше не беспокою. Прощайте.

С этими словами он развернулся и ушел во тьму. Агенты ВЕТО, оторопев от потрясения, долго смотрели ему вслед.

Через некоторое время капитан обернулся, посмотрел на дом:

— Похоже, все спокойно.

Агент покачал головой:

— Это не имеет значения. Теперь ясно, что Верховный Чародей знает об этом центре. Надо срочно перебазироваться!

— Сэр! — прокричал сержант. — Сеть ослабла!

— Ослабла? Где? Ну-ка, пропустите меня. Выпустите меня!

— Выходить согласно штатному расписанию! — рявкнул агент. — Посторонитесь!

Он выбрался из сети первым, за ним — капитан. Агент встал на пороге и принялся отряхивать с себя липкую паутину. Капитан в дом войти не торопился — стоял и опасно смотрел внутрь.

— Только никаких предложений, — буркнул агент. — Здесь оставаться нельзя.

— Понимаю, — огрызнулся капитан. — Вот только... уж больно здоров он был, этот малый. Хотя он и Верховный Чародей — все-таки необычайно здоров...

— К чему это вы, а? — настороженно поинтересовался агент.

— Да и голос у него вроде низковат — люди так не разговаривают, вам не кажется?

— Вообще-то верно, сэр, ежели подумать, — подтвердил вставший рядом с капитаном сержант.

— А если еще получше подумать, — заметил один из агентов помладше званием, — то Верховный Чародей, по идее, должен на современном английском разговаривать, а не на языке елизаветинских времен.

В миле от дома дети устроили привал, чтобы передохнуть и обсудить с Паком, Келли и Вексом новые, только что раздобытые сведения.

— Значит, украли папу с мамой не наши враги из ВЕТО, — сказал Магнус.

Корделия кивнула:

— Хотя бы это ясно. Стало быть, их нужно искать где-то еще.

— Но что, если мы не сумеем разыскать их до того, как Грогат и бароны свергнут их величеств? — нахмурившись, спросил Джеффри. — Или если шериф захватит престол?

Несколько секунд все молчали.

— Мы не должны позволить такому случиться, — вдруг сказал Грегори.

— Нет! — вскричал Пак. — Только не это! Это слишком опасно даже для отпрысков чародея!

— Но нельзя же разрешить этим негодяям бесчинствовать на нашей земле, Пак, — горячо возразила Корделия.

— Однако остановить их вы тоже не сумеете, — рассудительно заметил Векс. — В этом Пак прав, дети. Вы можете оказать неоценимую помощь взрослым, но сами сражаться с такими могущественными, зрелыми врагами не сумеете. Они победят вас, и вы можете погибнуть.

— Вот-вот, слушайте, что вам умные лю... лошади говорят, — подхватил Пак.

И снова все умолкли. Корделия подошла к единорогу и обняла его.

Поднялся и Джеффри, отряхнул пыль с ладоней.

— Ну что ж... — пробормотал он. — Если мы сами на это не способны, значит... значит, надо разыскать маму и папу, чтобы они этим занялись!

— Верно. — Магнус поднял голову, расправил плечи. — А начать можно с поисков папиных врагов из ИДИОТА!

— Никого нет, — сообщила Лето. — Ни в этом лесу, ни в одной из окрестных деревень.

— Верно, — подтвердила Осень. — Никого во всем герцогстве Тюдорском. Ни большого дома, ни пещер, где бы обитали чародеи.

— Все они правильно говорят, — согласился Келли. — И по всем королевским владениям то же самое: даже в самом Раннимеде нету никакой такой «штаб-квартиры», как вы это называете. Я туда гонцов засылал, так что все точно знаю.

— Да, во всех провинциях такая же картина, — добавил Пак. — И я тоже разослал гонцов во все концы — и фей, и

эльфов, и пикси, и пук, и прочих духов, вроде боханов и кобольдов, гномов и гоблинов...

— Да мы вам верим, верим, — поспешно проговорил Магнус, чтобы прервать перечень многочисленных фэйри, обитавших в Грамерасе. — Однако эти «анархисты» действуют слаженно. Разве и у них тоже не должно быть какого-то центра?

— Центр в географическом смысле не так уж необходим, — напомнил детям Векс. — Не более, чем он был бы необходим волшебницам и чародеям. Точно так же, как вы можете общаться с вашим предводителем, где бы он ни находился, это возможно и для анархистов. Они это делают с помощью передатчиков и приемников.

— Но ведь и люди из ВЕТО тоже могли бы так!

— Верно, — признал Векс. — Однако центральная база управления гораздо более согласуется с их образом мыслей. Цель же анархистов из ИДИОТа — уничтожить всякую централизованную власть, поэтому скорее всего они стремятся обойтись без ее физического символа.

— Но все равно какой-то предводитель у них должен быть, — настойчиво проговорил Джеффри. — Командир! Нельзя действовать слаженно, не имея командира!

— Теоретически это возможно, — возразил Векс. — Однако на практике не случалось ни разу.

— Что же это за люди такие, — с отвращением выговорила Корделия, — которым не терпится уничтожить все, к чему бы они ни прикоснулись!

Векс тактично умолчал о том, что Корделия — не первая, кому пришла в голову эта гениальная мысль.

— Если у них есть командир, — упорствовал Джеффри, — нужно просто-напросто найти его и допросить. Как мы могли бы разыскать его, Векс?

— Это будет сопряжено с большими трудностями, — ответил Векс. — На самом деле, если анархисты действуют по своей обычной схеме, у них работают одновременно

несколько командиров, каждый из которых располагает теми же сведениями, что и другие, и любой из них может осуществлять координацию всей операции.

— И все-таки они — командиры, — упрямо заявил Джеффри.

— Так они ведут себя во всем, — сказала Осень. — Феи из других графств рассказывали нам о пахарях и пастухах, которые уходят из деревень в разбойничьи шайки, о великанах и людоедах, которые напускают на всех страх, но при этом воров и разбойников не трогают, о колдунах, которые рвутся к власти, о графах, которые дерутся друг с дружкой, а также о расплодившихся повсюду страшных чудовищах. Везде только и говорят если не о драконе, так о мантикоре или василиске.

Джеффри побагровел от злости:

— Есть у них командир или нет, но кто-то ими здорово руководит, если они за пару дней такой хаос в стране учинили!

— Да, просто ужасно, — согласилась Корделия. Она побледнела и сильно дрожала. — О, как тяжело приходится крестьянам. Как они страдают от того, что творят эти злодеи!

Грегори крепко сжал руку сестры. Его глаза от страха стали большими-пребольшими.

— А мы ничего не можем поделать, — сокрушенно выдохнул Магнус, — потому что это не по плечу четверым детям.

— Верно, — согласился Пак. — Это работа для ваших мамы с папой, когда они вернутся.

— Но вернутся ли они? — тихо-тихо пробормотала Корделия.

— Обязательно вернутся! — воскликнул Грегори и посмотрел на сестру с непоколебимой уверенностью. — Они снова, как в тот раз, непременно отыщут дорогу домой. Никто не посмеет помешать им возвратиться к нам!

Почему-то никому даже в голову не пришло спорить с ним.

Но вот Магнус помрачнел и повернулся к братьям и сестре:

— И все же мы не можем позволить, чтобы наш край так страдал от произвола мерзавцев всех мастей! В Раннимеде и в герцогстве Тюдорском, что лежит к югу от столицы, мы сможем навести порядок! Конечно, самим нам это не под силу, но мы созовем всех фэйри и других добрых существ, — он кивком указал на единорога Корделии, — чтобы они все вместе выступили против этих... этих...

— Плохих дядек! — выкрикнул Грегори и свирепо наморщил лоб.

Магнус замер от неожиданности и тоже постарался напустить на себя суровость. Но тут Корделия хихикнула, и старший брат улыбнулся:

— Да, братец, ты прав: против плохих дядек! Нам уже удалось потрепать им нервишки с помощью Келли, Пака и их сородичей, и мы сможем делать так снова и снова, куда не добьемся, чтобы от них больше никому не было вреда! Хотя бы мы сумеем навести порядок в Раннимеде и его окрестностях, и король, пребывая в безопасности, сможет править страной!

— Да! — радостно выкрикнул Грегори. — Мы разыщем плохих дядек и упрячем их за решетку!

— И куда мы будем этим заниматься, — угрюмо проговорил Джеффри, — мы сможем задавать им кое-какие вопросы.

— Вперед! — прокричала Корделия. — Но только... с кого же нам начать?

Все умолкли и напряженно переглянулись.

— А кто, — тихонько пролепетал Грегори, — самый-самый гадкий из плохих дядек?

14

-Хороший вопрос, — признал Магнус. — Кто у них может быть главным? Кому они, не признающие руководство, все же скорее его доверили бы?

Разговор происходил на лесной тропе неподалеку от столбовой дороги.

— На самом деле нельзя сказать, чтобы у них совсем не было предводителей, — возразил Джеффри, — хотя сами они будут клясться и божиться, что это как раз так и есть. Как-то раз я слышал, как папа обмолвился о том, что есть кто-то один, к чьему слову они прислушиваются.

Магнус нахмурился и взглянул на брата:

— А я об этом ничего не слышал. Как его зовут?

— Не знаю, — признался Джеффри. — И папа не знал. Но все же он не сомневался, что такой человек есть.

— Может быть, ты что-то слышал об этом, Робин? — спросила Корделия.

— Не больше, чем Джеффри, — ответил Пак. — И не меньше. Ваш отец занят поисками того, кто стоит за всеми этими измышлениями, к чьим мыслям прислушиваются все эти недоумки. Он приказов-то не отдает, понимаете? Он просто предлагает то или иное деяние.

— И все же папа точно не знает, кто это? — спросил Грегори. — Он только догадывается?

— Нет, я бы так не сказал, — покачал головой Пак. — Он уверен, что такой человек существует, но только предполагает, что другие прислушиваются к его словам.

Джеффри сдвинул брови и покачал головой:

— Вот и я о том же. Не бывает такого, чтобы люди действовали, не имея хоть какого-то командира. Иначе они бы все делали разрозненно, поодиночке. Один бы не знал, что творит другой, и толку бы не было никакого — все бы занимались, по большому счету, одним и тем же.

Магнус медленно, задумчиво кивнул:

— Но между прочим, если задуматься, во многом оно так и есть.

— Стойте! — вдруг насторожился Пак. — А ведь есть один такой...

Лето и Осень зашелестели крылышками, вытаращили глазки.

— Верно! Верно! — зашебетали они, перебивая друг дружку. — Нам один эльф сказал, и мы слетали посмотреть. Он не обманул нас!

— В чем же он вас не обманул? — спросила Корделия.

— Он рассказал нам о крестьянском отряде, — принялась объяснять Осень. — Этот отряд идет по Королевской дороге. Люди вооружены серпами и вилами, а впереди всех идет мальчик!

Корделия растерялась.

— Впереди? Но его мама, наверное, идет рядом с ним?

— Да нет же, нет! — пылко возразила Лето. — Этот мальчик — он их предводитель!

Дети вытаращили глаза.

Джеффри построил недоверчивую гримасу:

— Да может ли такое быть? Чтобы целый отряд взрослых позволил какому-то мальчишке ими командовать?

— Все так и есть, — подтвердила Осень. — Потому что тот мальчик, что ведет их за собой, утверждает, что он — это ты.

Дети остолбенели, словно их поразил удар грома.

Наконец Магнус обрел дар речи.

— Как же так? — оторопело вымолвил он. — Неужто крестьянский мальчик мог набраться такой наглости?

— Не может такого быть! — возмущенно вскричал Джеффри. — Никто бы ему не поверил! Чем он докажет, что он — это я?

— Ему это очень просто, — вздохнула Лето, — потому что вы с ним похожи как две капли воды.

Джеффри замер и побледнел. Корделия, заметив это, шагнула ближе к нему, но, поняв, что лучше этого не делать, поспешно отступила на шаг.

Тут Джеффри взорвался:

— Какая наглость! Вот ведь змей подколодный! Да как он только посмел! Как только этот негодяй и разбойник посмел выдавать себя за меня?! Ну уж нет, вы мне его должны немедленно показать, и тогда из его задницы я изготовлю для него могильную плиту!

Обе феи опасливо отлетели в сторонку, испуганные яростью, охватившей мальчика.

— Вы что же, отказываетесь? — бушевал Джеффри. — Но я же должен...

— А ну-ка, успокойся! — строго приказал Магнус. Джеффри крутанулся на месте и развернулся к старшему брату, сжав кулаки, но Магнус более сдержанно проговорил: — Разве тот воин, кто бросается на соперника очертя голову?

Джеффри оторопел. Несколько мгновений он не спускал глаз с Магнуса, а потом вполне серьезно, без эмоций ответил:

— Так поступает только тот, кто готов проиграть.

Магнус кивнул:

— Так всегда говорит папа, и мы сами в этом не раз убеждались. Нет, брат, тут надо подумать хорошенько. Если уж какой-то маленький бродяжка-самозванец дерзнул выдать себя за тебя, стало быть, он не дурак в боевом искусстве. И потому, столкнувшись с ним, ты должен не поддаваться чувствам, а употребить выдержку и ум.

— Точно, — уверенно кивнул Грегори.

Джеффри недоуменно глянул на малыша, кивнул, выпрямился и с виду успокоился, однако все его мышцы остались напряженными — было видно, как трудно ему сдерживать гнев.

— Спасибо тебе, братец, — поблагодарил он малыша. — Теперь я снова стал самим собой. Простите меня, милые феи. Я просто... сорвался.

— Твои извинения приняты, — отозвалась Осень, однако ее взгляд остался испуганным.

— Ну, теперь вы меня отведете к нему? — спросил Джеффри. Феи согласно кивнули, молча развернулись и бесшумно полетели вперед над тропинкой.

Джеффри сжал губы и, взмыв в воздух, устремился за ними.

Братья не заставили себя ждать. Единорог, верхом на котором сидела Корделия, поспешил следом.

— Я еще ни разу не видела его таким злым, — прошептала Корделия Магнусу.

— Нечего удивляться, — ответил Магнус. — Однако нужно с него глаз не спускать, сестрица, а иначе он набросится на этот крестьянский отряд и может наделать много бед.

Магнус остановил всех, подняв руку:

— Стойте, ребята! Что-то не нравится мне все это!

Джеффри, порхавший рядом с ним, кивнул:

— Да, как-то это неестественно.

В сотне ярдов впереди виднелась деревня — горстка домишек вокруг площади. Но при этом не было заметно ни души.

— Куда же подевались жители? — обескураженно проговорила Корделия.

— Небось все с моим двойником, — предположил Джеффри. — Слушаются его. Или нянчатся с ним.

— Скорее второе, — заметил Магнус. — Видите, кое-где горят огоньки?

Его братья и сестра пригляделись получше.

— Вижу, — сообщил Векс. — К тому же я увеличил изображение. Там есть люди, и их немало. Они стоят спинами к нам и слушают кого-то одного.

— Корделия, — проговорил Магнус решительно и уверенно. — Скажи своему единорогу, чтобы он оставался в лесу, пока мы не вернемся. Тебе, Векс, тоже лучше было бы пока спрятаться.

Корделия погрустнела, а Векс сказал:

— Ты должен понимать, Магнус, что для меня нестерпимо покидать вас. Почему ты решил, что мне лучше остаться в лесу?

— Потому что без тебя нам проще будет подойти и затеряться в толпе. Тогда мы легко узнаем, что собой представляет этот двойник Джеффри: действительно ли он опасен и можно ли застать его врасплох. Вот потому-то я и прошу тебя: затаись и жди.

— Что ж, хорошо, — вздохнул Векс. — Так я и сделаю. Но спрячусь я неподалеку и буду слушать, выведя усиление звука на максимальный уровень. Если я вам понадобится — только позовите.

— Не сомневайся — позовем, — отозвался Джеффри. Было видно, что мысли летят впереди него — его лицо было серьезным и напряженным.

Корделия соскользнула со спины единорога, обернулась и погладила его бархатистый нос.

— Придется попросить тебя, чтобы ты меня подождал, мой красавчик, — проговорила девочка, и в ее глазах за сверкали слезы. — Но ведь ты не убежишь от меня, правда? Ты останешься здесь?

Единорог кивнул. Магнус был готов поклясться, что дивный зверь понял слова его сестры. Но он понимал, в чем дело: Корделия, как и все они — дети четы Гэллоуглассов, была проективным телепатом, и единорог понял ее мысли, хотя и слова тут тоже помогли. Зверь тряхнул головой, развернулся и затрусил к деревьям.

— Ну, пошли, — вздохнул Магнус. — Корделия, вы с Грегори заходите с востока. Джеффри возьмет на себя центр, а я зайду с запада. Встретимся в первых рядах в середине.

Остальные, сосредоточенно поджав губы, согласно кивнули и, как только подошли к деревне, рассыпались. Век до деревни шел за детьми, но за первым домом остановился, наострил уши, поднял голову, а дети бесшумно рассредоточились в толпе крестьян.

В толпе насчитывалось до сотни человек, и несколько десятков, судя по серпам и вилам, которыми они были вооружены, пришли с большой дороги следом за юным мятежником-самозванцем. Однако он старался, как мог, ради того, чтобы обратить в свою веру десятка три местных жителей. Как только дети затесались между взрослыми, они услышали, как мальчишка рассказывает страшные истории.

— Вот так они поступили с деревней, которая отстоит от вашей меньше чем на десять миль! — выкрикнул мальчишка. — Неужто и вы позволите им измываться над вашими женами и детьми? — Толпа яростно взревела. Люди принялись потрясать серпами и вилами. — Нет, вы так не поступите! — Мальчишка забрался на телегу, чтобы его хорошо видели все, но при этом не заметил четверых ребятишек, прокравшихся в проулок между двумя домами. — Вы не позволите разбойникам ограбить вашу деревню и не разрешите господам сражаться на ваших полях и вытаптывать выращенные вами всходы!

Толпа неуверенно зароптала: видимо, таких речей люди еще не слышали. Одно дело — разбойники, но совсем другое — благородные господа.

— Вы готовы им это позволить? — свирепо сдвинул брови мальчишка. — Ну, тогда я в вас жестоко ошибся! А я думал, вы — настоящие мужчины!

Ответом ему стал возмущенный гомон, а один из тех крестьян, что стояли ближе к телеге, выкрикнул:

— Тебе-то хорошо говорить, малый. Небось ты не видал, как господа дерутся! Что толку от наших вил да серпов

против их стальных доспехов! У них мечи — и они с нами враз разделяются!

— Я не видал, — признал мальчика. — А вот шериф видал!

Толпа в изумлении примолкла.

Этой паузы Джеффри как раз хватило для того, чтобы услышать, как Магнус шепнул ему на ухо:

— Теперь ясно, чей он прихвостень!

Джеффри кивнул, и его глаза полыхнули яростным огнем.

— Шериф сражался в господских войсках! — крикнул Джеффри-самозванец. — В юности он сражался и в войске королевы против повстанцев! А еще он бился со зверолюдьми, изгонял их с нашего острова! И вновь он пошел в бой, когда его позвал Тюдор, и дрался с подлыми шайками других господ, но сердце его изнемогло — вдоволь насмотрелся он на господскую жажду власти!

— Но как же он, простолюдин по рождению, может выстоять против благородного рыцаря? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Может, потому что у него высокий титул! — крикнул в ответ мальчишка. — Он — королевский шериф, он правит всей округой! А ежели он знает, как усмирить лордов, так кто осмелится противиться ему?

Толпа довольно загомонилась. Мальчишка явно приобретал новых сторонников.

— Пойдемте со мной, и я отведу вас к нему! — вскричал самозванец. — Присоединяйтесь к шерифу и сразитесь с теми, кто вас угнетает!

— Это уже чересчур, — послышался знакомый басок под ногами у Магнуса. — Пора бы ему палки в колеса вставить.

А чуть погода из толпы донесся выкрик:

— А откуда тебе знать, где его найти?

Люди начали вертеть головами, пытаясь понять, кто задал вопрос, но мальчишка невозмутимо ответил:

— Мы знаем, что он проживает в городке под названием Бельмид. Нужно просто пойти туда и предстать перед ним!

— А он-то хоть обрадуется, что мы к нему явились? — выкрикнул кто-то с другого края толпы. — Не решит, что мы против него вздумали выступить?

И снова люди обернулись, чтобы посмотреть, кто это сказал, но у Джеффри-самозванца и на это ответ был готов.

— Да ему такое и в голову не придет! Конечно же, он обрадуется, когда мы явимся к нему!

— А тебе-то откуда знать? — полюбопытствовал кто-то из самой середины толпы. — Кто ты такой, чтобы мы тебе верили?

Мальчишка покраснел:

— Я вам уже говорил: я — сын Верховного Чародея. Как вы можете сомневаться в этом? — Он громко выкрикнул: — Кто посмеет сказать, что я — самозванец?

— Я посмею! — воскликнул Джеффри. — Я заявляю, что ты — самозванец!

С этими словами он взмыл ввысь, пролетел над толпой прямо к телеге, опустился на нее, обвел гордым взглядом толпу и развернулся к своему двойнику.

Тот вытаращил глаза — и было от чего. Не было предела изумлению и у тех, перед кем теперь стояли два Джеффри. И точно, самозванец был точной копией Джеффри: он походил на него и ростом, и чертами лица. Толпа огласилась испуганным ропотом.

— Как ты зовешься, наглец? — требовательно спросил Джеффри. — Назови свое истинное имя!

Мальчишка вздернул подбородок:

— Я — Джеффри Гэллоугласс, сын Верховного Чародея! А вот кто ты такой, что посмел носить мое обличье?

— Ты лжешь, негодяй! — прокричал Джеффри. — Как ты дерзнул занять мое место?!

— Возмущайся, сколько пожелаешь, — фыркнул мальчишка. — Всем ясно, что настоящий Джеффри Гэллоугласс — это я!

Яростный вопль рассек воздух, и над толпой верхом на метле взлетела Корделия. Она устремила к телеге, крича:

— Ты лжешь, мерзавец! Вот мой брат, Джеффри Гэллоугласс! А я — его сестра, дочь Верховного Чародея, Корделия!

Послышалось два взрыва, и рядом с девочкой возник Магнус, держащий на руках Грегори.

— Она говорит чистую правду! — подтвердил он. — А я — Магнус, старший сын Верховного Чародея!

— А я — младший! — крикнул Грегори тоненьким голоском. — И поверьте нам, люди добрые, что вас обманули!

— Да, именно так! — воскликнул Магнус и хлопнул по плечу настоящего Джеффри. — Вот мой брат, истинный Джеффри Гэллоугласс. А тот, за которым вы последовали, — обманщик и трус!

Джеффри коротко, благодарно взглянул на брата, а самозванец жутко побледнел и не знал, куда деваться. Однако он быстро оправился от потрясения и заявил:

— Они все сговорились против меня! Эти четверо — такие же братья и сестра, как я — петух! Они врут вам, потому что настоящий сын Верховного Чародея — я!

Толпа в страхе загомонила. Корделия злобно вскричала и бросилась на двойника Джеффри. Но братья удержали ее, и Магнус спокойно проговорил:

— Нет, не надо, — а потом, развернувшись к толпе, крикнул, чтобы все слышали: — Не нужно царапать его! Ведь ты — волшебница, тебе достаточно просто подумать — и он захворает!

Глаза Корделии сверкнули, и мальчишка торопливо сказал:

— Ну да, похоже, вы и вправду дети каких-то чародеев. Я сам видел, как вы летали, но этого мало, чтобы доказать, что вы — отпрыски Верховного Чародея!

— А ты-то как это докажешь? — выпалил Джеффри.

— А вот так! — процедил сквозь зубы мальчишка и легко поднялся в воздух.

Толпа среагировала на это затравленным гулом.

— Разве это доказательство? — фыркнул Джеффри и тоже взмыл ввысь, а Грегори шепнул Магнусу:

— Видишь? Что да то да — этот мальчик вправду чародей!

— Только это и правда, — проворчал в ответ Магнус.

— Докажи еще чем-нибудь, — не унимался Джеффри. — И я во всем буду равен тебе и даже превзойду тебя!

Мальчишка побагровел и с негромким хлопком исчез. Эхо этого звука еще не успело утихнуть над деревенской площадью, как все крестьяне, обернувшись, увидели мальчишку на крыше одного из домов.

— Сделай так же, если сумеешь! — выкрикнул он.

— Да какой же чародей этого не умеет? — надменно отозвался Джеффри. Послышался точно такой же хлопок, и в следующее мгновение Джеффри очутился на крыше рядом со своим двойником — около печной трубы.

— Они похожи, и оба умеют творить чудеса! — прокричал кто-то в толпе. — И как же нам разобраться, который из них — настоящий?

— Как? — горделиво выкрикнула Корделия. — Очень просто! По умению передвигать предметы! Во всем Грамере это под силу только детям Верховного Чародея!

Самозванец побледнел, но тут же развернулся и, презрительно уставившись на Джеффри, процедил сквозь зубы:

— Неужто ты позволяешь девчонке говорить за тебя?

— А ты, — огрызнулся Джеффри, — небось завидуешь, что у тебя нет сестры?

— Ты лжешь, наглец! — выкрикнул его двойник. — Моя сестренка осталась дома!

— За такую подлую ложь тебя следует проучить! — не выдержал Джеффри, и в тот же миг из рук крестьянина, стоявшего неподалеку, вылетел куотерстаф и, вертясь в воздухе, полетел к дому, на крыше которого стояли оба мальчика. Однако самозванец вовремя заметил летящую палку, подпрыгнул, и она пролетела под ним. С издевательским хохотом он повернулся к Джеффри.

— А что же ты сам подпрыгнул? — прищурившись, язвительно спросил Джеффри. — Палку подвинуть не смог?

Мальчишка нахмурился:

— Не захотел, да и все!

— Ну так захоти теперь! — злорадно усмехнувшись, крикнул Джеффри. — Обернись-ка!

Самозванец крутанулся на месте — как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как вертящаяся в воздухе палка, описав полный круг, летит обратно к нему. Мальчишка взвыл, распластался на крыше, и куотерстаф пролетел над ним, едва его не задев. Но стоило ему подняться и встать на корточки, палка поднырнула снизу и резко ударила его по животу. Двойник Джеффри с криком ярости рухнул на крышу, но еще громче его вопля прозвучал голос Джеффри:

— Ну а почему же теперь ты не схватил эту палку силой своего разума?

Самозванец медленно поднялся, злобно вытаращил глаза, но сказать ему было нечего.

— Ты потому этого не сделал, что не умеешь! — победно вскричал Джеффри. — А я — настоящий Джеффри Гэллоугласс!

— Ты — настоящий лжец! — провизжал в ответ мальчишка. — Ты не сам управлял этой палкой! Это для тебя сделала твоя подручная, колдунья!

Корделия сердито вскрикнула, но Грегори рассудительно изрек:

— Уж если мой брат — не настоящий Джеффри, то ты — точно — не настоящий, потому что всему Грамераю известно: сыновья Верховного Чародея умеют передвигать предметы силой мысли. А ты — не умеешь!

Толпа возбужденно взревела, но мальчишка дерзко и отчаянно прокричал:

— Это ложь! Никому из чародеев не под силу передвигать предметы мыслью! А если ты говоришь, что сыновья Верховного Чародея это умеют, так сделай — сделай сам!

— Это можно, — миролюбиво кивнул шестилетний мальш, и Корделия тут же взмыла ввысь — причем безо всякой метлы. Она оскорбленно вскрикнула и была готова прочить младшего братца, но тут слово взял Магнус:

— Вот! Всем известно, что волшебницы сами летать не умеют! Потому-то они и пользуются метлами! Теперь ты тоже скажешь, что моя сестренка сделала это за нашего младшего брата?

Самозванец злобно помрачнел:

— Ты сам сказал: это девчачьи проделки! Кому бы из мальчиков такое в голову пришло? Только тому, у которого в голове девчачьи мысли!

— Ах ты, негодяй несносный! — в ярости прокричал Джеффри. — Ну, давай, попробуй повторить вот такую «девчачью» проделку, если сумеешь!

Невидимая рука ухватила самозванца и, вертя, понесла по воздуху к Корделии. Мальчишка орал от злости и страха, а Корделия, поняв замысел брата, воскликнула:

— Да на что он мне сдался? Забирай этого мерзавца обратно!

Вертящийся в воздухе мальчишка вдруг развернулся и понесся в противоположную сторону.

— Нет уж, получай его! — задорно выкрикнул Джеффри, и самозванец, уподобившийся мячику, замер в возду-

хе всего в одном футе от его головы, развернулся и полетел к Корделии. Наконец он злобно взвыл, послышался щелчок, и на полпути до девочки мальчишка исчез.

— Вперед, за ним! — скомандовал Магнус, но он еще не успел договорить, как Джеффри со звуком, подобным ружейному выстрелу, исчез.

В толпе все разом взволнованно и раздраженно загомонили.

Грегори задумался, сосредоточился.

— Он поймал самозванца! — сообщил он через несколько мгновений.

— Да и как он мог его не найти! — фыркнула Корделия. — Ведь это — сущий пустяк для того, кто так подкован в игре в «салки-исчезалки»!

— Очень скоро толпа начнет кричать, что пора бы сжечь колдунов на костре, а мы, похоже, вряд ли сумеем их успокоить.

Корделия кивнула:

— Надо усмирить их, да поскорее! Приступай!

Магнус вытаращил глаза:

— Я?! Да как же я могу их успокоить?

Корделия пожала плечами.

— Ты старший, — только и сказала она.

Магнус одарил ее мстительным взглядом и в отчаянии огляделся по сторонам в поисках поддержки.

Тот, кто мог бы ее оказать, сидел на телеге, в самом дальнем уголке, беспечно положив ногу на ногу.

— Поговори с ними, — посоветовал он. — Расскажи про то, чем на самом деле заканчиваются все деяния шерифа. Они поверят тебе, ибо ты — сын Верховного Чародея.

Магнус, не отрывая глаз от эльфа, облизнул пересохшие губы и прошептал:

— Но что же... что же мне им сказать?

— Придумаешь что-нибудь, — заверил его Пак. — А не выйдет — так я тебе подскажу.

Магнус еще мгновение пристально смотрел на эльфа.

— Хорошо, — кивнув, сказал он. — Спасибо тебе, Робин. — Он вдохнул поглубже, расправил плечи и, развернувшись к толпе, поднял руки и вскричал: — Люди добрые, послушайте! Умоляю вас, выслушайте меня!

Тут и там жители деревни и пришлые крестьяне стали оборачиваться, поддевать локтями или окликать соседей. Мало-помалу все притихли, и наконец стало настолько тихо, что Магнус смог говорить.

— Вас повел за собой злобный мальчишка-колдун, — начал он. — А злобность его доказать очень просто: он призывал вас к войне! Может, вам так и не показалось — однако не обманывайтесь! Если шериф сражается с лордами, будет не одно сражение, их будет много! Будет самая настоящая война, а в конце ее шериф сразится с королем!

Толпа при этих словах мальчика опять взволнованно и возмущенно возроптала. Люди разворачивались друг к другу и вопрошали, может ли такое быть правдой. На этот раз Магнус не предпринимал попыток утихомирить людей. Он просто стоял на телеге, подбоченившись, и ждал, понимая, что теперь у людей на уме мысли о том, прав ли шериф, и что о чародеях и волшебницах на время забыто.

Грегори потянул Магнуса за подол рубахи:

— Это правда, Магнус? Шериф воистину желает напасть на короля Туана?

— Не знаю, — честно признался Магнус. — Но ведь это похоже на правду, верно?

Грегори кивнул:

— Мне кажется, иначе и быть не может. А сам-то шериф это понимает?

Магнусу этого вполне хватило. Если его прозорливый младший братишка сказал, что такой исход неизбежен, значит, так и должно было случиться. Он вновь поднял руки,

прося тишины. Когда толпа немного успокоилась, Магнус крикнул:

— Послушайте, что я вам скажу, добрые люди! — Тут же стало совсем тихо. — Тот, кого мы называли братом, и есть настоящий Джефффри Гэллоугласс, сын Верховного Чародея. Мы — братья и сестра, мы — дети Верховного Чародея! И я говорю вам: наши мать и отец ни за что не одобрили бы деяния этого шерифа! Но сейчас на всем острове Грамерай беспокойно, и потому наши мать и отец не могут поспеть всюду, чтобы навести порядок! — Ну, тут он, конечно, немного приврал... — Потому мы и пришли, чтобы поговорить с вами! Ждите, наблюдайте за происходящим, оберегайте ваши деревни! Наберитесь терпения и сохраняйте верность королю и королеве! Не участвуйте в беспорядках, а не то все станет еще хуже, чем теперь!

Некоторые люди смутились, а те, что стояли дальше других, начали отходить назад, к домам.

Вообще-то как раз этого Магнус и добивался, но нельзя было допустить, чтобы его слова обидели крестьян.

— И если среди вас, — поспешно продолжал мальчик, — есть те, кто поверил самозванцу и покинул свою родную деревню, молю вас: поспешите в обратный путь! Как знать, что теперь с вашими домами, с вашим хозяйством, с урожаем, который вы взращивали с таким трудом! Поскорее возвращайтесь домой! Оберегайте свое добро и своих домашних!

Тут уж и те, что стояли в самой гуще толпы, начали беспокойно оглядываться, а те, что уже успели отойти, прибавили шагу, и было видно, что им уже все равно, кто и как на них поглядывает. Ведь сам старший сын Верховного Чародея велел им расходиться по домам!

Корделия облегченно вздохнула.

— Неплохо, братец! — вырвалось у нее. — Только теперь я поняла, что тут могло произойти нечто страшное!

— Вот пусть это уходит вместе с ними, — рассеянно отозвался Магнус, не спуская взгляда с быстро рассасывающейся толпы. — Грегори, — окликнул он младшего брата, — поищи Джеффри. Как он там?

Воздух над лесной поляной огласился громким щелчком. Джеффри, возникнув как бы ниоткуда, огляделся по сторонам и тут же увидел загашенные костры, обглоданные кости, тряпье, гниющие отгрызки овощей. Мальчик понял: здесь была последняя стоянка крестьянского отряда. В этом был определенный смысл: скорее всего именно это место было последним, запомнившимся самозванцу, и именно его он смог более или менее отчетливо представить, дабы сюда телепортироваться.

А мальчишка был, естественно, здесь. Он стоял посередине поляны спиной к Джеффри. Напуганный звуком, похожим на удар грома, он обернулся и в страхе уставился на своего двойника:

— Как ты узнал, где искать меня?

— Ну, — надменно отозвался Джеффри, — такое под силу любому чародею, который хоть что-то соображает в своем ремесле.

Мальчишка мертвенно побледнел. Но он был из тех, кто с перепугу лезет в драку. Подняв с земли толстую хворостину, он пошел на Джеффри.

Джеффри, издевательски хохоча, отступил в сторону, отпрыгнул и сам подобрал хворостину. В следующую же секунду мальчишка набросился на него, но Джеффри парировал его удар и ответил ему собственным. Самозванец с трудом сумел закрыться, но, сжав палку обеими руками, размахнулся.

Это было большой ошибкой с его стороны, поскольку бок его остался незащищенным. А Джеффри просто отскочил в сторону, и удар пришелся мимо, после чего он быстро вернулся на прежнее место и наградил мальчишку мет-

ким и сильным ударом в скулу. От удара тот пошатнулся и упал. Джеффри стоял и ждал, что самозванец поднимется, но он не поднялся.

Юному воителю стало не по себе. Каким бы он ни был храбрецом, ему еще ни разу не доводилось никого убивать. Только однажды он сильным ударом оглушил противника — но не насмерть же! Джеффри опасливо обошел своего поверженного противника по кругу, опустился на колени у головы мальчишки, протянул руку, чтобы потрогать его шею... Джеффри был готов к тому, что мальчишка в любое мгновение вскочит и вступит в поединок с ним, но тот лежал неподвижно, с закрытыми глазами. Нашупав сонную артерию, Джеффри убедился в том, что сердце самозванца бьется сильно и ровно, и со вздохом облегчения уселся на землю рядом с ним. Однако он тут же нахмурился. Что же, спрашивается, ему было делать теперь?

— Он сразился с самозванцем и победил его. Этот мальчик сейчас лежит без чувств, — сообщил Грегори. — Джеффри просит нас о помощи.

— И он ее получит, — откликнулся Магнус. — Сестрица, будь так добра, пролети мысленно над лесом и разыщи это место. А потом лети туда сама.

Магнус закрыл глаза и приступил к поискам брата, сосредоточившись на его мыслях.

— Нашла, — доложила Корделия. — Это в половине дня пути пешком на север, неподалеку от столбовой дороги. Там и встретимся.

С этими словами она оседлала метлу и взмыла в небо.

— Спасибо тебе, — проговорил Магнус, глядя ей вслед, сдвинул брови и послал мысленную весть: — Векс! К северу отсюда есть поляна, где крестьянский отряд прошлой ночью стоял лагерем! Не мог бы ты разыскать ее и встретиться там с нами?

— Могу, Магнус, — отозвался конь. — Не сомневаюсь, я найду эту поляну.

Магнус немного успокоился. Как быть с самозванцем? Принять решение было непросто, и потому следовало прислушаться к любым советам. Он повернулся к Грегори:

— Ну, малыш, теперь представь хорошенько эту полянку.

Братья закрыли глаза и увидели поляну глазами Джеффри. А уже секунду спустя в унисон прогремели два негромких громовых раската, и Магнус с Грегори увидели поляну уже собственными глазами.

— Вот и мы, — поприветствовал Джеффри Магнус.

— Как я рад вас видеть! — с чувством воскликнул Джеффри. — Скажите же, что нам с ним делать?

— Ну, первым делом нужно, чтобы Грегори получше его усыпил, — ответил Магнус и встал на колени рядом с лишившимся чувств самозванцем. Грегори последовал его примеру: уселся, скрестив ноги, и закрыл глаза. Магнус смотрел на лицо мальчика, так поразительно похожее на лицо его брата, прислушиваясь к его сознанию. Мальчик задышал глубже и медленнее.

— Он крепко спит, — тихонько сказал Грегори. — Теперь он поверит всему, что вы скажете, и ответит на любой вопрос.

Магнус только собрался задать первый вопрос, но осекся, потому что в это самое мгновение послышался негромкий шелест, и Корделия верхом на метле спикировала на поляну.

— Привет тебе, сестренка, — улыбнулся Магнус. — Ну вот, можешь его допросить.

Корделия опустила на колени около спящего мальчика и пробормотала:

— Ты мог бы и сам это сделать.

— Мог бы, — согласился Магнус. — Но у тебя лучше получится.

И это было лестью только отчасти.

А Корделия спорить не стала. Сдвинув брови, она уставилась на лицо спящего мальчишки и принялась общаться с его сознанием — бережно, осторожно прикасалась то тут, то там, задавала вопрос за вопросом. За несколько минут она узнала обо всей жизни мальчика — обо всем, что произошло с ним за семь лет. Ее братья также не спускали глаз с псевдо-Джеффри и слушали его мысли через посредство Корделии.

Их так увлекла жизнь этого мальчика, что они даже не заметили, как на поляну тихо вышел огромный черный конь.

Наконец Корделия со вздохом запрокинула голову:

— Вы сами все слышали. Ужасная история, ничего не скажешь.

— Да, — кивнул Грегори. Его широко открытые глаза стали испуганными и печальными. — Бедняга! Ни мамы, ни папы!

— Их убили зверолюди, — пробормотал Джеффри, и его взгляд наполнился сочувствием. — Да и он-то сам в живых остался случайно: зверолюди не заметили его, когда он спрятался под одеялом.

Магнус сокрушенно покачал головой.

— А те, кто растил его, были так холодны, так бесчувственны!

— Верно, — тихо проговорила Корделия. — И все же он любил их, потому что они о нем заботились.

— И поэтому он всегда стремился угодить им, — сказал Грегори. — И до сих пор старается.

Джеффри решительно покачал головой:

— Он им не изменит. Он всегда будет верно служить этим врагам нашего папы.

— Но как же это было жестоко: чтобы лекари изменили его лицо! — воскликнула Корделия. — Да не один раз, а трижды!

— И он стал моей точной копией, — мрачно произнес Джеффри, — напроць забыв о том, каков он на самом деле.

— У него отняли лицо, — негромко проговорил Магнус. — А вместе с лицом он утратил ощущение себя — настоящего себя. Но все же душу они у него отнять не смогли.

— А я так думаю: смогли бы — и душу бы отняли, — буркнул Джеффри.

— Хотя бы имя оставили, — прошептал Грегори.

— Брэн, — тихо произнес Джеффри имя мальчика, как бы пробуя его на вкус. — Странно... Лицо мое, а имя — чужое...

Грегори наклонился к Брэну. В глазах малыша стояли слезы.

— Давайте разбудим его, — воскликнул малыш. — Давайте расскажем ему о том, какие злые, какие плохие были те люди, которые его воспитали! Давайте упросим его пойти с нами, к нашим маме и папе, — пусть он живет рядом с теми, кто будет его любить!

Но Магнус удержал младшего брата и печально покачал головой:

— Ведь мы уже все поняли, Грегори. Толку не будет. Он ни за что не поверит в то, что его хозяева — злые люди. Он будет верен им.

— Но что же нам с ним делать? — в отчаянии спросил Джеффри.

Все молчали. Никто не желал отвечать на этот вопрос.

— Вам следовало бы убить его, — проговорил неведомо откуда взявшийся Пак и обвел взглядом детей. Они в ужасе усталились на эльфа.

— Это было бы разумно, — признал Векс. — Этот ребенок был взращен для того, чтобы занять место Джеффри и противостоять ему. Кроме того, ему забили голову убеждениями, в корне противоречащими твоим, Джеффри. Если

он вырастет, он станет твоим врагом. К тому же, взрослея, он может набраться силы и ловкости и, вероятно, сумеет победить тебя.

— Все именно так, как сказал ваш конь, — подтвердил Пак. — Прозорливый воин убил бы его.

Дети в страхе переглянулись. Даже у Джеффри взгляд стал тоскливым.

— Но вы не сделаете этого, и я этому очень рад, — заключил эльф. — Если бы вы убили спящего ребенка, ваши души очерствели бы настолько, что в них открылся бы доступ злу. Нет, вы сохраните ему жизнь, и повторяю: я этому несказанно рад.

Векс одобрительно кивнул:

— Убить его было бы благоразумно, но оставить его в живых — мудро.

— Но как же нам тогда с ним поступить? — оторопело вымолвила Корделия.

— Просто уйти и оставить его здесь, — ответил эльф. — А как иначе?

Все молчали.

Наконец Магнус медленно поднялся и отвернулся.

Через минуту встал и Джеффри. Он пробормотал:

— Проснешься тогда, когда уже будут не слышны наши шаги.

С этими словами он развернулся и пошел следом за Магнусом.

Поднялся и Грегори — расстроенный, сокрушенный, и устремился вдогонку за братьями.

Пак облегченно вздохнул и исчез в кустах.

Как только дети ушли с поляны, Джеффри мрачно проговорил:

— Не могу понять, что в этом такого мудрого, братец. Мы оставили его в живых, но ведь это означает, что мы сохранили жизнь ядовитому подколодному змею.

— Но ведь он сам ничего плохого не делал! — умоляюще проговорила Корделия. — Надо хотя бы позволить ему вырасти, братик!

— Верно, — кивнул Магнус. — На это имеет право любой ребенок.

— Что ж, как скажете, — проворчал Джеффри. — Но поверь мне, брат: этот человек нам еще сможет здорово подпортить жизнь, когда станет взрослым!

Магнус некоторое время молчал, а потом обратился к младшему брату:

— А ты что на это скажешь, Грегори?

— Джеффри прав, — отозвался малыш. — Нам нужно уже сейчас готовиться к войне.

15

Дети пробирались по лесу, непривычно молчаливые. Они никак не могли забыть о двойнике Джеффри.

Неожиданно около Корделии запорхала фея Осень.

— Вас тут спрашивают, — сообщила она.

Все четверо обернулись и недоуменно уставились на крошку-фею.

Наконец Корделия обрела дар речи.

— Меня? — осведомилась она.

— Всех вас. Этот человек с вас ростом, маленькая леди, и он пришел в лес один.

— Мальчик? — Магнус и Джеффри обменялись озадаченными взглядами. — Но кто бы мог нас разыскивать?

— А как его имя? — спросила у феи Корделия.

— Его зовут Алан, и он утверждает, что он — принц.

— Алан! — Корделия радостно хлопнула в ладоши, а мальчики разулыбались. — О,веди его сюда скорее!

Осень облегченно улыбнулась:

— Что ж, хорошо, что он вам знаком. Эльфы уже целый день невидимо сопровождают его к вам — ибо поначалу он искал вас в нескольких лигах отсюда, неподалеку от Раннимеда.

Дети, широко раскрыв глаза от удивления, переглянулись.

— Значит, он сам ушел из королевского дворца!

— Так оно и было, — подтвердила Осень. — Он сидел под сосной и кричал: «Колдовской Народец, на помощь!» Эльфы подобрались к нему поближе, увидели, что он — еще дитя, а потом показались и спросили: «Какая тебе нужна помощь?» И тогда он упросил эльфов, чтобы они отвели его к вам. Но они не захотели делать этого без вашего согласия: мало ли — а вдруг этот мальчик ваш враг?

— Да нет же, он — наш друг! Ну... хотя бы приятель. — (У детей чародеев друзей маловато.) — Ну, так ты приведешь его к нам?

— Конечно, раз вы просите, — ответила Осень и упорхала прочь. За ней молча последовала Лето.

— Опасно принцу разгуливать в одиночестве, — нахмурившись, покачал головой Магнус. — Разве он не понимает, что враги его отца могут схватить его и сделать заложником, дабы грозить королю?

— Алан ни о чем таком наверняка не думает, — довольно-таки уверенно заявил Джеффри. Они с принцем частенько устраивали дружеские потасовки, и потому он знал характер Алана лучше других.

— Но уж его телохранители должны хорошо это понимать! Неужели они позволили ему уйти одному?!

Джеффри ухмыльнулся:

— Вот в этом я очень сильно сомневаюсь.

Никто из детей и не подумал изумиться из-за того, что Алан разыскивал их. В конце концов, с кем еще он мог поиграть? Ведь его братик был еще младше Грегори.

* * *

Мальчик вышел из-за развесистого дуба. Он шел за двумя феями, а те порхали перед ним. На голове у мальчика была плоская круглая шапочка, кожаные штаны были заправлены в сапожки, под простым дорожным темно-зеленым плащом сверкал парчовый жилет и белела шелковая рубаша.

— Алан! — воскликнула Корделия.

Принц взгляделся вперед, увидел девочку, и его лицо озарилось улыбкой. Он бегом бросился навстречу своим знакомцам. Феи поспешно улетели в сторонку. Алан порывисто обнял Корделию.

— Как я рад вас видеть! — вскричал он, отстранился и горячо пожал руку Магнуса. Джеффри приветственно и чуть шутливо ударил принца по плечу. Алан ответил ему боковым ударом слева, и Джеффри повалился на землю, проворно вскочил и бросился к принцу, сжав кулаки и весело усмехаясь. Но Магнус встал между мальчиками.

— Не надо! — строго проговорил он.

— Так это же мы так, по-дружески! — обиженно возразил Джеффри.

— Верно, — подтвердил Алан. — А как же еще могут приветствовать друг дружку двое воинов?

— Подняв забрала и отвесив друг другу учтивые поклоны! А обмен ударами только раззадоривает и портит дружбу!

Джеффри недовольно фыркнул. Магнус свирепо зыркнул на него.

Грегори потянул Алана за руку.

— А где Диармид? — спросил он.

— Он дома, с мамой, — ответил принц. — Отец и мне велел оставаться с нею, но я не мог утерпеть.

— Понятное дело, — сочувственно проговорил Джеффри. — Как тут утерпеть, когда назревает сражение.

— О да! Если бы не это, я бы ни за что не послушался отца!

— Верно. Ведь он не только твой отец, он еще и твой государь, — согласно кивнул Магнус. — Что же заставило тебя не выполнить его приказ?

— Да, и почему ты нас разыскивал? — подхватил Джеффри. — Вряд ли сейчас время для игр.

— Верно, не время, — согласился Алан. — Просто я не знал, к кому еще обратиться. Я очень боюсь за отца.

Он вдруг стал очень серьезным, даже печальным. И, несмотря на то, что в позе его ничего не изменилось, дети вдруг почувствовали: перед ними — принц, а не просто их товарищ по детским забавам.

— Мы тебе мало чем можем помочь, — негромко проговорил Магнус. — В конце концов, мы — не наши родители.

— Однако все, на что мы способны, — к твоим услугам! — горячо воскликнул Джеффри. — Что стряслось, ваше высочество? Что угрожает твоему отцу?

Алан обвел взглядом своих друзей, и взгляд его наполнился искренней благодарностью. Он ответил:

— Бароны учинили переполох. Они ополчились друг против друга, начали драться, совсем как подвыпившие сервы в праздничный день. Вот отец и выступил в поход, дабы разогнать их по домам поодиночке.

Джеффри нахмурился, а Магнус спросил:

— И что же, герцоги не могут призвать их к порядку?

Алан сокрушенно покачал головой:

— Мне так кажется, что герцоги решили поглядеть, не справятся ли с королем их вассалы, чтобы затем, в случае чего, подтянуть и свои войска.

— А как же их сыновья? — спросил Джеффри. — Твой отец по-прежнему держит наследников двенадцати верховных лордов в заложниках?

Алан брезгливо наморщил нос:

— Держать-то он их держит, но должен вам сказать, что ни — весьма неприятные пленники. То и дело глушат эль, а пристаю́т к девушкам-подавальщицам, да еще и ссорят-ся между собой.

Дети молча, понимающе кивнули. Они уже давно уяснили, что, кроме них, Алану не с кем отвести душу.

— Что ж, — рассудительно проговорил Джеффри. — Если ак, то герцоги поступают благоразумно, но не мудро.

— Точно, — согласился Алан. — Для них все, что происходит сейчас, — возможность снова завоевать до-ерие отца. Ведь несколько лет назад они взбунтовались воевали с ним. Это было тринадцать лет назад, — уточ-ил принц. — Однако они вряд ли воспользуются этой озможностью. Отец не станет доверять им больше, чем еперь, когда победит. — Алан помрачнел, и дети пре-расно поняли, о чем он думает, даже не читая его мыс-ей. «Если победит» — вот о чем думал принц.

— Но не может быть никаких сомнений в том, что твой тец победит! — пылко воскликнул Джеффри. — Кто ему ротивостоит? Всего лишь какие-то графы! Королю во главе обственнoго войска ничего не стоит с ними разделаться!

— Это верно, — не стал спорить Алан. — Но ведь сей-ас не только графы безобразничают. Какой-то шериф сму-аает народ.

Дети примолкли.

Магнус, сдвинув брови, проговорил:

— И что? Шериф не опаснее любого из графов.

— Этот может оказаться и опаснее, — возразил принц. — Ему удалось собрать немалое войско всего за пару дней.

Джеффри посмотрел на Магнуса:

— Как раз за то время, как исчезли наши родители.

Алан шире раскрыл глаза:

— Я слышал, что ваших родителей похитили, и это ужасно горчи́ло их величества. Но скажите, как вышло, что и вы оже слышали об этом шерифе?

— Нам повстречалась одна крестьянка — девушка, которая морочила голову парню. Довела его до того, что он ушел, чтобы вступить в войско шерифа, — объяснил Магнус.

— Ага, и она чуть было Магнуса и Джеффри не уговорила тоже в это войско вступить, — робко вставил Грегори.

Джеффри покраснел и уже замахнулся, чтобы отвесить младшенькому подзатыльник, но Корделия схватила его за руку.

— Точно, — подтвердила она. — Они оба были готовы с превеликой радостью последовать за нею!

— Хвала Небесам, что они этого не сделали! — воскликнул Алан, сильно побледнев при одной только мысли о том, насколько бы упрочилась мощь войска шерифа, оказись на его стороне еще и Джеффри с Магнусом.

— Ты лучше Пака похвали, — посоветовала принцу Корделия. — Это он развеял напущенные колдуньей чары. А она точно была колдунья. — Девочка обернулась к братьям. — И не надо на меня так сердито глядеть. Не стоит стыдиться того, что вас заколдовали!

— Стоит, — смущенно отозвался Магнус и обратился к Алану: — Я так думаю, что толпа крестьян вряд ли окажет достойное сопротивление твоему отцу. Они плохо обучены и не подготовлены к войне.

— Но они уже сразились с тремя графами и одолели их, — возразил Алан. — И многие воины из числа побежденных с радостью перешли на сторону шерифа. Нет, теперь его войско числом сравнялось с армией моего отца, хоть воины его и вправду не так хорошо обучены боевому искусству.

— Да и полководец из шерифа навряд ли такой уж хороший! — с пылом воскликнул Джеффри, и в этом не было ни капельки лести: король Туан действительно был непревзойденным воителем.

— Благодарю тебя, — учтиво кивнув Джеффри, ото- звался Алан. — И, честно говоря, я бы так сильно не пере- живал, если бы дело было только в шерифе... Но к войску отца с тыла подошла армия, составленная из воинов пяте- рых графов.

Джеффри насупился:

— А странно, что эти пятеро объединились: ведь они только что воевали друг с дружкой.

— И верно, — согласился Алан. — Но я слышал, как папа говорил, что многие из дворян нынче наняли себе сенешалей, которые ему не по сердцу. Наверное, эти сене- шали и подговорили графов.

Братья и сестра обменялись взглядами.

— Это почти наверняка негодяи из ИДИОТа, про ко- торых нам рассказывал папа, — послышалась мысль Маг- нуса.

— Верно. Вот только он не знал, что они явились сюда под видом сенешалей, — уточнил Джеффри.

— А может, знал, да нам не сказал, — добавил Грегори.

На миг все четверо соединились в мысли о том, как это возмутительно, что отец не просветил их относительно пос- ледних событий в жизни королевства.

А потом Джеффри обратился к Алану:

— И все же эти пятеро графов — не слишком большая сила, если только они не атакуют все вместе, да и то — в то самое время, когда твой отец будет сражаться с шерифом.

— Так и есть, — согласился принц. — Но как раз этого- то я и боюсь.

Грегори кивнул:

— Ведь король, если на то пошло, стоит на пути и у тех, и у других. Если он будет побежден, каждый из графов сможет расширять свои земли, ничего не боясь и ни на кого не оглядываясь.

— Кроме герцогов, — мрачно добавил Алан. — А если папа... — Он сглотнул подступивший к горлу ком. — Если

папы не станет, то верховные лорды, пожалуй, быстренько поставят своих вассалов на места.

— Ага, а потом так же быстренько ополчатся друг против друга, — нахмурившись, проговорил Магнус. — И в стране настанет сущий хаос.

— Покуда они будут биться между собой, шериф наверняка станет служить им так же, как служил бы королю, — продолжал размышлять Джеффри. Он кисло усмехнулся. — Будет сражаться с одним из герцогов или князей, в то время как другой будет атаковать с тыла. И к тому времени, как герцоги решат объединиться и выступить против него, его войско уже станет слишком велико, и одолеть его будет очень трудно.

— Глупцы! — в сердцах вскричал Магнус. — Разве они не видят, что, помогая ему теперь, они обрекают себя на то, что потом будут перебиты поодиночке?

Алан вытарашил глаза:

— Думаешь, он жаждет воссесть на престоле?

— Не думаю. Я уверен в этом.

— Но как он может? — запротестовал Алан. — Он ведь простолюдин, не из дворянского рода!

— Это его не остановит, — покачал головой Магнус. — Нет — таких, как он, отсутствие благородного происхождения только подстегивает, только больше разжигает в них жажду власти!

Алан прищурился, помрачнел:

— Если так, то этого мерзавца следует пытаться на дыбе и четвертовать!

Магнус кивнул:

— Такой, как он, приведет нашу страну к полному разорению. Как только он захватит престол, против него выступят бароны: ведь они ни за что с этим не смирятся, поскольку в жилах этого человека не течет королевская кровь!

— И никто не станет чтить его и поклоняться, — подхватила Корделия, — потому что любой простолюдин станет рассуждать так: «Он такой же низкородный, как я, а оссел на престоле. Почему бы и мне не попробовать сделать то же самое?» И один за другим люди будут бунтовать и восставать против него.

— И в стране будет одна нескончаемая война, — провозгласил Алан. — Мир не наступит никогда.

— А как раз этого и хотят господа, повелевающие этим шерифом, — тихонько проговорил Грегори.

Алан вытаращил глаза:

— Что ты сказал? Как это? У этого мерзавца есть повелитель?

Дети Верховного Чародея переглянулись.

— Мы точно не знаем... — уклончиво произнес Магнус.

— Но явно что-то подозреваете! Нет, скажите мне! Скрытие таких важных сведений равно измене!

— Неизвестно, верна ли наша догадка, — вздохнул Магнус. — Но мы так думаем, что этот шериф — ставленник тапичных врагов, которые мечтают о том, чтобы в Грамере оцарился хаос.

Алан нахмурился:

— А мой отец никогда о таком не говорил.

— Может быть, наш папа ему об этом не рассказывал, — объяснила Корделия. — Он не любит говорить о чем-нибудь, пока сам не уверится окончательно.

— Я бы не сказал, что это является достоверным отражением истинного положения вещей, — возразил Векс, но кроме детей Верховного Чародея его никто не услышал.

Алан покачал головой:

— Ему бы не следовало скрывать такие подозрения, однако я понимаю его: мой отец рассказал бы обо всем моей маме, она бы всполошилась... Она всегда сильно переживает из-за разных бед, которые могут случиться, да не слу-

— Однако теперь беда случилась, — заметил Джеффри, — а мы точно знаем, что у папы есть и другие враги — те, которые мечтают заполучить престол твоих родителей и править Грамераем жестоко и несправедливо.

Алан, не мигая, уставился на Джеффри:

— Наверняка уж об этом-то ваш отец говорил их величествам! Он должен был им сказать!

— Может быть, и говорил, — поспешно вмешался Магнус, — но твой отец не счел нужным рассказать об этом тебе. Ведь и мы, и ты еще слишком малы.

— Наверное, — буркнул Алан, но было видно, как нестерпима для него эта мысль.

— Но кое-что непонятно, — вступила в разговор Корделия. — Разве мы не слышали собственными ушами, как один из тех людей, что были в доме, говорил, будто бы шериф — один из их вассалов?

Дети уставились друг на дружку.

Грегори кивнул:

— Верно. Так они и говорили.

— Если быть точными до конца, — встрял Векс, — они этого не говорили: Корделия прочла это в сознании их предводителя и передала буквально следующими словами: «Их мысли перескочили на шерифа. Он много лет служил им, и они сказали ему, что он в точности должен делать, когда предоставится такая возможность».

Дети не удивились: они отлично знали, какая превосходная у Векса память. Робот всегда все запоминал до мельчайших подробностей, и именно поэтому отец порой призывал Векса в свидетели, когда вспыхивали семейные ссоры.

Алан нахмурился:

— Но как же такое может быть? Не вы ли только что говорили мне о том, что шерифа поддерживают люди, которые вовсе не жаждут власти?

— Мы, — кивнул Магнус. — Мы так и думали. А что же теперь получается, ребята? Как один и тот же человек может стоять и за тех, и за других?

— О, всего-навсего так: сам он ни за тех, ни за других!

— Точно! — пылко подхватил Алан. — Он ведет двойную игру и натравливает одних на других!

Джеффри, яростно сверкая глазами, кивнул:

— Они-то, дураки, думают, что используют его, а на самом деле это он пытается использовать их. Он не отказывается от поддержки и той, и другой стороны, но вынашивает тайные замыслы, как и тех, и других при возможности уничтожить на корню, как только он захватит власть!

— Ну, верно! — воскликнула Корделия. — Тех, которые тараются насадить беспорядки и хаос, ему провести довольно просто: им он представляется всего-навсего тупицей, рвущимся к власти, добытой в боях. Но жажда власти него так велика, что он готов обвести вокруг пальца и их, кто мечтает взять нашу страну в ежовые рукавицы!

— Но на самом деле, — подытожил Магнус, — он хочет одного: захватить престол, а не просто власть. И ради этого он готов не только честно драться, но и обманывать.

Алан весь дрожал:

— Боюсь, ты только что сказал о том, какими должны быть короли. Но... очень злые короли!

— Этот подлец королем не станет, — решительно заявил Джеффри. — Ни злым, ни добрым. Никаким.

А Грегори тихонечко спросил:

— Значит, мы нашли самого-самого гадкого из плохих ядек?

16

Надо повернуть налево.

Магнус остановился. Единорог Корделии, который появился как раз тогда, когда стал нужен девочке, замер, не селяя подходить близко ни к одному из мальчиков. Векс стал рядом с Магнусом, а тот хмуро глянул на принца:

— Почему, Алан?

Алан, сдвинув брови, глянул на него и пожал плечами:

— Не имеет значения. Я принц, и раз я так сказал, то все должны повернуть налево.

— Но может быть, это не лучший путь, — робко заметил Грегори.

— Тише ты, маленький! — нетерпеливо буркнул Алан. — Если принц сказал — значит этот путь и есть самый лучший.

— Но может быть, для начала стоит узнать, куда ведет эта тропа? — предложила Корделия.

— Да зачем же? Я — принц!

Джеффри это надоело.

— Я скажу тебе честно и откровенно, ваше высочество: ты нам пока не командир и слушаться тебя мы не станем!

Алан в гневе развернулся к нему:

— Ты обязан повиноваться персоне королевской крови!

— Повиноваться — да. Слушаться — нет.

Алан замахнулся кулаком, но Магнус поймал его за руку:

— А ну-ка, уймись, оба! Драки нам только не хватало! Алан, когда ты станешь взрослым, я буду исполнять твои приказы, и с радостью. Но сейчас старший здесь я, и возраст главное, чем титул.

— Но я же принц!

— А я — Пак! — пробасил вездесущий эльф. — Верховный Чародей и его благоверная женоушка велели мне присматривать за этими детишками, пока их самих нету дома, и я исполняю их повеление. Так что ежели желаете странствовать с нами — милости прошу, но старших будете слушаться!

Алан покраснел, потупился и принялся ковырять землю носком сапога.

— Даже Робин не разрешает нам спорить, если не знает, что лежит по дороге в ту или другую сторону, — рассудительно проговорила Корделия.

Алан благодарно посмотрел на девочку, и выражение его лица смягчилось. Оно стало почти глупым.

Заметив это, Джеффри язвительно усмехнулся:

— Ага! Девчонку ты готов послушаться? К ее словам ты, значит, готов прислушаться?

Алан сжал кулаки и был готов снова наброситься на Джеффри.

— Главное, чтобы ты не прислушивался к словам моего братца, — негромко проговорил Магнус.

Алан удивленно глянул на него, но тут же улыбнулся, и его глаза засверкали.

— Ты прав, как всегда, Магнус!

Джеффри сердито насупился, но как раз в это мгновение со стороны той тропки, что уводила влево, прилетели Лето и Осень и покачали головками.

— На этой дороге, — сообщили феи, — нет ничего, кроме хижины дровосека.

Пак нахмурился:

— И далеко ли вы разведали путь?

— До самого конца. Пожалуй, около лиги пролетели.

Пак пожал плечами:

— Будем надеяться, что Келли удалось хоть что-нибудь разнюхать.

Зашуршала палая листва, и над ней возникла зеленая шапочка, а под шапочкой — лепрехун.

— Привет тебе! — торопливо прокричал Пак. — Ну, докладывай! Что видел?

— Ну так... — пожав плечами, отвечал Келли. — Войско видел, другое, третье...

— Ну, началось, — вздохнул Магнус, а Пак потребовал от лепрехуна более точного ответа:

— Чьи войска?

— Одно — шерифово, — с усмешкой отозвался Келли. — По крайней мере я так подумал, что это его войско. Никаких тебе флагов с гербами, воины все без мун-

диров. Нет, наверное это он. Лошади здоровенные, толстоногие — ну, считай, только-только с пахоты. Рыцарь на такую не сядет.

— А другие войска какие? — с нескрываемым любопытством поинтересовался Джеффри.

— Еще одно — королевское. Оно пока по другую сторону холма, и от шерифа его отделяет пшеничное поле.

— Скоро он станет полем битвы, — пробормотал Джеффри.

— А позади течет река, но ее пересекают сразу два брода, и на другом берегу стоит войско пятерых графов. У каждого из них не более полудюжины конных рыцарей да по несколько сотен пеших воинов, но все вместе они — большая сила.

— Если они и вправду будут биться все вместе, — добавил Джеффри.

— Все верно. — Пак повернулся к Алану. — Так... Впереди много врагов. Можно считать, мы их нашли. Теперь всем вам грозит большая опасность, а мы не вправе рисковать жизнью наследника престола. Вы отправитесь домой, ваше высочество! — Пак перевел взгляд на Келли. — А ты будешь сопровождать принца и оберегать его!

— Нет! — в отчаянии вскричал Алан.

— Нет, негодяй ты эдакий, разбойник! — возмутился Келли. — Няньку из меня решил сделать?!

— Я — не ребенок! — возмутился Алан.

— Ну да, вам уже целых девять лет! Но вы — наследник королевского престола!

— А у меня дома еще есть младший брат! — в отчаянии крикнул принц.

— Решать, можете вы рисковать или нет, вашему отцу — но не мне!

— Он никогда не разрешит!

— Разрешит, когда сочтет, что вы — достаточно взрослый и сильный воин. Но с этим придется подождать, пока вам не исполнится хотя бы шестнадцать лет.

— Это же значит... еще целых семь лет ждать! — простонал Алан.

— Вот и радуйтесь, пока можно, ваше высочество, — от души пожелал ему Пак. — А уж я позабочусь, чтобы вы дожили до этого времени. А теперь ступайте туда, где вы будете в безопасности!

— А они куда пойдут? — спросил Алан, указав на Гэллоглассов.

— Они пойдут со мной, ибо они вверены моим заботам. Сейчас с ними нет родителей, чтобы они отправили их домой. Не волнуйтесь: им ничто не будет грозить — как и вам.

— О нет! — горячо возразил Джеффри, а Алан прокричал:

— Это несправедливо!

— Да, несправедливо. Но милосердно. Ну все, ступайте к вашей матушке!

— Я его не поведу! — взвыл Келли. — Мое место здесь, с детьми чародея!

— Твое место там, куда пошлю тебя я — хобгоблин! Что ты себе позволяешь, эльф? Ты что же, готов послушаться короля эльфов?

— Его тут нету, — буркнул Келли.

— Нету, но именно он препоручил мне этих детей, и потому изволь исполнять мой приказ: наследник престола должен отправиться к своей венценосной матери в сопровождении того, кто обережет его от всяческих опасностей!

— Это ты говоришь, а не король эльфов, — проворчал Келли, но было видно, что он почти сдался.

— Хочешь, чтобы я к нему обратился? Но ты до него так же скоро доберешься. Что это такое для двоих эльфов? Несколько минут, и все дела.

Келли только молча зыркнул на Пака.

Пак, свирепо подбоченившись, выдержал его взгляд.

Наконец Келли не стерпел:

— Ну ладно, ладно, чего там! Как скажешь, так и будет.

Пак улыбнулся:

— Молодец! Храбрый эльф! — И он развернулся к Алану: — Ну а вы, ваше высочество, проявите столь же похвальное поведение?

— Что же похвального в отступлении? — возмутился принц. — Ты хочешь, чтобы я убегал от опасности?

— Да. Покуда не станете взрослым. Что же — мне все-таки позвать сюда его эльфийское величество, чтобы он и вам приказ отдал?

— Он не имеет права! Я — принц Грамерая!

— А он — король, который имеет право повелевать принцами, могущество его принадлежит только ему, оно в нем самом, а не в его войске. Так пойдете вы домой или желаете, чтобы вас посадили на листок кувшинки?

— Нечего меня пугать! — храбро огрызнулся Алан, но уверенности в его словах не прозвучало. — Только попробуй что-нибудь такое сотворить — и ты ответишь перед моим отцом за вред, причиненный наследнику престола!

Пак побагровел, и голос его стал убийственно спокойным.

— Вы пойдете домой, — еще раз осведомился он, — или мне стоит послать весточку королеве?

— Мама в пятидесяти милях отсюда! — прокричал Алан.

— Верно. А ваш батюшка — в полулиге. И его ремень — тоже.

Алан еще пару мгновений злобно смотрел на Пака, но в конце концов не выдержал и горько, беспомощно вздохнул:

— Ну, хорошо. Я пойду.

Пак сдержанно, не выказывая радости и превосходства, кивнул, обернулся к Келли и распорядился:

— Веди же его, эльф. И гляди: чтобы к утру он был оставлен к своей матери!

Когда темнота окутала лесную поляну, Пак бесшумно подошел к спящим детям, принялся шевелить их и бормотать:

— Просыпайтесь. Луна взошла, и вам пора вставать.

Один за другим дети начали подниматься, потягиваться и зевать.

— А я бы всю ночь мог проспать, — со вздохом признался Джеффри.

— Ну и спи, — буркнул Магнус. — Мы с Паком сами управимся с этим шерифом.

— Нет-нет, — торопливо пробормотал Джеффри. — Я уже проснулся.

Корделия лежала, положив голову на бок единорога. Но вот и она села, сонно моргая и глядя по головке прижавшегося к ней Грегори. Пришлось и малышу проснуться, но как только он приподнялся, глаза его снова сами собой закрылись.

— Постарайся разбудить его, — посоветовал Пак девочке. — К нашему возвращению и ты, и он должны быть готовы к тому, чтобы сразу же тронуться в путь.

Корделия поцеловала Грегори в лоб и легонько потормошила его, приговаривая:

— Ну, просыпайся же, малыш! — Джеффри открыл глаза, посмотрел на сестру, и его веки опять сомкнулись, да и веки самой Корделии — тоже. — Она покачала головой, но пообещала Паку: — Когда вы вернетесь, он уже не будет спать.

Пак кивнул и сказал:

— Ну, оставайтесь тут. Вы будете в безопасности: феи приглядят за вами. — Обернувшись к Магнусу и Джеффри, он добавил: — Пошли. Я уже побывал около шатра шерифа, и мне пришлось долго ждать, пока он не перестал чи-

тать и перечитывать множество свитков пергамента и улегся спать. Но теперь он уснул, а я еще и сделал его сон более крепким с помощью хитрого заклинания.

Магнус кивнул.

— В путь, — проговорил он решительно.

Пак взял мальчиков за руки и кивнул. Все трое одновременно исчезли без следа. Только воздух как бы ухнул и сомкнулся на том месте, где они только что были.

На страже около шатра шерифа стояли двое молодых людей. Один из них был опытным бойцом, и уже несколько лет состоял в вооруженном отряде при шерифе, а другой — новобранцем-пастухом. Он во все глаза наблюдал за своим напарником, стараясь во всем ему подражать, и вилы держал точно так же, как воин — пику.

Внутри шатра неожиданно послышался хлопок, наподобие негромкого взрыва. Оба стражника развернулись и вытаращили глаза. Затем до них донесся крик шерифа и еще один взрыв — примерно такой же, как первый. Стражники испуганно переглянулись и, отталкивая друг друга, попытались одновременно войти в шатер.

Ворвавшись туда и держа оружие наготове, они в тревоге огляделись по сторонам.

— Полотнище на входе приоткрой, — распорядился ветеран.

Пастух развернулся и рывком поднял лоскут ткани. Внутрь шатра хлынул лунный свет, и стало хорошо видно, что лежанка шерифа пуста.

На лесной поляне со звуком, напоминающим раскат грома, появились двое мальчиков, крепко державших взрослого мужчину поперек живота. Как только ноги мужчины коснулись земли, он проворно выпрямился и оттолкнул мальчиков:

— Колдовство! Злобные карлики, кто вам...

Он вдруг умолк, уставившись на человечка, стоявшего перед ним и ростом едва доходившего ему до колена. При этом вид у человечка был самый что ни на есть су-овый.

— О ты, который приколотил Холодное Железо ко всем верям в округе и который никогда не оставлял молока для рауни! — процедил сквозь зубы эльф. — Знай, что перед збой стоит сам Пак, собственной персоной.

Шериф оторопел. Не дав ему опомниться, Корделия, ритавшаяся в ночной тени, устремила взгляд на забывременно припрятанную в траве крепкую палку. Палка змыла в воздух и ударила шерифа по макушке. Он рухнул а землю как подкошенный.

Шериф очнулся, кривясь от жуткой боли в голове. Он опробовал сесть, но не смог поднять руки, чтобы опетаться о землю. В ужасе он заметался, пытаясь пошевелить уками и ногами, но обнаружил, что они крепко-накрепко вязаны. Тяжело дыша и вытаращив глаза, шериф оглядел-я по сторонам и увидел четверых детей, мал-мала меньше, оторые не спускали с него глаз. Позади детей шевельнул-я какой-то черный силуэт, и, приглядевшись получше, ше-иф обнаружил в темноте здорового боевого коня с го-ящими глазами. По спине у шерифа побежали мурашки. а потом рядом с конем в круге лунного света возник кто-о еще, и шериф увидел серебристую голову, увенчанную линным прямым рогом, рог этот, что неприятно, был на-тавлен на него. У шерифа препротивно засосало под ло-сечкой.

— Опусти глаза, — приказал кто-то хрипловатым баском.

Шериф так и сделал и чуть не похолодел от ужаса. Впе-еди детей стоял эльф ростом в полтора фута, с налитыми ровью глазами.

— Почти за великую честь, — посоветовал ему эльф. — Темногим смертным довелось повидать Пака.

Шериф лежал неподвижно, тяжело дыша. Он всеми силами старался взять себя в руки и собраться с мыслями.

— Я знаю тебя, — продолжал Пак сурово. — Ты — Реджинальд, сын Турко, который служил сквайром у сэра Бартолема. И ты тоже называешь себя сквайром, хотя не имеешь на то никакого права, ибо никогда в жизни не был оруженосцем ни одного из рыцарей и не ухаживал за его лошадью.

Мальчик, что был повыше самого маленького, но ниже самого высокого, при этих словах эльфа вздрогнул и устремил на шерифа взгляд, полный неподдельного возмущения.

Шериф кивнул, стараясь заставить себя дышать медленнее. Сглотнув подступивший к горлу ком, он проговорил:

— Да. — Снова сглотнул и вымолвил: — Значит, Колдовской Народец все-таки есть.

— Есть, и он такой же настоящий, как ты. Вот только ума у нас поболее, — с насмешкой заметил Пак. — Мы не привыкли похвастаться ни перед мужчинами, не перед женщинами своей доблестью.

Реджинальд помрачнел как туча. Но он радовался тому, что в его сердце закипает злость, — это помогало ему прийти в себя.

Пак кивком указал на стоявших у него за спиной детей и сказал:

— Вижу я по твоим глазам, что ты так думаешь, будто их опасаться не стоит. Если ты так думаешь, то ты большой олух, доложу я тебе. Это дети Верховного Чародея, да будет тебе известно!

Реджинальд окаменел и обвел лица детей затравленным взглядом.

Пак довольно кивнул:

— Вот-вот, у тебя есть все причины опасаться их. Они не пощадят человека, который украл их родителей.

— Я этого не делал! — вскричал Реджинальд. — Кто вам только мог такое сказать про меня? Это наглая ложь!

В некотором роде так оно и было: он ведь только поговорил с этими странными тощими стариками, у которых еще глаза так странно горели. Ну да, он сказал им, что король Туан — тиран, а также и герцог Тюдор и даже граф Глинн. Говорил он и о том, что всех господ почитает тиранами и деспотами, и поклялся в том, что мечта всей его жизни — покончить с ними, чтобы люди жили свободно, сами по себе, чтобы никто их не угнетал. А старики улыбались, сверкали глазами, а потом пообещали ему, что помогут, чем сумеют, потому что они как-никак чародеи и владеют таким могущественным колдовством, какое недоступно большинству ведьм и колдунов.

Вот тогда он и попросил их похитить Верховного Чародея и его жену.

Вот такие мысли вихрем промелькнули в голове у шерифа, покуда он молча смотрел на эльфа, позади которого стояли четверо детей Верховного Чародея, а лица у этих детей становились все мрачнее и мрачнее с каждым мгновением. Да... Слишком малого он попросил у тех страшных стариков. Надо было попросить их, чтобы они и этих детишек тоже похитили...

Однако шериф постарался, чтобы его мысли никак не отразились на лице.

— Я не крал Верховного Чародея! — упрямо повторил он.

Но дети ему не поверили. Это было видно по их взглядам. С упавшим сердцем шериф вспомнил о том, что они — чародеи и волшебница, а стало быть, способны слышать чужие мысли.

— Это неправда! — выкрикнул он, но эльф только сказал:

— Мы уже знаем все, о чем ты только что думал. Но кто вложил тебе в голову эти мысли о завоеваниях? Другие

чародеи, одетые, как крестьяне, которые разгуливают по округе и морочат головы простым людям, говорят им про то, как им плохо живется? Или ты сам до этого додумался?

— Нет! Все неправда! — вскричал Реджинальд. — Я всего лишь желал добиться мира и спокойствия в своем уделе! А когда я узнал о том, что во владениях герцога Тюдора кишмя кишат разбойники, я выступил против них! — Он отчаянно старался думать о тех обшарпанных оборванцах, что как-то раз явились к нему в ту пору, когда он и вправду стремился только к тому, чтобы наводить в округе порядок. Тогда это было совсем нетрудно: возмутителями спокойствия бывали когда мелкий воришка, а когда — перебравший под праздник пахарь. Но и этого хватало, чтобы король платил шерифу серебром и позволял жить в хорошем, крепком каменном доме. Но эти фальшивые крестьяне с горящими очами убедили его в том, что он сможет иметь больше — намного больше: все герцогство, а может — и все королевство! И они были правы: это оказалось возможно, потому что теперь у него образовалось огромное войско, и вдобавок к его услугам было магическое оружие, коим его снабдили эти самые чародеи! С помощью этих глупцов, графов, шериф мог одолеть самого короля! А если точнее, с помощью других чародеев — тех самых, которые утверждали, что им вообще ничего не надо и что они смогут подговорить нескольких графов напасть на короля с тыла. На миг шерифу стало не по себе — а что, если чародеям и графам это не удастся? Что, если он даст бой войску короля и окажется в одиночестве?

Но потом он отбросил страх. Бояться было нечего. Чародеи клятвенно заверили его в том, что он одержит победу, — и те, что были переодеты крестьянами, и другие, злые, тоже.

— Королю поможет Колдовской Народец, — процедил сквозь зубы Пак. — На его стороне — могущество королевских чародеев и волшебниц. И даже эти малолетние чаро-

деи сильны, не забывай об этом. Поверь мне: если ты сразишься с войском его величества, ты проиграешь.

На миг Реджинальда охватила паника. Не мог ли эльф говорить правду? И все же он не поддался страху. Этот гоблин, или как его там, просто старался запугать его, лишить его уверенности! Но Реджинальд не поддастся. Реджинальд сразится с королем и победит его! Но потом он ни за что не примет титула «диктатора», как о том просили его чародеи, переодетые крестьянами. Не станет он и насаждать предложенную ими сеть чиновников, чтобы те приглядывали за людьми с утра до ночи. Не желал шериф и продолжать сражаться с дворянами, дабы убить их всех до единого, позволив всему народу взбунтоваться, — а ведь как раз так подговаривали его другие чародеи, те, что были злобными. Нет, он хотел одного: королевской короны.

— Ты желаешь основать собственную династию, — пристально глядя в глаза шерифа, проговорил Пак, а Реджинальду показалось, что эльф смотрит прямо ему в душу. — Ты мечтаешь породить сыновей, которым достанется королевский титул после твоей смерти.

— Нет! — возопил Реджинальд. — Ни слова правды!

Но правда в этом была, и не в одном слове, а во всех, во всех словах до единого...

Пак взглянул на детей:

— Вы все слышали его мысли. Он желает править страной. Но для этого у него не хватит ни ума, ни силы. — Он перевел взгляд на шерифа. — Все закончится тем, что ты будешь на побегушках у злобных чародеев, ибо из таких амбиций, какие владеют тобой, рождается анархия, безвластие.

Шериф не спускал глаз с Пака. Он понял, что дети и эльф слышали даже те мысли, которые он так старался скрыть. С упавшим сердцем он увидел во взглядах детей свою страшную участь.

— Как мы поступим с ним? — сурово спросил Магнус.

Но тут его кто-то сильно ударил по лицу, и прямо перед его глазами возникло лезвие ножа.

— Стоять! Ни с места! —дохнув на мальчика чесночным духом, прокричал злодей. — Ах ты, колдовское отродье!

Магнус, скосив глаза вправо, увидел, что другой солдат схватил Корделию и приставил к ее животу меч, а третий поднял Грегори и держит его над головой. Магнусу стало так страшно за младшего брата, что он не утерпел и воспользовался приемом Лонтара — направил на воина, державшего Грегори, всю силу своей злости. Тот взвыл от страшной боли, выпустил малыша, схватился за голову. Мальчик плавно и легко, как перышко, опустился на землю.

Джеффри извивался и лягался, как мог, но его крепко держал четвертый солдат. Неожиданно от земли оторвался острый камень, подлетел ко второму солдату и пребольно стукнул его по лбу. Солдат выругался, пошатнулся, выронил меч. Корделия, не долго думая, побежала к тому воину, что держал Магнуса.

— Стой! — прокричал тот. — Еще шаг — и твой братец ослепнет!

Дети замерли.

Солдаты глядели на них злобно, но с опаской. И тут прозвучал приказ сержанта, и на поляну выбежали крестьяне и наставили на детей вилы.

Шериф довольно ухмыльнулся.

— Молодчина Бардольф! — похвалил он сержанта. — А теперь, Гарольд, развяжи-ка меня!

Один из воинов бросился к шерифу и быстро перерезал веревки, которыми был связан его командир. Шериф приподнялся, сел и растер затекшие запястья. Затем он ухватился за руку Гарольда и поднялся на ноги.

— Как они нашли нас? — подумал Джеффри.

От группы солдат отделился стройный молодой человек в камзоле глашатая. Он издевательски улыбался.

— Он — чародей! — в ужасе подумала Корделия.

Молодой человек отвесил ей насмешливый поклон:

— Дорльф Картер к вашим услугам, госпожа.

— Странно, что он назвал нам свое имя, — мрачно подумал Джеффри. — Ну ничего, придет время — и мы будем знать, кого отправить на виселицу.

Дорльф прищурился и, злобно зыркнув на мальчика, развернулся к шерифу.

— Вот этого, — он указал на Джеффри, — желательно убить на месте, сквайр.

Корделия вздрогнула от страха и пристально уставилась на упершийся ей в живот меч.

Магнус последовал ее примеру, скосил глаза к переносице и воззрился на приставленный к его лбу нож.

Стоявший неподалеку солдат вскинул пику, а в следующий миг Джеффри погиб бы, если б шериф не схватил солдата за руку и прокричал:

— Нет, стойте! Эти дети стоят слишком дорого, чтобы просто так убить их! Король Туан ни за что не осмелится напасть на нас, покуда они будут у нас в плену!

Лицо у Джеффри стало как каменное. Он одарил телепата взглядом, острым как шпага, и Дорльф взвизгнул, сжал ладонями виски и запрокинул голову — такая страшная боль пронзила его голову.

— Держите его! — крикнул шериф, и солдаты бросились на выручку к Дорльфу. — Да нет, не его, тупицы! Мальчишку!

Ладонь того воина, что держал Корделию, вдруг задымилась, и он, взыв от боли, выронил меч.

Нож, приставленный к переносице Магнуса, неожиданно стал вишнево-алым, и воин, державший мальчика, грязно выругался и бросил нож на землю. И меч, и нож упали на

сухую опавшую листву. Взметнулись языки пламени. Солдаты в ужасе завопили и принялись затаптывать огонь.

Дорльф упал на землю без чувств. Впрочем, вполне вероятно, что это был не просто болевой шок, а что-то похуже.

— Убить их! — вскричал шериф во гневе.

Солдаты развернулись к детям, принялись орудовать пиками и мечами, но оружие мгновенно выпадало из их рук, само собой нацеливалось на них и отбрасывало к крестьянам-новобранцам, что стояли у них за спиной.

Грегори прижался к Корделии, вцепился в подол ее юбки и уставился на тех солдат, что сгрудились за спинами сестры и братьев, — и в солдат, и в крестьян вдруг со всех сторон полетели оторвавшиеся от земли камни и палки. Крестьянские парни, охая и ругаясь на чем свет стоит, попятились, но совладали с собой и снова двинулись вперед, прикрыв лица руками. Но Грегори к этому времени успел найти взглядом камни покрупнее, и те послушно посыпались на головы воинов шерифа. Те взревели от боли и отступили. Один из них бросил меч, и меч, взлетев в воздух, завертелся, как крыло ветряной мельницы под порывом шквального ветра, и вдобавок еще заметался из стороны в сторону, словно бы высматривал цель — кому бы снести голову с плеч. Крестьяне-ополченцы попятились еще дальше. Они были готовы улизнуть с поляны в первое же мгновение — лишь бы было куда бежать. Однако бежать, как выяснилось, им было некуда.

Зубы и копыта Векса, казалось, замелькали повсюду. Единорог не отставал от коня-робота и ловко орудовал своим длинным и острым рогом, успевшим обагриться кровью. Но воинов было не меньше сотни, а то и больше.

Джеффри, побледневший от ярости, шагнул вперед. Солдаты, стоявшие напротив него, шарахнулись назад и, налетев на тех, что стояли позади, сбили их с ног.казалось, по поляне прошлась здоровенная лопата для чистки

снега. Невидимая лопата орудовала вовсю, она двигалась вперед, считая одну шеренгу воинов за другой.

— Не надо, Джеффри! — окликнул Магнус брата, но тот, казалось, не слышит его. Он медленно шагал вперед, словно бы шел по густой патоке. Только одна мысль звучала в его сознании, она повторялась снова и снова, звенела, как погребальный колокол:

— Шериф! Шериф! Пусть я погибну, но я убью шерифа!

Магнус подскочил к Джеффри сзади, прибавил свою силу к силе брата. Солдаты отступали и отступали и налетали друг на дружку. Магнус не желал никого убивать, но если сейчас и суждено было погибнуть, то шерифу, а не его брату Джеффри.

— Убейте их! — возопил шериф, смертельно побледневший от ужаса, и солдаты пошли в бой. Их было не менее пяти десятков. Пятьдесят взрослых мужчин против двоих мальчишек. Крестьяне волной налетели сзади на вооруженных воинов. Первая шеренга не удержалась на ногах. Солдаты рухнули и подмяли под себя мальчиков. Корделлия в ярости вскрикнула, и тех воинов, что оказались поблизости от кучи-малы, осыпало камнями. Однако они тоже не удержались на ногах и попадали поверх своих соратников. Джеффри, прижатый к земле, кричал и пытался выбраться. Ему не хватало воздуха, а солдаты все падали и падали поверх уже барахтавшихся в куче. Страх смерти сковал сердце Джеффри. Он в отчаянии брыкался и лягался, и Магнус тоже. Адреналин, бушевавший в их крови, заставлял их думать только об одном: как приподнять навалившиеся на них тела солдат. Груда дрогнула, колыхнулась и приподнялась. Еще и еще, один за другим падали сверху все новые воины, но мальчики оставались невредимы под колпаком телекинетического поля, защищавшего юных чародеев. Сами же воины дико вопили. Слышался костный хруст, предсмертные хрипы.

И тут вдруг лесную чащобу огласил властный крик:
— За королеву и Грамерай!

В следующее мгновение с ветвей деревьев на поляну прыгнули воины в форме королевских цветов. Мрачно и сурово глядели их глаза из-под стальных шлемов, а их плащи были украшены эмблемой королевского Летучего Легиона. Воины обрушились на крестьян-ополченцев, принялись орудовать пиками и копьями. Люди шерифа с криками ужаса и ярости разворачивались, пробовали отбиваться. Трещали, ударяясь друг о дружку, пики, люди падали наземь, обливаясь кровью. Вот покатилась отрубленная мечом голова и чье-то обезглавленное тело рухнуло на землю.

Дико заржал огромный черный жеребец, ударили стальные копыта. Рядом с ним храбро бился единорог. Одного за другим протыкал он вражеских воинов своим золотым рогом. Люди шерифа застонали от суеверного страха и сбились в кучку. Воины короля окружили их со всех сторон.

И тут на поляну выехал высокий караковый конь, верхом на котором восседал рыцарь в золотых доспехах.

— Вперед, храбрецы мои! — крикнул он. — Вперед! За славу и свободу! Сметайте и крушите врагов! Доберитесь до того мерзавца, который был готов убить невинных детей!

— Король Туан! — вскричала Корделия, и ее лицо озарилось лучистой улыбкой.

Куча-мала вдруг взорвалась. Некая сила разметала солдат, и они, разлетаясь во все стороны, сбивали с ног своих соратников. Вскоре на этом месте не осталось ни одного воина, а остался только эльф росточком в восемнадцать дюймов да двое мальчиков, которым наконец удалось подняться на ноги.

— За Гэл-ло-у-глас-са! — проревел кто-то могучим басом, и со спины лошади короля сорвался коротышка. Пролетев по воздуху на манер пушечного ядра, он приземлился рядом с двумя мальчиками. Это был Бром О'Берин,

главный советник короля — большеголовый чернобородый карлик ростом в два фута. Он бросился на выручку детям, которых любил больше всех в этой стране. Бром тут же кинулся в бой и принялся крушить одного воина за другим ловкими ударами безо всякого оружия. Вскоре Брому удалось расчистить дорогу от мальчиков к Корделии. Девочка подхватила на руки Грегори и с радостным криком бросилась к братьям.

Люди шерифа вертелись на месте, пытаясь отразить атаки наступавших противников, но тех становилось все больше. Уже сотня королевских воинов наступала на пять десятков приспешников Реджинальда. Ближайшие соратники шерифа бились с отчаянием людей, которые знают, что отступать некуда, но вот один молодой солдат вскричал:

— Пощады! Я сдаюсь! Пощадите меня!

Он бросил пику на землю, поднял руки. Воин короля ухватил его за ворот и отволол в сторону. Под деревьями наготове стояли солдаты, которые проворно связали сдавшегося пленного.

Видя, что его оставили в живых, и другие воины шерифа стали кричать:

— Сдаюсь!

— Пощады!

Солдаты короля любого, кто сдавался без боя, выводили и связывали.

— Только изменники сдаются! — завопил шериф. — Только изменники и глупцы! Сражайтесь! Это ваша единственная надежда! Ибо король вас повесит!

— Я помилую любого, кто не станет его слушать! — возгласил король Туан. — Помилую и прошу! Я не стану вешать никого из тех, кого насильно заставили драться против меня! Сдавайтесь, и вам будет сохранена жизнь!

— Он лжет! — крикнул шериф, но в это мгновение король Туан сокрушил последнего из его телохранителей.

Шериф взвыл, как берсеркер, и пошел на короля с мечом, целясь в прорези для глаз на его шлеме. Однако Туан закрылся мечом, крутанул им, отбросил меч шерифа и нанес решающий удар. Шериф издал предсмертный вопль. Глаза его закатились, и он упал, сраженный мечом короля в самое сердце. Когда шериф рухнул наземь, король выхватил меч из его груди и прокричал:

— Ваш повелитель мертв! Сдавайтесь! За кого вам теперь драться? Сдавайтесь, и останетесь в живых!

Воины шерифа растерялись — всего-то на секунду-другую, однако лучшим солдатам короля этого вполне хватило для того, чтобы выбить оружие из рук противников и приставить к их глоткам острия пик.

— Сдаюсь!

— Сдаюсь! — слышались крики тут и там. Воины шерифа подняли руки вверх, а король Туан отер от крови лезвие своего меча и громогласно повелел:

— Я прощаю вас! Вы будете жить!

Когда все оставшиеся в живых соратники шерифа были связаны, воины короля повели их прочь с поляны, Туан кивком указал на крестьян и сказал:

— А эти пусть бегут.

Сердито сверкая глазами, легионеры отступили. Ополченцы-крестьяне оторопело моргали. Они не могли поверить, что им даруют свободу.

— Я обещал, что никто из тех, кого силой вынудили сражаться на стороне шерифа, не пострадает, — сказал Туан. — Ступайте по домам да расскажите своим товарищам обо всем, что тут произошло.

С радостными криками крестьянские парни развернулись и бросились наутек.

Как только они исчезли за деревьями, Бром О'Берин проворчал:

— Но мудро ли это, ваше величество?

— Мудро, — с непоколебимой уверенностью ответил Туан. — Они поведают о случившемся другим людям из войска шерифа, и войско разоружится. Люди отправятся по домам — а большинство из них мечтает об этом. Остальные поймут, что со смертью шерифа война проиграна.

Сказав так, король развернулся к детям.

Четверо изможденных и испуганных Гэллоуглассов смотрели на короля, а Пак боязливо поглядывал на Брома О'Берина.

— Мы благодарим вас, ваше величество, — смущенно вымолвил Магнус, — за то, что вы спасли нас в час отчаяния.

— Я рад, что мне удалось поспеть вовремя, — отозвался король. — Однако надеюсь, теперь вы поняли, что вам не следует вступать в бой, покуда вы не повзрослеете?

— О да!

— Мы понимаем, что поступили глупо!

— Больше мы никогда не станем так рисковать!

У Туана на этот счет было собственное мнение, но он предпочел о нем умолчать. Кроме того, он обратил внимание на то, что Джеффри не произнес ни слова. Подсчитав победы и поражения, мальчик решил, что будет лучше хранить молчание.

Корделия набралась храбрости и спросила:

— Но как вы узнали, ваше величество, что нам нужна помощь?

Туан улыбнулся:

— За это вам надо поблагодарить кое-кого другого. — Он развернулся к лесу и прокричал: — Идите сюда, ваше высочество!

Последовала короткая пауза, но вот наконец из-за деревьев вышел Алан в сопровождении Келли.

Молчание затянулось, и нарушил его Пак:

— Я тебе, если не ошибаюсь, велел отвести его домой!

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

$$T_{\text{eff}}^{\text{eff}}$$

Чародей-еретик

*С благодарностью —
д-ру Моррису Мак Ги
и сестре Патерне Теста*

-Камень, ножницы, бумага — раз, два, три! Четыре маленьких кулачка расположились по кругу... и преобразились. Один стал камнем, другой — парой ножниц, а еще два — листками бумаги.

— Я выиграла! — воскликнула Корделия. — Ножницы режут бумагу!

— Нет, я выиграл! — запальчиво возразил Джеффри. — Камнем можно затупить ножницы!

— Если так, то выиграли мы с Грегори, — вступил в спор Магнус, — потому что камень можно завернуть в бумагу.

— Значит, все равно выиграла я! — не пожелала уступить братьям Корделия. — Потому что ножницы разрежут бумагу, в которую завернут камень!

— Мы все выиграли! — захолопал в ладоши малыш Грегори. — Вот как здорово!

— Вот и нет! Совсем не здорово, а плохо! — выпятив подбородок, заявил Джеффри. — Когда все сразу выигрывают, получается, что не выиграл никто.

— Так и знала, что ты так скажешь, — фыркнула Корделия.

— Только девчонка могла предложить сыграть в такую дурацкую игру, — огрызнулся Джеффри. — Кто же играет в

«камень, ножницы, бумагу» вчетвером? Только вдвоем можно в эту игру играть!

— Не следует избегать новизны, Джеффри. Она сама по себе способна подсказать какие-либо новые идеи. — Этот голос прозвучал не вслух, а в сознании у детей. Они тут же насторожились. А исходил этот необычный голос от большого черного коня, который стоял неподалеку и наблюдал за детьми. — Но тем не менее практика показывает, что эффективность данного метода не слишком высока.

— Любой скажет, что ничего бы не вышло, Векс.

— Никогда ничего не выйдет, если не постараться как следует, — выпалила Корделия, гневно глянув на Джеффри. — Я отлично видела твой кулак сквозь камень!

— Не могла ты ничего видеть! А вот я распрекрасненько видел два твоих пальца, и на ножницы они, между прочим, маловато смахивали!

— Врешь ты все! — возмущенно вскричала девочка.

— Дети, дети! — укоризненно одернул ребятишек Векс. — Прошу вас, не прибегайте к таким гиперболам!

— Все без толку, Векс, — сокрушенно вздохнул Магнус, старший из детей. — Они все равно будут спорить, хотя знают, что самые лучшие превращения получаются у Грегори.

— Впервые слышу, — буркнул Джеффри и свирепо воззрился на Грегори, а тот, вытаращив от испуга глазенки, попятился.

— Точно! — хихикнула Корделия. — Вот ты сам и признался! Ничего не слышал и ничегошеньки не знаешь!

— Да перестанете вы или нет?! — в отчаянии воскликнул Магнус. — Неужто вам больше заняться нечем? Обязательно, что ли, все время ссориться да браниться?

Корделия замолчала, но не спускала с Джеффри сердитого взгляда, а тот только плечами пожал.

— Ну и что? А ты бы предпочел подраться, братец?

Магнус одарил его насмешливой улыбкой.

— Давай, если ты такой дурачок. Поборемся или побоксируем?

— Не надо! — возмутилась Корделия. — Или вы забыли, что мама вам строго-настрого запретила драться?

— А мы просто поупражняемся, — успокоил сестренку Джеффри и расстегнул камзол. — Давай поборемся, а то для бокса сегодня жарковато.

— Не отговаривай их, Корделия, — посоветовал девочке Векс. — Это поможет им сбросить избыточную энергию. Время от времени мальчикам необходимо драться.

Магнус усмехнулся и сбросил камзол.

— Предупреждаю, братишка: я выше тебя ростом и тяжелее.

— А я зато более ловок! — весело парировал Джеффри.

— Да перестаньте же вы! — попыталась еще раз уговорить братьев Корделия. — Даже папа бы не разре... — Она в отчаянии умолкла, глядя на то, как двое ее братьев пошли по кругу, приняв боевые стойки. — О Грегори, хоть бы ты что-нибудь придумал, чтобы они перестали... Грегори! Ты куда собрался?!

Магнус вздрогнул и обернулся, на миг забыв о поединке.

Джеффри не преминул воспользоваться таким удачным моментом, метнулся к Магнусу, ухватил его двумя руками под колени и с победным воплем рванул к себе.

Магнус шлепнулся на спину.

— Джеффри! — с упреком проговорил Векс. — Это не по правилам!

Магнус поднялся. Глаза его налились кровью.

— Какой же ты бесчестный соперник, Джеффри! Как ты мог напасть на меня, когда я отвлекся, потому что забеспокоился о Грегори?

— Верно, ты отвлекся, — подтвердил Джеффри. — А драка — это всегда нечестно. Даже папа так говорит.

Магнус покраснел. Было видно, что братья, того и гляди, сцепятся не понарошку. Но тут как раз из ниоткуда возник ранее исчезнувший Грегори и прокричал:

— Там чужие!

Братья мгновенно забыли о ссоре.

— Чужие? Где? — с неподдельным интересом спросили они в унисон.

— Вон там, на лугу, — показал Грегори. — Мне показалось, будто бы я услышал чьи-то мысли, вот и улизнул от вас, чтобы поглядеть, кто бы это мог быть. А там, на лугу, какой-то огромный домина стоит, а вокруг него полным-полно дядек в коричневых балахонах, и они зачем-то обмазывают дом грязью!

— Но ведь на этом лугу еще в прошлое воскресенье было пусто! — изумленно вскричал Джеффри. — Помните — мы ещё туда на пикник ходили!

— А если точнее, то упоминаемый выход на лоно природы состоялся не в прошлое, а позапрошлое воскресенье, — поправил мальчика Векс, обожавший точность во всем.

— Ага. А теперь там полным-полно народу, — повторил Грегори.

— Человек десять могли бы за несколько дней выстроить дом из жердей и самана, — сдвинув брови, проговорил Магнус. — Но откуда взялись коричневые балахоны? Ты не ошибся, братец? Крестьяне носят домотканые рубахи и штаны.

— А я откуда знаю? — развел руками Грегори. — Что я в этом понимаю? Мне ведь всего семь лет.

— И то верно, — кивнул Магнус, поднял с земли камзол и торопливо сунул руки в рукава. — Давайте слетаем туда да поглядим, что там такое, — но только тихо!

— Нет, дети! Не исключено, что там небезопасно! — заспорил Векс.

Но Магнус уже оторвался от земли и полетел вперед, лавируя между стволами деревьев. Джеффри молча устремился вдогонку за ним, на лету напяливая камзол.

— Не подходите слишком близко! — отчаявшись отговорить детей от рискованной прогулки, прокричал им вслед Векс.

Корделия проворно схватила свою метлу, прислоненную к дереву.

— Молодец, братишка! — похвалила она Грегори. — Как у тебя здорово получилось! Если бы ты их не отвлек, они бы точно друг дружке синяков наставили!

Грегори улыбнулся, довольный похвалой сестры.

Дом оказался в точности таким, каким его описал Грегори: большим и обмазанным — только не грязью, конечно, а глиной. По крайней мере одна стена уже была обмазана целиком, а три остальные походили на бортики огромной корзины, и возле каждой из них трудились по двое мужчин в коричневых хламидах. Они старательно обмазывали сплетенные жерди глиной. Прилегающую к дому часть луга площадью примерно в акр огибал плетень, и еще двое мужчин торопливо работали, стараясь поскорее его закончить. Капюшоны у них были отброшены на спину, и выбритые макушки ярко блестели на солнце. За забором работали другие: они успели вспахать двумя колесными плугами около трети луга. Эти трудились по трое: один управлял плугом, а двое тянули его. Зеленая трава мало-помалу исчезала и сменялась темно-коричневыми бороздами вспаханной земли.

— Интересное дело! А кто же это им разрешил заграбастать этот луг? — возмущенно воскликнул Джеффри.

Грегори пожал плечами.

— А кто бы мог им запретить, братец?

Джеффри, засучив рукава, рванулся вперед.

— Ну уж нет! — одернул его Магнус, успев схватить за ворот камзола, и проворно уклонился от неизбежного удара, что ему удалось благодаря богатому опыту общения со средним братом. — Это не твой луг, чтобы ты тут распоряжался! Это земли короля!

— Да ведь мы тут всю жизнь играли!

— Верно, играли. И в лесу тоже — в любой пещерке, на любой поляне, — напомнил ему Магнус. — Так что, конечно, мы без труда можем уступить этот луг святым отцам.

— Святым отцам? — Джефффри сразу перестал вырываться и, сдвинув брови, уставился на старшего брата. — Ну точно! Капюшоны, коричневые сутаны! Как же я сразу не догадался? Вот дурачок-то!

— Он самый, — с готовностью подхватила Корделия. — Это монахи.

Джефффри обернулся и устремил удивленный взгляд на луг.

— Но что они здесь делают? Ведь монахи живут в монастыре — далеко на юге... Тс-с-с! Что это?

— И правда — что? — Магнус насторожился, вытянул шею и посмотрел на луг поверх головы Джефффри.

— Еще какие-то чужие люди! — воскликнула Корделия.

— И эти люди — нехорошие, — помрачнев, объявил Грегори.

И верно: сразу было видно, что хорошими этих людей никак не назовешь. Одеты как попало, с косматыми, нечесаными бородами, они вышли из леса с разных сторон и зашагали к монахам. У каждого из них в одной руке был щит, а в другой — куотерстаф. А у пары-тройки вместо палок имелись мечи.

Один из монахов заметил их и крикнул, чтобы предупредить остальных. Его собраты в испуге обернулись, но тут же проворно наклонились и подняли дотоле спрятанные в траве стальные шлемы, шести и куотерстафы. Их

примеру последовали и другие монахи-пахари. Они побежали по лугу, на бегу нахлобучивая шлемы. Те монахи, что ставили забор, и те, которые обмазывали глиной стены дома, тоже бросили работу, отложили инструменты, похватали шлемы и шесты и бросились к пахарям.

Джеффри насупился.

— Что же это за монахи такие, если они вооружены?

— А что, по-твоему, — съязвила Корделия, — монахам не полагается защищаться, если на них нападают с оружием в руках?

Джеффри, пылая злостью, развернулся к сестре, но Магнус зажал ему рот ладонью и прошипел:

— Тише ты! Или хочешь, чтобы они на нас напали?

Но тут он заметил, как вспыхнули глаза Джеффри, и прикусил язык.

— Вот-вот. Вам следует проявить предельную осторожность. — Это сказал Векс, который летать не умел и потому только теперь догнал ребятешек. — На самом деле, дети, вам следует уйти отсюда. Здесь опасно.

— Так ведь мы далеко от них, — запротестовал Джеффри. — И никто нас не видит.

— Ничего опасного нет, Векс, — умоляюще проговорила Корделия. — Мы же не собираемся ни с кем драться.

— Не собираетесь — пока, — пробормотал черный жеребец.

— Разбойники сбавили шаг, — сообщил Грегори.

Джеффри наконец обрел свободу — Магнус не сумел его удержать — и шагнул к младшему брату.

— С чего ты взял, что это разбойники?

— А кто бы это еще мог быть? Одеты кое-как, но с оружием.

Заметив, что монахи вооружились, разбойники действительно убавили прыть, но наступление не прекратили: они продолжали подходить к монахам с трех сторон.

— Неужто вы и впрямь решили сразиться с нами, люди Божьи? — оскалив неровные зубы в издевательской ухмылке, спросил один из них — судя по всему, атаман разбойничьей шайки. Последние два слова прозвучали как оскорбление.

Предводитель монахов сделал шаг вперед.

— Надеемся, что драться нам не придется, — отозвался он. — Кто вы такие и что вам угодно?

Почему-то слова монаха разбойников развеселили. Они безобразно расхохотались, а атаман, который был выше всех ростом, проговорил:

— Да мы-то люди благородные, святой отец. Или ты сразу не догадался об этом по красоте наших лиц и дорогой одежде?

— Значит, вы разбойники, — с едва заметной презрительностью заключил главный из монахов. — Что ж — меня зовут отец Бокильва. И что бы вы хотели от нас получить?

Усмешка атамана превратилась в волчий оскал.

— Получить? — хмыкнул он. — Да все добро, какое у вас имеется, монашек. Все-все.

Отец Бокильва пожал плечами.

— Забирайте все, что найдете. Христос даст нам еще.

Разбойники уставились на него, не веря собственным ушам. Однако атаман тут же ослабил и хохотнул.

— Вот дураки-то! Ну, да тем лучше. Пошли, ребятки! — И он решительно зашагал к дому и махнул рукой остальным. — Овечки готовы к стрижке!

Остальные разбойники трусцой побежали за ним.

Монахи проводили их взглядами.

— Вряд ли они заберут мой требник, — не слишком уверенно проговорил один из них.

Отец Бокильва пожал плечами.

— А если и заберут, что с того? Я тебе по памяти новый напишу.

— Почему же они так легко сдаются? — недовольно прошипел Джеффри. — У них же есть палки и шлемы! Неужто им и впрямь не жаль своего добра?

— Они — люди верующие, — прошептал Грегори. — Для них вещи мало что значат.

— А тебя никто не спрашивал, малявка!

— Ну, тогда давай я тебя спрошу, — нахмурившись, сказал Грегори. — Как это может быть, чтобы такие набожные люди вообще взялись за оружие?

— К превеликому сожалению, у этого явления имеются многочисленные прецеденты, — со вздохом изрек Векс. — Монахи, представлявшие практически все религиозные конфессии, рано или поздно либо овладевали искусством рукопашного боя, либо брали в руки оружие.

— А сейчас они взяли в руки щиты, — заметил Магнус и твердо положил руку на плечо Джеффри. — Может быть, они просто не успели вооружиться по-настоящему.

Джеффри развернулся, глянул на монахов и покачал головой.

— Одни щиты. Ни у кого из них даже ножика нету.

— Разбойники выходят, — со страхом проговорила Корделия.

И точно: разбойники один за другим вываливались из дверей недостроенного дома.

— Это что за шуточки? — гневно спросил атаман, подбежав к отцу Бокильве. — У вас тут что же, так-таки ниче-гошеньки нету, кроме жалкой еды да книжек?

— Ах, как я вижу, вы нашли мой тревник, — вздохнул отец Бокильва, кивком указав на другого разбойника, державшего в руке книгу. — Ну что ж, забирайте. Христос не оставит нас. Он даст нам еще.

Разбойник, грязно выругавшись, отшвырнул книгу.

Отец Бокильва поджал губы.

— Больше у нас ничего нет — ну разве что немного мяса, несколько богослужебных сосудов да церковных реликвий.

— Нету больше ничего, говоришь? — Атаман ухмыльнулся и с победным видом помахал грязным мешком, в котором что-то болталось. — А это что такое, а? — И он вынул из мешка золотой потир.

— Это один из тех сосудов, о которых я говорил, — ответил отец Бокильва и поблел. — Но он нам не принадлежит. Он принадлежит Господу. Заклинаю вас, верните его на место, поставьте в алтаре, откуда вы его взяли!

— А не ты ли только что сказал, что Христос вам еще подаст? Ну вот, а нам он только что подал эту посудину!

— Нет, вы не станете осквернять церковь!

— А что такого? Разве Бог не желает делиться с бедняками?

— Ты богохульствуешь! Верни этот священный сосуд! Неужто ты и вправду готов вторгнуться в Дом Божий?!

— До него мне дела нету, а вот ваш домик я очищу! Ну, отвечай живо, что тут у вас еще припрятано, а?

— Ничего. Вот только вы еще наши стеклянные графины пропустили. А у тебя в руке — все золото, какое у нас есть.

— Не верю я тебе, — скривился разбойник. — Только что ты и это добро хотел от меня утаить. Ну, говори! — И он с размаху влепил монаху увесистую пощечину. Голова у отца Бокильвы качнулась, он помрачнел, но вступил в поединок со своим гневом и в этой борьбе выиграл. Разбойник злобно зарычал и снова замахнулся, но отец Бокильва неожиданно ловко парировал его удар, да еще и поставил ему подножку. Тот тяжело рухнул наземь, а его дружки раскричались.

— Эй, ты чего!

— Ишь какой!

— Зададим им, братишки!

Крича, разбойники бросились на монахов, размахивая мечами и палками.

Но монахи проворно подняли щиты, и острия мечей застряли в многослойной выдубленной коже. Один из разбойников попробовал, сжав свой куотерстаф двумя руками, стукнуть монаха по голове, но тот вовремя заслонился щитом, и палка, ударившись о щит, подпрыгнула. Разбойник, не долго думая, занес палку для нового удара.

Другой злодей с силой ткнул концом палки в щит, которым оборонялся другой монах. Монах дрогнул. Палка описала короткую зловещую дугу и опустилась на его шлем. Он зашатался и чуть не упал.

— Да они только обороняются! — возмущенно вскричал Джеффри. — У них же палки есть и шесты — так почему же они этим гадам сдачи не дают?

— И это при том, что разбойников вполтину меньше! — в отчаянии воскликнула Корделия.

Двое разбойников, вооруженных мечами, сумели наконец выдернуть их из кожаных щитов и стали кружить около своих противников.

— Джеффри! — прокричал Векс с неожиданной тревогой. — Только не вздумай...

Но мальчик, не дослушав предупреждение коня, вылетел из зарослей на краю луга и издал задиристый боевой клич.

— Джеффри!!! — в отчаянии простонал Векс.

— Не надо, братец! — прокричал Магнус. — Это не твое де... О проклятие! Он уже ввязался в драку!

Джеффри схватил палку, оброненную монахом, получившим сокрушительный удар по голове, и, яростно размахивая ею, помчался к тому разбойнику, что его ударил. Тот в первое мгновение от изумления отступил, но тут же злорадно оскалился и пошел в атаку на мальчика.

— А ну, мерзавец, не смей трогать моего брата! — возмутился Магнус и тоже вылетел из леса.

— Магнус! — в тоске крикнул ему вслед Векс. — Дети! О дети! Как вы только могли так...

Но и он, не договорив начатую фразу до конца, грохоча стальными копытами, поскакал из-за деревьев на луг, превратившийся в поле сражения.

— Так, значит? А мы что же, прохладиться тут будем? — в запальчивости вскричала Корделия. — Ну уж нет! — С этими словами она проворно оседлала свою метлу и ринулась в самую гущу боя.

Грегори благоразумно остался за деревьями, но и он не стал терять времени даром: малыш устался на булыжник размером с кулак. Камень зашевелился и, отскочив от земли, угодил прямо в лоб одному из разбойников.

Тот из злодеев, против которого дрался Джеффри, из всех сил размахнулся палкой, намереваясь врезать дерзкому мальчишке по макушке, но в это самое мгновение Магнус подлетел к нему сзади и, вцепившись в верхний конец палки, навалился на нее всем весом. Разбойник пошатнулся и отступил. Выпучив глаза, он развернулся, увидел Магнуса, ослабил, поднял палку... но на плечи ему спикировал Джеффри и резко дернул разбойника за шею. Голова у того запрокинулась назад, он взревел от боли и злости и отступил, а Магнус весьма своевременно подставил ему подножку. Разбойник, отчаянно размахивая руками, шлепнулся навзничь.

Один из монахов упал, и разбойник занес над ним палку, готовясь нанести смертельный удар, но прямо к физиономии негодая, пронзительно крича, устремилась Корделия верхом на метле. Получив рукояткой в лоб, мерзавец взвыл от боли и отпрыгнул назад, испуганно завопив. Но в следующий миг он разглядел свою обидчицу и понял, что это всего-навсего маленькая девочка. Глаза злодея налились кровью. Он замахнулся на Корделию палкой.

Однако ударить девочку ему не удалось: подоспел Векс и, схватив разбойника за ворот рубахи стальными зубами, резко рванул и подбросил вверх.

— То-то же! — весело и злорадно прокричала Корделия.

Отец Бокильва заметил ее и в ужасе вытаращил глаза. В следующий миг он увидел в самой гуще боя еще двоих детей.

— Дети! — вскричал священник. — Братья мои! Не спрашивайте ни о чем! Защищайте детей! В бой!

Монахи, услышав призыв своего предводителя, даже не обернулись, но сразу же яростно заработали палками и шестами. Со всех сторон послышались глухие звуки ударов. Разбойники закричали, и двое из них рухнули на землю. И вновь монахи занесли шесты и палки для ударов.

На Магнуса и Джеффри напали сразу четверо негодяев, но на них с устрашающим ржанием поскакал Векс, и те в страхе отбежали назад, вопя от ужаса при виде нацеленных на них стальных копыт. А Джеффри, оказавшийся позади Векса, крикнул:

— На помощь!

Атаман разбойников схватил его и поднял над головой, намереваясь швырнуть на землю. Векс тут же развернулся и подступил к атаману. От страха тот разжал пальцы, и Джеффри, упав, успел кувырнуться в воздухе и приземлился на ноги. Однако в это время четверо разбойников победно возопили и бросились к Магнусу. Векс крутанулся на месте, чтобы, развернувшись к мерзавцам, отогнать их от мальчика, но, встав на дыбы, неожиданно замер и уподобился конной статуе. В следующее мгновение его передние ноги ударились о землю, а голова опустилась и повисла между коленями.

— Злодей! — возмущенно вскричал Джеффри. — Ты довел нашего коня до припадка!

С этими словами он подпрыгнул, взмыл ввысь и на полной скорости полетел к тому из разбойников, что стоял ближе всех. Тот от неожиданности попятился, но тут же поднял руку, чтобы схватить мальчика. Однако в это же мгновение на его плечо твердо легла рука монаха. Он рез-

ко развернул разбойника к себе и ударил его по макушке куотерстафом.

Разбойник упал, а отец Бокильва грозно встал над его бездыханным телом. Глаза священника метали молнии. Он схватил Джеффри за плечо.

— Держись около меня, мальчик! — приказал священник. — Не отходи! — Он загородил Джеффри собой и, развернувшись, стал искать взглядом нового противника.

Увы, ему не повезло. Монахи, его соратники, потрудились на славу: на земле лежал богатый боевой урожай. Уцелевшие разбойники в страхе со всех ног припустили к лесу.

Отец Бокильва, тяжело дыша, обвел взглядом полдюжины поверженных врагов.

— Нехорошо получилось, — проговорил он сокрушенно и покачал головой. — Священнослужителям негоже драться. Посмотрите, как они, братья мои. Хорошо бы, чтобы никто из них не погиб. Убедитесь в этом и окажите помощь раненым.

Некоторые из монахов опустились на колени и стали щупать пульс у лежавших на земле разбойников и осматривать полученные теми ушибы.

Отец Бокильва развернулся к Джеффри, Магнусу, Грегори и Корделии. Взгляд его был суров.

— Не сомневаюсь, вы действовали из лучших побуждений, дети, и все же поступили вы на редкость необдуманно.

— Но ведь вы даже не пожелали обороняться! — вскричал Джеффри. — А как только попробовали, сразу стало ясно, что злодеям против вас не устоять.

— И не нужно было пробовать, — возразил священник. — А теперь скажите, как вышло, что вы оказались поблизости?

Грегори и Магнус переглянулись, и старший брат проговорил:

— С вашего позволения, нам надо позаботиться об отцовском коне.

— О коне? — Отец Бокильва нахмурился, обернулся и взглянул на Векса. — Вот оно что! А что же с ним стряслось?

— У него... эльфийский прострел... такой припадок, — сообщил Магнус и направился к Вексу.

— Эпилепсия? — изумился отец Бокильва и широко раскрыл глаза. — Удивительно, как это ваш отец до сих пор не избавил его от таких страданий!

— Он — верный товарищ и отчаянный боец, — сердито отозвался Джеффри. — И его припадки — сущая чепуха по сравнению с тем, какую пользу он нам приносит.

Магнус подsunул руку под переднюю луку седла и надавил на выступающий позвонок, который на самом деле был потайной кнопкой перезарядки коня-робота.

— А вы откуда знаете слово «эпилепсия»? — поинтересовался Грегори.

Глаза отца Бокильвы будто бы подернулись прозрачной, но непроницаемой пленой.

— Это не имеет значения, — уклончиво отозвался он. — Ваш конь ранен?

— Нет. Он уже пришел в себя, — ответил Магнус, не спуская глаз с Векса. Тот медленно поднял голову, и в сознании у мальчика послышалось:

— Г-г-где?.. Ч-ч-что?

Магнус ласково погладил бархатистый нос коня.

— У тебя случился припадок, дружище. Но это ничего. Скоро ты будешь в полном порядке. — Он обернулся и посмотрел на монаха, и его вдруг охватила тревога. — Почему вы так смотрите? — с опаской спросил Магнус.

Отец Бокильва действительно пристально смотрел на Векса.

— Мне показалось... Нет. Ладно, это не важно. — Он устремил укоризненный взгляд на Джеффри. — Вы все тоже

отчаянно сражались — но глупо. Эти разбойники не убили бы нас, потому что мы прекрасно умеем обороняться.

— Слишком хорошо, — нахмурившись, проворчал Джеффри. — Что вы за монахи такие, если так ловко орудуете куотерстафами?

— Джеффри! — одернул брата Магнус и обратился к монаху: — Простите, святой отец. Он еще маленький и порой забывает о хороших манерах.

— Нечего за меня извиняться, — буркнул Джеффри.

— Верно, мог бы и сам извиниться, — усмехнулся отец Бокильва, глядя на насупившегося мальчика. — А извиниться следовало бы. Негоже так разговаривать со старшими. Однако я вижу, что в сердце твоём — смятение, и поэтому отвечаю на твой вопрос. Видишь ли, юноша, свое предназначение я понял, когда мне было примерно столько же лет, сколько теперь тебе, и тогда я точно так же, как ты, увлекался искусством боя. О да, мне нравилось драться куотерстафом, и из лука я тоже стрелять любил, и бороться в рукопашную. И от всего этого я отказался только тогда, когда надел монашеское облачение. — Он кивком указал на других монахов, которые старательно ухаживали за ранеными разбойниками. — То же самое было с большинством из моих собратьев. Но когда мы покинули монастырь ради создания собственной обители, мы подумали о том, что можем стать легкой добычей для разбойников. Вот потому мы и стали вновь упражняться в ведении боя и обучили кое-чему тех из наших товарищей, которые воинским мастерством вовсе не владели.

— Славно сказано. Спасибо за ответ, — поблагодарил монаха Магнус. — Но почему же вы ушли из монастыря?

— О, все дело в кое-каких разногласиях с аббатом, — объяснил отец Бокильва. — Эти разногласия оказались настолько серьезными, что мы решили основать собственную обитель.

— И поэтому же вы упражняетесь в боевых искусствах? — с широко раскрытыми глазами спросил Грегори. — Наверное, боитесь, как бы ваш аббат не попытался силой увести вас обратно?

Отец Бокильва в изумлении обернулся к малышу и медленно проговорил:

— Ты на редкость прозорлив, малыш. Верно, и об этом мы тоже отчасти думали.

Грегори стал печален. Глаза его засверкали от набежавших слез.

— Не может такого быть! — вырвалось у него. — Это очень дурно, если людям Божиим приходится думать о войне!

— Не стану с тобой спорить, — тихо проговорил отец Бокильва. — И я своим сердцем желал бы, чтобы так не было. Однако пойдемте. Я вам постараюсь все объяснить, куда буду провожать вас домой.

Корделия вздрогнула.

— О нет, не надо, святой отец! Нас совсем не обязательно провожать!

— Нет, обязательно, — негромко, но твердо возразил монах. — Потому что о том, как вы нам помогли, я должен поговорить с вашим отцом. Наедине.

2

Род уложил пару аккуратно сложенных штанов в седельную сумку рядом с узелком с сухарями. Он услышал, как скрипнула дверь, обернулся и увидел на пороге Гвен с корзиной под мышкой.

— Здравствуй, милая! А я думал — где же ты?

— Собирала ягоды, пока птицы их не поклевали. — Гвен вошла, оставив дверь открытой, поставила корзину на стол и посмотрела на седельные сумки. — А ты, стало быть, уезжаешь?

Род кивнул и принялся складывать запасную рубаху.

— Туан и Катарина любезно назначили меня посланником к аббату. Вернусь через три дня. Справишься тут без меня?

— О, кто же знает! — Гвен улыбнулась, взяла у мужа рубаху и аккуратно сложила ее. — Да, конечно, справлюсь, — сказала она серьезно. — Не думаешь же ты, что я беспомощна!

Род усмехнулся.

— Никогда я так не думал, милая. Но, наверное, у тебя были какие-то планы для всего семейства?

— Нет, представь себе, — покачала головой Гвен и уложила рубаху рядом со свертком с сушеным мясом. — А если бы и были, вряд ли бы ты сумел задержаться дома — ведь дело наверняка важное?

— Боюсь, что так. Милорд аббат объявил независимость Церкви Грамерая от Римской.

Гвен замерла и в изумлении уставилась на мужа. Сглотнув подступивший к горлу ком, она спросила:

— Но... зачем?

— Он говорит, что человек с другой планеты не способен понять наших проблем либо не способен уяснить тех богословских причин, согласно которым эти проблемы решаются. Естественно, он имеет в виду Папу.

— Но Папа — наместник Христов! — возмутилась Гвен. — Он обладает властью, данной апостолом Петром, и все, что он разрешает и запрещает на Земле, запрещено или разрешено на Небесах!

— А милорд аббат говорит, что Грамерай — это не Земля! — покачав указательным пальцем, отозвался Род. — И потому власть Петра на нас не распространяется.

— О, он просто ищет оправдания! А почему он на самом деле жаждет отделиться от Рима?

— Ну... Он — глава Грамерайской Церкви. Все здешние священники — члены его ордена, — нахмурившись,

проговорил Род. — И я так думаю, аббат почувствовал себя по-настоящему униженным, когда отец Эл вручил ему послание от Папы с кое-какими распоряжениями. Вот, вероятно, он и решил, что единственный способ сохранить власть для него состоит в том, чтобы отделиться от Рима. В конце концов, так он снова станет неоспоримым религиозным бонзой. Но почему ты так разволновалась из-за этого, милая?

Гвен отвернулась и заправила в пряжку ремешок на клапане седельной сумки.

— Милая? — окликнул ее Род.

— Мне от этого не по себе, господин мой, — призналась Гвен негромко. — Все, что грозит единству Церкви, грозит и единству моего семейства.

Род от изумления вытаращил глаза. А он и не задумывался об этом. И правда... Но только он собрался что-то сказать Гвен, как в дверь постучали.

Род обернулся. Ну, как раз вовремя... На пороге стоял монах в коричневой сутане, из нагрудного кармана которой торчала желтая рукоятка маленькой отвертки. На макушке у монаха блестела аккуратно выбритая тонзура.

А впереди него выстроились все четверо младших представителей семейства Гэллоуглассов...

— Дети! — воскликнула Гвен. — Что еще вы натворили? Доброго вам утра, святой отец!

— И вам утро доброе, — ответил ей священник. — Но я бы не стал говорить, что ваши дети что-то натворили. На самом деле они старались нам помочь.

— Старались? Представляю... — Род одарил Магнуса пронзительным взглядом. Мальчик как-то сразу сник. Грегори попытался спрятаться между складками пышной юбки Корделии, а та смотрела на отца дерзко и уверенно. А Джеффри переступил порог, гордо выпятив подбородок. Что ж, от Джеффри другого поведения и ждать было трудно.

— Нет, они явно понимают, что вели себя так, как мы бы им не позволили, — сделал вывод Род. — Признавайтесь, дети!

— Разве это не моя работа — выслушивать людские признания? — протестующе поднял руку священник. — Меня зовут отец Матфей Бокильва, — представился он.

— Род Гэллоугласс. Моя супруга, леди Гвендилон, — отозвался Род, шагнул к священнику, чтобы пожать его руку, но заметил, что тот пока не переступил порог. — Добро пожаловать в мой дом, святой отец.

Священник улыбнулся и вошел, обвел комнату взглядом и провозгласил:

— Мир этому дому и всем, кто в нем обитает!

Род заметил, что Гвен немного успокоилась, и с улыбкой сказал:

— Спасибо вам за то, что вы вызволили моих малышей из беды, святой отец.

— Малышей? О, вы говорите о ваших детях! Да нет... Они помогли нам настолько же, насколько я помог им.

— Они бы не стали драться как подобает, если бы я не вмешался! — не выдержал тут Джефффри. — Да, не стали бы, хотя у них были палки, шлемы и щиты!

Род посмотрел на сына в упор.

— Ты вмешался в драку взрослых людей? — Он перевел взгляд на Магнуса. — Почему ты ему это позволил?

Магнус в отчаянии развел руками:

— Кто бы смог его удержать, папа?

— Это верно, — не стал спорить Род. — Но кто на вас напал, святой отец?

Отец Бокильва пожал плечами:

— Всего лишь шайка грабителей. Они решили, что священнослужители станут для них легкой добычей. Они никак не предполагали, что у нас окажется так мало добра.

Грегори кивнул:

— У них ничего не было, кроме золотой чаши, папа. Но разбойники и ее хотели забрать!

Род нахмурился и взглянул на монаха:

— Значит, они разозлились и были готовы отнять у вас хотя бы это силой?

Священник неохотно кивнул:

— Но что такое несколько синяков в сравнении с вечностью? Верно, эти негодяи могли причинить нам боль, но большого вреда не было бы.

— Но они разбойникам даже сдачи не давали! — снова возмутился Джеффри.

— Это их личное дело и их право, — сурово посмотрев на среднего сына, заметил Род. — Взрослые знают, как себя вести, и вам вмешиваться не стоит.

— Даже тогда, когда бьют и обижают хороших людей?

— Можно остаться в укрытии и применить «волшебство», — ответил Род. — Но самому бросаться в драку не стоит.

Джеффри строптиво поджал губы.

— Слишком велика опасность, что вас ушибут или ранят, — добавила Гвен.

— Никто нас не ушибет!

— Когда-нибудь из этой фразы выйдет отличная эпитафия, — вздохнул Род. — Однако покуда я жив, мне бы не хотелось ее читать. Ладно, сынок, давай будем считать, что я — трус и мне страшно, когда вы ввязываетесь в потасовки взрослых.

— О папа!

— Можешь думать, что это глупо, но это закон!

Род шагнул к сыну, но в следующее мгновение понял, что непроизвольно по-звериному скрючил пальцы. Он проворно убрал руки за спину и обвел взглядом свое многочисленное потомство.

— И какое следует наказание за нарушение этого закона?

Джеффри сердито зыркнул на отца, но все же было видно: он хорошо понимает, что тот не шутит.

Магнус, переминаясь с ноги на ногу, вздохнул:

— Да, пап, мы знаем. Пошли, ребята.

Грегори послушно развернулся, готовый последовать за старшим братом, и Корделия тоже, но она все-таки оглянулась и бросила опасливый взгляд на Джеффри.

Род не спускал глаз со среднего сына. Овладевший им гнев воевал с восхищением храбростью мальчика. Конечно, Род не подал виду, что это так, а Джеффри молча, не дрогнув, смотрел на него.

Гвен подошла к мужу и пытливо посмотрела на Джеффри.

— Ты ведь понимаешь, что нарушил правило, сынок?

— Но нельзя же было стоять и смотреть, как их бьют!

— Верно, но уж лучше бы вы оказались правы, чем ранены — если, не дай Бог, не хуже. Вот поэтому-то вы и не должны вмешиваться в ссоры взрослых. И для того, чтобы вы об этом запрете не забывали, вы и будете наказаны.

Джеффри обиженно глянул на мать, но как он мог устоять против ее взгляда, когда это даже его отцу не удавалось? Мальчик проворчал что-то неразборчивое, но развернулся и направился следом за Магнусом.

Как только за Джеффри закрылась дверь, Гвен облегченно вздохнула.

— Слава Богу! — вырвалось у нее. — Я так боялась, что он заставит тебя рассвирепеть!

— На сей раз обошлось без этого — благодаря тебе, конечно. — Род и сам немного успокоился. — Спасибо за поддержку, милая.

— Мы с тобой согласились насчет этого правила, супруг мой, — и на мой взгляд оно хорошо и справедливо. А то уж, признаться, мне порой кажется, что Джеффри готов скорее жизни лишиться, нежели проиграть сражение!

— Верно. Либо скорее проиграть сражение, нежели лишиться чувства собственного достоинства. О да, — вздохнул Род и повернулся к священнику.

— У вас прекрасный сын, — заметил отец Бокильва.

— Это так, — усмехнулся Род. — А теперь, святой отец, не откажетесь ли от стаканчика доброго вина?

Из-за закрытой двери послышался вскрик. Взрослые прекратили беседу и прислушались. В следующий миг донесся приглушенный толстыми дубовыми досками голос:

— Поосторожнее со своей метлой, Делия!

— Всем разойтись по своим комнатам! — громко распорядился Род. — Это — часть наказания.

Голоса за дверью стихли, потом утих и звук шагов. Плеснула метла в ведре с водой.

— Многое я слышал о том, как родители наказывают своих детей, но такое вижу впервые, — признался отец Бокильва.

Род понимающе кивнул:

— Они способны на многое, святой отец, но обычно им приходится всего лишь прибираться в своих комнатах.

— Год назад нас похитили, — добавила Гвен, — и миновало две недели, прежде чем смогли вернуться домой. Вот тогда мы и узнали, чем они занимались, покуда нас не было.

— К концу недели после нашего возвращения дом сверкал, как стеклышко, — с мимолетной улыбкой проговорил Род. — Помимо всего прочего, уборку они обязаны производить, не прибегая к помощи волшебства.

— Верно, — подтвердила Гвен. — А это намного труднее.

— Поверьте, я не имею ничего против того, чтобы они побеждали злых колдунов, святой отец, — пояснил Род. — Просто у меня едва разрыв сердца не случился, когда я узнал, какой опасности они себя подвергали.

Отец Бокильва усмехнулся и повертел в пальцах стакан с вином.

— Что ж, мы и сами успели убедиться в том, что все они владеют искусством волшебства, — сказал он и перевел взгляд на Гвен. — И как же вам удастся с ними управляться, миледи?

— У меня для этого собственные чары имеются, — с милой улыбкой, от которой у нее на щеках появились ямочки, ответила Гвен. — Гораздо более дивно то, что вы и ваши собратья-монахи без потерь пережили вторжение наших детей.

— Что ж, если на то пошло, ваши дети, можно сказать, и вправду нас спасли, — признался отец Бокильва. — Наверняка нам было суждено кровопролитное сражение, и если бы не стали обороняться с боем, многие из нас, пожалуй, погибли бы. У этих разбойников был такой вид, что я понял: они не удовольствовались бы, наставив нам синяков и шишек. И все же вряд ли нам удалось бы одолеть их без посторонней помощи.

Гвен зябко поежилась.

— Упаси Господи! — вырвалось у нее. — Даже страшно представить, как это одни люди могут радоваться, убивая других!

Род мрачно кивнул:

— И все же: чем вы занимались посреди луга, святой отец? Почему не предпочли остаться за надежными стенами монастыря?

— Ах... — сокрушенно проговорил отец Бокильва. — Дело в том, что у нас возникли некоторые разногласия с аббатом.

— Разногласия? — переспросила Гвен, широко открыв глаза. — Но разве вы при постриге не давали обета бесприкословного повиновения ему?

— О да, давали, и потому, что не могли долее исполнять этот обет с чистой совестью, сочли за лучшее покинуть монастырь.

— Погодите, погодите! — воскликнул Род, подняв руку. — Какие же такие приказания мог отдавать аббат, что они не пришлись по душе даже монахам? — Однако он тут же осекся, вспомнив о новом поручении, полученном им от короля и королевы, и о том, чем оно поручение было вызвано. — Нет ли тут, случаем, какой-то связи с тем, что милорд аббат желает объявить об отделении Церкви Грамерая от Римской Церкви?

Отец Бокильва ответил ему долгим пристальным взглядом.

— У вас, похоже, превосходные гонцы, ежели вам так скоро доставили эту весть.

Род отмахнулся:

— У меня есть собственные осведомители.

— Понятно, — кивнул отец Бокильва, и по его лицу пробежала тень. — Ведь вы — Верховный Чародей, не так ли?

Род бросил на Гвен отчаянный взгляд:

— Я то и дело велю детям не болтать об этом. Да, святой отец, это так, и нынче утром я разговаривал об этом деле с его величеством.

Бокильва кивнул, не сводя глаз с Рода:

— Если так, то события развиваются быстрее, чем я предполагал.

— О, следовательно, когда вы покидали монастырь, об этом только разговоры шли?

Бокильва снова кивнул:

— Но мы ушли неделю назад, а это — слишком короткий срок при том, что господин наш аббат размышлял об этом шесть лет.

— Шесть лет? Погодите-ка... ну конечно, ведь именно шесть лет назад аббат выступил против Туана и отказался от своих намерений только из-за того, что отец Эл вручил ему послание от Папы, в котором аббату предписывалось исполнять все, что скажет отец Эл. — Род сжал ладонями

виски — у него вдруг закружилась голова. — Господи Боже! Неужели это было так давно?

— Нет, господин мой, — проговорила Гвен и накрыла руку мужа своей рукой. — Просто наши дети слишком быстро подросли.

— Спасибо за утешение, милая. — Род взял Гвен за руку и взглянул на отца Бокильву. — А то происшествие до сих пор не дает покоя аббату?

— Верно, — ответил священник. — Боюсь, он до некоторой степени подвержен мирской гордыне и сильно оскорбился из-за того, что его так унизили на глазах у воинов обеих армий. Однако об отделении от Римской Церкви он заговорил в последние три месяца.

— И я так предполагаю, заговорил весьма убедительно, — сказал Род и нахмурился. — Мне случалось слышать его проповеди. Аббат — почти столь же талантливый оратор, как король Туан.

Бокильва кивнул:

— Вы не склонны недооценивать его. На самом деле некоторые из причин отделения от Римской Церкви, которые упоминает господин наш аббат, имеют под собой почву, и почву весьма солидную: к примеру, он говорил о том, что ту власть, которой Папа некогда владел над островом Грамерай, он утратил из-за того, что столь долго не обращал на нас никакого внимания. В действительности, судя по тому, что нам было известно о Риме, Папа вообще не ведал о нашем существовании.

— Однако будьте справедливы: Грамерай тоже не посылал в Рим никаких вестей.

— А как мы могли бы это сделать? И именно этому посвящен следующий довод милорда аббата: Папа находится так далеко от Грамерая, что вряд ли ему может быть известно о том, что здесь происходит. Даже получив послание отсюда, он вряд ли осознает все проблемы отношения с властями так, как их понимает милорд аббат. А по-

мимо этого, существует еще жуткая путаница в богословских вопросах, от которой просто волосы дыбом встают. Взять хотя бы вопрос о власти апостола Петра и передаче этой власти или о правомочности главенства Римской Церкви в наши дни. Мы ведь даже не имеем понятия о том, что она считает грехом, а что — нет.

— Я бы сказал, что такие доводы несколько натянуты.

Отец Бокильва согласился:

— Несомненно, так и есть. Видите ли, милорд аббат с младых, как говорится, ногтей пребывал в убеждении о том, что Папа — наследник апостола Петра, правомочный глава Церкви, и что ему самим Господом дарована власть объявлять, что верно, а что — нет. Затем милорд аббат укреплялся в этих воззрениях, обучаясь священству, а став священнослужителем, принес обет повиновения его святейшеству.

Род проговорил:

— Однако трудно согласиться с наличием религиозной власти выше своей собственной, в то время как этот человек всю свою жизнь думал только о том, что, став аббатом, он овладеет всей полнотой духовной власти в Грамерае и станет вторым лицом в государстве после короля.

— Верно, но как раз слово «вторым» его и угнетает.

— О да! Вот из-за чего и разгорелся весь сыр-бор шесть лет назад: речь шла о том, кто от кого должен получать приказы — король от аббата или наоборот. Да, мысли о власти — большое искушение.

— Это так, и некоторые из нас пришли к согласию в том, что милорд аббат, полагая себя правым в сердце своем, всего-навсего ищет оправдания для себя в отделении от Рима и овладении всей полнотой власти.

— Там, откуда я родом, подобные оправдания мы называем рационалистическими. Как только человек наберет таких оправданий в достаточном количестве, он становится способным на все. Да, я понимаю ваши опасения.

— Точно, мы испытываем большие опасения. И мы не уверены в том, что наши обеты повиновения милорду аббату должны быть выше обетов его святейшеству Папе. И для того чтобы уйти от этого противоречия, мы и решили покинуть монастырь Святого Видикона и отправились в Раннимед, дабы здесь основать собственную обитель.

— Вы мудро поступили, — сказала Гвен. — Но разве это само по себе не является нарушением обета повиновения?

— Явилось бы, если бы нам было приказано остаться. Но этого не произошло.

— Конечно, не произошло, — с улыбкой проговорил Род. — На самом деле аббат и не ведал о вашем уходе — не так ли?

Отец Бокильва немного смутился.

— Думаю, не ведал, но мы не стали спрашивать у него разрешения, хотя это полагается по законам нашего ордена. Однако мы решили уйти независимо от того, нарушали мы этим обет повиновения аббату или нет, потому что боялись большего греха.

— А-а-а, понимаю! — воскликнула Гвен, сверкая глазами. — Вы ушли под покровом ночи, незаметно?

— Как тати в ночи, — пробормотал отец Бокильва и виновато глянул на Гвен. — Точно, мы крадучись выбрались из монастыря. Но хотя я и не чувствовал себя до конца правым в те мгновения, еще более неправым я бы ощущал себя, если бы остался.

Род понимающе кивнул:

— Мудрое решение, я бы так сказал. Но не пожелает ли аббат вернуть вас обратно?

— Может пожелать. Потому-то мы и удалились в Раннимед — в вотчину их королевских величеств.

— О! — Род выпрямился. — Благоразумный шаг, святой отец. В некотором роде вы вверили себя защите короля.

Отец Бокильва улыбнулся:

— Вряд ли милорд аббат станет затевать разбирательства с нами столь близко от их величеств — хотя бы из страха перед тем, что тогда король Туан узнает о том, что орден Святого Видикона не един во мнении по вопросу об отделении от Римской Церкви.

Род кивнул:

— Да, это очень разумно. Аббат не станет затевать шум под самым носом у короля. Но еще чуточку разумнее, святой отец, было бы дать их величествам знать о том, что вы находитесь здесь. Тогда они скорее смогут оказать свое покровительство.

Отец Бокильва покачал головой:

— Я бы предпочел этого не делать. Даже теперь нами владеет слишком сильное ощущение того, что мы предали наш орден. И я не думаю, что милорд аббат опустится до того, что прибегнет к силе ради нашего возвращения в монастырь.

— Хотелось бы и мне смотреть на природу человеческую через розовые очки, как вы, святой отец. Ну а если он отправит по вашим следам боевой отряд?

— Нет, — решительно возразил отец Бокильва. — Он — хороший человек, лорд чародей!

— Да, но не слишком сильный. Кроме того, священники также подвержены искушениям. И все-таки, просто ради интереса: что вы станете делать, если он вышлет против вас вооруженный отряд?

Отец Бокильва медленно проговорил:

— Что ж... Тогда я попрошу у вас совета, а у их величеств — покровительства.

— Мудро. Очень надеюсь, что вам не придется этого делать, святой отец.

— И все же вы полагаете, что это возможно, — испытующе глядя на Рода, проговорил священник. — Почему вам так кажется?

Род пожал плечами:

— Милорд аббат всегда представлялся мне человеком, способным выстоять против чего угодно — только не против искушения. И как вы только что упомянули сами, он изыскал немало оправданий, которые могут помочь ему перестать противиться искушению. Однако я не думаю, что эти оправдания он придумал сам.

3

Наконец в доме наступила тишина, и Род опустилсся в кресло у камина и испустил облегченный вздох.

— Что тут сказать? Они были очаровательны, но какое же счастье, когда они укладываются спать.

Он нахмурился.

Гвен заметила это.

— Но завтра ты не пожелаешь им доброй ночи.

— Нет, но через пару дней возвращусь — при хороших дорогах и славной погоде. Даже если аббат станет упрямиться. А если он заупрямится, переговоры на самом деле выйдут более короткими.

— Однако ты ожидаешь, что завтра могут показать зубы наши враги, верно?

От Рода не укрылось, что Гвен назвала футурианцев «нашими врагами». Вот это новость!

— Точно. Ты меня верно поняла.

— Зная тебя и помня те испытания, которые нам довелось пережить в прошлом, я сразу догадалась, кого ты имел в виду, когда сказал, что аббат, судя по всему, не сам измыслил оправдания для отделения от Римской Церкви. О каких бы еще подсказчиках ты мог говорить?

— Это верно, но подозревать влияние футурианцев — это уже превратилось в рефлекс. Мне они везде мерещатся.

Стоит тучам набежать на солнце в ясный день — и мне уже кажется, что они приложили к этому руку.

— Ну, до этого вряд ли дошло. На самом деле ты подзреваешь их присутствие всего пару раз в год и, как правило, один раз из двух не ошибаешься. Однако на сей раз я готова с тобой согласиться.

— О? — Род насторожился. — Так ты тоже видишь здесь руку тоталитаристов из будущего?

— Да, хотя мне больше кажется, что это те, кто против всякой власти. Пойми: все, что затевает аббат, может привести к войне, а разногласия между Церковью и королем с королевой вызовут в стране хаос. — Гвен обхватила плечи руками и зябко поежилась. — Вот так! А когда сотрясается Церковь, всем худо! Нет, господин мой, у меня самые мрачные предчувствия.

— Ну так поделись ими со мной. — Род поднялся, подошел к жене и уселся рядом с ней на одну из разложенных на полу подушек. — Зачем мучить себя подозрениями, если есть доброволец, готовый их выслушать?

И он продемонстрировал эту готовность, ласково обняв жену.

Гвен на миг напряглась, но в следующее мгновение прижалась к мужу.

— Господин мой, мне страшно.

— Я понимаю. Но не забывай, милая: устоит наш дом или нет — сие от Церкви не зависит.

Гвен пару секунд молчала, затем покачала головой.

Род нахмурился, запрокинул голову.

— Что? Ты думаешь, если рухнет Церковь, то и наш брак тоже рухнет? Но это предрассудок!

— Пусть так, но мы поженились в Церкви.

— Верно, но это мы так решили, а не Церковь. Ни один священник не сумеет создать или разрушить наше единство, милая, — это можем только мы сами.

Гвен вздохнула и теснее прижалась к нему.

— Что ж, это верно, слава Богу. Но все равно вера способна помочь.

— Ты не веришь в это! — Род возмущенно отстранился. — Да, конечно, я знаю, что Церковь не позволяет разводиться, но не думаешь же ты, что только поэтому я с тобой?!

— Нет, я так не думаю, — покачала головой Гвен и одарила мужа кокетливым взглядом из-под полуопущенных ресниц. Этот взгляд яснее ясного говорил о том, какого мнения Гвен о своих женских чарах.

Несколько минут спустя Род оторвался от губ жены, глубоко вдохнул и сказал:

— Да. Вот тебе и религиозные ограничения на предмет страсти... Нет, милая, ничего не могу с собой поделать — я так думаю, что мы с тобой остались бы женаты, даже если бы Церковь заявила, что нам следует расстаться.

— И мне так кажется, — согласилась Гвен и улыбнулась. — И все же, господин мой, я, как и все, кто живет в Грамерае, выросла в убеждении о том, что брак — таинство, нечто доброе и святое само по себе, и потому я не могу не думать о том, что именно поэтому я не выскочила замуж за первого встречного, а дождалась именно того, кого ждала всю жизнь.

— Что тут скажешь? Мое чувство собственного достоинства польщено, — прошептал Род на ухо жене. — Не забудь напомнить мне, чтобы я поблагодарил Церковь за это.

— Благодарю, — отозвалась Гвен совершенно серьезно, и Род, отрезвев, немного отстранился. Гвен продолжала: — И дань уважения к таинству, господин мой, и желание не осквернить его, господин мой, заставляют меня жаждать сохранить гармонию между нами. Неужто и ты не готов признаться в том, что питаешь подобные чувства?

— Вообще-то да, если честно, — признался Род и сдвинул брови. — И между прочим, некоторые из моих более приземленных знакомых из старых добрых времен на брак

смотрели скорее как на удобство, нежели как на подарок судьбы. И все же мне не кажется, милая, что отношение к браку целиком и полностью зависит от Церкви. Оно зависит от семьи, передается ребенку от родителей. Нечто вроде наследства, можно так сказать.

— Самое драгоценное наследство, — согласилась Гвен. — Но разве не случалось тебе наблюдать, что те, кто так думает, — приверженцы веры.

— Какой веры? Знаешь, когда я был маленьким, верований было великое множество, и подавляющее большинство из них определенно не были религиозными. Нет-нет, мне никогда не приходила в голову мысль провести их статистический анализ. Религия — это не тот вопрос, который было принято обсуждать в приличном обществе у меня на родине. На самом деле я знал нескольких людей, которые жили весьма по-христиански, но при этом никогда не посещали церковь. Человек способен читать Библию без помощи священника, милая.

— Да, но многие ли люди ее читают? Кроме того, господин мой, ты забываешь о том, что огромное множество жителей Грамерая неграмотно.

— Верно, и потому им приходится верить священнику на слово, когда тот говорит, что так написано в Библии. Вот почему я так упорно настаиваю на просвещении, милая.

— Я тоже ратую за просвещение, господин мой, ибо понимаю, что все, о чем наши дети узнают за пределами нашего дома, сильно влияет на них. Но что же это будет за учеба, если не будет Церкви, где они смогут учиться?

— От своих сверстников, товарищей по играм, они узнают больше, чем от священника, милая. Ты сама это отлично понимаешь.

— Да, и как раз поэтому мне и хотелось бы, чтобы их товарищи по играм также обучались тому, чему бы нам

хотелось. Но как же мы сможем быть в этом уверены, если не станет Церкви?

— Понимаю... — протянул Род. — Если Церковь станет Церковью Грамерая, кто знает, какие перемены нам суждены? Как знать — вдруг священникам позволят жениться? — Он кивнул. — А если священники начнут жениться, долго ли придется ждать того времени, когда они и разводы одобряют?

— Господин мой! Я и не...

— О нет, милая моя, я не это хотел сказать! И все же ты должна признать: если священник станет настолько беспринципен, что будет способен забыть об обете безбрачия, разве не логично, что он может выступить за разрешение разводов?

— Да... Тут есть доля истины. Но не все же священники помышляют о подобных уловках!

— Нет, — медленно проговорил Род. — Большинство из них — самые обычные люди, как все прочие. Они стараются быть лучше, но все равно остаются людьми — и хорошо, если им это удастся. Но бывают и такие, которые и в этом заходят слишком далеко.

Гвен явно была озадачена.

— Как же, интересно, священник может слишком далеко зайти, стараясь оставаться праведным?

— Уделяя этому чересчур много стараний. Ты же знаешь, это никому из нас не дается само собой. Попадаются священники, которые доходят до крайностей и становятся фанатиками. Они решительно верят в то, что и близко не подойдут к любому, что представляется им хотя бы отдаленно греховным, и кроме того, они с той же решительностью готовы не допустить, чтобы и остальные не приближались к греху, дабы, так сказать, о нас не запачкаться. Поэтому они решают, что все приятное греховно — песни, танцы, театр, секс...

— И любовь, — пробормотала Гвен.

— Ну, так далеко они не заходят. По крайней мере не решаются сказать об этом вслух. Но уж точно, они готовы позаботиться о том, чтобы ребенок почувствовал себя безмерно виноватым, любя кого-то сильнее, чем Бога, и — страшным грешником от всякой мало-мальски похотливой мысли. Не говоря уже о том, что такие священники заставляют детей думать, что они должны посвящать любую свободную минуту молитве — не смейся, милая, я таких встречал. «Милорд, — говорят они, — вы читали “Жития святых”?»

— И правильно, господин мой. Святые были добрыми и набожными людьми.

— Они были коллекцией психопатов! Неужто ты мечтаешь о том, чтобы твой собственный сын отказался от всего, что связывает его с тобой, и решительно заявил, что между вами более нет ничего общего? Или тебе сильно хочется, чтобы у твоей дочери колени покрылись язвами из-за того, что она постоянно стоит на шершавом каменном полу и истово молится?

Гвен содрогнулась:

— Господин мой! Что за святотатственные речи!

— Святотатственные — вот уж право! Да это прямые цитаты из жизнеописаний святых! А ты не обращала внимания на то, что очень немногие из них имели детей?

Гвен вздрогнула, но упрямо проговорила:

— Я замечала, что немногие из них опускались до осуждения мирян, господин мой, а также сторонились греха, и злые люди потому не могли использовать их ради своих дурных целей.

— Что верно, то верно, — признал Род. — Считанные единицы из них позволяли сутенерам совратить их и сделать шлюхами и обратить в рабынь — но это было до того, как они стали святыми. Крайне трудно в чем-либо упрекнуть того, кто даже не позволяет людям приблизиться к себе. И все же ты должна согласиться, милая: мало чем

можно помочь человечеству, если проводишь все время в молитвах.

— Думаю, святые так не поступали.

— Некоторые именно так и жили! Они уходили от мира и превращались в отшельников. Но более всего меня волнуют те, которые оставались в своих деревнях, были вынуждены терпеть насмешки и остракизм, и в итоге им приходилось отворачиваться от своих соседей. Несомненно, такое происходило из-за того, что они были из числа пары-тройки по-настоящему порядочных людей в этих погрязших во всех смертных грехах деревушках или городах... но поймет ли все это семилетний ребенок?

Гвен покраснела, но строптиво сжала губы.

— О да, конечно — *наш* семилетний ребенок поймет! Только не стоит его переоценивать, милая! Только из-за того, что он понимает все с первого раза, не надо думать, что он понимает и те вещи, о которых ему *не* говорят! Говори что хочешь — но и из-за набожности можно стать жертвой!

— Может, и так, — вздернув подбородок, отозвалась Гвен. — Однако мне не случалось встречать никого, кто бы от этого страдал.

— Вероятно, но все же ты должна признать, что тебе попадались люди, готовые вести себя только так, как им велит приходской священник, — из страха, что, согрешив, умрут в следующее мгновение и потом будут вечно гореть в адском пламени.

Гвен молчала. Она словно окаменела.

— Признайся, что это так! Ты знала таких людей — десятки бедных крестьян, у которых нет иного выбора, как только верить священникам, потому что их никто никогда не учил мыслить самостоятельно.

— Не могу спорить с этим, — негромко, но грозно проговорила Гвен. — Однако я знала гораздо больше людей, с которыми все было иначе.

— Может быть, может быть, но меня гораздо больше пугает как раз то, что в жизни мне встречалось огромное количество *образованных* людей, которые страдают той же болезнью! Они знают, как думать, но боятся — потому что в конце концов священник знает, что хорошо, а что плохо: это его работа. Эти люди до сих пор не поняли, что, если задать двоим священникам один и тот же вопрос, порой получаешь два разных ответа.

— Но это обман!

— Может, и так — но это так и есть.

— Да, это обман! Это бесчестно, это...

— Что я слышу? Что за слово просится тебе на язык? «Это святотатственно» — не так ли? А может быть, тебе хотелось произнести слово «богохульно»? Усомниться в правоте священника — это ведь почти то же самое, что поставить под вопрос существование Бога? — Род покачал головой. — Нет. Священник — всего лишь человек — такой же, как любой из нас. И когда мы забываем об этом, мы начинаем просить его заботиться о нашей совести вместо нас.

— Да что ты такое говоришь! — гневно взглянула на мужа Гвен.

— Да ничего особенного. Просто когда кто-то не уверен в том, что хорошо, а что — плохо, и когда такой человек боится разобраться в этом сам — потому что страшится, приняв неверное решение, сгореть в аду, — он просит священника принять решение за него. И тогда он слышит мнение священника, но несчастный грешник воспринимает это мнение как непреложную истину. Нет, милая, боюсь, я вынужден сказать, что большинство знакомых мне людей обращаются в трусов, когда речь заходит об их душе. И они почти всегда готовы передать свои души специалистам в этой области.

— Ты... ты просто дерзкий плут, Род Гэллоугласс! — воскликнула Гвен, вскочив на ноги. — Тебе противен тот из людей, кто способен взять власть над тобой.

— Ты знаешь, что это не так, — медленно поднявшись, проговорил Род, не отводя глаз от жены. — Когда нужно — я исполняю приказы. Тогда, когда я уверен в том, что тот, кто дает мне приказ, лучше разбирается в сути дела, чем я. В таких случаях я обязан действовать. Но, кроме того, я и сам способен принимать решения.

— Как и все остальные! А твои суждения о других людях проистекают из безмерной гордыни!

— Вот мы и договорились! — выкрикнул Род и наставил на жену указательный палец. — Ты меня осудила! Решила, что ты выше богов! Но священник — не более Бог, чем я!

— А можешь ли ты утверждать, что ты ближе к Богу, нежели тот, кто всю свою жизнь посвятил молитвам?

— Да, если учесть, что всю свою жизнь я стараюсь поступать так, как, мне кажется, хочет от меня Господь, — выпалил Род и на миг умолк. — Но скажи... откуда вдруг взялась вся эта набожность? Что-то прежде я за тобой не замечал склонностей типа «kuche, kirke, kinder»*!

Гвен отвернулась. Ее гнев сменился грустью.

— Может быть, я успела приобрести такие склонности, а ты и не заметил.

— По всей вероятности. А мне-то казалось, что я все в тебе замечаю. — Род нахмурился. — Уж точно: ты — мой любимый объект наблюдений. И когда же это произошло?

— Как только я стала матерью, господин мой, — медленно произнося слова, отозвалась Гвен. — Дети подрастали, и я укрепилась в этом. И я должна заверить тебя в том, что мои слова — чистая правда, но тебе этого никогда не понять, хотя ты — отец семейства.

— Ну почему же «не понять»? — сразу смягчившись, возразил Род. — И когда это я тебе не верил? Но чем же материнство так сильно отличается от отцовства?

* «Кухня, церковь, дети» (нем.) — девиз «идеальной» немецкой женщины.

— Думаю, отличается, господин мой, хотя, как и тебе, мне неведомо то и другое одновременно. Но понимаешь... все дело в чувствах, а не в ведении или неведении. Произвести на свет новую жизнь из собственного тела — это как бы приближает тебя к другому миру. Да, это и есть один из источников моей внезапной набожности, как ты это называешь, а другой источник того и гляди пробьется, как родник, пробивающий камень. — Она взяла Рода за руки и посмотрела ему в глаза. — Не забывай о том, господин мой, что наш старший сын стоит на пороге бурной юности и что наша дочь также близка к тревожному возрасту, ибо девочки растут быстрее мальчиков.

— Подростковые проблемы. Да, понимаю, — серьезно отозвался Род. — Это происходит со всеми, и этого не избежать, милая.

— Верно. Однако осознание этого заставляет меня больше думать о тех опасностях, которые поджидают наших детей, наших сокровищ, в мире. Поэтому я и размышляю так много о том, что помогло бы им защититься от этих мирских опасностей.

— К примеру, о Церкви и ее учении? — тихо спросил Род.

Гвен собралась ответить ему, но в это мгновение скрипнула дверь. Обернувшись, родители увидели на пороге заспанного Грегори. Мальчик, сонно моргая, стоял на пороге своей комнаты в длинной ночной рубашке. Гвен бросилась к нему, прижала к груди, ласково забормотала:

— Тебе приснился дурной сон, моя радость?

— Нет, мамочка, — ответил Грегори. — Я совсем не могу уснуть.

— Не можешь уснуть? — Род, нахмурившись, подошел к жене и сыну. — Что случилось? Может быть, ты разволновался из-за монахов?

Малыш кивнул.

— Не переживай, сынок. — Род бережно обнял сына. — У них крепкий дом, у них есть щиты. Им ничто не грозит.

- Не в этом дело, папа, — пробормотал Грегори.
— А в чем же? — с тревогой спросила Гвен.
Грегори посмотрел на нее широко открытыми глазами.
— Меня... меня так тянет к ним, мамочка... И я думаю... вот вырасту и тоже стану монахом.
• Род окаменел. Его словно молнией ударило.

4

— Нет, говорю тебе, брат Альфонсо! Не мое это призвание — править!

Брат Альфонсо нетерпеливо, раздраженно скривился.

— Если это не было вашим призванием, милорд, вы бы не стали аббатом!

Аббат гневно глянул на монаха, отвернулся и поджал губы.

Брат Альфонсо позволил себе едва заметно усмехнуться.

— Однако, милорд, я говорю не о правлении, а о правоте. Вы поступили правильно и мудро.

Аббат печально нахмурился.

— И все же я озабочен, брат. Епископ Рима в конце концов — наследник власти Петра.

— Верно. В том смысле, что он пастырь душ людей, обитающих в Риме. Однако в том, что он унаследовал ключи от Царствия Небесного, у меня большие сомнения.

— Сомнения — грех, — не слишком убежденно отозвался аббат.

— Ну, тогда скажем: «раздумья», — нетерпеливо пожал плечами брат Альфонсо. — Но вы сами подумайте, милорд: когда Папа непогрешим?

— Когда он говорит *ex cathedra* *, — без запинки ответил аббат.

* с кафедры (*лат.*), т.е. авторитетно, непререкаемо, от имени самой Церкви.

— А что означает *ex cathedra*? Разве это происходит не тогда, когда Папа предварительно переговорит на совете с возможно большим числом кардиналов и епископов?

Аббат промолчал.

— Следовательно, непогрешим не Папа, а совет, — настойчиво продолжал брат Альфонс. — Но разве Христос отдал ключи от Рая совету? Нет!

— На этот вопрос существуют ответы, — пробормотал аббат.

— О да, и я слышал их — и самый лучший из них тот, что время от времени Папа говорил *ex cathedra*, противореча мнению совета! Но для чего тогда надо вообще созывать совет?

— Для того чтобы Папа имел возможность выслушать все мнения и обдумать их, а уж потом говорить.

— Точно! И что же, вас удовлетворяет такой ответ?

— Какое это имеет значение? — недовольно проворчал аббат. — Единственное: я должен продолжать искать ответ.

— И никогда не найдете, — с мстительным удовольствием констатировал брат Альфонсо. — Однако теперь следует ответить на более насущный вопрос, требующий действий.

— Да? — Аббат резко развернулся к монаху. — А именно?

— Вопрос в том, что король стремится захватить неограниченную власть, и скоро дело дойдет до того, что он попытается править Церковью!

— Не он, но королева, — проворчал аббат.

— Значит, он — марионетка в ее руках! Берегитесь королевы: прежде она уже заявляла, что в ее власти назначение приходских священников!

— Она отказалась от этого, — напомнил монаху аббат.

— Да, но долго ли ждать, когда она снова этого пожелает? При том, что королевские войска стоят гарнизонами в каждом городке, и даже самые могущественные из лордов не дерзнут противиться его воле из страха перед войс-

ком? О нет, милорд! Если вам и надо выступить против этого гордого и дерзкого правителя, то теперь, покуда его власть не укрепилась окончательно!

Аббат молчал, глядя за окно, где простирались пастбища.

— Папе все это неведомо, — напомнил аббату монах. — И он не в состоянии оценить всю важность происходящего здесь.

Аббат медленно кивнул:

— Ты прав. И я верно поступил, объявив о своем решении.

Брат Альфонсо испустил вздох облегчения.

— Да нет же, я вовсе не против того, чтобы мальчик стал священником, если из-за этого он будет счастлив. — Род запрокинул голову, чтобы лицо обдувал свежий встречный ветер. Через несколько минут до него дошло, что Векс ему не ответил: единственным звуком, нарушавшим тишину, были триоли, издаваемые копытами коня. — Ты мне не веришь...

— А ты сам себе веришь, Род?

— Ладно, будь по-твоему! Ну не хочу я, чтобы мальчик становился священником! Но если таково его естественное устремление, он обязан им стать!

— Но ты не уверен в том, что это — его призвание, — перевел тираду Рода Векс.

— Нет, проклятие, я в этом не уверен! Думаю, просто-напросто его охмурили речи священников. Они ведь то и дело твердят о том, что священнослужительство — высшее из призваний!

— Вполне естественно, что они так полагают — ведь они сами священнослужители.

— Верно. Но они не имеют права навязывать свою точку зрения остальным, — буркнул Род. — Однако именно

этим они и станут заниматься, если Церковь Грамерая провозгласит свое превосходство в государстве.

— А как иначе? В средневековом обществе духовенство всегда было первой властью.

— Наиважнейшей и наилучшей, — хмыкнул Род и брезгливо скривился. — Очень плохо, что обо всем этом не ведет Папа.

— Но почему, Род? — Голос Векса звучал чуть дальше уха Рода. Коню-роботу не было нужды транслировать свои мысли на частоте человеческих: с хозяином он разговаривал через миниатюрный наушник, имплантированный в височную кость Рода.

Род медленно кивнул:

— Пожалуй, мы могли бы отправить ему послание... Ведь твой передатчик в исправности, Векс, а?

— В полной исправности, Род. Я по-прежнему отправляю твои ежемесячные отчеты куда следует.

Род от изумления открыл рот:

— Но я уже целый год как не пишу никаких отчетов!

— Я предположил, что ты не против того, чтобы возложить на меня ответственность за кое-какие регулярные мероприятия...

— Конечно, — кивнул Род и поджал губы. — Да-да, само собой. Но только в следующий раз не забудь дать мне знать, ладно?

— Несомненно, Род.

— В конце концов, это будет обычной любезностью с твоей стороны. Да, кстати говоря, и о чем же я сообщал?

— Всего лишь о главных действиях со стороны короля и королевы со ссылками на реакции населения. Никаких упоминаний о волнениях в среде духовенства не было.

— Вероятно, именно потому, что и никаких волнений не было. Кроме как в среде, скажем так, самого аббата, — задумчиво проговорил Род. — И вероятно, без поддержки клерикалов он вряд ли решится на то, чтобы довести ситу-

ацию до состояния кризиса. Нет, Векс, не думаю, чтобы стоило сейчас отправлять экстренное донесение. В том числе — и в Ватикан. Еще не время.

— Как скажешь, Род, — вздохнул Векс.

От Рода не укрылась интонация, с которой это было сказано: то была интонация терпеливого великомученика.

— Ты полагаешь, что проблема серьезнее, чем кажется?

— Она может стать такой. В средневековом мире самый быстрый путь к установлению тоталитарной власти пролегает через Церковь.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сдвинув брови, проговорил Род. — Приходские священники и так уже обладают обширной властью над всеми проявлениями жизни своих прихожан — хотя бы за счет того, что они говорят им, что греховно, а что — нет.

— Однако в этом они ограничены официальными позициями Церкви.

— Нет, если они о таких позициях не слышали. Здешние клерикалы были, мягко говоря, маленько не в контакте со своими вышестоящими начальниками где-то лет эдак тысячу. И потом: одно только то, что священник уяснит для себя, чему учит Рим, вовсе не означает, что он непременно с этим согласится.

— Но уж наверняка приходской священник не станет проповедовать благочестивость утраты невинности, когда Рим учит тому, что это греховно!

Род снова обратил внимание на то, каким тоном это было сказано.

— Почему-то у меня сильное подозрение, что ты не так уж сильно возмущен, как хочешь мне показать.

— У тебя по-прежнему сложности с восприятием сарказма, — буркнул в ответ конь.

Род довольно кивнул:

— Я так и думал. Нет, конечно, я так думаю, что относительно утраты невинности у этих ребят из племени с вы-

бритыми макушками полное единогласие. Но взять, к примеру, хотя бы... ну, допустим, вопрос об эволюции. В две тысячи двести тридцать седьмом году Церковь наконец ее признала, когда антропологи обнаружили скелет *Homo fidelis**.

— Да, я припоминаю сообщение об этом. — В ту пору Векс только-только сошел с конвейера. — Споров было немало, но в итоге и богословы, и антропологи пришли к выводу о том, что *fidelis* — нечто вроде иконы.

— Точно. И этому ты меня учил, когда мне было десять лет. Но и теперь, триста лет спустя, мне попадаются священники, которые учат тому, что верить в теорию Дарвина греховно.

— Человечество естественным образом противится переменам, — вздохнул Векс. — Порой мне кажется, что ваш род следовало бы назвать *Homo habitualis***.

— «Человек привычки»? Вот как? — улыбнулся Род. — Но думаю, это не относится к монахам.

— Я бы не стал их исключать из этого ряда. И Церковь не стала бы, обзаведись она мировым господством. На самом деле, если бы так случилось, монашеские облачения могли бы стать обязательными для всех.

— Ну нет, это уж ты загнул! Как бы тогда можно было с первого взгляда отличить священнослужителя от мирянина? Ведь тогда духовенство лишилось бы привилегий. Но в одном я не сомневаюсь: какую-нибудь единую форму одежды для мирян церковники бы наверняка изобрели и ношение всякой другой одежды объявили бы преступлением.

— Это наверняка вызвало бы сопротивление народных масс, Род. А вот объявить нарушение формы одежды грехом Церковь вполне могла бы, и тогда народ послушался бы.

* Человек верный (верующий) (лат.).

** Человек привычки (лат.).

Род поежился.

— Тут ты, похоже, прав. Никогда не стоит недооценивать чувство вины.

— Я и не недооцениваю, — негромко отозвался Векс. — Уверяю тебя.

— Отец Матфей! К нам идут!

Отец Бокильва оторвал взгляд от раствора, которым он обмазывал стены. Все мышцы его тела напряглись, однако когда он окликнул дозорного на сторожевой вышке, голос его прозвучал более или менее спокойно.

— Поднимай тревогу, брат Феннель. Что, снова разбойники?

— Нет, отец Бокильва, это братья из нашего ордена. Однако я не вижу тонзур. У них на головах блестят стальные шлемы.

Отец Бокильва замер.

— Вот как? Что ж, у нас тоже есть стальные шлемы. Поднимай тревогу, но не забывай: они из нашего ордена.

Сверху послышался звонкий свист, и по всему лугу занятые своими делами монахи прекратили работы и обернулись к сторожевой вышке.

Отец Бокильва с улыбкой обернулся к монаху, что стоял рядом с ним.

— Брат Иеремия, я так думаю, у брата Арнольда и брата Орто уже готов обед. Будь так добр, попроси их накрыть на стол через часок. У нас гости.

«Гости» с угрюмыми лицами прошагали по траве между бороздами вспаханной земли. Поглядывая на выстроившихся по обе стороны монахов, они крепче сжимали свои посохи. Естественно, монахи-беглецы не выдержали и принялись выкрикивать:

— Брат Ландо! Вы только полюбуйте на него!

— Отец Мило! Вот уж радость видеть тебя!

— Эй, брат Бриго! А ты, похоже, по-прежнему чревоугодничаешь!

А потом хозяева принялись обнимать гостей, хлопать по спине. О посохах, палках и кинжалах было забыто.

Отец Бокильва радовался больше других.

— Добро пожаловать! — звучал его голос громче всех. — Добро пожаловать, братья наши! Что за радость видеть вас! Великая радость!

— И мы, и мы рады видеть вас, — с усмешкой проговорил предводитель делегации, обнял отца Бокильву за плечи, затем отстранился и посмотрел ему в глаза. — Однако, отец Матфей, нехорошо ты поступил с нашим добрым аббатом.

— Ни слова об этом, отец Фома! Ни слова! — Отец Бокильва положил руку на плечо гостя и повел его к дому. — Отец Арнольд и брат Орто все утро хлопотали, готовили угощение, и сперва вы должны поесть, а уж потом будем говорить о делах.

Обед прошел на диво весело. Монахи, не видевшие друг друга целый месяц, хохотали и сплетничали. По обоюдному молчаливому согласию об аббате даже не упоминали до тех пор, пока отец Фома не откинулся на спинку стула с блаженным вздохом и стал орудовать зубочисткой.

— Ох! Наша трапезная тоскует по тебе, брат Орто!

— Но еда у нас самая скромная, — улыбнулся брат Орто, хотя явно был доволен похвалой. — Всего-то хлеб, сыр да яйца. Вот ежели вы к нам через годик наведаетесь, не сомневаюсь — мы вас и мясом сумеем угостить.

Отец Фома изумленно вздернул брови.

— Только через год? Будет тебе, брат! Если ты теперь вернешься с нами в монастырь, у тебя будет вдоволь свинины для жарки и даже неплохая говядина!

— Так, значит, — заметил отец Бокильва, — вы хотите, чтобы мы вернулись, только потому, что скучаете по стряпне брата Орто?

— Время для шуток миновало, отец Матфей, — серьезно ответил отец Фома, склонился к столу и нахмурился. — Вы давали обет повиновения аббату, и теперь он просит вас вернуться под кров нашей обители. — Он извлек из складок сутаны свиток и положил его на стол перед отцом Бокильвой. Тот даже не пошевелился. Тогда отец Фома предложил ему: — Распечатай свиток, если сомневаешься в моих речах!

— В твоих речах я нисколько не сомневаюсь, отец Фома, — спокойно отвечивал Бокильва. — Однако у нас есть и другие обязательства, которые намного выше нашего долга перед милордом аббатом.

— Не может такого быть. О каких обязательствах ты говоришь?

— О нашем долге перед Папой.

— Папа не имеет права распоряжаться на Грамерае, — вступил в разговор другой монах. — И никогда не имел.

— Вот как? — Отец Бокильва с улыбкой повернул голову к нему. — И откуда тебе это ведомо, брат Мелансо?

— Оттуда, что нам так говорил отец наш аббат!

Отец Бокильва подавил желание съязвить и сказал только:

— А нам представляется так, что он ошибается.

— Он не может ошибаться — он аббат, — поспешно проговорил отец Фома.

— Не может? — Отец Бокильва вздернул брови и посмотрел на отца Фому. — Что же он, непогрешим?

Отец Фома покраснел.

— Уж точно, он мудрее тебя!

— Почему же? Господь не поставил его на его место за его познания, отец Фома. Он был избран на конклаве всей братией, а избрали его за то, что он обладает даром умения объединять всех для общих трудов, а вовсе не за его познания в богословии.

— Если его избрали из-за этого, стало быть, избрали и из-за всего прочего!

Но отец Бокильва покачал головой:

— Я всего лишь избрал его аббатом, отец Фома. Аббатом, а не королем.

Отец Фома откинулся на спинку стула. Лицо его стало бесстрастным.

— Ну вот мы и договорились до самой сути. Наш добрый господин аббат не желает царствовать, отец Бокильва. Он желает только печься о том, чтобы их величества вели себя высококонравственно.

— *Quid est**, что он предполагает следующее: как только он объявит, что то или иное деяние неверно, их величества от такового деяния откажутся.

— Разве это неправильно?

— В этом есть смысл, — согласился отец Бокильва, — однако это пахнет и тем, что, когда милорд аббат велит их величествам совершить деяние, которое, на его взгляд, будет правым, король и королева будут обязаны выполнить его требования.

— А тут что дурного? — спросил отец Фома.

— Дурно то, что тем самым господин наш аббат испытает искус власти, — отвечал отец Бокильва. — Его поприще духовное, а не мирское.

— Однако мир должен жить по духовным законам!

— Верно, но люди должны иметь возможность выбора, а не жить по принуждению. Когда правые дела насаждаются силой, они перестают быть правыми.

— Ты хочешь сказать, что наш аббат ошибается? — проворчал невысокий широкоплечий монах.

— Я хочу сказать, что он близок к прегрешению, — невозмутимо ответил ему отец Бокильва.

— Изменник! — Монах резко поднялся и выхватил из-под плаща кинжал.

* Что означает (*лат.*).

В следующее мгновение трапезный стол был перевернут. Монахи вскочили и схватили куотерстафы.

— Нет, брат Эндрю! — Отец Фома поднял руку, чтобы предотвратить удар.

За считанные мгновения хаос прекратился. Монахи разбились на два вооруженных отряда. Гости гневно смотрели на своих противников, а хозяева столь же гневно — на своих бывших собратьев. Отец Фома сумел унять свою ярость и сказал отцу Бокильве:

— Я довольно хорошо знаю тебя, отец Матфей, чтобы уважать твою веру. Ты считаешь себя правым, хотя на самом деле ошибаешься. Однако не забывай о том, отец Матфей, что и твой собственный дар, и дарования твоих собратьев стали столь могущественными только потому, что все вы возросли под опекой и в заботах нашего ордена.

Отец Бокильва не дрогнул и молчал так долго, что в конце концов ответил отцу Фоме седовласый отец Арнольд:

— Мы безмерно благодарны ордену за заботу — о нет, лучше сказать: обязаны ему самой жизнью своею, ибо любого из нас могли сжечь на костре обезумевшие толпы, если бы мы не обрели приют за стенами монастыря.

— Так вернитесь же туда! Вы не имеете права выказывать свои дарования на миру, ибо большая часть вашей силы принадлежит ордену!

— Мы не покинули орден, — медленно, старательно выговаривая каждое слово, возразил отец Бокильва. — И не желаем его покидать. Мы просто начали строительство новой обители.

— Монашеская обитель в Грамерае должна быть единственная, отец Матфей! Тебе прекрасно известно, сколь важна в нашем деле тайна!

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Однако вам не следует опасаться: мы не станем упражняться в наших способностях нигде, кроме как за стенами этого дома, где нас никто не будет видеть, кроме нас самих.

— А если какой-нибудь крестьянин заглянет сюда через щелочку в стене? А если он расскажет об увиденном всем своим соседям? Что тогда станется со всем духовенством в этой стране?

— Мы стараемся изо всех сил, чтобы такого не случилось. Потому мы с таким тщанием и обмазываем стены нашего дома глиной, — отвечал отец Бокильва. — Следим мы также и за тем, чтобы каждый из нас сохранял свой Щит, и наблюдаем за сознанием приближающихся к нашей обители крестьян. Не могу поверить, чтобы ты, отец Фома, заподозрил нас в подобной неосмотрительности.

— В чем только я не могу вас заподозрить — при том, что вы покинули пределы монастыря? — в отчаянии вскричал отец Фома. — Разве вы не понимаете, что наша обитель, как Тело Христово, слабеет от потери хотя бы одного из членов своих?

— Ах вот оно что, — негромко проговорил отец Бокильва. — Стало быть, тревожит вас не наш уход сам по себе, и не то, насколько он прав или не прав, и даже не возможность того, что миряне обнаружат нашу сущность. Вас пугает ослабление обители аббата.

Отец Фома промолчал, но его лицо потемнело от гнева.

— И где же тут, спрашивается, честность и праведность? — пробормотал отец Арнольд.

— Довольно слов, — буркнул отец Фома и извлек из складок своего облачения дубинку. — Что праведно, а что нет — это решать отцу нашему аббату, а не тебе, отец Матфей, ибо ты не умнее меня. И ты поступишь так, как тебе велено. И все остальные тоже.

— Мы не отвернемся от его святейшества Папы, — решительно отозвался отец Бокильва.

— Ну так получай же! — прокричал отец Фома и замахнулся дубинкой.

Отец Бокильва мгновенно выхватил палку и парировал удар отца Фомы, но в это же мгновение получил по ма-

кушке дубинкой от отца Эндрю. Настоятель новой обители пошатнулся, хотя голова его была покрыта стальным шлемом, и попятился, но отец Арнольд успел подхватить его левой рукой и поддержать, а правой рукой, в которой он сжимал куотерстаф, блокировал новый удар отца Эндрю. Отец Фома предназначил ему очередной удар, но этот удар на свой куотерстаф принял брат Орто, после чего развернулся и парировал удар брата Виллема. Отец Фома снова размахнулся, но к этому времени отец Бокильва пришел в себя и заслонился от удара куотерстафом — пусть чуть запоздало, но верно. Брат Феннель ухватился за дубинку брата Эндрю сзади, когда тот взметнул ее, и коротышка с ревом развернулся, чтобы нанести Феннелю сокрушительный удар, но его более рослый соперник закрылся и нанес ответный удар.

По всей просторной трапезной монахи дрались, пытались сразить друг друга. Прочное дерево ударялось о стальные шлемы. Несколько монахов упали на пол. Их собратья спотыкались о безжизненные тела.

Неожиданно с грохотом распахнулась дверь, и в трапезную вбежал мужчина в дублете и лосинах, а за ним — десяток вооруженных людей, которые проворно разбежались по комнате и выстроились вдоль стен. Послышалось гулкое пение рога. Человек, стоявший рядом с незнакомцем, оглушительно проревел:

— Всем стоять! Перед вами — бейлиф его величества короля!

Монахи замерли, опустили оружие, оглянулись.

— Что это за безобразие! — вскричал бейлиф. — Что я вижу перед собой! Бывает ли нечто более противостественное, нежели зрелище того, как люди Божьи заняты дьявольскими деяниями!

Отец Фома выпрямился, его лицо уподобилось высеченному из камня.

— Не смей поучать священников праведности, мирянин!

Один из воинов шагнул вперед и нацелил на отца Фома пику, но бейлиф остановил его, предостерегающе подняв руку.

— Не будем пускать в ход оружие. Неужто, брат, вам и дела нет до того, какое бесчинство вы затеяли?

Отец Фома побагровел, но ответил:

— О да, воистину это бесчинство, ежели нам, облаченным в монашеские одеяния, придется действовать так, коли мирская власть бездействует!

— Что ж, раз так, позвольте нам приступить к делу, — отвечал бейлиф и кивнул, дав знак своим людям. — Арестуйте их, во имя короля!

— Стойте! — побледнев, воскликнул отец Фома. — Вы не имеете права арестовывать церковников!

— Взяв в руки оружие, вы утратили защиту, которую вам дарует облачение, — спокойно возразил бейлиф, — а я имею власть над всяким, кто нарушает мир во владениях короля!

— Нет, не имеешь! Все духовенство Грамерая подчиняется аббату, и только ему!

— Вот как? Ну так позовите своего аббата, и пусть он простит вам ваши прегрешения!

— Так я и сделаю, — прищурившись, заявил отец Фома. — Отойдите, — распорядился он, кивнул своим монахам и прошагал к дверям, громко стуча по полу посохом. На миг показалось, что он, того и гляди, столкнется с бейлифом, но этот достойный человек в последнее мгновение отступил и с низким насмешливым поклоном дал дорогу монахам. Когда последний из них миновал его, бейлиф встал на пороге и проводил их взглядом.

— Вилликен, — приказал он, — возьми с собой пятерых да проводите их. Приглядите, чтобы они шли своей дорогой.

Вилликен отдал бейлифу честь, махнул рукой своим людям и отбыл в указанном направлении.

Бейлиф развернулся и устремил пытливый взгляд на отца Бокильву.

— Ну а теперь, любезный брат, потрудитесь втолковать мне, в чем была причина этой потасовки?

5

Монах отворил дверь и ухитрился согнуться так, что, по сути, не поклонился. Род постарался не обращать на него внимания и вошел в кабинет.

— Приветствую вас, милорд аббат.

— Привет и вам, — отозвался аббат. По голосу было такое впечатление, будто он улыбается, но вот руку он Роду протянуть забыл. И хорошо сделал: Род был не большим любителем целовать чьи-либо перстни.

Монах, открывший Роду дверь, вошел в кабинет следом за ним и встал рядом с аббатом. Аббат указал на него и представил:

— Мой секретарь, брат Альфонсо.

Род коротко, но внимательно взглянул на монаха, стараясь хорошо запомнить его лицо. Любой приближенный аббата запросто мог быть врагом. Бледное худое лицо, алчный взгляд, тщедушная фигура. Ну и само собой — тонзура, обрамленная венчиком редких волос. А главное — глаза, горящие глаза.

Род отвел взгляд. Он твердо решил игнорировать этого человека.

— Я прибыл с приветствиями от их величеств, милорд.

— Рад слышать, что мои чада помнят обо мне.

О, вот оно как! «Мои чада»... Следовательно, аббат имел право «своих чад» бранить и миловать.

Аббат указал в сторону стола, стоявшего около высокого стрельчатого окна.

— Не откажетесь ли присесть?

— Благодарю, не откажусь. Путь был долг.

На самом деле, проведя почти двое суток в седле, Род предпочел бы постоять, но делать беседу с аббатом еще более официальной, нежели она была, ему совсем не хотелось. Чем уютнее она будет обставлена, тем лучше — так он думал. По возможности, он желал восстановить дружеские отношения с главой Грамерайской Церкви.

По возможности.

Аббат тоже сел к столу и дал знак брату Альфонсо.

— Будь добр, подай нам вина.

Струйка вина хлынула в кубок аббата, затем (чтобы не оставалось никаких сомнений в том, кто здесь главный) — в кубок Рода. Быть может, с точки зрения этикета это было и не слишком хорошо, зато сразу стало откровенным заявлением. Род, однако, подождал, пока хозяин пригубит вино.

Аббат поднял кубок и предложил тост:

— За Грамерай.

— За Грамерай, — эхом отозвался Род, радуясь тому, что за это выпить он был готов от души. Однако он сделал крошечный глоток, поскольку терпеть не мог сладкие вина.

Аббат выпил не больше — чисто символически. Затем он откинулся на спинку стула и повертел в руке кубок.

— Чем я обязан радости видеть вас?

И было такое ощущение, словно он и впрямь рад видеть Рода — вот только по каким-то своим причинам.

— Их величества со все нарастающей заботой следят за ролью Церкви в Грамере, милорд.

— Воистину, — проговорил аббат напряженно, но с улыбкой, — им и следует заботиться об этом, ибо только богобоязненная страна может быть мирной и единой.

— Что ж, с этим я по крайней мере согласен, — облегченно отозвался Род. — Если все люди в стране исповеду-

ют одну и ту же религию, она служит сплавом для государства.

— Странно сказано, — нахмурился аббат. — Не скажу, что я готов с этим спорить, но у меня такое чувство, будто вы почитаете религию орудием государства.

«А разве она всегда не была таковой?» — подумал Род, но вслух этого не сказал, поскольку припоминал несколько случаев, когда все было с точностью до наоборот.

— Вовсе нет, милорд. Воистину, Церковь соотносится с государством, как душа с телом.

— И тело без нее мертво? — Аббат снова улыбнулся. Казалось, он немного расслабился. — Славно сказано, славно. Я на редкость утешен тем, что мои царственные чада видят это столь ясно.

Род не совсем был уверен в том, что их величества выразили бы эту мысль такими же словами, как он: «Ну да ладно», — решил он.

— Однако, милорд, если тело болеет, душа страдает.

— Нет — если в ней жива мысль о Царствии Небесном, — возразил аббат и нахмурился. — Однако я согласен с тем, что больной человек может быть склонен к гневу и отчаянию. И все же подобные испытания закаляют душу, если человек их смиренно переносит.

Род вдруг вспомнил о горящих руинах деревни, которые видел вскоре после налета разбойников.

— Это верно, однако болезнь не стоит пестовать. По крайней мере так меня учили в детстве: грешно вредить собственному телу, поскольку оно — храм Господень.

— И это верно, — не стал спорить аббат, однако нахмурился еще сильнее. — Но не ошибайтесь: для вечной жизни тело ничего не значит. Вечна только душа.

Трудно было не обратить внимание на логическую погрешность — в том смысле, что аргумент аббата мог быть использован как оправдание угнетения, но Роду это удалось. Он явился к аббату ради примирения, а не ради споров.

— Но разве Господь против того, чтобы мы имели здоровый дух в здоровом теле?

— Не против, однако из-за этого не стоит делать вывод о том, что тело и душа равны для Господа.

— Конечно же, милорд, вы не станете утверждать, что тело должно быть рабом души!

Род был доволен собой — вот он и поставил главный вопрос, ради которого приехал к аббату: кто должен править — Церковь или король с королевой?

— Не рабом, — уточнил аббат, — а слугой. Несомненно, тело во всем должно повиноваться душе.

Тупик. Род сделал глубокий вдох и попытался придумать другой подход.

— Но как быть, милорд, если заболевает душа?

— Тогда она должна обратиться к Церкви, дабы исцелиться!

Что ж, некоторые из средневековых церковников были великими психологами-практиками. Некоторые. Но от Рода не укрылось то, что аббат вел спор по кругу, упорно отказываясь рассматривать прикладные моменты собственных аналогий.

— Однако куда душа хворает, милорд, она способна посеять смятение в теле, не так ли? — спросил Род, живо представив одного шизофреника, которого когда-то знал, — неопрятного, небритого, нечесаного.

Вероятно, аббату припомнилось что-то подобное, поскольку вид у него сразу стал печальным.

— О да, но ведь мы с вами говорим о теле государственном, а не человеческом!

Аналогии перестали работать на него — и он резво от них отказался.

— Верно, и мы говорим обо всей Церкви, а не о чьей-то конкретной душе. Однако бывали времена, когда Церковь, в некотором смысле, хворала: она распадалась на части, верования которых противоречили друг другу.

— О да, ереси пускали корни, и до тех пор, пока они не были искоренены, успевали наделать немало вреда. — Аббат нахмурился. — Тем более причин для того, чтобы искоренять их — огнем и мечом, если потребуется!

Вот так аббат переступил черту.

— Однако заповедь гласит: «Не убий».

— Заповедь говорит не о злобных совратителях, которые уводят чад Господних с пути истинного! — резко бросил аббат. — И наверняка вы не желаете быть одним из таких!

— Нет, милорд аббат, я не имею ни малейшего желания уводить людей от истинной Церкви.

Лицо аббата уподобилось камню.

— Любое разделение внутри Церкви способно только создать хаос и принести страдания простым людям, которые составляют большинство прихожан, — негромко проговорил Род. — И я умоляю вас, милорд аббат, сделать все, что в ваших силах, ради того, чтобы предотвратить подобный раскол.

Стоявший позади аббата секретарь наблюдал за ходом беседы, дрожа и сверкая глазами, уподобившимися раскаленным угольям.

— Не для нас эти речи — что-либо делать или чего-либо не делать, — ледяным тоном отозвался аббат. — Единство Грамерая зависит от Великих Лордов и от их величеств.

От мысли о том, что аббат имеет в виду гражданскую войну, у Рода препротивно засосало под ложечкой.

— Но вы — целитель души, лорд аббат. Разве вы не можете найти способ снова сделать тело Грамерая целым?

Секретарь шагнул вперед, наклонился, но вовремя спохватился.

— Мы не затеваем ничего такого, что повредило бы интересам простого народа, — сдержанно ответил аббат. — И ничего такого, что повредило бы королю и королеве.

При том условии, само собой разумеется, что их величества будут вести себя праведно.

А сие означало, что Церковь не станет выступать против Туана и Катаринны, покуда те будут слушаться Церковь. Нет, это никуда не годилось.

— Хочет ли милорд аббат сказать, что Грамерай может быть единым только при том условии, что их величества откажутся от Римской Церкви и признают Церковь Грамерай единственной Церковью в королевстве?

Аббат недовольно скривился.

— У вас недостает тонкости и совсем мало тактичности. Я бы предпочел сказать, что не могу дать благословение никакой власти, которая придерживается веры, нами почитаемой лживой.

— Даже при том, что мораль и вера — одно и то же и все зависит только от того, кто отдает тебе приказы. — Род всеми силами старался унять закипающий гнев. — Но разве не сказали бы вы, милорд аббат, что людям крайне важно иметь в лице церковных властей прибежище, если, не дай Бог, власть станет тиранической?

На сей раз лицо аббата утратило каменную бесстрастность. По взгляду было видно, что он насторожился, но сдерживается.

— Важно, это верно сказано. Церковь во все времена противостояла злоупотреблениям власти со стороны лордов и короля. Но вынужден признаться, мне странно слышать от вас подобные речи.

— Не было бы странно, если бы вы знали меня лучше — тем более что из сказанного мною следует и противоположное: светские власти обязаны предоставить прибежище своим подданным, если тиранической станет Церковь.

Лицо аббата приобрело лиловый оттенок.

— Такого не случится никогда! Только духовенство имеет надежду остаться неприкосновенным для духа тирании!

— Верно, но священнослужители — тоже люди, — не удержавшись от улыбки, заметил Род. — И даже священник может быть подвержен искушению.

— Гораздо менее, нежели лорд или король!

Род развел руками:

— Не спорю. Но если бы все же такое произошло, милорд, разве не важно, чтобы король и королева обладали правом защитить своих подданных.

Аббат прищурился и одарил его гневным взглядом.

— Церковь должна быть отделена от государства, — негромко проговорил Род, — так же как государство должно быть отделено от Церкви. В этом залог безопасности народа.

— Я бы попросил вас не наставлять меня в том, как необходимо заботиться о народе, — проворчал аббат. — Попечение о пастве всегда было предметом нашей заботы.

— Да будет так во веки веков, — набожно произнес Род.

— Так и будет, — заявил аббат и поднялся — гордый и неприступный, словно айсберг. — В этом я вам клянусь. Желаете ли вы от меня чего-либо еще?

Это был вызов, а Род хорошо знал, когда пора остановиться.

— Благодарю вас, милорд. Вы дали мне все, чего я только мог ожидать.

И в этом он не солгал: он получил крайне неприятное ощущение дурных предчувствий, но постарался не выказывать этого, когда кланялся аббату. Тот ответил ему отрывистым кивком, а брат Альфонсо поспешил открыть для гостя дверь. Выходя, Род бросил взгляд на секретаря аббата и похолодел при виде едва заметной победной улыбки, игравшей на его губах. Род медленно опустил голову.

— Было на редкость приятно познакомиться с вами, брат Альфонсо.

— А мне — еще приятнее, — мурлыкнул монах-секретарь.

Рода эти слова почему-то не слишком убедили — тем более что когда он шагал вслед за одним из иноков к надвратной башне, он вдруг вспомнил о том, что аббат ни разу не назвал его не только «лордом Чародеем», но даже «ми-лордом».

Виконт д'Огюст вошел в зал в сопровождении отряда охотников-аристократов — раскрасневшийся, улыбающийся... но с пустыми руками.

— Эй, домоседы! — вскричал он. — Вы пропустили славную охоту!

Четверо остававшихся в замке благородных заложников оторвались от игры.

— Ничего мы не пропустили, — проворчал виконт Гибелли и одарил д'Огюста завистливым взглядом. — Мы тут тоже не скучали.

Сэр Бейсингсток, наследник баронета Раддигора, проворчал:

— Оставь его, Гибелли. Они, видно, так расхорохорились, пока гнали зверя, что подзабыли о том, что на самом деле — пленники короля, которых держат в узде, дабы обеспечить повиновение отцов.

Он встряхнул в кулаке кости и бросил их на стол.

— Я уж лучше буду заложником, нежели обезглавленным лордом, — буркнул д'Огюст, плюхнулся на стул в форме песочных часов, дотянулся до кувшина с вином и налил себе полный кубок. — Таков был выбор моего отца, и ничего не имею против этого. И должен признаться — это довольно-таки приятный плен. Не станете же вы спорить с тем, что с нами обращаются, как с почетными гостями.

— Угу, разрешают охотиться под охраной дюжины рыцарей Туана, — проворчал Гибелли и, отвернувшись, устремил взгляд на шахматную доску. — Кроме того, я заметил, что ты, благородный сын Бурбона, вернулся с пустыми руками.

— Какая разница, если волк удрал? — Это сказал виконт Лланголен, сын герцога Тюдора, усевшись рядом с д'Огюстом. Он тоже налил себе вина. — Не сомневаюсь, нынче ночью он заляжет так, что его ни один смертный не найдет.

— Ничего, завтра поутру мы его поднимем и заполучим, — с ухмылкой заявил граф Грээз, усевшийся напротив него. Он также потянулся за кувшином. — Хватит, Лланголен! Тебе все равно не выпить больше одного кубка!

— Может, и так, но почему не попробовать? — ухмыльнулся Лланголен. — А ты, как все Габсбурги, вечно пытаешься все вино себе присвоить.

— Вы так предаетесь развлечениям, что, похоже, забыли о своем происхождении! — осклабился Гибелли. — Вы что, ослепли? Не за волком вы гонялись, а за диким гусем*!

Мадджоре, сын герцога Савойского, гневно зыркнул на Гибелли. Его глаза налились кровью. Прикоснувшись к одной из стрел в колчане, что висел у него на плече, он выпалил:

— Вокруг меня полным-полно диких гусей — их так много, что я готов забыть о дурных манерах Медичи!

При упоминании об отце глаза Гибелли метнули молнии. Он грозно поднялся со стула.

— Спокойствие, милорд, — торопливо проговорил д'Огюст и схватил Мадджоре за руку. При этом он не сводил глаз с Гибелли. — Ну а твой гусь где затаился?

— О, в голове у Туана Логира! — фыркнул Гибелли. — А еще вернее сказать — в голове у его женушки. А вы! Неужто вы так погрязли в уладах, что не видите, что все эти охоты, игры и прочие развлечения — всего лишь пелена, брошенная вам на глаза. Вы ничего не видите, а их

* Английская пословица «To chase a wild goose» («Гоняться за диким гусем») имеет значение «Гоняться за недостижимым».

величества тем временем отнимают у вас то, что дано вам по праву рождения!

Грээ зарделся и был уже готов что-то ответить, но Огюст накрыл его руку ладонью.

— Отвечу коротко и по сути дела. То, что дано нам по праву рождения, — это правление нашими вотчинами, которые покуда в руках у наших отцов. Те развлечения, которые нам предоставляет король, воспитывают в нас полезные черты: способность управлять собой и мудрость. Что же до волка, то мы нашли задранную им овцу и оставленные им следы. Затем, вскоре, мы увидели, как он бежит. Он скрылся в скалах у подножия холма, а верхом на конях мы не смогли долее гнаться за ним.

— Вот-вот — не смогли, а то ведь ты бы перепачкал свой роскошный плащ! — съязвил сын герцога Маршалла.

Д'Огюст, на самом деле одетый просто — в грубую одежду из холста и кожи, выразительно глянул на расшитый золотом дублет Маршалла.

— Вряд ли зверь выскочил бы из засады, а солнце клонилось к закату, — продолжал он невозмутимо. — Однако мы разыскали его логово и завтра непременно прикончим его.

— Прикончите, и что? — презрительно сощурился Гибелли. — Вы всего лишь окажете услугу врагу ваших отцов — тем, что избавите его от опасности, грозящей его подданным. Стало быть, вы готовы подсобить ему в том, чтобы его скот и домашняя птица множились, готовы крепить его могущество, чтобы в один прекрасный день он изничтожил всех особ благородной крови?

— В твоих глазах я не вижу ничего, кроме жажды власти! — взорвался Грээ.

Гибелли оскалился. Его рука метнулась к рукоятке ножа.

Д'Огюст схватил и крепко сжал руку Грэза, которая легла на рукоять кинжала. Он с трудом сдерживался, но все же сумел улыбнуться Гибелли.

— Король хочет единого закона для всего Грамерая, справедливости и мира для всех своих подданных — даже для тебя. И в этом нет ничего дурного, хотя это и лишает наших отцов определенной роскоши.

— Какая уж тут роскошь, когда он урезал собираемую лордами дань!

— Верно. На одну пятую долю. Более мы не можем отбирать каждый грош у наших крестьян, чтобы потом швырять деньги на ветер, не можем и держать большое войско — и все же у нас остается вполне достаточно для того, чтобы жить богато, строить замки за крепкими стенами и держать в войске столько воинов, сколько нужно для того, чтобы отгонять разбойников. И я не вижу в этом большого вреда, а, наоборот, вижу много пользы. Куда как лучше и богаче все мы будем жить, когда простой народ живет в безопасности и с надеждой на завтрашний день.

— Ну а насчет назначения священников в твоей собственной вотчине ты что скажешь, а?

— Ничего не скажу, — отмахнулся д'Огюст. — Какое мне дело до того, кто проповедует в моих владениях. И между прочим, приходских священников назначает не король, а аббат.

— Только потому, что он не без труда добился этого от королевны, а та в свое время отобрала это право у наших отцов!

— Королева вела себя дерзко, — признал д'Огюст. — Но король Туан умирил ее норов.

— О да, теперь она только рассыпает искры, а прежде изрыгала пламя! И что же, ты готов поклоняться таким сюзеренам?

— Я никому не поклоняюсь, — сверкнув глазами, ответил д'Огюст. — Но я готов идти за королем Туаном.

— Он превратил тебя в лакея! — брызжа слюной, выпалил Гибелли.

Д'Огюст приподнялся, гневно взирая на Гибелли, но почему-то замер.

— Ну, что же ты остановился? — стал подзуживать его Гибелли. — Боишься, что король рассердится?

— Не-ет, — промурлыкал Маршалл. — Он ведь волочился за хорошенькой леди Мэб, а та скоро родит. Не король украл его гордость, а женщина отняла у него мужество.

Гневный взор д'Огюста метнулся к Маршаллу, его рука невольно легла на рукоять кинжала, но он ощутил пожатие руки Грэза и совладал с собой.

— Верно, вскоре я стану отцом, — негромко проговорил он. — Но я горжусь этим.

— Тебя обуздали, — издевательски произнес Маршалл. — Обуздали и оседлали.

— Пусть так, — согласился д'Огюст с горечью в голосе. — Я взвалил себе на плечи ношу, которую призван нести каждый из нас, а иначе, если не нести ее смиренно, увидишь, как твой дом будет разорен.

— Да тебя и принуждать никому не пришлось!

— Нет, ибо моя дама прекрасна. — Глаза д'Огюста полыхнули. Он улыбнулся. — И я рад своей ноше. Жизнь моя из-за этого счастливее. Однако сердце мое гложет забота — как будет жить мой наследник. Потому я и гляжу вперед на свою дорогу сквозь годы, чтобы рассудить, где мне свернуть, чтобы вся наша страна Грамерай была мирной и богатой. Ибо если будет процветать страна, будет процветать и мой дом.

— Стало быть, в этом ты уповаешь на короля, — презрительно процедил сквозь зубы Маршалл.

— Замыслы короля разумны.

— Лучше скажи: «замыслы королев»!

— Пусть так. — Д'Огюст раздраженно пожал плечами. — Мне все равно — пусть это будут ее замыслы, которые осу-

шествляет его рука, покуда от этих замыслов становится глаже та тропа, по которой пойдет мое дитя.

— А если от этих замыслов слабеет твоя власть? Если из-за них ущемлена твоя честь?

— Нет утраты чести в том, чтобы следовать за владыкой, которого я почитаю правым! А если я и утрачу немного славы — что с того? Что же до власти, то она меня мало волнует.

— Она волновала твоего отца! — с горящими глазами вскричал Гибелли. — Он сражался ради того, чтобы остановить зарвавшуюся королеву, и хотя проиграл, перенес поражение с честью! А вот честь короля с королевой была запятнана, ибо они спрятались за спинами орды нищих и колдунов с ведьмами! Какой же сын благородного господина снес бы подобное оскорбление!

Грээз был готов ответить на вызов, но Гибелли не дал ему этого сделать.

— А твои прапредки? Благородные Бурбоны, основавшие ваш род? Разве они бы смирились с подобным вмешательством в их дела? Разве они рассуждали бы о «благе народа»?

— Их дни миновали, — поджав губы, отвечал д'Огюст. — Их солнце закатилось. И я должен заботиться о своем собственном дне и о дне моего сына.

— Красивые слова, которыми ты пытаешься оправдать измену собственному роду!

— Нет никакой измены в том, чтобы печься о благополучии моих наследников, — уязвленно отозвался д'Огюст. — Дом любого дворянина куда как надежнее будет жить под защитой мира, обеспеченного королем, чем под защитой собственного войска. Пойми же, что тогда не будет один лорд воевать против другого, не будут опустошаться земли, не будут погибать крестьяне ради жертв ложному божеству гордыни!

— Гордыни? — скривившись, повторил Гибелли. — Я искренне изумлен тем, что тебе вообще ведомо это слово! Но уж вот о чести ты явно никогда не слыхал, ибо ты предал ее!

— Честь лишь в том, чтобы поступать так, как я считаю правым! — резко выговорил д'Огюст. — А изменник здесь ты! Ты изменил монаршьему престолу!

— Что?! Разве я мог бы поднять руку на короля или королеву? О, стыд тебе и позор, презренный, что ты можешь так думать обо мне! Ибо только полный тупица стал бы думать об измене в стенах замка, где придворные ведьмы исполняют повеления хозяйки и подслушивают мысли всех и всякого!

— А ты, я так понимаю, не тупица? — насмешливо улыбаясь, поинтересовался д'Огюст.

— Само собой, нет, ибо никто не изменник до тех пор, пока не поднял руку, не пошел с оружием против своего короля.

— И когда же ты намереваешься это сделать?

Гибелли раскрыл рот, но, спохватившись, устался на д'Огюста, побагровев как рак.

Д'Огюст встретил его взгляд волчьим оскалом.

— Ты бы сей же час подписал свой смертный приговор, если бы их величества и вправду пользовались услугами ведьм и колдунов, читающих чужие мысли. Но они этого не делают. Они уважают право любого из своих подданных на неприкосновенность их мыслей и не позволят ведьмам и колдунам подслушивать чьи-либо мысли без особой и веской на то причины.

— Если ты веришь в это, — процедил сквозь зубы Гибелли, — то ты дурак, ибо ни один правитель ни за что не отказался бы от использования такого могущественного оружия.

Д'Огюст покраснел.

— Отказался бы, если для него закон превыше собственных капризов!

— Если ты и вправду так думаешь, — безглаголиво проговорил Гибелли, — то у тебя душонка сквайра.

Д'Огюст побелел как плат и выхватил кинжал.

Гибелли обнажил стилет, зловеще ухмыльнулся и бросился на д'Огюста.

Д'Огюст уклонился, схватил Гибелли за руку и оттолкнул. Тот с трудом удержался на ногах, а д'Огюст быстро намотал на руку полу плаща — до того, как Гибелли успел выпрямиться и снова пошел на него, скалясь и размахивая стилетом. Д'Огюсту удалось принять удар на обмотанную плащом руку.

Повсюду вокруг стола заблестели клинки, молодые дворяне с криком бросились друг на друга. Сталь ударилась о сталь, острые лезвия кинжалов рассекали одежду, оставляли кровавые полосы на коже. Маршалл уколол Честера в бедро. Это был бесчестный удар. А когда Честер пошатнулся, Маршалл поднял табурет и с силой ударил Честера по макушке. Молодой человек, лишившись чувств, рухнул на пол. Гибелли явно обрадовался, заметив это, и, отскочив подальше от д'Огюста, замахнулся табуретом на Грэза. Табурет с треском ударился о голову Грэза, но д'Огюст проворно перешагнул через павшего товарища и заслонил его собой. Гибелли ослабил, ухватился за край стола и качнул его к д'Огюсту. Тот поспешно отступил и успел отодвинуть тело Грэза в сторону за мгновение до того, как перевернулся стол. Затем дерущиеся разбились на пары, используя табуреты как щиты, а кинжалы и стилеты — как мечи.

Неожиданно с грохотом распахнулась дверь, и могучий бас проревел:

— Прекратите!

Молодые дворяне замерли, но лишь на секунду отвели взгляды друг от друга.

— Именем короля приказываю: сложите оружие! — громогласно возвестил стоявший на пороге карлик. Он шагнул в зал, свирепо подбоченился. Следом за ним в зал вбежали вооруженные воины и, разойдясь, встали рядом с каждым из молодых драчунов. Судя по всему, они не намеревались пускать в ход оружие, но оно у них имелось.

— Стыд и позор, милорды! — прокричал Бром О'Берин. — Благородные господа, а деретесь, будто простые крестьяне в придорожном кабаке! Разве вы забыли, что находитесь в Раннимеде, в королевском замке? Что король скажет вашим отцам? Что вы — всего лишь шайка драчунов?

Большинству из молодых лордов хватило ума изобразить виноватый вид. Но Гибелли медленно развернулся и посмотрел на Брома О'Берина в упор горящими глазами.

— А откуда, милорд личный советник их величеств, вы проведали о том, что у нас тут драка?

— Ну а если все-таки они это сделают, брат Альфонсо? Как быть тогда? — Аббат развернулся к своему секретарю, сжав кулаки и дрожа.

Брат Альфонсо строптиво поджал губы и ответил:

— Этого не произойдет, милорд. Их королевские величества не посмеют пробудить гнев народа.

— О, народа, народа! — в отвращении прокричал аббат. — Народ не поднимется даже ради того, чтобы пса убить, если не отыщется кто-то, кто их поведет за собой! Народ ничего не значит в планах монархов!

— Не стоит питать такую уверенность, милорд, — сверкая глазами, отозвался брат Альфонсо. — Народ помог их величествам усмирить мятеж баронов около тринадцати лет назад. Народ превращается в войско. Народ платит дань.

— Только если народом кто-то руководит, брат Альфонсо, — только если кто-то руководит.

— Верно, но ваши священники им руководят!

Аббат замер, и нахмурился, затем медленно развернулся к окну.

— Они не смогут вынудить вас оставить ваш пост, — заверил его брат Альфонсо. — Они не смогут объявить, что Церковь Грамерая — не более чем сон безумца. Ваши священники поднимут народ против них.

— Но кто поведет их? — пробормотал аббат. — Не дело это для монаха или священника.

— Не дело, — согласился брат Альфонсо. — Но не сомневайтесь: король и королева не станут так рисковать. Ни один монарх не может править без согласия тех, кем он правит.

— Но как же — если народ не станет на сторону Церкви Грамерая? Как — если люди изберут для себя Римскую Церковь?

— Как? Надо позаботиться о том, чтобы они ее не избрали, — с улыбкой ответил брат Альфонсо. — Разве нет у вас проповедников, которые способны воспламенить в душах людских праведный огонь? Неужто не отыщется никого, кто смог бы унять мятежных призраков, орущих в защиту Папы?

Аббат обернулся к своему секретарю, запрокинул голову, широко раскрыл глаза.

— Уверен, среди монахов есть немало воистину одаренных, — сверля аббата взглядом, продолжал брат Альфонсо. — В самом деле, я видел, как они творят чудеса, и с помощью этих чудес они могли бы без труда завладеть душами непросвещенных.

Губы аббата тронула улыбка.

— Пусть все монахи разойдутся из монастыря, — посоветовал ему брат Альфонсо. — Пусть каждый из них потрудится среди людей в соответствии со своим даром. Дайте всякому из них задание по дару его. И пусть они пробудят

в народе любовь к Церкви Грамерая, презрение и ненависть к Римской Церкви.

Аббат улыбнулся шире и решительно кивнул:

— Потрудитесь начать это деяние, брат Альфонсо. Пусть мои монахи примутся за работу.

6

— **С**тало быть, на самом деле мы ничего не добились. В действительности он заявил, что не готов уступить ни на йоту, а я сказал ему, что и вы к этому тоже не готовы, — пожав плечами, проговорил Род. — Получается, что я с таким же успехом мог бы вообще к нему не ездить.

— Нет, — не согласился с ним Туан. — Ты вырвал у него откровенное признание о его воззрениях и намерениях.

— И это близко к объявлению войны, — поджав губы, заявила Катарина.

— Близко, — подтвердил Туан, — но все же ему не удалось этого сделать. Он грозил нам войной, но наш славный лорд Чародей напомнил ему о нашем могуществе. Однако пока ни он, ни мы не собирали войско.

— Пока нет. Это верно. Однако полагаю, что вам следует это сделать, ваши величества. — Род сказал эти слова, и ему стало зябко. Чтобы согреться, он выпил вина, откинулся на спинку стула в форме песочных часов и попробовал расслабиться. Здесь, в солярии, было тепло даже ночью, потому что тяжелые вышитые шторы закрывали окна, отсекая ночную тьму, а гобелены на стенах, казалось, светятся от пламени в камине. Было приятно находиться здесь, приятно снова оказаться в личных покоях их величеств. Сейчас королевский замок всей своей громадой отделял Рода от амбициозного аббата. Приятно было и беседовать с королевской четой. Если Род и не мог назвать их друзьями

ми, по крайней мере это были его старые знакомцы, а уж с Туаном они, можно сказать, стали братьями по оружию. Не в одном сражении они делили все беды и тяготы, и в конце концов начали доверять друг другу так, что это доверие сделалось таким же важным в их отношениях, как взаимная приязнь.

Не сказать, чтобы Туан Роду не нравился. Теперь в светлых волосах короля появились серебряные нити седины, а на лбу первые морщины, но лицо его оставалось, как прежде, открытым и честным. Хитрости Туан за годы так и не научился, зато узнал об этом свойстве человеческой природы все. А также — об измене, жажде власти и прочих неприятных проявлениях в поведении людей. Однако, ощущая вес этих знаний, король продолжал верить в то, что большинство людей могли стать добрыми.

Этого нельзя было сказать о Катарине. Она слишком хорошо знала свойственные ей самой ревность и подозрительность, чтобы верить в то, что кто-то мог быть напроочь свободен от таких чувств. Волосы ее по-прежнему оставались золотыми, а лицо — молодым, но Род догадывался, что тут дело скорее в умелом применении косметики, чем в игре природы. И все же первые морщинки одна за другой появлялись, да и фигура королевы с возрастом немного отяжелела. Но вот пылкий нрав Катарины со временем не унялся. Правда, любовь Туана немного смягчила характер королевы, и она стала не так резка на язык, и из-под маски дерзости и высокомерности проглядывало непоколебимое осознание ею того, что она любима.

Род вздохнул, представив будущее, в котором и они трое, и его любимая жена Гвен вместе состарятся. Эта картина получилась довольно-таки мирной.

— Не надо горевать, лорд Чародей, — негромко проговорила Катарина. — Мы победим.

Род был приятно удивлен. Да, Катарина определенно повзрослела и стала мудрее.

— Да, победим, — с полной уверенностью подхватил Туан. — Но все же нам не стоит проявлять беспечность и небрежение. Беды есть всегда, Род Гэллоугласс.

— А как же иначе, если всегда есть люди? — с улыбкой отозвался Род. — В конце концов, нашему роду невыносимо слишком долго жить в мире и согласии. Но что вы имели в виду, говоря о бедах?

— Наших высокородных заложников, — неприязненно проговорила Катарина. — Взрослые как будто, а ума им явно недостает! Некоторым по крайней мере.

— Только некоторым, — кивнул Туан, задумчиво глядя на пляшущее в камине пламя. — Д'Огюст вырос славным молодым человеком, так же как его товарищи Грэй и Честер. Мадджоре и Бейсингсток также стали людьми достойными.

— Я насчитал пятерых, — нахмурившись, заметил Род. — Кстати, а почему вы не потребовали, чтобы Романов тоже прислал вам своего сына в качестве заложника? Я знаю, что во времена мятежа лордов против Катарини детей у него не было, но теперь-то они есть.

— Я бы ни за что не позволила таким благовоспитанным невинным юношам находиться поблизости от таких типов, как Гибелли, — вздернув подбородок, заявила Катарина. — А также поблизости от его дружков — Лланголена и Маршалла.

— Верно, — серьезно кивнул Туан. — А кроме того, с той поры, как ты оказал князю столь важную услугу, он стал для нас верной опорой.

— Что ж, видимо, и то гостеприимство, которое вы оказали его супруге и детям, также сыграло свою роль, — предположил Род.

— Слишком большую роль, — мирно улыбнулась Катарина. — Князь Романов обратился к нам с просьбой позволить его сыну поселиться у нас, в Раннимеде.

— Что ж, ведь это традиция, не так ли? Всякий аристократ должен стать рыцарем, а всякий рыцарь обязан начать с должности пажа.

— Верно. А пажи обязаны служить не в отцовском доме, а в доме у другого дворянина, — подтвердил Туан и обернулся к Катарине. — Он может стать нашим пажом, дорогая. Нет нужды поселять его рядом с наиболее задиристыми из наших молодых лордов.

Катарина в первое мгновение изумилась, но сразу же задумалась.

— Однако это довольно необычно — представить себе, что наследник князя будет вести себя так, словно он сын какого-нибудь простого рыцаря...

Род удержался от улыбки и решил вернуть разговор к более насущным проблемам.

— Насколько я понимаю, компания молодых повес ведет себя беспокойнее, нежели обычно?

— Да, можно и так сказать, — ответил Туан, помрачнев. — Они затеяли драку.

— Мы запретили им держать в зале шпаги и кинжалы! — заявила Катарина, и глаза ее полыхнули огнем возмущения.

— Вот как? — посмотрев на нее, проговорил Род. — И какова же была причина ссоры?

— Кто знает? — Туан раздраженно ударил ладонью по столу. — Они требуют положенных лордам привилегий, а говорить об этом отказываются.

— Да будет вам, ваше величество, — урезонил короля Род. — Что значит «отказываются говорить». Вам что, необходимо письменное признание?

Катарина заинтересованно взглянула на него:

— А ведь в этом есть разумное зерно, верно?

Род кивнул:

— Гибелли, Маршалл, Глазго и Гвельф — против королевской власти, остальные пятеро — за нее. Я бы сказал, что это, в некотором роде, партия, ваше величество.

— Точно. Все так же, как у их отцов. — Туан в отчаянии широко раскрыл глаза. — Медичи, Маршалл и Савойто и дело клянутся в верности и то и дело свою клятву нарушают!

— И так будет всегда, — спокойно проговорил Род. — Вам никогда не приходила в голову мысль о том, чтобы назначить новых лордов, ваши величества?

— Не сомневайся, такая мысль нам приходила, — заявила Рода Катарина. — Не сомневайся и в том, что мы превосходно понимаем, что все бароны до единого взбунтовались бы, стоило нам лишить дворянского титула хотя бы одного из них.

— Да. Тут вам вряд ли будет сопутствовать удача, — кивнул Род и задумчиво воззрился на свой кубок с вином. — Задача в том, чтобы заменить лордов, не производя изменений в их родословной. По идее пребывание их сыновей в качестве заложников должно было бы помочь решению этой задачи.

— Я надеялся на это, — признался Туан. — Однако переубедить их трудно.

— Скорее можно сказать, что мы нянчим на своей груди ядовитых змей, — мстительно изрекла Катарина.

— Но хотя бы вы знаете, где эти змеи находятся.

— Точно так же, как знаем и то, где находятся их отцы. — Туан покачал головой. — Не по душе мне все это, лорд Чародей. Все это — зародыш войны. Этим мятежным баронам не хватает только веской причины для нового бунта.

— И эту причину им спешит подарить наш лорд аббат. Ему они доверяют и готовы повести за ним массу народа.

— Они будут растерзаны в клочья! — сверкая глазами, воскликнула Катарина. — Наши добрые подданные высоко ценят наше правление!

— Согласен, вы даровали мир и спокойствие крестьянам, — подтвердил Род. — И во время войны ваши войска не слишком сильно повредили поля.

— Да, не слишком, — сухо улыбнувшись, проговорил Туан. — Но наши подданные воистину погибли — за монарший престол или за церковный.

— И монахи тоже.

Катарина резко взглянула на Рода:

— Наверняка монахи встанут на сторону аббата!

— У них нет иного выбора, — добавил Туан.

— Верно, выбора у них нет, — согласился Род, — но все же я гадаю: многие ли бы из них пожелали, чтобы такой выбор у них имелся.

— Ты говоришь о тех из монашеской братии, которые покинули монастырь и поселились неподалеку от столицы?

— Конечно, о них, — кивнул Род и, немного помолчав, продолжал: — И еще я размышлял о том, сколько монахов осталось в стенах монастыря, но при всем том не вполне согласен с тем, что затевает наш славный лорд аббат.

— Что же, интересно, в нем такого славного? — фыркнула Катарина.

— Не так уж мало, — возразил Род. — Он всегда удивлял меня тем, что по сути он — добрый, хороший человек, ваше величество. Увы, жажду власти он не может держать в узде.

— Само собой — иначе он не был бы аббатом!

— А как иначе? И все же бывали аббаты, которых избирали на их пост из-за их святости. И некоторые из них даже становились неплохими руководителями.

Туан вздохнул.

— Вот бы знать, как они сочетали то и другое...

Катарина с опаской взглянула на супруга.

— Не тревожься так, молю тебя! — Она вернулась взглядом к Роду. — И все же, лорд Чародей, милорд аббат не производит на меня впечатление человека, который знает, как поступит с властью, обретя ее.

— Верно подмечено, — кивнул Род. — Пока вся его дурная деятельность сводится к обретению определенного статуса. Кроме того, я вижу в нем одну важную слабость.

— И что же это за слабость? — нахмурившись, осведомился Туан.

— Как ни странно — мораль. Власть для него важнее всего прочего. Думаю, он готов найти оправдание для нарушения любого обета или заповеди, если только оное нарушение возвысит его авторитет.

— Ты верно видишь его природу, — помрачнев, проговорила Катарина. — Но откуда у него впервые появилась мысль о мятеже против нас?

— Думаю, эту мысль он почерпнул из Святого Писания, не слишком задумываясь о полном содержании главы, — с неприязнью отвечал Туан. — «Не надейтесь на князей»* — вот как звучит эта фраза.

Род удержался от комментариев. Лично он был уверен в том, что муха, укусившая аббата, на самом деле была агентом футурианцев, но вслух он пока об этом говорить не собирался. Их величества не были способны вместить в свой разум понятие, столь далекое от их средневековой системы ценностей. Однажды Род попробовал повести с ними разговор о футурианцах, но самая мысль об этом показалась Катарине и Туану настолько чуждой, что они решительно отвергли ее, а со временем вообще забыли о том разговоре. Рода это устраивало как нельзя лучше. Он решил, что, если когда-нибудь настанет такое время, когда король и королева станут способны уяснить для себя эти сведения, ему не будет нужды беспокоиться о том, что он выдал им страшную тайну.

Однако от Катарины не укрылась его задумчивость.

— О чем ты размышляешь, лорд Чародей?

Род посмотрел на нее.

* Пс. 145.3 «Не надейтесь на князей, на сыны человеческие, в них же нет спасения».

— Думаю, имеет место естественный исход разногласий между вами и духовенством, ваши величества. — Он не стал упоминать о том, что аббат, пожалуй, если бы его никто не подзуживал, вряд ли бы вообще задумался о каких-то противоречиях. — Но на самом деле я бы пока не стал слишком сильно драматизировать по этому поводу. Главное тут то, что аббат готов к мятежу. Но его способность взбунтовать народ значительно уменьшится, если те монахи, которые его не поддерживают, смогут пойти с проповедями к крестьянам.

Туан поднял голову:

— А славно придумано, лорд Чародей! И у нас есть те монахи, о которых ты говоришь!

— Пока они не собираются выступать против своего аббата, — предостерег короля Род. — Для нас крайне важно узнать, кто недоволен им в стенах монастыря.

— Сделай это, если можешь, — умоляюще проговорила Катарина. — И узнай, что еще он затевает!

— Ну уж это, я так думаю, вам и самим должно быть понятно, ваши величества.

— Мне ничего не понятно, — глядя Роду прямо в глаза, сказала Катарина. — С тех пор как он поднял против нас баронов и потом, когда бой казался неминуемым, отказался от своих притязаний и присягнул нам на верность, — с тех самых пор я отчаялась понять его мысли.

Интересно было слышать такое из уст королевы. Однако Род снова удержался от комментариев — тем более что он-то отлично знал, из-за чего так радикально изменился в вышеупомянутых обстоятельствах ход мыслей аббата.

— Его благочестие лорд монастырщик!

Аббат, стоявший за спиной старика-камердинера, вздернул брови.

— «Его милость», Адам, а не «его благочестие»! — Баронесса Реддеринг проворно вскочила и поплыла навстрече-

чу аббату, распахнув объятия. — И не «лорд монастырщик», а «лорд аббат»!

— Что ж, ежели он аббат, то должен управлять аббатством, — проворчал старый слуга.

— Монастырь и есть аббатство — либо аббатство есть в нем! — воскликнула баронесса и пылко сжала руки аббата. — Вы должны простить его, святой отец. Он стареет, и его разум...

— Ах, да ведь я знаю Адама многие годы — онень многих таких, как он, — прервал баронессу аббат, смилостивившись над стариком, и с улыбкой повернулся к слуге. — Что же до прощения, то разве это не часть моего служения?

— Так вы и говорили много раз в комнате для исповеди, — проговорил старый Адам, и его глаза зажглись набожным огнем. — А все эти господские титулы — да ну их совсем! Для меня вы всегда были отцом Виддекомом.

— Адам! — ахнула баронесса, но аббат только рассмеялся и похлопал старика по плечу, а затем развернулся, чтобы поприветствовать юную леди, которая спешила к нему, шурша пышными юбками. Он выпрямился, растянул губы в улыбке, чуть шире раскрыл глаза. — Леди Мейроуз, как чудесно вы выглядите!

— Благодарю вас, милорд, — пробормотала леди, присела в реверансе. Вид у нее был несколько разочарованный. Ей было за двадцать — то есть она была старше, чем следовало быть незамужней девице из хорошего дома. Поглядеть на нее — и это казалось странным: миловидная, с недурной фигурой, с волосами цвета червонного золота. Искоса глядя на аббата, она пошла рядом с ним к столу, стоявшему около стрельчатого окна. Мейроуз села по левую руку от бабушки и устремила на гостя взгляд, которым отчасти могло объясняться то, почему она до сих пор не замужем.

А взгляд аббата, смотревшего на Мейроуз, смягчился.

— Подумать только — какой малышкой вы были, когда я впервые посетил ваш дом в ту пору, когда еще служил дьяконом!

Леди Мейроуз серебристо расхохоталась — правда, не сколько нутжно, а ее бабка поспешно проговорила:

— Да и вы в ту пору были совсем мальчиком, святой отец!

— Это верно, — безмятежно улыбнулся аббат. — Я был безусым самоуверенным мальчишкой, обуреваемым великой важностью последнего обета. Пожалуй, тогда вы могли смеяться надо мной, добрая госпожа.

— О, но даже под самоуверенностью в вас всегда проглядывала бездна силы, — возразила баронесса. — Воистину, жизнь стала невыносима для меня, когда мой благородный супруг покинул нас, упокоясь в мире, если бы вы не пришли к нам из монастыря, не проделали бы столь долгий путь ради того, чтобы поддержать и утешить меня в моем горе.

— Я был рад помочь вам и всегда буду рад помогать впредь, — заверил баронессу аббат, сжав ее руку. — Мало чем я бы смог ответить на ту доброту и терпение, которые вы выказывали мне в пору первых лет моего духовного служения. О нет, никогда я бы не смог доверить этот дом кому-либо из моих монахов.

— И слава Богу! — негромко, чуть хрипловато проговорила леди Мейроуз. — Ни одному священнику не дано проводить мессы так, как это делаете вы, милорд. Никто не в состоянии наполнить службу таким высоким смыслом.

Это был неверный ход, поскольку своими словами леди Мейроуз напомнила аббату о его духовной ответственности. Он прикоснулся к распятию, висевшему на цепочке у него на груди, и натянуто улыбнулся.

— Благодарю вас, дитя мое, однако не забывайте о том, что жертва Господа нашего всегда нова и жизненно важна, независимо от того, какие освященные руки ни держали бы его тело.

Леди Мейроуз пристыженно кивнула, но не отвела глаз от аббата.

Тот разволновался и перевел взгляд на баронессу.

— Я бы желал поговорить с вами откровенно, благородная госпожа, и объяснить вам мои деяния, ибо я не хотел бы, чтобы мои цели были поняты неверно, когда вы услышите о них из других уст.

— О да, мы уже кое-что слышали, ибо слухи странствуют быстрее самых быстроногих гонцов. — Губы старухи-аристократки дрогнули, она села прямее, вздернула подбородок. — Я не ведаю, почему вы объявили об отделении нашей Церкви от пресловутой Церкви Рима, милорд, однако полагаю, для того у вас была благая и веская причина.

— Благословляю вас за вашу веру в меня! И не сомневайтесь, причин для этого у меня предостаточно. — Но тут взгляд аббата метнулся к леди Мейроуз. — Рим слишком далек от нас — и во времени, и в пространстве. Пять сотен лет они уделяли нам так мало внимания, что можно было подумать, будто они о нас вообще забыли. Откуда им знать, как мы живем, с какими силами боремся?

— О, конечно, конечно, — проворковала баронесса. — Добро есть добро, а зло есть зло, где бы они ни пребывали.

— Однако сатана способен рядиться во многие обличья, и как же Риму знать, в какое из них он вырядился здесь? — Леди Мейроуз сжала руку бабки, по-прежнему не сводя горящих глаз с аббата. — Продолжайте, святой отец, мы слушаем вас с превеликим вниманием.

7

Э то нельзя было назвать королевской процессией в полном смысле этого слова — всего шестеро детей, две няньки, восемь слуг и десяток солдат. Пожалуй, многовато — но ведь даже принцам нужно порой выходить из дома и с кем-то играть, и товарищи по играм им нужны. Когда уж совсем не с кем играть, приходится довольствоваться соб-

ственными братьями — даже тогда, когда они в товарищи не годятся, к примеру, по возрасту. На сей раз в компании с принцем Аланом и его младшим братишкой Диармидом путешествовали четверо детей Гэллоуглассов. Их матери не без трепета позволили им отправиться в далекий путь — в наружный двор замка, но Катарина не была любительницей рисковать.

Грегори и Диармид играли в шахматы и оторвались от игры, когда Алан остановился на бегу и уселся на траву рядом с ними. Одна из нянек прикусила губу, думая о том, какие пятна останутся на одежде у принца после сидения на траве. Джеффри, Магнус и Корделия шлепнулись на траву следом за Аланом — раскрасневшиеся, запыхавшиеся от быстрого бега. Их глаза весело сверкали.

— Осторожней! — Грегори выставил руку, заслонил ладонью шахматную доску — и не только символически: край ладони обозначал границу силового поля.

— Ой, да ладно тебе! — махнул рукой Джеффри. — Плохо бы у меня было с меткостью, если бы я не сумел приземлиться подальше от вашей игры.

— Это ты точно сказал — с меткостью у тебя неважно, — хихикнул Алан. — А уж когда ты попадаешь в цель — тогда беда.

Джеффри замахнулся на принца кулаком. Алан, смеясь, пригнулся.

— Хватит! — воскликнул Магнус и схватил Джеффри за руку. — Ты только подтверждаешь его слова! Но я-то подумал, что ты говоришь о стрельбе.

— Ну уж если о стрельбе, то тогда надо сразу звать священника! — продолжал подзуживать Джеффри Алан.

— Елки-палки, вы меня доведете! Я сейчас точно в кого-нибудь что-нибудь швырну. Прямо тебе в голову, братец! И не промахнусь — голова у тебя стала слишком большая.

— Вот не думал, что ты так пристально следишь за моей головой, — насмешливо проговорил Магнус. — Но будь

осторожней: если промахнешься, то придется отправить тебя на выучку к нашей сестрице. — Магнус подмигнул Корделии. — Что скажешь, Делия? Не откажешься ли... — Он не договорил, потому что заметил, что сестра, не мигая, смотрит в одну точку. — Что ты слышишь? — обеспокоенно спросил Магнус.

— Чья-то мысль мелькнула, — заторможенно отозвалась Корделия.

Грегори и Джеффри в тревоге развернулись к сестре, но вот и их взгляд стал задумчиво-отстраненным, и они сосредоточились на невидимом мире мыслей, окружавшем их.

И они тоже уловили то, на что обратила внимание Корделия, — нечто мимолетное и хрупкое. Это могло быть дыханием земли, искоркой, промельком.

— Ушло, — выдохнула Корделия.

Джеффри крепко зажмурился, покачал головой, открыл глаза и нахмурился.

— Это был человек, умеющий читать чужие мысли, но не желающий, чтобы кто-то подслушал его собственные.

— Верно, — подтвердил Магнус. — А слушает он так, словно дозорный, стоящий на страже.

— Но что он хочет услышать? — прошептал Грегори.

— Этого нам узнать не дано, — сказал Магнус и поднялся с травы.

— И не угадаешь, — встав рядом с ним, добавил Грегори.

— Но нельзя же позволить, чтобы это продолжалось! — выкрикнул, вскочив на ноги, Джеффри.

— Мы и не позволим, — заверил его Магнус и, обратившись к двоим принцам, проговорил: — Простите, ваши высочества, но мы должны уйти.

— Вы отнесете весть об этом своим родителям? — спросил Алан. В голосе его прозвучала нотка властности.

- Мы так и сделаем.
- Мама ближе, — заметила Корделия.

Род только что достиг предельного уровня терпения. Убийственная самоуверенность аббата, сверхсерьезность реакции Туана — все это перегрузило его способность к сочувствию и в итоге повергло в здоровое состояние отвлеченных раздумий. Он понял, что перешел порог, когда поймал себя на мысли о том, что Катарина — единственная из участников событий последних дней, кто не продемонстрировал избыточной реакции на происходящее.

К тем, кто таковую реакцию продемонстрировал, он относил, естественно, и самого себя. Саркастически хмыкнув, он пробрался сквозь нависшие ветви последних деревьев на склоне и вышел на плоскую вершину невысокой горы.

— Зря ты торчишь на таком открытом месте, Векс, — укорил он коня.

— Это верно, Род, — согласился конь. — Но я диагностировал твоё состояние как близкое к критическому и решил, что ты наверняка захочешь в ближайшее время остаться в одиночестве.

— Еще бы мое состояние не было критическим! Никто из них даже вполонину не осознает происходящего! Даже Катарина вспыхивает всякий раз, когда ей кажется, что ее обманывают!

— Туан сохраняет хладнокровие, — возразил Векс. — Хотя я обратил внимание на то, что у него появилась склонность к меланхолии, которая прежде ему была совершенно не свойственна.

Род пожал плечами.

— А чего ты ожидал? Любой человек способен сгореть на работе — а уж если у Туана сейчас не такое дело, которое, как говорится, связано с повышенным нервным стрессом, так я уж и не знаю, у кого еще такое дело.

— Но прежде он никогда не демонстрировал признаков слабости.

— Верно. Но прежде ему никогда не приходилось подвергать сомнениям собственные духовные воззрения. Я бы сказал, что наш славный король вплотную приблизился к первому настоящему духовному кризису в своей жизни. Вероятно, этот кризис может оказаться ему полезен.

— Однако покуда он этот кризис переживает, он может натворить немало бед. Нужно внимательнее наблюдать за ним, Род.

— Верно подмечено, — кивнул Род и поджал губы. — Поговорю с Бромом, чтобы он приставил к королю Пака.

— А чем это поможет? О... да.

— То-то и оно, — снова кивнул Род. — Хобгоблин относится со здоровым скепсисом ко всем религиям. Они кажутся ему потешными. Если уж он не сумеет помочь Туану сохранить ясный взгляд на вещи, то уж я и не знаю, кому бы еще это удалось.

— А я бы сказал, что Катарине такая помощь еще больше нужна, Род.

— Почему? Потому что она более не способна разгадывать смысл происков аббата? — пожав плечами, спросил Род. — Я бы сказал, что это реакция из области здравого смысла.

— А это странно — для нее.

— Она взрослеет и становится мудрее. С девушками такое происходит, когда они становятся матерями. Конечно, она понятия не имеет о том, почему его милость аббат так резко переориентировался на грани начала сражения много лет назад. Она знает только, что к аббату подбежал тот монах, который был со мной, и переговорил с ним.

— Точно. И уж конечно, она не догадалась о том, что отец Эл был послан с Терры.

— С посланием от Папы, в котором содержалось повеление для всех священнослужителей поступать так, как

скажет его эмиссар. Нет, этого королева не знала, и я ее в этом смысле просвещать не собираюсь. Это слишком сильно поколебало бы ее уверенность в себе.

— Не говоря уже о том, что это породило бы у нее сомнения в твоём психическом здоровье. — Векс издал всплеск статического электричества, для робота равный вздоху. — Тем не менее аббат, без сомнения, воспринял послание, которое ему вручил отец Эл, как подлинное.

— И потому, естественно, повиновался посланнику Папы и быстро согласился на перемирие. Но вероятно, это показалось ему унижительным, и все это время он страдал от этого чувства и подыскивал оправдания для отказа от Рима и возвращения к попытке подчинить себе Грамерай.

— Похоже на то. Следовательно, наша задача в том, чтобы обнаружить того, кто подсказал ему это оправдание.

— Отличный вопрос. Не то чтобы я считаю аббата недоумком или что-то в таком роде — но его интеллект, на мой взгляд, не выходит за рамки богословия. Нет, на рационалистические раздумья его явно навел какой-то агент-футурианец, после чего аббат с превеликой радостью отказался от Рима. Но у здешних катодеанцев нет гиперволнового радио, поэтому аббат не мог сообщить Риму о своем решении.

— Непростительный просчет со стороны аббата, который ты, без сомнения, милостиво готов ликвидировать.

— Всегда обожал оказывать духовенству маленькие услуги. Надеюсь, у тебя вся информация закодирована, Векс?

— И готова к передаче, Род. Персональное сообщение не желаешь добавить?

— Не откажусь. Передай отцу Элу мои слова: Папе лучше бы придумать, как выкурить волка из его логова, пока он не повел всех его овец на бойню.

Векс резко повернул голову и недоуменно уставился на Рода.

— Просто передай то, что я сказал.

— Мог хотя бы метафоры поточнее формулировать, Род, — вздохнул Векс. — Хорошо.

Он не пошевелился — это и не было нужно. Та часть его металлического тела, которая была повернута к Terre, вдруг превратилась в антенну для передатчика, спрятанного внутри. В небо устремился протяжный сигнал.

— Передача завершена, — отрапортовал Векс.

Род довольно кивнул:

— Боюсь, мы не можем ждать ответа от отца Эла. Там понадобится несколько часов, пока его разыщут. Ну и конечно, ему еще придется переговорить с его святейшеством. Интересно, что они предпримут?

— Думаю, они нас известят об этом.

— Что я слышу! — дрожащим от злости голосом выкрикнул брат Альфонсо. — Как могло получиться, что у вас ничего не вышло? Вас было вдвое больше! Вам нужно было напасть на них, ударить покрепче, чтобы они лишились чувств, а потом доставить их сюда! — Он умолк, прищурился и вперил гневный взор в отца Фому. Но как только монах собрался ответить, брат Альфонсо презрительно бросил: — Вам не достало храбрости.

Отец Фома вздернул подбородок:

— Вернее сказать, что нам было отвратительно бить наших братьев.

— Они более не братья вам, а изменники! Да, изменники! Вот только эти изменники охмурили вас сладкими речами, встретили с распростертыми объятиями и с накрытыми столами. Отвечайте, так все было?

— Они радостно приветствовали нас, — не стал отрицать отец Фома. — И мы разделили с ними трапезу, преломили хлеб вместе. Но когда мы попытались убедить их в том, что они совершают ошибку, они оказались непоколебимы.

— И тогда вы тоже не сумели напасть на них.

— Мы напали на них — к стыду своему и позору. — Отец Фома опустил голову, понурился. — Пойми, мы монахи, а не воины!

— Но я велел вам привести их сюда, вернуть в монастырь любым способом — честным или бесчестным! И вы заверили меня в том, что вы это сделаете, ибо стране этой будет только благо, если ею будет править духовенство! Вас было вдвое больше, нежели их, и вы таки на них напали! Неужто вам не под силу было побороть их?

— Нет, потому что они были вооружены, как и мы, и успели обучиться владению оружием.

— Вам также известно, как владеть оружием! Неужто каждый из них дерется лучше, чем двое или трое из вас?

— Первое время так и было, — признался отец Том. — Но потом мы могли взять верх над ними, и тут вдруг явился бейлиф с отрядом воинов.

— Вот как? — прищурился отец Альфонсо. — И как это вышло, что они оказались неподалеку?

— Это мне неизвестно, — отвечал отец Фома, а другие неудавшиеся налетчики, стоявшие позади него, взволнованно зароптали.

— Для этого может быть несколько причин, — процедил сквозь зубы брат Альфонсо. — Однако все они сводятся вот к чему: королю известно о наших деяниях! — Он обвел побледневших монахов стальным взглядом. — Как это могло произойти? А так, что кто-то один из вас — а может, и не один — забыл о том, чтобы сделать свои мысли недоступными для подслушивания!

— Либо... — Отец Фома не договорил, не в силах подобрать слова.

Брат Альфонсо с каменным лицом кивнул:

— Либо один из нас — лазутчик. Что же это означает, братья? Одно только то, что о наших деяниях узнает король, плохо само по себе, а что же будет, если о них прознает наш добрый аббат?

Монахи затравленно переглянулись.

— Доведется нам строго поститься и подолгу молиться наедине — это по меньшей мере, — прошептал один из них.

— Верно, а еще вас могут выпороть и расстричь, — скривившись, добавил брат Альфонсо.

Монахи примолкли и вытаращили глаза, страшась мысли о том, что их изгонят из монастыря и из ордена.

Брат Альфонсо сощурился, кивнул и обвел всех монахов взглядом.

— Будет так, если не хуже. Потому, братья, смотрите: никому ни слова о случившемся. И приглядывайте друг за другом, чтобы никому из вас такое в голову не пришло. — Голос его зазвучал зловеще: — И с этих пор повинуйтесь моим приказам.

Монахи в ужасе уставились на него. Наконец отец Фома набрался храбрости и сказал:

— Этим ты нас не запугаешь! Ты не сможешь рассказать о том, что мы сделали, не запятнав себя самого!

— Не будь так уверен в этом, — высокомерно заявил брат Альфонсо.

Отец Фома побледнел еще сильнее, однако уверенно продолжал:

— И все, что ты обещал нам, постигнет и тебя.

— О да, — фыркнул брат Альфонсо. — На том и зиждется моя уверенность. Не сомневайтесь, братья: кто бы ни понес ответственность за все, что случилось нынче вечером, это буду не я! Так что приглядывайте друг за другом и исполняйте мои повеления!

После отправки сообщения Род вскоре добрался домой. И вот, когда он сидел за столом, в комнату вбежали дети, миновав дверь так, словно она существовала только теоретически.

— Папа! Папа!

— Мама! Мама!

— Папа!

— Мама!

— Спокойствие! — крикнул Род, с превеликим сожалением отказавшись от планов на вечер.

Наступила тишина.

— Вот так, — резко проговорил Род. — А теперь говорите, что случилось?

— Подколотный змей!

— Мерзкий лазутчик!

— Предатель всех волшебниц и чародеев!

Род сразу насторожился.

— Тихо, тихо! Ведите себя разумно. — Он указал на Магнуса. — Что стряслось?

— Корделия уловила проблеск мысли телепата, папа. Он подслушивал и надеялся, что никто не заметит его.

Ярость полыхнула в сердце Рода. Он был готов взорваться, но тут рядом с ним оказалась Гвен и опередила его, не дав ему и слова сказать.

— Как ты узнала об этом, Корделия?

— Мы играли, мамочка, и вдруг я почувствовала еле уловимый всплеск сознания. Он был похож... на паутину, давно покинутую паучком, которую качнул ветер. Я замерла и прислушалась и поняла, что тот, от кого исходил этот всплеск, слушает — не думает, а слушает, — как слушала я сама.

Гвен кивнула:

— Стало быть, кто-то подслушивал чужие мысли. Но ведь ты должна понимать, что могло быть и так, что это тебе просто померещилось.

Корделия была на пороге опасного возраста.

— Но мы все это слышали, мама! — заупрямился Джеффри.

Корделия кивнула:

— Я им сказала, что услышала, и они тоже стали слушать.

Магнус подтвердил:

— Все было точно так, как говорит Делия. Правда, малыш?

Грегори, широко раскрыв глаза, кивнул:

— Точно так и было.

— Похоже, это вам знакомо, — проговорил Род, наконец сумев совладать с собой.

— Когда к разуму прикасается тот, кто может читать чужие мысли? — Магнус улыбнулся. — А как же иначе может быть — для тех, кто живет в нашем доме?

— Верно, верно, — кивнул Род. — Думаю, к этому привыкает любой ребенок-эспер, если у него есть братья или сестры эсперы. — Он обернулся, нахмурился и посмотрел на Гвен. — Интересно, как это удалось аббату?

Гвен ответила ему возмущенным взглядом:

— Господин мой! Не думаешь же ты...

— О чем? О том, что этот «чародей» наушничает для аббата? — Род пожал плечами. — А кому еще именно сейчас нужны шпионы? Но при этом можно сказать, что на самом деле шпионов у него пока, конечно, нет. У Туана и Катарины имеется отряд королевских чародеев и волшебниц — вот только в данное время использовать этот отряд не слишком этично.

— Да, к его помощи прибегают только тогда, когда объявлена война, — проворно вставил Джефф.

Род кивнул:

— А вот аббат, не будучи профессионалом, может оказаться и не слишком придирчив в этом отношении. Нет, я так думаю, что то и другое взаимосвязано, и я готов утверждать, что его милости удалось уговорить кого-то из чароде-

ев или волшебниц поработать на него. — Он сдвинул брови. — Интересно, как ему удалось их уговорить?

— А ты не торопишься, папа? — спросил Грегори. — Могли ведь и многие другие забеспокоиться, и даже кто-то из тех, у кого...

— Есть общие для того причины. Да, понимаю. — Род молча дал младшему сыну несколько очков за мудрость. — Но такое было бы слишком случайным совпадением — при том, что аббат снова затевает смуту, и как раз в то самое время, как кто-то вдруг занимается подслушиванием чужих мыслей. Я постараюсь не исключать никаких возможностей, сынок, но на мой взгляд, это слишком похоже на правду. Но ты, конечно, прав: нам нужно узнать побольше об этом шпионе-телепате.

— Или о нескольких таких шпионах, — уточнил Джефффри.

Род кивнул:

— Одобряю. — Он обратился к Гвен: — Ты могла бы пригласить к нам Тоби? Насколько я знаю, он по-прежнему возглавляет королевский отряд чародеев и волшебниц?

— Здорово! — воскликнул Грегори, а Корделия от радости захлопала в ладоши.

— Мы всегда рады видеть его в нашем доме, — тепло улыбнулась Гвен. — О да, супруг мой, лучше Тоби никто не сумеет упросить придворных чародеев и волшебниц встать на стражу и послушать подслушивающих.

— Без того, чтобы об этом преждевременно не узнали их величества, конечно, — предупредил Род. — А не то Туан решит, что мы слишком рано проявляем подозрительность.

— И королева так может подумать, папочка! — воскликнула Корделия, вздернув подбородок.

Род покачал головой:

— Ни в коем случае. Катарина — женщина практичная. У нее с подозрительностью все в полном порядке.

8

-Гонцу дали поесть и попить?
— Да, ваша милость. — Брат Альфонсо прикрыл дверь солярия аббата. — Он ужинает в кухне, а затем ему приготовят постель в гостевом домике. Он не слишком устал с дороги.

— Но все же он целый день провел в пути, добираясь сюда от Медичи.

Аббат с улыбкой взглянул на письмо, которое держал в руках.

Глаза брата Альфонсо взволнованно заблестели.

— Так, стало быть, вести хорошие?

— Просто превосходные! Вот послушай! Его милость герцог Медичи пишет о своей поддержке Церкви Грамерая и о том, что согласен поспешествовать нашему делу.

Аббат положил свиток на стол.

Брат Альфонсо проворно встал с ним рядом и вперил алчный взор в пергамент.

— Хвала Всевышнему! — воскликнул он, быстро пробежал письмо глазами и восхищенно улыбнулся. — О! Как от этих слов не воспламенился свиток! «...защиту от беспримерной власти правящих сил...» «Правящих сил» — вот ведь, право! И ведь это написано одним из самых могущественных лордов Грамерая! А «правлящие силы» — это, конечно же, король и королева, но какой осторожностью веет от этого послания!

— Будет тебе, брат Альфонсо. Мы не можем ждать, что его милость откровенно выразит изменнические настроения, правда? — Аббат откинулся на спинку стула и скрестил пальцы на животе. — Ты так же хорошо понимаешь, о ком он пишет, — как и я.

— Верно, и так же хорошо я осознаю, о ком пишут еще трое великих лордов! Они обращаются к нам как к защитни-

кам от тирании монархов! Но когда же, о аббат, вы докажете им, что они не зря так уверовали в вас?

Хорошее настроение аббата как рукой сняло. Он нахмурился и склонился к столу.

— Терпение, брат Альфонсо. Если будет возможно не браться за оружие, мы за него не возьмемся! Хватит и того, что мы видим, что поступаем право. А превращать наше дело в увеселительное представление ни к чему!

— Как вы можете так думать! — горячо возразил брат Альфонсо. — Нет, вы не поверите в то, что их величества пропустят мимо ушей брошенный вами вызов!

— Не верю. И не желаю, чтобы так было. — Аббат нахмурился еще сильнее. — О благе народа должна печется Церковь, а не монарший престол. Король и королева должны перестать делать пожертвования от своего имени. Они обязаны передавать эти деньги нам, дабы мы их затем распределяли в народе. Также король и королева не должны вершить суд над провинившимися священнослужителями.

— А на это они вам хоть как-то ответили?

— Только так, как отвечали несколько лет назад: что не будет ничего дурного в том, если и Церковь, и королевская власть будут заботиться о благе народа, и что они с превеликой радостью откажутся судить священнослужителей, когда наш суд будет равен их суду.

— А Рим непременно заставил бы вас покориться власти короля и королевы! Разве Папа не читал Библию? Разве не цитировал он псалом «Не надейтесь на князи...»? Но разве он запрещает увеселения и распущенность по воскресеньям? Разве он осуждает распущенность во всех ее проявлениях?

— В частности, в том, чтобы женщины принимали духовный сан, рядились в роскошные и непристойные одежды и вели нескромный образ жизни. — Аббат кивнул. — Да, такие слухи до нас доходили.

— Да, и более того! Он всем позволяет распутно одеваться! А простолюдинам позволено носить такие же одежды, как высокородным господам! О, воистину Папа не видит различий между принцем и нищим, ибо, как он говорит: «Все равны перед Господом!»

— Это опасное и предательское убеждение, — невесело кивнул аббат. — Он священнослужитель, но при этом всего лишь младший сын аристократа средней руки.

— Однако он ведет себя все более и более вызывающе! Этот «святой отец» позволяет одалживать деньги под грабительские проценты! Он потворствует лицедейству! Он закрывает глаза на пьянство и разврат! Он позволяет христианам беседовать с язычниками и даже... и даже заключать с ними брачные союзы!

— Отвратительно! — Аббат сокрушенно покачал головой, возмущаясь нечистотой его святейшества.

— И ведь все это есть в писаниях нашего основателя, отца Марко!

— Я читал их, брат Альфонсо, — отозвался аббат. — И в самом деле он пытается объяснить, почему Рим позволяет таким страшным порокам процветать и почему следует к этому относиться смиренно! — Аббат ухватился за край стола, чтобы не было видно, как дрожат у него руки. — Видит Бог, я готов усомниться в святости моего предшественника!

— Не надо — ибо все дело лишь в том, что он был ослеплен своим обетом послушания Папе! Безбожно «Око Петра», а не благословенный отец Марко! Но разве король с королевой не так же безбожны, как Папа, если они не поддерживают вас в священной борьбе с Римом?

Аббат медленно, рассудительно кивнул:

— Да. Так и есть. И они по собственной воле закрывают глаза на распущенность, не видя самых страшных ее проявлений, о которых ты говоришь.

— Верно, верно! И помимо того, они не желают согласиться с тем, что души их подданных страдают из-за их нерешительности! В них самих процветает грех из-за того, что они не желают объявить Церковь Грамерая единственно истинной, государственной Церковью! Не сомневайтесь в том, милорд, что ваша Церковь, освободившись от оков Рима, сумеет теперь отрешиться от ее страшных ошибок, назвать все пороки Рима и королевской власти своими именами! Король и королева должны увидеть правоту ваших притязаний, и если понадобится, нужно будет доказать им эту правоту силой оружия!

— Прекрати! — Аббат поднялся из-за стола и резко отвернулся от брата Альфонсо.

— Но почему, мой добрый господин? Разве все не так, как вы только что сами говорили? Разве во всем этом есть хоть йота неправды?

— Я поклялся не брать в руки меч, — в отчаянии проговорил аббат. — Воистину, наш Спаситель сказал: «Все взявшие меч, мечом погибнут»*!

— Меч нужно будет взять всего на несколько дней, дабы проучить душу блудницы! А если вы усматриваете в этом неправоту, то что же тогда говорить о великих лордах и их рыцарях?

— Я священник, я помазан на служение Господу, брат Альфонсо!

— А они — воинство Его! И подумайте, милорд: долго ли еще они будут терпеть, не имея знака о том, что их страданиям придет конец?

Аббат промолчал.

Брат Альфонсо не унимался.

— Лорды выказали вам поддержку, милорд, но долго ли они вытерпят? Нет, их нужно подбодрить, чем-то укрепить их веру в правоту борьбы с ненавистной властью

* Мф., 26:52.

онархов! Иначе рано или поздно они лишат нас своей поддержки!

— Ты проповедуешь безнравственность! — порывисто бернувшись, воскликнул аббат. — Священнослужитель не должен отвечать на такие мирские вопросы, когда отличает добро от зла!

— Я бы не проповедовал ничего такого, чего не должны проповедовать вы! — проворно отвечал брат Альфонсо. — Да не нужно — потому что такие простые истины должны быть ведомы даже прелату.

Аббат пронзил его возмущенным взглядом и, медленно сдвигая слова, проговорил:

— Я не прелат.

— Нет? О, будьте уверены, милорд: если Церковь Грамерая будет полной, единственной и отделенной от Рима, ей потребуются епископ, первосвященник — а кто еще более годится для этой роли, как не вы?

Аббат не сводил взгляда со своего секретаря. Наконец он отвернулся к окну и сдвинул брови.

— Нет... даже архиепископ, — пробормотал брат Альфонсо. — Потому что в Грамере такая многочисленная паства, что епископа следовало бы назначить для каждой провинции! Князь Церкви — ибо тот, кто наделен такой высокой властью, должен быть князем и иметь владычество, равное владычеству мирского монарха. Однако это будет непонятно простонародью, если этот Князь Духа не явится людям во всем своем могуществе, во всей славе своей — на престоле, на плечах монахов, с глашатаями и фанфарщиками, предворяющими его, с почетным караулом, идущим позади! Он должен одеться в королевский пурпур, взять золотой жезл, увенчать свою главу золотой митрой! Он должен встать рядом с королем и выглядеть во всем равным ему!

— Замолчи! — громогласно воскликнул аббат. — Что бы я ни решил, брат Альфонсо, я приму решение только

потому, что оно право, а не потому, что оно принесет мне благо! Оставь меня! Ступай!

— Я уйду, уйду, — пробормотал брат Альфонсо, пятась к двери. — Как скажете, ваша милость, как скажете. Однако молю вас, заклинаю вас, милорд: не забывайте о том, что даже князь повинуется прелату.

Дверь закрылась за ним, но сердце аббата словно разорвалось, открылось навстречу бездне власти и славы, о которых он прежде не помышлял. Бездна звала, манила к себе...

Леди Элизабет оторвала голову от подушки, приподнялась, оперлась на согнутую в локте руку, гадая, что ее разбудило. В полусне она поискала другой рукой плечо спящего супруга, но тут вспомнила о том, что он вчера ночью не вернулся домой — порой охотничий азарт уводил его далеко от замка, и тогда он ночевал у лорда Уиттлси. Однако тревога за отсутствующего мужа, закравшаяся в сердце женщины, превратилась в страх.

Она нахмурилась, злясь на себя, и выскользнула из постели. У нее было полным-полно лакеев и горничных, и воинов, готовых защитить ее, если бы это потребовалось. Скорее всего ее тревога была беспричинной. Если бы возникла настоящая опасность, стражники бы уже орали на весь замок и сражались бы с тем, кто посмел вторгнуться сюда.

Но при мысли о том, что она даже могла подумать, что кто-то может проникнуть в обнесенную глубоким рвом твердыню, у леди Элизабет по спине побежали мурашки. Почему, интересно, ей не пришла в голову мысль, скажем, о пожаре, о потопе, о перебранке между слугами?

«Это просто женские выдумки», — твердо сказала она себе и набросила пеньюар. Но когда она возилась с завязками, за дверью вдруг послышалось клацанье железа, и у женщины сердце ушло в пятки. Мгновение она стояла, за-

стыв от страха, затем заставила себя пойти к двери. «Ерунда!» — мысленно успокаивала она себя. Она была дочерью рыцаря, и ей не должен был быть введом страх.

Но клацанье послышалось вновь, и сердце бешено забилось в груди у леди Элизабет. Но она продолжала медленно приближаться к двери в темноте...

Дверь со скрипом отворилась, и женщина замерла. Страх сменился ужасом. Во тьме, нарушаемой только тусклым светом фонаря, на пороге возник силуэт человека в доспехах. На миг ужас, испытываемый леди Элизабет, был готов перерасти в панику, но она все же сумела настолько совладать с собой, что прошептала помертвевшими губами:

— Кто ты такой, что посмел так дерзко явиться в мои покои?

Человек стоял неподвижно. Лица его не было видно за опущенным забралом шлема.

— Кто ты такой? — снова, более требовательно спросила леди Элизабет и порадовалась тому, что ее страх сменился гневом. — Как смеешь ты так пугать меня, явившись сюда без объявления, неожиданно? Ну, окажи мне маленькую любезность — изволь назвать свое имя.

Человек не пошевелился. Он стоял и молча смотрел на женщину.

— Да подними же забрало! — в отчаянии вскричала леди Элизабет. Славно, славно — она уже была близка к ярости. Пусть уж лучше ярость, чем этот невыносимый страх! — Подними забрало и дай мне хотя бы увидеть твое лицо!

Незнакомец медленно поднял руку, поднес к шлему, приподнял забрало. Леди Элизабет ощутила что-то сродни победе...

И тут перед ней предстал ухмыляющийся череп с пустыми черными провалами глазниц.

Ужас сковал женщину, и она дико закричала — и кричала до тех пор, пока наконец не лишилась чувств и милосердный обморок не заставил ее рухнуть на пол.

* * *

Род решил, что если он не станет обращать на это внимания, то все рассосется само собой, но прошло уже восемь дней, а Грегори продолжал твердить, что, когда вырастет, непременно будет монахом. Род очень надеялся на то, что у ребенка просто такой период, но понимал, что совсем упускать происходящее с Грегори из виду нельзя. И вот теперь он выходил из леса вместе с младшим сынишкой, и тот шел пешком, а не летел, дабы не напугать местных жителей. Они направлялись к бревенчатому строению новоиспеченной Раннимедской обители ордена Святого Видикона Катодского.

Но куда же он вел мальчика, если относился к его увлечению так скептически? Вот в этом-то и было все дело: в том, что Гвен к увлечению Грегори скептически не относилась. Мало того: она от этого была в восторге! Да и всякая средневековая мать была бы в восторге: если твой сын находился в монастыре, никто бы не сказал про тебя дурного. В принципе самой выдающейся волшебнице в Грамерае не было нужды беспокоиться о собственном положении в обществе (хотя Гвен не имела бы ничего против того, чтобы большинство людей относились к ней одобрительно), но, видимо, ей было приятно думать, что она на коротке с «иным миром».

Но на самом деле все было совсем не так, и Род это отлично понимал. Гвен была просто счастлива от мысли о том, что ее ребенку открыта более прямая дорога в Рай, чем любому из ее семейства. И Род был готов признать, что это славная мысль — вот только он не был в этом уверен. Он был близко знаком со многими священнослужителями.

— Все не совсем так, как кажется на первый взгляд, сынок, — сказал Род, когда они зашагали по тропинке, ведущей ко входу в обитель. — Монахи не только молятся

и исповедуются в грехах. — Он указал на троих монахов, которые вспахивали поле неподалеку от тропинки. — Вот так они проводят большую часть времени — в тяжких трудах.

— А почему же они говорят, что это хорошо? — спросил Грегори.

— Потому что они думают, что тяжелый труд отгоняет дурные помыслы. А я так полагаю, что работа их попросту сильно утомляет.

Грегори кивнул:

— Что ж — усталость помогает плоти избежать искушения.

Род глянул на малыша, потрясенный, по обыкновению, тем, что дети способны столь многое понимать. И пожалуй, Грегори был прав: после десятичасового труда за плугом у монахов вряд ли оставались силы грешить.

Монах, возглавлявший пахарей, оглянувшись, увидел гостей и поднял руку. Его товарищи оторвались от работы, сам он выпрягся из плуга и пошел по бороздам вспаханной земли навстречу Роду и Грегори.

— Привет вам... О, да это же лорд Чародей! И его младший сынок!

— Рад встрече с вами, святой отец. — Род не без удивления признал в монахе отца Бокильву.

— А я рад, что вы пришли к нам, — ответил священник, отряхивая руки от пыли. — Что привело вас сюда, лорд Чародей? Неужто мои братья снова чем-то потревожили вас?

— Нет... то есть да. Однако не случилось ничего такого, чего бы мы не ожидали. И я не поэтому к вам пришел. — Он положил руку на плечо Грегори. — Дело вот в ком.

— В вашем малыше? — Отец Бокильва лишь на миг выказал изумление и тут же улыбнулся и указал на дом. — Что ж, вижу, разговор коротким не получится. Пойдемте присядем и утолим жажду!

Род пошел за монахом, для уверенности обняв Грегори за плечи — то есть для уверенности Грегори.

— Брат Клайд! — окликнул отец Бокильва рослого монаха, когда они подходили к дому.

Тот удивленно оглянулся, отложил мастерок и штукатурную доску и направился навстречу настоятелю и гостям.

— Это брат Клайд, — объяснил отец Бокильва Грегори. — Как видишь, он работает руками, как и все мы, и если его работа кажется на первый взгляд более легкой, чем моя, то не сомневайся: вчера он трудился на моем месте.

Монах-великан улыбнулся и протянул мальчику руку. Ручонка Грегори утонула в его огромной ладони. Малыш смотрел на Клайда, широко раскрыв глаза.

— А этот благородный господин — Род Гэллоугласс, лорд Чародей. — Отец Бокильва посмотрел на брата Клайда. — Я должен немного поговорить с этими добрыми людьми, а ты, прошу тебя, займи мое место рядом с братом Недером и отцом Мерсеем.

— О, с радостью, — вздохнул брат Клайд. — Разве это не мой долг? Привет вам, люди добрые!

Он поклонился Роду и Грегори и зашагал к пахарям.

— Вот она, жизнь монаха, — пояснил отец Бокильва, когда они продолжили путь. — Молитва поутру и вечером, а в промежутке — тяжелый труд, а потом еще и в полночь надо встать и помолиться. Да ты и сам это видел — ведь ты наблюдал за нами прежде.

Грегори испуганно посмотрел на отца Бокильву:

— Откуда вы знаете?

— О, ты же привел своих братьев и сестру нам на выручку, когда на нас напали разбойники, — сказал отец Бокильва просто и уселся за длинный стол, сработанный из свежеструганых досок. — Смотрите, не занозите пальцы... Ну а как же вы смогли бы прийти нам на выручку, если ты за нами не наблюдал, а? А вот тут ты еще не

бывал — внутри нашей обители. Ну, теперь гляди, как живут монахи.

Грегори огляделся по сторонам:

— Чисто и просторно.

Удивительно, как Грегори реагировал на обстановку в обители. А Род бы сказал: «Пусто и стерильно».

— Верно, тут чисто, и чистота эта создана трудами монахов. Это мы побелили стены, мы сработали столы и скамьи и даже деревянные миски выточили сами. — Отец Бокильва налил из кувшина воды в кружку и поставил ее перед мальчиком. — Осенью у нас будет эль, а весной — вино, а пока — вода. Но и тогда, когда у нас будут эль и вино, чаще мы будем пить простую воду. А едим мы хлеб, овощи и фрукты, а мясо — только по праздникам.

— Тяжелая у вас жизнь, — с широко раскрытыми глазами выпалил Грегори.

— Верно, и потому ты должен понять, как силен должен быть призыв к трудам во славу Бога. — Отец Бокильва жадно осушил полную кружку воды и перевел взгляд на Рода. — Что ж, лорд Чародей, говорите! Чем я могу вам помочь?

— Вы уже помогли, — смущенно улыбнулся Род. — Мой сын решил, что, когда вырастет, сможет стать монахом.

Единственным выражением удивления было то, что отец Бокильва на долю мгновения замер. Вероятно, подумал Род, это потому, что он и сам уже обо всем догадался. Затем настоятель обители подлил себе воды.

— Что ж, бывает, что призвание проявляется и так рано. Однако чаще бывает, что мальчиков просто неосознанно тянет к святой жизни, а потом они обнаруживают, что это — всего лишь одно из многих желаний. Только потом приходит сильнейшее, осознанное стремление. Это тяжелая жизнь, малыш. Ты видишь меня, но многие из послушников возвращаются к своим родным до того, как принесут иноческие

обеты. Те же, которые остаются в монастыре, могут уйти до того, как станут дьяконами, и даже те из них, которые становятся дьяконами, порой возвращаются к мирской жизни и так и не приносят последнего обета.

— Значит, монах может вернуться к мирской жизни и жениться?

— Да, может. И жениться, и растить детей. Многие из тех, кого мы зовем братьями, вольны в любой час покинуть орден. Мужчина может быть отцом и мужем и продолжать оставаться дьяконом, малыш. И тогда его служба в церкви уступает его долгу перед семейством. Однако многие братья остаются в ордене всю свою жизнь, но при этом так и не произносят последнего обета. Такие монахи просто-напросто не чувствуют в себе достаточно сил для того, чтобы взять на себя высочайшую ответственность, сопряженную со служением мессы, видят себя недостойными для того, чтобы причащать других. Тем не менее многие из таких стяжали святость и творили чудеса и, как мы верим, теперь проживают в Раю.

Грегори медленно проговорил:

— Но как же так может быть, что я уже знаю свое призвание?

— Ты не можешь о нем знать, покуда не станешь старше. В наш орден мы принимаем юношей, когда им исполнится восемнадцать лет. До тех пор ты должен жить как можно чище и праведнее и делать все, что в твоих силах, для ближних.

Грегори кивнул:

— Молиться, поститься и делать добрые дела.

— До четырнадцати лет тебе поститься не следует, а потом — только один день в месяц, и только от рассвета до заката. — Отец Бокильва теперь говорил с мальчиком совершенно серьезно. — Вот твое первое испытание: послушание. Если не сумеешь его исполнить, стало быть, пока в тебе нет того, что помогает человеку стать монахом.

— Я все исполню, — поспешно заверил мальчик отца Бокильву, и Род испустил вздох облегчения. Он был очень благодарен настоятелю. Посты и истовые молитвы могли бы серьезно подорвать здоровье Грегори.

Однако Род был просто потрясен тем, что Грегори, оказывается, был способен на такое. Его добрый, славный, задумчивый сынишка — откуда же взялся этот фанатизм? Но тут Род с угрызениями совести вспомнил о собственных подростковых религиозных страстях. Но мальчику было всего семь лет!

— А когда мне исполнится восемнадцать, святой отец? Бокильва кивнул:

— Тогда ты можешь отправиться в Дом Святого Видикона, что в... — Тень пробежала по его лицу. — А может быть, тебе стоит прийти сюда. — Он пожал плечами. — Это не имеет значения.

Но для Рода это значение имело. Он заметил, что Бокильва сожалеет о том, что покинул монастырь. Это хорошо говорило о нем: ему хватило сил поступить так, как он считал нужным, правым, хотя он и не хотел этого. Однако для дела короля в этом была слабина. Что случится, если раннимедские монахи, имеющие столь большое значение в грядущем кризисе, вдруг резко застрадают угрызениями совести и решат, что должны возвратиться к своим собратям и аббату?

Род решил: надо позаботиться о том, чтобы раннимедская община решающего значения в грядущем кризисе не имела.

— А что я там буду делать?

— Ты испытываешь себя. Узнаешь, верно ли избрал свое призвание. Молодого человека, который приходит в монастырь, дабы понять, сможет ли он стать монахом, мы называем послушником. Ты будешь жить той же жизнью, что и другие монахи, — только служить в храме не будешь; и если через год после прихода в монастырь ты все еще не

откажешься от своего желания стать монахом, ты будешь испытан, чтобы судить, сотворен ли ты из того теста, из которого Господь лепит монахов, или — есть ли у тебя силы стать приходским священником.

Род наворстил уши. Это было что-то новенькое. Он и понятия не имел о том, что в монастыре послушников испытывают на предмет наличия у них таких качеств.

Грегори нахмурился:

— Но меня тянет в монастырь.

Отец Бокильва кивнул:

— Как многих, но не у всех есть дар... вернее, качества... а еще точнее — особая сила, необходимая для этого. В этом ты должен полагаться на суждение старших и повиноваться их решению. Однако некоторым это не под силу, и тогда они возвращаются в мир.

Род нахмурился, гадая, что же это за качества такие, которые отличают «материал», из которого сделаны монахи, от того, из которого состоят приходские священники. Способность к научным изысканиям, быть может? Но разве даже в средневековом обществе не существовал девиз: публикуйся или пропадешь?

— Но куда я пойду, если вы решите, что мне суждено стать приходским священником?

— Дом Святого Видикона разделен на две части, — объяснил мальчику отец Бокильва. — Это братский корпус, кельи — для тех, кто станет монахом, и семинария — для тех, кто станет приходским священником. И те, и другие молятся вместе, вместе поют в хоре, но в остальном общаются мало.

Грегори спросил:

— А если мне велят идти в приход, но я все равно захочу служить Богу как монах — что тогда?

— Тогда все будет, как прежде: пост, молитва, труд — хотя он и не такой тяжелый у семинаристов. В будущей жизни приходских священников труда им хватит, и они

должны отдавать учебе всего несколько лет, в то время как монахи учатся всю свою жизнь. Но и семинаристу не дано отложить книги, дабы он верно проповедовал своим прихожанам.

— О, конечно. — Грегори нахмурился и кивнул. — А я и не подумал об этом — о том, что каждый священник вроде как и ученый тоже. — Увидев, что отец Бокильва не возражает, мальчик добавил: — Может, вот такое у меня призвание... А вдруг нет? А вдруг я все же призван стать монахом?

— Тогда ты можешь не произносить обета пономаря и стать монахом.

— И тогда я всю жизнь буду жить в келье? — спросил Грегори, широко открыв глаза. Он прошептал: — И я никогда не смогу выйти за стены монастыря, не буду иметь право взглянуть на девушку, на рыцаря, никогда больше не увижусь с мамой и папой, с братьями и сестрой?

Роду стало до того не по себе, что он чуть было не бросился к Грегори, дабы как следует встряхнуть его, но тут отец Бокильва ответил мальчику:

— Нет. Ты будешь иметь полное право выходить из монастыря. Наши монахи время от времени навещают свою родню — как правило, дважды в год. Кроме тех, конечно, кто попал в монастырь, будучи сиротами. Кроме того, порой мирянам бывает нужна наша помощь.

Следующий вопрос Грегори и ответ отца Бокильвы Род пропустил мимо ушей, потому что его вдруг озарило. Итак, значит, монахом позволялось время от времени покидать монастырь и навещать домашних? Следовательно, монастырь не был напрочь отрезан от мира! Следовательно, существовал канал связи!

Род очнулся от раздумий и услышал голос отца Бокильвы.

— Не сомневайся, у тебя появится еще много вопросов. А когда они появятся, приходи к нам, но, пожалуйста,

приходи со своим отцом. — Он улыбнулся Роду. — Думаю, для него это важно!

— О да! Никогда не знаешь, что получишь, навестив монастырь! — Род встал и протянул руку отцу Бокилье. — Был рад поговорить с вами, святой отец! Поверьте: вы провозжаете меня в мир с новыми силами!

— О, надеюсь, наша обитель всегда будет так служить верующим, — ответил отец Бокилье. — Но признаюсь, я никогда не видел, чтобы такое случилось столь скоро. Вы уверены в том, что вам не стоит побыть здесь подольше?

— Нет, я бы сказал, что готов к борьбе. Пора усилить давление... нет, я бы даже сказал: нанести удар! — Он взял Грегори за руку и развернулся к двери. — Пойдем, сынок. Пора приобщить к делу твоего старшего брата.

— Но у него нет такого призвания!

— Будет, будет у него призвание, и для него же лучше, если он на этот зов ответит!

9

-О, милорд аббат! — Баронесса бросилась навстречу аббату. Тот вошел в комнату, отбросил капюшон. Промокшие волосы прилипли ко лбу. — Вот не ждала вас в такую ненастную ночь!

Аббат удивленно и даже немного обиженно посмотрел на баронессу.

— Однако ваше послание... Вы писали о том, что дело безотлагательное.

— Так и есть, так и есть! Но вы могли бы приехать и завтра поутру. О, бедный, бедный! Пойдемте, встаньте у огня. Мейроуз, налей его милости бренди! Адам, придвинь стул к камину!

— Нет-нет, я не так уж сильно промок, — заверил баронессу аббат и снял сутану. Под ней оказалась еще

одна. — Как только зарядил дождь, я надел запасное облачение.

Но и эта сутана тоже была влажная, и как только аббат подошел к камину, от него повалил пар. Однако когда леди Мейроуз поднесла ему кубок с бренди, по его взгляду стало видно, что он нисколько не сожалеет о проделанном пути. И вправду, во взгляде его чувствовалось плохо скрываемое волнение.

Баронесса заметила это, но тактично промолчала и знаком велела Адаму придвинуть и ее стул к камину.

— Я несказанно благодарна вам, милорд, за то, что вы сумели выкроить время и посетить нас теперь, когда вы заняты такими важными делами.

Аббат нахмурился. На ум ему снова пришли тревоги последних дней.

— Сказать правду, миледи, ваш дом и ваши заботы для меня теперь — почти убежище.

— Что ж, в таком случае добро пожаловать в убежище, — серебристо рассмеявшись, проговорила леди Мейроуз, изящно повернувшись, отчего зашуршало ее пышное платье, и встала рядом с бабушкой. — Однако это убежище полно тревог, и кому об этом лучше знать, как не нашему духовнику?

— Но ваши тревоги столь... понятны, я бы так сказал, — с улыбкой заметил аббат. — О нет, ваши разногласия, похоже, проистекают из взаимной любви. Вот если бы с королем могли ссориться так же!

— И верно: Господь велит нам любить врага нашего, — негромко произнесла леди Мейроуз.

Аббат кивнул:

— О да, он велит нам поступать именно так, леди Мейроуз, но из-за этого наш враг не перестает быть нашим врагом. — Он сдвинул брови. — Но их величества настолько горды, что вряд ли снесут хоть малый вызов их власти.

— А вы, стало быть, представляете для них таковой вызов?

Аббат вздохнул и вперил взгляд в потолок.

— Увы! А как может быть иначе? Ведь я обязан противостоять непрестанному усилению их власти, которая распространяется даже в пределы Церкви... О! Как же слеп Рим! Как можно не понимать, что мирской правитель мешает трудам Церкви, когда узурпирует область ее деяний! Как можно ослепнуть настолько, чтобы не видеть того, что тут творится! Как можно проявлять такую преступную беспечность!

Дамы молчали, потрясенные страстью, с какой это было сказано.

Поняв это, аббат смущенно улыбнулся:

— Прошу простить меня, леди. Дух мой приходит в смятение, когда я осознаю, как страдает простой народ душой и телом, и когда я вижу, что эти страдания проистекают от того, что монарший престол отобрал у Церкви право распределять среди народа милостыню и назначать священников.

— Ах! Да разве же король и королева могут понять нужды Церкви и нужды народа? — пылко воскликнула леди Мейроуз. — О нет, в таких делах можно полагаться только на Церковь!

Аббат устремил на нее благодарный взгляд:

— Спасибо вам, леди Мейроуз. Однако я сомневаюсь в том, что даже такая праведная христианка, как вы, одобрила бы тот шаг, который я намерен предпринять.

— Что же это за шаг? — вдруг насторожилась баронесса.

— Я намерен объявить себя архиепископом.

Аббат, нервно кусая губы, отвел взгляд.

Баронесса ахнула, а у леди Мейроуз глаза полыхнули жарким огнем.

— Конечно... О, конечно! — Она энергично кивнула. — Разве можно было принять лучшее решение, милорд! Если

Церковь Грамерая отделилась от Римской Церкви, у нее должен быть глава — и этим главой должен стать титулованный архиепископ! Разве не положено, чтобы в Церкви существовали епископы и архиепископы?

— Положено, леди Мейроуз, положено. — Аббат одобрил слова своей собеседницы коротким кивком. — И у нас такого порядка не было потому, что все духовенство Грамерая принадлежит к ордену и дает обет послушания аббату единственного монастыря.

Леди Мейроуз широко открыла глаза.

— Но разве есть и другие монашеские ордена?

— Есть. Есть и священники, не являющиеся монахами. — Аббат улыбнулся, видя ее замешательство. — В наших книгах поименовано множество других священных орденов — орден Святого Франциска, к примеру, и орден Святого Доминика. Существует также орден Иисуса, к которому принадлежал наш основатель, святой Видикон. Но веру на Грамерай принес именно монах, принадлежавший к ордену Святого Видикона, и потому все монахи в этой стране принадлежат к этому, единственному ордену.

Баронесса прижала руку к груди. Ее пальцы заметно дрожали.

— Но не воспримут ли их величества ваше провозглашение архиепископом как попытку узурпировать их власть?

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, — хмуро отозвался аббат. — Потому я так медлю с этим провозглашением. Но разве тем самым я не попытаюсь добиться того, чего никогда не добился бы в этой стране аббат?

— Добьетесь! — с жаром поддержала его леди Мейроуз. — И сделаете все то, что положено архиепископу! Кто может верить суждениям королей и королев? Они по самой сути своей — миряне, и потому их власть продажна!

— Все так и есть, леди Мейроуз, все так и есть, — довольно кивнул аббат. — Власти предрежащие следует держать в узде, иначе воспоследует тирания.

— А кто может сдержать короля и королеву, как не архиепископ? — Леди Мейроуз, сверкая глазами, покачала головой. — Нет, милорд! Вы должны стать архиепископом, и никак не менее! Ибо людям духовного звания присуще праведное поведение, а мирянам — алчность и жестокость!

— Я так и думал! — вскричал аббат и тепло улыбнулся девушке. — Люди должны верить только духовенству, дабы обрести высшую справедливость!

— А монархам присуща только глупость, — отозвалась леди Мейроуз, — в то время как мудрость — только священникам!

— Я бы не сказал лучше, — выдохнул аббат, глядя в сияющие глаза Мейроуз.

Она на миг задержала на нем взгляд, но тут же стеснительно покраснела и потупилась.

Затянувшаяся пауза стала неловкой.

Аббат отвернулся и смущенно проговорил:

— Что же я за неучтивый гость — говорю и говорю о своих заботах! Я совершенно забыл, миледи, о том, зачем вы меня позвали.

— О... мы позвали вас всего лишь из-за глупых разногласий между мною и этим своенравным чадом. — Баронесса взглянула на внучку. — Но наша ссора выглядит так глупо в сравнении с вашими, такими важными, делами.

— Заверяю вас, миледи: все, что тревожит вас и вашу очаровательную внучку, для меня всегда — большая забота, — пылко возразил аббат. — Что же стало причиной вашей ссоры, из-за которой нарушились мир, любовь и согласие, царящие в вашем доме?

— Да то же, что и всегда, — со вздохом ответила баронесса. — Я вновь пыталась внушить ей, милорд аббат, каков ее долг перед семейством и страной, однако она вновь ответила мне категорическим отказом!

— Леди! — Аббат одарил леди Мейроуз укоризненным взглядом. — Не станете же вы отрицать, что должны выйти замуж!

— Нет, милорд, этого я отрицать не стану. — Девушка ответила аббату пристальным, испытующим взглядом. — Все дело лишь в том, за кого я желала бы выйти.

— Не делал я ничего такого!

Сквайр Роули, сидевший за столом, хмуро обозрел деревенское судилище. Лафн, стоявший перед ним, одет был, по обыкновению, неряшливо. Рубаху небось целый месяц не стирал, да и не снимал, поди. Походило и на то, что поверенный арестовал Лафна до того, как тот успел побриться, а делал он это явно не чаще раза в неделю. Из нечесаной гривы Лафна выбирались вши — видно, даже им было нестерпимо зловоние, исходящее от грязнули.

Роули искренне радовался тому, что выдался погожий день, и стол судьи вынесли из палаты, вот только он никак не ожидал, что ветер будет доносить до него ароматы, которыми благоухал Лафн. Стараясь дышать неглубоко, сквайр устало проговорил:

— Лесничий видел тебя, когда ты шел от убитого оленя, из туши которого торчала пущенная тобою стрела.

— А стрелу-то у меня, того... какой-то бродяга спер, вот!

— Ну да, и этот самый бродяга оленя убил, как пить дать. — Роули замутило, и он задержал дыхание, дожидаясь, когда отступит тошнота. Его господин, рыцарь сэра Торгель, к отстрелу зверей на своих землях относился как человек просвещенный: он запрещал таковой отстрел только тем, кто имел вдоволь еды. Но Лафн жил со своими родителями, хотя ему уже и исполнилось двадцать лет, и упитан был неплохо, а при этом его чаще видели в лесу, чем на поле. Оленьего же мяса хватило бы всю деревню досыта кормить целую неделю. Нет, широты взглядов сэра Торге-

ля для этого случая браконьерства в его угодьях явно не достало бы.

— А скажи-ка на милость, как ты оказался неподалеку от оленя?

— Как-как! Да я в лес пошел хворосту набрать! Откуда же мне было знать, что где-то рядом олень... залег!

— Ага, откуда? — тяжело вздохнул сквайр. — Вот только что-то ни веревки, ни мешка для хвороста при тебе не обнаружилось.

— А это потому, что я на ту пору ни одной хворостинки не сыскал!

— Это к полудню-то? Не так у нас чисто в лесах, так что глупостей не говори! — Роули нахмурился и посмотрел в сторону горизонта. Солнце клонилось к закату, сгущались сумерки. Суд немилосердно затянулся. — Нет уж, Лафн, ты как хочешь, а я должен объявить тебя виновным в браконьерстве.

— Ну уж нет! — На лбу у Лафна выступили капельки испарины. Он знал, что за такое преступление грозит казнь. — Не стрелял я, говорю же!

— Однако все говорит о том, что ты это сделал, — сурово изрек Роули. — Пока не отыщешь свидетеля, который скажет, что у тебя в руках не было лука на ту пору, как олень пал, будешь сидеть в кутузке, и...

— А вот и есть у меня свидетель такой! — взвизгнул Лафн. — Видел он меня!

Роули запнулся и сдвинул брови.

— Кто таков?

— А Стейн!

Роули откинулся на спинку стула, вытаращив глаза — настолько поразила его наглость Лафна. Стейна нашли убитым, и нашел его другой лесничий — причем примерно в то самое время, как первый обнаружил убитого оленя и изловил Лафна. Труп молодого человека лежал неподалеку от места происшествия, а рядом с ним валялся большой

камень. Судя по всему, Стейн оступился, упал и ударился головой об этот камень. Роули отправил стражника за трупом, и стражник, вернувшись, доложил, что тело уже очо-ченело.

— Ты же знаешь, что Стейн мертв.

— А и мертв, так что же? А все ж таки он меня видел, когда стрелу пускал. Вот Стейн-то оленя и кокнул, а не я вовсе! Неохота дурно говорить про мертвеца, да только как иначе-то мне быть?

— Дурно — это ты верно сказал, — прищурился Роули. — Стало быть, выходит, ты последний, кто Стейна живым видел. И есть у меня такое подозрение, что про гибель его ты поболее знаешь, нежели говоришь!

— Не знаю я ничегошеньки! — возопил Лафн, рванул-ся, но стражники крепко держали его. Он поднял связанные руки. — Я зову его в свидетели! Стейн, явись! Ежели бы ты явился, ты бы всем сказал, что я ни в чем не виноватый!

Такой наглости даже Роули стерпеть не мог.

— Ты лжешь, подлый убийца! Хотелось бы мне, чтобы Стейн сейчас стоял здесь, и тогда бы...

Он умолк, потому что глаза Лафна наполнились не-скрываемым ужасом, и повернул голову в ту сторону, куда смотрел обвиняемый.

Там, плохо, но все же видимый, взметнулся светящий-ся клуб дыма и принял очертания фигуры молодого чело-века в кафтане и лосинах, с кровавой раной во лбу.

— Стейн! — прошептал Роули.

— *Он лжет*, — слышался голос Стейна в сознании у всех, кто собрался на суд. — *Это он убил оленя. Я видел это, и за это он убил меня, а потом прикопал камень, чтобы он лежал так, будто я сам ударился о него головой.*

Лафн дико закричал и стал биться в руках у мертвенно побледневших стражников, а призрак Стейна поблек и ис-чез. Казалось, его прогнали страшные вопли Лафна. А по-

том Лафн вдруг затих и, выпучив глаза, еще какое-то время пялился на то место, где только что стоял призрак. Через несколько мгновений Лафн лишился чувств.

Жестянщик с бородкой трехдневной выдержки был одет в ассорти из лохмотьев. Мальчик, шагавший с ним, выглядел не лучше. Если жестянщик был небрит, то мальчишка явно давно не умывался. Оба они были обвешаны связками горшков и кастрюль, которые непрерывно звякали и стучали. Конечно, опытный глаз заметил бы, что, невзирая на плачевное состояние одежды бродяг, оба они были упитанными и крепкими, и вдобавок взрослому разносчику было не занимать хорошего настроения. Он вошел в деревню, поддев большими пальцами веревки, на которых болталась жестяная и глиняная утварь, и весело засвистал.

Мальчишка же, напротив, выглядел довольно угрюмо. Он бросил недовольный взгляд на отца.

— Чему ты так радуешься, пап?

— А разве было бы лучше, если бы я тосковал?

— Если бы тебя сейчас увидел какой-нибудь твой знакомый, он бы решил, что ты радуешься, потому что ушел подальше от мамы.

— Что ты такое говоришь! Хотя... нет, должен признаться: я рад, что ее нет поблизости, когда я выхожу из себя. — Род усмехнулся. — А вот уйти подальше от их величества и королевского двора я всегда рад. Это дарит мне восхитительное чувство... свободы.

— Свободы, — эхом повторил Магнус и с отвращением глянул на свою грязную домотканую рубаху. — Вот *это* ты называешь свободой?

— Сынок, я как раз собирался тебе сказать: свобода и роскошь — не одно и то же. На самом деле они редко сочетаются друг с другом.

Род вышел на середину деревенской площади и снял с плеч поклажу. Со звоном и кляцаньем утварь легла на траву, а Род выкрикнул:

А ну, хозяйюшки, живей —
Я повторять не буду —
Сюда несите поскорей
Дырявую посуду!

Ее мы живо залудим
И быстро запаяем,
Горшкам жизнь новую дадим,
Кастрюльки залатаем!

Кому ж охота обновить
Все то, что прохудилось,
Спеши товар у нас купить,
Селянин, сделай милость!

Магнус скривился:

— Бывало, ты и получше стишки говорил, пап.

— А чего ты еще ждал от импровизации? И потом: кто тебя в критики записал?

— Ты и записал, — проворно отозвался Магнус. — Ты сам так сказал в последний раз, когда я не хотел делать уроки.

— Ну да. Это верно, — кивнул Род. — Я сказал, что всякий образованный человек должен быть критиком, — вздохнул он. — А если ты не хочешь учиться, у тебя нет права критиковать. Это нечестный ход, сынок, нечестный ход.

— А я думал, мы говорим об учебе, а не об игре.

— Ты долго спорить собираешься? Тихо, вон и первый покупатель идет.

— Хо, жестянщик! Давненько я тебя поджидала! — крикнула на ходу широкоплечая полная крестьянка с приятным круглым лицом. В руке она держала небольшой треснувший котелок. Она подала его Роду. — Уж месяц, считай, как суп варю в прохудившемся котелке!

— Ох, надо было мне раньше прийти. — Род покачал головой. Он быстро перешел на деревенский говор. — Ну, того, значит... Это вам в пенни обойдется, хозяйюшка.

Женщина сразу помрачнела.

— Нету у меня лишних монет, жестянщик, — проворчала она и протянула руку, чтобы забрать котелок.

— Ну, раз такое дело... Неплохо бы перекусить маленько, — поспешил исправить положение Род. — Может, плеснешь нам по миске супца — чтоб хоть пахло мяском, а?

Крестьянка просияла.

— Малость солонинки у меня заваялось в кладовой, — кивнула она, глянула на мальчишку, издавшего при этом известии странный звук, пожала плечами и вернулась взглядом к его отцу. — Да вот только как мне суп сварить без котелка?

— Ну, в таком разе мы его тебе скоренько наладим, — пообещал женщине Род, уселся на землю по-турецки, вытащил нож и палочку и принялся строгать лучинки на растопку. — Принеси-ка немного хвороста, сынок, будь пайнкой.

— Угу, — пробормотал Магнус. — Хотя бы притворюсь.

С этими словами он развернулся и отправился на поиски хвороста.

К тому времени как Род приготовил порядочно растопки, к нему подошли еще несколько женщин. Одна принесла горшок с большущей дырой, а другие пришли просто так, поглазеть.

— Какие вести, жестянщик? — поинтересовалась одна из них.

Род всегда мечтал стать журналистом.

— Да ничего такого особенно нового, по чести сказать. Вот уж не знаю, слышали вы иль нет, да только аббат наш говорит, что наша Церковь, стало быть, Грамерайская, теперь будет сама по себе. Без Римской, стало быть.

Одна из крестьянок нахмурилась:

— Это как же он?

— Да очень даже просто, — ответил Род и ловко снял ножиком стружку с палочки, да так, что та свернулась спиралью. — Рот, стало быть, открывает да и говорит.

— И что же — у нас теперь мессы вовсе не будет или как?

— Да нет: говорят, что он сам-то мессу служит.

Первая крестьянка равнодушно спросила:

— Ну так и что же тогда?

Род пожал плечами:

— Не знаю даже, что и сказать. — Честно говоря, он был искренне изумлен тем, что крестьяне воспринимают новость так безразлично. — Да и что понимаю-то я в церковных делах? Тут уж священнику судить, а не мне. — Он обернулся и посмотрел на Магнуса, который шел к нему с охапкой хвороста. — А, вот и ты, сынок. Пожалуй, этого хватит.

Магнус опустил хворост на землю, стараясь не смотреть вслед той крестьянке, которая бежала к единственной постройке в деревне под деревянной, а не под соломенной крышей. У этого дома наверху торчало некое подобие шпиля.

— Ну а я еще погляжу, верные то слухи или нет, — продолжал Род как ни в чем не бывало. — Мне бы только повстречать кого-нибудь, у кого брат или сынок в монастыре. — Он выбил огнем искру из кремня, подпалил растопку. Пламя занялось, весело затрещало. Род помолчал, дал время крестьянкам высказаться, но все они молчали. Он тяжело вздохнул и сказал: — Ну а кроме как эта, других особых новостей нету. На севере, говорят, буря была немалая — это ближе к морю, во владениях Романова, стало быть. Так один рыбак тамошний божится, будто русалку видел своими глазами. Молния, дескать, полыхнула, а прямо в молнии-то русалка, и песню поет дивным голосом, — вот так говорят.

Крестьянки дружно ахнули и со смесью ужаса и восторга уставились друг на дружку. Род принялся раздувать пламя.

— А этот рыбак — он, случаем, чего-нибудь крепенького не выпил, пап? — поинтересовался Магнус, и женщины удивленно обернулись к нему.

Род отвесил ему легкий подзатыльник, но Магнус лениво пригнулся.

— Эй, малый, ты чего болтаешь-то! — возмутилась одна из женщин. — Старших, видать, не уважаешь совсем!

— Да ты уж не бей его так сильно, — пожалела мальчика другая. — Да и то, к слову сказать, моему мужику-то еще и не такое мерещится, когда он надерется.

Остальные женщины расхохотались, а Род подумал, похвалил ли бы эту женщину ее супруг за разглашение семейных тайн.

— Может, оно и так, добрая женщина, да только ты не забывай: пьянчуг, между прочим, Колдовской Народец уж больно жалуется.

— Так чего ж тогда фэйри их себе не заберут, пьянчуг этих окаянных? — фыркнула женщина, а остальные одобритительно закивали.

Род помахал рукой над пламенем костерка и довольно кивнул:

— Ну, вот и славно.

Он накрыл прореху в котелке полоской жести и поднес посудину к огню.

— Главное — за мной, да? — прошептал Магнус ему на ухо.

— Ну а я зачем тебя с собой взял? — Вопросы задавать тоже уметь надо было. — Но ты как хочешь. Вообще-то я и сам могу попробовать.

— Пожалуйста, пап, — быстро отозвался мальчик. Он явно не хотел, чтобы отец обиделся на него за то, что он делает за него всю работу. Род мысленно добавил Маг-

нусу очков за чуткость. К тому же, как должен был признать Род, у Магнуса в таких делах опыта было несказанно больше.

Мальчик уставился на трещину в котелке. Припой расплавился, растекся, хотя огонь и не был слишком жарким для того, чтобы началось плавление. Род знал, что железо под припоем размягчается по всей длине трещины, и ее края постепенно соединяются, по мере того как Магнус разгоняет молекулы. Мальчик трудился старательно и успешно: железо по обе стороны от трещины сильно разогрелось. Подобную картину Род наблюдал, когда не так давно Магнус чинил котелок для матери.

Они настолько увлеклись работой, что Роду даже не пришлось притворяться, что он не заметил, как к костру подошел приходской священник в сопровождении молодой крестьянки, сообщившей ему о слухах, которые принес жестянщик.

Железо вдоль шва накалилось докрасна, потом стало желтым, но крестьянки не видели этого — так как шов почти целиком покрылся растекшимся припоем.

Но вот наконец Магнус выдохнул и отсел подальше от костра. Род понял намек и отодвинул котелок от пламени, после чего поставил его на траву, дабы тот остыл.

— Пусть часок постоит, хозяйка. А потом испытай его и сама увидишь: еще лучше, чем новенький будет!

— Быстро работаешь и хорошо, — отметил священник. — Не встречал я таких ловких жестянщиков.

— Ну, спасибочки, — крикнул Род, обернулся, вытаращил глаза и смущенно добавил: — Святой отец, — как будто только что понял, что говорит со священником.

Священник улыбнулся:

— Меня зовут отец Беллора, жестянщик. Не изволь смущаться.

Род все же постарался сделать вид, будто сильно нервничает.

— Может, и у вас есть посудинка какая, что починки требует?

— Мне бы не кастрюльку, а сердце починить, — со вздохом отвечал священник, и тень тревоги пробежала по его лицу. — Верны ли те вести, что ты принес?

— Это вы про какие вести интересуетесь? Насчет того, что Церковь Грамерайская от Римской отделяется? — Род пожал плечами. — Так в народе говорят, святой отец. А вы-то как скажете: правда это или нет?

— Я про такое пока не слышал. — Монах убрал руки в рукава сутаны, как в муфту. Он насторожился, в его взгляде появился страх. — Да только радоваться нечему.

— А ежели это правда, святой отец, — с опаской спросила одна из крестьянок, — мессу вам служить можно будет или нет?

— Ну, это... — усмехнулся Род и попытался развеять сгустившиеся тучи. — Что ж, ежели нас отпевать будет некому, так мы и помирать перестанем?

Губы священника дрогнули в улыбке.

— Нет, конечно, не перестанем. Прошли годы со времени моего рукоположения, и пока руки мои еще способны держать чашу для причащения. И я буду служить Господу, если только Папа не подвергнет Грамерай анафеме.

Крестьянки примолкли от одной только страшной мысли о том, что Рим может отдать Грамерай в лапы дьявола.

Род предпринял слабую попытку достичь своей первоначальной цели.

— А вот нельзя ли, скажем, в монастырь кого послать да и вызнать, правда все это или нет?

Священник покачал головой:

— Если только оттуда кто пойдет — а иначе... нет, вряд ли.

— А нету ли в вашей деревне у кого-нибудь сынка или брата в монастыре? Они ж порой наведываются домой.

Отец Беллора нахмурившись посмотрел на Рода и покачал головой:

— Нет, ни у кого из здешних жителей нет родни в монастыре. Я тут один принадлежу к священному ордену, а я сам не отсюда родом.

— А у вас, святой отец, не осталось ли товарищей по учению?

Священник невесело усмехнулся:

— О да, были у меня друзья, куда я изучал науку священства. Но и они все разошлись по деревенским приходам.

— Это как же? — разыграл удивление Род, хотя отлично знал правду. — Разве не все монахи учатся вместе?

— Нет, — покачал головой отец Беллора. — Не все мы попадаем в число избранных.

— Не все, вот оно как! — Род притворился изумленным. — А я-то, признаться, так думал, что как в монастырь попадают, то у всех все одинаково.

— Нет. По-разному. И в душе, и в учении. Одни уходят в кельи, обретая монашеское уединение, а другие остаются в братской спальне и трудятся по переписке священных книг.

Неужто и палата, где переписывали книги, у иноков была другая? Это было что-то новенькое в практике управления монастырями.

— Стало быть, и дальше все для вас по-другому?

Священник кивнул:

— Мы уходим в мир, откуда пришли, дабы сражаться с искушениями и испытаниями, отвлекающими человека от мыслей о Царствии Небесном.

— Уж это вправду удел святых, — озадаченно проговорил Магнус. — А как же... как же бедня... как же нам, беднякам, отыскать дорогу в Рай без таких, как вы, святой отец?

Взгляд отца Беллоры смягчился.

— Славно сказано, мальчик. Вот спасибо тебе. Стыд мне и позор за то, что я из-за огорчения забыл, как дорога, как ценна моя жизнь! Правы были те, что выше меня: я обрел в этой жизни богатство, ощущая нужды ближних. И никогда за все время, покуда я служу здесь, я не задавался вопросом о том, зачем появился на свет.

— Вот только сдается мне, что не сами вы это выбрали, — неловко проговорил Род и нахмурился, живо представив себе свиток пергамента с прописанным на нем назначением на должность приходского священника. — Вы небось монахом хотели стать, святой отец?

— Хотел, как мечтают все молодые люди, приходящие в монастырь. Вернее, не так: все же не все мечтают о том, — поправился он. — Но большинство. Но не послушнику решать свою судьбу. Для того есть люди важнее и мудрее его. Они лучше понимают, в чем его призвание.

— Да только все равно вам кажется, что вас, как бы это сказать получше... отложили в сторонку, что ли — как не самую лучшую глину гончар откладывает, когда горшки лепит.

Отец Беллора коротко рассмеялся.

— А ведь глупо звучит, не правда ли? Нет, приходские священники не хуже служат Господу, чем те, что носят монашеское облачение. А может, и лучше, и уж точно мы слеплены не из самой плохой глины.

— Может, даже из той, что получше будет, — робко проговорил Магнус. — Разве вы не должны быть сильнее, дабы устоять против искушений мирской жизни, дабы вынести все ее тяготы?

Отец Беллора кивнул, его глаза одобрительно сверкнули.

— Верно. Так нам и говорили. Правда, в ту пору я подумал, что это говорится ради того, чтобы мы не вздумали покинуть орден, и ради того, чтобы не ощущали себя отверженными. Но я понял, что все так и есть.

— Но кто же велел вам стать приходским священником? — поинтересовался Род. — Не возьму в толк, как это они там у вас разбираются, что кому суждено.

Отец Беллора развел руками:

— Это мне неизвестно. Вот, может, состарюсь, помудрею, тогда пойму. Решение принимают монахи. Самые главные из них.

— А все же как они знают, что такова ваша доля?

— Со мной недолго говорил один старый монах. А на следующий день, после мессы, староста отвел меня в сторону и объявил решение монастырского совета.

— И все? — спросил Магнус, вытаращив глаза. — Всего-то разговора на пару минут?

— Ну почему... Да нет, полчаса он со мной толковал, не меньше. Но ты прав. Так и решилась моя судьба. Из-за этого разговора да из-за того, что для совета про меня написал тот монах, что был старшим над послушниками, — задумчиво проговорил священник. — Он за мною дня два наблюдал.

— Два дня да разговор на полчаса — и ваша участь решилась? На всю жизнь?

— Не стоит так возмущаться, — улыбнувшись, успокоил Магнуса отец Беллора. — Тот мудрый старый монах в конце концов оказался прав.

— И все равно вы жалеете, что не стали монахом!

— В этом мой непрестанный грех, — вздохнул священник. — Гордыня... Каждый день я молюсь, чтобы она покинула меня.

— И вы не можете стать тем, кем хотите?

— Нет. — Отец Беллора на этот раз взглянул на Магнуса более внимательно. — Пойми, мальчик: то, чего ты желаешь, добывается не только тяжкими трудами и решительностью. Тут еще дело в одаренности. Не сомневаюсь: если бы я надел монашеское облачение, я бы, пожалуй, стал слишком беспокойным, хотя... нет, мне трудно су-

дить. И пожалуй, меня бы терзало чувство бесполезности. Нет, те, кто рассудил обо мне, рассудили верно.

Последняя фраза была произнесена с явным усилием.

Род был искренне удивлен тем, как безжалостна самооценка священника.

— И что же, они никогда не ошибались, эти монахи, в своих суждениях про то, кому уходить из монастыря, а кому оставаться?

Священник покачал головой:

— Никогда, насколько мне известно.

— Святой отец! Святой отец! — К костру по лужайке бежал парень в крестьянской рубахе. — Слава Богу, я вас сыскал!

Священник обернулся и пытливо воззрился на парня.

— Доброго тебе дня, Лирак. Что у тебя за беда?

— Да старик Себастьян, святой отец! Упал он на поле и задыхается, хрипит! О пойдемте скорее, заклинаю вас!

Отец Беллора посмотрел на Рода и Магнуса.

— Прошу прощения, но там нужна моя помощь. — Он прижал руку к нагрудному карману сутаны, из которого торчала желтая рукоятка маленькой отвертки — знак ордена Святого Видикона. — Да, освященный елей со мной. Ну, теперь води меня, Лирак.

И он поспешил за юношей.

Род проводил их взглядом.

— Ну... Похоже, и вправду не ошиблись монахи насчет него.

— Насчет него, может, и не ошиблись, — скривив губы, проговорил Магнус. — Да все-таки порой они наверняка ошибаются, пап!

Род огляделся по сторонам. Крестьянки, похоже, разошлись по домам — наверное, теперь взахлеб обсуждали скандальную новость насчет отделения Грамерайской Церкви от Римской.

— Согласен с тобой, сынок. Выглядит этот отбор несколько странно, если не сказать — не по-человечески. И вряд ли у них существует какая-то отлаженная система на тот счет. Слишком много переменных.

— А может, у послушников есть какой-то знак... ну, не знаю, на лбу, к примеру, — предположил мальчик. — Только мы, простые смертные, этого знака не видим.

Род пристально посмотрел на сына, изумленный прозвучавшей в голосе мальчика насмешкой. Магнус вырослел на глазах.

— Ну... Они, наверное, знают, что искать, — сказал Род и нахмурился. — А еще точнее... Вряд ли они когда-либо узнают о допущенных ими ошибках.

Вид у Магнуса стал озадаченным.

— Понимаешь, — объяснил Род, — если приходской священник станет грешить, про него можно сказать, что он проявил слабость.

Магнус вытаращил глаза.

— Точно! А если грех совершит монах, про него скажут: «ему недостает дисциплины»!

— Ага, в таких вопросах ты как рыба в воде! — улыбнулся Род. — Но в чем-то ты прав. И ведь что-то в том есть, верно?

— Даже слишком много!

— Что ж, они в конце концов тоже люди, — вздохнул Род. — И должны вести себя в соответствии с обстоятельствами.

— Нет, не должны! Они могли бы каждому послушнику позволить самому выбирать свой путь. Могли хотя бы разрешить попробовать!

— Могли бы, верно, — согласился Род. — Но вероятно, в конце концов итог был бы тот же самый.

— Бог вам в помощь, жестянщики!

Род вздрогнул и обернулся. То была крестьянка, чей котелок починили они с Магнусом. Она несла большую дымящуюся миску, а под мышкой зажала каравай хлеба.

Род усмехнулся и взял у женщины миску.

— Ох! Пусть Господь пошлет тебе побольше дырявых котелков, когда я снова буду проходить по этим краям!

— Вот, возьми-ка еще, — улыбнулась крестьянка и протянула Роду увесистое кольцо жирной колбасы. — И доброй вам дороги!

Магнус взял ложку, набрал супа, отвернулся и попробовал.

— Ой, вкусно как! Может, нам почаще в такие вылазки отправляться, пап?

— В смысле, платят хорошо? — Род улыбнулся. — Что ж, неплохо за один починенный котелок: большая миска похлебки, целый каравай хлеба да еще и салями... Мы с тобой не только пообедаем — у нас еще и на завтра на перекус хватит.

— А если бы дырявой посуды оказалось больше, мы бы потом еще и едой могли приторговывать, — рассудил мальчик.

— Вот не знал, что у тебя способности к бизнесу...

— И все-таки, — пережевывая густую похлебку, добавил Магнус, — мы не узнали главного, за чем пришли сюда.

— Что верно, то верно, — хмуро отозвался Род. — Ни у кого в этой деревушке нет родственников в монастыре. Ну что ж... Всегда можно наведаться в соседнюю деревню.

Отец Беллора вышел на порог, чтобы вылить грязную воду, и крикнул:

— Колдовской Народец, берегись!

Услышали бы его монастырские учителя — наверняка бы пришли в ужас и строго отчитали за грех суеверия, но им-то не приходилось иметь дело с такими проявлениями обыденной жизни. Не очень-то приятно, когда рядом с тобой обитает эльф, раздосадованный тем, что ему подмочили репутацию.

Прокричав предупреждение, добрый деревенский пастырь опрокинул таз с помоями над зарослями сорняков, которые в изобилии росли вокруг домика священника, и был уже готов вернуться в кухню, но краем глаза заметил приближавшегося к дому незнакомца. Отец Беллора вытаращил глаза и воскликнул:

— Брат Михаил!

Монах помахал ему рукой, усмехнулся и припустил к дому бегом.

Отец Беллора радостно хлопнул его по плечу:

— Старый ты бродяга! Что ты тут делаешь? О, как же я рад тебя видеть!

— А я тебя, отец Беллора. — Михаил был на год старше, но в монастыре они учились вместе.

— Ну, входи же, входи! — воскликнул отец Беллора и провел старого товарища в кухню.

Через полчаса, когда был съеден большой мясной пирог, брат Михаил откинулся на спинку стула с блаженным вздохом и принялся чистить зубы зубочисткой. Отец Беллора усмехнулся, также отодвинулся от стола и погладил живот.

— Ну, любезный брат мой! Что привело тебя в мой приход?

— Весть, которую наш славный аббат велит тебе объявить всей твоей пастве. — Брат Михаил помрачнел. — Он объявил о том, что Церковь Грамерая отделяется от Римской Церкви.

Отец Беллора сокрушенно кивнул:

— Слухи об этом доходили до меня, но я-то надеялся, что это неправда.

— Так скоро пошли слухи? — Брат Михаил удивленно посмотрел на друга. — Неужто слова распространяются быстрее свитков?

— Так было всегда, брат. Намедни тут проходил жестянщик. Починил одной женщине котелок, заночевал, по-

том дальше пошел. Наверное, теперь про эту новость уже знают в соседнем приходе.

— Да, брат мой... — сочувственно проговорил брат Михаил. — Такая весть способна вызвать смятение в душе, верно? — Он извлек из рукава свиток пергамента. — Вот тут все написано. Ты должен это переписать и читать на мессах целую неделю, а затем тебе следует доставить свиток отцу Гейбу, что служит во Фламурнском приходе за горой — точно так же, как я принес свиток тебе.

Отец Беллора взял у старого товарища свиток примерно с той радостью, с какой человек взял бы по приказу тарантула.

— Скажи мне на словах.

— Ну... Там сказано о том, что Римская Церковь совершила немало ошибок...

Отец Беллора замер, словно пуританин в бальном зале, и широко раскрыл глаза.

— Да как он смеет так говорить!

— Он же аббат, — пожав плечами, отозвался Михаил. — Тяжело тебе, да? Ведь мы-то возрастали и учились с мыслью о том, что Папа безошибочен во всем, что касается церковной доктрины. А теперь наш славный аббат утверждает, что тот, кого мы звали его святейшеством, ничего не знает обо всем, что тут у нас происходит, какая тут сложная жизнь. Кроме того, у Папы своих дел по горло, и к тому же он по рукам связан грехами своих предшественников, продажностью епископов и писцов в Папской Курии.

— Но как он может порицать Святое Око Церкви! — прошептал отец Беллора.

— Лорд аббат так говорит: Папа, если на то пошло, всего лишь епископ Рима и потому не выше любого другого из епископов. И чтобы все мы помнили об этом и чтобы не забыли про то, что он — глава нашей Церкви,

лорд аббат с этих пор объявляет себя архиепископом Грамерая.

Отец Беллора сидел неподвижно, словно его пригвоздили к стулу.

— Ну, — продолжал брат Михаил, — а архиепископ Грамерая уж точно может осуждать епископа Рима. Он указывает на ошибки Папы и пишет о том, что особо он ошибается в том, что не требует того, чтобы все правители признавали, что во всем, что касается нравственности, Церковь обладает большей мудростью, нежели мирская власть.

— Но это касается любой власти! — возразил отец Беллора. — Разве любое дело короля или королевы можно судить по тому, нравственно оно или безнравственно?

— В том-то все и дело — и как раз в этом, как говорит наш лорд аббат, и лежит причина всех несчастий нашего мирского государства.

— Но как же быть со словами Христа: «Кесарю — кесарево»?

Брат Михаил кивнул:

— Но, как говорит лорд аббат, даже кесарь должен отдавать Богу Богово, и в этом должен ощущать руководство Церкви.

Отец Беллора побледнел:

— Не хочет ли он сказать...

Но свою мысль он закончить не успел. Голос его дрогнул и оборвался.

Брат Михаил сочувственно кивнул:

— Все верно, святой отец. Наш славный лорд аббат рассудил так: Церковь должна быть выше короля, ибо она ближе к Господу и потому понимает, что благо для Господа, лучше любого короля. И король должен признать власть архиепископа.

— Но как же при этом король может не выступить против него? — прошептал отец Беллора.

10

Ночную тишину разорвали дикие, испуганные крики. Несколько секунд деревня содрогалась от шума — а казалось, прошло несколько часов. Повсюду вокруг площади хлопали двери и из домов, свирепо крича, выбегали крепкие широкоплечие крестьяне с дубинками и серпами в руках. Добежав до того дома, из которого доносились крики, они вышибли дверь.

Посередине комнаты, у подножия сломанной лестницы, приставленной к полатам, стояла на коленях седовласая женщина. Повсюду валялись перевернутые столы и табуретки, комод лежал на боку, рядом с ним — разбросанное в беспорядке белье и одежда.

Мужчины вытаращили глаза от изумления.

В следующее мгновение к ним, сам по себе, полетел кувшин.

Крестьяне завопили и пригнулись. Один из них бросился к женщине и подхватил ее под мышки.

— Ты ушиблась, Гризельда?

Женщина перестала кричать и, тяжело дыша, уставилась на своего спасителя широко раскрытыми глазами.

Деревянная кружка помчалась к голове мужчины. Он присел, а Гризельда взвизгнула.

— Да ну, подумаешь! — браво проговорил крестьянин. — Ерунда какая. Ты-то как?

— Я не... не ушиблась, — выдохнула женщина. — Нога... болит, но пожалуй, ничего страшного.

— Ну вот и хорошо. Давай-ка, держись за меня.

Крестьянин-здоровяк, поддерживая Гризельду, повел ее к двери.

Прямо ему в лицо устремилась табуретка.

Вскрикнув, крестьянин отступил. Табуретка пролетела мимо и врезалась в камин. Мужчина бегом бросился к двери.

Остальные поспешно отступили, а спаситель Гризельды убежал из дома и бережно опустил женщину на землю.

— Вот... вот спасибо тебе, Ганс, — проговорила старуха, держась за его плечо.

— Не за что, — тяжело дыша, отозвался он. — Что у тебя с ногой-то, Гризельда?

Гризельда осторожно ступила больной ногой, опасливо перенесла на нее вес тела.

— Ничего, держусь вроде.

— Ну вот и славно.

В доме закричали. Те крестьяне, что стояли на пороге, отскочили назад и захлопнули за собой дверь. В дверь тут же что-то с грохотом врезалось.

— Это дух очага буйствует, — пояснил, отдышавшись, один из крестьян и, обернувшись, увидел, что площадь быстро заполняется мужчинами и женщинами. Они явно пришли поинтересоваться, стоит ли убегать, покидать родные дома или пока нет.

Ганс также заметил собравшихся и пошел к ним, поднимая руки.

— Опасность миновала, люди хорошие. С Гризельдой все хорошо. Она напугалась, но жива и здорова.

— Напугалась — что правда, то правда, — призналась Гризельда. — Легла я, значит, спать... Только заснула, вдруг что-то как-то шархнет о стену прямо рядом с моей головой. Я с полатей соскочила, к лесенке кинулась, только ногу поставила — а все ступеньки разом рухнули, как будто кто подпилил их!

— Слава Богу, хоть ногу не сломала! — крикнула какая-то добросердечная женщина.

Вперед вышел седой старик.

— Говорил я тебе: старая ты уже на такой верхотуре пать! Ты ж теперь одна-одинешенька в доме своем, так строй себе постель внизу!

— Да будет тебе, Хью, — скривив губы, бросила Гризельда. — Спустилась бы я, кабы ступеньки не подломились бы.

— Да уж... — проворчала другая женщина и чопорно поджала губы. — Только вот не каждую ночь духи швыряются чем попало.

— Слава Богу! — Старик перекрестился. — Вот только откуда он взялся — дух этот?

Крестьяне молча переглянулись.

— Сроду в этом доме духов не водилось, — заметил кто-то.

Стало тихо-тихо. Страх сковал сердца крестьян.

— Ушел он вроде, — проговорил Ганс, запрокинув голову и прислушавшись.

Все остальные тоже примолкли и прислушались. И верно: никаких звуков из-за двери домика Гризельды больше не доносилось.

— Ну, так я, пожалуй, домой вернусь, — не слишком уверенно проговорила Гризельда и повернулась к двери.

— Не ходи, — удержав ее за локоть, сказал Ганс. — Дождись рассвета. Приедет священник из Мальбарля, освятит твой дом, тогда и сможешь снова войти в него.

Гризельда застыла в нерешительности.

— Даже не думай! — Молодая крестьянка, державшая за руку ребенка, подошла к старухе, набросила ей на плечи шаль. — Переночуешь у нас — места хватит. Ганс на полу поспит.

— Угу, — кивнул Ганс, встретился взглядом с женой и улыбнулся. — Не впервой.

— Ганс! — вырвалось у женщины. Она опасно оглянулась на соседей и покраснела.

На площади на миг стало тихо, а потом крестьяне разразились дружным хохотом. Надо сказать, что шутка расмешила их гораздо сильнее, чем следовало бы.

— О-ох, — утирая слезы, выдохнул Ганс. — Ты... ты прости меня, Летриция. Это я, конечно, загнул... нагло соврал, в смысле.

— Да не то чтобы нагло, — сверкнув глазами, отозвалась его жена. — Главное — вовремя. Ну, пойдем, Гризельда, не отказывайся.

— Ладно, ладно, уговорили, — с улыбкой посмотрела на Летрицию старуха. — Благослови вас Господь! Вот уж право: друзья познаются в беде.

— А на что еще тогда сдались соседи? — улыбнулась Летриция и взяла Гризельду под руку.

— Ну все, люди добрые, — выкрикнул Ганс, когда женщины отошли от дома Гризельды. — Давайте разойдемся по домам, покуда еще есть время поспать. А то ведь с утра работать!

Толпа ответила ему недовольным ворчанием, но все же крестьяне начали мало-помалу разбредаться по домам. Некоторые оглядывались, бросали опасливые взоры на дом старухи. Но вот наконец хлопнула последняя дверь, и в ночной деревне снова все стихло.

А за дверью дома Гризельды со звоном разбился глиняный горшок.

— Жарко, пап. — Магнус утер пот со лба и потянулся за бурдюком с водой. (Вина отец ему пить пока не позволял.)

— О-о-о. — Род укоризненно покачал головой. — Все-то ты жалуешься. А куда же подевался отважный воин, который был готов претерпеть все трудности в борьбе за великое дело?

— Церковь — не такое уж великое дело, — проворчал Магнус.

— Ты только маме так не говори. И между прочим, если ты до сих пор не заметил: мы — на стороне короля. И

в чем проблема, не пойму? Ты что, хотел бы чем-то другим заняться? Чем?

— Предложи. Как ты любишь говорить, я открыт для предложений.

— Вряд ли я сумею сделать предложение, которое придется тебе по сердцу. Пойми, сынок, дело у нас очень важное. Нам нужно завербовать шпиона — кого-то такого, кто бы был верен королю и королеве, но при этом, не вызвав подозрений, мог бы проникнуть в монастырь.

— О... — Магнус обернулся и нахмурился. — Так вот почему мы пытаемся найти кого-нибудь, у кого есть родственник из числа монахов?

— Быстро сообразил.

Магнус поморщился:

— Ну ладно, пап. Ты за кого меня принимаешь? Что я, мысли читать умею, что ли?

И тут он вдруг умолк.

— Что стряслось, сынок? Услышал собственные слова?

— Да. Вот только, к сожалению, не твои. Я разве виноват в том, что ты лучше меня закрываешь свои мысли?

Вот оно что... Род удивился. Он не предполагал, что Магнус когда-либо в этом признается.

— На самом деле я ничего не закрываю, сынок, а всего лишь пытаюсь не вдаваться в детали.

Магнус кивнул:

— Я это запомню.

— Не переживай. В один прекрасный день у тебя все будет получаться само собой.

Род задумался о том, что было бы неплохо, если бы Магнус стал называть его отцом, а не папой, как полагалось малышам, но решил, что сейчас лучше об этом не говорить.

— Кстати, о том, что происходит само собой, — заметил Магнус. — Скоро закат. — Мальчик прищурился, гля-

дя на клонящееся к горизонту розоватое солнце. — Ты уверен, что мы доберемся до деревни засветло?

— Ну-ну, давай продолжай и дальше сомневаться в своем отце, — вздохнул Род. — А вот, на счастье, и местный житель. Спроси-ка у него.

Магнус вгляделся вдаль и увидел крестьянина, который шел по полю за волом, тащившим плуг. Крестьянин был молод, лет двадцати, не более, широкоплеч и мускулист. Краем глаза Род наблюдал за сыном. Магнус приосанился, расправил плечи, сжал кулаки. Сравнение с крестьянином вышло не в пользу мальчика. Род улыбнулся и помахал крестьянину рукой.

Пахарь заметил путников, дружелюбно усмехнулся и махнул рукой в ответ. Поравнявшись с незнакомцами, он крикнул на вола, и тот остановился, опустил голову и стал жевать траву, а крестьянин с терпеливой улыбкой подошел к плетню и вытер пот со лба.

— Добрый денек, жестянщики!

— И тебе доброго дня. — Роду этот парень понравился с первого взгляда. Большинство крестьян по возможности предпочитали не разговаривать с жестянщиками. Мало того — парень и Магнуса поприветствовал. — А денек славный выдался.

— Да, что верно — то верно. Славный нынче денек, погожий. И завтра, похоже, тоже погожий будет, — заявил пахарь, окинув небосвод наметанным взглядом. — Да и попрохладнее нынче, слава Богу!

Род намека понял и отстегнул от седла бурдюк с вином.

— Кто горячо трудится, того мучит жажда. Изопьешь?

— Ну, это спасибочки, конечно, — широко улыбнулся крестьянин и взял у Рода бурдюк. Подняв его над головой, он поймал ртом струйку вина. Испив порядочно, он со вздохом отдал Роду бурдюк. — Славное винишко, терпкое, молодое. То, что надо в жаркий денек!

— Это верно, — усмехнулся Род. — Меня звать Оуэн. Жестянщик я. А это Мэг, сыночек мой.

Магнус не дрогнул. Это имя он сам себе выбрал.

— Ну а я прозываюсь Хобэн, — ответил пахарь. — А какие вести у тебя, жестянщик?

— Да вестей немного. Все больше насчет этих заморочек между церковниками.

— Что же — причастие-то нам будут давать, как раньше, или как?

— Думаю, будут, а как же иначе, — нахмурившись, отозвался Род.

Хобэн кивнул:

— Ну так тогда мне и дела мало — какие там у них промеж себя распри. Ежели только вот... — Он сдвинул брови и покачал головой. — Только бы братца моего эти делишки не коснулись.

— Братца? — От волнения у Рода по спине побежали мурашки. — А братец-то твой тут при чем?

— Да при том, что монах он.

Вот это да! Род еле удержался, чтобы не броситься к крестьянину и не обнять его. Магнус стоял неподвижно, широко раскрыв глаза, и молча наблюдал. Но Род был слишком опытным охотником для того, чтобы бросаться на дичь, пока та не оказалась слишком близко и не имела бы возможности убежать. Он переступил с ноги на ногу и нахмурился, старательно разыгрывая изумление.

— Ну, так ведь это ж, наоборот, хорошо — так я думаю. Раз он монах — ему-то чего бояться?

— Может, и нечего, — пожал плечами Хобэн и улыбнулся, а потом с гордостью объявил: — Он домой наведывается пару раз за год, ну и, бывает, поведает нам маленько про жизнь монастырскую. Так выходит, что там не лучше, чем у нас в деревне-то. Те, что похитрее из монахов, они

стараются простаков во всем обойти, и вроде они там как бы компаниями собираются. Да только не земля их соединяет и не еда, а слова разные.

— Ну, для них слова эти — лучшее пропитание, это даже можно не сомневаться, — кивнул Род и наклонился к плетню. — Что ж, тогда, быть может, стоит тебе вести целиком рассказать...

Хобэн нахмурился:

— На что мне это? Или знаешь что, из-за чего монахи могли бы промеж собой примириться?

— Как раз такое и знаю, — кивнул Род. — А дела такие, что аббат-то наш говорит, что Грамерайская Церковь более к Римской не относится.

Хобэн от изумления вытаращил глаза.

Род кивнул, всеми силами стараясь выглядеть скорбно и печально.

— Да, так-то вот, Хобэн, так-то вот.

— И какое же тут может быть согласие промеж монахами после этого, — оторопело проговорил крестьянин. — Это ж все наоборот будет. Одни пожелают от Рима не отказываться, а другие... Да только те, что так пожелают, навряд ли осмелятся про это говорить...

— Открыто — верно, навряд ли, — подтвердил Род.

Хобэн побледнел:

— Точно. Будут скрытничать, пока не решат, что у них достанет сил выступить против аббата, так ведь?

Род молча глядел на крестьянина. Наконец Магнус не выдержал и ткнул его локтем в бок. Род медленно опустил голову.

— Да, пожалуй что, так все и может получиться. И сдается мне, братец твой немало тебе рассказывал про жизнь в монастыре.

Хобэн раздраженно махнул рукой:

— Да говорю же тебе: все там, как в деревне у нас. О-хо-хо! Хоть бы только Господь дал ума моему бедному братцу ни с теми, ни с другими не связаться! Буду молиться о нем!

— Так ведь можно и не только молиться, — забросил удочку Род и стал ждать, когда Хобэн заглотит наживку.

— Это как же? Чем еще я могу помочь брату?

— А надо так сделать, чтоб ему и выбирать не пришлось, — объяснил Род. — Что увидел он, стало быть, что кое-кому несдобровать, ежели этот кое-кто только вздумает бучу начать.

Хобэн пристально смотрел на него. Род распахнул свое сознание настезь, чтобы посмотреть, какие мысли бродят в мозгу у молодого крестьянина. Нечего было дивиться тому, что брат Хобэна оказался в монастыре. Если он хоть сколько-нибудь походил на Хобэна, то с сообразительностью у него все было в полном порядке.

— Кто ты такой? — наконец проवेशился Хобэн. — Ты ведь такой же жестянщик, как я.

— Я послан королем, — признался Род. — Но мальчик, что со мной, и вправду мой сын. И хожу я по этим краям как раз для того, чтобы разыскать человека, у которого брат в монастыре и который любит своего короля.

Род смело смотрел на Хобэна, не отводя глаз.

Наконец пахарь кивнул:

— Ты нашел такого. Чего тебе надо от такого человека?

Сердце у Рода забилося чаще, но он и бровью не повел.

— Надо, чтобы он тоже пошел в монастырь. Разве тебя порой не тянет помолиться, попоститься? Уж конечно, в честности брата монаха никто не усомнится.

Хобэн выдержал пристальный взгляд Рода. На лбу у крестьянина выступили капельки испарины.

— И еще ты хочешь, чтобы я рассказывал тебе про все, что творится в монастыре?

Род кивнул:

— Это как раз очень просто сделать. Тебе нужно будет только тихонько проговорить: «Отнеси весточку королю»,

а потом сказать то, что хочешь. Не сомневайся, в тот же день его величество получит твою весть.

Хобэн вытаращил глаза:

— Ты небось про Колдовской Народец толкуешь? — Увидев, как Род кивнул, Хобэн покачал головой. — Что-то и не верится даже. Не видал я ни разу никого из них.

— И теперь не увидишь, — заверил его Род. — Но будь уверен: фэйри тебя услышат, если только ты выйдешь на вольный воздух.

Хобэн усмехнулся:

— Угу, ясное дело. В Доме Божьем они не селятся, верно?

— По своей воле — не селятся, — подтвердил Род. Хобэн производил на него все более приятное впечатление. Если он сумел даже в такой ситуации увидеть смешное...

— Ну а вот как ты думаешь, как поступят монахи, когда обнаружат, что к ним затесался доносчик? — тихо-тихо спросил Хобэн.

— Отлупят, наверное, только и всего, — не отводя глаз от крестьянина, ответил Род. — Как-никак, они ведь Божьи люди.

Хобэн скорчил гримасу:

— Что же они за Божьи люди, коли замыслили против короля бунтовать? Ну, да насчет меня не сомневайтесь: я не только Богу принадлежу, и королю тоже. Ладно, считай — договорились. Стану я твоим лазутчиком.

— Вот молодчина! — Род наконец дал волю чувствам и хлопнул Хобэна по плечу. — Ты пока трудись, как и собирался, а вот завтра поутру пойдешь к священнику и скажи, что божественный зов велит тебе уйти в монастырь.

— Священник во мне не усомнится, — с сухой усмешкой кивнул Хобэн. — И в монастыре от новых послушников не отказываются.

— Само собой. Чем больше священнослужителей, тем уверенней они себя чувствуют, — согласился Род. — Подумай и скажи, Хобэн, чем я мог бы тебе помочь?

— Мог бы, пожалуй, — проговорил Хобэн, не спуская глаз с Рода. — Хотелось бы знать имя того искусителя, который вверг меня в грех верности королю.

Род пристально смотрел на крестьянина, чувствуя, как крадется к сердцу тревога. В сознании у него зазвучали мысли Магнуса:

— *Осторожней, папа! С чего бы это ему интересоваться?*

— *Вот-вот*, — мысленно отозвался Род. — *И я о том же.*

А вслух он сказал:

— Если постесняешься через эльфов передать весть королю, скажи, пусть передадут ее Верховному Чародею.

На Хобэна эти слова произвели большое впечатление. Пожалуй, он даже струхнул немного. С низким поклоном он проговорил:

— Большая честь для меня, милорд.

— На самом деле это я должен был так сказать, — усмехнулся Род и снова хлопнул крестьянина по плечу. — Ну, Бог тебе в помощь, славный Хобэн. Желаю тебе храбрости во всех делах — и будь уверен, король и королева будут тебе очень благодарны за твои услуги.

— А мне иной награды и не надо, — едва заметно улыбнувшись, отвечал крестьянин.

С этими словами он распрямился и, обернувшись, глянул на своего быка.

— Что ж — будь что будет, — проговорил он со вздохом. — А вам доброй дороги, милорд, — и вам тоже, юный господин.

Он и Магнусу отвесил поклон.

— *Никто не обязан мне кланяться!* — услышал Род встревоженную мысль мальчика.

— *Ну так ответь ему поклоном!* — посоветовал сыну Род.

Магнус торжественно поклонился Хобэну.

А когда пахарь ушел по полю за плугом, а «жестянщик» с сыном прошли довольно далеко по дороге, Род сорвал с

головы рваную шляпу, запрокинул голову и издал победный вопль.

— Отлично, папа. Просто восхитительно. Ты уговорил человека рискнуть жизнью. Хороша победа, ничего не скажешь.

— Никто его не убьет, сынок, — заверил Магнуса Род и нахлобучил шляпу. — Да и порки ему, надеюсь, удастся избежать. Но зато он может спасти свою страну от войны!

Тут неожиданно зашевелились стебли придорожной травы, и на дорогу выскочил человечек ростом в шесть дюймов.

— Ты эльфов звал, лорд Чародей?

— Да нет, это я... в некотором роде праздновал победу, — с улыбкой ответил эльфу Род. — Прости, что беспокоил.

— Да нет, я и сам тебя разыскивал. Тебя зовут, милорд.

— Кто? Опять их величества? Неужто они и пару дней без меня обойтись не могут?

— А ты бы и в самом деле хотел, чтобы они могли без тебя обойтись, папа?

— Ох, что правда, то правда, — вздохнул Род. — Скажи им, что мы скоро прибудем, добрый дух.

Пирс спешил домой. Он бежал по темному лесу, ругая себя на чем свет стоит за то, что предложил товарищам разделиться. Правда, на ту пору эта мысль казалась правильной: если бы они вернулись в Раннимед с разных сторон, жены ни за что не догадались бы, что они были в лесу. Но теперь, когда в ветвях деревьев у него над головой завывал ветер, а луна спряталась за тучами, Пирсу было совсем не до правильных мыслей.

Позади слышался треск. Пирс развернулся. Сердце у него ушло в пятки, но он ничего и никого не заметил. «Ветка, — решил он. — Сухой сучок треснул, ветром сломало — вот и все». Как бы то ни было, он развернулся и

прибавил шагу. Всякий знал, что в лесах полным-полно духов и что обитает тут не только Колдовской Народец, но и злобные духи — куда как более опасные...

Неожиданно ночную тьму разорвал злобный собачий лай, и перед Пирсом возникли две пары огромных светящихся глаз. В их свете отчетливо белели длинные острые клыки.

Пирс взвыл от страха, развернулся и дал стрекача. Но здоровенные лапы загрохотали по тропе следом за ним... мимо него... и вот огромный пес встал у него на пути... двухголовый и жуткий, и принялся облаивать несчастного обеими своими пастями. Пирс заорал и развернулся в обратную сторону. Он бежал со всех ног, слыша, как громахают по земле тяжеленные лапищи чудовища. Их топот звучал все ближе, ближе...

Под ноги злосчастному беглецу попался корень. Пирс оступился и рухнул наземь. При этом он ударился головой о камень, а страшные челюсти пса-чудища сомкнулись на его лодыжке. Пирс принялся отбиваться ногами, отчаянно вопя. Непонятно как, но все же ему удалось подняться, и он побежал, прихрамывая. Ночь переполнилась злобным ревом чудовища и воплями человека.

Но вот наконец деревья расступились, и Пирс выбежал на дорогу. Только раз он осмелился оглянуться — и увидел две громадные головы прямо у себя за спиной, и четыре пылающих глаза, и две пасти, полные острых-преострых зубов. Пирс охнул и побежал еще быстрее. Он несясь стрелой, а ему казалось, что он еле ноги волочит. Ступни у него словно огнем жгло, а в груди пылал пожар.

Наконец по обе стороны от дороги замелькали дома. Пирс добежал до Раннимеда, а зловещий лай все еще звучал позади. Бедолага завернул за угол...

И угодил в объятия ночного стражника.

— Стой, парень! Что за...

Но тут стражник увидел двухголовое чудище и с криком попятился. Его товарищи выставили перед собой копья, а тот, что держал Пирса, отпустил его. Пирс рухнул наземь, благодарно рыдая. Он был безмерно рад тому, что теперь он не один на один с ужасом.

Огромный зверь прыгнул, но один из стражников, крича от страха, успел упереться рукоятью копья в землю. Наконечник копья угодил чудищу по зубам, и оно с воем отскочило назад.

— Оно боится Холодного Железа! — вскричал один из стражников и шагнул вперед, хотя от страха у него подгибались колени.

Огромное двухголовое страшилище оскалилось и приготовилось к новому прыжку.

Двое стражников собрались с духом и пошли вперед, потрясая копьями и крича:

— Да защитят нас ангелы и все святые!

Зверь с воем отпрыгнул назад, но одно копые укололо его в грудь...

И он исчез, как не бывало.

Воцарилась тишина. Стражники огляделись по сторонам. Сердца у них бешено колотились.

— Неужто оно и вправду пропало?

— Пропало, хвала ангелам и святым!

— Хвала и тому славному кузнецу, что выковал наконечники для наших копий!

Тут они расслышали рыдания, обернулись и увидели распростершегося на мостовой бедолагу. Один из стражников нахмурился, наклонился и помог Пирсу подняться на ноги.

— Куда тебя отвести, бедняга? — спросил один.

— В замок, — дрожащим голосом ответил вместо Пирса другой стражник.

* * *

— Он заявил, что он... кто?

— Что он — архиепископ Грамерайский, — повторила Катарина.

Лучи закатного солнца, струившиеся через край стены, окружавшей сад, подзолотили ее роскошные волосы, и она стала подобна ангелу мщения, прекрасному в своем гневе.

— Нет, нет! — махнул рукой Род. — Я не об этом. В этом как раз ничего особо невероятного нет. Я про другое: насчет вашей роли, ваши величества.

— Он заявляет, что будет руководить нами — Катариной и мною — во всех делах правления страной, — ответил Туан. — По крайней мере смысл именно такой.

— А какой же еще? Интересно, почему он попросту не попросил вас снять короны?

— Не сомневаюсь, попросит, — проговорила Катарина таким тоном, словно выплюнула дротик с отравленным наконечником.

Туан кивнул:

— По всей вероятности, он ждет, как мы ответим на его вызов.

— Это вряд ли. — Род сдержал усталость и злость и постарался оценить сложившееся положение дел трезво. — Он не сможет прямо потребовать вашего низложения. Ему придется пройти целый ряд промежуточных этапов. К примеру, он мог бы объявить вас еретиками, затем отлучить от Церкви, а уж потом подвергнуть анафеме всю страну до тех пор, пока вы не отречетесь от престола.

Катарина поежилась.

— Неужто ему и вправду под силу погубить столько душ?

— Если эти души станут на его пути к власти — сможет, — кивнул Род, с трудом удерживаясь от того, чтобы сказать Катарине о том, что, на его взгляд, люди могут попадать в Рай и без причастия, что милосердие Христо-

во совершенно не обязательно облекать в официальную форму. Но все же Род устоял перед этим искушением: разум средневекового человека не сумел бы вместить эту логическую цепочку. Для жителей средневековья святыне таинства были подобны магии, и различие между ними, которое для Рода было яснее ясного, прослеживалось весьма нечетко. По крайней мере ему казалось, что это различие существует. — А это единственное, — продолжал он, — в чем наш славный лорд аббат непоколебим: жажда власти. Если он решит, что ему предоставилась хорошая возможность достичь этой цели, он соберет войско и атакует вас всеми ведомыми ему способами.

Туан помрачнел:

— Несомненно, лорд Чародей, священник не может до такой степени забыть о нравственности!

— Нет, не может, но зато он может найти причины для оправдания своих деяний и выставить их в таком свете, что они покажутся очень даже нравственными — даже ему самому. В этом его слабость.

Катарина шагнула под тень ветвистой яблони.

— Если так, то первый удар должны нанести мы.

— Нет! — резко вскинув голову, воскликнул Туан. — Это будет глупо и греховно!

Катарина развернулась и вперила в мужа изумленный взор. Но встретившись с ним глазами, она насупилась, и трудно было сказать, чего теперь стало больше в ее глазах — страха или ярости.

Род был готов посочувствовать Катарине: Туан крайне редко возражал ей открыто. Но на этот раз в его возражении прозвучал религиозный пыл, а уж это означало, что он не намерен уступать ни на йоту. Стало быть, для престола существовала угроза пострашнее бунта духовенства: разлад между Катариной и Туаном.

И поэтому Род незамедлительно вступил в разговор.

— Забудьте о слове «греховно». Именно на этом вас и попытаются поймать церковники и заставят сделать все, что они хотят. Они вас так воспитали: в вере в то, что грешно все на свете, кроме того, что они не считают праведным.

Туан развернулся к Роду.

— Как ты смеешь так говорить! — во гневе воскликнул он.

У Рода засосало под ложечкой.

— Ладно, скажем так: такова моя личная точка зрения.

— Нет, это правда. Я достаточно хорошо понимаю в правлении, чтобы видеть, что все так и есть. — Туан посмотрел на небо над деревьями. — И молния не поразила тебя...

Род чуть чувств не лишился от облегчения и не без труда насмешливо улыбнулся.

— Аббат на самом деле, ваше величество, быть может, вовсе и не глас Господень. Но тем самым мы затрагиваем другой момент, который вы упомянули, — глупость.

Катарина неожиданно насторожилась.

Туан согласился:

— Да, было бы глупо нападать на Дом Божий, лорд Чародей. Крестьяне, все как один, тут же поднялись бы на его защиту.

— Как и большинство лордов — но вовсе не из религиозных побуждений.

— Вернее не скажешь, — объявила Катарина, однако было видно, что облегчение она испытала только отчасти. — Если бы лордам удалось вынудить нас отречься от престола, каждый из них снова стал бы править собственным княжеством, как во времена правления моего деда.

Род не осознавал, что это было так недавно, а теперь вдруг понял всю глубину сопротивления баронов так ясно, как никогда прежде.

— Можно несколько не сомневаться в том, что в этом они жестоко ошибутся. Если аббату под силу сломить короля с королевой, уж с лордами-то он управится без труда — по очереди.

— Следовательно, мы возвращаемся к тому, с чего начали, — кисло усмехнулся Туан. — Править страной будет он.

— О да. Не ошибитесь, ваши величества: перед вами во всей красе зародыш теократии, что в переводе означает «власть от Бога». На самом деле это, конечно же, не так. Это власть духовенства, которое только цитирует слова Бога, дабы оправдать свои деяния. Власть естественным образом переходит в руки церковников, и это и есть главная причина, по которой вообще появилось духовенство: дабы приобрести власть над крестьянами.

— Власть? — нахмурился Туан. — Каким же образом проповедь Святой Истины обеспечивает церковников властью?

— А таким, что даже вы — со всей королевской конницей и всей королевской ратью — не способны властвовать над мыслями людей, а священнику это доступно: просто-напросто за счет того, что он говорит прихожанину, что думать о том-то и том-то грешно. Но что еще того хуже — священники говорят людям, о чем думать хорошо и праведно. Ведь как только люди станут о чем-то думать, они и поступать будут соответственно. Ну, к примеру, они могут начать священную войну с безбожниками, в разряд которых, как я понимаю, вас теперь записали.

Катарина в ужасе уставилась на него.

Туан заметил это и печально улыбнулся жене.

— Разве ты не видишь, дорогая? Если мы будем противостать Святой Матери Церкви, нас можно будет назвать только неблагоприятными детьми.

— Несомненно, наш народ так о нас думать не станет! — прошептала Катарина.

— Еще как станет, — заверил ее Род. — Верующий человек собственного мнения не имеет — он просто-напросто спрашивает священника.

— Но тогда получится, что людей можно заставить делать что угодно из того, что им говорят священники!

— А священники будут повиноваться архиепископу, — кивнул Род. — Хочешь править без сучка без задоринки? Объяви себя архиепископом.

— Но ведь священники твердят, что Слово Божье делает всех людей свободными!

— Оно и делает *их* свободными — все так и есть. Но крестьяне? Они не более свободны, чем прежде. На самом деле это — превосходный инструмент для удержания народных масс на отведенном для них месте. Им говорится о том, что они должны оставаться такими, какими родились, и что карабкаться вверх по социальной лестнице грешно, и большинство крестьян слушается. Они не особо возмущаются даже тогда, когда им не хватает еды или одежды, потому что им твердят: их теперешние страдания означают, что после смерти они будут страдать меньше. «Полети на небо, там твои детки кушают котлетки...» А вот сейчас, на земле — никакого пирожка и в помине нет. Верно, церковники пытаются уменьшить страдания людей за счет раздачи милостыни, но, помимо того, они мешают людям самим себе помогать.

— Но ведь это же и есть самое главное в притязаниях аббата, — прервал Рода Туан. — Он желает взять в свои руки раздачу милостыни, дабы облегчить страдания бедноты.

— Верно, и сделать их полностью зависимыми от него. Тогда вся беднота окажется в его власти.

Туан вздрогнул. В свое время он собрал под знамена своего войска бедняков Грамерая.

— Не хочешь же ты сказать, что Церковь расточает только ради того, чтобы приобретать?

— О, я уверен, что начинается все не с этого, но со временем даже самый высокодуховный из священников осознает, что перед ним — масса благодарных людей, готовых сделать все, что он им скажет. Вот тогда-то и начинается так называемое обмирщение.

— Нет, лорд Чародей! — Катарина протестующе подняла руку. — Это превосходит даже самые мрачные из моих мыслей! Ты хочешь сказать, что у Церкви вообще не должно быть никакой власти?

— Да нет, я вовсе не хотел доходить до таких крайностей, но если вы так ставите вопрос, то я отвечу: да, именно так и хотел сказать.

— Но Церковь не сможет вершить труды Божьи, если у нее не будет власти в мире, — возразил Туан.

— Почему же не сможет? Проповедями, просвещением. Предполагается, что Церковь должна воздействовать на паству убеждением, а не силой. — Род покачал головой. — Плохо, когда в руках Церкви — светская, мирская власть, Туан. Власть развращает, а аббат — ныне архиепископ — стремится к *абсолютной* власти. Священники изобрели слово «иерархия», что означает «священное правление». Или «власть святых». Но как только священство начинает править, оно перестает быть святым. Абсолютная власть и развращает священника абсолютно — точно так же, как она развращает рыцаря или купца.

— И короля? — требовательно спросил Туан.

Род покачал головой:

— Ваша власть не абсолютна, ваше величество, — об этом заботятся ваши бароны. И аббат в этом смысле своего никогда не упускал. На самом деле, если бы ваша власть была абсолютной, аббату не удалось бы собрать в прошлый раз войско и выступить против вас!

Туан отвернулся, обвел взглядом сад, кивнул:

— Ты прав, лорд Гэллоугласс. В этом мы должны прямо и открыто противостоять Церкви.

Род испустил громкий вздох облегчения. Туану удалось избавиться от религиозного наваждения. Он быстро переглянулся с Катариной и заметил нечто подобное и во взгляде королевы, а еще — благодарность. Род улыбнулся Катарине и поразился, осознав, что впервые в жизни почувствовал себя ее истинным союзником.

— Тем не менее вам следует хорошо продумать тактику, — сказал он, обратившись к Туану. — Не давайте народу ни малейшего повода считать вас демоном. Об этом старательно позаботится новый архиепископ.

Туан сардонически улыбнулся:

— Славно сказано, лорд Чародей. Для этого мне достаточно всего лишь отвергнуть его притязания.

Катарина нахмурилась:

— Разве мы не обязаны сделать больше, чем это?

— Сделаем непременно, — отозвался Туан. — Однако это дурная тактика — начинать бой с рукопашной схватки. Будет достаточно того, что он увидит наши пикеты.

— И в каких местах вы их намерены расставить, если не секрет? — полюбопытствовал Род, искоса поглядывая на короля.

— Я полагаю, будет разумно выказать мягкое порицание — быть может, он воспримет наши действия именно так. Наши глашатаи объявят что-нибудь вроде того, что, хотя королева и я властны во всех мирских делах, мы признаем право главы монашеского ордена управлять своими монахами и решать все возникающие религиозные вопросы.

— А-а-а... — протянул Род и потер подбородок. — А мне кажется, что вам следует повести себя чуть более... решительно.

— Нет. — Катарина шагнула к Туану, взяла его за руку. — Мой супруг верно решил, лорд Чародей. Сказав о том, что аббат — глава ордена, он тем самым отказал ему в признании его архиепископом и в какой-либо власти над Грамераем. А

признавая его право рассуждать по всем религиозным вопросам, его величество тем самым отказывается принять отделение Грамерайской Церкви от Римской.

Род медленно запрокинул голову:

— Тонкая работа. Получается, что в несказанном больше смысла, чем в сказанном. Но вы действительно рассчитываете на то, что все поймут смысл этой игры?

— Лорды поймут, не сомневайся, — заверил его Туан. — И аббат.

— Вот так. Поймут. Все они поймут, конечно, — сказал Род Вексу, когда они мчались домой по сумеречным холмам. — И их потомки тоже. И я очень рад, что Туан решил изложить свои соображения в письменном виде.

— Он и должен был так сделать, чтобы текст был переписан и зачитан глашатаями по всей стране, — отозвался Векс. — Тогда обращение короля приравняется к указу.

— Точно — вне зависимости от того, понимает это сам Туан или нет. А впоследствии этот текст станет главой конституции Грамерая.

— Разделение Церкви и Государства, — задумчиво протянул Векс. — Решающее условие демократии. Тебе бы вряд ли удалось придумать лучше.

— И даже лучше, что придумал все это не я, — усмехнулся Род. — Напомни мне, чтобы я снял копию с этого исторического документа.

— «...Во всех делах религиозных, а также относящихся к потустороннему миру». — Писец отложил пергамент и выжидательно взглянул на короля и королеву.

Туан медленно кивнул, а Катарина проговорила:

— Превосходно. Все слова на своих местах и ни одного лишнего.

— Воистину так. Тут сказано не больше и не меньше того, что мы желали сказать. — Туан посмотрел на писца. — Пере-

пиши все в точности и раздай своим подмастерьям. Пусть до утра изготовят пару дюжин списков. Я пришлю стражника, он заберет их.

Писец поклонился:

— Будет исполнено, ваши величества.

Он, пятясь, вышел за дверь и закрыл ее за собой.

Туан со вздохом поднялся, заложил руки за спину и потянулся.

— Что ж, дело сделано, и у меня стало легче на сердце. Пойдем в опочивальню.

Как ни гневалась королева в последние дни, при этих словах супруга взгляд ее смягчился. Она улыбнулась и подошла к Туану, взяла его за руку. Он ответил ей улыбкой, и они направились к дверям.

А в дверях стоял сэр Марис.

Катарина и Туан остановились, их улыбки угасли. Туан заставил себя расправить плечи и вновь принять на них ношу правления.

— Что за безотлагательное дело заставило тебя явиться к нам в солярий в столь поздний час, сенешаль?

— Один крестьянин сильно напуган, ваше величество.

— Всего лишь напуган? — нахмурился Туан. — Будет тебе, сэр Марис! Наверное, есть что-то еще, иначе ты не стал бы нас беспокоить.

— Так и есть, ваше величество. — Сэр Марис смиренно склонил голову. — Однако я не желал бы сам рассказывать вам о том, чем он встревожен. Выслушайте его самолично, умоляю вас, чтобы вы смогли сами судить.

— Что ж, вели ему войти. — Туан бросил извиняющийся взгляд на Катарину и вернулся к стулу, который он только что покинул. Катарина встала рядом и положила руку на плечо мужа.

Сэр Марис обернулся, поманил крестьянина пальцем и тот вошел — напуганный, поникший. В руках он нервно мямлял шляпу.

— Не бойся, — подбодрил его сэр Марис. — Ты стоишь перед своими владыками, единственная забота которых состоит в том, чтобы защищать тебя и печься о твоём благе.

Если крестьянина и убедили эти заверения, он этого никак не показал. Он только отвесил королю и королеве низкий поклон — наверное, для того, чтобы они не видели его лица.

— Ну-ну, разогнись, дружище, а то кувыркнешься! — улыбнулся Туан и нетерпеливо поманил к себе крестьянина. — Как тебя звать и откуда ты родом?

— Звать меня Пирс, ваши величества, — выдавил крестьянин, распрямившись. — Я остановился на постоялом дворе «Красная кружка».

— Ну хорошо, Пирс, — кивнул Туан. — А теперь расскажи нам, что тебя напугало.

Пирс сглотнул подступивший к горлу ком и еще сильнее начал тискать в руках шляпу.

— Час тому назад это стряслось, ваше величество, когда я того... домой возвращался.

— В столь поздний час? — удивилась Катарина. — Где же ты был?

Крестьянин покраснел:

— Да мы... Того... С товарищами... мы...

Туан догадался, что у крестьянина недостает слов.

— Вы с товарищами загуляли?

— Вроде того. Выпили эля и стали истории всякие рассказывать, ваше величество.

Туан посмотрел на Катарину, перевел взгляд на Пирса:

— Ты женат?

Пирс облизнул пересохшие губы и, потупившись, кивнул.

— Так где же вы выпивали? — требовательно спросила Катарина.

— Да на полянке в лесу...

Катарина отвернулась и закатила глаза, а Туан сохранил бесстрастное выражение лица.

— И что же с тобой случилось по дороге домой?

Пирс вдохнул поглубже и, сгорая от стыда, поведал королю и королеве страшную историю своего бегства от двухголового чудища. Время от времени он запинаясь и молчал. Во время одной из таких пауз Туан пробормотал:

— Явно то было исчадие ада! Я бы тоже напугался!

Пирс набрался храбрости и досказал историю до конца.

Наконец голос его дрогнул, и он умолк, терзая свою несчастную шляпу и тарашась в пол.

В комнате стало тихо. Король не отрывал глаз от своих лежащих на коленях рук. Королева сострадательно смотрела на Пирса. Тот, осмелившись, бросил на нее взгляд и тут же снова уставился на свою многострадальную шляпу.

Король посмотрел на Пирса:

— Стало быть, стражники отвели тебя к сэру Марису?

Пирс кивнул:

— Да, ваше величество. Я бы куда угодно пошел, куда бы они ни повели меня.

— Не сомневаюсь, — кивнул Туан и снова погрузился в раздумья.

На этот раз молчание нарушила Катарина:

— А не выпил ли ты слишком много эля? Говоришь, вы рассказывали друг дружке истории про духов и привидения?

Пирс растерялся.

— Говори правду, — потребовала королева.

— Насчет выпивки — все правда, — проговорил Пирс так, словно слова из него вытягивали клещами. — А вот про рассказы — нет.

— Так о чем же вы разговаривали?

Пирс молчал и облизывал губы.

— Не о женщинах ли? — подсказал Туан.

Пирс кивнул.

— Но, без сомнения, вы крепко подвыпили. — Туан посмотрел на сэра Мариса. — И все же стражники видели чудовище?

— Видели, ваше величество.

— Как, по всей вероятности, и те люди, что живут на тех улицах и проулках, по которым ты бежал, — проговорил Туан и поджал губы. — Вскоре весть об этом разлетится по всему городу. Есть ли повод сомневаться в правдивости стражников?

— Нет, ваше величество, — отвечал сэр Марис. — Все они — люди достойные, и все были трезвые. Все четверо рассказывают про чудовище одинаково, и про встречу с Пирсом тоже.

— Стало быть, чудовище было настоящее — настолько, насколько может быть настоящим дух. — Туан кивнул. — Спасибо тебе, Пирс.

С этими словами он извлек из кошель золотой и бросил крестьянину.

Пирс поймал монету и в восторге уставился на нее.

— Поблагодари своего святого ангела-хранителя за то, что остался жив, — посоветовала бедолаге Катарина. — И с этих пор не броди по ночам, а оставайся дома, с женой и детьми.

— Так я и сделаю, ваше величество, — пробормотал Пирс, кивая и кланяясь. — Так и сделаю.

— Смотри же. А теперь ступай домой.

Крестьянин кивнул еще раз и поспешил ретироваться из королевских покоев.

В комнате снова воцарилась тишина. Король задумчиво уставился на пламя в камине, королева смотрела на короля, а сенешаль — на них обоих.

Наконец Туан перевел взгляд на сэра Мариса:

— Ты славно поступил, сэр Марис, что сразу привел к нам этого человека.

Сэр Марис поклонился.

— Но о скольких подобных происшествиях ты нам не рассказывал? — спросил Туан.

Сэр Марис замер с опущенной головой. Через пару мгновений он решился медленно распрямиться.

— О трех, ваше величество. Первой была девица, которая божилась, будто ее желал изнасиловать призрак одного крестьянина и что ее спасло только распятие. Вторым — медник, который уподобился изготавливаемым им кружкам и перебрал эля. Третьим — деревенский простак. Этот клялся, что на него бросилась пука — светящаяся лошадь — и гналась за ним, покуда не завиднелись огни города.

— И эти трое — единственные, кто видел духов?

— Да, но... — Сенешаль растерялся.

— Всякий раз ты имел причины усомниться в правдивости этих рассказов, — заключила Катарина и улыбнулась старику.

— Такие причины имелись, ваше величество, — смущенно согласился сэр Марис.

— Тебе не стоит бояться говорить нам правду, сэр Марис, — сказал Туан и не стал делать паузу, чтобы Катарина не взялась отчитывать старого рыцаря. — Но на сей раз чудовище видели и другие.

— Да, ваше величество, много других людей. И слышали его лай и вой.

Туан кивнул:

— С этих пор рассказывай нам про любые подобные случаи, если даже они тебе покажутся плодами разыгравшегося воображения безумцев. Благодарим тебя, сэр Марис, и доброй тебе ночи.

Старик поклонился и вышел.

Несколько минут Туан сидел молча и неподвижно, держа за руку Катарину. Наконец он пробормотал:

— Никогда прежде в Раннимед не наведывались духи, дорогая моя супруга.

— Никогда, — подтвердила Катарина так тихо, что Туан едва расслышал. — Какие же злые силы ополчились против нас, господин мой?

— Какие — вот именно? — задумчиво спросил Туан. — И откуда они взялись?

11

— **О** нет, милорд, — возразила баронесса Реддеринг. — Мы очень... разволновались, когда старик Адам рассказал нам о вести, разлетевшейся по нашему приходу.

— Старик Адам? — нахмурился архиепископ. — Разве не брат Феликс рассказал вам об этом?

— Нет, не он. — Баронесса удивленно взглянула на него. — Старик Адам.

— Вот как? — Архиепископ пытливо взглянул на камердинера. — А ты откуда узнал об этом, Адам?

— От брата Феликса, милорд, когда он пришел к воротам поместья, — с мрачным удовлетворением отвечал Адам. — Он бы мне не сказал, да только я от него не отставал. Ну, так я его допек, что он мне все и выложил.

— Что ж, я не склонен его винить, — вздохнул архиепископ. Он хорошо знал характер старика Адама. И все же раздражение ему удалось скрыть с трудом. — Готов поклясться: только такой же упрямец, как ты, смог бы скрыть от тебя секрет. Но как же вышло, что он тут же не пошел и не поведал об услышанном ее светлости?

— О, да потому, что я его послал куда подальше, — едва заметно усмехнулся Адам. — Зачем он сдался, если я и сам мог ее милости все рассказать?

— Адам! — ахнула леди Мейроуз в ужасе, а архиепископ только вздохнул.

— Стало быть, то, что я дал ему приказание, тебе оказалось безразлично? Да что я спрашиваю? Все и так ясно.

Адам был готов ответить, но баронесса опередила его.

— Хватит, Адам. Ты свободен. — Она махнула рукой и отослала слугу. — Мы с внучкой желаем остаться с глазу на глаз с аб... архиепископом.

Она слегка покраснела и склонила голову, глядя на гостя.

— Как прикажет ваша светлость, — проворчал Адам и развернулся к двери.

Архиепископ ответил баронессе на поклон и улыбнулся.

— Благодарю вас, леди, за то, что вы произнесли мой новый титул.

Леди Мейроуз посмотрела на бабушку:

— Вам следует рассчитать старика Адама, бабушка, назначить ему содержание, и пусть он живет в каком-нибудь маленьком домике подальше от нашего поместья. Он стал настолько сварлив и дерзок, что я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не закричать на него!

— Этим вы ничего не добьетесь. Он не будет против, — заверил девушку архиепископ. — Не из-за старости он таков, каков есть, миледи. Он всегда был таким. Даже двадцать лет назад, когда я служил дьяконом, он был таким же ворчливым и язвительным.

— Если так, то слава Богу, что я родилась не в этом доме, — буркнула леди Мейроуз, а по лицу баронессы пробежала тень.

Архиепископ поспешно заговорил снова, чтобы не дать ей погрузиться в воспоминания об обстоятельствах, при которых погиб ее сын, и о женщине, которая стала тому причиной.

— Но почему, миледи, весть о моем новом титуле так разволновала вас? Ведь я прежде извещал вас о своем намерении.

— О, одно дело намерения, милорд, но совсем иное — узнать о том, что теперь вы уже носите этот титул. — Баро-

несса, похоже, была польщена. — Но кроме того, разволновало нас также и ваше заявление о том, что король и королева отныне обязаны слушаться Церковь.

— И об этом мы тоже раньше разговаривали, бабушка, — напомнила баронессе Мейроуз.

— Верно, но я не ожидала, что его ми... его преосвященство так это... выразит.

— Я не мог выразить этого иначе, объявив себя архиепископом. — Лицо новоявленного церковного владыки помрачнело. — Ибо король и королева прячут свои владения от Бога, а мы, духовенство, — глас Божий среди людей.

— Но ведь король и королева скажут, что их прашуры *завоевали* эти владения, что они не Богом им даны, — предположила баронесса.

— Вот уж нет! Они именуют себя монархами «милостью Божьей»! Их глашатаи об этом твердят то и дело — и когда предворяют королевские процессии, и когда зачитывают указы!

— Совершенно верно, леди Мейроуз, совершенно верно, — кивнув, подтвердил архиепископ, и взгляд его согрелся, когда он посмотрел на девушку. — А если они — монархи милостью Божьей, они должны править своим царством в верности и послушании Господу, и потому ими должны руководить служители Бога.

— В этом у меня нет никаких сомнений, — подхватила баронесса. — В конце концов, кто я такая, чтобы спорить с архиепископом? Я простая смертная.

Глаза леди Мейроуз сверкнули, но она промолчала.

— О нет, я знаю, что вы правы в том, что отделили Грамерайскую Церковь от Римской, — продолжала баронесса. Она протянула руку, желая коснуться руки архиепископа, но в последнее мгновение отдернула. — И поэтому вы должны были стать архиепископом — это я тоже хорошо понимаю. Не сомневаюсь я и в том, что вы справедливо говорите, утверждая, что король и королева должны быть

руководимы вами. — Она покраснела. — Но должна признаться: я более верю в отца Виддекома, нежели в любые доктрины.

— Или, иначе говоря, вы склонны поверить в доктрину, если ее автором является отец Виддеком? — с улыбкой проговорил архиепископ, но было видно, что он несколько разочарован. — Но я должен предупредить вас, о моя духовная дочь, и спросить: нет ли хотя бы доли гордыни в этой вашей верности мне?

Баронесса зарделась сильнее и отвела взор. Леди Мейроуз понимающе улыбнулась.

— О нет, милорд! — бросилась она на защиту бабки. — Она всего лишь поет вам хвалы с утра до ночи и говорит о том, как это славно, что ее духовник — аббат, ныне архиепископ!

— Я так и думал. — Архиепископ с довольной улыбкой откинулся на спинку стула. — Должен признаться, мне это очень приятно, однако мой долг предупредить вас об опасности греха гордыни.

— Я буду думать о ваших словах, святой отец, — отозвалась баронесса, не поднимая глаз.

— А вы, леди Мейроуз?

— Каюсь, и я в какой-то мере подвержена тому же греху, что и моя бабушка, — с улыбкой отвечала леди Мейроуз. — Но я так горжусь вами, горжусь тем, что вам хватило мужества и разума отделиться от Рима!

— Правда? — удивленно спросил архиепископ.

— О, сущая правда! Папа настолько слеп, что не видит, как правители узурпируют всю власть! Недолго осталось ждать, когда их величества превратят все благородные семейства в своих слуг!

— Славно сказано. — Баронесса с гордостью взглянула на внучку, однако к гордости примешались опасения. — И все же, Мейроуз, ты пугаешь меня, когда говоришь о... — Она запнулась.

— Когда говорю о глупости моих родителей? Ну скажи, скажи, бабушка! Да, они были добры в сердцах своих, но деяния их разума граничили с изменой аристократии! Я не знаю, как вышло, что они пришли к собственному падению, и тем более не знаю, откуда у них взялись убеждения, из-за которых они стали готовы ограбить собственную дочь! — Леди Мейроуз вперила взор в архиепископа. Ее щеки пылали, глаза бешено сверкали. — Рим поддерживает королевские престолы, а следовательно — поддерживает и разорение лордов! Нет, милорд, в Папе я ничего хорошего не вижу, ничего! Хвала Небесам, что вы отрелись от него и послали... — Она смутилась и умолкла.

— Ну, это, пожалуй, слишком сильно сказано, — улыбнулся архиепископ. — Но то, о чем вы говорите, было необходимо.

— О, вы так сильны, так отважны! — сияя, воскликнула леди Мейроуз. — И так мудры, что увидели: только под опекой Церкви народ Грамерая обретет спасение и счастье! Подумать только: воины армии короля то и дело вытаптывают крестьянские поля, когда стремятся искоренить тех, кто противостоит престолу, а королевские судьи жестоко наказывают тех крестьян, которые унесут хоть колосок, когда им недостает еды! А теперь король и королева решили еще и подати увеличить! Ведь это означает, что они хотят вынуть хлеб изо рта у голодных людей! И это при том, что крестьяне еще и своим господам должны дань платить!

В запальчивости леди Мейроуз не заметила, что упустила одну немаловажную деталь: согласно замыслу короля и королевы лорды не должны были отправлять собранную дань в Раннимед, и собственные подати по идее должны были снизиться.

— Это пока только слухи, — пробормотала баронесса.

— Однако они не беспричинны, не сомневаюсь! Они сделают это, сделают и много хуже, и никто не осмелится

сказать им «нет»! О, должен найтись кто-то, кто скажет этим львам в обличье королей: «Стоять! Ни с места!» А кому это под силу, кроме Церкви?

— Вы вдохновляете меня, леди Мейроуз, — признался архиепископ, — вселяете в меня уверенность. Честно говоря, в последние дни у меня возникли сомнения в праведности избранного мною пути.

— Не сомневайтесь! — вскричала девушка. — О мой духовный наставник! Вы не должны отступать, не должны сдаваться, не должны отдавать ни йоты из того, чего добились! Нет, вы должны стоять на своем, вы обязаны собрать войско и выступить против короля с королевой, если понадобится! Никто не спасет крестьян, кроме Церкви, а ваше добро сможет направить сильную руку королевской власти так, что она не станет душить бедняков, перестанет низвергать лордов с полагающихся тем высот!

Архиепископ согласно кивал — чем дальше, тем более энергично.

— Все так! Именно это я и чувствую в глубине моего сердца! Но какой ответ вы бы дали, если бы у вас спросили, где взять золота, чтобы купить крестьянам крепкие дома и хорошую одежду?

— Как — «где»? Из королевской казны, конечно же! Из их сокровищницы, которую они прячут от народа ради удовлетворения свой алчности и страсти к роскоши! Да если бы можно было удержать в приходах хоть малую толику от той дани, которую лорды платят королю и королеве, крестьянам бы этого хватило!

— Несомненно, — согласился архиепископ и одарил девушку таким взглядом, от которого вокруг, казалось, все померкло — кроме нее. — И как же я должен говорить с этими зарвавшимися владыками, которые разглагольствуют об ограничениях нашей церковной власти?

— Я бы объявила их падшими душами и глупцами! — немедленно окликнула леди Мейроуз. — Я бы выставила

их на посмешище перед всем народом как воплощение гордыни и алчности! Я бы назвала их изменниками, отступниками, преступниками перед Господом нашим! И я бы созвала всех истинно праведных лордов, если бы понадобилось, со всей их конницей и ратью, чтобы проучить этих дерзких владык силой оружия!

— Вот оно как... — выдохнул архиепископ, не отводя глаз от леди Мейроуз. — О, у вас горячее сердце, а ваше жгучее желание справедливости сделало бы честь святой!

Баронесса, забытая внучкой и архиепископом, смотрела на них недоверчиво и испуганно.

У Брома О'Берина в королевском замке в Раннимеде имелись собственные покои, и он всеми силами старался поддерживать иллюзию, будто бы и вправду ими пользуется. Не стоило оскорблять чувства их величеств, и потому Бром оставался в своих покоях при любой возможности — к примеру, когда выслушивал донесения лазутчиков, среди которых попадались и люди. Здесь же он встречался с лордом Верховным Чародеем.

Но не на этот раз. На этот раз перед карликом стоял эльф и непрерывно кивал.

— Это и в самом деле была баньши, господин! В замке маркизы д'Арригато.

— Неделю тому назад, говоришь? — Когда эльф в очередной раз кивнул, Бром задумчиво проговорил: — И в этом никто не умер.

Эльф опять кивнул:

— Не припомню, чтобы баньши хоть раз ошибалась — разве что только та, что некогда поселилась на башне королевского замка в Раннимеде — лет четырнадцать тому назад.

— Ну да, верно, про тот случай мы все знаем, не так ли? — вступил в разговор Род. Баньши, о которой шла речь,

представляла собой компьютерную проекцию, активируемую с помощью пульта дистанционного управления.

— Точно, — нахмурился эльф. — И та баньши была даже не из рода Плантагенетов.

— У их родовой баньши была, наверное, масса возможностей проявить себя. Ну, кто знает — может, она просто истощилась. В этом семействе произошло немало смертей.

— Это цена, которой платят за рождения, — вздохнул эльф.

— Однако платить эту цену не положено, пока не пробил час, — возразил Бром. — А те духи, которых ты видел, не более настоящие, чем болотные огоньки.

Эльф возмущенно глянул на него:

— Я был знаком не с одним из болотных огоньков, ваше величество, и большинство из них были славными малышами.

Род мысленно пожелал, чтобы ему не довелось повстречаться с меньшинством.

— Но другие из чудовищ и призраков, про которых ты слышал, были ложными?

— Те, которых видели другие эльфы, — уточнил лазутчик. — За тех, которых видели смертные, мы не в ответе.

— Но и они, судя по всему, были ложными, — проворчал Бром. — Когда столько духов является одновременно, можно предполагать, что все они — из одного теста.

— А если они ложные, то, значит, изготовлены людьми, — кивнул Род. — Я вам рассказывал о лазутчике-эспере, которого засекла Корделия?

— А мальчики подтвердили, что все так и было? Да, ты говорил об этом. — Бром проявлял особый интерес к потомству Гэллоуглассов. — Ты сказал, что данное происшествие — знак того, что аббат, который теперь зовет себя архиепископом, подкупил волшебников, дабы они служили ему.

— Данное предположение основано на неадекватном объеме данных, — прозвучал занудный голосок Векса в наушнике, имплантированном за ухом у Рода. Не обращая внимания на здравый смысл коня-робота, Род сказал Брому:

— Я по-прежнему так думаю, хотя такой альянс и кажется не слишком вероятным. В конце концов, когда идет охота на ведьм, толпу возглавляют церковники.

— Не всегда, — возразил эльф. — Чаше толпу ведут за собой проповедники-самозванцы. Они поднимают шум и побуждают людей хвататься за вилы и серпы.

— Верно. Но человек, жаждущий власти, объединится с кем угодно, — заметил Бром. — Как ты намерен бороться с ними, лорд Чародей?

— С помощью им подобных, само собой. Не с помощью монахов, в смысле, а при посредничестве колдунов и волшебниц.

Бром кивнул:

— Я так и думал. Я посоветую их величествам, чтобы они велели королевскому отряду колдунов и волшебниц встать на стражу. Тогда они сумеют предупредить нас о появлении чудовищ.

— На самом деле мы это уже сделали. Только их величествам дать совет не успели. Займись этим, Бром, а я снова тронусь в путь. Может быть, удастся изловить главного затейника.

Бром возмущенно посмотрел на него:

— Хочешь удалиться? Тебе бы только бродить где-нибудь, чтобы сбросить ношу ответственности!

— Почему? Я отправлюсь в путь вместе с ношей, — усмехнулся Род. — Единственная, кто способен обнаружить эспера, возглавляющего злоумышленников, творящих образы чудовищ, — это Гвен. А ведь ты не пожелал бы, чтобы она одна скиталась по дорогам, верно?

Бром молча одарил Рода гневным взглядом. Гвен была его дочерью, но об этом знал только Род и сам Бром, а Бром скорее бы в огонь пошел, чем позволил, чтобы Гвен подверглась хоть малейшей опасности.

— Ты нечестно играешь, лорд Чародей!

— Точно. Разве это не здорово? И потом: если меня не будет здесь, быть может, Туан с Катариной наконец откажутся от мысли о том, что Гвен способна оградить их от любых неприятностей, как и я.

— Почти от любых... — рассеянно пробормотал Бром. — Но мне бы не хотелось, чтобы она угодила в гущу сражения.

— Хотя несколько раз такое уже происходило. Да, да, я понимаю, что ты предпочел бы, чтобы рисковал я, а не она. Ты прав, Бром О'Берин. Не забудь позвать меня, когда в следующий раз соберешься на Дикую Охоту!

— Скорее Дикая Охота суждена тебе, — буркнул Бром. — Хотя «суждена» — это не совсем то слово. Ты сам ее найдешь, охоту эту. Ну все, ступай! Дорога — не лучшее ли это место для сорви-головы?

— Он бы, конечно, предпочел, чтобы моя голова осталась на плечах, никто не спорит, — проворчал Род, проверяя, крепко ли прилажена сбруя Векса. — Знаешь, порой мне начинает казаться, что этот старый эльф меня полюбил.

— Он относится к тебе по-дружески, только и всего, — заверил Рода Векс. — Вы не раз делили с ним беды и радости.

— Ты имеешь в виду детей? Что ж, мы стараемся почаще приглашать Брома к нам пообедать. — Род нахмурился. — Знаешь, если бы дети не засекли этого эспера-лазутчика, я бы, пожалуй, и сам догадался, что на стороне архиепископа есть колдуны и волшебницы. Для этого мне бы не пришлось доказывать, что дважды два — четыре.

— А что еще тебе... Вопрос снят. В этой стране все возможно.

Род кивнул:

— Ведьмин мох творит чудиш, когда добрые старушки, понятия не имеющие о том, что они являются проактивными телепатками, рассказывают сказочки на ночь детишкам, обладающим такими же способностями. А бывает, что девушке-гипнотизерке приснится страшный сон, который она, сама того не зная, забрасывает в сознание других людей.

— И все же, Род, совпадение такого числа сходных явлений в течение столь краткого периода времени...

— Согласованные действия — это действия врагов. Все верно. — Род недовольно скривился. — А самое противное, что эта пакость является людям по всей стране, в любом герцогстве, графстве, в каждом церковном приходе. Эльфы насчитали множество таких случаев. — Он покачал головой. — Нет, Векс. Если на стороне аббата — такое число эсперов, кто-то должен ими руководить. Мы боремся с организацией, а не с горсткой индивидуумов, распаленных проповедями приходских священников.

— Должен заметить, что ты не самый лучший специалист в области псионных нюансов, — заметил Векс.

— Хочешь сказать, что стоит позвать на помощь профессионала? — спросил Род. — Ну, в этой сфере я не знаю никого лучше...

И он похолодел от этой мысли. Векс хранил тактичное молчание.

Оно затянулось на столько тактов, что Род не выдержал.

— Ой, ладно! — Он натянул поводья и, выйдя из конюшни, крикнул: — Корделя! Собери вещи в дорогу!

— И таков их ответ? — Брат Альфонсо швырнул пергамент на стол. — Нет, подумать только: они даже не проявили учтивости и не отправили вам послание! Мы почему-то должны были получить список с этого указа от королевского чиновника — нашего дьякона!

— Ты прав. — Новый архиепископ был вне себя от ярости. — Это вопиющее нарушение этикета.

Ни тот, ни другой даже не помыслили о том, что и сами весьма значительно отступили от правил этикета, не отправив королю с королевой послание о самопровозглашении аббата архиепископом. Эту весть до народа донесли с приходских амвонов священники.

— Так не пойдет, милорд! — вскричал Альфонсо. — Взять хотя бы это заявление — насчет того, что король и королева должны править страной, а Церковь решать вопросы вероисповедания и жизни духовенства, не более!

— Что ж, тут все ясно, и это можно было предвидеть, — с тяжелым сердцем проговорил архиепископ. — Туан не уступит нам ни пяди.

— И мы тоже не уступим! — взвизгнул брат Альфонсо. — Это не ответ! Это отсутствие ответа! Что же, милорд? Вы удовлетворитесь этим?

— Нет, не удовлетворюсь. Король должен открыто изъяснить свои намерения! Мы должны изыскать способ вынудить его сделать это!

— Вынудить? — полыхая злобой, выкрикнул брат Альфонсо. — Ну уж нет, милорд! Вы должны со всей суровостью потребовать ответа! Вы не можете позволять ему так оскорблять вас!

— Потребовать? — возмутился архиепископ. — Брат Альфонсо, о чем вы говорите? Не дело подданному требовать чего-либо от своего повелителя!

И тут он как бы услышал эхо собственных слов и вытаращил глаза.

— «Подданному», ей-богу! — фыркнул брат Альфонсо. — Архиепископ — подданный короля? Нет, милорд. Вы — первое сословие в стране, а король — второе! Не желаете ли вы убедить меня в том, что мы, духовенство, этого не достойны?

— О нет, ни в чем подобном я тебя убеждать не стану, и ты прекрасно это знаешь! — Архиепископ отвернулся и так крепко сцепил пальцы, что у него побелели костяшки. — Мы — первая и главная власть, потому что мы ближе к Господу. Наши деяния освящены Богом, и потому мы более других достойны почитания. Но дворянство, брат Альфонсо, — вторая власть, потому что в их руках — забота о телах всех их собратьев, в то время как мы, власть первая, печемся об их душах.

— Но душа намного важнее тела, — напомнил ему брат Альфонсо. — И потому первая власть важнее и выше второй.

— Следовательно, дворянство должно быть руководимо нами. Я все это знаю, — кивнул архиепископ, рассеянно глядя на огонь в камине.

— Да, милорд. Вы потребовали от короля и королевы исполнения лишь тех условий, которые являются обязательными на все времена. Неужто король не понимает: если он не признает суверенности Святой Матери Церкви, он противопоставляет себя самому Господу Богу?!

Архиепископ медленно повернул голову к брату Альфонсо.

— Что ты сказал?

— О, я всего лишь предложил вам способы борьбы с этим дерзким правителем, дабы он показал всем свое истинное обличье. Но подумайте, мой добрый милорд: разве Церковь Грамерая — не истинная Церковь?

— Ты отлично знаешь, что истинная!

— А кто же тот, кто это отрицает?

Архиепископ уставился на своего секретаря, выпучив глаза. Помолчав несколько секунд, он кивнул:

— Ты прав, брат Альфонсо. Он еретик.

Монах, стоявший за кованными железными воротами, спросил:

— Кто идет? Чего тебе надобно здесь?

Было видно, что он настороже, но Хобэн ответил так, как собирался:

— Я ощутил призыв к праведной, святой жизни.

Монах мгновение помедлил, затем отодвинул засов и распахнул ворота.

— Входи и следуй за мной. Брат Майлз!

Хобэн вошел на монастырское подворье и увидел другого монаха. Тот оторвал глаза от молитвенника, закрыл его, убрал в рукав и, поднявшись, вопросительно посмотрел на вошедшего.

— Отведи его к старосте послушников, — распорядился привратник.

Брат Майлз кивнул, развернулся и поманил Хобэна. Тот послушно пошел следом за ним.

Монах привел его в небольшой дом неподалеку от ворот. В простой комнате с побеленными стенами стояло два стула с прямыми спинками. На стенах висело несколько картин с изображениями изможденных голодом святых.

— Садись, — сказал монах и ушел.

Хобэн сел и стал оглядываться по сторонам. В этой стерильной комнате в первые мгновения он чувствовал себя неуютно, но по мере ожидания ощутил, как напряжение и волнение отступают, невзирая на то что Хобэн стыдился того, что пришел в обитель с ложью в сердце. Чистые белые стены стали казаться ему не безликими, а просто чистыми. А к тому времени как в комнату вошел староста послушников, в душе у Хобэна воцарились такие мир и покой, что он и думать забыл о том, зачем сюда явился.

— Благословляю тебя, друг, — сказал староста и сел на стул напротив Хобэна. Он был высок, строен, с тяжеловатым подбородком. Во взгляде его чувствовалась с трудом сдерживаемая алчность охотника, увидевшего фазана. — Как тебя зовут?

— Меня звать Хобэн, святой отец, — отвечал крестьянин и поднялся.

— Сиди, сиди. — Священник, махнув рукой, снова усадил Хобэна. — Меня зовут отец Ригорий. Так ты решил, что услышал зов к святой жизни? Ты уверен в этом?

— Пожалуй, что так, святой отец, — ответил Хобэн и сам удивился тому, что сказал чистую правду. — Только не знаю, могу ли я быть в этом уверен.

— Поживешь несколько месяцев среди нас и поймешь, юноша. — Глаза старосты сверкнули. — Но скажи мне, откуда у тебя взялась такая мысль?

Хобэн немного виновато вспомнил о том, как его брат Анхо впервые навестил родной дом, уйдя в монастырь, и как ему самому тогда тоже захотелось испробовать себя в такой жизни. «Пожалуй, — решил он, — от этого и надо плясать, тем более что это правда».

— Из-за моего брата, святой отец, — отвечал Хобэн. — Когда он впервые пришел домой из обители, я подумал: вот бы и мне пойти той же дорогой.

— Так у тебя брат в монастыре? — Отец Ригорий так удивился, что чуть не подпрыгнул на стуле.

— Да, святой отец. Его звать Анхо, и мы с ним из деревни Фламорн.

— Я знаю его. — Во взгляде старосты мелькнула тень сомнения. — Он уже два года у нас, и теперь он — дьякон. Через год он получит приход. Но почему же ты так долго медлил с приходом сюда?

Хобэн понурил голову:

— Ох, святой отец! Силушки мне не занимать, да вот ума маловато!

— Да, учиться придется много, это верно, — согласился староста. — Но дело более в жажде святости, нежели в учении. Ко дню Страшного Суда Господу будет больше дела до твоей души, до твоей веры и милосердия. Ум для Бога мало что значит. Главное — понимать слово Божье.

— Я хочу этому научиться! — пылко воскликнул Хобэн.

— Что ж, если так, то это хорошо, — довольно кивнул отец Ригорий. — Одна лишь жажда понимания слова Божьего может открыть для тебя истины, которые ты желаешь познать. — Он встал. — Еще многое я мог бы поведать тебе, Хобэн, о нашей жизни в обители, но думаю, еще больше тебе расскажет твой брат. Пойдем, с этих пор ты — послушник. Я отведу тебя к Анхо.

Он отвернулся и пошел к двери. Хобэн последовал за ним. От мысли о предстоящей встрече с братом сердце его радостно билось. Религиозный пыл и ожидание этой встречи заставили его напрочь забыть о короле и лорде Чародее.

Примерно с такими же чувствами его встретил Анхо.

— О брат мой и собрат мой! — вскричал монах и сердечно хлопнул Хобэна по плечу. — Стало быть, ты так скучал по мне, что решил пойти за мной по пути святости?

— Тебе предстоит заняться его введением в жизнь обители, — распорядился отец Ригорий, извлек из складок сутаны шафрановый узелок и положил на кровать. — Пусть он наденет облачение, брат Анхо, а потом проводи его по тем помещениям, в которые открыт доступ послушникам.

— Но он уже видел поля, отец Ригорий, когда подходил к монастырю!

Отец Ригорий улыбнулся:

— Когда-нибудь ты нас так насмешишь, брат Анхо, что мы сгорим. Покажи ему не только поля, но и те места, ради которых он и пришел сюда. Дорогу в аббатство ты знаешь.

Ригорий поклонился и удалился.

— У меня просто челюсть отвисла, когда мне сказали, что ты пришел, — признался Анхо, развязал узел и протянул брату монашеский балахон. — Сбрось крестьянские одежды, братец, и облачись в одеяние нашего ордена! Но как же это с тобой вышло, а? Неужто девушки устали от твоих здоровенных лапищ и горячего дыхания?

Хобэн усмехнулся, расстегнул рубаху, снял штаны.

— Ох, Анхо! Напраслину ты на меня возводишь! Сроду я с девушками так не поступал!

— Ну да, да только все равно ни одной юбки не пропускал! И больше тебе нравились такие, у которых можно было украсть не только поцелуи!

— Поцелуи — это первое дело, — буркнул Хобэн, натягивая балахон. — А уж потом... Ну да, я не за тем сюда пришел, чтобы про такое говорить.

— Да что ты? И что же сумело отвлечь тебя от красоток?

Вопрос этот был задан почти серьезно. Хобэн нахмурился и посмотрел на брата.

— Ты и отвлек, брат. Ты когда домой пришел в первый раз... Словно мир и покой с тобой пришли.

— Ах... — Анхо сочувственно смотрел на Хобэна. — И с тех пор в сердце твоём жила эта мысль?

Хобэн отвернулся и покраснел.

— Хорошо, что ты пришел, — пробормотал Анхо. — А не то с твоим-то буйным нравом стал бы ты пьяницей или разбойником.

— Будет тебе, Анхо. Перестань.

— Не перестану, Хобэн. Теперь очень важна глубина питаемых тобою чувств. — Он улыбнулся. — Наверняка ты чувствуешь, что мир становится иным из-за того, что в нём существуешь ты, верно?

— Верно, братец. А вот какой будет урожай — это мне не так важно.

— Точно. Потому что если ты не вспашешь поле — это сделает за тебя кто-то другой, — весело усмехнулся Анхо. — Не бойся, брат! Ибо на Божьей ниве взрастет такой урожай, собрать который под силу только тем, кто наделен таким даром! Мы с тобой донесем Слово Божье до многих грешников и добьемся того, что они также станут колосьями на ниве Господа нашего! Так?

Хобэн посмотрел на брата. Его глаза сверкнули.

— Может, и так, братец. Может, и так!

— А я даже не сомневаюсь! — Анхо ударил брата по плечу и повел за собой. — Пойдем! Для начала я отведу тебя в трапезную. Там ты перекусишь. Потом пойдем в аббатство, где ты будешь молиться — и намного дольше, чем тебе будет хотеться! Здесь спальня — ну, это ты уже видел. Здесь ты будешь спать — но не подолгу.

— Ты меня пугаешь. Нарочно? Здесь такая трудная жизнь?

— Трудная, братец, трудная. Но ты выдержишь, не сомневаюсь. — Анхо обернулся. Теперь у него засверкали глаза. — Но не от тягот, не от трудов сдаются такие, как ты, а от скуки. Пойдем же, сейчас ты получишь первый урок. Скоро начнется вечерня.

12

Род проснулся от звонкой птичьей трели. Он приподнялся и, сонно моргая, огляделся по сторонам. Оказалось, что распевает вовсе не птичка, а его дочь Корделия.

Заметив, что отец проснулся, девочка очень обрадовалась.

— Доброе утро, папочка! Правда, какой чудесный день?

— Может, и чудесный, — проворчал Род, не без труда заставив себя сесть. — Но честно признаться, детка, я бы с большим удовольствием проснулся на кровати.

Конечно, он без труда мог раздобыть ложе поудобнее: в его надежно припрятанном космическом катере лежало несколько самонадувающихся матрасов. Но Роду вовсе не хотелось, чтобы его лишний раз упрекнули в колдовстве. По всей округе кипела охота на ведьм, и настроение у крестьян было далеко не самым мирным. Род испустил вздох великомученика и поднялся с расстеленного на земле одеяла, затем взял плащ, которым укрывался, и встряхнул его.

— Ну, еще хорошо, что сейчас лето, — заметил он.

— О! — Корделия широко раскрыла глаза. — А зимой я бы в лесу спать не стала, папочка!

— Я бы тоже не стал, — кивнул Род. — Разведи костерок, ладно? А я сейчас вернусь.

К тому времени как он ответил на зов природы и вернулся, Корделия успела собрать растопку и хворост и, уложив все это аккуратным конусом, пристально уставилась на будущий костер. Заструился синеватый дымок, вспыхнули язычки пламени. Корделия расслабилась и радостно взглянула на отца.

— Горит, папочка. А чем же мы позавтракаем?

Что ж, можно было недурно поупражняться. Род сдвинул брови, его взгляд стал отрешенным, и он сосредоточился на мыслях всего живого вокруг: червей, енотов, оленей... и нашел! Заблудившаяся курица. Она только что снесла очередную пару яиц. Род еще глубже погрузился в псионный транс, почувствовал приток сил и пожелал, чтобы яйца оказались здесь...

Послышался негромкий хлопок, и что-то легло на ладони Рода. Опустив глаза, он увидел в собственных руках четыре аккуратных гладких белых овоида.

Где-то в глубине леса курица, некогда бывшая домашней, испустила изумленное и, пожалуй, даже возмущенное кудахтанье.

Через час жестянщик и его дочка вошли в деревеньку, где дома стояли по кругу. Деревни такого типа носили гордое название «гамлет». Узнай об этом меланхоличный принц датский, он бы, без сомнения, дал волю праведному возмущению. Жестянщик и девочка весело улыбались, горшки и сковородки, которые они несли, весело бренчали и звенели. При этом разум у них обоих был открыт нарастанию: они внимательно следили, нет ли у кого из крестьян мысли запустить в них чем-нибудь из кухонной утвари,

а также памяти о недавнем явлении призраков или чудищ. Не забывали Род и Корделия мысленно искать других эсперов. В этой деревне Роду даже не пришлось запеть свою рекламную песенку: все население и так уже собралось на кружке утоптанной земли, служившем площадью для собраний. Люди о чем-то ожесточенно переговаривались. Корделия вытаращила глаза.

— Папа... А разве этим людям не положено сейчас быть на поле?

— По идее в это время дня они как раз там и должны находиться, — кивнул Род и нахмурился. — Значит, стряслось что-то нешуточное. Может быть, как раз то самое, что мы ищем — очередное явление чудовищ?

— Может быть, — согласилась Корделия. На несколько мгновений она стала задумчивой и отрешенной, но затем покачала головой. — Не могу выделить ни одной отдельной мысли, папа. Все так перемешано.

— Что ж, тогда прибегнем к старому испытанному способу. — Род подошел к толпе и потрогал одного из крестьян за плечо. — Привет тебе, дружище! Что у вас тут такое приключилось, а? Из-за чего весь этот сыр-бор?

— А ты не слыхал? — Крестьянин обернулся, увидел жестянщинка и неприязненно поморщился. — Чтобы жестянщик не знал, что тут творится, — вот уж диво! Ну так я тебе скажу, какие у нас вести! Архиепископ — ну, тот самый, что прежде аббатом звался, — издал новый указ.

Род мгновенно насторожился и мысленно окружил себя защитным полем.

— И что же он теперь новенького указывает?

— А то, что всякий, кто не верен Церкви Грамерайской, — еретик!

Корделия возмущенно засверкала глазами, а Род только стоял, сохраняя бесстрастное выражение лица. Наконец он провещил:

— Еретик, значит.

— Угу, — ухмыльнулся крестьянин. — И тогда — анафема ему, во как.

Отдельные мысли Роду удавалось прочесть не легче, чем Корделии, но зато он сразу ощутил, как закипели страсти вокруг него. Волнение, восторг, страсть к насилию...

— Так вы все тут к Грамерайской Церкви принадлежите?

— Точно. Потому как наш господин, граф Флоренцо, повинуется своему господину, герцогу ди Медичи, ну а тот слушается архиепископа.

Тут крестьянин нахмурился. Видимо, приход незнакомцев в такой день в конце концов показался ему подозрительным. Заметив выражение его физиономии, несколько крестьян, стоявших рядом с ним, обернулись и уставились на Рода и Корделию. Через несколько минут на площади воцарилась тишина. Все не спускали глаз с пришельцев. Корделия почувствовала, как враждебны взгляды крестьян, и прижалась к отцу.

Широкоплечий мускулистый крестьянин с тронутыми сединой волосами протолкался к Роду и девочке.

— Я — деревенский староста, жестянщик. А ты что за человек будешь?

Род ответил:

— Еретик.

— Я думала, тебя повесят, папочка.

— Скорее меня должны были бы сжечь на костре — именно таково наказание за ересь. Но у меня твердая убежденность в том, что они сильно переигрывают.

— Слава Богу, что мы не переиграли!

— Нет, мне не стоило так рисковать. Слава Богу, что одной из крестьянок потребовался новый кухонный горшок.

— Ага, и еще хорошо, что прибежал поваренок из замка. — Корделия покачала головой. — Как нам повезло, что тамошней поварихе понадобились две сковороды и жаро-

вня. Но кто бы мог подумать, что поваренок купит посуду у еретика?

— Что тут скажешь? Видимо, людям свойственно прежде всего думать о делах повседневных, а уж потом решать вопросы сохранения истинной веры. И все-таки приятно было удалиться от этой толпы, пока она не перешла к религиозной теме. — Род оглянулся на оставшийся позади замок. — Но должен признаться, что, наверное, это первый случай, когда жестянщик не остался закусить после удачной торговли.

— Ну, вот мы и снова в дороге. — Корделия облегченно вздохнула. — Я кое-что поняла, папа.

— Что? — Род посмотрел на дочку, ожидая взрыва эмоций. — Насчет стадного инстинкта? Желания наброситься на инакомыслящего?

— Нет. Я поняла, почему мама всегда так волнуется, когда ты отправляешься в странствия один.

Род только собрался решительно возразить, когда вдруг из-за кустика восковницы выскочил эльф.

— Лорд Чародей!

— Тсс! — шикнул на него Род и быстро, испуганно оглянулся. На счастье, никого из крестьян поблизости не оказалось. Он успокоился и проговорил: — Послушай, в этих краях я — жестянщик Оуэн, договорились?

— Как скажешь, лорд Чародей. Я принес тебе весточку от его эльфийского величества.

— О, от Брома? — Род нахмурился. — Что такое? Катарина и Туан нервничают?

— В некотором роде. Новый архиепископ объявил, что...

— Что всякий, кто не с ним, тот против него. Да, мы слышали об этом. Только не говори мне, что их величества всерьез размышляют о том, по какую сторону забора им встать!

— Нет, но они хотят твоего совета.

— Опять? — в отчаянии воскликнул Род. — Послушай, я же не единственный могущественный чародей в этой стране... и к тому же мы с Корделией выполняем важное секретное задание. То есть... до сих пор оно было секретным.

— Несомненно, не может быть ничего важнее...

— Да ну? Послушай, если мы не сделаем свою работу быстро, призраки и чудовища захватят весь Грамерай!

Эльф сдвинул брови:

— Твои слова имеют некоторый вес...

— Еще какой! Тонну весят, не меньше, а то и две! Послушай, втолкуй им, что на самом деле я им не нужен — ведь Гвен прямо у них под боком! Пусть только найдут для наших детишек няньку!

— Я очень рад видеть вас, леди Гэллоугласс, — с совершенно несчастным видом приветствовал Гвен Туан. — Очень любезно с вашей стороны явиться на наш зов.

— Не обращайтесь на него внимания. — Катарина сжала руку мужа и похлопала по ней. — Ох уж эти мужчины! Они думают, что только они понимают в неотложных делах.

— Ясно, — кивнула Гвен и сердечно улыбнулась. — Его величество хотел сказать о том, как беспечен стал мой супруг. — Она подняла руку, дабы предотвратить возражения Туана. — Нет, не отрицайте, ваше величество, не нужно. И чтобы у вас легчало на сердце, я сразу же расскажу лорду Чародею обо всем, что будет сказано между нами, а вам немедленно сообщу, каково его мнение об этом.

Туан явно успокоился:

— Благодарю вас.

— В делах государственных, леди Гэллоугласс, вы искушены, и в тактичности вам не откажешь. — Катарина подошла к отполированному до блеска ореховому столику, стоявшему около стрельчатого окна. — Давайте присядем. Нам с вами надо побеседовать о многом.

— Благодарю ваше величество за эту любезность. — Гвен опустилась на стул в форме песочных часов и с удовольствием обвела взглядом покои. — У вас в солярии мое сердце всегда радуется.

— Благодарю, леди Гэллоугласс, — сказала Катарина и села рядом с гостьей. — Однако эти покои построены задолго до моего рождения.

— Однако ковры и гобелены подбирали вы. — Гвен склонилась к столу. — И ваши заботы — это ваши заботы, ваше величество. Что же более всего тревожит вас теперь? То, что дети обнаружили колдуна-шпиона?

— Это — более всего, — ответила Катарина и нахмурилась. — Должна признаться, что если ваш супруг прав — в том, что новоявленный архиепископ пользуется услугами колдунов и ведьм, — то всем нам есть из-за чего переживать и тревожиться. Мы должны воспитывать наших детей в лоне Церкви, леди Гэллоугласс, иначе их души станут заблудшими и они утратят всякое чувство праведности.

Гвен понимающе кивнула:

— И как им отличить дурное от праведного, когда сама Церковь противоречит собственному учению? О да, ваше величество, все это и меня тоже тревожит. Не будет согласия в наших домах, в наших семьях, если не будет порядка в Церкви.

— Меня же более тревожит согласие в королевстве, — заявил Туан и даже не постарался скрыть своего раздражения.

— Это одно и то же, — обернувшись к нему, проговорила Гвен. — Просто ваш дом больше нашего, но и для него основой служит Церковь.

— И вот теперь эта основа рухнула, — прошептала Катарина.

Но Гвен покачала головой:

— Я так не думаю. Она дала трещину, но пока не рухнула.

— А я бы сказал, что она в руинах, — горячо возразил Туан. — А как же может быть иначе, когда Грамерайская Церковь отделилась от Римской, а аббат объявил себя архиепископом?

— В истории Римской Церкви всегда бывало много епископов, если я верно понимаю Библию, ваше величество. А трещину можно залатать.

— Как же? — сразу встрепенулась Катарина.

— Верностью Римской Церкви. Пусть существует раскол в ордене Святого Видикона, но сама Церковь останется единой.

— И народ поймет, что этот архиепископ-самозванец — всего лишь отщепенец? — Туан вытаращил глаза. — Славно сказано, миледи! Но как же нам донести это до наших подданных?

— Объявив о вашей верности Римской Церкви, ваше величество.

— Но тогда архиепископ соберет войско, какое только сумеет, и пойдет на нас войной! — воскликнула Катарина.

— А разве теперь он не станет этого делать? Подумайте, ваше величество. Его указы говорят лучше него самого: либо люди выказывают верность ему, либо объявляются еретиками и потому должны быть отлучены от Церкви.

— Это так. — Туан понурился. — Сами мы объявим об этом или об этом объявит он, так или иначе — мы окажемся на стороне Рима.

— Каков змей! — с жаром выкрикнула Катарина.

— Скажите лучше — лис. Однако таким образом вы могли бы выкурить хитрого лиса из его норы.

— Сравнение очевидно, — кивнул Туан. — О горе мне! Если бы только можно было хоть каким-то способом втолковать людям, что аббат разрушил свой собственный орден! Тогда бы они поняли — даже простые крестьяне, — что откололся сам аббат, а не вся Церковь!

— Но у тебя есть средства для этого, — напомнила супругу Катарина. — Те монахи, что выстроили себе новую обитель неподалеку от города.

Туан помрачнел:

— Я не стану использовать этих праведных людей для такой цели.

— Ну, тогда вам придется созывать войско, — заметила Гвен. — Либо, если вы пожелаете избежать гражданской войны, вы будете вынуждены признать новую Грамерайскую Церковь.

— Не может быть, чтобы вы искренне верили в то, что нам следует так поступить! — возмутилась Катарина.

— Не верю, — согласилась Гвен, — ибо тем самым вы с Туаном присягнете на верность новому архиепископу и выразите готовность ему повиноваться.

— Никогда! — гневно сверкнула глазами Катарина.

— Это не должно случиться, — добавил Туан.

— Если так, то вам следует объявить всей стране о том, что вы верны Римской Церкви, — посоветовала ему Гвен, — и призвать все добрые души вместе с вами выразить верность Оку Господа, Папе.

— Стало быть, так и следует поступить, — выдохнула Катарина. Ее глаза метали молнии. На несколько мгновений в королевских покоях воцарилось безмолвие.

Королева нахмурилась, посмотрела на мужа.

Туан сидел, откинувшись на спинку стула, и задумчиво изучал взглядом крышку столика.

— Что же, милорд! — вскричала Катарина. — Ты не станешь объявлять свою волю?

— Думаю, не стану, — медленно проговорил Туан.

Катарина вперила в него взор, полный изумления и возмущения. Казалось, над солярием собрались грозовые тучи.

Но тут Туан сказал:

— Мы станем еретиками, если объявим о своей верности Риму, а если не объявим, все равно останемся еретика-

ми. Но если мы промолчим, не дадим ему никакого ответа, под его знамена станет меньше народа.

Катарина широко раскрыла глаза и медленно кивнула:

— Верно. Пара-другая лордов смогут и воздержаться от бунта, движимые неуверенностью.

— Пожалуй, — подтвердил Туан. — А если так, то мы получим еще несколько дней — покуда этот архиепископ будет ждать и ждать ответа, которого не будет.

Катарина кивнула:

— Игра стоит свеч, милорд.

— *И я не смогла их переубедить,* — сказала Роду Гвен через полчаса, во время сеанса телепатической связи.

— *Что ж, по крайней мере ты помогла им не поддаться искушению,* — отозвался Род.

— *Какому искушению?* — непонимающе спросила Гвен.

— *Искушению спасти страну от гражданской войны за счет того, чтобы прижать архиепископа к ногтю,* — ответил Род.

— *А, да. В этом я, пожалуй, им и вправду помогла.*

— *Вот видишь? Я так и знал, что ты сумеешь отлично поработать вместо меня.*

— *Но, быть может, тебе удалось бы убедить их величества в том, что им следует прямо сказать о своих намерениях,* — сказала Гвен, и Род услышал ее мысленный вздох.

— *Может быть,* — отозвался Род. Пыльная дорога с тремя колеями словно растворилась. Гораздо более живым для него сейчас был образ Гвен. Но, если на то пошло, разве так было не всегда? — *Однако сделано важное достижение. Понимаешь, как бы плохо я ни относился к королевской власти в принципе, я бы ни за что не променял ее на власть священников.*

— *Я бы тоже непременно предпочла Катарину и Туана,* — согласилась Гвен.

— Конечно, потому что в этой парочке есть женщина, благодаря которой все суждения монархов смягчаются. — Род не стал упоминать о том, что на практике все получалось как раз наоборот и в роли смягчающего фактора выступал Туан. — Кроме того, королей можно убедить в достоинствах конституции парламентского правления.

— А духовенство — нельзя?

— Конечно, нет. Хороший священник из всех сил старается уподобиться Богу. А бог — автократ.

Мысли Гвен словно бы успокоились, и в них воцарилась благодарность супругу.

— Это ли я должна сказать их величествам, муж мой? Таково ли твое суждение о нашем разговоре с ними?

Род поежился:

— О Господи, нет, конечно! Из-за этого у них могут появиться дурные мысли. Ты можешь им сказать, что мое мнение таково: Туану следует оказать монахам-беженцам всемерную поддержку, хоть он и мучается угрызениями совести, не желая их использовать в своих интересах. Просто напomini ему о том, что всегда не грех иметь запасную стрелу в колчане.

— Так я и скажу, — отозвалась Гвен, а Роду показалось, что на другом конце телепатического «провода» его жена весело хихикает.

— Туан и Катарина могли бы даже для начала переселить монахов в один из своих малых замков. Тогда у народа сложилось бы впечатление, что образовался некий альтернативный монастырь, и ни о каком «использовании» монахов и речи не было бы.

— Как же ты хитер и изворотлив, — заметила Гвен.

— А ты — мастерица говорить комплименты. Что же еще... О, вот что! Их величества могли бы попросить лояльных лордов прислать им по несколько рыцарей, милая. Ну и лишние, никому особо не нужные воины тоже не помешали бы.

— *Верно. Это стоило бы сделать.* — Мысли Гвен сразу утратили веселость. — *Это все, что ты желаешь им передать через меня?*

— *Ну, разве что только то, о чем я говорил в самом начале.*

Гвен смутилась.

— *Что именно, господин мой? Было много разных мыслей.*

— *Главная из них одна: на кой ляд я им вообще сдался?*

Король, одетый в крестьянскую рубаху и штаны, брел по темным улицам. Вот в таком обличье он ходил посреди своих подданных — один, и притом вооруженный весьма приблизительно — в ту пору, когда был всего лишь младшим сыном герцога Логира. Это обличье он принял и теперь, когда главной его заботой стало благо народа. Но теперь, когда некоторые колдуны и ведьмы приняли сторону архиепископа, Туана сопровождали двое крестьян, а еще один шел впереди, и у всех троих под рубахами были надеты кольчуги, а под плащами прятались мечи.

Туан шел, прислушиваясь к случайно оброненным словам, останавливался у дверей постоянных дворов, гостиниц, кабачков, задерживался около любой группы людей, которые весело переговаривались и хохотали, пустив по кругу бутылку. Он подумал о том, что в столице плоховато с уличным освещением, особенно — в узких проулках. Темнота — друг преступников.

Но вот Туан поднял голову и прислушался. Где-то неподалеку слышался голос. Какой-то человек говорил громко и с такими интонациями, с какими обычно обращаются к толпе. Это вызвало у Туана особый интерес. С часто бьющимся сердцем он пошел в ту сторону, откуда доносился голос.

Вскоре он вышел на небольшую треугольную площадь — открытое пространство, к которому с трех сторон примыкали фасады домов. На одном из них красовалась вывеска кабач-

ка. К столбу была привязана запряженная в телегу лошадь, рядом стояло несколько лотков. Завтра поутру сюда должны были прийти крестьяне, чтобы торговать овощами.

Напротив лотков на большой бочке стоял мужчина в коричневом балахоне с капюшоном, подпоясанным черной веревкой. Из нагрудного кармана его сутаны выглядывала рукоятка маленькой желтой отвертки. Туан широко раскрыл глаза. Ему случалось и прежде видеть бродячих проповедников, однако это не было в обычае у ордена Святого Видикона, и уж тем более — в Раннимеде.

— Они осадили нас! — вскричал монах. — Повсюду, повсюду злые чудовища выпрыгивают из-за камней, а мертвецы встают из могил! Древние призраки по всей стране начали охоту за нами! Из-за чего же они ополчились против нас?

Туан наострил уши. Это было что-то новенькое — и возможно, очень важное. Он притаился в тени, готовый внимательно выслушать объяснения монаха.

— Из-за короля! — выкрикнул монах, ответив на свой собственный вопрос. Туан окаменел. — Король — это вся страна, весь народ! Вы и я, мы все — это король! Король — это поприще, на котором Зло встречается с Добром!

Что ж, с этим Туан спорить не мог. В речах этого проповедника многое внушало доверие.

— Но если мы творим своего короля, то так же верно и то, что король творит нас! — продолжал разглагольствовать проповедник. — Если бароны грозят королю, в стране беда. Но если король грозит баронам — то в стране также беда, смута!

Туан начал догадываться, к чему клонит проповедник, и ему это не понравилось. Тем не менее определенный смысл в доводах монаха имелся, и толпа, которая его окружала, начала согласно роптать.

— А вот короля никакие духи и чудища не трогают! — вскричал проповедник. — А если так, то, значит, именно он и натравливает их на нас!

Из толпы донеслось несколько одобрительных криков. Туан с ужасом признался себе в том, что этот монах — природженный оратор, не хуже его самого. Он отступил на несколько шагов назад и что-то прошептал на ухо ближайшему из своих телохранителей. Тот кивнул и удалился.

— На протяжении столетий, — продолжал витийствовать оратор, — Святая Мать Церковь держала духов в узде! Сотни лет Церковь насаждала в стране святость и усыпляла злых духов! И если теперь они очнулись от сна, то кто же в этом повинен? — Он помедлил, дождался всеобщего ропота и, перекричав толпу, возопил: — Король! Он противопоставил себя Церкви! Он поселил смятение в душах своих подданных! А что он делает народу, то он делает всей стране!

На сей раз монаху пришлось долго ждать, пока толпа уймется.

Туан тоже ждал. Чем дольше бы разглагольствовал проповедник, тем больше бы времени было у королевских гвардейцев для того, чтобы окружить маленькую площадь.

— В стране смута! — объявил проповедник. — А что еще могло вызвать смуту, как не смятение в душе короля, правителя страны? Как не грех короля, противостоящего Церкви? Да, грех! Он грешит, держась за погрязший в пучине нечистоты Рим! Он — еретик!

Толпа взревела.

Проповедник довольно наблюдал за взрывом народного гнева.

Туан также не без удовольствия наблюдал за происходящим. Он знал, что его люди, судя по всему, уже перекрыли подступающие к площади улицы. Туан отступил еще дальше в тень. Он ждал мгновения, когда проповедник доведет толпу до того, что люди начнут кричать о низложении короля, о том, что тот должен отречься от престола. Затем по идее оратор-подстрекатель должен был послать толпу под окна магистрата. Так все и вышло. Притаившись

в подворотне, король наблюдал за тем, как толпа струится по улице мимо. Почему-то он был твердо уверен в том, что успеху оратора способствовали не только правильно подобранные слова. Люди короля пропустили толпу, а как только проповедник прыгнул с бочки, воины со всех сторон хлынули на площадь. Монах огляделся по сторонам, дружелюбно улыбаясь.

— Что вам угодно, люди добрые? — спросил он.

— Я бы желал немного поговорить с вами о той теории, которую вы только что развивали, — ответил Туан.

Монах нахмурился. Слова, сказанные этим человеком, как-то не вязались с обликом крестьянина.

— Конечно, сын мой. Могу ли я узнать твое имя? Кто ты такой?

— Я с радостью назову себя. — Туан дал знак своим людям и сорвал с головы капюшон. — Я — Туан Логир, король Грамерая.

Монах в ужасе остолбенел, выпучил глаза. Воспользовавшись его замешательством, крепкие мускулистые «крестьяне» обступили его со всех сторон. Оправившись от потрясения, проповедник обвел их диким, затравленным взглядом. Заметив, как суровы их лица, он заставил себя расслабиться. Распрямившись, он обратился к королю:

— Что вы желаете от меня, милорд?

Туан нахмурился. От него не укрылось, что монах не назвал его «ваше величество».

— Ты вправду веришь во все то, что проповедуешь?

— Клянусь Господом, верую!

— Если так, — спокойно проговорил Туан, — надеюсь, ты не откажешься вступить в открытый спор с моим сторонником, который придерживается противоположной точки зрения?

Во взгляде монаха появилась осторожность.

— А вы станете слушать?

— Станем — и я, и королева. Более того: мы не станем говорить, мы будем только слушать, как ты и мой сторонник обсуждаете этот вопрос. Ты согласен следовать за мной?

— С превеликой охотой! — Глаза монаха полыхнули огнем. — Я не боюсь ничего и готов защитить мою веру!

13

-Поужинать? В кабачке? Это что-то новенькое! — Папа, не говори глупостей! — Корделия потянула его за руку. — Какое же «новенькое», когда ты всего одну ночь переночевал не дома?

— Это с тобой — одну ночь. А еще две мне пришлось проваландаться с твоим братцем.

— А он мне говорил, что это он с тобой... валандался, — фыркнула Корделия. — Пойдем, пап. А может, ты не хочешь со мной ужинать?

— Да нет же, очень хочу! Тем более что не придется гоняться за главным блюдом, ловить, ощипывать... — Род остановился у двери и с поклоном уступил дочери дорогу. — После вас, мадемуазель.

— Благодарю вас, сэр, — в тон ему ответила Корделия, вздернула подбородок и гордо переступила порог.

Войдя, отец и дочь оказались в обычной атмосфере придорожного трактира. Большинство посетителей были крестьянами, коротавшими часок-другой в компании с друзьями, подальше от сварливых жен, после тяжелого трудового дня. Большей частью завсегдатаи трактира не ели, а выпивали. Род заметил столик у стены, не слишком далеко от двери. Он отодвинул стул и слегка поклонился дочери, когда та села, — словом, выдал полный набор галантности. Наградой ему была лучезарная улыбка. Род обошел вокруг стола и сел напротив Корделии. По привычке он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что с этого места хорошо

просматривается дверь и вход в кухню, и тут же заметил, как в трактир вошел человек в зеленом камзоле лесничего и подсел к небольшой компании. Славно было оказаться там, где все друг дружку знают — при том условии, конечно, что здесь не недолюбливали чужаков. Хозяин трактира с приветливой улыбкой устремился к новым гостям. Род смотрел на него и думал о том, что он непременно выставил бы их за порог, если бы они с Корделией не умылись как следует, не сменили одежду и не припрятали в лесу свои горшки и сковородки. Теперь же, видя перед собой более или менее зажиточных людей, хозяин довольно потирал руки и улыбался.

— Чего изволите, люди добрые? — осведомился он.

— Супа? — проговорил Род и вопросительно посмотрел на Корделию. Она кивнула и улыбнулась. Род спросил у хозяина: — А чем ты сегодня потчуеть?

— Гороховой кашей, добрый человек.

— Она горячая?

— Само собой. — Хозяин нахмурился. — А какой же ей еще быть?

— Ну, некоторые любят холодную. С хлебом, конечно. А мясо есть у тебя?

— Только курица, сударь. Давно не неслась она, вот и пришлось ее оприходовать.

— Что ж, тогда нам по миске куриной похлебки и еще миску горячей гороховой каши. И кружку эля.

Род заметил, что лесничий перешел к другому столу и там тоже беседует с завсегдатаями.

— А девочке вашей тоже эля принести?

— М-м-м? Нет-нет, рановато ей еще.

Хозяин улыбнулся, кивнул и поспешил в кухню. Корделия одарила отца свирепым взглядом.

— Никакого эля, пока тебе двадцать не исполнится, — покачав указательным пальцем, заявил Род. — И мне по-

ложительно все равно, что пьют другие девочки твоего возраста.

— Даже грудным детям порой дают ложечку эля, папа!

— Угу, а к пятнадцати годам они становятся законченными алкоголиками. Нет, моя милая, питательная ценность — это еще не все.

— Вы с мамой... Вы просто сговорились против нас!

— Ничего подобного. Просто-напросто кое-какие вопросы мы обсуждаем загодя. — Род следил взглядом за лесничим. Тот встал и перешел к третьему столу. Похоже, он тут пользовался популярностью. — Отлично, вот и наш ужин.

Трактирщик поставил перед Родом и Корделией миски с супом, а большую миску с кашей — посередине стола. Похлебка оказалась с куриными клецками. Род довольно улыбнулся, когда трактирщик водрузил перед ним большую кружку эля.

— Спасибо тебе, хозяин, — сказал он и выложил на стол серебряную монету. Трактирщик взял ее, попробовал на зуб и довольно ухмыльнулся.

— И тебе, сударь, спасибочки.

— Да не за что, — отозвался Род и, проглотив первую ложку похлебки, добавил: — Поблагодари от меня ту кудесницу, которая так славно потрудилась, чтобы оживить старушку-квочку.

— Мою женушку, что ли? — На мгновение трактирщик нахмурился, но тут же просиял. — А-а-а, ты про курицу говоришь! Ну, это мы, конечно, жене скажем. Приятного вам аппетита.

Он отвернулся и поспешил в кухню.

Лесничий тем временем перебрался к четвертому по счету столу.

Корделия вдохнула ароматный пар, блаженно улыбнулась, взяла кусок хлеба, намазала его маслом и, посмотрев на отца, вдруг улыбнулась.

— Куда ты смотришь, папа?

— На лесничего, — негромко ответил Род. — Ну знаешь, это такие люди, которые охраняют леса от браконьеров. За несколько минут он успел уже четыре стола обойти и поговорить с народом. На настоящий разговор это не похоже. Ага... Вот уже первые из тех, с кем он говорил, уходят... А те, что за вторым столом сидели, торопливо приканчивают еду.

— Он им что-то сообщил, — широко раскрыв глаза, заключила девочка.

Род кивнул:

— Велел куда-то идти. Думаю, и нам стоит пристроиться в хвосте.

— Вот это да! — воскликнула Корделия и тут же опасно вжала голову в плечи и огляделась по сторонам. — Приключение! — прошептала она еле слышно.

Роду хотелось надеяться, что приключение предстояло не слишком опасное.

Двадцать минут спустя отец и дочь уже осторожно шагали по оленьей тропе посреди леса. Ни позади, ни впереди них никого не было видно. Корделия смотрела вперед отрешенным взглядом.

— Я слышу впереди любопытные мысли, папа, — сообщила она через некоторое время.

— Любопытные — в смысле странные? Или ты хочешь сказать, что крестьяне пока сами не понимают, что происходит?

— Последнее, папа. И еще... они чего-то побаиваются... О папа! Никакой опасности нет!

— Может, и нет, но рисковать не стоит. — Род подобрал с земли более или менее прямую хворостину, привязал к ее концу пучок травы и подал Корделии. — Слетай вперед, ладно, Делия? Так ты лучше увидишь, что там к чему.

* * *

Вид из окна кабинета архиепископа радовал глаз: под ярким полуденным солнцем с десятков рыцарей, при каждом из которых насчитывалось по шестеро оруженосцев, отработывали приемы ведения боя на лугу за монастырской стеной.

— Разве это зрелище не согревает ваше сердце, милорд? — спросил брат Альфонсо.

— О, согревает, конечно, — отозвался архиепископ и лучисто улыбнулся, любуясь герцогом Медичи, одетым в доспехи и мчащимся по полю с копьем наперевес навстречу одному из его рыцарей.

— Вряд ли они удовольствуются одними упражнениями, — заметил брат Альфонсо. — Скоро это может им прискучить. Им нужен боевой поход, милорд, поход против короля. Либо надо распустить их, чтобы они вернулись в свои уделы.

Но архиепископ не был склонен разделять пессимистические настроения своего секретаря.

— Спокойствие, спокойствие, любезный брат Альфонсо. Если они удовлетворят свои желания без кровопролития, они будут радоваться сильнее.

Выражение лица брата Альфонсо осталось настолько мрачным, что можно было не сомневаться: сейчас он скажет какую-нибудь очередную гадость. Но архиепископ опередил его. Он радостно вскричал:

— Смотри! Еще один отряд! — Однако он тут же нахмурился и более пристально взгляделся вдаль. — Но это странно... Ни гордо реющих знамен, ни сверкания доспехов...

Брат Альфонсо прищурился:

— Это мулы, милорд, а не боевые скакуны. Все до одного мулы, кроме первой лошади... Верховая лошадь... Дамское седло...

— Это леди Мейроуз! — вскричал архиепископ, и лицо его озарилось радостной улыбкой. Несколько секунд он любовался стройной фигурой своей духовной дочери, затем развернулся к двери.

— Эй, ключник! Брат Анхо!

Монах вошел и поклонился:

— Слушаю, господин мой.

— К воротам подъезжает леди Мейроуз со своей свитой! Впусти их и проводи ее сюда!

Брат Анхо вытаращил глаза:

— Господин мой! Женщина... в стенах...

— Делай, как тебе приказано, слышишь? — с неожиданной яростью вскричал архиепископ. — Или стоит напомнить тебе об обете повиновения? Впусти ее и проводи сюда!

Брат Анхо побледнел, сглотнул подступивший к горлу ком, попятился, поклонился и исчез.

Брат Альфонсо наблюдал за этой сценой, едва заметно усмехаясь.

— Ах, как хорошо, что она приехала! — воскликнул архиепископ, потирая руки. — Вот только не пойму, что стало причиной ее визита?

Это выяснилось буквально через несколько минут, когда брат Анхо вновь появился на пороге — бледный, с поджатыми губами.

— Милорд архиепископ, леди Мейроуз, — объявил он и, отступив, дал дорогу даме.

— Леди Мейроуз, как мило с вашей стороны навестить меня! — Архиепископ взял протянутую руку дамы и поцеловал ее. — Чему я обязан такой великой радости?

— Тому, что на лугу перед вашей обителью мало-помалу собираются войска, ваше преосвященство, — с улыбкой отвечала Мейроуз. — Мы с бабушкой подумали о том, что воинов следует получше кормить, вот она и послала меня к вам с тем провиантом, какой нам удалось собрать.

Если у брата Альфонсо и были сомнения на тот предмет, кто кого уговорил — бабушка внучку или наоборот, он оставил их при себе. Он только ослепительно улыбнулся, когда архиепископ, сделав широкий жест, указал на него и проговорил:

— Мой секретарь, брат Альфонсо.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, миледи, — с поклоном проговорил брат Альфонсо. — Я столько слышал о вас от милорда архиепископа.

— А я — о вас, досточтимый брат! Я часто гадала, каков же тот столп силы, который способен поддерживать весь вес мира, лежащий на плечах его преосвященства!

— Ах, у вас поистине позолоченный язычок! — с искренней улыбкой отозвался брат Альфонсо. — Однако у меня нет сомнений, что и вы также оказываете недюжинную поддержку милорду архиепископу.

— То малое, на что я способна, я с радостью дарю его преосвященству, — отвечала леди Мейроуз. — По правде говоря, я ощущаю величайшее волнение. Ведь я нахожусь в стенах святой обители, где живут те, кто готов подняться на борьбу за правое дело!

— Да будет так во веки веков, — набожно проговорил брат Альфонсо. — Правда, сейчас наша главная забота — труды и подсчеты, без которых не выжила бы наша святая обитель в этом скорбном мире.

— Славно сказано, брат, — с удивленной улыбкой проговорила леди Мейроуз. — Надеюсь, мне еще удастся с вами потолковать?

— Всенепременно, всенепременно, — кивнул брат Альфонсо и, дойдя до двери, поклонился. — Вы позволите мне удалиться, милорд?

— О... то есть я... — У архиепископа пересохло во рту при мысли о том, что, как только секретарь уйдет, он останется наедине с прекрасной молодой женщиной. А леди Мейроуз кокетливо, с вызовом улыбнулась ему, и архи-

епископ ощутил прилив раздражения. — Да-да, — поспешно проговорил он. — Займись делами, которые я тебе поручил.

Брат Альфонсо снова поклонился и исчез за дверью.

— О милорд, — рассмеялась леди Мейроуз. — Уж не хотите ли вы, чтобы я решила, будто архиепископ боится девушек?

Архиепископ тоже расхохотался, однако поведение Мейроуз злило его чем дальше, тем больше. Он взял ее за руку и подвел к окну. Неспешно переговариваясь, они стали вместе наблюдать за учениями.

Дверь в приемную осталась открытой. Брат Анхо оторвал взгляд от молитвенника, увидел, что архиепископ стоит у окна, на всеобщем обозрении, рука об руку с женщиной, и похолодел.

Дебаты в некотором роде протекали на двух уровнях: речевом и безмолвном. Катарина и Туан слушали только споры о роли Церкви, а Бром О'Берин, способный слышать чужие мысли, вел незримый и неслышный бой, собирая разведывательные данные.

— Ты не станешь отрицать того, что ты — священник? — спросила Гвен, настороженно ожидая, как отзовется на ее вопрос сознание подстрекателя.

— Зачем же отрицать? Я горжусь этим.

Никакой реакции. Самые обычные, скучные мысли, наполняющие разум человека с утра до ночи, и более ничего. Пустота. Вакуум. Гвен нахмурилась и предприняла еще одну попытку.

— Я — Гвендилон, леди Гэллоугласс. С кем я имею честь беседовать?

— Меня зовут отец Перон, чадо.

Ага, значит, он собрался относиться к ней покровительственно. Что ж, Гвен отлично знала, как проигнорировать такую манеру.

— Признаться, я озадачена, святой отец, — проговорила она. — Как вы можете называть их величества «еретиками», когда они держатся той веры, которую исповедовали всю свою жизнь?

— Все течет, все изменяется, чадо. Меняются условия в мире — должна меняться и Церковь. Вот почему Христос дал апостолу Петру власть соединять и разъединять в Раю то, что связано или разъединено на Земле. Это для того, чтобы Церковь при необходимости могла что-то изменить.

Глаза проповедника яростно горели. Гвен казалось, что он стремится прожечь ее взглядом насквозь. Ее словно жаркой волной обдало. Однако она выдержала удар и парировала:

— Но ведь вы только что отрелись от наместника апостола Петра.

Священник покраснел. К религиозному пылу примешалась злость.

— Папа не ведает о том, что происходит в Грамереае. И те перемены, которые он насаждает на других планетах, здесь неприемлемы.

Его злость, казалось, приобрела физическую форму, и Гвен на миг ощутила себя ребенком, в которого вперил взор суровый учитель. Она мысленно содрогнулась, но внешне этого не показала и постаралась сосредоточить свое внимание на единственном участке сознания отца Перона: том, где гнезился страх перед загробной жизнью.

— Но откуда вы знаете, что Папа ошибается, святой отец?

— Оттуда, что так говорит милорд архиепископ.

Если разум этого человека и имел некие резервы для проявления эмоций, на это не было и намека. И там, где по идее должны были находиться мысли, царила пустота.

Гвен сдвинула брови. Не мог же этот страстный пыл затмить всякие следы воспитания и богобоязненности?

— А сами вы об этом судить не можете?

— Я дал обет повиноваться воле милорда архиепископа. Его мудрость в таких вопросах несравненно выше моего жалкого ума.

— О нет, вы дали обет повиноваться воле аббата, но не архиепископа.

В глазах священника мелькнула тень усталого отчаяния, но разум остался чист.

— Хотя он и стал архиепископом, но продолжает оставаться аббатом, и если он говорит, что то или иное для Грамерая хорошо, то это воистину так.

— Даже если он противопоставляет себя Папе?

— Даже тогда.

— Тогда получается, что он — еретик?

Отец Перон побагровел и обрушил на Гвен всю свою ярость — будто молотом ударил по наковальне:

— Нет, это король — еретик, если не желает прийти в лоно истинной Церкви.

Тупик. Гвен помедлила и сменила тему:

— Королева правит страной в той же мере, что и король. Почему вы говорите только о его величестве.

— Господь — наш Отец, чадо, и Он правит всеми. Поэтому правители должны быть мужчинами. Когда правят женщины — это отвратительно.

Катарина привстала. Она жутко покраснела и издала какой-то странный звук — не то хрип, не то бульканье. Но Туан взглядом остановил ее, а Гвен Катарина обещала хранить молчание во что бы то ни стало и сохранила. А отец Перон позволил себе едва заметную усмешку.

Гвен и сама не без труда сдержала гнев и вновь озадаченно сдвинула брови.

— Вы что же, не почитаете святую Марию, мать Господа нашего?

— Почитаю. И мать любого правителя почитаю, и потому с нетерпением ожидаю, когда на троне воссядет Алан.

Теперь и Туан покраснел, но все же сумел сохранить спокойствие. На счастье, король понял, что Перон просто-напросто пытался вывести его из терпения.

— Но согласно вашим убеждениям, — заметила Гвен, — Алан также будет еретиком.

— Надеюсь, Господь пошлет ему мудрость к тому времени, как он станет взрослым, — набожно произнес отец Перон. — А если нет, то против него восстанут все бароны — о нет, весь народ.

— Вы так уверены в будущем, — пробормотала Гвен.

— Победа за Господом, чадо, — победа всегда за Господом. — Казалось, отец Перон глядит прямо ей в душу. Пламя его религиозного фанатизма буквально обжигало разум Гвен. — Добро восторжествует, а Грамерайская Церковь — это Добро.

— Больше я ничего не могла у него выудить, — сказала Гвен, когда тюремщики увели отца Перона в темницу, которая, вероятно, напомнила ему о доме. — Более надежно-го телепатического щита я в жизни не видела — кроме как у моего мужа, когда он этого пожелает. — Она зябко поежилась и сменила тему разговора. — Но он действительно священник.

— Чародей в монашеской сутане? — Туан встал, покачал головой и заходил по залу. — Разве это не богохульство?

— Верно. При том, что духовенство во все времена боролось с колдунами и ведьмами, — подхватила Катарина.

— Такие речи всегда вели только приходские священники, — напомнил ей Бром. — А уж о чем говорят монахи за стенами своей обители — это нам неведомо.

— Почему среди них не может быть никого, кто бы обладал таким же даром, как у меня? — пожала плечами Гвен. — Мы находили людей со способностями к магии в

каждом графстве, в любом сословии. Почему бы таким людям и в монастыре не оказаться?

— Верно подмечено, — согласился Туан. — Хотя это и странно. А не может ли быть, что этот проповедник — тот самый, кто созвал других чародеев и колдуний на сторону архиепископа?

Гвен покачала головой:

— Об этом я судить не могу. Ничего не смогла прочесть в его мыслях, а вот его чувства меня коснулись. — Она задумчиво сдвинула брови. — На самом деле его религиозный пыл так давил на меня со всех сторон, что я в какое-то время даже была склонна поверить в правоту его доводов.

Туан кивнул:

— Такое же чувство охватило меня в городе, когда я слышал его проповедь.

— Нет! — вскричала Катарина. — Уж конечно, леди Гэллоугласс, вы не верите, что...

— Нет, не верю. Но это в его власти — способность вкладывать в чужой разум собственное ощущение правоты.

— Быть может, таким талантом в какой-то мере обладает любой хороший оратор, — предположил Туан. — Но меня наверняка затронули не только его слова.

— Нет, не только они. На вас воздействовала сила его разума.

— А слова, следовательно, служили только для того, чтобы он мог собрать вокруг себя толпу, а потом... потом он обрабатывал людей своими чарами? — взволнованно проговорил Туан. — Что ж, в это я склонен поверить.

— Не таким ли даром обладал мятежный колдун Альфар? — требовательно спросила Катарина.

— Да, ваше величество, таким, но у отца Перона дар и вполнину не так силен, как у Альфара. Тот колдун мог настолько завладеть чужим разумом, что погружал свою жертву в сон наяву, а потом мог нагружать ее разум не

только своими мыслями, но и своими чувствами. Так он ухитрялся заставлять любого человека исполнять его волю. Такое явление мой супруг называет гипнозом.

— Наверняка у вашего супруга найдется слово и для описания того дара, которым владеет этот проповедник.

Гвен кивнула:

— Он бы назвал этого человека проективным эмпатом.

— Эмпатия! Гипноз! — Катарина развела руками. — Чепуха какая-то! Разве дело в названиях?

— Названия помогают пониманию, ваше величество, — объяснила Гвен. — Когда видишь два похожих слова, можешь понять и то, почему происходит то или иное, что эти слова обозначают. Этого проповедника можно назвать проективным эмпатом, но...

Она вдруг умолкла, а ее глаза вспыхнули огоньками озарения.

Катарина заметила это и взволнованно спросила:

— Что вас встревожило?

— То самое, о чем я вам говорила, — названия! — Гвен хлопнула в ладоши. — Проповедник — проективный эмпат, но мой муж называет этими словами волшебниц и чародеев, способных творить всевозможные создания из «ведьмина мха»! — Гвен упомянула о странном растении, произраставшем только в Грамерае, — грибке, чувствительном к телепатии, который принимал форму вещи или твари, о которой думал находящийся неподалеку от такого грибка проективный телепат или эмпат. Гвен посмотрела на Брома О'Берина. — Лорд главный советник! Не могли бы ваши лазутчики пойти по следу того двухголового пса, который напугал крестьянина Пирса?

Бром нахмурился:

— Конечно, могли бы. Но зачем... — Но тут он понял, к чему клонит Гвен, и улыбнулся. — Не сомневайтесь, леди, у меня найдутся следопыты, которые выследят эту тварь.

— Наверное, это смелые и опытные люди, если они сумеют пойти по следу такого страшного духа, — не скрывая своих сомнений, проговорила Катарина.

— Смелые, это точно, — мрачно проворчал Бром. — Или станут смелыми.

Хобэн разогнулся, чтобы немного унять боль в затекшей спине, запрокинул голову, прищурился, посмотрел на солнце. Работа была знакомая — всю свою жизнь, сколько себя помнил, он мотыжил землю. Но только прежде ему никогда не доводилось заниматься этим, будучи обряженным в длинный, до пят, балахон, и уж конечно, он никак не предполагал, что эта работа помогает молитве. Однако, решил Хобэн, бывает и хуже. И отец Ригорий, и Анхо предупреждали его о том, как трудна жизнь в монастыре. Хобэн снова согнулся и ловко подсек мотыгой пучок сорняков. Никогда в жизни ему не приходило в голову, что этот тяжелый однообразный труд предназначен для усмирения плоти и освобождения разума для молитв и покаяния. Прежде во время сельских работ Хобэн всегда размышлял о тех радостях, которые ожидают его после окончания трудов, — еде, болтовне с приятелями, крепком сне, а по воскресеньям — гулянии с красотками.

Хобэн беспощадно прогнал эти мысли. Монахам не полагалось думать о девушках, а он твердо решил стать монахом. Он постарался думать о Боге и праведных делах, но сумел лишь оценить то, как аккуратны грядки с капустой, как ровно устроено ограждение из старых лошадиных подков на границе поля. Добравшись до края поля, Хобэн восхищенно покачал головой. Это ж сколько трудов надо было вложить, чтобы все поле обнести этим заборчиком из подков. Одна к одной, поставленные на попа... Да и где монахи их столько набрали? Вот ведь люди! Не боятся никакого труда, потому что мыслями они все время в мире ином! Хобэн вздохнул и снова поднял мотыгу.

— Эй! Крестьянин Хобэн!

Хобэн очнулся от раздумий и удивленно оглянулся. Кто его звал? Брат Хасти, который наблюдал за работой монахов на поле? Нет, тот был далеко, в сотне футов, и притом не сводил глаз с двоих иноков, которые бросили работу и остановились поболтать. А больше никого из монахов поблизости не было. Так кто же тогда...

— Да сюда смотри, болван! Влево, где много копытника растет!

Хобэн прищурился, всмотрелся в траву и тут же подумал о том, что брат Хасти небось сейчас заметит, что он прервал работу. Хобэн принялся работать мотыгой, одновременно краем глаза вглядываясь в траву.

О Господи! И точно! Вот же он — малюсенький человечек, кто-то из Колдовского Народца! Ростом фута в полтора, он стоял, подбоченясь, и сердито взирал на Хобэна.

— Ну наконец ты меня заметил. Только смотри: сделай вид, что ты на меня не смотришь. Долгонько мне пришлось ждать, пока ты доберешься до края поля. Я-то сам до тебя никак добраться не мог. Понаставили тут подков видимо-невидимо!

«Ну конечно, — ошеломленно подумал Хобэн. — Подковы! Холодное Железо! Это чтобы фэйри отпугивать!»

Все набожные мысли как рукой сняло, и Хобэн вспомнил о том, что обещал лорду Чародею.

— Постарайся не думать об этом, — посоветовал ему эльф. — Здесь многие могут подслушать твои мысли. А нас тут не любят, только вот в толк не возьму — с чего бы. И вообще: архиепископ бы сам до такого не додумался, это я тебе точно говорю.

— Пожалуй, ты прав, — выдохнул Хобэн. — Он вроде человек не злой.

— Однако какой-то злой человек в монастыре обитает, это я нутром чую, — склонив голову набок, проговорил эльф. — Кто же это тогда?

— Брат Альфонсо — уж это я чую нутром, — пробормотал Хобэн. — Он секретарь при архиепископе и словно прилепился к нему — ни на шаг не отходит, покуда его преосвященство в обители. Другие монахи его уважают и побаиваются. А с чего бы им его побаиваться? По должности он ведь вроде как слуга, да и в обители он не так давно.

— Не так давно? — настороженно сдвинул брови эльф. — И когда же он появился?

— Да года три назад, говорят. Поначалу он вроде за всякую работу с охотой брался и трудился хорошо и подолгу. Тогда его все и заприметили. А еще он умел читать, писать и считать, и архиепископ — тогда он еще аббатом был — засадил его за счеты. В этой работе он себя опять же хорошо показал, ну и с тех пор к его преосвященству все более и более приближался.

— А его преосвященство небось в это же самое время все более и более задумывался об отделении от Рима, — заключил эльф и понимающе кивнул. — И как можно противостоять этому человеку?

— Теперь уж никак! Кто не пожелал его слушаться, бежали из обители в Раннимед. А те, что тут остались, живут в страхе перед ним.

— Странно как-то... — покачал головой эльф. — Не похоже на людей Божьих... Ну, раз так, то побороться с этим типом придется нам. Когда он выходит из обители?

— По вечерам. Они с его преосвященством по саду гуляют.

— Угу. А садик-то этот так весь Холодным Железом обнесен, что можно подумать — не сад, а кузница, — проворчал эльф и помрачнел. — Ну, тогда мы изыщем другой... Ой!

И он мгновенно исчез в зарослях копытника, а на землю перед Хобэном легла чья-то тень. Подняв голову, он увидел перед собой сурово глядящего брата Хасти.

— Хобэн, — сказал строгий надсмотрщик. — Хотелось бы узнать, почему ты уже четверть часа как мотыжишь один и тот же клочок грядки?

— Да вторая-то башка ему на что сдалась, не возьму в толк! — сокрушенно проговорил Келли Макголдбейгель, уставившись на отпечаток огромной лапы в пяточке лунного света. — Знавал я разных псов — так они и одной головой думают не шибко.

— Слушай, заткнись, а? — простонал Пак. — Не самой этой твари две головы нужны, а тому, кто ее сотворил!

— Да на что?

— Чтобы бедных крестьян пугать, дубина ты стоеросовая! — буркнул Пак. — А теперь рот закрой. Пошли дальше по следу.

Келли проворчал что-то неразборчивое и пошел следом за Паком по тропке, что вилась между могучими лесными деревьями. И зачем только Брому О'Берину понадобилось отправлять вместе с Келли еще и этого зловредного англичанина — этого лепрехун не понимал. Он бы и сам справился. Лепрехун быстренько бы выследил любое чудовище!

— Уж не думаешь же ты, что его эльфийское величество опасается за кого-то из эльфов, а?

— Думаю тут не я, а он. Ну, заткнись же! Следы искать надо!

Келли вздохнул и поплелся дальше, хмуро поглядывая вперед. Судя по размеру следов, лапы у чудовищного пса были, пожалуй, вдвое выше Келли в полный рост.

— Ну, одно я тебе точно скажу: этого зверя не ты сотворил, а то бы он и следов не оставил!

— А ежели ты сейчас же рот не закроешь, так я у тебя на спине знаешь какие следы оставлю? — фыркнул Пак и вдруг резко остановился на развилке. — Так... Тут только

палая листва. Больше никаких следов не видно. Куда же подевалась эта тварь?

— А ты вон туда погляди! — воскликнул Келли и указал вправо. — Видишь, сколько он сучьев наломал, продираясь через чащу?

Пак вгляделся в ту сторону и сказал:

— Неплохо, великий следопыт! Теперь ты веди.

Келли испуганно глянул на него. Пак усмехнулся. Лепрехун поежился и, ворча, отвернулся.

— Уж лучше бы позади меня пес двухголовый шел, чем англичанин!

— Твое желание может и исполниться, — напомнил ему Пак. — Мы ведь идем по следам этой твари, наоборот, чтобы узнать, откуда она взялась. А вернется она или нет — это никому не ведомо. Очень даже может быть, что она того и гляди нас нагонит...

Келли почему-то ускорил шаг.

Неожиданно тропа расширилась, и эльфы оказались на небольшой поляне. Деревья расступились настолько, что на самую середину полянки попадал свет луны. Эльфы увидели покосившийся шалаш под соломенной крышей. Дверь развалюшки, однако, была изготовлена из новых, прочных досок, а единственное окошко пряталось за плотно закрытыми ставнями.

Келли остановился:

— Сроду не слыхал, чтобы лесной дух имел крышу над головой.

— Вот-вот. И чтобы такой дух двери запирали на засов и окошко ставнями закрывал, когда его дома нету. — Пак нахмурился и вышел на поляну. — А может, он, наоборот, дома и заперся изнутри?

— Тогда ты большой дурак, вот что я тебе скажу! Неужто ты собрался навлечь на него гнев? Жить надоело, да?

Пак нетерпеливо тряхнул головой.

— Еще не родился тот Дух, что посмеет грозить Паку!

— Кроме его эльфийского величества, само собой, — уточнил Келли.

— Не сомневаюсь: чудище там, в избушке. Послушай, не откажись сыграть роль печного духа? Поищи какую-нибудь трещинку, дырочку, через которую мы могли бы проникнуть в дом.

— А чего искать? Тут дырочек больше, чем стен! — возразил Келли. — Похоже, тот, кто тут проживает, зимовать явно не собирается, потому стены не законопатил.

— Похоже на то, — кивнул Пак, огляделся по сторонам и быстро подбежал к дому. Келли вытаращил глаза, выругался и поспешил следом за эльфом.

Пак потрогал пальцем одну из хворостин, из которых была сплетена стена, и заключил:

— Зеленая еще. Стало быть, шалашик-то выстроен недавно.

— Точно, — подтвердил Келли, оглядевшись по сторонам. — А тропка при всем том к двери протоптана. Но вот собачьих следов что-то не видеть.

Пак тоже осмотрелся и кивнул:

— Листья кто-то разгреб, а на земле мы бы точно разглядели отпечатки собачьих лап. Интересно... с чего бы это хозяину этой развалюхи листья разгребать... А собачьи-то следы начинаются дальше, на опушке. Как будто оно там и было сотворено, чудище поганое.

Келли поежился:

— Ну что ж, можно считать, мы свое дело сделали. Давай возвращай... Тсс!

Пак испуганно обернулся и увидел, куда указывает Келли. Из чащи леса доносился звук шагов человека.

Через несколько минут на поляну вышел пузатый крестьянин, сгибающийся под весом тяжелой корзины. Он подошел к двери, опустил корзину на землю, вздохнул и почесал лысину — аккуратную круглую лысину посреди довольно-таки пышной шевелюры. Одет крестьянин был

обычно — в домотканую рубаху и штаны, и возраста был пожилого. Он огляделся по сторонам и вздохнул.

— Ох, тяжело вот так жить одному! — Он пожал плечами, отодвинул засов и толкнул дверь. Стоя на пороге, он забормotal: — Сердце мое, успокойся! Это все для Господа, для Церкви, для ордена!

Он снова тяжело вздохнул, поднял корзину и вошел в шалаш. Через минуту внутри загорелась лампа, и дверь захлопнулась. А еще через две секунды Пак и Келли возвратились к стене шалаша и стали подглядывать через дырочки.

Крестьянин, что-то бормоча себе под нос, расшевелил угли в очаге, положил туда растопку, раздул пламя, подбросил хвороста. Неожиданно то, что лежало в корзине, зашевелилось и начало переваливаться через край. Крестьянин обернулся и довольно кивнул. Он подвинул корзину к огню, а сам уселся на трехногий табурет и стал внимательно смотреть. В корзине лежала серая бесформенная масса. Она слегка поблескивала и чем-то напоминала болотную кочку. Эльфы смотрели во все глаза. Серая масса сначала растекалась, а потом вдруг устремилась вверх. Постепенно она приняла форму молодого деревца. Стволик деревца стал коричневым, обзавелся четырьмя ветками. Затем на каждой ветке выросли крепкие сучья. Крестьянин довольно кивнул и протянул к новоявленному дереву руку. Дерево медленно склонило одну из ветвей и обвилось запястьем крестьянина сучьями. Хозяин избушки улыбнулся. Дерево отпустило его руку и выпрямилось.

— Теперь ступай к двери, — пробормotal крестьянин.

Деревце задрожало, выпростало из корзины корень, потом — еще один, и еще. Медленно переступая по полу корнями, дерево мало-помалу добралось до двери. Крестьянин опять кивнул, ухмыльнулся и пробормotal:

— Найдешь крестьянина — цапни его, потом погонись за ним — но ловить его не надо.

Ветви дерева качнулись так, словно бы оно согласно кивнуло.. Затем оно пригнулось, переступило порог, шаркало по поляне и исчезло в лесу.

Келли и Пак проводили его ошарашенными взглядами. А крестьянин вздохнул и устало опустил плечи.

14

Продвигаясь по темному лесу, Род начал замечать, что со всех сторон куда-то идут и другие люди. Довольно скоро он услышал, как они перешептываются, а порой — нервно посмеиваются. Ни дать ни взять — компания школьников, тайком удравшая на лесную вылазку. А еще через некоторое время через просвет в густой листве Род увидел оранжевое сияние и темные силуэты людей. Через несколько мгновений Род вышел на поляну.

Неподалеку от дальней опушки на пне стоял монах. Вокруг пня в землю были воткнуты толстые еловые и сосновые ветки, и их концы горели наподобие факелов. Разглядев тонзуру и сутану, Род встревожился не на шутку.

— *Ты где, Корделия? Здесь?* — мысленно спросил он, ради осторожности прибегнув к манере телепатической связи, изобретенной Гвен и используемой только членами их семейства. Корделия ответила ему в той же манере, напоминавшей своеобразную мысленную стенографию.

— *Да, папа. Будто гляжу на внутренность церкви с хоров.*

— *Думаю, все это не случайно, Делия. Так... Не забывай: мы только слушаем, но ничего не делаем.*

— *Постараюсь не забыть, папочка,* — несколько торжественно отозвалась девочка. — *А ты-то не забудешь?*

Последнюю мысль она не произнесла, но Род был вынужден признать, что дочь права: он действительно отличался буйным нравом.

— Возлюбленные чада! — прокричал монах, подняв руки вверх.

Толпа умолкла.

— Я принес вам вести от его преосвященства архиепископа, — продолжал монах, и толпа довольно зароптала.

У Рода волосы на затылке встали дыбом. Они находились во владениях Тюдора, а Тюдор был верным папистом. Видимо, эти крестьяне еще не окончательно приняли сторону Грамерайской Церкви, но им было любопытно узнать о ней побольше. Неудивительно, что лесничий распространял известие о тайной лесной сходке тайком.

— Архиепископ безмерно рад тому, как вы стойки и верны ему, — разглагольствовал монах. Скорее всего он выдавал желаемое за действительное. — Набожные лорды собираются под знамена архиепископа в монастыре, и вскоре в стране восторжествует Святая Истина!

Толпа не слишком восторженно приветствовала эту новость. Монах продолжал как ни в чем не бывало.

— А теперь его преосвященство посылает вам весть о своих последних находках в поисках Истины. Вы знаете, что священникам нельзя жениться. Так заявлял Рим много столетий подряд.

Ответом монаху был недовольный гомон. Род не склонен был винить крестьян. Он и сам думал, что ему вряд ли понравится то, что вот-вот должен был сказать монах.

— Это правило возникло по необходимости, — назидательно проговорил монах. — В первые тысячелетия существования Церкви священникам позволялось жениться и обзаводиться семьей. Однако часто бывало так, что сыновья священников также становились священнослужителями и оставались в том же приходе. Вот и получалось, что приход переходил от отца к сыну на протяжении жизни многих поколений, и в итоге вся власть в приходе, весь церковный доход оставались у священника и не попадали

в Рим. Папа не мог вынести такого оскорбления для своей власти, нестерпимо ему было и думать о деньгах, которые до него не доходят. Вот поэтому-то он и запретил священникам жениться.

Люди начали недоверчиво переговариваться.

— *Это правда, папа?* — взволнованно обратилась к отцу Корделия. От Рода не укрылось смятение в ее мыслях.

— *Отчасти, Делия,* — ответил Род. — *Были и другие причины, более возвышенные. Но я готов об заклад побиться: этот проповедник о них не скажет.*

— *Само собой, не скажет! Стал бы он говорить!*

Сомнения девочки улеглись, отступили. Род ощутил, что к ней вернулась сила воли. Он улыбнулся и снова стал слушать проповедника.

— Наш добрый архиепископ полагает, что такие рассуждения притянуты за уши и недостойны Папы, который призван думать только о душах человеческих. И потому он издал указ о том, чтобы священники более не были лишены радостей семейного очага...

Толпа зашумела так, что монаху не удалось произнести фразу до конца. Некоторые из крестьян потянулись к лесу.

— Он издал указ! — неистовствовал монах. — Он позволяет!

Наконец люди более или менее утихли.

— Наш благородный архиепископ издал такой указ! Отныне священникам будет позволено жениться!

Все было кончено. Крестьяне принялись ругаться, многие развернулись и резво отправились в обратный путь. Но некоторые все же остались, сгрудились около священника и засыпали его вопросами. Он старался, как мог, ответить каждому.

— *Папа, а в этом точно нет ничего хорошего?* — озадаченно осведомилась Корделия.

Что он мог ей ответить?

— *Вопрос спорный, Делия. Есть много «за» и много «против». Лично мне больше доверия внушает священник, который не торопится попасть домой к обеду.*

— *Мне тоже...*

Люди начали расходиться, распалась и та кучка крестьян, что сгрудились около монаха. Они отступили, ожесточенно переговариваясь между собой. Монах слез с пня. Было видно, что он ужасно устал.

— Хорошо вы говорили, святой отец, — смущенно проговорила юная крестьянка, подойдя к священнику чуть ближе, чем следовало бы. Заложив руки за спину и покачивая пышной юбкой, она улыбнулась, но тут же потупилась. — Уж конечно, если священники — лучшие из нас, они должны иметь сыновей, правда?

Священник невольно попятился, побледнел, а девушка вновь шагнула к нему, сияя ослепительной улыбкой.

— *Ой, какая бесстыдница!* — мысленно воскликнула возмущенная Корделия. — *Она с ним заигрывает!*

— *Ну вот она — обратная сторона медали,* — отозвался Род и забеспокоился за дочь. — *Если позволить священникам жениться, они станут не застрахованы от кокетливых девиц.*

— Но... Да, это, спору нет, правда, — более или менее храбро отвечал девушке священник. — Вот только для женщины такое замужество будет трудным, чадо. Священник редко бывает дома — столько у него забот о пастве.

— Тем более ему нужна верная женщина, которая будет приглядывать за домом и вести хозяйство, — возразила девушка. — И кроме того, женившись, священник сможет перестать терзаться плотскими искушениями.

Священник вытаращил глаза. Вероятно, эта мысль ему пока в голову не приходила. Он заулыбался и шагнул навстречу девушке.

— И верно... Ведь тогда его желания станут добродетельными, как у всякого женатого мужчины. Как твое имя, дочь моя?

— «Дочь моя!» — мысленно фыркнула Корделия. — *Как же, будет она его дочерью! Она ему дочь родит! Неужели он не видит, что ей нужен не он сам, а его высокое положение?*

— *Чаще всего мужчин в таких ситуациях легко обмануть,* — отозвался Род, вспомнил о ряде эпизодов из своего прошлого и поежился. То, что у дочери развилось неплохое чувство юмора, его порадовало, но вместе с тем он почувствовал, что отношение Корделии к духовенству колебалось, а вместе с ним — и вера. — *Главное, помни, милая: оттого, что мужчины слабы, Бог не утрачивает своего величия.*

Корделия ничего не ответила. Она явно была в смятении и растерянности. Род решил, что им с дочерью пора встретиться. Он отступил в лес и послал Корделии мысленное распоряжение:

— *Спускайся. Пожалуй, пора нам с тобой отправляться домой.*

На миг перед его взором мелькнул образ, созданный сознанием дочери: легкий, стремительный полет в прохладном ночном воздухе, и связанное с этим полетом ощущение чистоты. Род поджал губы. У его маленькой дочери появились подозрения в том, что люди могут быть грязны душой, как и телом.

Включая, естественно, и архиепископа. Безусловно, Джон Виддеком наверняка мог бы убедительно обосновать то, почему священникам следует жениться, и вероятно, с его стороны это выглядело бы вполне искренне. Но почему-то как раз насчет искренности Род сильно сомневался.

— Так, значит, эта тварь была создана из «ведьмина мха»? — нахмурившись, переспросил Бром О'Берин.

— Да, милорд, — ответил Пак. — К шалашу нас привели собачьи следы, и мы своими глазами видели, как этот человек сотворил из «ведьмина мха» ходячее дерево.

— Маленькое, — уточнил Келли.

— Не сомневаюсь, оно подрастет, как только его создатель обзаведется очередной порцией «ведьмины мха», — проворчал Бром. — Ты прав, Робин. И говоришь, он быстро изготовил это деревце?

— За четверть часа, пожалуй, ваше величество.

— Стало быть, он большой искусник. Только леди Гэллоугласс управилась бы скорее. — Бром не удержался от любовной улыбки, но тут же снова стал серьезен. — И вы говорите, что на макушке у него выбрита тонзура?

— Выбрита, милорд, — если только он не ухитрился так ровненько облысеть.

— Вообще-то, если рассудить, возраста он почтенного, — добавил Келли.

— Ты что же, защищать его взялся? — обрушился на лепрехуна Пак. — Помолчи, монаший прихвостень!

— Это кого ты прихвостнем обозвал, подлый дух? Да будет тебе известно...

— Ничего ему не станет известно, — рявкнул Бром. — Неужто вы собрались тратить время на препирательство, когда этот архиепископ подговаривает крестьян низложить короля? Нет уж! Ступайте к хижине этого колдуна и следите за каждым его шагом! Идите же и ничем не выдавайте себя до прихода королевских воинов!

Дверь с грохотом отворилась. Крестьянин рывком поднялся на постели, но двое воинов проворно вывернули ему руки за спину. Один из них поднял хозяина лесной хижины на ноги, а второй быстро обмотал его запястья веревкой. Крестьянин, сонно моргая, разглядел суровых мужчин в кольчугах, с копьями в руках.

— Что... что вы делаете? С чего вы на меня накинулись? У меня ничего такого нет...

Но воины без слов развернули его к мужчине в легком шлеме. Грудь его защищал латный нагрудник, к поясу был

приторочен меч. Подбоченясь, он гневно глянул на хозяина хижины.

— Ты творил чудовищ и натравливал их на ни в чем не повинных людей! — Не отрывая взгляда от колдуна, рыцарь крикнул: — Он связан, миледи!

В хижину вошла красивая осанистая женщина с пышными рыжеватыми волосами. «Крестьянин» побледнел, уздав леди Гвендилон.

— Не пытайся отрицать этого, — посоветовала она колдуну. — Нам обо всем рассказали двое свидетелей, которые своими глазами видели, как ты изготовил ходячее дерево. А теперь отвечай, зачем ты делал это.

«Крестьянин» насупился:

— Нет. Вы ничего от меня не узнаете.

Он не шутил — Гвен это поняла. Его сознание выглядело совершенно пустым и гладким, словно шар. Но вдруг изнутри этой сферы вылетел мысленный приказ явиться и сражаться. Гвендилон проворно развернулась к двери.

В хижину с диким ревом ворвался двухголовый пес, свирепо сверкая всеми своими четырьмя глазищами. Рыцарь повернулся к твари, выхватил меч, а Гвендилон прищурилась и уставилась на чудовище в упор, и уже в то мгновение, когда монстр прыгнул на нее, его силуэт начал таять прямо на глазах, как воск на горячем камне. Рыцарь вскрикнул и бросился вперед, стремясь заслонить собой Гвен, но о его нагрудник ударился уже не страшный зверь, а обугленная черно-серая масса. Бесформенный ком отскочил от латной стали, а рыцарь отступил, став зеленым, как плод авокадо. Гвен не сводила глаз с комка «ведьмина мха». Вскоре этот комок разделился пополам, затем обе половинки также распались на две части, и в конце концов образовалось сорок маленьких комочков. А в следующее мгновение комочки пожелтели, выпустили зеленоватые проростки, и по полу раскатились... луковицы!

Крестьянин, лицо которого приобрело землистый оттенок, ошарашенно смотрел на них.

А Гвен обернулась и сурово посмотрела на него.

— Советую тебе не превращать эти луковицы во что бы то ни было опасное.

— Я... я не стану... леди.

Это прозвучало как признание поражения.

— А теперь говори, — распорядилась Гвен, — зачем ты покинул монастырь и явился в этот лес?

Монах со страхом взглянул на нее, но лицо его вновь стало бесстрастным.

— Ловко придумано. Думали, я напугаюсь и стану говорить? Да нет, я понял, что это просто выдумка.

— У тебя слишком ровная лысина — у простых крестьян таких не бывает, — заметила Гвен. — А для лесного отшельника ты чересчур хорошо упитан. Да и не похож ты на пустытника. Почему бы тебе не сказать мне правду?

— Я не стану разговаривать с еретиками, — буркнул монах, и его сознание снова уподобилось безупречному гладкому шару.

Гвен нахмурилась, оценила свои силы, улыбнулась и проговорила намного мягче:

— Но ты совсем один в этом страшном лесу, в такой дали, без людей. Наверное, вы очень скучаете по своим товарищам, святой отец.

— Я не «отец», — автоматически отозвался монах. — Я еще не успел... — Он запнулся, злясь на себя за то, что проговорился. Гвен по его лицу видела, как мечутся его мысли, но сознание монаха при этом не выдавало наружу ни капли информации. Он не желал признаваться в том, что он действительно монах.

Гвен решила добавить немного маслица в заварившуюся кашу.

— Ну же, вы добрый человек и всегда желали быть добрым. Теперь же вы пойманы на месте преступления, и вер-

нуться в обитель у вас нет никакой возможности. Вероятно, вам непросто заставлять себя творить чудовищ, которые до смерти пугают неповинных людей. — Во взгляде монаха мелькнула тень сомнения. Это было первым признаком проявления слабости. Гвен одарила его самой печальной и сочувствующей улыбкой, на какую только была способна. — Вероятно, вас сильно огорчает раскол в обители? Ведь вы помните о тех ваших братьях, что ушли из монастыря и основали новую обитель? Разве вы не скупаете по ним?

Мнимый крестьянин горестно поджал губы и признался:

— Я тяжело тоскую по ним, леди.

— А переживаешь ли ты за них? Волнуешься ли о том, в безопасности ли они?

— Да, — подтвердил монах. — Ибо по духу они воистину братья мои.

Гвен кивнула:

— Они для тебя ближе родных братьев. Назови же свое имя, брат, чтобы я знала, к кому обращаюсь.

Монах зыркнул на нее, вздохнул и сдался.

— Меня зовут брат Клэнси, леди, и я не ведаю, как вам удалось преодолеть мою защиту и прочесть мои мысли. Ведь вы леди Гэллоугласс, не так ли?

— Верно, — подтвердила Гвен, стараясь не выказать радости победы. — И если вам известна моя репутация, брат Клэнси, то вы должны понимать, что для вас — высокая честь в том, что вы столь долго таились от меня.

— Вы очень проницательны, леди, — признал брат Клэнси. — И вы правы: я очень сожалею о том, что творил чудовищ и пугал ими несчастных крестьян.

Солдаты расправили плечи, устремили на монаха возмущенные взгляды, но Гвен так глянула на них, что они мигом прикусили языки.

— Я тебе верю — ведь прежде ты всегда старался приносить людям только успокоение и добро, верно?

— Верно, старался, — кивнул брат Клэнси с невеселой усмешкой. — Это более свойственно членам нашего ордена.

— И возможно, ты сожалешь о разрыве с Римом.

Гвен оказалась не готова к тому взрыву эмоций, который последовал в ответ на ее предположение. Лицо брата Клэнси перекосилось от гнева, и он вскричал:

— О леди! Я переполнен страхом! Всю свою жизнь я старался служить церкви и Папе, ибо тем самым служу Господу нашему — но теперь у меня словно почву из-под ног выбили!.. О, моя душа денно и нощно страдает от смертных мук, эта мысль гложет мое сердце...

Тут он вытаращил глаза, поняв, что снова проговорился, и в ужасе уставился на Гвен.

Гвен же постаралась ответить ему взглядом, полным сострадания.

— О, видно, вы искушены не только в чтении мыслей, — обреченно проговорил монах. — Поначалу вы заставили меня сказать о том, что вам и так уже было ведомо, а потом я выложил вам все, о чем вы только догадывались! О нет, больше вы от меня ни слова не дождетесь!

И он закрыл рот так решительно, что стало слышно, как клацнули его зубы.

Гвен с грустью покачала головой:

— Сказали вы нам немного, добрый брат. — Она повернулась к рыцарю. — Отведите его в замок, сэр Фрэлькин, да приглядите, чтобы его поместили в темницу поудобнее.

С этими словами она отступила, вздохнула и покачала головой. Воины вывели монаха из хижины, и только тогда Гвен позволила себе возрадоваться одержанной победе. Верно: монах сказал ей не так много, но самые главные и самые важные из подозрений Гвен подтвердились. Этот че-

ловек не был чародеем, перешедшим на сторону архиепископа, а одним из самых настоящих монахов. Это был катодеанец, переодетый крестьянином! Вот уже второй чародей из этого ордена: первым был оратор-гипнотизер, изловленный Туаном, а теперь вот этот — умелец творить чудовищ из «ведьмина мха».

От этой мысли победное настроение Гвен сразу улеглось. Если нашлось двое монахов с экстрасенсорными способностями, могли быть и другие.

Но сколько их?

— Они *оба* монахи? — ахнула Катарина.

— Если бы монахом был только один из них, я бы счел это случайностью, — пробормотал Туан. — Но двое...

— Не так уж много, если учесть, что их несколько сотен, — проворчал Бром. — Однако, признаться, я озадачен. Я всегда думал, что монахи настроены против чародейства.

— Так нам казалось, — нахмурившись, проговорил Туан. — Но мы всегда судили об этом по тем, с кем нам доводилось встречаться. Быть может, в монастыре к чародейству относятся более терпимо?

Гвен развела руками:

— Ну если так, то, вероятно, монахи из обители и творят всю эту пакость, ваши величества.

— Но почему?

— Да потому, что за надежными стенами монастыря они могут не беспокоиться за свою жизнь.

Туан медленно кивнул:

— Хорошая догадка, леди Гэллоугласс.

— Лучше бы придумали, как с ними бороться, — буркнула Катарина и свирепо сдвинула брови. От злости она буквально пламенела. — Как сражаться с такими чародеями? — И тут она просияла — словно расслышала собственный вопрос. — С помощью других чародеев, не так ли?

Туан кивнул и сверкнул глазами:

— Вот теперь, милейшая моя супруга, я без всяких угрызений совести дам приказ отряду королевских чародеев!

В лесу было темно и мрачно, а оттого, что кое-где виднелись пятнышки лунного света, становилось только еще страшней. Эльза шла по тропе, высоко подняв факел и осторожно переступая через выступавшие из земли корни. Ее сердце от страха было готов выскочить из груди. Ветви склонялись низко-низко, сучья старались схватить девушку за волосы. Она то и дело оглядывалась, но позади никого не было. Эльза поеживалась и шла дальше. Даже ради самого короля она бы не отважилась пройти по этой жуткой чащобе посреди ночи! Ради короля — нет, но вот ради того, чтобы снова увидеть Орлофа, — да! Хотя бы голос его снова услышать... А у того святого отшельника, что на прошлой недели поселился в здешних лесах, вроде бы дар был особый... По крайней мере так говорила старушка Крессида — она первой набрела на этого отшельника. Вроде бы с его помощью ей удалось поболтать с призраком старого Лотрена...

Ну, вот и дошла. Поляну окружали густые кусты, а посередине поляны у костра сидел старик-отшельник. Он негромко напевал и подбрасывал в дымящий котелок разные травы. Сердце Эльзы забилось еще чаще. Она была готова развернуться и убежать, но тут вспомнила Орлофа, лежавшего на земле и залитого кровью... Сэр Грималь убил его только за то, что Орлоф желал оградить свою жену Эльзу от ухаживаний этого рыцаря! Ненависть и чувство вины смешались в сердце женщины. Если бы Орлоф не женился на ней, он теперь был бы жив. Грудь Эльзы всколыхнулась от желания — желания поговорить с покойным мужем. Ей так хотелось, чтобы он сказал, что прощает ее... Она шагнула на поляну.

Старик обернулся на звук шагов.

— Подойди, чадо. Не бойся меня.

А не бояться было не так-то просто. Озаренный пламенем костра, старик выглядел потусторонне. Пар, поднимавшийся над котелком, застилал лицо отшельника. Но Эльза все же пошла к нему, хотя сердце у нее замирало от ужаса. Дойдя до костра, женщина опустилась на колени и воткнула факел в землю.

— Ты желаешь поговорить с духом своего покойного супруга, — со вздохом проговорил старик. — Что ж, я вызову его дух для тебя. Но что ты дашь мне за это?

Эльза зарделась и опустила глаза. Что она могла дать, кроме себя самой? Но за такое Орлоф ее непременно возненавидел бы! Вероятно, он простил бы ее за то, что с ней сделал сэр Грималь — ведь тот взял ее любовь силой. Но теперь... Женщина прикоснулась к дорогому перстню, снова вспомнила Орлофа и его любовь.

— Нет. — Голос старика прозвучал порывом ветра в ветвях деревьев. — Твое кольцо освящено. Я не возьму его для чародейства. Но я остригу тебе волосы. Они мне понадобятся.

Эльза вскинула голову и в испуге уставилась на старика. Ее волосы? Ее длинные блестящие пышные волосы, которые так любил Орлоф? И зачем они могли понадобиться...

Эльза прикусила губу. Она понятия не имела о том, зачем чародею ее волосы, — и не хотела этого знать. Да и что волосы — волосы отрастут снова. Даже хорошо, что она отдаст их ради Орлофа.

— Так возьми же их, — выдохнула она, развязала платок и склонила голову.

Старик быстро остриг волосы Эльзы — всего-то несколько раз чикнул большими ножницами. Женщина, всхлипнув, снова повязала голову платком, чтобы спрятать неровно остриженные пряди. Между тем она ощущала

странное удовлетворение. Что-то было в том, что она лишилась волос, — это был знак тоски, траура.

Чародей уложил остриженные волосы Эльзы себе на колени и кивнул.

— Хорошо. — Затем он откинулся назад, закатил глаза и заговорил нараспев: — О Орлоф, явись! Явись из иного мира и поговори с той, что любит тебя больше жизни! Явись, явись, явись...

Вскоре его речь преобразилась в стон, а глаза он закатил так, что стали видны только белки. Эльза поежилась и отвела взгляд.

И увидела, как пар над котелком стал гуще, плотнее.

Вот облако пара преобразилось в шар... размером с голову человека. Проступили глаза, нос, губы. «Голову» увенчала остроконечная крестьянская шапка. Это была голова Орлофа, а его губы разжались, и с них сорвался шепот:

— *Эльза, не верь! Это не Орлоф, это всего-навсего хитрый обман!*

Старик резко выпрямился, прищурился, уставился на призрачную голову и злобно выругался. Однако «голова» никуда не делась. Она продолжала висеть в воздухе над котелком, и ее губы продолжали произносить слова, как ни старался чародей ее уничтожить:

— *Этот чародей не может вернуть обратно Орлофа. Он может лишь показать тебе образ, им же самим созданный. И говорил бы с тобою не твой покойный супруг, а этот старик-чародей!*

Эльза вскрикнула, вскочила. Неожиданно ее пальцы превратились в когти, а старик попятился, побежал от нее, налетел на свой табурет и поднял руки, прося пощады. Но тут грянул раскат грома, и позади чародея встали трое молодых людей. Они были готовы схватить старика, но тот дико взвизгнул... и исчез. Перед самым его исчезновением послышался звук взрыва.

Эльза кричала не переставая. Она чувствовала, что вот-вот лишится рассудка от ужаса, но из-за деревьев к ней уже

спешила молодая женщина — крестьянка примерно ее возраста. Раскинув руки, она повторяла:

— Ох, бедняжка, бедняжка! Что же они натворили с тобой — эти гадкие мужчины! — Эльза сразу умолкла и в изумлении уставилась на женщину. Та подошла ближе — воплощенное сочувствие — и принялась приговаривать: — Бедняжка Эльза! Бедненькая, бедненькая!

Эльза растерянно шагнула вперед... и упала в объятия незнакомки. Она рыдала и рыдала, но мало-помалу начала успокаиваться, приходить в себя и понимать, что ужас позади.

— Ну и скандал, Марла! — воскликнула женщина, шагавшая по деревенской площади с ведром.

— Уж скандал так скандал, Риллис! Чтобы их величества так оскорбили аббата! — отозвалась Марла и перехватила свое ведро в другую руку.

— В смысле — архиепископа, — скривилась третья женщина, Матильда. — Ежели уж вы хотите сказать, что их величества кого-то оскорбили, так оскорбили они архиепископа. Так его теперь следует называть.

Крестьянки прошли мимо козла, и тот, завидев их, заблеял.

— Неохота мне его так называть, Тильда, — нахмурившись, покачала головой Марла. — Кто его архиепископом назначил? Он сам и назначил.

— А что же он, права такого не имеет, Марла? — требовательно спросила Риллис. — Он самый главный священник у нас в стране!

— Ну, тогда и твой муж может взять да и объявить себя сквайром, Риллис. И что же, он сквайром сразу станет, да?

Женщины добрались до колодца.

Риллис расхохоталась и прикрыла рот ладонью.

— Ох, Марла! Ты заставила меня смеяться над моим собственным мужем! Почему бы тебе про своего не сказать?

— Да потому, что ее Рольф себя никем провозглашать не станет, — буркнула Матильда и поставила ведро на край колодца. — А уж у моего Джека гордости столько, что он даже пахарем себя назвать постесняется.

— Ну, это разве только потому, что ежели он себя так назовет, так ему и пахать придется, Матильда. Вот лоботрясом он себя мог бы провозгласить.

Матильда с трудом удержалась от хохота и только фыркнула.

— Ну ладно, кумушки, — вздохнула Марла и положила руку на рукоятку ворота. — Про то, какие мужики глупцы, мы поговорили. А теперь давайте поболтаем про то, какие женщины умные. Наберем мы с вами воды или нет? Надо ведь полы перемыть.

— И обед приготовить, — кивнула Риллис и взялась за рукоятку с другой стороны. — Ну, завертели!

— Я первым делом глоточек водицы выпью, — блаженно пробормотала Матильда, наклонилась и вгляделась в темную глубину колодца. — Водица колодезная такая холодненькая и... А-а-а-а! — в ужасе закричала она.

Марла чуть было не выпустила рукоятку ворота, и хорошо сделала, потому что Риллис от испуга опустила руки.

— Матильда! Что ты...

Но Матильда утратила дар речи. Она пятилась назад, закрыв ладонями рот, бледная, дрожащая.

— Да что она там увидеть могла? — Риллис обернулась к колодцу, заглянула внутрь и с криком отшатнулась. — Марла! Отпусти ведро!

— Что ты увидела?

— Крылатого змея! Дракона! Жуткую тварь с огромной пастью, всю в противных желтых чешуйках! Он расправил крылья, а на хвосте у него жало! Марла, брось, не вытаскивай его!

Марла наконец услышала зловещее шипение, доносившееся из глубины колодца. Казалось, этим шипением на-

полняется воздух вокруг. Марла отдернула руки от ворота, как от горящего угля. Ворот завертелся, а колодец огласился таким душераздирающим визгом, что у женщин заложило уши. Еще долго звучало эхо этого визга, но вот наконец ведро с громким плеском ударилось дном о поверхность воды.

Женщины в ужасе переглянулись. Риллис первой обрела дар речи.

— А... что же мы теперь... пить будем? — прошептала она.

— Да провались она пропадом, эта вода, кума! Что мы станем делать, когда эта тварь вырастет?!

— Она не вырастет.

Все трое кумушек проворно обернулись.

Той, что стояла перед ними, вряд ли было больше двадцати пяти лет, но держалась она с достоинством жены рыцаря. Одета женщина была по-крестьянски, как и они, но побогаче и поярче. Незнакомка пошла к крестьянкам с приятной улыбкой на губах, однако глаза ее смотрели решительно.

— Кто ты такая? — ахнула Марла.

— Я — волшебница из королевского замка, — отвечала женщина. — Что же до вашего змея... Расступитесь!

Она подошла к колодцу, сдвинула брови и пристально уставилась в глубину.

Трое кумушек переглянулись, собрались с храбростью и, перегнувшись через край, заглянули в колодец.

Они увидели, как змей корчится и уменьшается в размерах, злобно шипя. При этом крылья его вырастали. Вскоре от змея не осталось почти ничего, кроме крыльев. А в следующее мгновение из колодца вылетела роскошная громадная бабочка с великолепными радужными разноцветными крыльями. И хотя бояться ее не стоило, женщины невольно пригнулись. Бабочка запорхала над колодезным срубом, а женщина еще на миг задержала на ней присталь-

ный взгляд, и бабочка полетела к лесу, подгоняемая легким ветерком.

Незнакомка облегченно выдохнула, а когда она обернулась к крестьянкам, стало видно, что лоб у нее блестит от испарины.

— Это был не настоящий дракон, — сказала она, — а творение из «ведьмина мха». Теперь вам нечего бояться.

Женщины вытаращили глаза, а Марла сумела выдавить:

— Кто же... кто... его сотворил?

— Какая-то злобная колдунья, пытающаяся навредить их величествам.

— А если эта колдунья снова превратит бабочку в дракона?

— Тогда я снова прогоню его — я или кто-то другой, подобный мне. — Женщина лучезарно улыбнулась. — Не бойтесь, добрые женщины. Король и королева оберегают своих подданных и заботятся о них.

С этими словами она отвернулась и зашагала к лесу. Три кумушки еще долго стояли и провожали взглядом ее силуэт, озаренный ярким полуденным солнцем.

Наконец Матильда расправила плечи и сверкнула глазами.

— Ну, кумушки! Будет нам с вами о чем порассказать дома нынче вечером!

Поеживав, взрослые вышли из домов, разбились на компании, принялись переговариваться, а дети бегали наперегонки, играли в салки, затевали дружеские потасовки — словом, наступил самый обычный вечер в самой обычной грамерайской деревушке.

— Слушайте Слово Господа!

Откуда явился этот проповедник — этого никто не знал, но все крестьяне разом умолкли и уставились на него не то чтобы удивленно — скорее со страхом. В последнее время священнослужители редко приносили добрые вести.

— «Не надейтесь на князей», — сказал наш Господь! И вправду, глупец тот, кто в наши дни надеется на князей — на Туана и Катарину!

Деревенские жители выпучили глаза. Вот так речи! Да это же самая настоящая измена! Даже детишки догадались, что что-то не так, и один за другим прекратили игры и стали прислушиваться к бродячему проповеднику.

— Туан и Катарина хотели узурпировать власть Церкви! король и королева опорочили слово лорда архиепископа! Они дерзко примкнули к прогнившей и погрязшей в грехах Церкви Рима и всю страну нашу Грамерай прокляли! Что с людьми творится, то творится и с самой землей! Уже теперь она кое-где отравлена! А где-то сотрясается! Поверьте мне — через три минуты земля под вашими ногами сотрясется!

Крестьяне в растерянности начали испуганно перешептываться. Тут и там слышались крики отчаяния. Несколько человек развернулись и бросились к своим жилищам.

— Никто не пострадает! — продолжал витийствовать проповедник. — Ну если и пострадает, то своим немного! Земля сотрясется, это верно, но она будет только дрожать, только дрожать, люди добрые! Пока это всего лишь предупреждение от Господа, а не месть Его!

Немного успокоившись, крестьяне вернулись. Священник выпрямился, улыбнулся, уверенный в себе...

Потянулись секунды.

Они тянулись и тянулись.

Священник нахмурился. Люди зароптали.

— Три минуты-то уж давно прошли!

— Да уж!

— А вроде не тряслось ничего. Ты чего-нибудь почувствовал?

— Да нет. Не более, чем когда мой бык по полю топает.

Проповедник свирепо сдвинул брови, сжал кулаки. Его лоб покрылся потом. Люди заметили это, умолкли и снова внимательно пригляделись к нему. Нет, ничего не случилось.

— Да это шарлатан, — пробормотал кто-то.

— Точно. Шут гороховый. Сам себе тонзуру выбрил. Хорош, нечего сказать! — фыркнула одна крестьянка.

— Решил одурачить нас, да? — Вперед шагнул плечистый крестьянин. В голосе его прозвучала неприкрытая злость.

— Я воистину монах из ордена Святого Видикона! — прокричал священник.

— Всякий может напаялить на себя сутану и повесить на грудь деревянный крестик, — угрожающе проворчал другой крестьянин, также крепкого телосложения. — Ты что, малый? За дураков нас принимаешь?

— Не троньте меня! — крикнул священник, но по голосу было слышно, что он здорово струхнул. Он попятился... еще... и еще. Крестьяне-здоровяки обступили его с трех сторон. А позади них монах увидел мужчину не такого крепкого и плечистого. Тот довольно улыбался. Проповедник вперил в этого человека гневный взгляд, но крестьянин только улыбнулся шире, и улыбка у него получилась совсем не веселая, а уверенная и угрожающая.

— Ступите на путь истинный! — взвизгнул проповедник. — Не идите за этими лживыми владыками... иначе земля сотрясется у вас под ногами! Я вас предупредил!

С этими словами он развернулся и затрусил к лесу. Щеки его пылали от злости, обиды и непонимания того, что произошло. О, как он гневался на этого юнца с уверенной улыбкой. Теперь у монаха не было никаких сомнений в том, что это был чародей, сдержавший землетрясение силой своего разума, когда сам он пытался заставить землю дрожать.

15

Лютни и гобой вели тихую безмятежную мелодию, от которой сразу успокаивалось сердце у тех, кто входил в главный собор Раннимеда. Голоса певчих заполняли весь неф, когда в собор вошли король и королева. Они шли рука об руку, а впереди них шли их сыновья, с торжественностью, делавшей честь их юному возрасту. Впереди детей вышагивали ливрейные лакеи, а замыкали процессию горничные. На мессу в кафедральный собор прибыла треть обитателей королевского замка. Остальные в это время находились на службе в замковой часовне.

Наконец королевская процессия расселась по скамьям. Катарина улыбнулась и незаметно погладила руку Туана. Он поглядел ей в глаза и улыбнулся в ответ. На несколько кратких минут божественное умиротворение воцарилось в их душах.

Но вот хор завершил песнопение триумфальным «Аллилуйя!», и проповедник, взойдя на кафедру, вскричал:

— Горячо возлюбленные во Христе!

Катарина и Туан резко повернули головы к кафедре. Куда же подевался предначинательный псалом, а также псалом Покаянный, и молитвы — «Слава в вышних Богу», и чтение Посланий Апостолов и Евангелия?

— В нынешнее воскресенье в этом храме не будет мессы, — с грустью объявил проповедник.

Туан нахмурился, Катарина стала мрачнее тучи. Народ вокруг них громко зароптал.

Проповедник с тоской дождался, когда вновь наступит тишина, затем развернул свиток и объявил:

— Я должен зачесть вам послание от его преосвященства архиепископа!

Катарина чуть было не вскочила со скамьи, но Туан взял ее за руку и удержал.

— Пусть говорит. Мы с тобой пока не деспоты. Будет лучше, если это услышат все.

Катарина, пылая гневом, послушалась мужа. Алан и Диармид в испуге смотрели на родителей.

— «Горячо возлюбленные чада мои, — начал читать проповедник, — с великой печалью я нарекаю Туана и Катарину, бывших короля и королеву этой страны, еретиками, противниками Слова Божия и Церкви Грамерая, и потому отлучаю их от всех богослужений и церковных таинств».

На этот раз ответом проповеднику был уже не ропот, а рев. Даже лакеи стали отсаживаться подальше от Туана и Катарины. Бледная как плат Катарина вскочила, сжала кулаки. Туан поднялся, встал рядом с женой.

— «Бывшие»! — мрачно выкрикнула королева. — Как он смеет называть нас «бывшими»!

Но проповедник замахал руками, прося тишины.

— ...дослушайте же до конца, прошу вас! — крикнул он. — Далее его преосвященство пишет: «Призываю всех добрых и праведных людей, кто в душах своих верен Господу нашему, оставить этих мнимых правителей и прийти ко мне в Раддигор, в мою обитель, и объединиться в священном походе против этих еретиков, которые тирания наш прекрасный остров Грамерай!»

Тут уж и Туан не выдержал и в ярости выкрикнул:

— Ты все прочел?

— «Ваш во Христе, — холодно и быстро прочел проповедник. — Джон Виддеком, милостью Божией архиепископ Грамерайский».

— Вернее было бы сказать «своей собственной милостью»! — прогремел Туан. — Если ты все сказал, то тебе, несомненно, следует покинуть этот собор и более не слушать мессу!

— Конечно, я не останусь рядом с еретиками, — промямлил проповедник и скатал пергаментный свиток дрожащими руками. — Можешь заткнуть мне рот, если жела-

ешь, Туан Логир, но тысячи монахов отрекутся от тебя по всей стране!

— А я знаю некоторых, кто так не поступит! — выкрикнул в ответ Туан, с трудом сдерживая злость. — Прищурившись, он обратился к сенешалю: — Сэр Марис! Скачите во весь опор к монашеской обители, что неподалеку от города, да разыщите отца Матфея Бокильву. Уговорите его отслужить мессу в Раннимеде! — Туан посмотрел на Катарино и сказал более мягко: — Вот теперь я без зазрения совести «использую» этих добрых людей.

Глаза Катарини вспыхнули благодарным огнем. Она крепко сжала руки мужа.

Заложники-аристократы вернулись в зал. Как ни странно, никто из них в этот день не был склонен к препалкам и дракам. Молодые дворяне расселись вокруг стола с мрачными лицами и обменялись затравленными взглядами. Все молчали — может быть, потому, что Огюста за столом не было. Он утешал свою невесту.

Наконец тягостное молчание нарушил Мадджоре.

— Милорды, это война.

Гибелли сокрушенно кивнул:

— А как же иначе, если архиепископ отлучил короля от Церкви?

— Но яснее ясного, что Рим короля от Церкви не отлучил, — заметил Честер. — И что теперь у нас будет не один орден Святого Видикона, а два.

— Верно. Римский орден и Грамерайский. Проклятие! — Маршалл в отчаянии развел руками. — Но как же может быть два святых Видикона, если только один из них погиб как великомученик?!

— Духовенство раскололось, — проворчал Глазго. — Какие же мы идиоты, что раньше этого не заметили.

— Мой отец воевал на стороне архиепископа, — мрачно буркнул Маршалл. — Вообще-то я думал, глядя на отца,

что архиепископ прав в своем желании перемен в стране и что их величества в упрямстве своем заблуждаются.

— Верно, — кивнул Грээ. — Но если священник, верный архиепископу, отказывается служить мессу в присутствии короля и королевы, то отец Бокильва с превеликой охотой и мессу отслужит, и даст им причастие...

— Вот-вот, — прошептал Гибелли. — Так кто же настоящий еретик, спрашивается? Король или архиепископ? — Он развернулся и наставил указательный палец на д'Огюста, который в это самое мгновение вошел в зал. — Ну, разгадай для меня эту загадку, а? Ты, считающий себя всезнайкой, — скажи мне! Кто более верен Господу — его величество или его преосвященство?

Д'Огюст от неожиданности замер. Овладев собой, он подошел к столу и задумчиво сдвинул брови.

— Помнится, прежде этого человека именовали «его милость»... Нет, я бы не стал его так называть. Какая уж тут милость, когда он посеял такую сумятицу в стране! Но для нас, милорд, вопрос должен стоять иначе: на чьей стороне мы выступим в поход? Пойдем ли мы с королем или с...

— Или с нашими могильщиками, — негромко подсказал Грээ.

Все молчали и глядели друг на друга. Вдруг они, не сговариваясь, подумали о том, что смертны и что любой из них может погибнуть во цвете лет, на чьей бы стороне ни оказался.

— Кто принял сторону Церкви? — негромко спросил Глазго.

— Твой отец, герцог Стюарт, — ответил Гибелли. — И мой отец тоже. К ним присоединились граф Маршалл и граф Борджия.

Не сказать, чтобы это известие вызвало у кого-то из молодых людей облегчение, но некоторые из них согласно

кигнули. Было ясно, что слышали они именно то, чего ожидали.

— Что до меня, — медленно проговорил Гибелли, — то если мой отец и господин мой даст мне свободу выбора, то мне все равно. — Он сглотнул подступивший к горлу ком. — По крайней мере я его ни в чем не виню. Справедливо и почетно защищать свои права на собственные владения. Не сомневаюсь: моя смерть нанесет ему жестокую рану в самое сердце и раздует пламя мести. Он будет вдвойне готов свергнуть этого выскочку Логира. И это будет благо как для семейства герцогов Савойских, так и для всего Грамерая.

В зале стало тихо.

А потом слово взял Гвельф:

— Ты прав. И я то же самое думаю о себе и моем отце. Но как быть с нашими душами? Что, если отец Бокильва прав, а архиепископ ошибается?

— Вот-вот, — мрачно подхватил Гибелли. — У меня нет ни малейшего желания терпеть вечные муки только из-за того, что мой отец примкнул к церковнику-еретику.

— И все же, — рассудительно проговорил Честер, — не исключено, что прав архиепископ. Что вы об этом скажете? Тогда нам, принявшим сторону Рима и короля, предстоит до скончания веков гореть в аду.

— Ой, кто бы переживал! — взорвался Гибелли. — Ты еще успеешь тридцать три раза во всем разобраться до Страшного Суда, можешь не сомневаться! Ты узнаешь, чем закончится эта ссора и какая из Церквей истинная. У тебя будет время покаяться и очиститься, если потребуется! Но мы, дети мятежных лордов, сразу отправимся за решетку, как только его величество оседлает коня.

— Верно, у меня будет время для этого, — отвечал Честер, не отводя глаз от Гибелли. — Если меня не убьют на поле боя.

Гибелли умолк.

Молодые лорды долго сидели в безмолвии. Слова Честера повергли их в страх.

Но вот наконец Гвеот не выдержал. Он хлопнул ладонью по столу и прокричал:

— Что же мы за горстка трусов! И какие мы пустоголовые тупицы! Сидим тут и содрогаемся от каких-то словесных перепалок между бритоголовыми церковниками! Да какая разница, кто из них прав, а кто — нет? Бог есть Бог, и его им не изменить!

— Отважные речи, — с горечью пробормотал Глазго. — Готов ли ты повторить все это — слово в слово, когда тебя поведут в темницу?

— Он прав, — сказал д'Огюст, который наконец занял свое место за столом. — Мы лорды Грамерая, правители своих уделов в этой стране. Мы отлично знаем, как действует власть. Так неужели мы не увидим и в том, что происходит ныне, проявлений борьбы за власть?

Лорды примолкли, удивленно переглянулись и мало-помалу начали понимающе кивать.

— И верно — это всего-навсего борьба за место под солнцем, — по-волчьи оскалившись, заявил Гвельф.

— Ну, тогда давайте и будем все это с этой точки зрения рассматривать, — предложил д'Огюст, склонился к столу, облокотился и, глядя на Гибелли, покачал указательным пальцем. — Но подумайте вот о чем, милорд: если бы случилась война, а мы бы пожелали позаботиться о том, чтобы наш род не прервался, — как бы мы поступили?

— Ну... — Гибелли непонимающе уставился на д'Огюста, но через пару секунд сдвинул брови и ответил: — Мы бы позаботились о том, чтобы на каждой из сторон воевал один из наших сыновей.

— Совершенно верно! — довольно хлопнул по столу д'Огюст. — Так поступали наши предки в незапамятные времена, как только двое великих лордов вступали в сражение за наследование престола. Так что, милорд, смело

выступайте на стороне короля и сражайтесь, если придется, и тогда вы унаследуете отцовский титул и владения, если его величество победит.

Гибелли изумленно вытаращил глаза и с сомнением сдвинул брови.

— Какой бы еще совет ты мог мне дать, если ты — приверженец короля? А впрочем... Разве тебе нет резона сразиться против меня?

— Не скрою, есть такой резон. И все же я предпочел бы увидеть тебя на поле боя — на любой стороне, — нежели здесь, где твоя голова может оказаться в корзинке.

— Ну а если наши отцы победят? — спросил Глазго.

Гибелли резко повернулся к нему.

— Ты что, совсем слабоумный? Они поймут, почему мы сражались на стороне короля, потому что не хуже нас знают историю наших родов и то, как поступали наши предки во времена гражданских войн. Разве не всегда так бывало, что семейство, имевшее двоих сыновей, отправляло воевать по одному на каждую сторону? Одного — к владыке, другого — к мятежнику!

— Все так, — согласился Глазго. — Ты прав. Конечно, наши отцы простят нас за эту невольную измену.

— Точно. А нам удастся сберечь головы на пле... — Гибелли вдруг замер. — Господи, каким же подлым трусом я стал, если жизнь для меня дороже чести! — Он зыркнул на д'Огюста. — Вы все сказали верно и рассудительно, милорд, да только я теперь понял, что это была всего лишь хитрая уловка, чтобы заставить меня изменить моему отцу, моему роду и всему дворянству! Но я тебя насквозь вижу, миротворец несчастный. Не миротворец ты, а искуситель, всегда готовый занять сторону победителя! Отойди от меня, сатана!

— Я всего лишь старался принять благоразумное решение, — негромко возразил д'Огюст.

— За твоим благоразумием кроется измена! Вот почему на самом деле ты так ратуешь за Туана Логира, да?

— Нет, — ответил д'Огюст.

— Но как же это? — Архиепископ развернулся и наставил на своего секретаря указующий перст. — Ты убеждал меня в том, что наша братия сможет заставить народ взбунтоваться против короля, а теперь чародеи короля противостоят каждому шагу наших чародеев, да еще и настраивают народ против монахов!

Он стоял спиной к окну в своем солярии. Солнце светило ярко, но лицо архиепископа оставалось в тени. Однако это грозное зрелище не устрасило брата Альфонсо. Более того: он с большим трудом удерживался от того, чтобы не выказать испытываемое им презрение. В конце концов он проговорил миролюбиво:

— В начатой игре, милорд, это вполне резонный шаг. Так что нам нужно всего-навсего сделать шаг ответный.

— Это какой же? Борьба с борьбой? Ты говоришь загадками, брат Альфонсо! Как же это возможно?

— Возможно, если обрушить их удары на них самих, милорд. Они желают поднять народ против духовенства, а мы еще легче сумеем поднять народ против колдунов и ведьм!

Архиепископ поднял голову. Взгляд его стал испуганным.

— Если весь народ ополчится против чародеев, — продолжал брат Альфонсо, — король вряд ли отважится пользоваться их услугами, иначе их растерзают разгневанные толпы.

— И это было бы мудро с его стороны, — невесело заметил архиепископ. — Толпа и в самом деле готова, того и гляди, восстать против чародеев. И тогда мы снова увидим, как людей сжигают на кострах или хоронят, проткнув сердце осиновым колом.

Брат Альфонсо пожал плечами:

— Таковы издержки.

— Издержки! Теперь благодаря моему сверхизобретательному советнику народ ополчится против нашего ордена! Против самого монастыря!

— А я думаю, этого не случится, — с кислой усмешкой отвечал брат Альфонсо. — Есть способ добиться нашей цели без особых сложностей. Мы могли бы доказать, что Зло сеют не чародеи вообще, а только те, что служат королю.

Архиепископ нахмурился:

— Это каким же образом мы могли бы такое доказать?

— Отлучив от церкви их предводителей. — Брат Альфонсо злорадно улыбнулся. — Объявите еретиками лорда Верховного Чародея и его женушку.

— У тебя есть какая-то особая причина посетить деревню под названием Мольтрейн, Род?

Спору нет — есть нечто необычное в том, чтобы твое транспортное средство интересовалось мотивом его использования, но Векс для Рода был исключением. И Род для Векса тоже.

— Официально — за колбасой к обеду, — ответил Род. — По крайней мере так я сказал Гвен.

— А она не поинтересовалась, почему ты не захотел поехать за колбасой в Раннимед? Там ты мог бы купить ее в любом трактире, а расстояние почти такое же.

— Нет, не поинтересовалась, а это значит, что она поняла: мне нужно некоторое время побыть одному.

— Дорога до Мольтрейна и обратно займет не более часа, Род, даже если я буду плестись шагом.

— Этого вполне достаточно. Мне и самому не хочется дальше оставаться вне дома. Между нами, Векс... Должен признаться, этот треклятый конфликт заставляет Гвен нервничать гораздо сильнее, чем любое из сражений, которые нам доводилось переживать прежде.

— Хочешь сказать, что это связано с ее религиозными убеждениями?

— Ну да. Похоже, как раз поэтому. А я и не подозревал, что они у нее вообще есть.

— Несомненно, она хорошо их скрывала, Род, — берегла твои чувства.

Род нахмурился и уставился в затылок Векса.

— Что ты имеешь в виду?

— Она понимает, что ты испытываешь неприязнь к внешним проявлениям религиозного чувства, Род, к ритуалам и таинствам, и потому старается сдерживать себя.

Род вытаращил глаза.

— Род?

— Да здесь я, здесь. Векс, я вовсе не испытываю отвращения к литургии — мне просто религия не по сердцу!

— Тебя растили католиком, Род, а когда к вере приобщаются в детстве, она потом никогда не покидает человека окончательно.

— Ну да, раннее промывание мозгов... — Род поежился. — Ну ладно, признаюсь: как подумаю про загробную жизнь, так вспоминаю, что я — католик и что надо играть по правилам.

— Более того, Род. Ты носишь маску агностика, но на самом деле ты глубокорелигиозный человек.

— Что за чушь? Да я даже не уверен в том, кем был Христос!

— Это не мешает тебе верить в него.

Род сдвинул брови:

— Между прочим, я и обидеться могу.

— Понимаю. Но ты отлично знаешь, что я не желал тебя обидеть — это не заложено в моей программе. А вот та программа, что заложена в тебе, это продукт Церкви.

— Не из-за этого ли я какое-то время ненавидел ее по настоящему?

— Вероятно. Но это лишний раз подтверждает мою точку зрения. Ты противился религии, Род, ты отвергал ее — но никогда не был к ней безразличен.

К счастью, как раз в это время и конь, и его всадник услышали неподалеку тревожный звон церковного колокола.

Род придержал поводья.

— Звонят в Мольтрейне. Что там стряслось? Потоп? Пожар?

Векс поднял голову:

— Мои датчики не улавливают никаких продуктов горения, Род, так что это явно не пожар. А дождя не было две недели.

— Значит, кто-то напал на деревню. Скачи галопом, Векс! Быть может, людям нужна наша помощь!

Однако сцена, разыгрывавшаяся на площади деревушки Мольтрейн, выглядела вполне мирно. Крестьяне сгруппировались около паперти. Туда же бежали несколько припозднившихся крестьян с поля. Поравнявшись с первыми домами, Род придержал Векса и нахмурился.

— Весь трезвон только ради этого? Кто же он такой — этот монах, который кричал «волки»?

— Он что-то читает вслух, Род. Вероятно, это какое-то важное сообщение.

— Опасаюсь я церковных сообщений в наши дни, — вздохнул Род, повернул камень в своем перстне и нацелил его на проповедника. Камень представлял собой хитро замаскированный микрофон дальнего радиуса действия, а в замысловатой оправе перстня прятались усилитель и передатчик, от которых сигнал поступал к наушнику, имплантированному в кость за ухом у Рода.

— Включай усилитель, Векс. Я хочу, чтобы ты тоже послушал.

— «...изменник перед лицом Святой Матери Церкви, — читал священник с пергаментного свитка, — неверный и

неверующий. Он упражняется в своем искусстве, противореча воле Божьей и учению Грамерайской Церкви. Поэтому мы провозглашаем еретиками Рода Гэллоугласса, называющего себя лордом Верховным Чародеем, а также его жену Гвендилон и отлучаем их от Церкви Грамерайской и запрещаем им посещать любые богослужения. Долее не в нашей власти покрывать их и оборонять от сетей диавола. Ваш во Христе Джон Виддеком, архиепископ Грамерайский».

Священник дрожащими руками свернул пергамент, а крестьяне встревоженно загомонили.

Род только и сумел вымолвить:

— Слушай, а ведь мне придется рассказать про это Гвен...

— Ты должен рассказать ей, Род. Сам. И надеюсь, ты успеешь сделать это до того, как эту весть ей доставит кто-нибудь еще.

— Да. — Род хмуро обвел взглядом толпу. — Не хотелось бы огорчать ее лишний раз, но ощущение у меня такое, что с колбасой придется подождать.

— Я проклята! Я обречена на вечные муки в аду!

— Да нет же, милая, — умоляюще проговорил Род и опустился на колени рядом с женой. — Это всего лишь набор слов!

— Набор слов? То, что написал архиепископ? О нет, нет! Не прикасайся ко мне! Это ты довел меня до такого, ты и твоя гордыня, которая не позволяет тебе склониться перед служителем Бога! Нет!!!

— Но я не менял своих убеждений!

— И все же тебя отлучили от Церкви! А вместе с тобой меня! — Гвен отвернувшись, закрыла лицо руками. — Мы отлучены! Мы больше никогда не получим причастия! Никогда не будет с нами милости Господней! О, много раз ты приносил мне горе, Род Гэллоугласс, но такого — еще ни разу!

— Да не я принес тебе это горе, а...

— Тебя отлучили! Тебя!!! А меня — заодно с тобой, потому что я — твоя жена! Хотя я должна покаяться в том, что также грешна перед Церковью, потому что помогала их величествам бороться с архиепископом! О, какая я страшная грешница!

— Да ты *героиня*! — не выдержал Род. — Сколько раз только ты и стояла как стена между бедными, ни в чем не повинными людьми и людьми алчными и самовлюбленными, желающими втоптать первых в грязь!

— Нет! Я не могу быть хорошей, если священники так жестоко меня наказывают!

— Но ты не бунтовала против Церкви, ты ни в чем перед ней не виновата. Ты просто шла за мной туда, куда я тебя вел!

— Вот-вот! Стыд мне и позор, что я так поступала! Это моя душа, только моя, и только мне решать, за кем идти — за тобой или за Господом! Как же я могла быть так слепа, что не увидела, как ты тащишь меня в сети дьявола!

— Это архиепископ всех тащит в эти самые сети! — взорвался Род. — И ты это прекрасно знаешь! Ты отлично видела, как он шаг за шагом уходил от Папы, к тем самым грехам, которые он запрещает другим!

Гвен умолкла и замерла — бледная как мел.

Род не знал, как поведет себя жена дальше, но он обязан был что-то предпринять.

— Ты так же праведна, как любой из людей! Ты спокойна, терпелива, добра, ты умеешь жертвовать и любить! Ты ни разу в жизни не поколебалась и не оступилась в своей любви к Господу! Никогда — сколько я тебя знаю — ты не сделала ничего такого, против чего выступает Церковь!

— Я брала в руки оружие, — прошептала Гвен. — Я гневалась и во гневе сражалась. Я убивала людей.

— Но только ради того, чтобы защитить тех, кого хотели убить! И только тогда, когда для тебя существовал выбор, какой из двух заповедей последовать. О, верно, бывало и так, что тебе случалось выйти из себя, но только святой сумел бы вечно сохранять терпение с четырьмя нашими сорванцами. Да святой бы к ним и близко не подошел!

Гвен молча смотрела на Рода. Молчание затянулось так надолго, что Род уже испугался за жену, но больше ничего сказать не решался. Он сказал все, что мог. Скажи он еще хоть слово — и он мог бы оттолкнуть Гвен от себя навсегда.

И тут у нее задрожали плечи.

«Она смеется? — в страхе подумал Род. — Или плачет?»

Губы у Гвен скривились, и она расхохоталась.

Род чуть было чувств не лишился.

Заливисто смеясь, Гвен опустилась на стул. Дом огласился ее веселым хохотом. Род и сам против воли расхохотался до слез. Пошатываясь, он подошел к Гвен, опустился на колени, раскинул руки, и Гвен упала в его объятия. Еще несколько минут супруги не могли унять приступ смеха.

Наконец они успокоились. Гвен утерла слезы и выдохнула:

— Ой, как глупо, правда? Я ведь прекрасно видела, как этот священнослужитель падает в бездну греха, и вдруг стала прислушиваться к его речам!

— Он сам себя подверг анафеме, — заметил Род, — когда отделился от Рима. Так что он и есть еретик, и погряз в этом по уши.

— Верно, — кивнула Гвен. — Римская Церковь объявила бы его еретиком, правда?

— И сам Папа, и вся коллегия кардиналов, — заверил жену Род. — Ну и кто же, спрашивается, ты такая, если еретик объявляет тебя еретичкой?

— Одна из истинно верующих, несомненно, — взволнованно проговорила Гвен, но тут же помрачнела. — Мы

по-прежнему принадлежим к Римской Церкви, господин мой, не так ли?

— Конечно, — кивнул Род. — Мы от нее не отрекались.

— И без сомнения, это были происки лукавого — он пытался сбить меня с пути истинного, — с горечью проговорила Гвен. — Если бы не ты, супруг мой, я бы точно угодила в его сети.

— О нет, я не заслуживаю твоих похвал...

— Перестань, — оборвала его Гвен. — Помимо прочих добродетелей, тебе не откажешь в скромности. И как только я могла назвать тебя грешником?

— М-м-м...

— Помолчи, пожалуйста, — снова решительно прервала Рода жена. — Если ты сам не желаешь перечислять свои добродетели, это сделаю я. Но, господин мой... — Она повернула к нему голову, нахмурилась и озадаченно произнесла: — Как же нам понять, где истина, когда обе Церкви утверждают, что они лучшие, единственные и истинные? И как нам понять, кто прав: тот, что утверждает, что мы прокляты, или тот, кто говорит, что это не так?

— Я бы сказал, что это Богу решать, — негромко отозвался Род.

— Конечно, и я так думаю, но все же — как нам это понять?

— А так же, как понимают Божью волю церковники: надо постараться прислушаться к Господу. Ну а на тот случай, если ты не услышишь его глас, можно просто-напросто спросить у своей совести. Ну вот скажи, разве в глубине сердца ты действительно считаешь себя закоренелой грешницей?

Гвен молчала. Род затаил дыхание.

— Быть может, я грешила в юности, — наконец ответила Гвен. — Хотя, я так думаю, наши детки помогли мне сполна искупить те грехи.

Род облегченно вздохнул:

— Получается, что грешны не мы, а архиепископ и его приспешники.

— Верно, он грешит, и притом очень тяжело, — тем, что, отделившись от Рима, принес такое смятение в наши души. — Гвен широко раскрыла глаза. — Неужели я вправду это сказала?

— Не переживай, — успокоил ее Род.

— Не буду, — решительно кивнула Гвен. — Но теперь, господин мой, на взгляд нашего архиепископа, я точно — еретичка.

— Только в Грамерае, милая, — утешил жену Род. — И только в пяти графствах.

— Вот не думал не гадал, что она так близко примет это к сердцу. — Род сокрушенно покачал головой.

— А как же иначе, Род? Ведь она, в конце концов, средневековая женщина.

— Ну да, да, — согласился Род и сдвинул брови. — Порой я забываю об этом, потому что она так умна, сообразительна и серьезна. Все, чему бы я ее ни обучал, она так легко схватывает, и для страны делает не меньше меня, и...

Векс издал скрежет — так человек бы кашлянул, прочищая горло.

— Ну, понятно. Я был в таком восторге от ее способностей, что ухитрился забыть, в каком мире мы живем. — Род покачал головой, поджал губы. — Но согласись, меня можно понять.

— Понять можно. Но Гвен родилась и выросла в средневековом обществе, Род, а то, что заложено в детстве, носит фундаментальный характер. Эти привычки, эти взгляды всегда лежат в основе личности.

— Верно, — кивнул Род. — Нечего удивляться тому, что на несколько минут она потеряла рассудок. Хорошо еще, что потом снова обрела.

* * *

Архиепископ сидел за столом в скриптории и писал указы о назначении епископов. Он, улыбаясь, выводил буквы на пергаменте, торжественно обмакивал перо в чернила и размашисто ставил свою подпись.

— «...с этих пор назначаешься епископом Стюартским и будешь рукоположен в аббатстве обители Святого Видикона в урочное время. А до тех пор опекай свою паству со всем тщанием и ведай их истинным путем нашей Церкви. Джон Виддеком, архиепископ Грамерайский».

— Теодор Орбиз, епископ Стюартский, — проговорил он, посыпая исписанный пергамент песком.

Брат Альфонсо аккуратно вписал имя отца Орбиза в реестр епископов.

Архиепископ стряхнул песок с пергамента, скатал его в свиток и передал бледному и растерянному брату Анхо. Тот капнул на край свитка расплавленным воском, протянул архиепископу, и тот приложил к воску свой перстень с печатью. Затем он обернулся и уложил готовый свиток к еще нескольким, приготовленным для гонца, после чего взял чистый лист пергамента.

— Так... Кто служит капелланом у герцога Тюдора?

— Отец Грегори Маккензи, — ответил брат Альфонсо.

— «Преподобному Грегори Маккензи, — написал архиепископ. — Во имя Господа нашего, приветствую тебя. Зная тебя как истинного приверженца правой веры...»

Отец Маккензи, хмуро сдвинув брови, развернул свиток.

— Что такого желает сказать мне его преосвященство, брат Лайонел, чего нельзя передать на словах?

Гонец поставил на стол кружку и отер с губ пивную пену.

— Не знаю, святой отец. Мое дело было доставить вам этот свиток.

— «Преподобному Грегори Маккензи...», — начал читать священник, и чем дальше читал, тем шире раскрывал глаза. Когда он закончил чтение, глаза у него заблестели, а губы так задрожали, что он даже улыбнуться смог с большим трудом. — Благодарю тебя за хорошие вести, брат, — пробормотал он. — Не откажешься ли доставить весть от меня всем приходским священникам герцогства Тюдорского?

— С вами желает поговорить отец Орбиз, милорд.

— Священник? — Граф Стюарт провел ладонью по гриве своего нового каракового жеребца и недовольно нахмурился. — Чего ему нужно?

— Он не говорит, милорд. Но он бледен, как покрытый снегом холм.

Стюарт отвел взгляд от коня и медленно развернулся.

— Пусть подойдет, — распорядился он, вышел из стойла и встал в проходе, подбоченясь. Конюх запер дверцу стойла. — Да спасет вас Господь, святой отец, — приветствовал священника граф.

— И вас, милорд. — Старик действительно был бледен как снег. Дрожащими руками он протянул графу свиток пергамента. — У меня тут... послание от милорда архиепископа.

Стюарт приосанился:

— Прочти.

Священник со вздохом развернул свиток. Он знал, что Стюарт так и не научился читать.

— «Преподобному Акселю Орбизу от его преосвященства Джона Виддекома, милостью Божьей архиепископа Грамерайского...»

Закончив чтение, он скатал свиток, постарался встать прямее и робко посмотрел в глаза графа Стюарта.

— Ну что ж, — с натянутой улыбкой проговорил граф. — С этих пор ты — мой епископ. Поздравить тебя с этим назначением?

— Нет, — покачал головой отец Орбиз. — Ибо я не могу его принять.

Граф перестал улыбаться. Несколько мгновений они со священником стояли и молча смотрели друг на друга. Затем граф поинтересовался:

— Почему ты не можешь его принять?

— Потому что я не могу по здравом размышлении отречься от Римской Церкви.

Взгляд графа Стюарта стал суровым, глаза — похожими на две льдинки.

— Что-то прежде я за тобой такого не замечал, — проговорил он.

— К стыду моему, — признал старик священник, — я долго медлил, надеясь на то, что его милость откажется от своей гордыни и тщеславия, однако он укрепился в них. Теперь же я вижу, что более не могу молчать.

Граф медленно кивнул:

— И стало быть, ты более не можешь оставаться капелланом в моем графстве. — Он повернул голову и велел стражнику: — Отведите отца Орбиза в самую хорошую из наших темниц.

Молодой стражник побледнел, но исполнил волю своего господина.

Прозвенел алтарный колокол, и герцог Тюдор опустился на колени. Началась утренняя месса. Но когда герцог поднял голову, ему довелось испытать недюжинное потрясение. В алтаре, как обычно, стоял отец Маккензи, но он держал епископский посох, а голова его была увенчана митрой.

— *Dominus Vobiscum* *, — произнес священник нарастающим тоном. — Прежде чем начать мессу, я прошу вас возрадоваться вместе со мной, ибо властью нашего достослав-

* Господь с вами (лат.).

ного архиепископа отныне я буду носить высокое звание епископа Тюдорского.

Он воздел руки вверх, однако не дождался радостных криков, поскольку герцог Тюдор не сдвинулся с места. Он побледнел и, весь дрожа от праведного гнева, процедил сквозь зубы:

— Преподобный отче, аббат Виддеком не имеет права назначить вас епископом, потому что не имеет такой власти. Папа не провозглашал его архиепископом.

— И я так думал, милорд, — отозвался священник, глядя на герцога и чуть-чуть запрокинув голову. — Однако теперь я убедился в правоте его деяний.

— Ну, само собой — после того, как он назначил вас епископом! Нет уж, в своих владениях я не потерплю никакой Грамерайской Церкви! Более вы не будете служить здесь капелланом.

— Милорд, но не вам решать, кто...

— Сэр Виллем! — рявкнул герцог. — Возьмите шестерых стражников и сопроводите этого дерзкого монаха со всеми почестями к восточной границе, дабы он мог перейти во владения герцога Медичи! Там его примут со всем гостеприимством, поскольку герцог — приверженец Грамерайской Церкви.

Сэр Виллем вытянулся по струнке, знаком подозвал стражников, и они окружили капеллана. Тот в ужасе смотрел на них. Стражники вывели его из часовни, а герцог развернулся к сенешалю.

— Пошлите за графом Рисом. Пусть отправит сюда отца Глена.

— Габсбург! Тюдор! Романов! Раддигор! — Архиепископ в сердцах швырял на стол свиток за свитком. — Раддигор, даже *Раддигор*! И это при том, что наша обитель находится во владениях баронета! Никто из этих дерзких дворян не согласился с моим назначением епископов!

— О да, это непростительная дерзость, — прошипел брат Альфонсо, — и все же она меркнет в сравнении с той, какую проявили священники, самолично отказавшиеся от назначения!

— Ты называешь их дерзкими? О нет, они попросту еретики! И потому заслуживают того, чтобы я вышвырнул их из ордена и лишил духовного сана! Составь соответствующий указ, брат Альфонсо, и я подпишу его!

— Немедленно составляю, милорд, — с готовностью откликнулся секретарь. — Однако приободритесь: епископ Маккензи и епископ Фогель присягнули на верность вам.

— О да, но только потому, что польстились на епископские жезлы! И все равно они повели себя достойно. Жаль только, что их воле не покорились господа. — Архиепископ сокрушенно покачал головой. — Признаться, я бы предпочел, чтобы лорды засадили их обоих в темницы. Вероятно, тогда паства взбунтовалась бы.

— Их светлостям хватило ума только выслать епископов из своих владений, — с сожалением подтвердил брат Альфонсо.

— Да, и вот теперь Маккензи и Фогель снова среди нас, — кивнул архиепископ и нахмурился. — Но они сохраняют свой титул и станут епископами в изгнании. И... — Он медленно запрокинул голову, и его губы тронула улыбка. — И давай-ка на места раскольников назначим отвергнутых епископов: пусть вся страна знает о том, что они еще вернутся!

— Превосходная мысль, милорд! — На самом деле мысль была настолько превосходна, что брат Альфонсо занервничал. Архиепископ не должен был думать самостоятельно. — И она тем более хороша, что эти двое епископов станут еще более верными и преданными вашими сторонниками. Кого вы выберете, милорд?

— Отца Ригория, — медленно проговорил архиепископ. — Отца Хасти... А также отца Самиздата, отца Рома и отца Рона...

16

Род вышел из дома и, подняв голову, залюбовался ночным звездным небом. Эта величественная картина заставила его подумать о том, как мелки в сравнении с бесконечностью все глупые ссоры и потуги ничтожных смертных.

Увы, долго размышлять на эту тему ему не пришлось.

Прямо рядом с ним, как из-под земли, выскочил эльф.

— Лорд Чародей! Тебя зовут монахи, что поселились в доме на лугу!

— Отец Бокильва? — уточнил Род. — Что там еще?

— Я не знаю. Просто он вышел на порог и прокричал: «Маленький Народец! Если вы слышите меня, позовите лорда Верховного Чародея!»

— Ага. Вот как. — Род кивнул. — Интересно. Практичность возобладала над богословием. Ведь вы, эльфы, — из области суеверий, но когда вы ему стали нужны до зарезу, он вас позвал. Что тут скажешь. Ведь орден Святого Видикона ведет свое начало от иезуитов. Ладно. Скажи ему, что я сейчас приду.

Род свернул на дорожку, что вела к обители, и увидел спешащего ему навстречу с фонарем в руке отца Бокильву. Вернее, поспешность выражалась скорее во взгляде священника, а шел он медленно, подлаживаясь к поступи тучного мужчины, шагавшего рядом с ним. Тот был одет несколько странно для катодеанца, да и по грамерайским меркам необычно. На нем была черная сутана... с римским воротничком.

Род остановился. Система его психологической сигнализации заработала на полную мощность. Этот человек явно прилетел с другой планеты.

Но тут он вспомнил о том, что этот незнакомец — тоже священник, и уж если он даже не пытался замаски-

роваться, то, следовательно, скорее всего был другом, а не врагом.

— Добрый вечер, — сказал Род. — Я за вами посылал?

Отец Бокильва ахнул, а незнакомец весело сверкнул глазами.

— В некотором роде посылали. Вот только ваше послание вышло на редкость кратким. Вы, насколько я понимаю, Верховный Чародей?

— Да, меня так называют, хотя с духами у меня меньше общего, чем у вас. — Род протянул священнику руку. — Род Гэллоугласс, святой отец.

— Приятно познакомиться, — сказал тот, пожал руку Рода тепло и крепко и улыбнулся шире. Фонарь качнулся и лучше осветил лицо неожиданного гостя. Род разглядел его коротко стриженные седеющие волосы и аккуратную седоватую бородку. — Но как вы угадали, что мне доводится общаться с духами?

— Без труда. Ведь вы священник. Служите мессу не реже одного раза в день и потребляете не менее одной столовой ложки вина. Не говоря уже о прочих духах...

— Благодарю вас, я постараюсь воздержаться от общения с ними. Меня зовут Мак Ги.

— Преподобный Моррис Мак Ги, — торжественно добавил отец Бокильва. — Глава нашего ордена!

Род замер, не сводя глаз со священника.

— Похоже, вы явились в ответ на мою молитву, которую я даже не успел произнести до конца.

— Насколько мне помнится, эта молитва скорее напоминала угрозу. Его святейшество милостиво прочел мне ваше донесение. — Мак Ги посмотрел на отца Бокильву. — Если не возражаете, святой отец, мы воспользуемся гостеприимством вашей обители на несколько часов.

— Конечно, конечно, ваше преподобие. Наш дом — это ваш дом, и не только на словах. — Отец Бокильва, торжественно выпрямившись, развернулся к обители.

Род обратил внимание на то, что в голосе настоятеля прозвучали недовольные нотки. Шагая рядом с Мак Ги, он прошептал тому на ухо:

— Не пойму, на кого он сердится? На меня или на вас? Мак Ги весело глянул на Рода.

— Верно подмечено, лорд Чародей, очень верно! Пожалуй, я веду себя несколько неформально — на вкус отца Бокильвы.

Род кивнул:

— В конце концов, для него вы — фигура почти легендарная. Могли хотя бы оказаться высоким, стройным и суровым.

— О! Да-да, вы правы, надо постараться. — Отец Мак Ги приосанился, скорчил свирепую гримасу, но через несколько шагов расслабился и глянул на Рода. — Что-нибудь в этом духе?

Род поднял вверх большой палец.

— Точно. Лучше не бывает.

— Спасибо вам за совет, — усмехнулся Мак Ги. — Думаю, мы с вами подружимся.

Монахи передвигались по обители как во сне, но стоило им бросить взгляд на главу ордена, как глаза их наполнились преклонением и даже страхом.

— Они привыкнут ко мне, — сочувственно поглядывая на монахов, негромко проговорил Мак Ги. — Нельзя было так долго оставлять их без соприкосновения с остальными членами ордена, лорд Чародей.

— Зовите меня просто «Род», пожалуйста.

— Нет, я лучше буду называть вас «лорд Чародей». Мне нужно привыкнуть к здешней атмосфере, и как можно скорее.

Род кивнул:

— Как пожелаете. Но если ситуация представилась вам настолько неотложной, почему же вы не прилетели раньше?

— Ах! Как только отец Ювелл прислал мне сообщение, я тут же принялся улаживать свои дела. Но поймите — пятьдесят приходов на самых разных планетах, и везде проблемы... А судя по отчету отца Эла, тут, на Грамерае, все было не так уж плохо. — Отец Мак Ги покачал головой. — Мне следовало догадаться, что если аббат уже предпринимал попытку противопоставить себя королю, он может сделать это снова.

— Не стоит слишком сильно винить его. Я почти уверен в том, что дело не только в нем. Вряд ли бы он сам додумался до всего, что творит.

— О? — Мак Ги зорко посмотрел на Рода. — И как вы думаете, кто бы стал ему помогать?

— Секретные агенты. — Род ответил священнику столь же пристальным взглядом. — У меня есть основания предполагать, что две независимо действующие инопланетные организации пытаются свергнуть законную власть и захватить эту планету, святой отец. И я так думаю, одна из этих организаций в итоге вышла на аббата.

Мак Ги кивнул, не отводя глаз от Рода.

— Если бы я не знал, что вы — агент АБОРТа, я бы решил, что у вас паранойя.

— А зачем сомневаться? — Род пожал плечами. Осведомленность отца Мак Ги вызвала у него неподдельное уважение. — Я вполне могу быть параноиком, оставаясь агентом.

— Это верно, — согласился священник. — Тем не менее Виддеком объявил о схизме, лорд Чародей, и Рим искренне желает ликвидировать раскол.

— То есть вы хотите сказать, что для них сложившееся положение вещей нестерпимо? Но если так, святой отец, то единственный способ ликвидировать раскол состоит в том, чтобы избавиться от архиепископа.

— Аббата, — поправил его Мак Ги, покачав указательным пальцем. — Всего лишь аббата — не будем об этом

забывать. Грамерайская паства принадлежит Римской Церкви, чего бы им ни наговорила эта заблудшая душа.

— А грамерайские катодеанцы — часть вашего ордена? — улыбнулся Род. — И вы думаете, аббат смирится с этим, ваше преподобие?

— Смирится он или нет, это совершенно все равно. — Мак Ги решительно махнул рукой. — Я верю в своих монахов.

Род мог бы поспорить относительно того, чьи в конце концов монахи, но отношение Мак Ги к делу ему понравилось. Понравилось из собственных соображений.

— Однако большинство из здешней братии, похоже, готово с превеликой охотой последовать за аббатом по прямой и узкой дорожке. Вы уж простите меня, но, на мой взгляд, у них несколько недостает тех добродетелей, которые они сами столь старательно проповедуют.

Мак Ги поморщился:

— Не стоит судить их столь строго, лорд Чародей. Не забывайте: и аббат, и его приверженцы — всего лишь люди, а людям свойственно ошибаться. Слово Христово и его святые дары драгоценнее золота, но мы храним...

— ...эту драгоценность в земных сосудах, — закончил Род цитату и кивнул. — Да, да, святой отец, слова этой песни мне хорошо знакомы. Вот только почему эти сосуды так хрупки, ваше преподобие?

— Глина — хрупкий материал, — усмехнулся отец Мак Ги. Род нетерпеливо скривился:

— Знаете, святой отец, это смотря какая глина. Если бы я попытался обжечь горшок из плохой глины, он бы развалился на части в печи. Между прочим, меня так и подмывает засунуть в печку его милость, самопровозглашенного архиепископа.

— Терпение, лорд Чародей, терпение. — Мак Ги снова покачал указательным пальцем. — Та печь, то горнило, о котором вы говорите, предназначено только для одного-

единственного гончара — Господа нашего. И если аббат и его монахи ошибаются, они имеют право на покаяние. Мы еще можем придумать, как вернуть Виддекома и его сторонников в лоно Церкви.

— Желаю успехов, святой отец, — вздохнул Род. — Но надеюсь, вы простите меня, если я позволю себе сохранить скептическое отношение к этому вопросу. Жаждающий власти церковник в первую очередь жаждет власти, а уж потом думает о церкви. Да и о церкви он скорее думает как о средстве для достижения власти. Лично я вообще думаю, что духовенство взяло свое начало от главарей палеолитических племен.

Мак Ги покраснел, но насчет вежливости ничего не сказал.

— Почему палеолитических?

— Потому что неандертальцы, судя по всему, тоже хранили своих мертвецов, а вот насчет того, что их вожаки засаливали мясо на зиму, у меня большие сомнения. И уж конечно, вы признаете, что древнеегипетские жрецы, признав фараонов богами, фактически захватили власть.

— А, вот вы о чем! Точно так же можно утверждать, что власть захватила жрецов, — возразил Мак Ги. — Но вашу точку зрения я понял, лорд Чародей: когда соединяются Церковь и власть, результаты, как правило, оставляют желать много лучшего. Тем не менее вы должны согласиться вот с чем: несмотря на то что в монашеских орденх всегда попадались оппортунисты, существовали и многие истинно преданные делу верующие люди с талантом управленцев. Нет ничего противоестественного в том, что такие люди продвигались вверх по ступеням иерархии.

— Да нет, я вовсе не собираюсь ни с чем соглашаться, святой отец. — Род склонил голову набок и внимательно посмотрел на Мак Ги. — Хотя, на мой взгляд, вы правы. Но даже некоторые из этих праведных душ порой бывали

склонны к искушениям и принимались искать власти ради самой власти.

Мак Ги пытливо заглянул в глаза Рода:

— Вы сейчас думаете о здешнем аббате?

— О нем, — признался Род. — Судя по тому, что мне о нем известно, он в принципе человек неплохой, хотя и очень способный бюрократ.

— Понятно. — Мак Ги довольно кивнул. — Если так, то не исключено, что он совестлив и способен к покаянию.

— Верно, но если так рассуждать, то он способен отмахнуться от любой идеи, которая показалась бы ему неправой.

Мак Ги нахмурился:

— Как вы пришли к этому выводу?

— Да очень просто, — раздраженно отозвался Род. — Только так он и может избавиться от жуткого чувства вины. Поддавшись искушению, он стал неофитом собственного порока и, как многие неофиты, превратился в истового фанатика. Можно, выражаясь фигурально, сказать, что он как бы вложил некий капитал в собственное прегрешение, и потеря этого капитала для него равноценна финансовому краху. Нет, святой отец, у меня такое ощущение, что он зашел слишком далеко, чтобы суметь вернуться назад.

— Быть может, он перешел свой собственный Рубикон, — согласился Мак Ги, — но я очень надеюсь, что этого не произошло. Но почему вы так думаете, лорд Чародей?

— На такие выводы меня наталкивает его тактика. Понимаете, ваше преподобие... — Род отвел взгляд, посмотрел на монахов, которые явно слушали их беседу со все большим вниманием, наклонился к отцу Мак Ги и проговорил потише: — Насколько отец Эл просветил вас насчет здешней разновидности... магии?

— Насколько нам известно, лорд Чародей, на редкость высокий процент местного населения является эсперами той или иной степени таланта.

— Вкратце это верно. Так вот, святой отец... Неожиданно участились случаи... проклятие, началась настоящая эпидемия явлений призраков, полтергейста, развелись телепаты, работающие, так сказать, без лицензии. Все это пугает народ и толкает его к лагерю аббата.

Мак Ги нахмурился, обернулся и подозвал отца Бокильву. Как только настоятель обители подсел к ним, гость из Ватикана спросил у него:

— Замечали ли вы в последнее время усиление «магической» активности?

Бокильва вздрогнул и медленно кивнул:

— К стыду своему, ваше преподобие, вынужден признаться, что это имело место.

Мак Ги помрачнел:

— Разве это возможно — чтобы священнослужитель посмел воспользоваться предрассудками паствы, дабы употребить эти предрассудки себе на пользу?

Род пожал плечами:

— Почему бы и нет? Священники этим самым и занимались на протяжении многих веков.

— Нехорошо, недостойно, с вашей стороны, так говорить, лорд Чародей, — резко проговорил Мак Ги. — Вам прекрасно известно, что Церковь всегда делала все, что было в ее силах, ради просвещения народных масс!

— Что ж, с этим я вынужден согласиться, — вздохнул Род. — На самом деле, когда Церковь не обеспечивала людей должным объемом предрассудков, люди придумывали новые.

— Да, и зачастую блуждали и мучились в лабиринте собственных иллюзий. Вот почему вдвойне преступно со стороны духовного главы нации насаждать эти самые предрассудки, плодя во множестве иллюзии! — Мак Ги сурово

покачал головой. — Но как же бороться со страшными снами, лорд Чародей?

— С помощью нестрашных снов, святой отец, — с улыбкой ответил Род. — Я этим всю жизнь спасаюсь.

Отец Мак Ги поднял руку, благословил коленопреклоненных монахов, пробормотал несколько латинских фраз, а потом еще долго провожал их взглядом, покуда те уходили к лесу по тропинке от дома Рода. Только потом отец Мак Ги опустил взор, оглядел свою сутану и провел ладонью по ткани, из которой она скроена.

— Никогда не думал, что мне доведется надеть настоящее монашеское облачение! Оно намного удобнее комбинезона. Но... немного менее, скажем так, надежно, верно?

— Никто не говорит, что только странники препоясывали свои чресла, святой отец. Уверен, мы сумеем разыскать для вас кусок полотна.

— Буду очень рад, — кивнул Мак Ги и еще раз посмотрел вслед уходящим монахам. В темноте их сутаны не были видны, и казалось, что к лесу тянется вереница ходячих факелов. — Превосходные люди! Надеюсь, они вскоре оправятся от потрясения, вызванного моим появлением. — Он с улыбкой обернулся к Роду. — Я очень благодарен вам за приглашение, лорд Чародей. Почтение, оказываемое моими духовными чадами, спору нет, приятно, но утомительно. Но вы уверены, что ваша милая жена не станет возражать?

— Поверьте мне, святой отец, я точно знаю. Та система связи, которой мы тут пользуемся, побивает радио и видеотелефоны, как нечего делать. Надеюсь, вы не будете себя чувствовать неудобно? Ведь вам придется провести ночь в семействе чародеев.

— Если бы вы были злыми колдунами, служителями Сатаны, я бы не переступил порог вашего дома, — признался отец Мак Ги. — Но я знаю, что все вы эсперы и что

вы добрые люди, а судя по отчету отца Эла Ювелла, пожалуй, и католики получше многих.

Род уже собрался было ударить деревянным молотком по двери, но замер и спросил:

— Что же ему известно о нас такого, чего не знаю я?

К счастью, дверь распахнулась быстрее, чем отец Мак Ги успел ответить.

Гвен, увидев незнакомого священника, в первое мгновение оторопела, но, овладев собой, поклонилась и отошла в сторону.

— Добро пожаловать в наш дом, святой отец.

— О, благодарю вас, миледи. — Отец Мак Ги вошел, начертал в воздухе крестное знамение и проговорил нараспев: — Да благословит Господь Бог это жилище и всех, кто в нем обитает. — Затем он устремил на Гвен извиняющийся взгляд и добавил: — Если вы не возражаете.

— О, что вы, святой отец! Это такая честь для нас!

— Вы меня утешили. Не люблю благословлять тех, кто этого не желает. Кстати, а где же остальные обитатели дома?

— Уже в постелях, слава Богу, и спят, хотя мне непросто было успокоить их после рассказов Корделии.

Род гадал, к какому же успокоительному средству его супруга прибегла на этот раз — к крику, отвару березовых почек или к гипнозу?

— Как приятно оказаться в гостях. Вы позволите мне сесть?

— О, конечно, конечно, святой отец! Не желаете ли эля?

Мак Ги удивленно посмотрел на Гвен, и его глаза радостно заблестели.

— С удовольствием! Мои чада, что живут за лесом, заслуживают всяческих похвал за свою набожность, но согласитесь, простая вода может и прискучить, даже когда ее набирают из самого чистого родника. Так что я с превеликой радостью отведаю вашего эля. Благодарю вас, миледи.

— Не за что, святой отец. — Гвен села напротив священника по другую сторону от камина и лучезарно улыбнулась. — Это правда, что вы прилетели с другой звезды, чтобы помочь нам?

— Вы не думайте, святой отец, — она только притворяется скромной провинциалкой. На самом деле она побывала даже на Terre.

— Это верно. — Гвен смущенно потупилась. — И все же я удивлена тем, как быстро вы к нам явились.

— Его святейшество придает планете Грамерай великую важность, миледи. Редкий случай, когда вера удерживает все население в рамках церковной доктрины на протяжении пяти столетий.

— И кроме того, вы предпочли бы страдания на дыбе и четвертование, нежели согласились бы потерять часть членов вашего ордена. А Папа наверняка понимает, какой бы поднялся переполох, если бы за дело взялись мы, без вашей поддержки.

— Отчасти это верно, — признался отец Мак Ги. — И внезапная вспышка явлений потусторонних сил тому лишнее подтверждение. Скажите, миледи, не обратили ли вы внимания на то, как эта странная эпидемия призраков и злых духов влияет на веру крестьян?

— Обратила, святой отец, и очень этим опечалена, — грустно ответила Гвен. — Многие из них стали сомневаться в праведности священнослужителей.

— Вот этого я и боялся, — пробормотал Мак Ги, задумчиво глядя на пламя в камине. — Мало того, что их веру сильно поколебал раскол. Призраки и гоблины могут довершить работу. Я содрогаюсь при мысли о том, как все это может сказаться на детях — ведь они с такой легкостью верят в то, что видят! Однако столь же они крепки в вере и любви, если сполна получают их.

— Очень хорошо сказано, — проговорил Род и поднялся со стула. — Пожалуй, стоит взглянуть, как там наш маленький фанатик.

— Он крепко спит, господин мой, — возразила Гвен, глядя на то, как Род направился к двери, ведущей в спальню мальчиков.

— Насколько я понимаю, один из ваших детей страдает избытком веры? — негромко спросил Мак Ги.

Гвен решительно покачала головой:

— Просто-напросто мальчик ощущает свое призвание, святой отец. И это вызывает у его отца ненужное беспокойство.

Мак Ги немного помолчал и поинтересовался:

— И сколько лет мальчику?

— Семь.

— Он еще мал, — нахмурившись, пробормотал Мак Ги. — Но хотя призвание можно ощутить в любом возрасте, те, кто...

— Гвен, — с трудом скрывая страх, проговорил Род, и Гвен в то же мгновение оказалась рядом с ним, на пороге спальни. Она ахнула и вбежала в комнату.

Грегори лежал на кровати, вытянувшись во весь рост, и его тело сотрясало от рыданий.

— Нет, радость моя, не надо так плакать! — взяв малыша на руки, принялась приговаривать Гвен. — Ах ты, мой бедняжка! Что бы ты ни увидел, оно не тронет тебя, оно уже ушло, ушло!

Род принялся поглаживать спину Грегори. Он молчал и старался сдерживать страх. Гвен в таких ситуациях лучше удавалось владеть собой, а Род мог только оказать ей моральную поддержку.

Гвен гладила малыша по головке и негромко произносила ласковые слова, и вот Грегори обмяк, и его рыдания сменились громкими всхлипываниями. Джеффри, спавший на соседней кровати, проснулся, поднял голову. Гвен унесла Грегори из спальни, чтобы не пугать его братьев. Род задержался и сказал Джеффри:

— Все в порядке, сынок. Засыпай, ладно?

Джеффри сонно повалился на подушку. Род вышел и закрыл за собой дверь, искренне надеясь на то, что не обманул среднего сына.

Гвен, держа на руках Грегори, села в кресло у камина, где только что сидел гость — отец Мак Ги. Она качала малыша и тихо напевала, успокаивая его. Священник перевел вопросительный взгляд на Рода. Тот на миг растерялся, а потом покачал головой и знаком уговорил священника не уходить, остаться в комнате.

Рыдания и всхлипывания почти утихли. Гвен пробормотала:

— Ну вот, мой милый. Что же так тебя напугало? — Грегори расплакался, но Гвен все же продолжала расспрашивать: — Плохой сон? — Малыш кивнул, а мать попросила: — Расскажи, какой сон ты видел?

— Я... я был старенький, мамочка, — в промежутках между тихими всхлипываниями вымолвил Грегори, а Род облегченно выдохнул. — Старенький и... и... и одинокий.

— Одинокий? — вздохнула Гвен. — Что ж, порой старики одиноки. И почему же ты стал одиноким?

— Я... ушел из дома... стал монахом, а потом, когда состарился, ушел даже от них... и стал жить в лесу, как отшельник.

Род, еле сдерживая гнев, процедил сквозь зубы:

— Интересно было бы узнать, кто рассказывает ребенку про...

Гвен свирепо зыркнула на него, и Род прикусил язык. Она была права. Сейчас малышу нужно было только сочувствие, а гнев... Грегори мог подумать, что папа сердится на него.

— Бывают святые отшельники, — согласилась Гвен. — Но они не одиноки, сынок. Так только кажется, потому что с ними всегда и всюду Господь.

«Чушь! — хотелось крикнуть Роду. — Они сходят с ума от одиночества!» Но он снова сдержался и даже сумел спря-

зат свои мысли, потому что иначе Грегори обязательно прочел бы их. Род гадал — не уйти ли ему, и притом как можно дальше. Наверняка его разбушевавшиеся эмоции могли только сильнее растревожить мальчика. Но Гвен уложила эту мысль мужа, взглянула на него, покачала головой и проговорила:

— Они избирают одиночество, сынок, для того, чтобы изучать священные книги и постигать Слово Божье.

— Ну да... мне так и снилось, — всхлипнул Грегори. — И я... читал книги, но... Ой, мамочка! Там не было ни тебя, ни папы! И Магнуса не было, и Джеффа, и Корделии тоже, и даже Диармида не было! И жизнь показалась такой... — Он умолк, не в силах подобрать верное слово.

— Пустой?

— Да, пустой. В ней не было... смысла. О мамочка! Как же такая жизнь может быть святой, если с тобой рядом нет никого, кому бы ты делал добро!

Что мог на это ответить Род? Что Грегори не первый, у кого возник такой вопрос, и не последний? Хотя бы для малыша это был только сон — пока.

Но Грегори уже успел успокоиться настолько, что услышал мысль отца. Широко раскрытыми глазами он уставился на Рода.

— Неужели моя жизнь и вправду должна быть такой?

Род почувствовал страх за словами сына и поспешил утешить его:

— Нет, сынок, не *должна*. У тебя есть выбор.

— Но я хочу учиться! — горячо возразил Грегори. — Я хочу изучать не только Священное Писание... но и растения, животных, звезды... О папа! На свете столько всего, что можно изучать!

Что ж — это была речь прирожденного ученого.

— Но можно изучать все, что пожелаешь, сынок, но оставаться среди людей.

— Да как же, папа? Мне хочется столько всего узнать, что у меня вряд ли останется время, чтобы с кем-то поговорить! — Грегори от испуга вытаращил глаза. — Но зачем нужны знания, если нет никого, с кем можно ими поделиться?

— Для того, чтобы человек мог приблизиться к Богу, — негромко проговорил Мак Ги.

Грегори только теперь заметил священника и вздрогнул.

Не дав сыну возразить отцу Мак Ги, Род поспешно проговорил:

— Сынок, у нас гость. Преподобный Моррис Мак Ги, глава ордена катодеанцев.

Грегори восхищенно прошептал:

— Аббат?

— Да нет, аббат аббатов, — с улыбкой ответил Мак Ги. — Я возглавляю все обители членов ордена Святого Видикона, юноша.

Грегори мгновенно забыл о своем страшном сне и восторженно поинтересовался:

— Вы главный над всеми монахами на всех-всех планетах, которые вертятся вокруг звезд?

— Только на пятидесяти планетах, где живут люди, выходцы с Терры, — отозвался Мак Ги и обратился к Роду: — А я полагал, что местное население ничего не знает о Терранской Сфере, лорд Чародей.

— Видите ли, моим детям приходится грызть гранит современного образования, святой отец. Но не волнуйтесь, они у нас ребята надежные и никому не проболтаются.

— А то люди могут напугаться, — пояснил Грегори и продолжил расспросы: — А ведь вы знаете все-все про жизнь монахов, правда?

— Все, — подтвердил Мак Ги с такой торжественностью, словно давал присягу в суде. — И могу заверить тебя в

том, юноша, что тебе вовсе не обязательно становиться монахом для того, чтобы узнать все обо всем.

— И все-таки вы думаете, что, получая знания, человек может приблизиться к Богу.

— Когда познания обширны, всеобъемлющи, такое возможно — вернее, я так полагаю. — Отец Мак Ги перевел взгляд на Рода. — А ваш малыш чрезвычайно сообразителен!

— Чаще всего он опережает меня всего на три шага, — ответил Род и посмотрел на Грегори. — Ну вот, сынок, тебе ответил сам глава ордена.

— Но уж конечно, для того, чтобы выучить так много, нужно быть одиноким!

— Отшельничество не является обязательным, — решительно и твердо ответил отец Мак Ги. — Хотя нужно очень серьезно подумать, прежде чем принять решение жениться. И если ты пожелаешь обзавестись семейством, оно должно стать для тебя важнее твоих научных изысканий.

— Значит, если для меня важнее наука, я не должен жениться?

— Я думаю, да, — кивнул Мак Ги. — Вот почему многие ученые становились монахами — ради того, чтобы оставаться среди людей, но при этом большую часть своего времени посвящать науке. Однако это верно в отношении лишь избранных монашеских орденов, и наш — один из них. Монахи, принадлежащие ко многим другим орденам, больше молятся, чем занимаются наукой.

Грегори медленно кивнул:

— Получается, что человек может уединиться, когда ему нужно заняться науками, но в другое время у него будет с кем поговорить.

На самом деле жутковато было слышать такие рассудительные речи из уст семилетнего ребенка. Роду то и дело приходилось напоминать себе о том, что в эмоциональном

отношении Грегори еще совсем малыш. А вот отец Мак Ги, похоже, скидку на возраст не делал. Он очень серьезно кивнул и подошел к мальчику.

— Все верно, юноша, — сказал он. — Если, конечно, научные изыскания направлены на познание Господа через его создания. Но если ты желаешь изучать вселенную саму по себе, не желая видеть связи между Господом и любым, самым ничтожным явлением природы, то тебе лучше стать ученым, но не монахом.

Род испустил вздох облегчения, услышав этот манифест интеллектуальной эмансипации.

А Грегори нахмурился:

— Я не понимаю...

— На самом деле все просто, — сказал отец Мак Ги, придвинул стул и сел. — Жажда познания сама по себе не означает, что ты призван стать монахом.

Род заметил, что напряжение у Грегори спало — снаружи едва заметно, но в мыслях — намного.

— Я могу стать ученым, но не монахом?

Мак Ги кивнул:

— Вот именно. То и другое может существовать отдельно, понимаешь?

— А где же мне найти для себя компанию, если я не стану монахом?

— О, где угодно. В Индии святые отшельники порой селились неподалеку от деревень, чтобы крестьяне могли позвать их, попросить у них помощи. Древние таоисты предпочитали строить деревни около гор, где обитали отшельники, дабы брать с них пример поведения. — Мак Ги улыбнулся. — Быть может, тебе даже удастся собрать вокруг себя других ученых и основать Грамерайский университет.

Он с улыбкой посмотрел на мальчика. А в следующее мгновение и Грегори улыбнулся.

С этой минуты отец Мак Ги для Рода и Гвен стал настоящим другом.

Козлы сложили и приставили к стенам, а крышки столов сложили стопкой. Трапезная в Раннимедской обители превратилась в спальню. Монахи раскатали на полу тонкие матрасы, которые были ненамного жестче тех лежанок, на которых они спали в монастыре. Была полночь, и братия спала глубоко, без сновидений, как спят люди, утомленные тяжким трудом. Только лунный свет, проникавший в окна, и оживлял притихшую просторную комнату.

Неожиданно в центре спальни появился призрак — туманная фигура человека. Дымка стала плотнее, еще и еще плотнее, в ней проступила коричневая монашеская сутана, затем — лицо и розовый кружок выбритой тонзуры, тяжелый квадратный подбородок. Потом засверкали глаза, и наконец монах, дотоле висевший в воздухе в нескольких дюймах от пола, почти бесшумно спрыгнул вниз. Он обвел взглядом спящих людей, выхватил кинжал, и по его щекам потекли слезы. Подойдя к первому из монахов, незнакомец прошептал:

— Глупцы! Несчастные и слабые глупцы! Как вы могли позволить себе сойти с пути истинного! Но как бы то ни было, вы — отступники и потому должны умереть! О, брат Альфонсо прав!

Клинок описал короткую зловещую дугу.

Брат Лурган свернулся клубком и очнулся только на краткий миг. Он даже не крикнул, только его сознание испустило душераздирающий вопль боли и страха. Но в тот же миг все монахи до одного проснулись и рывком сели. Поднялась паника, братья кричали, физически ощущая, как бестелесная сущность их друга покидает их.

Убийца выдернул кинжал из груди мертвого Лургана, развернулся и замахнулся на отца Бокильву.

Бокильва вскрикнул, выставил руку, закрылся от удара и резко стукнул нападавшего кулаком в живот. Поджарый монах согнулся в поясе от нестерпимой боли, а отец Бокильва схватил его за запястье и с силой прижал ту руку, что сжимала кинжал, к своему колену. Кинжал выпал, со звоном ударился о каменный пол, а Бокильва прокричал:

— Брат Сомнель! Скорее!

Невысокий полный монах подбежал и устремил пристальный взгляд на убийцу, который все еще не в силах был вдохнуть после удара в солнечное сплетение. В то же мгновение тело злоумышленника обмякло, и он рухнул на пол. Остальные монахи на мгновение онемели от ужаса, но вот стало видно, что грудь убийцы вздымается и опадает, а вскоре обитатели спальни ощутили все признаки того, что этот человек крепко спит. Все немного успокоились, послышались вздохи облегчения.

— Огня! — крикнул отец Бокильва, и тут же загорелись масляные светильники. И тогда монахи увидели, кто лежал без чувств на полу в их спальне, и в ужасе воскликнули:

— Да это же брат Янус!

— Добрый, славный брат Янус!

— Как же это могло случиться? — Брат Аксель опустился на колени рядом с убийцей. В его глазах стояли слезы. — Это ведь он придумал способ, с помощью которого можно исчезать в одном месте, а появляться в другом!

— О да, и еще он затем выяснил, как можно управлять этим процессом, чтобы можно было появляться не резко, а медленно, бесшумно, — проговорил отец Бокильва и встревоженно нахмурился. — Да, конечно, именно его избрали бы убийцей!

— И что же он натворил! — простонал брат Клайд. Монахи, как по команде, обернулись и устремили взгляды на мертвое тело брата Лургана, охваченное мерцающим сиянием. От жути и тоски у всех перехватило дыхание.

Отец Бокильва встал на колени рядом со спящим убийцей, приподнял его голову обеими руками и пристально уставился на него.

— Брат Янус! Чтобы *он* смог пойти на такое! — воскликнул брат Клайд. — Он, всегда такой добрый и мудрый!

— Но он всегда отличался религиозным пылом, — напомнил Клайду отец Гектор. — И был беззаветно предан ордену.

— А значит, и аббату, — с тяжелым сердцем кивнул брат Клайд. — Верно, он мог считать нас изменниками. Но до того, чтобы убить кого-то из нас, он не мог сам додуматься!

— Он и не додумался, — мрачно возвестил отец Бокильва. — Другой вложил эту мысль в его разум... Вернее, даже не так: этот человек запугивал и обвинял его, покуда брат Янус не уверился в своей греховности и необходимости убить нас. Верно, он всегда отличался недюжинным умом, но душой был слаб. Насколько прекрасно он понимал вселенную, настолько же мало он знал душу человеческую. О нет, конечно же, им управляли, как марионеткой в рождественской мистерии.

— И кто же тянул за веревочки, святой отец? — возмущенно спросил брат Клайд.

— Да что ты спрашиваешь? — скривившись, проворчал отец Гектор. — Кто, как не брат Альфонсо!

Отец Бокильва взглянул на отца Гектора и кивнул.

Брат Клайд помрачнел и сжал кулаки, размером похожие на пушечные ядра.

— Я ему отомщу!

— Отмщение — в руках Господа! — решительно воскликнул отец Бокильва, поднявшись на ноги. — Нет, брат, не слушай речи лукавого!

— Но разве я не могу стать орудием Господа?

— Быть может, но я в этом сомневаюсь.

— Так кто же станет таким орудием?

— Тот самый, кто — хвала Небесам — пришел к нам! — Отец Бокильва обратился к брату Сомнелю. — Побудь рядом с братом Янусом и проследи, чтобы он спал крепко и без сновидений.

Брат Сомнель только кивнул и устремил взгляд на спящего убийцу.

— А теперь пойдем со мной и позовем... кое-кого. — Отец Бокильва знаком подозвал брата Клайда, развернулся, отодвинул засов и открыл дверь. Затем он переступил порог и в то мгновение, когда брат Клайд поравнялся с ним, громко крикнул: — Колдовской Народец, услышь меня!

— Услышь, Колдовской Народец! — подхватил брат Клайд.

— Заклинаю вас, позовите Верховного Чародея! Упростите его как можно скорее явиться к нам вместе с отцом Мак Ги, главой нашего ордена, ибо дела наши скорбны и не терпят отлагательства. Молю вас, позовите его!

— Позовите его, позовите! — повторил брат Клайд со слезами на глазах.

Полоса лунного света лежала на одеяле. Серебристое сияние выхватывало из мрака крепко спящих Рода и Гвен.

К кровати медленно приблизился маленький человечек, взобрался в изножье и тихонько окликнул:

— Лорд Чародей!

Род открыл глаза, но не шевельнулся. Поискав взглядом того, кто его разбудил, он увидела Пака. Эльф прижал палец к губам, бесшумно спрыгнул на пол и поманил Рода пальцем.

Род выскользнул из-под одеяла, подошел к шкафу, вынул оттуда дублет и штаны. В гостиную он вышел, застегивая пряжку ремня, к которому был приторочен меч.

— Говори потише, — предупредил он эльфа. — У нас гость.

— Я не сплю, — послышался из темноты голос отца Мак Ги. — Можно зажечь лампу?

— Не надо. — Род сдвинул брови, пристально воззрился на свечу, и ее фитилек ожил, зажегся.

Отец Мак Ги изумленно уставился на человечка ростом в полтора фута, стоявшего перед ним.

Пак подбоченился и ответил священнику свирепым взглядом:

— Ну, что ты глаза вытаращил?

— О! Прошу прощения! Действительно, это невежливо с моей стороны. — Отец Мак Ги сел в постели и перевел взгляд на Рода. — Приятно убедиться в том, как точен был отец Ювелл в своем отчете.

— Пожалуй, одно только это и приятно, когда видишь Пака посреди ночи, — проворчал Род и обратился к эльфу: — Что стряслось, хобгоблин?

— Кровавое убийство, — сдвинув брови, ответил эльф. — Тебе нужно пойти в обитель, к монахам, лорд Чародей. А как ты одет — это сейчас не так уж важно.

Монахи где-то раздобыли черного полотна и задрапировали им стены наспех сооруженного свода. Под этим сводом лежал мертвый монах, руки которого были сложены на груди. Прореха на его сутане, проделанная кинжалом, была аккуратно заштопана.

Мак Ги стремительно подошел к покойному, сгорая от сдерживаемой ярости.

— Аббат! Чтобы аббат мог настолько забыть о нравственности! Приказать одному из монахов убить собрата — это просто возмутительно!

— Собрат, о котором вы говорите, более не принадлежал аббату, — заметил Род. — Виддеком считал брата Лургана изменником.

— Христос считал изменником Иуду, лорд Чародей! Однако он не убил того, кто его предал, и аббату не следовало так поступать.

Род сам удивился — с чего это ему взбрело в голову оправдывать аббата. Быть может, просто из извечной привычки спорить.

— Кроме того, — сказал он, — аббат считал брата Лургана еретиком.

— Единство веры не стоит человеческой жизни, лорд Чародей, и познание этой истины для Римской Церкви было очень горьким.

— Для начала вам пришлось совершить Крестовые Походы и проиграть...

— И все же мы кое-чему научились! Когда вера становится оправданием войны, воины теряют и веру, и нравственную чистоту!

Род был готов продолжать спор, но понял, что ярость отца Мак Ги продиктована отчасти и отеческими чувствами: глава ордена искренне горевал о том, что погиб один из его духовных сыновей. На краткий миг Род попытался представить себе, каково это — быть ответственным за сотни тысяч монахов на пятидесяти планетах, и зябко поежился. Вряд ли Мак Ги стоило относиться к своей должности настолько серьезно.

Или стоило? Судя по тому, что Род успел узнать об этом человеке, выбор для Мак Ги вряд ли существовал.

Род попытался сменить тему.

— Похоже, один из монахов пытается выудить хоть какие-то сведения у потенциального серийного убийцы, святой отец. Не могли бы мы подслушать их разговор?

— М-м-м? — Мак Ги обернулся, нахмурился, кивнул. — Да. Конечно. Вероятно, они говорят кое о чем, что и нам с вами следует узнать.

С этими словами он отвернулся от Рода и отошел от тела брата Лургана. К Роду и отцу Мак Ги присоединился отец Бокильва.

Брат Янус лежал на лежанке, на боку, с закрытыми глазами, и мерно дышал во сне. Брат Сомнель сидел рядом с

ним, неотрывно глядя на лицо спящего убийцы. Казалось, он просто сидит и ничего не делает, и Род даже удивился: зачем его приставили к спящему. Но вот рядом с Сомнелем сел другой монах и тихо спросил:

— Он велел тебе убить всех нас?

Затем он несколько секунд терпеливо ждал, и наконец брат Янус кивнул.

Род вытаращил глаза.

— Кто дал тебе такой приказ? — задал монах следующий вопрос.

— Брат Альфонсо, — со вздохом, не открывая глаз, ответил брат Янус.

Мак Ги стоял и слушал этот разговор с каменным лицом.

Род озадаченно взглянул на брата Сомнеля:

— Вы — гипнотизер?

Брат Сомнель обернулся, помолчал и медленно опустил голову.

У Рода на затылке волосы встали дыбом.

— Понятно. Ваш орден, я бы сказал, полон неожиданностей.

Брат Сомнель еще на мгновение задержал взгляд на чародее, повернул голову и снова воззрился на брата Януса.

— Следовательно, приказ об убийстве он получил не от аббата, — вымолвил отец Мак Ги. — А кто такой этот брат Альфонсо?

— Секретарь архиепископа, ваше преосвященство, — обернувшись через плечо, ответил отец Бокильва.

— Просто — «отец Мак Ги», — рассеянно поправил его священник.

Род наклонился и пробормотал на ухо Мак Ги:

— Вполне можно предположить, что брат Альфонсо — тот самый агент, о котором я упоминал ранее.

— О... Лазутчик в монастыре? — негромко отозвался отец Мак Ги и, не дождавшись ответа, кивнул: — Следова-

тельно, приказы могут поступать как от самого аббата, так и от этого брата Альфонсо — от имени аббата.

— Спроси у него об этом, брат Комсоф, — велел отец Бокильва.

Монах склонился ближе к брату Янусу:

— Не сказал ли тебе брат Альфонсо, что так приказал архиепископ?

Миновало несколько мгновений. Затем брат Янус выдохнул:

— Нет. Он сказал, что мы должны оберегать его преосвященство от врагов и что сам он слишком добр, чтобы выступить против них с оружием в руках.

— Я ошибся в этом человеке, — признался Мак Ги.

Род нахмурился:

— Похоже, брат Альфонсо этого брата Януса обработал по полной программе.

— Даже не сомневайтесь в этом, лорд Чародей, — обернувшись, сказал Роду брат Комсоф. — Брат Янус всегда был хорошим, добрым человеком, но он был с головой в науке и потому очень наивен.

— Всегда старался увидеть хорошее в любом, кто бы его ни окружал? — спросил Род и понимающе кивнул. Люди такого сорта были ему знакомы. — Но если он настолько мягок характером, как же он мог согласиться совершить убийство?

— Он был необыкновенно пылок в своей вере, — объяснил отец Бокильва. — Подобное чувство легко извратить.

Род прошептал на ухо Мак Ги:

— Если это вас утешит, в ближайшее время мы арестуем этого брата Альфонсо.

Отец Мак Ги изумленно посмотрел на Рода, но тут же согласно кивнул:

— Конечно, до полного решения здешних проблем еще далеко, но все же не помешало бы его изолировать — если он действительно такой злодей, каким представляется.

— Злодей, можете не сомневаться, — заверил священника Род. — На самом деле мы почти уверены, что в монастырь он пробрался обманом.

— Обманом? — удивился отец Бокильва. — То есть... Он пришел туда не по призванию?

— О, с призванием у него все в порядке — вот только со святостью не очень. Я хочу сказать, что он солгал, заявив, что желает жить чистой, духовной жизнью, а затем нарочно вошел в доверие к архиепископу, чтобы манипулировать им.

— Выходит, он лгал, давая обеты, — заключил отец Бокильва, широко раскрыв глаза.

— И потому его обетам — грош цена. — Лицо отца Мак Ги стало грозным. — О да, он воистину — Иуда. Священник-Иуда*.

Род поглядел на спящего гипнотическим сном монаха, покачал головой и сказал:

— А как он сюда попал?

В это самое мгновение послышался громкий хлопок, и посередине комнаты возник молодой человек. Его глаза метали молнии.

Монахи вскочили, раскричались, стали наступать на незваного гостя.

Род тоже резко встал и вытаращил глаза. Признаться, он был не на шутку озадачен, поскольку никогда, ни разу в жизни не видел, чтобы Тоби вообще сердился — а уж чтобы вот так гневался...

В конце концов Род обрел дар речи и воскликнул:

— Тоби! Ты что себе позволяешь?

— Не бойтесь, лорд Чародей, — отозвался молодой человек, брезгливо скривив губы. — Больше нет нужды опасаться, что мы оскорбим чувства *этих* монахов магией.

* Автор, по-видимому, неплохо знаком с рок-музыкой. «Judas Priest» — название знаменитой английской рок-группы, играющей в стиле «heavy metal».

Отец Бокильва покраснел и отвел взгляд.

Род заметил это, нахмурился и снова пытливо взглянул на Тоби.

— Может быть, все-таки скажешь мне, что стряслось?

— Посыльные Брома О'Берина привели к нему человека, который творил чудовищ из «ведьмина мха», лорд Чародей. Тех самых чудовищ, которые так пугали крестьян.

— Что ж, мы и предполагали, что это делается именно таким способом, — пожал плечами Род. — Что тут такого возмутительного? То, что этот человек работал на архиепископа? Мы знали, что монахи прибегают к помощи волшебников.

— Нет, лорд Чародей! Все не так просто. Монахи и есть волшебники. Ваша супруга заглянула в сознание этого злодея и увидела там воспоминания о том, как секретарь архиепископа приказал ему удалиться из монастыря и посещать в народе панику — и не только ему, а еще многим другим. И все эти люди оказались монахами!

Род выпучил глаза:

— Все?!

Тоби кивнул, холодно поглядывая на отца Бокильву.

— Минуточку! — возразил Род. — Не может быть, чтобы в монастыре кишмя кишели эсперы, а другие монахи об этом не знали.

Тоби выжидательно уставился на отца Бокильву.

— Да... А кто сказал, что другие вообще *были*? — рассеянно протянул Род, и тут его наконец озарило. — Господи Всевышний! Не один эспер на весь монастырь, а полный монастырь эсперов! — Он резко развернулся к отцу Бокильве. — Это правда?!

Отец Бокильва робко взглянул на отца Мак Ги. Тот едва заметно кивнул, и настоятель обители ответил:

— Правда, лорд Чародей. И так было всегда. Но я не мог рассказать вам об этом, потому что дал обет молчания. Мы все даем такой обет, вступая в орден.

— Боже мой! — оторопело проговорил Род. — А я еще удивлялся, как это у вас получается — с первого взгляда определить, кто из послушников годится для монашества, а кому суждено служить в миру, в приходах! Да телепат за первые две секунды разберется, что перед ним сидит другой телепат!

— Верно, обратная связь отчасти имеет место, — признал отец Бокильва.

— Обратная связь? — насторожился Род. — Несколько необычное словосочетание для простого средневекового монаха, не правда ли? — Род обернулся и в упор уставился на Мак Ги. — Есть еще что-то, чего не договаривают ваши люди, святой отец?

— Вы о том, что монахи сохранили знания о технике? — Мак Ги кивнул. — Это правда, лорд Чародей. Но науку и инженерное дело они начинают изучать только после того, как дадут последний обет и поклянутся хранить свои познания в тайне.

— Как это мило с их стороны — ждать так долго! А можно поинтересоваться, откуда *вам* известно об этом? Стоп, минутку! Я понял: отец Эл написал об этом в своем отчете, верно?

— Да, написал. Но он не счел нужным перегружать вас этими сведениями.

— Ах, как мило! Этот заботливый человек пожелал оградить меня от ненужных тревог! Окажите мне услугу, святой отец, — растревожьте меня!

— Я этим и занимаюсь, — спокойно ответил отец Мак Ги. — Вы по крайней мере должны иметь полное представление о ситуации, лорд Чародей.

— И надеюсь, вы не разгласите тайну, — добавил отец Бокильва.

Род посмотрел на Тоби, перевел взгляд на отца Бокильву:

— Может быть, изволите объяснить, почему я не должен этого делать?

— По исключительно веским причинам, как говорил о том отец Риччи, когда основал нашу обитель.

— Это тот, что был среди первой партии беженцев с Терры? — спросил Род. — А ему-то, интересно, каким образом удалось сохранить знания о технике?

— Один профессионал перепрограммировал тот компьютер, с помощью которого была стерта память колонистов. Память отца Риччи осталась нетронутой.

— Иначе ни один катодеанец не согласился бы лететь сюда по доброй воле, — негромко проговорил отец Мак Ги. — Ведь если на то пошло, наш орден — это сообщество священников-инженеров.

— А он не подумывал о том, чтобы вообще никуда не лететь и остаться дома?

— Подумывал, — кивнул отец Бокильва. — Но он оказался единственным священником среди эмигрантов-романтиков, покидавших Терру, и решил, что средневековой колонии священник не помешает.

Тоби нахмурился.

— Последователи отца Риччи преуспели в тех задачах, которые он перед ними поставил, — объяснил отец Мак Ги. — В здешнем обществе распространились христианские идеи и значительно снизилась брутальность, свойственная средневековой культуре.

— Восхитительно! — взорвался Род. — А почему бы последователям отца Риччи заодно не побороться с безграмотностью? С тяжелыми болезнями? Почему не спасти хотя бы кого-то от смерти?

— Мы делали, что могли, — процедил сквозь зубы отец Бокильва. — И поэтому наша братия всегда среди

народа — как монахи, так и приходские священники. Когда это возможно, мы осуществляем «чудесные» исцеления... Но неужели вы вправду верите, что нас стало бы больше, если бы мы стали открывать людям современные научные медицинские знания?

Род растерялся. И верно — во все времена желающих постичь высоты медицинской науки было не так много. Это стоило немалых трудов.

— Кроме того, бывают способы лечения, которые нам известны, но при этом мы не понимаем, каким образом достигается эффект, — продолжал отец Бокильва. — Отец Риччи был инженером, а не врачом. Но некоторые из наших собратьев, обладающие соответствующими дарованиями, прилагали усилия к тому, чтобы разгадать секрет подобного целительства.

Род вытарашил глаза:

— Разгадать? Вы говорите о научных исследованиях?

— Естественно, лорд Чародей, — кивнул Мак Ги. — Любой катодеанец всегда считал своим долгом предпринимать то или иное научное изыскание.

В сознании у Рода начали мало-помалу складываться воедино кусочки головоломки.

— А... какими же исследованиями может заниматься монастырь, битком набитый эсперами?

— Вы сами ответили на свой вопрос, лорд Чародей. Иначе бы вы этого вопроса и не задавали, — улыбнулся Мак Ги. — Да. Большинство катодеанцев в монастыре заняты изучением новых псионных технологий.

— В монастыре?! — воскликнул Род. — Да это не святая обитель! Это научно-исследовательская лаборатория!

— Я был бы вам чрезвычайно обязан, если бы вы втолковали мне, в чем различие между ними, — чуть насмешливо проговорил отец Мак Ги.

— Господи Боже! — Род пришел в ужас, ярко представив себе, как амбициозные эсперы-церковники захватыва-

ют все планеты Терранской Сферы. — Это означает, что архиепископ грозит не только королю. Он может стать смертным приговором для демократии во всей вселенной!

— Верно, лорд Чародей, — печально кивнул отец Мак Ги. — И это — другая причина, по которой я здесь нахожусь.

— Другая? — рявкнул Род. — То есть истина вас не очень интересует? Раскол и все такое прочее?

Мак Ги запрокинул голову и гневно воззрился на Рода.

Род озадаченно сдвинул брови:

— Погодите... Я вас понял: будущее демократии для вас намного важнее, чем утрата одной из обителей вашего ордена?

— Да, — ответил отец Мак Ги. — Не намного важнее, пожалуй, но все же это заботит меня в первую очередь.

Род замер, потрясенный новым озарением:

— Но... Но ведь это... Ведь это означает, что вы уже пятьсот лет отбираете на Грамерае самых талантливых эсперов из генного пула!

— Это очень древнее обвинение, — вздохнул отец Мак Ги. — Хотя тот талант, о котором вы говорите, не всегда одинаков. Могу лишь ответить вам вопросом на вопрос: как вы думаете, сколько из наших братьев вступили бы в брак, если бы они не оказались в монастыре?

— Хотите сказать, что они не способны влюбиться?

— Вероятно, способны, но это вовсе не означает, что из них получатся хорошие мужья. Наиболее религиозные люди, как правило, настолько не от мира сего, что добытчики из них никудышные, лорд Чародей. Работа для них — главная часть жизни.

— Хотите сказать, что из святых отцов получают не самые лучшие отцы? — Род нахмурился. — Ладно, я вас понял. А в данном случае работа для монахов — это то, что им велит делать архиепископ.

— Во время данного кризиса — да.

— А это означает, что, если мы хотим прекратить охоту на ведьм, нам следует остановить архиепископа. А на него работают самые профессиональные эсперы Грамерая! Просто восторг!

18

Луна стояла уже довольно высоко, и в ее серебряном свете казались черными ржавые груды искореженного железа около забора сада архиепископа. Тот, кто трудился над забором и отрывал от камней Холодное Железо, отбрасывал длинную бесформенную, жутковатую тень.

— Еще немножко, ваше величество, и эта сторона забора будет очищена, — прозвучал басок из-под росшей неподалеку груши.

— Да уж, на железо они не поскупились, — сердито проворчал Бром О'Берин, выкорчевывая из камня последнюю подкову. — А теперь мне нужно как следует осмотреть свой участок, Робин, чтобы там не осталось ни единого гвоздика, который мог бы поранить хоть одного из моих эльфов.

Пак, прятаясь под грушей, поежился:

— Да спасут нас духи древесные! Это же верная смерть!

Бром молча продолжал работу и наконец объявил:

— Все чисто, Робин. Теперь пойдем поглядим. Может, удастся что-то высмотреть.

Пак вспрыгнул на стену рядом с Бромом и спрятался между толстыми плетями старого плюща. Бром разместился за ветками какого-то плодового дерева. Они долго ждали. Луна всходила все выше, и лазутчики лишь изредка обменивались отдельными словами да порой шепотом переговаривались с другими эльфами, которые друг за дру-

гом перебирались через забор и затаивались между цветами в саду.

Наконец отворилась дверь в основании башни. Лазутчики-эльфы насторожились, совсем как гончие, учуявшие добычу. В сад вышел архиепископ, а рядом с ним — брат Альфонсо. Архиепископ остановился, вдохнул аромат цветов и испустил вздох. Похоже, он на несколько мгновений сбросил с плеч груз всех своих забот.

— О! — воскликнул он. — Островок спокойствия в этом бурном мире!

— Верно, милорд. Однако бури никогда не уходят навсегда. Они лишь таятся до времени.

— О, уймись же! — снова вздохнул архиепископ — на сей раз тяжело. — Неужто мне хоть на миг нельзя отвлечься от забот?

— Ведь вы — архиепископ, милорд?

— Честно говоря, я уже немного жалею о том, что я уже не аббат, — проворчал архиепископ. — Но ты прав. Да и когда ты бывал не прав? Ну, говори, что за дело у тебя ко мне, если оно не терпит отлагательств?

— Дел много, милорд, но все они укладываются воедино: теперь, когда вы отреклись от Рима, вы можете также отречься от разных глупостей, которые прежде проповедовали.

Архиепископ замер и приготовился слушать.

— Вы ратовали за отмену продажи индульгенций, — напомнил ему брат Альфонсо. — И насчет ростовщичества.

— Верно, — пробормотал архиепископ. — И как только Римская Церковь может мириться с тем, чтобы, помогая ближнему, кто-то наживался на этом?

— Ну да. И обет безбрачия, милорд. С этим вопросом уже покончено. Если верить слухам, в народе ваше решение принимается очень тепло.

Архиепископ не смог скрыть удовлетворения.

Брат Альфонсо это заметил и с трудом спрятал улыбку.

— Вы часто говорили о том, что монаху не под силу ноша супружества. И вы также говорили, что, если священник беззаветно предан Господу, он должен привести к нему как можно больше душ.

— И если мы говорим крестьянину, что его долг — растить детей, то мы и сами должны этим заниматься, — добавил архиепископ. — О да, я все помню.

Брат Альфонсо провел ладонью по губам.

Порыв ночного ветерка донес до них пение хора. Архиепископ резко обернулся.

— Вечерня! — воскликнул он. — Мы опоздали! Пойдем скорее, брат Альфонсо!

— Иду-иду, милорд, — пробормотал брат Альфонсо, но с места не тронулся и стоял до тех пор, пока архиепископ не скрылся за дверью.

А когда дверь за Джоном Виддекомом закрылась, его секретарь запрокинул голову и рассмеялся. Смеялся он негромко, но долго. Он продолжал смеяться и еще несколько мгновений после того, как земля ушла у него из-под ног. Смех сменился испуганным вскриком, но всего на секунду. Крик Альфонсо был прерван метким и тяжелым ударом по макушке. Лепрехун довольно постукивал своим молоточком по ладошке, покуда выскочившие из кустов эльфы быстро и ловко обматывали лишившегося чувств Альфонсо веревками.

— Славно поработали, храбрецы мои, — рокочущим баритоном проговорил Бром О'Берин, подойдя к месту происшествия. — А теперь отнесите его туда, где он больше никому не причинит зла.

Эльфы разместились вокруг брата Альфонсо, а в следующее мгновение его тело словно поплыло над землей на нескольких десятках маленьких ножек, описало полный круг и направилось к огромному старому ореховому дереву, под корнями которого открылось большое отверстие, изнутри

которого мелькнул золотистый свет. Эльфы впихнули бесчувственного Альфонсо в эту дыру, а следом за ними туда прыгнул Пак, а за ним — Бром О'Берин. Потом дыра начала как бы сама собой закрываться, и эльфы друг за дружкой исчезли в ней. В саду архиепископа вновь воцарилась ночная тишина.

Благородные заложники собрались вокруг пиршественного стола посередине зала. Серьезные, торжественные, они разбились на группы. На восточном краю объединились лоялисты во главе с д'Огюстом, а на западном — Гибелли, Маршалл, Гвельф и Глазго. Все они смотрели на главный вход, по обе стороны от которого выстроилось по дюжине сурового вида воинов с копьями, взятыми на изготовку. В зале царил безмолвие.

Но вот в дверях появился сэр Марис и возгласил:

— Милорды, его величество король!

Все встали. Это следовало сделать хотя бы по правилам придворного этикета. К тому же Туан никогда не требовал от молодых аристократов, чтобы они опускались перед ним на колени.

На широких плечах короля лежала пурпурная мантия, отороченная мехом горноста, а под ней сверкал парчовый камзол. Голову владыки Грамерая венчала золотая корона с бриллиантами, в левой руке он держал скипетр, а правая покоилась на рукояти меча. Туан остановился, медленно повернул голову, обвел взглядом лица молодых людей. Потом он негромко проговорил:

— Милорды, в стране война.

И снова наступило молчание, но Туан почти физически ощутил силу своих слов и то, как они отозвались в сердцах молодых лордов. Кто-то расправил плечи, кто-то шире раскрыл глаза. Все они знали, что именно объявит им король, но теперь, когда эти слова были произнесены, они прозвучали со всей неотвратимостью.

— Я не стану обрекать на смерть никого из тех, чье единственное преступление — верность своему отцу, — продолжал король, — несмотря на то что содержание вас в заложниках являет собой угрозу для ваших родителей. Если вашим отцам повезет и им удастся оттеснить меня к Раннимеду, мне придется напомнить им об этой угрозе и, если понадобится, приговорить вас к смертной казни. Но я сомневаюсь, что до этого дойдет. — Он вновь медленно обвел молодых людей взглядом и добавил: — Однако я вынужден попросить всех вас сдать оружие моему сенешалю, здесь и сейчас, и оставаться в стенах замка вплоть до разрешения сложившегося положения дел в стране.

Молодые лорды неотрывно смотрели на короля. Их выбор был ясен.

Да разве у них вообще был выбор? Каждый из них знал о своем долге перед семейством, перед аристократическим родом, какие бы чувства сейчас ни владели молодыми людьми. Если бы король проиграл в войне, отцы простили бы их. Если бы король победил, он не стал бы карать заложников.

И все же некоторые из лордов были готовы сказать свое слово.

Первым это сделал, как всегда, д'Огюст. Он вышел вперед, опустил на колени и проговорил:

— Ваше величество, я ваш. Ведите меня в бой, и я буду сражаться со всей силой моего сердца и моего оружия.

Мгновение длилось безмолвие. Глаза короля подернулись слезами, и он ответил:

— Что ж, тогда я благословляю тебя за твою верность! Я приму твою присягу, но не позволю тебе воевать с собственным родом!

Следующим вышел Честер, преклонил колени и сказал:

— И я, ваше величество.

Затем на колени опустились Грээз, Мадджоре, Бейсингсток и Лланголен.

— Хвала вам, — негромко растроганно проговорил Туан. — Я принимаю вашу присягу.

В зале стало тихо-тихо.

А потом вперед вышел Гибелли и встал на колени.

— Ваше величество, я ваш, — сказал он.

Один за другим вперед вышли и опустились на колени перед Туаном его товарищи.

Монахи сидели за столами в трапезной. Была глубокая ночь, горели лампы. Архиепископ восседал на возвышении, по обе стороны от него пылали канделябры, но его стол был отодвинут в сторону, а его место занимал большой стул с высокой спинкой. Архиепископ сидел на нем, как на троне, в парадном облачении — парчовой мантии и митре, изготовленных умелыми руками мастериц из Реддеринга, с архиепископским жезлом в руке. Этот жезл также выковали реддерингские кузнецы. Однако это торжественное облачение было надето не по случаю праздника. Лицо архиепископа было мрачным и суровым.

В зале собрались все монахи до единого, и все они были невеселы. Перед архиепископом стоял Хобэн, высоко подняв голову. Его руки были связаны за спиной. В трапезной царило безмолвие. Монахи не спускали глаз с архиепископа и нового послушника.

Но вот наконец вперед вышел отец Ригорий и вскричал:

— Слушающие да услышат! Брат Альфонсо пропал без вести! Уже два дня и две ночи, как никто не видел его! Куда он подевался?

И снова в зале стало тихо. Теперь взгляды всех собравшихся устремились к Хобэну.

— Наш архиепископ будет вершить суд! — объявил Ригорий. — Пусть те, кто готов свидетельствовать, выйдут вперед и скажут, что им известно.

Ответом было молчание.

Архиепископ поднял голову, расправил плечи и произнес:

— Я был последним, кто его видел. Во вторник, ночью, во время вечерней службы. Я ушел в аббатство, а он задержался в саду. Кто-нибудь видел его после этого? — И снова все промолчали. Архиепископ повернул голову к тому монаху, что сидел слева от него. — Брат Молин.

Брат Молин встал. Его руки заметно дрожали.

— На прошлой неделе я был привратником. Я не видел, чтобы кто-то уходил за ворота между вечерней и утреней.

Он сел, а архиепископ обратился к монаху, сидевшему справа:

— Брат Санто?

— Я дежурил на воротах с утра, — встав, ответил брат Санто. — Брат Альфонсо не проходил мимо меня за время между утреней и обедней.

— Брат Хиллар?

— Он не выходил за ворота от обедни до вечерни.

— Он мог перелезть через стену, — мрачно проговорил архиепископ. — Но я в этом сильно сомневаюсь. Брат Лессинг!

Брат Лессинг, сидевший в середине зала, поднялся.

— В этом месяце твое послушание заключалось в работе садовником, — сказал архиепископ. — Скажи, что ты обнаружил, когда пришел в сад в прошлую среду?

— С садового забора исчезли все подковы, гвозди и прочее железо, — ответил брат Лессинг. — Все это валялось у забора кучей. А когда я осмотрел сад, я нашел на траве круг, вытоптаный фэйри.

Зал огласился изумленным ропотом, хотя все монахи уже знали об этом из быстро распространившихся по обители слухов. Но, конечно, услышать о таком из уст свидетеля — это было совсем другое дело.

— Из этого мы можем сделать вывод о том, что в сад наведались эльфы, — объявил архиепископ, не изменившись в лице и оставив в стороне вопрос о позиции Церкви в отношении сверхъестественных существ. — Брат Лайви!

Поднялся высокий сутулый монах и дрожащим голосом проговорил:

— Я стоял на страже в ту ночь. На стене у ворот, согласно недавнему приказу господина нашего, архиепископа. Случайно мой взгляд упал на сад, и я увидел, как брат Альфонсо упал. Упал и не поднялся. Тогда я побежал за братом Паркером, а когда мы с ним пришли в сад, там уже никого не было.

Архиепископ в отчаянии сжал зубы.

— Брат Хасти!

Брат Хасти встал.

— Я видел, — сказал он, — как этот послушник, Хобэн, надолго задержался у края поля, где по другую сторону от межи растет много цветов и диких трав. И я видел, как он шевелил губами. Когда я подошел к нему, дабы отчитать его, я заметил, что землю он взмотыжил так хорошо, словно по ней прошелся плуг. Тогда я не придал этому особого значения, а теперь...

Голос у него сорвался и он развел руками.

— Не может быть никаких сомнений. — Архиепископ устремил суровый взгляд на Хобэна. — Брата Альфонсо похитили, а этот человек подсказал эльфам, как это можно сделать. Быть может, именно он и очистил от Холодного Железа северное поле и садовый забор.

Хобэн возразил:

— Я не убирал железо с поля и с забора, милорд.

— Но с эльфами беседовал?

Хобэн ответил не сразу.

— Я пришел сюда, чтобы стать монахом, — сказал он, помолчав. — Так что врать не буду.

— Почему?! — гаркнул архиепископ. — Почему ты предал наш орден?

— Потому что верен моему повелителю — Туану, королю Грамерая. — Теперь, когда все стало ясно, к Хобэну вернулась уверенность. — Я пришел сюда по его велению, дабы узнать, какой злой гений тут орудует.

Все собравшиеся затаили дыхание.

— И я узнал, что это брат Альфонсо подговорил вас отречься от Римской Церкви, — смело продолжал Хобэн. — Вот об этом я и сказал эльфам, и еще я сказал им, что порой брат Альфонсо прогуливается с вами по саду, обнесенному Холодным Железом. Только это я и сделал, и более ничего!

— Этого хватило, чтобы уничтожить его! — в ярости взревел архиепископ. — И как только у тебя хватает дерзости хвастаться тем, что ты поддался искушению? Как можешь ты заявлять о верности еретику и лживой Церкви и тем себя оправдывать?

— Вы спросили, — отозвался Хобэн мужественно. Но было видно, что ему стало страшно. — А я ответил правду.

— А теперь я скажу, что тебя ожидает! — прокричал архиепископ, побагровев. — Ты виновен в измене ордену и архиепископу! Ты стал пособником в убийстве монаха! — Он перевел гневный взгляд на братию. — Кто-нибудь желает выступить в его защиту?

Трудно было предположить, что кто-то решится вымолвить хоть слово.

Но все же такой человек нашелся. Медленно, дрожа с головы до ног, поднялся брат Анхо.

Архиепископ одарил его свирепым взглядом, но все же процедил сквозь зубы:

— Говори, брат Анхо!

— Я молю вас... — робко вымолвил Анхо. — Молю вас пощадить моего кровного брата... и друга!

— Думай, что говоришь, — сказал архиепископ, и голос его прозвучал так, будто ледяная глыба прогрохотала по щебню.

— Быть может, он поступил глупо, — собравшись с храбростью, продолжал Анхо. — Быть может, он согрешил. Но ведь он верит всем сердцем своим, что поступил праведно!

— Вот как? И откуда тебе это известно?

— Да ведь я знаю его с самого его рождения, — ответил Анхо. — Я делил с ним хлеб и работу, я вместе с ним плакал и радовался. Я знаю его так хорошо, как только может один человек знать другого, и я никогда не видел в нем ни капли злобы и хитрости. Он простой, грубоватый, честный человек, и он ничего не понимает в церковной казуистике, да и не любит ее. И вера его такова, какой была от рождения.

Глаза архиепископа сверкнули, но он промолчал.

— И еще я хотел сказать, — добавил Анхо уже не так уверенно. — Мои учителя всегда так учили меня: ни один смертный, избравший для себя путь служителя Господа, не должен отнимать жизнь у другого человека только ради того, чтобы сберечь собственную жизнь.

Архиепископ покраснел, вспомнив о том, что одним из упомянутых Анхо учителей был он сам.

— Что ж, мы выслушали тебя, — сказал он. — И твое заступничество спасло жизнь твоего брата. Он получит двадцать ударов розгами, а затем будет жить в одиночной келье, за решеткой, и питаться только хлебом и водой. Но ты более не останешься моим слугой, и впредь для тебя будет единственная работа — труд на поле!

— Вы милосердны, господин мой, — пробормотал Анхо, поклонился и дрожащим голосом добавил: — Вы добры и милостивы! И я благодарю вас от всего сердца!

— И очень глупо поступаешь, — буркнул архиепископ и дал знак монахам-здоровьякам, стоявшим у дверей. — Сту-

пайте, уведите этого монаха прочь, и его брата вместе с ним! Заприте его в самой мрачной и темной из наших келий, и чтобы глаза мои его более не видели!

В полной тишине монахи вывели из трапезной брата Анхо и Хобэна. У многих в эти мгновения сердца заняли от боли сострадания.

А потом еще долго все молчали, молчал и архиепископ. Он сидел, опустив голову на грудь и погрузившись в тягостные раздумья.

Наконец он поднял голову и хрипло произнес:

— Что ж, довольно об этом. А теперь...

— Милорд архиепископ! — вскричал монах, вбежавший в трапезную.

Архиепископ резко взглянул на него:

— Что слу... Брат Лаймэн! Как ты смел покинуть свой пост у ворот обители!

Но следом за братом Лаймэном в трапезную вошел сурового вида молодой человек в расшитом камзоле и алых лосинах. В руке он держал свиток.

Зал огласился взволнованным гомоном. Лицо архиепископа уподобилось глыбе льда.

— Как сюда попал этот человек?

— Милорд... Я подумал... Что вы пожелаете...

— Было приказано никого не впускать! — взорвался архиепископ, однако молодой человек заговорил негромким голосом, но так, что его слышали все, кто находился в трапезной.

— Я — герольд Туана и Катарини, монархов Грамерая, и явился для того, чтобы позвать вас на аудиенцию к его преподобию Моррису Мак Ги, главе ордена Святого Видикона Катодского.

В зале тут же воцарилась мертвенная тишина.

Архиепископ ошарашенно уставился на гонца. Наконец он протянул руку и проговорил:

— Дай мне свиток!

Герольд подошел и подал ему свиток. Архиепископ сорвал печать, развернул пергамент и стал читать. Дочитав до конца, он сильно побледнел, опустил свиток дрожащей рукой на колени и сказал:

— На воске запечатлен знак нашего ордена, однако это может быть подделкой! Наверняка это подделка! Глава нашего ордена живет на далекой древней Терре и никогда не бывал на Грамерае!

— Тем не менее он лично вручил мне этот свиток, — заявил посланец короля.

— И ты самолично дашь ему ответ! Передай, что я объявляю его дерзким самозванцем, марионеткой наглеца Туана Логира! Нет, передай ему также, что я воистину встречу с ним и что за моей спиной будет войско!

Туан и Катарина стояли на вершине надвратной башни и наблюдали за тем, что происходило в наружном дворе замка. На взгляд, там царил хаос, но в этом хаосе был виден порядок. Воины сидели у шатров, они чистили и затачивали оружие. У южной стены стояли готовые к походу кони, рыцари и капралы, хорошо заметные среди воинов в своих доспехах, переходили от одного отряда к другому и раздавали приказания.

— По крайней мере, — проговорила Катарина, — никто из твоих союзников не отказался явиться на твой зов.

Туан кивнул:

— Они храбрые и достойные люди, и их верность согревает мое сердце. А наша дворцовая гвардия славно потрудилась. Всего за один день войско собрано, и все ощущают его единство.

— Но ни один из гвардейцев не назначен капралом.

— Это верно, — улыбнулся Туан. — Но только им не стоит знать об этом. Они королевские гвардейцы, и этой чести для них вполне достаточно.

Сэр Марис, слегка прихрамывая, подошел к королю и королеве, поклонился и сообщил:

— Гонцы вернулись, ваши величества.

Туан сразу стал серьезен.

— Что они говорят?

— Ди Медичи, Стюарт, Маршалл и Борджиа исчезли, как нам уже сообщили наши разведчики. Мы не сомневаемся, что они присоединились к войску архиепископа.

— Нам никогда не приходилось сомневаться в правдивости донесений из Раддигора. А остальные?

— Раддигор посылает весть о том, что его войско уже заняло равнину Деспард, между Крэгскими горами и рекой Дукат. Архиепископу и ди Медичи ни за что не пробиться к Раннимеду без потерь. Однако Раддигор просит вас прибыть на равнину как можно скорее, чтобы враги не сломили его.

— Так мы и сделаем, — сурово кивнул Туан. — А как мой отец?

— Ваш славный отец уже в пути. Он ведет свое войско через перевал Дюрандаль, дабы присоединиться к Раддигору.

— О, будь он благословен! Да поможет ему Бог! — воскликнул Туан, а Катарина крепко сжала его руку. — А другие?

— Все посылают вести о том, что они уже в дороге, ваше величество. Их войска обеспечены оружием и провиантом, и они только ждали вашего слова.

— О, это более, нежели желание выслужиться! — сверкая очами, воскликнула Катарина. — Речь не о подхалимах, не о притворщиках — эти люди верны нам душой и телом!

Туан кивнул, с трудом удерживаясь от радостной улыбки.

— Они решили, что с нами лучше, чем против нас, либо я жестоко ошибаюсь. Пожалуй, последние годы не прошли

напрасно. Разошли весть, мой славный сэр Марис! Скажи всем моим вассалам о моей великой радости и вели им ждать меня на Деспардской равнине. Собравшись там, мы тронемся в путь — на аббатство!

Поддерживая Хобэна под мышки, Анхо пригнулся и втолкнул его в полутемную келью. Только луна освещала эту тесную комнату — четыре фута в ширину, десять в длину, с единственным узким окошком, прорезанным в дальней стене. Но глаза Анхо успели привыкнуть к темноте — ведь он вел брата оттуда, где того высекли розгами, по темным коридорам, — и потому он разглядел в полумраке узкую лежанку. Он дотащил Хобэна до лежанки и помог ему лечь. Хобэн стиснул зубы и застонал от боли.

— Прости! Прости! — забормотал Анхо. Залившись слезами, он опустился на колени рядом с лежанкой и извлек из рукава своей сутаны маленький глиняный горшочек. — Я не хотел причинить тебе боль, брат!

— Это я должен просить у тебя прощения, — выдохнул Хобэн. — Я тебе все испортил. Как ты теперь тут будешь жить?

— Испортил? Ты про мою должность при архиепископе? — Анхо покачал головой. — Мне это безразлично. Я пришел сюда, чтобы стать священником, брат мой, а не монахом. Это архиепископ — тогда еще он был аббатом — уговорил меня вступить в братство, но я радовался этому не более, чем другие. Монахи полагали, что я не гожусь для такой жизни, да и я сам думал так же. А теперь потерпи. Аптекарь проявил сострадание к тебе и тайком дал мне целебной мази, покуда тебя секли розгами. О брат мой! Как же жесток был тот, кто бил тебя!

— Он сделал то, что ему приказали, братец, и он был верен своему господину, как и я — своему, — со стоном вымолвил Хобэн. — О нет, кто бы жаловался, только не я... О-о-ой!

— Я тебя предупредил, — со слезами на глазах проговорил Анхо. — Но пройдет несколько минут, и мазь снимет боль... О Господь милосердный! — Он запрокинул голову и устремил взор ввысь. — Благодарю тебя от всего сердца за то, что мой брат остался жив! С этих пор каждый день я буду читать благодарственную молитву с четками до окончания моей жизни!

— Это тяжкий обет, — пробормотал Хобэн. — Я и не знал, что я тебе так дорог.

— О, какой же ты глупый! — в отчаянии вскричал старший брат. — Разве ты не знаешь, что из всех друзей, которыми нас одаривает Господь, самые дорогие те, что родные нам по крови? И все же по-прежнему считаю, что ты поступил глупо, выступив против нашего ордена и нашего архиепископа!

— Я понимаю, что я отяготил твою жизнь до окончания веков, — приглушенно отозвался Хобэн. — Но я боялся, что ты окажешься меж двух огней... С одной стороны — архиепископ, а с другой — те монахи, что желают сохранить верность Риму. И вот я добился того, что ты угодил в эту самую ловушку!

— Что я слышу? Ты ругаешь себя за то, что поступил так, как подсказывала тебе совесть? О, как слаб человек! Да, я готов поверить, что тебя сюда привела забота обо мне, как и верность королю! Так что же, теперь ты хочешь убедить меня в том, что поступил неправо? Или в том, что пришел сюда только искать приключений?

Хобэн немного помолчал, потом ответил:

— Нет. Я пришел сюда, движимый верой, брат мой. И если бы можно было все начать сначала, я бы поступил точно так же, нисколько не желая навредить тебе. Потому что я верю в его святейшество — божественное Око, и в Римскую Церковь, хотя многие поговаривают, будто ее и нет вовсе и что это просто детские сказочки. Если так —

стало быть, я до сих пор дитя. Но еще более крепко я верю в короля и королеву.

— Ну, если так, то тогда перестань мучиться угрызениями совести! Ты перенес такую боль, а меня пока никто и пальцем не тронул! О, если бы я только мог разделить с тобой эту боль! Гордость за то, какой пост занимаешь, — это ничто в сравнении с душой. Если в моей душе и был грех, так только грех обиды за тебя. А что до высокого поста в ордене — то мне это безразлично.

— Если ты и вправду так думаешь, — болезненно усмехнувшись, проговорил Хобэн, — то ты либо самый плаксивый из монахов, либо самый святой.

— Что ж, пусть я самый плаксивый. Зато я точно знаю: я хороший брат.

19

-Романов едет!

Род посмотрел в ту сторону, куда указывал Туан. Из-за мыса vyplыл еще один корабль, на палубе которого было множество людей и лошадей.

— А когда-то он был вашим врагом, — с улыбкой заметил Род. — Приятно видеть, что он спешит вам на выручку, верно?

— О, еще как верно! — Туан обвел взглядом равнину и облегченно вздохнул. — Ведь все эти лорды были моими врагами, кроме моего отца! Когда Катарина правила страной одна, мы защитили ее от их нападения — ты, я и наши союзники. — Его глаза затуманились. — И все же некоторые и теперь выступили против меня.

— Есть надежда, что подрастающее поколение так не поступит, ваше величество. Как знать... Может быть, вам вновь удастся объединить страну.

— Не удастся, если кому-то не по душе править страной в мире, — проворчал Бром, стоявший рядом с королем. Карлик ростом едва доходил Туану до пояса. — Вы, ваше величество, так страшились войны, а теперь, на поле предстоящего сражения, радуетесь, как мальчишка!

Туан усмехнулся, выпрямился и расправил плечи.

— Признаться, в боевых доспехах я всегда чувствую себя увереннее! Да и совесть моя чиста, ибо я точно знаю, что сделал все ради того, чтобы сохранить мир!

— Может быть, в этом вы даже слегка перестарались, — заметил Род. — Разве нельзя было устроить маленький обманный маневр до того, как архиепископ успел собрать свое войско? — Но он увидел, какими возмущенными стали взгляды короля и Брома, и поднял руку, чтобы предупредить их возражения. — Нет-нет, не надо ничего говорить. Понимаю, это бесчестно.

— Должен признаться, что ваше последнее замечание вполне оправданно, лорд Чародей, — сказал Мак Ги. — В особенности с точки зрения средневековой цивилизации.

— Ну да, я понял, на что вы намекаете. От того, что мы извлекли из монастырского елea муху в лице брата Альфонса, легче нам не стало. Его нет в монастыре, а архиепископ продолжает собирать войско.

Туан кивнул:

— Это было глупо, но я очень надеялся на то, что, оставшись без своего наушника, аббат покается и запросит перемирия.

— Да, это странно, — буркнул Бром. — Вполне можно было предположить, что он прислушается к своему сердцу, к своей совести — теперь, когда этот злой демон покинул его.

— А может быть, он и прислушивается к своему сердцу. Вот только кто сказал, что у него есть совесть?

Мак Ги положил руку на плечо Рода:

— Будьте милосердны, лорд Чародей. Будьте милосердны.

— Что же, уже нельзя хоть разок побыть реалистом?

— А зачем начинать именно сейчас? — слышался голосок Векса за ухом Рода.

Род нахмурился:

— Странное эхо тут, на вершине холма... Безусловно, может быть и так, что у милорда архиепископа есть еще какой-то тайный искушитель. А нельзя ли спросить об этом брата Альфонсо?

— Нельзя, если только ты не желаешь разбудить его, — проворчал Бром. — Лично я этого вовсе не желаю.

— Вот как? Так он действительно настолько неотразим?

— Ну уж это я не знаю, — фыркнул карлик. — Но лежит как миленький и крепко спит сном, который на него напустили эльфы. Один из них неотлучно сидит рядом с Альфонсо — следит, чтобы тот не пробудился.

Род кивнул:

— И уж конечно, вы не одарили его парой-тройкой ночных кошмаров? Или все-таки одарили?

Архиепископ стремительно вошел в свой кабинет, быстро обвел его взглядом.

Его взгляд упал на леди Мейроуз, которая сидела за столом и читала. Она склонилась над книгой, и пышная грива ее волос цвета червонного золота была подзолочена солнцем. Архиепископ остановился, на миг потрясенный красотой этой женщины. Он даже почти забыл о своих заботах и волнениях, глядя на нее. Мейроуз оторвала взор от книги, лучезарно улыбнулась архиепископу, но тут же заметила, как он смотрит на нее, и в страхе воскликнула:

— Милорд архиепископ! Я не подумала... Я решила, что вы не будете возражать, если я...

— Нет, нет! — Архиепископ замахал руками. — Я безмерно рад видеть вас, миледи!

Она облегченно улыбнулась:

— Так что же тогда так встревожило вас, милорд?

— О... Донесения наших... разведчиков — кажется, так принято называть людей, которых посылают вперед, чтобы они следили за продвижением вражеских войск. — Он отвернулся, стал заламывать руки. — А я никак не думал, что король поведет в бой против нас такое многочисленное войско!

Леди Мейроуз, глядевшая ему в спину, прищурилась.

— Они разобьют нашу армию наголову, растерзают воинов в клочки! И даже если победа окажется на нашей стороне, все равно погибнет слишком много людей! О Боже, Боже милосердный! — Архиепископ закрыл лицо руками. — Неужто и вправду верен избранный мной путь? Неужели превосходство Грамерайской Церкви воистину стоит такого ужасного кровопролития?

— Милорд! — вскричала леди Мейроуз. — Я потрясена тем, что вы можете сомневаться!

Архиепископ опустил руки и изумленно посмотрел на свою гостью.

— Какие могут быть сомнения, — пылко продолжала леди Мейроуз, — когда король ведет против вас такое огромное войско? Разве вы повинны в том, что эта битва состоится? О нет, она состоится, и кровь прольется только из-за того, что короли так безбожны! Да вы задумайтесь! — Она подошла к архиепископу и взяла его за руки. — Это сражение положит конец всем сражениям! Когда король опустится перед вами на колени и признает, что вы, вы должны править страной от имени Господа, больше никогда не будет войн и никогда не прольется ничья кровь!

— Но если... — Архиепископ сглотнул подступивший к горлу ком. — Если король погибнет?

— О, тогда тем более правление страной должны взять на себя вы! Кто же еще может править, кроме Церкви?

Несколько мгновений архиепископ стоял неподвижно, а потом его глаза жарко загорелись.

Леди Мейроуз заметила это и подлила масла в огонь:

— Ваш долг перед ближними в том, чтобы довести до конца начатое священное и праведное дело! И прежде всего это — ваш долг перед Богом. Вы должны быть храбрым, дерзким, решительным! — Она вошла в раж, но не боялась этого, потому что знала, что ярость ей к лицу. — Посмейтесь над властью людской! Вы победите, вы должны победить, ибо вы — Глас Божий в этой стране!

— А вы — воистину отважная душа, — выдохнул архиепископ, крепко сжал руки девушки и посмотрел ей в глаза. — Да-да, все так, как вы говорите! Мы пойдем вперед, мы победим! А когда воцарится Божеская власть, весь народ Грамерая тысячу лет будет прославлять ваше имя!

Она покраснела и потупила взор (это у нее отлично получалось).

— Если я сумела придать вам сил, милорд, только это и важно для меня. Мнение других людей мне безразлично.

— Но оно не безразлично мне.

Что-то было в том, как это было сказано, что-то такое, что заставило леди Мейроуз поднять голову и посмотреть в глаза архиепископа. Сердце девушки было готово выскочить из груди. Взгляд архиепископа был откровенно серьезен и решителен.

— Я должен рассказать вам о недавнем указе, изданном мной, — сказал он негромко, но с чрезвычайной убежденностью. — С тех пор как с тиранией Рима для Грамерая покончено, мы более не обязаны подчиняться установлениям тамошней Церкви. Они глупы, они давно изжили себя! Люди не должны требовать процентов за то, что дают деньги в долг, люди не должны вносить огромные пожертвования в церкви, ожидая, что за это будут не так долго томиться в Чистилище, а священникам следует позволить вступать в брак!

Мейроуз замерла. Она уже слышала об этом, но теперь, когда архиепископ сказал ей это сам, девушка застыла от волнения. Цель всей ее жизни была так близка!

— Нет никаких особых причин, почему бы священникам нельзя было жениться и становиться отцами семейства, — твердо заявил архиепископ. — Тем более нам, членам ордена Святого Видикона! Так я написал в своем указе!

Он умолк, не отводя глаз от Мейроуз, а она думала только об одном: либо у нее сейчас разорвется сердце, либо она упадет в обморок.

И тут архиепископ спросил:

— Вы выйдете за меня замуж? Вы согласны стать моей женой?

Туан ощутил порыв предрассветного ветерка и посмотрел в ту сторону, откуда должно было взойти солнце.

— По крайней мере с погодой в день сражения нам повезло, лорд Чародей.

— Это верно. И в кои-то веки наши семейства не сопровождают нас на этой загородной прогулке! — с искренним облегчением отозвался Род.

По всей равнине воины гасили костры и сворачивали шатры.

— Готовятся к бою, — заключил Туан. — Как дела у наших воинов, лорд советник?

— Оружие к бою готово. Всем выдано по стаканчику бренди, — ответил Бром. — Воины строятся в шеренги, ваше величество.

— Зрелище поистине захватывающее, — проговорил Мак Ги, восхищенно оглядываясь по сторонам. — Прежде мне никогда не доводилось видеть ни рыцарских турниров, ни крупных средневековых сражений.

— Если Богу будет угодно, вы и сегодня не увидите боя, святой отец, — усмехнулся Туан и крикнул: — Хо! Сэр Марис!

Сенешаль подъехал к королю верхом на боевом коне.

— Да, ваше величество?

— Возьми белый флаг и поезжай вперед в знак того, что мы желаем переговоров. Не сомневаюсь, с их стороны будут архиепископ и герцог ди Медичи, поэтому встретим их мы с лордом Чародеем!

— Как прикажете, ваше величество, — вздохнул сэр Марис, — хотя толку от этого не будет.

Тем не менее он развернул коня и отправился за белым флагом.

— А нельзя ли и мне с вами? — растерянно спросил Мак Ги. — Если с их стороны будет присутствовать священнослужитель, резонно, чтобы он был и с вашей стороны.

— Простите, святой отец. Как местный действующий представитель Ассоциации Борцов с Ростками Тоталитаризма, я вынужден настаивать на том, чтобы вы избегали того, что у нас принято называть культурной контаминацией.

— В смысле, никто не должен знать, что я с Терры? Да, я полагаю, отец Ювелл старательно сохранял инкогнито.

— Вот именно. Он вмешался в самую последнюю секунду. И даже тогда он всего-навсего сообщил аббату, кто он такой. — Род покачал головой. — Мы обязаны позволять местному населению самостоятельно решать свои проблемы, святой отец, а не то у людей разовьется общенациональный комплекс неполноценности.

— Но если так рассуждать, — пытливо взглянув на Рода, спросил Мак Ги, — не следует ли и вам также ни во что здесь не вмешиваться?

Род собрался было ответить одно, но тут у него включилась логика, и он сказал совсем другое:

— Я — иное дело, святой отец. Я местный.

— Ну, если так, то вы единственный местный житель, который родился и был воспитан на астероиде в сумасшедшей дали от Грамерая. Будет вам, лорд Чародей. На каком основании вы претендуете на здешнее гражданство?

— На том основании, что у меня здесь жена и четверо детей, и все они — местные уроженцы, — буркнул Род. — Так что давайте договоримся, святой отец. Прошу вас, держитесь подальше от местных разборок, о'кей?

С этими словами Род пришпорил Векса и поехал следом за Туаном вниз по склону холма, попутно обдумывая то, что только что сказал Мак Ги. Может быть, в этом и была правда, от которой ему хотелось заслониться?

Размышлять на эту тему было настолько тягостно, что Род даже немного обрадовался, увидев герцога и архиепископа, несмотря на то что ди Медичи неприятно, мстительно ухмылялся. Род нахмурился и еле слышно пробормотал:

— *Векс, послушай: соотношение сил три к двум в нашу пользу, и к тому же в войске под командованием Медичи четверть солдат — монахи. Чего же он так хорохорится?*

— Вероятно, рассчитывает как раз на монахов — колдовской легион архиепископа, Род. Не все же им страшилок творить.

Удар был силен, и на миг у Рода пренеприятно заныло сердце. Но тут он вспомнил о Тоби и отряде чародеев и волшебниц под его командованием.

— *Верховный Чародей — заместителю. Гэллоугласс вызывает Тоби. Тоби, на связь!*

Отправив это мысленное послание, Род напряг все свои органы чувств. Векс, конь-робот, мог и без вожжей обойтись, и сам вез Рода туда, куда надо было — к месту переговоров. Наконец Тоби откликнулся.

— *Мы слушаем тебя, лорд Чародей!*

— *Слава Богу! Отправь свою команду сюда, на Деспардскую равнину, ладно? Похоже, архиепископ намеревается из-*

вlech из шляпы пару-тройку кроликов, а нам нужно, чтобы вы записали их обратно!

— *Большая часть из нас уже на месте, лорд Чародей. Так посоветовала ваша жена. Но дома мы оставили стражу.*

Род почувствовал, что краснеет.

— Опять она меня на шаг обставила, Векс. — Но в следующее мгновение он усмехнулся. — О, что за женщина!

— А ты растешь, Род, — заметил Векс.

— Угу. Может быть, в один прекрасный день и до нее дорасту. *Спасибо, Тоби*, — добавил он мысленно. — *Просто будьте наготове, ладно? А Гвен передай: пусть пошлет за нянькой.*

— *Как прикажете, лорд Чародей.*

И тут Векс остановился. До архиепископа с герцогом оставалось всего пять шагов. Времени на обдумывание тактики не осталось. Род склонил голову.

— Ваша милость. Ваша милость.

— Лорд Чародей, — произнес архиепископ на редкость неофициальным тоном.

Род взглянул на начищенный до блеска латный нагрудник архиепископа.

— Вы уж простите меня, милорд, но все же вы странно смотрите в доспехах и в митре одновременно.

Архиепископа бросило в краску.

— Что, неужели это такая редкость, чтобы священнослужителю доводилось обороняться?

— Я вообще не ожидал, что духовенство примет участие в сражении. И разве вам не полагается епископский посох?

Архиепископ поднял палицу и мрачно ответил:

— Не сомневаюсь, нынче она послужит мне лучше.

— Если вы меня спросите, то я скажу, что это — довольно странное предсказание.

— Я не стану вас спрашивать, — помрачнев, ответил архиепископ. — Знайте, лорд Чародей, что Господь наш сказал только: «Мечом живущий мечом погибнет». И даже если мы распространим Его слова на все колющее и режущее оружие, то священнослужителям все равно можно носить оружие незаточенное.

Род вдохнул поглубже, стараясь унять охватившее его возмущение и удержаться от комментариев насчет духа и буквы закона. Воспользовавшись паузой, слово взял Туан.

— Милорд, для меня, как и для вас, важнее всего благо народа, и потому я бы предпочел воздержаться от применения оружия в решении нашего спора. Неужели не осталось никаких средств достижения мира между нами?

— Что я слышу? — безразлично фыркнул ди Медичи. — Вы лицемерите и распускаете сопли! Не ожидал от вас такого, Туан Логир!

Король зарделся и перевел взгляд на герцога.

— Нет ничего зазорного в том, чтобы поступить по велению Господа, милорд, и избежать убийства ближних. — Сказав так, Туан вновь обратился к архиепископу. — Так что же, есть ли путь к миру?

— Несомненно, есть, — отвечал архиепископ с каменным лицом. — Если вы отречетесь от вашей ереси и вступите в лоно Грамерайской Церкви.

Туан печально покачал головой:

— Этого, милорд, я сделать не могу. Почитаю греховным отречься от Римской Церкви ради собственной выгоды.

— Ваша выгода в том, чтобы отказаться от подчинения мне! — сверкнув глазами, воскликнул архиепископ. — О нет, для меня вы — человек, изменивший истинной вере!

Род сдвинул брови. Архиепископ вел себя на редкость нетипично. Он просто-таки на себя не был похож. Неужели внутри него всегда обитало чудовище, которое он

столько времени держал на привязи? Или для такого поведения существовала какая-то другая, более очевидная причина?

— Можно было бы поразмышлять и относительно той выгоды, которой ищете вы, милорд. Насколько мне известно, ваши проповедники объявили о вашем указе, в котором вы позволяете священнослужителям жениться.

— В этом вопросе Рим всегда ошибался!

— Однако вслед за этой вестью пришла еще одна: весть о том, что вы помолвлены с леди Мейроуз Реддеринг, — прищурившись, негромко проговорил Род. — Можно поставить под вопрос то, какие мотивы руководили вами, милорд, когда вы подписывали свой указ. Как знать — быть может, вы позволили священникам жениться только ради того, чтобы удовлетворить собственную похоть.

— Лорд Чародей! — прошипел Туан, а архиепископ побледнел.

Не дав ему возразить, Род подлил масла в огонь:

— И если прочие ваши решения — всего лишь индугенции для вас лично, то всему вашему расколу грош цена. Натуральное лицемерие, и больше ничего.

— Хватит! — прокричал архиепископ, развернул коня, обернулся и бросил через плечо: — Справедливость моих убеждений докажет оружие! Защищайтесь!

Герцог, довольно улыбаясь, проводил архиепископа взглядом, оглянулся и насмешливо поклонился Туану.

— Превосходные слова о мире, милорд. — Он взглянул на Рода. — А вам легко было оскорбить человека, у которого недостает умения защитить свою честь, лорд Чародей. Я с радостью сражусь с вами вместо него. Ну, вы готовы выйти на поединок со мной? Пусть за ним наблюдают оба войска!

— Как только будут завершены переговоры, — поджав губы, ответил Род, — мы встретимся с вами в указанном вами месте.

Герцог удивленно вздернул брови, широко улыбнулся и поклонился, затем пришпорил своего скакуна, развернулся и погнал коня галопом к своему войску.

Туан тоже развернул свою боевую лошадь и устремил взгляд туда, где выстроились готовые к бою рыцари.

— И чего же вы добились, лорд Чародей?

— Надеюсь, я добился того, что наши противники допустили ряд глупейших ошибок, ваше величество. Взысканный полководец не слишком хорошо мыслит.

Туан резко взглянул на него, подумал и понимающе кивнул:

— Мне следовало догадаться, что вы не просто так лезете на рожон. И все же я крайне огорчен тем, что нам не удалось решить спор мирным путем.

— Да, но вы старались, как могли. Теперь ваша совесть чиста, так что наслаждайтесь боем!

Туан озадаченно уставился на Рода, а в следующее мгновение его губы расплылись в улыбке.

— Что ж, я думаю, по меньшей мере бой будет волнующим. — Он обозрел свое войско, высоко поднял голову, сверкнул глазами. — Вперед, лорд Чародей! Если нам суждено драться, будем драться на совесть!

С этими словами он пришпорил коня и пустил его быстрым галопом.

Род последовал за Туаном, еле слышно проговорив:

— О'кей. Вот как все обернулось. Но по крайней мере я хотя бы не сделал хуже, чем было!

— А теперь давай поскорее одержим победу, Род, — отозвался Векс. — Чем короче будет бой, тем меньше будет жертв.

Род придержал коня и остановился между королем, который уже отдавал приказы гонцам, и отцом Мак Ги. Тот встретил Рода испытующим взглядом.

— Ну что, удалось нам неопровержимо доказать, что местные жители не способны самостоятельно решить свой спор?

— Да, черт подери! — буркнул Род, смутился и добавил: — О... прошу прощения, святой отец.

— Не извиняйтесь. Но как хотелось бы соорудить плотину на пути этого бурного потока... — Мак Ги прищурился и устремил взгляд в сторону войска мятежников. — На самом деле, пожалуй, стоит попробовать... Н-но! — Он прищипорил коня и во весь опор поскакал к армии противника.

— Что за... Вернитесь!!! — крикнул Род, закрыл лицо ладонью и застонал.

— Что это с отцом Мак Ги? — ошарашенно проговорил Туан. — Он что, рассудка лишился?

— Нет, ваше величество. Он всего лишь рассвирепел.

— Безбожный отступник! — выкрикнул отец Мак Ги на скаку. — Иуда!

Архиепископ, еще не успевший добраться до передовых шеренг своей армии, изумленно обернулся, увидел всадника в монашеской сутане, и побледнел.

Леди Мейроуз, стоявшая на холме позади войска, тоже сильно побледнела, вогнала шпоры в бока своей скаковой лошади и закричала:

— Расступитесь! Пропустите меня! Я должна выехать ему навстречу, иначе всему конец!

Воины расступились, движимые более изумлением, нежели послушанием.

Архиепископ дышал, как рыба, выброшенная на берег.

— Неужто вы позволите какому-то монаху укорять и оскорблять вас? — требовательно воскликнул ди Медичи. — Воспряньте духом, милорд! Вы погубите и себя, и нас! Вы должны сурово отчитать этого человека!

Архиепископ закрыл рот, поджал губы и погнал коня навстречу Мак Ги.

— Прочь с дороги, самозванец! Кто ты такой, чтобы укорять своего архиепископа?!

— Вы отлично знаете, кто я такой! — в гневе вскричал Мак Ги. — Я Моррис Мак Ги, глава ордена Святого Видикона Катодского! На колени перед тем, кто старше тебя, лживый прелат!

Его слова были хорошо слышны и тому, и другому войску. Все воины до единого — и рыцари, и простые крестьяне — вытаращили глаза и раскрыли рты.

— Он сделал это! — воскликнул Туан. — Он дал всем понять лживость церковного раскола!

Однако архиепископ пока не сдавался:

— Это ты самозванец и лжец! Возможно, ты даже не священник! Никто никогда не видел главу ордена. Он никогда не бывал на Грамерае!

— А теперь он здесь! — Мак Ги резко выбросил вперед руку с вытянутым указательным пальцем. В лучах яркого утреннего солнца ослепительно сверкнул его перстень. — Вот мой перстень и вот моя печать!

Только архиепископу был отчетливо виден знак ордена: узкая медная полоска интегрального чипа — микросхемы в зажиме типа «крокодил», а рыцари обеих войск заметили только то, как архиепископ мертвенно побледнел.

— Это настоящий знак! — прошептал он. — Это перстень, изготовленный самим святым Видиконом! Как часто я видел его изображение в наших священных книгах, и оно же — на нашей печати!

Королевские воины не понимали, что происходит, но почувствовали, что дела идут на лад, и радостно вскричали.

Их голоса для герцога ди Медичи прозвучали победным кличем. Он в отчаянии стал озиаться по сторонам, он был готов повести войско в бой, но заметил сомнение в глазах своих солдат и понял, что, если армия короля пой-

дет в атаку, они отступят. Движимый последней надеждой, Медичи воззвал к отряду монахов:

— Слушайте меня, люди Божьи! Вашему господину грозит опасность! Вперед, за мной, вызволим его!

Монахи переглянулись, перевели взгляды на архиепископа и Мак Ги и не тронулись с места.

— Я обезглавлю любого, кто откажется идти за мной! — вскричал ди Медичи и выхватил меч из ножен.

Монахи в страхе смотрели на него. Затем вперед вышел отец Ригорий. Один за другим следом за ним потянулись другие монахи.

Леди Мейроуз проскакала мимо них и, оказавшись рядом с архиепископом, придержала свою лошадь.

— Милорд, вспомните! Вспомните о прегрешениях Римской Церкви! О тех пороках, которым позволяет процветать Папа!

— Его святейшество не может никого силой заставить блюсти Заповеди, — громогласно возвестил в ответ отец Мак Ги. — Ибо Христос сказал: «Кесарю — кесарево!»

— Папа поощряет ростовщичество!

— Церковь никогда не одобряла займов под высокие проценты! — возразил Мак Ги.

— Он продает индульгенции!

— Папа говорит о том, что только молитвы и добрые дела — вера, надежда, милосердие — помогают верующим в достижении Царствия Небесного!

Ди Медичи подскочил к Мак Ги и воззрился на него снизу вверх, грозный и свирепый. Его конь заржал и встал на дыбы. Мак Ги одарил его коротким презрительным взглядом и вновь посмотрел на архиепископа.

— Вперед, рыцари! — гаркнул ди Медичи. — Вперед, милорды Флоренцо и Пердито! Проучите этих трусливых церковников, поставьте их на колени!

— Ни с места! — выкрикнули в унисон архиепископ и отец Мак Ги и развернулись к герцогу. Упомянутые ди

Медици графы смогли только переглянуться, охваченные страхом.

— Властью, данной мне Господом, повелеваю вам отступить! — во весь голос воскликнул архиепископ. — Не ваше дело вмешиваться в разговор священнослужителей!

Ди Медици прищурился, на несколько мгновений задержал взгляд на архиепископе, затем кивнул и поворотил коня. А архиепископ с упавшим сердцем понял, что независимо от исхода сражения он утратил расположение герцога навсегда.

Вернувшись взглядом к отцу Мак Ги, он попытался спасти хотя бы то малое, что мог.

— Риму нет дела до Грамерая. Оттуда нам могут что-то приказать, не понимая, к чему приведут такие приказания!

— Папа так тревожится за ваш народ, что в свое время отправил на Грамерай отца Ювелла со срочной миссией и велел ему собрать как можно больше сведений о вашей стране, — прокричал в ответ отец Мак Ги. — А теперь он послал к вам меня, дабы я отдал вам распоряжения, основанные на полном понимании положения дел!

Леди Мейроуз схватила архиепископа за руку, закованную в латную рукавицу.

— Подумайте, милорд! Если вы покоритесь Риму, у вас не будет меня!

Архиепископ вздрогнул, в его взгляде отразилась тревога. Он в отчаянии огляделся по сторонам и только теперь увидел, что его окружили монахи.

— Отец Ригорий! — обрадованно воскликнул он. — Брат Хасти! Все мои собратья и чада! Взять этого самозванца!

Мак Ги медленно поднял руку, и все монахи увидели его перстень.

— Вы давали обет повиновения! — в отчаянии вскричал архиепископ. — Я повелеваю вам исполнить обет!

— Мы давали клятву верности ордену, милорд, — бесстрастно возразил отец Ригорий. — А стало быть — главе ордена. Наша верность ему выше повиновения вам.

С этими словами он опустил на колени и склонил голову перед отцом Мак Ги. Остальные монахи последовали его примеру.

— Вы никогда по-настоящему не верили в меня и мое дело! — прошептал архиепископ. Лицо у него стало землисто-серого цвета. — В глубине ваших сердец вы всегда желали сохранить верность Риму и королевскому престолу. Просто у вас не хватало храбрости открыто сказать об этом!

Ригорий стоял на коленях с низко опущенной головой. Он не стал ничего отрицать.

— Труссы! — взвыла леди Мейроуз. — Если вы не желаете покончить с самозванцем, это сделаю я!

Она выхватила палицу из ослабевшей руки архиепископа и размахнулась, готовясь ударить ею отца Мак Ги.

Но тут воздух над полем боя рассек пронзительный крик, подобный голосу ангела мщения, и с небес вниз устремилась маленькая фигурка верхом на метле. Палица выскользнула из руки леди Мейроуз, да так резко, что та чуть было не упала с лошади. Смертоносное оружие крутанулось в воздухе и зависло над головой женщины. Мейроуз взвизгнула, закрыла лицо руками, стремясь защититься от шипов, которыми была утыкана головка палицы. Архиепископ в страхе вскрикнул, бросился на помощь Мейроуз, схватил палицу.

— Злобная искусительница! — прокричала маленькая волшебница, кружась над Мейроуз. — Подлая соблазнительница!

А в следующее мгновение к девочке сверху спикировала взрослая волшебница и вскричала:

— Милорды графы! Славные рыцари! Неужто вы позволите этой подколодной змее ужалить вас, оплести своими кольцами? Нет! Схватите ее и свяжите!

Не только ее голос и тон воздействовали на воинов. Графы наконец очнулись и не без облегчения прищипорили своих коней. С десятков рыцарей бросились к леди Мейроуз, чтобы вырвать ее из объятий архиепископа. Тот взревел от ярости, дал волю своему гневу и размахнулся палицей, грозя тому из рыцарей, что оказался ближе других.

В это мгновение как бы ниоткуда в воздухе под звук, напоминавший ружейный выстрел, возник Джеффри. Он храбро поднял руку, и палица отскочила от завесы невидимого защитного поля.

— Нападаете на людей, да? — отважно прокричал Джеффри. — Вы, человек, проповедующий слово Христа?! Вы, смевавший повелевать рыцарями и герцогами! Вы предали Заповеди! Вы отступник! И вы недостойны облачения, которое носите!

В панике архиепископ продолжал пытаться ударить мальчика. Он наносил удар за ударом, но Джеффри безмятежно отражал все до единого.

Один из воинов не выдержал и расхохотался. Потом — еще один, и еще, и вскоре все поле несостоявшегося сражения огласилось дружным веселым смехом. И действительно: потешно было смотреть на то, как маленький мальчик напугал разъяренного архиепископа.

Ди Медичи в полном отчаянии взревел и бросился к Джеффри.

— Черта с два! — рывкнул Род. — Вперед, Векс!

Громадный черный жеребец оглушительно заржал, встал на дыбы и стремительно понес своего седока к герцогу.

Ди Медичи заметил Рода и развернул своего коня. Выхватив меч, он помчался навстречу Чародею.

Отразив первый удар соперника, Род налетел на него со всей силой злости, а Векс толкнул боком лошадь герцога. Ди Медичи покачнулся в седле, а Род крепко обхватил его шею.

— Сам Господь отдал его в мои руки! — проревел Род. — Сдавайтесь, милорд! Просите пощады! Все, кто шел за этим изменником, сложите оружие, иначе он умрет!

Один за другим рыцари опустили мечи и положили их наземь. Воины-пехотинцы, довольные улыбаясь, побросали копья.

Все разоружились — кроме тех рыцарей, которым наконец удалось окружить леди Мейроуз и стащить ее с лошади. Рыцари схватили женщину и связали ее руки за спиной. Она кричала и билась и проклинала их такими словами, которых никто из них никогда не слышал из уст благородной дамы. Мейроуз вопила так громко, что рыцари даже не услышали призыва лорда Чародея сложить оружие.

Из онемевших пальцев архиепископа выпала палица.

— На колени! — громогласно воскликнул Мак Ги. — Покайтесь, покуда у вас есть такая возможность!

Архиепископ, бледный как мел, соскользнул с коня. Только одно мгновение ему удалось продержаться на ногах, и он рухнул, сраженный обмороком.

Род, тяжело дыша, увидел эту картину через плечо ди Медичи, которого он пока не отпустил. Увидел он и то, как гордо держится в седле король Туан и как радостно и широко он улыбается.

Род нахмурился:

— Могли хотя бы немножко подсобить мне, ваше величество!

— Зачем? — невинно пожал плечами Туан. — Вы и ваши детишки и сами прекрасно справились!

20

Косые лучи послеполуденного солнца, проникая сквозь высокие окна, озаряли большой зал королевского замка, золотили доспехи и регалии собравшихся баронов и рыцарей. Король и королева в пурпурных мантиях сидели на тронах под шелковым балдахином.

Лицом к ним стоял Хобэн, одетый в чисто выстиранную рубаху и штаны. Он старался держаться прямо и гордо, но напуган был намного сильнее, чем тогда, когда стоял перед судом архиепископа.

— Знайте же все, — вскричал громкоголосый глашатай, — что этот достойный человек по имени Хобэн отважно отправился в монастырь ордена Святого Видикона, понимая, чем ему это грозит, но все же твердо решил раздобыть там вести, необходимые их величествам. И он передал им эти вести, благодаря которым был изобличен изменник Альфонсо и затем попал в руки короля и королевы. Тем самым в большой степени была обеспечена победа в сражении на Деспардской равнине. В благодарность за это отважное деяние их величества провозглашают Хобэна кавалером Ордена Колеса!

Зал огласился ропотом. Речь шла о высшей государственной награде, которую только могли вручить представителю четвертого сословия. Туан кивнул сэру Марису, тот вышел вперед и надел на Хобэна цепь с орденом. Крестьянин восторженно и изумленно уставился на золотой медальон, который лег ему на грудь.

Герольд громко дунул в фанфару, и придворные умолкли. Катарина горделиво вздернула подбородок и возвестила:

— Дабы еще более возвеличить тебя за твой подвиг, достойный Хобэн, мы даруем тебе свободу и с этих пор нарекаем тебя йоменом по фамилии Бравура!

Придворные загомонили еще громче, но на этот раз — одобрительно. Хобэн густо покраснел.

— Ваше величество... Я недостоин...

Туан оборвал его, царственно подняв руку, и дал знак герольду. Тот снова сыграл на фанfare. Придворные послушно умолкли, а Туан сказал:

— Мы жалуем тебе десять акров земли, которой отныне будешь владеть ты и все потомки твоего рода до скончания веков, — десять акров земли в графстве Шикки, которое прежде было владением ди Медичи, а теперь становится уделом лорда Верховного Чародея!

Хобэн чуть было чувств не лишился от потрясения, а толпа вельмож огласилась изумленным гулом. То, что земли изменника были конфискованы и переданы человеку, выказавшему верность монархам, было не слишком удивительно, но все же это было великим знаком справедливости короля и королевы.

— Господин мой, но ведь это так далеко от нашего дома, за горами! — прошептала Гвен на ухо Роду.

— Знаю, милая, — невесело отозвался Род. — Но думаю, сейчас не самое подходящее время убеждать Туана в том, что я не испытываю жгучего желания превращаться в помещика.

Слуга подошел к Хобэну и отвел его в сторону. Новоявленному йомену действительно требовалась поддержка — от всего пережитого он с трудом держался на ногах. Туан дождался, пока в зале стихнет шум, затем снова кивнул сэру Марису. Сенешаль, в свою очередь, дал знак гвардейцам, и те расступились и пропустили свиту рыцарей, которые подвели к тронам короля и королевы ди Медичи и его приспешников. Несмотря на то что изменники были закованы в тяжелые цепи, головы они держали высоко и гордо. Герцог и все остальные выстроились в шеренгу. О, если бы взгляды могли убивать, то Туан и Катарина погибли бы в мгновение ока!

Катарина ответила предателям столь же убийственным взором, а Туан встал с трона с бесстрастным, спокойным лицом.

В зале воцарилась тишина.

— Вы обвиняетесь в государственной измене, — объявил король. — Выслушайте же наш приговор: ваши владения будут уменьшены, а владения ваших соседей, сохранивших верность престолу, увеличены. Вам предоставляются одни сутки для того, чтобы вы успели примириться с Богом, а затем вас отведут в темницы и казнят посредством усекновения главы.

После зачитания приговора во взглядах осужденных появилась гордая обреченность. Они сыграли в рискованную игру и проиграли. Но придворные были поражены милосердием короля. Ведь он мог и не посмотреть, что перед ним особы благородных кровей, и дать приказ пытать их на дыбе и четвертовать.

И поэтому все были искренне возмущены, когда вперед вдруг вышел молодой граф Гибелли и вскричал:

— Пощады! Я прошу пощады для моего отца!

— Молчи! — яростно прошипел ди Медичи, но Туан перевел взгляд на молодого дворянина и торжественно кивнул.

— Милорд Гибелли, вы верой и правдой послужили нам. Говорите. Мы готовы выслушать вас.

Гибелли опустил на одно колено. К нему присоединились другие молодые дворяне.

— Преступление моего отца тяжело и бесспорно, — умоляюще проговорил Гибелли. — Однако я молю вас о милосердии! Не обрекайте наших отцов на казнь! Даруйте им хотя бы возможность покаяться и искупить свою вину, закладываем вас!

— Лорд не должен унижаться и вымаливать прощение, — процедил сквозь зубы ди Медичи.

Туан встретился взглядом с Катариной, вновь посмотрел на Гибелли и кивнул:

— Да будет так, как ты просишь. Ваши отцы вернутся в монастырь, который они столь яро поддерживали, и будут отныне жить в его стенах. В противном случае я предлагаю им отшельничество в дальнем замке под надежной охраной.

— Вы редко столь милосердны, ваше величество, — проговорил Гибелли и еще ниже поклонился королю. — Благодарю вас, ваше величество, и отвечаю перед вами всем, что имею!

— Отныне ты будешь иметь более, нежели прежде, — ответил Туан. Придворные замерли в ожидании — вдруг все поняли, что сейчас будет сказано. В конце концов, таково было правило игры — ведь молодые лорды выступили-таки на стороне монархов.

И Туан не обманул ожиданий дворян.

— Отныне все вы обретете владения отцов. Вы, граф Гибелли, будете именоваться герцогом ди Медичи, а вы, Гвельф, отныне герцог Борджиа. Каждый из вас вступит во владение своими, увы, урезанными землями, и я повелеваю вам управлять ими лучше, чем это делали ваши отцы!

Толпа придворных одобрительно взревела.

— Это опасно, господин мой, — негромко заметила Гвен.

— Верно, но есть шанс, что номер сработает, — не слишком радостно отозвался Род. — Вероятно, эти юные аристократы не пожелают, чтобы у них отобрали еще по изрядному куску земель.

Но вот вельможи снова притихли: ди Медичи сделал шаг вперед и сказал — мрачно, но все же сказал:

— Благодарю вас, ваши величества, за спасение моего рода. И... — Он искоса взглянул на сына. — Я высоко чту твое благоразумие, сын мой.

Молодой человек в страхе посмотрел на Туана, но тут слово взяла Катарина:

— Будьте уверены, милорд, в том, что мы глубоко сомневаемся в вашей искренней преданности нам, и все же будем рады тому, что вы верны нам хотя бы из благо-разумия.

— Благодарю вас, ваши величества, — прошептал Гибелли, не в силах скрыть облегчения. — И позвольте пообещать вам, что мой старший сын станет вашим заложником.

— Легко обещать такое, когда ребенок еще и на свет не появился, — проворчал Род.

— Да, ведь Гибелли даже ни с кем не помолвлен, — подтвердила Гвен.

А король покачал головой:

— Вы пока не совершили измены, милорд герцог, так что вам нет нужды отдавать нам заложника.

Гибелли изумленно взглянул на короля. Молодые лорды озадаченно переглянулись.

Туан нахмурился и устремил взгляд на Катарину.

И тут вперед шагнул виконт д'Огюст и, склонив голову, воскликнул:

→ Ваши величества!

— Мы слушаем вас, д'Огюст, — отозвался Туан.

— Ваши величества, я прошу вас о милости.

— Ваша просьба будет удовлетворена, — с улыбкой отвечала Катарина. — Можете даже не говорить о ней. Мы благодарны вам за бескорыстную службу.

— Кроме того, — впервые за день улыбнувшись, добавил Туан, — мы готовы исполнить вашу просьбу в знак нашей радости по поводу рождения вашего сына.

Зал вновь огласился взволнованным гомоном. Даже молодые лорды затрепетали.

— А я даже не знал, что виконтесса беременна! — удивился Род.

— О да, супруг мой. Младенец появился на свет всего несколько часов назад, — с улыбкой проговорила Гвен.

— И зачем мне, спрашивается, ломать голову над учреждением службы разведки? — вздохнул Род.

— Примите наши поздравления, — торжественно произнесла Катарина. — И поверьте, мы очень сожалеем о том, что беспорядки, учиненные архиепископом, помешали нам оказать честь вашему новорожденному наследнику, как подобает, согласно его положению и титулу. Но не сомневайтесь: мы непременно сделаем это, как только порядок в стране будет окончательно восстановлен.

— Благодарю вас, ваши величества. — Д'Огюст посмотрел на Туана, и король ответил ему взглядом, каким только один счастливый отец мог поглядеть на другого. — А просьба, с которой я желал к вам обратиться, касается моего мальчика.

Туан нахмурился. Для него это явно стало неожиданностью.

— Говорите.

— Я хотел просить вас, ваши величества, о том, чтобы когда моему сыну исполнится четырнадцать лет, вы бы приняли его при дворе, дабы он обучался как сквайр!

Придворные громко зароптали. Туан с Катариной озадаченно переглянулись. Затем Катарина кивнула, Туан последовал ее примеру и вернулся взглядом к д'Огюсту.

Все в зале притихли, чтобы выслушать ответ короля.

— Ваша просьба будет удовлетворена, милорд, и с великой радостью, — громко произнес Туан, и вельможи возликовали.

А позже, когда закатное солнце раскрасило пейзаж за окнами солярия в теплые тона, Туан недоуменно проговорил:

— Безусловно, мы польщены, и у меня такое чувство, что нам в конце концов удастся сплотить страну... но все же зачем он попросил об этом? Да и ребенку-то всего три часа!

— Мы сказали, что у нас нет нужды в заложниках, — добавила Катарина. — Зачем же он желает вынудить нас обрести такого?

— Я так думаю, — с улыбкой проговорила Гвен, — что виконт д'Огюст просто-напросто не может представить лучшего места для своего сына в отрочестве, чем ваш замок.

Род кивнул:

— Верно. Он хотел позаботиться о том, чтобы его сын окончил самую престижную школу, и потому заранее зарезервировал для него местечко.

А на следующую ночь Род стоял, притаившись в тени, за колонной в трапезной монастыря. Он явился туда по приглашению отца Мак Ги, и все прекрасно знали о его присутствии, но сам он решил, что из политических соображений ему следует вести себя как можно более ненавязчиво.

Да и не сказать, чтобы кто-то обращал на него особое внимание. Отец Мак Ги восседал на троноподобном стуле на возвышении, а перед ним стоял аббат, закованный в цепи.

Мак Ги, сверля аббата глазами, провозгласил:

— Вы должны понимать, ваше преподобие, что более вы не можете служить аббатом в этой обители.

— Я тяжко согрешил, я знаю. — Аббат склонил голову. — Что того хуже: я показал себя человеком, неспособным на здравые суждения, и это нанесло суровый удар по нашему ордену и могло повредить его целостности.

— Верно, могло, — кивнув, подтвердил отец Мак Ги. — Воистину, Грамерайский орден никогда более не сможет остаться единым. Хотя, если учесть все «за» и «против», быть может, так и лучше.

Монахи встревоженно переглянулись, но ни один из них не отважился сказать хоть слово.

— В глазах короля и королевы, — продолжал отец Мак Ги, — вы и ваш секретарь повинны в государственной измене.

— Я уже признался в своем прегрешении, — проговорил аббат. Он стоял, опустив голову, но хотя он говорил негромко, голос его был слышен ясно. — Я ужасно согрешил перед Богом и людьми и заслуживаю самого тяжкого наказания.

— Верно, потому что вы поддались искушению. Но ваш секретарь, брат Альфонсо, еще более вас заслуживает наказания, ибо это он смутил вашу душу искусами власти и гордыни. — Почему-то даже теперь в глазах Мак Ги читалась симпатия к аббату. — Решение его судьбы мы передали светской власти.

— Вот молодцы! — в сердцах прошептал Род. — Теперь осталось только ждать, когда Туан откажется его судить!

— Да ведь Альфонсо пока еще не проснулся, — рассудительно возразил Векс.

— И не проснется никогда, если Бром за ним будет приглядывать.

— Вот только почему-то Мак Ги ни словом не обмолвился о том, что на самом деле Альфонсо — агент футурианцев, переодетый монахом, — отозвался Векс.

— Как — «почему-то»? Да потому, что он мне пообещал никому не говорить об этом.

— Я заслуживаю столь же сурового наказания, — заявил аббат.

Мак Ги медленно поднял голову и обвел взглядом монахов.

— Он сам себя приговорил, — сурово проговорил он и спросил: — Если кто-то желает выступить в защиту этого человека, пусть скажет об этом теперь же!

Монахи молчали и растерянно переглядывались.

А потом вперед растерянно, робко шагнул Анхо.

Мак Ги удивленно взглянул на него.

— Говори, — сказал он.

— Я Анхо, — представился монах, — брат Хобэна, того самого, что пришел сюда, чтобы стать одним из нас, а на самом деле добывал вести для короля. Когда это выяснилось, его судил аббат и проявил милосердие к нему, хотя Хобэн был повинен в измене ордену. И теперь мы все очень рады, потому что оказалось, что измена Хобэна на самом деле изменой не была. Так разве нельзя проявить милосердие к тому, кто сам был так милосерден?

Мак Ги понимающе кивнул.

— Славно сказано, брат Анхо. — Он обратился к бывшему аббату. — И поэтому я дарю вам жизнь.

Аббат вытаращил глаза. Казалось, его поразил удар грома.

— И даже невзирая на то, что вы оказались не годным для того высокого поста, который занимали, — продолжал Мак Ги, — вы навсегда останетесь притягательным для тех, кто ищет власти и жаждет распространения ереси. Потому мой приговор таков: вы должны впредь жить в полном одиночестве и вести жизнь набожного отшельника. За пределами Грамерая, — сурово добавил он.

Аббат от облегчения и радости чуть было не лишился чувств.

— Благодарю вас, ваше высокопреосвященство, за вашу щедрость и доброту!

— Пожалуй, он не стал бы так рассыпаться в благодарностях, если бы знал, как далеко собирается сослать его отец Мак Ги, — негромко пробормотал Род, когда Анхо и еще один высокорослый монах вывели из трапезной свергнутого аббата.

— Будем надеяться, что ему это безразлично, Род. Быть может, он вполне искренен в своем желании обрести одиночество и предаться молитвам.

— И самобичеванию? — Род нахмурился и согласно кивнул. — Да, пожалуй, такое стремление у него и вправду имеется.

Отец Мак Ги кашлянул, и в трапезной воцарилась тишина.

— Также я должен сказать несколько слов и о леди Мейроуз. Я говорил о ней с королем, и мы решили, что ее следует осудить на пожизненное заключение. Разведчики его величества уже теперь подыскивают для нее уединенную башню в безлюдных краях.

Род подумал о том, что королевские разведчики наверняка знали такую башню — то есть они знали о ней заранее, еще до того, как королю пришла в голову мысль отправить туда леди Мейроуз.

— Бабушка этой дамы, из любви к ней, согласилась стать ее смотрительницей, — продолжал глава ордена. — А охранять их обеих будут надежные стражники.

Некоторые монахи невольно поежились при мысли о том, что такая молодая женщина должна будет провести всю свою жизнь в одиночестве и глуши. Род хорошо видел: кое-кому из монахов показалось, что такая жизнь ненамного лучше казни.

— Брат Анхо, — позвал Мак Ги.

Молодой монах испуганно оглянулся, посмотрел вправо, влево и нерешительно шагнул вперед.

— Да, милорд?

— Только ты, Анхо, выказал мужество и отвагу, приверженность истине и верность ордену, которые должны украшать каждого монаха, — сказал глава ордена. — Потому с этих пор я назначаю тебя аббатом этой обители на пять лет, а по истечении этого срока ваши братья должны будут проголосовать за то, останешься ли ты на этом посту на новый срок или вместо тебя следует избрать другого.

Анхо побледнел:

— Я недостойн...

— Хороший аббат никогда не скажет, что он достоин, — кивнул Мак Ги. — Подойди сюда! — Анхо неверным шагом поднялся на возвышение. Мак Ги встал и отошел в сторону. — Сядь на этот стул... Понимаю, сидеть не слишком удобно, но что поделаешь? — Он повернулся лицом к монахам. — Подойдите сюда, друг за другом, и поклянитесь повиноваться вашему новому аббату!

Монахи даже не стали тратить время на раздумья и быстро потянулись к Анхо. Новопровозглашенный аббат, от стеснительности запинаясь, произносил слова в ответ на клятвы своих собратьев. Но мало-помалу в его голосе появилась уверенность.

Глава ордена Святого Видикона всмотрелся в полумрак, встретился взглядом с Родом и подмигнул ему.

Позади них, в аббатстве, монахи, глаза у которых покраснели от усталости, служили утреннюю мессу. А сверху, с неба, опускалось нечто темное, огромное и по мере приближения к полю становилось все больше и больше.

На несколько шагов впереди стоял бывший аббат. Запрокинув голову, он неотрывно смотрел на совершающий посадку звездолет.

— О, не волнуйтесь, — сказал Роду Мак Ги. — Он знает, что это такое. Вы забываете о том, лорд Чародей, что монахи нашего ордена всегда свято сохраняли познания в области техники.

— Да нет, я помню об этом, — возразил Род. — Только этот бедолага, по-моему, еще сильнее напуган из-за того, что понимает, каким видом транспорта его увезут отсюда.

— А я верю в этого человека настолько, что не сомневаюсь: он будет рад возможности провести остаток жизни в молитвах.

— Еще бы ему не радоваться, — язвительно буркнул Род. — Подумать только: сколько несчастий он породил,

позволив своим монахам заниматься созданием призраков и чудовищ, какое смятение он посеял в душах людей, заставив их усомниться в истинности Церкви, сколько смертей могло оказаться на его совести! А все из-за того, что религия — такой верный путь к власти!

— У вас есть все причины для таких рассуждений, — согласился Мак Ги. — Но прошу вас, лорд Чародей, не забывайте о том, что все это натворила не вера сама по себе, а тот человек, который использовал веру ради своих мирских целей!

— Ну ладно, хорошо. Религия сама по себе, в чистом виде, не виновата, — пошел на уступку Род. — Но единственный способ уберечь ее от того, что принято называть «обмирщением», святой отец, состоит в том, чтобы ограничить религию сводом верований в отсутствие особых мест для встреч адептов.

— Вера без Церкви? — Мак Ги покачал головой и улыбнулся. — Это очень древний довод, лорд Чародей, — мысль о том, что религия хороша только до тех пор, пока она неорганизована.

— Может быть, этот довод и древний, но я ни разу не слышал о том, чтобы он был окончательно и бесповоротно опровергнут. Как только к религии примешивается организация, святой отец, она превращается в мяч на игровом поле. Она уже больше не может быть судьей, и на нее уже больше нельзя рассчитывать как на свод правил.

Плечи Мак Ги затряслись от сдержанного смеха.

— Так вы решили взглянуть на веру как на вид спорта? Что ж, тогда я скажу так: у любителей в этой игре может быть намного больше ошибок, чем у профессионалов, лорд Чародей. И все же, даже если согласиться со справедливостью ваших выводов, я не думаю, что можно совсем избежать организационных вопросов в деятельности Церкви. Бывали такие секты — к примеру, даосы и

методисты, — которые начинали свою деятельность с идеи о том, что никакие священники, никакая церковная иерархия не нужны, но впоследствии и у них появилось и то, и другое.

— Вероятно, вы правы, — признал Род. — Рано или поздно кто-то обязательно попытается зарабатывать религией на жизнь.

— Я бы не стал это так называть, — нахмурился Мак Ги. — Пожалуй, будет более точно сказать, что люди, обураваемые страстями, всегда будут искать руководителя, учителя, который может ответить на их вопросы в рамках исповедуемой ими религии. И потому нужда в священниках будет существовать всегда.

— Это не может быть истиной только потому, что это неизбежно, — возразил Род. — Средний человек будет всегда испытывать желание переложить свою совесть, ответственность за свою жизнь на кого-то другого. Очень немногие готовы взвалить ношу ответственности на собственные плечи, святой отец.

— О, вот как? — Только теперь в голосе отца Мак Ги послышались первые нотки раздражения. — Ну и как лично у вас с ответственностью и с совестью, лорд Чародей?

— Держусь пока. Не сказал бы, что это слишком приятно, но все же, как правило, мне удастся пережить самые тяжелые моменты самостоятельно. Но, что уж греха таить, жизнь у меня замечательная...

— И вам никогда не хотелось, чтобы вами руководил профессионал в области религии? Вы не искали такого... тренера?

— Искать — нет, не искал. Но частенько такие люди возникают на моем пути сами.

— И как вы поступаете, если обнаруживаете, что совершили нечто неправильное — такое, что уже непоправимо?

— Вы хотите спросить: бывает ли у меня желание покаяться? — Род устало улыбнулся. — Только на Пасхальной неделе, святой отец. Я по-прежнему считаю, что исповедь — это возможность для Церкви осуществлять контроль над мыслями людей. Но я действительно порой исповедовался, но еще чаще поблизости не оказывалось священника, и тогда я приносил Господу извинения лично. Ну и конечно, когда я в конце концов добирался до священника, исповедь получалась долгой. Вероятно, она была ни к чему, но ведь и вреда от этого нет никакого. Никогда не вредно получить страховку на загробную жизнь.

— Для того чтобы исповеди не получались долгими, следует всего лишь чаще навещать исповедальню. Вы в последнее время там бывали?

— Нет, святой отец. Смертных грехов я со времени последней исповеди не совершил.

Отец Мак Ги вспомнил о поведении Рода за время их знакомства, о том, как Верховный Чародей дрался, какие придумывал обманные маневры, и задумался о том, а какие же поступки этот человек относит к категории смертных грехов.

— А надо бы все же исповедоваться. Это полезно для души.

— Для чьей, святой отец? Для вашей души или для моей?

Род закрыл глаза, откинулся на спинку кресла и выпустил долгий вздох облегчения.

— Да, любовь моя. Теперь все позади. — Гвен устроилась на подлокотнике рядом с мужем и погладила его по голове. — Быть может, в будущем отец Мак Ги будет уделять нам больше внимания.

Род насторожился:

— Я ждал, что ты так скажешь...

Гвен широко раскрыла глаза:

— А ты разве этого не хочешь?

— Только до тех пор, покуда он не начнет давить на Грамерай, пользуясь своим положением.

— Нет! Отец Мак Ги порядочный и духовный человек!

— О да, но даже самый хороший человек способен впасть в искушение, что доказал наш бывший архиепископ. Нет, ты не думай, я не слишком сильно переживаю из-за Мак Ги. Он-то как раз из порядочных людей. Но лет через десять у него появится преемник — и не сказал бы, что я жду этого с нетерпением.

Гвен нахмурилась:

— Главе ордена не под силу совершить дурные дела, если только его монахи не обнаружат своих познаний о чудесных машинах.

— Это утешает, верно. Но они и без этого способны много чего натворить.

В это мгновение приотворилась дверь спальни, и на пороге возникло маленькое видение в длинной ночной рубаше. Грегори направился к ведру с водой, попил и намерился вернуться в спальню.

Род встал и поймал сына на полпути. Малыш радостно хихикнул, стал не слишком старательно отбиваться. Наконец Род усадил его к себе на колени.

— Вроде бы ты должен был уже спать, а?

— А мне пить захотелось, папочка. Жажда замучила.

— И ты хотел только воды? Только такая у тебя жажда? Ну ладно.

Грегори смутился и проговорил серьезно:

— В том, чтобы жаждать благодати, нет ничего дурного, папочка.

— Верно, — кивнул Род, хотя от этих взрослых слов семилетнего ребенка по спине у него побежали мурашки. — Вот только вряд ли ты обретишь благодать, если будешь шастать на цыпочках посреди ночи.

Грегори улыбнулся:

— Правда, папа. А вот наука может принести человеку благодать. И отец Мак Ги был прав. Мое призвание — наука, а не монашеский орден.

Мурашки исчезли, как будто их и не было. Роду показалось, что он сейчас упадет в обморок от счастья.

— Ну вот. Я же сказал, что он *хороший* человек. Ну а как насчет компании?

— Так он же сказал: у меня будет компания. Другие ученые.

Род от изумления вытаращил глаза. Смысл сказанного Грегори дошел до него, и его губы расплылись в усмешке.

— Ну конечно, конечно, а как же иначе? Грамерайский университет... — Он опустил сына на пол, развернул к двери, ведущей в спальню, и любовно подшлепнул. — Ну все, хватит разговоров. Давай-ка быстренько в кроватьку и спать. Мечты — хорошее дело, но и сны — неплохое.

Грегори театрально зевнул и вприпрыжку побежал в спальню.

Как только за ним захлопнулась дверь, Гвен посмотрела на Рода, взволнованно улыбаясь.

— Ну вот, видишь? Теперь ты можешь не бояться за него. Но все же... Разве это было бы так ужасно, если бы он стал священником?

— Да! Не потому, что в духовенстве самом по себе есть что-то плохое. Просто... у Грегори слишком вольнолюбивый ум для того, чтобы он был счастлив среди монахов.

Гвен от изумления широко распахнула глаза:

— И верно... Ум у него как раз такой — вольнолюбивый. И как я раньше этого не замечала?

— Ты не замечала этого только потому, что никогда не думала о том, что Церковь способна ограничить мышление человека. Но ты не одинока. Никому на этой планете такая мысль никогда не приходила в голову.

Гвен недоверчиво взглянула на мужа:

— А почему?

— Потому что никто из вас никогда не знал, что можно думать иначе. Вы выросли с убеждением в том, что на свете только одна Истина и что этой Истиной владеет Церковь.

— Да, это так и есть... — медленно протянула Гвен.

— Однако у этой Истины есть такие проявления, о которых Церковь пока не знает.

— Наверняка святые отцы получают такие познания в будущем!

— Несомненно. Точно так же, как они смирились с мыслью о существовании второй монашеской обители на Грамерае. — Род покачал головой. — Прости, милая. Просто я не в силах поверить в то, что Церковь обожает новые идеи.

— Но Раннимедская обитель сохранится! И новые идеи тоже!

— Да, но только из чувства сопротивления. И мне очень не хотелось бы, чтобы Грегори оказался между этими двумя мельничными жерновами.

— Верно, — не слишком охотно кивнула Гвен. — Но уж наверняка наша страна легче перенесет эти различия и эту новизну — теперь, когда у мятежных лордов отобрали часть земель и когда во владение вступили их сыновья.

— Пожалуй, — кивнул Род и задумчиво уставился на пламя в камине. — Тем самым ты мне ненавязчиво напомнила о наших новых обязанностях, дорогая?

— А как же иначе? — пожала плечами Гвен. — Разве бывают лорды без собственных владений?

— Но мне не нужна ответственность в виде нескольких десятков слуг!

— Почему нет? Ведь ты и так уже заботишься обо всем Грамерае! И кроме того, в наших новых землях есть замок.

— Угу. Угрюмая каменная громада, в которой никто не жил уже лет сто! Нет, ты уж меня прости, но мне вполне хватает нашего дома.

— Я очень старалась сделать наш дом уютным, — улыбнулась Гвен и, прижавшись щекой к макушке Рода, ласково обвила руками его шею. — Приятно будет приезжать сюда на лето...

— Приезжать... — Род запрокинул голову. — Послушай... А ведь Туану и Катарине будет труднее выцарапать нас оттуда, верно?

— Это точно, — с улыбкой ответила Гвен. — Разве тебе не спокойнее будет вдали от столицы, господин мой?

— А что? Может быть... — Род улыбнулся, опустил голову, внимательно и нежно посмотрел на Гвен. — Вот зачем ты мне так нужна, милая? Ты всегда умеешь во всем увидеть хорошее.

Гвен ответила ему улыбкой:

— И больше я тебе, господин мой, ни для чего не нужна?

— Да нет, почему же... — Род растрепал пышные волосы Гвен, обнял ее за шею, притянул к себе. — Как думаешь, дети уже крепко спят?

Взгляд Гвен на миг стал отстраненным, и она вновь улыбнулась и пробормотала:

— Очень крепко.

С этими словами она прижалась к Роду, и их губы слились в долгом целительном поцелуе.

Содержание

Пока чародея не было дома	5
Чародей-еретик	269

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким
издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс
«Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Сташеф Кристофер

Пока чародея не было дома Чародей-еретик

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство “Самарский Дом печати”
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Кристофер Сташеф — человек, который сумел сказать собственное — бесконечно оригинальное — слово там, где сделать это было уже практически невозможно. То есть — в жанре иронической фэнтези. В мире высоких замков, сильно нуждающихся в ремонте, прекрасных принцесс, из последних сил правящих разваливающимися по швам королевствами, обольстительных и веселых ведьмочек, гнусных до неправдоподобия монстров и — ЧАРОДЕЕВ ПОНЕВОЛЕ. Чародеев, чье единственное оружие в мире «меча и магии» — юмор, юмор и еще раз юмор!

Мы росли на саге о невероятных приключениях достославного сэра Рода Гэллоугласса.

Мы — выросли. Приключения — остались.

Мы никогда не сумеем вырасти из этих приключений!

«Скорость побега»
«Чародей поневоле»
«Король Кобольд»
«Очарованный чародей»

«Чародей в ярости»
«Чародей-странник»
«Пока чародея не было дома»
«Чародей-еретик»

ISBN 5-17-011073-1

9 785170 110735